ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ

Ф. ШЛОССЕРА.

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА

СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА.

ТОМЪ IX.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ІОСАФАТА ОГРИЗКО.

1863.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 октября 1863 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ ДЕВЯТАГО ТОМА.

ИСТОРІЯ НОВАГО ВРЕМЕНИ.

I. Исторія XV столѣтія съ подробнымъ изложеніемъ вліянія литературы.

ИСТОРІЯ НОВАГО ВРЕМЕНИ.

I. ИСТОРІЯ XV СТОЛѢТІЯ

СЪ ПОДРОБНЫМЪ ИЗЛОЖЕНІЕМЪ

ВЛІЯНІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВВЕДЕНІЕ

и

ОБЗОРЪ ПОЛОЖЕНІЯ ВОСТОКА ВЪ КОНЦѢ XIV СТОЛѢТІЯ.

Исторію XV столѣтія слѣдовало бы собственно начать исторіей Италіи, гдѣ въ то время, какъ теперь въ Англіи, процвѣтали новѣйшая наука, изящныя и полезныя искусства, ремесла, торговля и мореплаваніе. Ее можно бы начать и Германіей, потому что констанцскій и базельскій соборы подготовили реформацію, а гуситская война была началомъ религіозныхъ войнъ XVI столѣтія. Но по причинамъ, на которыя сейчасъ укажемъ, мы предпочитаемъ говорить сначала объ опасностяхъ, грозившихъ христіанству и цивилизаціи со стороны Востока. Мы начнемъ нашествіемъ турокъ и татарскихъ ордъ, потомъ перейдемъ къ Италіи, Германіи, Франціи, Англіи и Бельгіи и наконецъ къ Испаніи, Арагоніи и Неаполю, Исторію скандинавскихъ государствъ и Россіи мы свяжемъ, — на сколько это будетъ нужно для пониманія общаго хода событій, — съ исторіей XVI столѣтія. Придавая особенное значеніе связи литературнаго образованія съ прогрессивнымъ развитіемъ гражданской и политической жизни и взаимному ихъ отношенію, мы посвятимъ литературѣ гораздо бо́льшій отдѣлъ, чѣмъ это обыкновенно

дѣлаютъ. Говоря о литературѣ, историки приводятъ только общія мѣста; мы, напротивъ, разсмотримъ ея частности и особенности, не измѣняя однако основнаго характера нашей всемірной исторіи, предназначаемой не для спеціалистовъ, но для всѣхъ вообще образованныхъ людей.

Вслѣдствіе этого основнаго характера нашей исторіи, мы весьма поверхностно коснемся азіатскихъ народовъ, турокъ, грековъ и придунайскихъ земель. Наша цѣль прослѣдить шагъ за шагомъ прогрессивное развитіе европейскихъ народовъ, а не разсказывать варварскія и рыцарскія исторіи войнъ. Намъ кажется, что уже по одной этой причинѣ исторію XV столѣтія слѣдуетъ начать отдаленнымъ Востокомъ. Нашествіе турокъ и татаръ способствовало успѣху цивилизаціи въ Италіи, замедливъ его, напротивъ, въ Германіи. Завоеванія турокъ и опустошенія, производимыя татарами, заставили греческихъ ученыхъ и художниковъ всѣхъ восточныхъ странъ бѣжать въ Италію. Въ Германіи же императоры, нуждаясь въ папахъ для войнъ съ турками, не могли оказать энергической поддержки стремленію народа освободится въ церковныхъ дѣлахъ отъ римскаго гнета и невѣжества католическихъ монаховъ.

Прежде чѣмъ перейти къ исторіи османовъ, латинскихъ и греческихъ христіанъ восточной римской или византійской имперіи, необходимо еще разъ бросить бѣглый взглядъ на движеніе **татаръ и монголовъ**. Мы не станемъ повторять всѣхъ подробностей, но сдѣлаемъ только перечень важнѣйшихъ, выдающихся событій. Этотъ обзоръ объяснитъ намъ, почему турки могли основать въ Европѣ и Азіи новое цѣльное и сильное мухаммеданское государство, тогда какъ монголы и татары были страшны только какъ хищныя орды. Османы, составлявшіе, по своимъ религіознымъ понятіямъ и организаціи, военное государство, принадлежали къ одному племени; другія племена только присоединились къ нимъ и слились съ ними. Несмѣтныя орды монголовъ и татаръ напротивъ вернулись къ прежней жизни и разобщенности, когда умеръ вождь, соединившій ихъ и управлявшій ими.

Мы предполагаемъ извѣстнымъ, что турками и татарами называются племена кавказской расы, сходныя съ германскими племенами, что, напротивъ, монголы не имѣютъ съ послѣдними ничего общаго, ни по происхожденію, ни по наружности. Наши читатели должны также знать, что при Чингисъ-ханѣ и его преемникахъ, когда началось монгольское движеніе, и впослѣдствіи, во время войнъ Тимура, татарскія орды были усилены монголами; слѣдствіемъ монгольскихъ походовъ было основаніе татарскихъ и монгольскихъ государствъ. Говоря о туркахъ, мы будемъ подразумѣвать племена, образовавшія сельджукское царство, или же дикихъ и грубыхъ, но воинственныхъ и храбрыхъ туркомановъ. Въ VII т. подробно разсказано, какъ, къ началу XIII столѣтія, Темучинъ, князь одной изъ монгольскихъ ордъ Алтайскихъ горъ, въ верхней Азіи, соединивъ подъ своимъ владычествомъ всѣхъ номадовъ, кочевавшихъ къ югу отъ Байкальскаго озера, провозгласилъ себя Чингисъ-ханомъ. Онъ подчинилъ себѣ татаръ и сѣверную часть Китая, до Желтой рѣки, прежде чѣмъ устремился съ своими ордами на сѣверо-западъ и юго-западъ, гдѣ встрѣтился съ тюркско-татарскими племенами. Историкъ Чингисъ-хана называетъ ихъ туркоманами, что по персидски означаетъ людей, похожихъ на турокъ. Эти племена были увлечены монголами. Двинувшись затѣмъ по направленію къ сѣверу, Чингисъ-ханъ вытѣснилъ тюркскія племена печенѣговъ (канкали или канкли), обитавшія на востокъ отъ Яика (т. VII. стр. 213). Такая же участь постигла и племена Кипчака, у Каспійскаго моря. Война съ печенѣгами привела монголовъ въ столкновеніе съ Мухаммедомъ III, шахомъ Ховарезміи, въ Персіи. Ховарезмійскіе шахи, страшные своимъ врагамъ наемными турецкими войсками, славились даже въ Европѣ покровительствомъ литературѣ, искусству, поэзіи, наукѣ и образованію (т. VII. стр. 209). Отецъ Мухаммеда, Такашъ, былъ женатъ на дочери хана одной отрасли печенѣговъ, Турканъ Хатуни, знаменитой амазонкѣ и геніальной правительницѣ. Она привлекла въ Персію орды туркомановъ и печенѣговъ и племена огузскихъ

турокъ, къ которымъ принадлежатъ османы; съ ихъ помощью Мухаммедъ основалъ знаменитое ховарезмійское царство. Эти дикія и грубыя племена были грозою не только багдадскихъ халифовъ, но и самихъ султановъ. Въ царствованіе своего сына Турканъ Хатунь, почитаемая тюркскими племенами, какъ дочь одного изъ ихъ хановъ, пользовалась необыкновеннымъ на Востокѣ вліяніемъ въ управленіи. Мухаммедъ отдавалъ ей въ покоряемыхъ странахъ цѣлыя провинціи; у ней было свое министерство изъ семи человѣкъ; ея тугра или монограмма, собственноручно надписываемая на всѣхъ повелѣніяхъ, состояла изъ словъ: „Покровительница міра и религіи, княгиня турокъ, повелительница всей вселенной,“ а девизомъ было: „Милость божія мое прибѣжище.“ Она называла себя властительницею міра (Худавендъ-Джинханъ). Исторія Турканъ-Хатуни и ея сына разсказана въ VII т. (стр. 208). Мы прибавимъ только, что тюркскія племена были истреблены или увлечены монголами, подчинившими себѣ центральную Азію и опустошившими страну по ту сторону Окса (Джигунъ), Хорасанъ и всю Персію. Еще при Чингисъ-ханѣ монголы проникаютъ на юго-востокъ отъ Синда и на западъ отъ Евфрата, вторгаются въ Грузію (Георгію), наводняютъ Крымъ, опустошаютъ Россію и нападаютъ на болгаръ въ верховьяхъ Волги.

Въ VII т. было подробно изложено, какъ Чингисъ-ханъ, послѣ похода на западъ, снова обратился противъ Китая и покорилъ западныя его провинціи, и какъ монголы, при первыхъ его преемникахъ, утвердились къ сѣверу отъ Каспійскаго моря, Кавказа и Чернаго моря и опустошили Россію. При Тимурѣ повторилось нашествіе на Россію, и татары основали кипчакское и казанское царства. Монголы проникли даже въ Польшу и Венгрію, покорили страны по Тигру и Евфрату, Арменію, Грузію и Малую Азію, разрушили столицу халифовъ Багдадъ, завоевали наконецъ весь Китай, заняли Тибетъ и часть Индіи по ту сторону Ганга. Такимъ образомъ, черезъ полстолѣтія по смерти Чингисъ-хана потомки его уже владычествовали надъ большею частью Азіи. Они распались

на четыре династіи: императоры одной изъ нихъ, жившіе въ нынѣшнемъ Пекинѣ, считались верховными повелителями императоровъ остальныхъ династій, получившихъ свои владѣнія, какъ лены, отъ пекинскаго императора (т. VII. стр. 229). По знаменитому уложенію Чингисъ-хана, въ происшедшихъ отъ него династіяхъ не существовало права первородства, но, по смерти одного изъ четырехъ императоровъ, всѣ князья, потомки Чингисъ-хана, должны были съѣзжаться для избранія изъ своей среды новаго императора. Это постановленіе, невыполнимое даже на Западѣ, было источникомъ нескончаемыхъ войнъ. Съ теченіемъ времени развелось безконечное множество князей, каждый владѣлъ значительной территоріей, содержалъ наемниковъ или былъ въ союзѣ съ воинственными номадами пустыни. Смерть одного изъ императоровъ вызывала обыкновенно всеобщую войну. Князья ополчались и вели войны между собой и съ императорами. Исторія потомковъ двухъ старшихъ сыновей Чингисъ-хана, Чагатая и Чучи, наполнена исключительно разсказами о кровопролитныхъ войнахъ претендентовъ на престолъ. Среди этой борьбы одна изъ династій погибла въ половинѣ XIV столѣтія, другая была уничтожена въ концѣ XV вѣка. Около 1336 г. анархическія волненія повели за собой паденіе потомковъ Чингисъ-хана и въ Персіи. Изъ Китая они были выгнаны въ 1370 г., и потомкамъ монгольскаго завоевателя осталось подъ конецъ только владычество надъ номадами и ордами средней Азіи.

Еще задолго до паденія царствъ, основанныхъ Чингисъ-ханомъ и его сыновьями, племена кавказскаго происхожденія и наружности, названныя нами въ предъидущихъ томахъ **татарами** и **турками**, свергли иго монгольскихъ ордъ, походившихъ болѣе на дикихъ звѣрей, чѣмъ на людей. Сельджукскіе и османскіе турки и другія племена вели войны съ христіанами въ Малой Азіи; такъ называемые мамелюки, т. е. купленные и обращенные въ солдатъ турки, татары и другіе кавказцы, владычествовали въ Египтѣ, а оттуда перешли въ Сирію (т. VII. стр. 230), гдѣ впослѣдствіи встрѣтились съ **османскими турками**. Говоря о предпріятіяхъ

Чингисъ - хана противъ Персіи, мы упоминали объ этихъ туркахъ, называя ихъ огузами или огурами. Одна орда огузовъ, приблизительно въ 50,000 ч., искала убѣжища въ верхней Арменіи. Во время преслѣдованья предводитель ея Солиманъ утонулъ въ рѣкѣ, а его сыновья стали искать, по турецкому обычаю, возможности служить оружіемъ исламу. Только одинъ изъ нихъ, Эртогрулъ, пріобрѣлъ, какъ основатель османской имперіи, всемірно-историческое значеніе. Съ толпою послѣдовавшихъ за нимъ турокъ Эртогрулъ поддерживалъ сельджукскаго султана Алаэддина, одного изъ многочисленныхъ мелкихъ турецкихъ князей, постоянно воевавшихъ съ малоазійскими христіанами и между собою. Въ награду за оказанныя услуги онъ получилъ въ ленъ владѣніе въ ангорской области, скоро достигъ независимости, распространилъ свое владычество далѣе на сѣверъ и создалъ страшную по своей дисциплинѣ и фанатизму конницу, увеличенную впослѣдствіи его сыномъ Османомъ и внукомъ Урханомъ. При Османѣ всѣ смѣлые турецкіе разбойники стремились въ завоеванную Эртогруломъ крѣпость Карагисаръ, сдѣлавшуюся столицею основаннаго имъ государства. Передъ греками, незаботившимися объ управленіи Малой Азіей, османы имѣли то преимущество, что ими предводительствовали талантливые и храбрые вожди, а мелкимъ турецкимъ князьямъ, лишеннымъ всякой организаціи, они были страшны дисциплиной и единствомъ. Раздѣленные и враждебные другъ другу, турецкіе князья Малой Азіи походили съ своими войсками на шайки разбойниковъ; османы, напротивъ, приняли мало по малу совершенно такую же организацію, какъ феодальное рыцарство. Султанъ Османъ роздалъ имъ завоеванныя земли почти на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ Вильгельмъ Завоеватель раздѣлилъ Англію между норманнскими рыцарями (т. VII. стр. 20). Опустошенія, производимыя другими тюркскими племенами на югѣ Малой Азіи и по западному ея прибрежью, и нерадѣніе греческихъ императоровъ о защитѣ Виѳиніи, облегчили османамъ завоеванія на сѣверѣ страны. Со времени изгнанія ла-

тинянъ изъ Константинополя Михаиломъ Палеологомъ и вторичнаго перенесенія туда столицы никейска гоцарства (т. VII. стр. 179) военныя силы византійской имперіи были окончательно истощены войнами въ Македоніи, Ѳракіи и собственной Греціи. Этимъ съумѣли воспользоваться предводители малоазійскихъ турокъ. Гаммеръ, изучавшій исторію османовъ по очень богатымъ турецкимъ источникамъ, нерѣдко буквально имъ цитируемыхъ, называетъ множество мелкихъ турецкихъ князей, отнявшихъ при Османѣ у грековъ города и провинціи въ юго-западной части Малой Азіи. По свидѣтельству византійскихъ историковъ, Кенхрея, Триполисъ на Меандрѣ, Сарды и Эфесъ были тогда завоеваны или совершенно разорены. Въ то время какъ другіе турки захватывали берега Эгейскаго моря, опустошали и грабили острова, османы направляли свои походы противъ Виѳиніи и дѣлали высадки на берегахъ Ѳракіи. Только три виѳинскіе города, Пруза, Никея и Никомедія, защищались болѣе четверти столѣтія, и одна Смирна держалась до времени Тимура; Филадельфія пала ранѣе. Столица Виѳиніи, укрѣпленная Пруза сдалась передъ самой смертью Османа (1326 г.) и сдѣлалась съ тѣхъ поръ главнымъ городомъ новаго османскаго царства. Урханъ, пошедшій по стопамъ отца, покорилъ Никею и Никомедію, овладѣлъ всей Виѳиніей и Пафлагоніей, и наконецъ сталъ твердой ногой въ Европѣ. Его разбойническія шайки заняли 1357 г. Херсонесъ Ѳракійскій и находящееся близь него прибрежье, на востокъ до Родосто, на западъ вверхъ по Марицѣ до Ипсалы, и на сѣверъ до области Чорли и Гіераболи. Старшій сынъ Урхана, Солиманъ, отправившись въ новопокоренныя страны намѣстникомъ отца, никогда не пріѣзжавщаго въ Европу, избралъ своей столицей Каллиполь или Галлиполи, тогда еще одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ распадавшейся византійской имперіи и важнѣйшій торговый рынокъ морскаго прибрежья. Солиманъ умеръ прежде отца; Урхану наслѣдовалъ его второй сынъ, Мурадъ I. О Мурадѣ и его преемникахъ было уже разсказано въ

VIII т. всемірной исторіи (стр. 546); но здѣсь снова нужно вернуться къ его исторіи. Прежде мы говорили только объ отношеніяхъ турокъ къ Венгріи и къ исторіи короля Сигизмунда, теперь скажемъ о предпріятіяхъ ихъ противъ христіанской константинопольской имперіи.

I. ТУРЕЦКАЯ И ВИЗАНТІЙСКАЯ ИСТОРІЯ

ДО ЗАВОЕВАНІЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

---

1. Византійская имперія до занятія Галлиполи османами.

Не смотря на совершенное вырожденіе историческаго характера грековъ, угасаніе греческой науки и исчезновеніе искусства, древняя цивилизація и въ особенности древняя литература, сохраняли еще могущественное вліяніе въ древней столицѣ греческой имперіи, даже во времена военнаго владычества латинянъ. Наука и искусство вновь зацвѣли, когда Михаилъ Палеологъ перенесъ столицу имперіи въ Константинополь. Венеціанцы и генуезцы, составлявшіе въ предмѣстьяхъ Константинополя независимыя государства, владѣвшіе въ Греціи многими колоніями и торговавшіе въ Крыму, по всему восточному берегу Чернаго моря, а оттуда, какъ доказываютъ путешествія Марко Поло, вплоть до Китая и Индіи, распространяли на Западѣ византійское искусство и греческую ученость. Это заставляетъ насъ нѣсколько остановиться на далеко незанимательной исторіи императоровъ, слѣдовавшихъ за Михаиломъ Палеологомъ. Въ царствованіе Михаила (т. VII. стр. 178), въ Этоліи, Эпирѣ и Ѳессаліи, владычествовали два независимые греческіе князя; они признавали его императорскій титулъ и называли себя деспотами (despotae). Царствовавшій въ

Трапезунтѣ домъ не признавалъ Михаила законнымъ императоромъ. Съ остававшимися еще въ Византіи латинянами, Михаилъ велъ постоянную войну. Все это заставляло его содержать цѣлую толпу наемныхъ славянъ, болгаръ и турокъ, смотрѣвшихъ на войну, какъ на ремесло. Фалльмерайеръ въ своей исторіи Мореи держится того мнѣнія, что Михаилъ вытѣснилъ бы франковъ изъ Мореи, не смотря на множество построенныхъ ими тамъ почти недоступныхъ замковъ, если бы не началъ въ то же время войны съ деспотомъ Арты и съ баронами, владычествовавшими въ Новомъ-Патрасѣ, Аѳинахъ и Эпирѣ, и не стремился къ завоеванію острововъ Эгейскаго моря. Ему дѣйствительно удалось выгнать латинянъ изъ Хіоса, Лесбоса, Родоса и нѣкоторыхъ другихъ острововъ. Онъ покровительствовалъ пизанцамъ и генуезцамъ, а потому венеціанцы и папа поддерживали потомка анжуйскаго дома, претендовавшаго на права изгнаннаго латинскаго императора Бальдуина. Чтобы отклонить готовившійся противъ него крестовый походъ, Михаилъ старался расположить въ свою пользу папу, сдѣлавъ видъ, что хочетъ ввести въ греческой имперіи латинское богослуженіе. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣли и греки и самъ папа на предложеніе признать папу верховнымъ владыкою и на Востокѣ, сдѣланное по порученію императора на церковномъ соборѣ западнаго духовенства. Греки не высказывали особенно упорнаго сопротивленія, пока рѣчь шла объ упоминовеніи при богослуженіи имени папы вмѣстѣ съ именами четырехъ патріарховъ, о первенствѣ главы римской церкви и о дозволеніи аппеллировать къ нему. Все это касалось только патріарха Іосифа. Иной оборотъ принялъ вопросъ, когда къ словамъ „иже отъ отца исходящій“ (духъ святой) хотѣли прибавить „отъ отца и сына“ (Символъ вѣры); послѣднія два слова (filioque) возбудили страшное волненіе. Папа, вѣроятно подозрѣвая, что Михаилъ хочетъ только остановить походъ, приготовляемый латинскимъ рыцарствомъ для поддержанія претендента, не удовольствовался согласіемъ на три упомянутыя статьи. Въ исторіи Никифора Григоріанскаго, (Nicephorus Gregoras) императоръ отзывается о

духовенствѣ въ такихъ выраженіяхъ, которыя очевидно доказываютъ, что оно и слышать не хотѣло о подчиненіи папѣ. Положеніе Михаила сдѣлалось очень затруднительнымъ, когда папскій легатъ явился съ новыми требованіями. Самъ онъ готовъ былъ сдержать данное обѣщаніе, но духовенство и народъ отказывались повиноваться ему въ дѣлахъ вѣры и обрядовъ. Возникли споры и преслѣдованія, и Михаилъ до самой смерти (1282 г.) велъ съ своими подданными болѣе ожесточенную борьбу, чѣмъ съ турками, приближавшимися къ Константинополю. Независимые греческіе деспоты въ Этоліи, Эпирѣ и Ѳессаліи, владѣтель Трапезунта, снова принявшій императорскій титулъ, и даже латинскіе бароны, владычествовавшіе еще на островѣ Негропонтѣ, въ Ѳивахъ, Аѳинахъ и Пелопоннесѣ, приняли сторону грековъ, преслѣдуемыхъ императоромъ изъ угожденія папѣ. Духовенство проклинало его, полководцы измѣняли. Почти всѣ женщины императорской фамиліи покровительствовали народной партіи, возстававшей противъ подчиненія папѣ. Михаилъ жестоко наказывалъ подданныхъ, не соглашавшихся признать, что св. духъ исходитъ равно отъ сына, какъ и отъ отца. Вражда дошла до того, что греческое духовенство предало императора анаѳемѣ; папа также отлучилъ его отъ своей церкви за неисполненіе даннаго обѣщанія. Михаилъ такъ и умеръ отлученнымъ отъ обѣихъ церквей. Ненависть греческихъ патріарховъ къ еретику была такъ сильна, что сынъ и преемникъ Михаила долженъ былъ, еще до вступленія на престолъ, отказаться отъ его принциповъ и, не смѣя похоронить отца въ Константинополѣ, отправилъ тѣло его въ Селимбрію.

Сынъ и преемникъ Михаила, Андроникъ Старшій, былъ, какъ почти всѣ послѣдніе византійскіе императоры, философомъ, филологомъ и преимущественно богословомъ. Погруженный въ книги, онъ предоставлялъ государственныя дѣла другимъ, а самъ занимался исключительно спорами константинопольскаго духовенства. Въ его царствованіе острова и берега Средиземнаго моря становятся цѣлью предпріятій такъ называемыхъ каталонцевъ

(т. VIII. стр. 107), т. е. рыцарскихъ шаекъ, участвовавшихъ во внутреннихъ войнахъ Испаніи и служившихъ наемниками (condottieri), во время войнъ между Англіей и Франціей; орденъ іоаннитовъ, поселившись, по изгнаніи христіанъ изъ Палестины, на островѣ Кипрѣ, дѣлаетъ изъ Родоса оплотъ христіанскаго міра противъ мухаммеданъ; турки завладѣваютъ многими островами и различными пунктами морскаго прибрежья и, отъ времени до времени, предпринимаютъ опустошительные набѣги внутрь страны. Когда іоанниты захотѣли отдѣлиться отъ короля кипрскаго, островъ Родосъ былъ раздѣленъ между греками и турками. Гроссмейстеръ ордена Фулькъ де Вилларе отправился во Францію звать рыцарей на помощь, а оттуда поѣхалъ въ Римъ, чтобы просить папу поддержать деньгами войну за вѣру. Папа далъ 90 тысячъ золотыхъ флориновъ; греческому императору было предложено денежное вознагражденіе и признаніе его леннымъ владѣтелемъ острова. Андроникъ не соглашался на подобную сдѣлку и выслалъ противъ рыцарей войско и флотъ. Вилларе напалъ на грековъ, разбилъ ихъ и завоевалъ сначала главный городъ (августъ 1310 г.), а потомъ и весь островъ, сдѣлавшійся съ тѣхъ поръ собственностью ордена.

Даровавъ императорскіе титулы своему сыну Михаилу II и его сыну Андронику Младшему, Андроникъ Старшій гордился тѣмъ, что онъ первое лицо въ числѣ трехъ императоровъ. Но еще передъ смертью Михаила II, Андроникъ Старшій поссорился съ внукомъ и, кажется, хотѣлъ совершенно удалить его отъ наслѣдія (октябрь 1320 г.). Онъ возвысилъ тогда другаго внука, Константина, и объявилъ будущимъ наслѣдникомъ его побочнаго сына, Михаила, лишеннаго, по словамъ не только Іоанна Кантакузена, но даже Никифора Григоріанскаго, всякихъ способностей и дарованій. Мать Михаила была еретичка и потому ему дали презрительное названіе Каѳара. Сладострастный, преданный удовольствіямъ Андроникъ Младшій не имѣлъ ни ума для управленія государствомъ, ни энергіи и мужества для возстанія. Но имъ руководили два

человѣка: ученый придворный Іоаннъ Кантакузенъ и Сиргіаннъ, пользовавшійся вліяніемъ у славянъ и болгаръ, находившихся въ греческой службѣ; они возбудили въ Андроникѣ злобу къ дѣду и впослѣдствіи оказали ему большія услуги. Іоаннъ Кантакузенъ описалъ исторію своего времени и преимущественно свою собственную въ толстой, ученой и софистической книгѣ. Его сочиненіе чрезвычайно сходно съ исторіями Наполеона и французской имперіи, написанными какими нибудь Тьерами и ему подобными господами, т. е. Іоаннъ вездѣ выставляетъ себя и свою партію въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Между греческимъ историкомъ и французами, о которыхъ мы говоримъ, конечно, существуетъ та разница, что Іоаннъ Кантакузенъ глубоко ученъ, но скученъ, французы, напротивъ, неучи, но разсказываютъ занимательно. Сиргіаннъ былъ человѣкъ способный и практическій, но безъ совѣсти и чести; такъ, по крайней мѣрѣ, описываетъ его современникъ, историкъ Никифоръ Григоріанскій, отличный представитель тогдашняго времени, наполняющій цѣлыя страницы своей исторіи подробными разсказами о женщинахъ и духовныхъ и всѣхъ ихъ интригахъ. По женской линіи Сиргіаннъ принадлежалъ къ императорскому дому, а по мужской былъ половецъ (куманинъ) и соединялъ въ себѣ хитрость грека съ грубостью и коварствомъ половца. Занимая при старомъ императорѣ высшія должности, онъ два раза измѣнялъ ему, былъ посаженъ въ темницу и освобожденъ только по мольбамъ своей матери. Получивъ отъ Андроника Старшаго порученіе слѣдить за Андроникомъ Младшимъ, Сиргіаннъ, напротивъ, старался возстановить внука противъ дѣда. Ему помогалъ Іоаннъ Кантакузенъ, уговаривавшій своего друга, Андроника Младшаго, заставить дѣда приказать греческимъ вельможамъ присягнуть ему; но старый императоръ запретилъ присягать внуку, когда умеръ его отецъ. Совѣтники Андроника Младшаго, совершенно отдавшагося въ ихъ руки, раздѣлили между собой роли: Сиргіаннъ остался на Дунаѣ, подъ предлогомъ формированія войска для защиты отъ нападенія варваровъ, жившихъ на сѣверъ рѣки, а Кан-

такузенъ отправился въ Галлиполи, сносясь оттуда съ молодымъ императоромъ и Сиргіаніомъ. Синаденъ, протостраторъ или главный командиръ конницы, пользовавшійся большимъ вліяніемъ въ Адріанополѣ, сдѣлался также участникомъ заговора; за цѣль его они выдавали только желаніе защитить Андроника Младшаго отъ недостойнаго сына еретички. Заговорщики собрались въ Константинополѣ и склонили на свою сторону краля сербскаго. Разсказывая въ подробностяхъ всѣ эти исторіи, хитрый Кантакузенъ выдаетъ себя за истиннаго патріота и хвалится тѣмъ, что съ большимъ трудомъ остановилъ тогда Сиргіанна отъ открытаго возстанія. Историкъ утверждаетъ однако, что онъ и другіе заговорщики смѣло приняли сторону молодаго императора, когда дѣдъ потребовалъ его къ суду. Старый императоръ испугался и хотѣлъ сначала удалить изъ столицы обоихъ предводителей заговора, чтобы безъ нихъ отмстить внуку; но Кантакузенъ и Сиргіаннъ убѣдили Андроника Младшаго отправиться съ ними въ Адріанополь (на святой 1321 г.). Съ этой минуты въ несчастной странѣ, опустошаемой и разоряемой турками, латинянами, болгарами, куманами (половцами) и славянами различныхъ племенъ и отраслей, являются на незначительномъ разстояніи два враждебные двора, два войска и два императора. Который изъ двухъ императоровъ былъ хуже, трудно сказать. Панегирикамъ Кантакузена Андронику Младшему нельзя вѣрить, потому что историкъ хотѣлъ управлять имперіей именемъ развратника; слова защитника Андроника Старшаго, Никифора Григоріанскаго, старающагося возвысить стараго императора и унизить молодаго, также очень подозрительны. Исторія обоихъ императоровъ доказываетъ, что оба они нисколько не заботились о государствѣ, предоставляя защиту его наемнымъ варварамъ, отъ которыхъ сами не были въ безопасности въ своей столицѣ, но которыми Іоаннъ Кантакузенъ и Сиргіаннъ умѣли искуснѣе пользоваться, чѣмъ ученые совѣтники стараго императора. Вскорѣ по примиреніи съ внукомъ Андроникъ Старшій принужденъ былъ согласиться на формальный раздѣлъ распадавшейся имперіи. Со

времени этого дѣлежа туркамъ былъ открытъ доступъ внутрь раздробленной византійской имперіи, опустошаемой славянами, болгарами и половцами. Константинополь съ немногими принадлежавшими еще къ нему островами, города Малой Азіи, отстаивавшіе, какъ Филадельфія и Смирна, свою независимость отъ турокъ, Македонія и страна на востокъ отъ нея до Дураццо остались за старымъ императоромъ; Адріанополь, владѣнія на югъ и сѣверъ отъ него и Ѳракія, отъ Филиппополя до сѣверныхъ границъ имперіи, достались Андронику Младшему. Но лишь только дѣлежъ былъ покончень, какъ возникли новыя несогласія. Сиргіаннъ сталъ интриговать противъ Іоанна Кантакузена, отправился въ Константинополь и сманилъ на сторону Андроника Старшаго сербскаго краля. Молодой императоръ появился тогда съ толпою грубыхъ наемниковъ предъ Константинополемъ, но зимніе холода принудили его снять осаду города.

Въ слѣдующемъ году Іоаннъ Кантакузенъ повелъ войну счастливѣе. Онъ завладѣлъ многими небольшими городами, взялъ Селимбрію и, призванный на помощь жителями Лемноса, выгналъ османовъ съ этого острова. Положеніе Андроника Старшаго было очень затруднительно, когда войска молодаго императора подступили къ Константинополю; Сиргіаннъ, поспѣшившій изъ Перинфа, не имѣлъ достаточно конницы, а турки, составлявшіе большую часть гарнизона, не хотѣли болѣе оставаться въ городѣ. О переговорахъ, начавшихся тогда между дѣдомъ и внукомъ, Никифоръ Григоріанскій и Іоаннъ Контакузенъ разсказываютъ совершенно различно. Въ своей исторіи Кантакузенъ представляетъ Андроника Младшаго сантиментальнымъ, добродѣтельнымъ героемъ, готовымъ пожертвовать всѣмъ изъ уваженія къ старику дѣду, заставляетъ его говорить длинныя рѣчи и выводитъ на сцену женщинъ. Не останавливаясь на этихъ подробностяхъ, не имѣющихъ для насъ никакой важности, скажемъ только о результатѣ переговоровъ. Андроникъ Младшій сохранилъ за собою доходы и управленіе владѣніями, отданными ему по первому раздѣлу,

предоставивъ по имени высшее управленіе старому императору, обѣщавшему за то внуку короновать его и дозволить ему жить въ столицѣ. По примиреніи съ дѣдомъ, Андроникъ Младшій предпринялъ походъ противъ болгаръ и, возвратившись побѣдителемъ въ Константинополь, былъ торжественно коронованъ (въ февралѣ 1325 г.). Жертвою примиренія сдѣлался Сиргіаннъ, обвиненный въ заговорѣ и приговоренный, не судомъ, а старикомъ императоромъ, на пожизненное заключеніе въ цѣпяхъ; впослѣдствіи однако онъ былъ освобожденъ.

Во всѣхъ концахъ имперіи обнаруживались явные признаки разложенія. Болгары завладѣли Филиппополемъ; Ѳракію опустошали попеременно то болгары и славяне, то татарскія орды на Днѣстрѣ и Прутѣ, и Андроникъ Младшій почти не смѣлъ выходить изъ укрѣпленной Дидимотики. Въ это несчастное для раздробленной имперіи время османы завоевали Виѳинію и пала долго осаждаемая ими Пруза, сдѣлавшаяся съ тѣхъ поръ столицею османскаго султана. Дружественныя сношенія Андроника Младшаго съ болгарскимъ царемъ Михаиломъ были, какъ кажется, причиною новаго раздора между дѣдомъ и внукомъ. Болгарскій царь глубоко оскорбилъ сербскаго краля, женившись не на его сестрѣ, а на Ѳеодорѣ Палеологъ, сестрѣ Андроника Младшаго. Этотъ бракъ, отдаливъ сербскаго краля отъ молодаго императора, приблизилъ его къ старому и повелъ за собой союзъ болгарскаго царя съ Андроникомъ Младшимъ. Противъ молодаго императора былъ начатъ формальный процессъ и его потребовали въ Константинополь. Сопровождаемый Іоанномъ Кантакузеномъ и Синаденомъ, сдѣлавшимся руководителемъ молодаго императора со времени его перваго отпаденія, Андроникъ Младшій отправился изъ Дидимотики въ Селимбрію, а оттуда въ Константинополь; но дѣдъ не велѣлъ пускать его въ городъ (октябрь 1327 г.). Іоаннъ Кантакузенъ и въ этомъ случаѣ выставляетъ внука совершенно невиннымъ, исполненнымъ глубокаго уваженія къ старику дѣду. Никифоръ Григоріанскій, напротивъ, утверждаетъ, что Іоаннъ Кантакузенъ и Си-

наденъ хотѣли свергнуть Андроника Старшаго и для совѣщаній пригласили даже въ Дидимотику зятя молодаго императора, болгарскаго царя; узнавъ чрезъ одного перебѣжчика о намѣреніяхъ внука и о захватѣ имъ всѣхъ государственныхъ суммъ, старый императоръ запретилъ ему являться въ Константинополь. Разсказъ Никифора болѣе правдоподобенъ, а то, что говоритъ Кантакузенъ, уже тогда старавшійся пронырствомъ достигнуть престола, служитъ только доказательствомъ его гнуснаго лицемѣрія. Весь характеръ этого человѣка, описывающаго съ такими риторическими прикрасами современныя ему событія, выказался впослѣдствіи въ обращеніи съ Андроникомъ Старшимъ: старика сначала очень осторожно лишили всякаго значенія, потомъ поставили въ безпомощное положеніе, и наконецъ заперли въ монастырь, гдѣ съ нимъ обращались весьма жестоко. Таковъ былъ исходъ этого дѣла, происходившаго слѣдующимъ образомъ.

Когда молодой императоръ выступилъ противъ Константинополя (1328 г.), Андроникъ Старшій выставилъ передъ городомъ войско наемниковъ; не рѣшаясь аттаковать его, Андроникъ Младшій двинулся въ Македонію. Въ Ѳессалоникахъ и Эдессѣ, древнихъ Эгахъ, онъ былъ встрѣченъ дружелюбно. Подкупленный деньгами, краль не прислалъ Андронику Старшему обѣщанной помощи. Наемники, защищавшіе Константинополь, были разбиты Синаденомъ при рѣкѣ Меласѣ; появленію болгарскаго царя, снова привлеченнаго на сторону Андроника Старшаго, постарался помѣшать Кантакузенъ быстрымъ движеніемъ изъ Македоніи во Ѳракію, чтобы достигнуть Константинополя прежде болгарскаго войска, предводительствуемаго русскимъ. Этотъ маневръ удался, и подкупленный болгарскій царь вернулся въ Болгарію. Въ то же время Константинополю грозила опасность и съ моря отъ генуезцевъ и венеціанцевъ, начавшихъ между собой войну. Грекамъ пришлось почувствовать всю тягость войны двухъ республикъ, владѣвшихъ значительными колоніями въ Константинополѣ и по всему морскому прибрежью. Дѣйствительно, когда Андроникъ Младшій осадилъ городъ съ суши,

венеціанцы выслали сорокъ кораблей, которые стали блокировать галатскую гавань и останавливать въ Босфорѣ корабли съ товарами и припасами. Кантакузенъ вступилъ между тѣмъ въ переговоры съ нѣкоторыми изъ жителей Константинополя, и между ними было рѣшено, что Андроникъ Младшій перелѣзетъ ночью черезъ стѣну. 24 мая 1328 г. Іоаннъ Кантакузенъ и молодой императоръ вступили въ городъ со ста человѣками; къ нимъ тотчас же присоединилось значительное число заговорщиковъ. Послѣдовавшая затѣмъ революція обошлась, противъ восточнаго обыкновенія, безъ кровопролитія. Іоаннъ Кантакузенъ, допускавшій все, рѣдко нарушалъ внѣшнія приличія, да и не нуждался въ крайнихъ мѣрахъ, не встрѣтивъ никакого сопротивленія. Покинутый старикъ императоръ со страхомъ ждалъ внука во дворцѣ. По словамъ Никифора Григоріанскаго удивленіе его было очень велико, когда онъ въ человѣкѣ, отнявшемъ у него престолъ, увидѣлъ участіе и слезы. Сантиментальныя сцены, описываемыя обоими современными историками, кажутся намъ черезъ чуръ романтическими; несомнѣнно однако, что съ старикомъ императоромъ поступили чрезвычайно мягко. Лицемѣріе и двоедушіе были доведены до высшей утонченности. Лишивъ Андроника Старшаго власти и всякаго значенія, ему сохранили титулъ, почетъ, всѣ внѣшніе знаки императорскаго достоинства и оставили его жить въ прежнемъ дворцѣ; Андроникъ Младшій занялъ дворецъ дяди Димитрія. Все это впрочемъ скоро измѣнилось, и старику пришлось терпѣть, какъ будто безъ приказаній сверху, различныя оскорбленія отъ черни, всякаго сброда, и чиновниковъ и креатуръ Синадена, назначеннаго начальникомъ города. Іоаннъ Кантакузенъ умалчиваетъ объ этомъ въ своей исторіи; но за то Никифоръ Григоріанскій описываетъ съ утомительными подробностями всѣ бѣдствія императора. Положеніе старика становилось съ каждымъ мѣсяцемъ тяжелѣе: назначенные ему доходы были постепенно уменьшаемы и похищаемы его приближенными или выдававшими ихъ лицами, а его самого такъ мучили во время болѣзни внука, что онъ рѣшился удалиться въ монастырь и

постричься въ монахи. Но и въ монастырѣ его не оставляли въ покоѣ. Андроникъ Старшій умеръ черезъ четыре года по низверженіи съ престола.

Андроникъ Младшій предоставилъ государственное управленіе своему другу Іоанну Кантакузену. Мы никакъ не можемъ раздѣлять мнѣнія Гиббона, судившаго объ этомъ человѣкѣ слишкомъ снисходительно. Нужно однако согласиться, что Кантакузенъ, по крайней мѣрѣ, не разъ выказывалъ и на дѣлѣ ту мягкость и умѣренность, которыми онъ такъ хвастается. Отказавшись отъ сдѣланнаго ему императоромъ предложенія назначить его своимъ соправителемъ, онъ до самой смерти Андроника (1341 г.) управлялъ дѣлами его именемъ. Въ своемъ завѣщаніи Андроникъ назначилъ его правителемъ на время малолѣтства своего сына Іоанна Палеолога. Это распоряженіе возбудило страшное неудовольствіе между придворными, и въ имперіи, опустошаемой варварами и охраняемой наемными варварами различныхъ національностей, снова возникли внутреннія волненія. Мать императора, Анну Савойскую, окружали въ Константинополѣ враги правителя. Іоаннъ Кантакузенъ просилъ помощи у сербскаго краля, собралъ въ укрѣпленной Дидимотикѣ своихъ друзей и въ октябрѣ (1341 г.) принялъ въ этомъ городѣ императорскій титулъ. Торжество коронованія описано въ его исторіи съ мельчайшими подробностями, доказывающими, какую важность придавалъ и самъ онъ и его соотечественники подобнымъ церемоніямъ. Императорскую мантію, говоритъ Кантакузенъ, я самъ накинулъ на себя; пурпуровые сапоги, главное украшеніе торжественной императорской одежды, надѣли ему на правую ногу его родственники, на лѣвую командиръ латинскихъ войскъ, находившихся въ греческой службѣ; императорскую корону, положенную подъ образъ Богородицы. онъ самъ поднялъ и надѣлъ себѣ на голову. Но и по короновании Іоаннъ Кантакузенъ остался вѣренъ своей лицемѣрной политикѣ: въ манифестѣ о своемъ вступленіи на престолъ онъ выставилъ свое имя послѣ имени молодаго императора. Въ немъ было сказано, что на всѣхъ пове-

лѣніяхъ имена вдовствующей императрицы Анны и ея сына Іоанна Палеолога должны стоять прежде его имени и имени его жены.

Съ этой минуты исторія грековъ теряетъ для насъ всякое значеніе: Анна и ея приближенные управляютъ имперіей изъ Константинополя, Іоаннъ Кантакузенъ и его жена изъ Дидимотики, и оба правительства ведутъ между собой безконечныя войны съ помощью варваровъ, населявшихъ Сербію и земли по ту сторону Дуная. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ, мы будемъ касаться исторіи распадавшейся византійской имперіи только для того, чтобы указывать на успѣхи возникавшаго могущества османовъ. Въ послѣдующихъ войнахъ съ сербскимъ кралемъ, царемъ болгарскимъ, крымскими татарами или монголами, славянскими племенами въ Македоніи и Апокавкомъ, предводителемъ войска императрицы, Іоаннъ Кантакузенъ, не смотря на всю свою сантиментальность, пользовался самыми страшными врагами своего отечества и религіи, т. е. турками. Впрочемъ сначала онъ обратился не къ Урхану, главѣ османскихъ турокъ, а къ владѣтелю Эдина, Амуръ-бегу, султану другаго турецкаго племени. Амуръ-бегъ четыре года помогалъ Кантакузену всѣми своими силами; османы приняли сторону Анны Савойской и ея сына. Свѣдѣнія о числѣ войскъ и кораблей, отправленныхъ Амуръ-бегомъ на помощь Іоанну Кантакузену въ первый годъ его императорства (1342 г.), доказываютъ, какъ велики были военныя силы турокъ сравнительно съ силами имперіи, почти не имѣвшей національнаго войска. Султанъ явился къ устью Марицы съ флотомъ изъ 1580 кораблей и 28 тысячами человѣкъ дессанта. Мы вообще не придаемъ большой достовѣрности точнымъ цифрамъ, но указываемъ здѣсь на нихъ, какъ на доказательство того, какого мнѣнія были въ Константинополѣ и въ Дидимотикѣ о могуществѣ турокъ. Урханъ не менѣе энергично поддерживалъ Анну, и Іоаннъ Кантакузенъ не упустилъ случая сманить на свою сторону османскаго султана (1346 г.), когда восьмидесятилѣтній старикъ влюбился въ его молодую дочь Ѳеодору. Оба часто приводимые нами

историка утверждаютъ, что Урханъ посватался за молодой принцессой; Михаилъ Дукасъ говоритъ, что Кантакузенъ самъ предложилъ ее султану. Впрочемъ, какъ бы то ни было, это не представляетъ для насъ особаго интереса. Очевидно только, что мы считаемъ поступкомъ менѣе варварскимъ предложить свою дочь въ жены турку, чѣмъ заключить съ турками договоръ, какъ разсказываютъ про Анну, дозволявшій имъ увозить или продавать на рынкѣ плѣнныхъ грековъ. Истый дипломатъ и софистъ, Іоаннъ Кантакузенъ потѣшаетъ своихъ читателей подробнымъ описаніемъ торжественной свадьбы своей дочери (1346 г.).

Уже въ слѣдующемъ году ссора императрицы съ константинопольскимъ патріархомъ и обращеніе къ Кантакузену грековъ, недовольныхъ константинопольскимъ правительствомъ, дали возможность сосредоточить управленіе имперіей въ однѣхъ рукахъ. Іоаннъ Кантакузенъ отправился въ Селимбрію, чтобы быть на всякій случай вблизи Константинополя, а императрица созвала соборъ, для обвиненія патріарха въ ереси. Придворный богословъ Никифоръ Григоріанскій держалъ сторону патріарха и потому съ этихъ поръ оба историка, онъ и Іоаннъ Кантакузенъ, довольно согласны въ характерѣ описываемыхъ ими событій. Соборъ, состоявшій изъ лицъ, преданныхъ императрицѣ, осудилъ патріарха. Въ то время какъ духовенство пировало, Іоаннъ Кантакузенъ явился къ Константинополю и ночью былъ впущенъ черезъ золотыя ворота въ городъ своей партіей и приверженцами патріарха. Вдовствующая императрица укрѣпила дворецъ и близь лежащую крѣпость и призвала на помощь генуезцевъ; народъ взялъ приступомъ дворецъ и не пустилъ генуезцевъ въ городъ. Анна была принуждена сдаться. Іоаннъ Кантакузенъ остался и тутъ, какъ всегда, вѣренъ себѣ: властолюбіе и лицемѣріе прикрывались въ немъ внѣшнею мягкостью, уваженіемъ и справедливостью. Императору и его матери были сохранены титулъ и почетъ, но первымъ лицомъ и правителемъ всей имперіи становился Іоаннъ Кантакузенъ, до достиженія пятнадцатилѣтнимъ Іоанномъ Палеологомъ, помолвленнымъ съ его

дочерью, двадцатипятилѣтняго возраста. Вслѣдъ затѣмъ прибылъ въ Константинополь и Урханъ, принятый съ большимъ почетомъ; здѣсь османскій султанъ могъ собственными глазами убѣдиться въ плачевномъ состояніи разлагавшейся имперіи. По поводу посѣщенія османскаго султана Никифоръ Григоріанскій очень жалобно описываетъ тогдашнее бѣдственное положеніе, прикрытое мишурнымъ блескомъ. Бѣдность императорской фамиліи, говоритъ онъ, выказывалась даже въ одеждѣ и домашнихъ приборахъ. Вмѣсто драгоцѣнныхъ камней виднѣлись фальшивые камни и разноцвѣтное стекло, стѣны были покрыты не золотой и серебряной парчей, не дорогими коврами, а позолоченной кожей; вмѣсто золотой и серебряной посуды подавалась оловянная, мѣдная и глиняная, наконецъ въ церквахъ съ иконъ снимали украшенія, продавая все, что имѣло въ нихъ какую нибудь цѣнность. И, не смотря на все это, между членами императорскаго дома, пользовавшимися то услугами турокъ противъ сербовъ и болгаръ, то послѣдними противъ первыхъ, возникъ новый споръ. Напрасны были всѣ увѣщанія и старанія Анны примирить Іоанна Палеолога и Матвѣя Кантакузена, старшаго сына Іоанна, постоянно враждовавшихъ между собой. Молодой императоръ взялъ Адріанополь, но не могъ завладѣть крѣпостью; этимъ, какъ мы уже говорили, онъ далъ случай османамъ стать твердой ногой въ Европѣ. Іоаннъ Кантакузенъ, поспѣшившій на помощь къ Адріанополю, занялъ крѣпость, а его наемные варвары стали свирѣпствовать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ скрывались приверженцы его противника. Іоаннъ Палеологъ отступилъ въ Дидимотику, прося помощи у венеціанцевъ, у сербскаго краля и болгарскаго царя, отплатившихъ такими же жестокостями приверженцамъ Кантакузеновъ (1352 г.). Іоаннъ Кантакузенъ обратился тогда къ генуэзцамъ, составлявшимъ въ Галатѣ, предмѣстьи Константинополя, совершенно независимое государство и завидовавшимъ привилегіямъ, даннымъ венеціанцамъ Іоанномъ Палеологомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ и своего зятя Урхана прислать ему вспомогательное войско. Султанъ отправилъ въ Европу своего сына Солимана,

не ограничившагося походомъ противъ сербовъ и болгаръ, но занявшаго укрѣпленный городъ при Константинопольскомъ проливѣ (1356 г.). Изъ крѣпости Чымпе (Джеменлыкъ), расположенной на разстояніи около мили отъ Каллиполя или Галлиполи, Солиманъ распространилъ владычество своего племени надъ Ѳракіей, соединивъ такимъ образомъ азіатскія и европейскія владѣнія османовъ. Завоеваніемъ Каллиполя (1357 г.) было положено основаніе турецкому господству въ Европѣ. Взятіе Джеменлыка и Каллиполя описано такъ романтически турками и греками, что даже Гиббонъ, старающійся цвѣтами краснорѣчія и занимательными анекдотами придать жизнь сухимъ свѣдѣніямъ о греческихъ и турецкихъ войнахъ, счелъ за нужное предупредить, что всѣ эти разсказы вымышлены.

2. Византійская и османская имперіи до битвы на Коссовомъ полѣ (1389 г.).

Въ то время, какъ старшій сынъ Урхана Солиманъ осковывалъ во Ѳракіи турецкую имперію, Іоаннъ Кантакузенъ добровольно передалъ власть Іоанну Палеологу. Попытки Матвѣя Кантакузена оспаривать у Палеолога владычество надъ несчастными остатками распадавшейся греческой имперіи оставались безуспѣшными. Іоаннъ Кантакузенъ умеръ монахомъ; Іоаннъ Палеологъ въ теченіе всей жизни велъ борьбу со вторымъ сыномъ Урхана, Мурадомъ или Амуратомъ I, управлявшимъ османами по смерти отца (1359 г.). Новый султанъ началъ свое царствованіе войнами въ Малой Азіи, а его намѣстники распространяли завоеванія турокъ во Ѳракіи. Въ 1361 г. османы взяли Дидимотику; вслѣдъ затѣмъ Мурадъ сдѣлалъ нападеніе на Андріанополь, разбилъ грековъ и, покоривъ городъ, уже тогда думалъ о перенесеніи въ него своей резиденціи и столицы османской имперіи. Вскорѣ былъ завоеванъ Филиппополь, и хотя столица имперіи оставалась еще нѣкоторое время въ

Прузѣ, но самъ Мурадъ переселился въ Адріанополь. Отсюда, въ продолженіе пяти лѣтъ, онъ предпринималъ походы въ Сербію и Болгарію, въ горы на западъ, въ Македонію и Ѳессалію. Іоаннъ Палеологъ рѣшился наконецъ призвать на помощь христіанъ Запада, гдѣ уже давно проповѣдывался крестовый походъ противъ турокъ, хотя греческій императоръ и не пользовался тамъ большимъ сочувствіемъ. Папа Урбанъ V, жившій въ Авиньонѣ, умолялъ французскаго короля убѣдить французскихъ феодаловъ и рыцарей, пользовавшихся въ то время совершенной независимостью, обратить свое геройство и воинственность противъ враговъ христіанства. Еще въ 1364 г. онъ думалъ отправить противъ турокъ страшныя шайки искателей приключеній и рыцарей, участвовавшихъ въ англійскихъ и французскихъ войнахъ, продававшихъ свои услуги въ Италіи тому, кто давалъ болѣе денегъ, и опустошавшихъ и грабившихъ государство и провинціи; но цѣль папы казалась греческому императору подозрительною. Папа даже не увѣдомилъ его о приготовленіяхъ къ крестовому походу, а потому Палеологъ и не звалъ западныхъ рыцарей въ Грецію. Мурадъ между тѣмъ продолжалъ отнимать у грековъ, болгаръ, сербовъ и албанцевъ укрѣпленныя мѣста, уводилъ христіанъ въ плѣнъ, а въ ихъ городахъ селилъ турокъ.

Искатели приключеній и рыцари, созванные Урбаномъ V для похода на Дунай, отправились впослѣдствіи въ Египетъ, гдѣ испытали жестокое пораженіе отъ такъ называемыхъ мамелюковъ. Только Амадей, графъ савойскій, оказалъ греческому императору существенную услугу. Онъ отнялъ (1367 г.) у турокъ Галлиполи и взялся уговорить папу проповѣдывать новый крестовый походъ для спасенія Константинополя. Созвать походъ въ пользу грековъ въ то время было труднѣе, чѣмъ когда нибудь, даже еслибъ они и согласились признать верховную власть папы или снова соединиться съ латинской церковью. Со времени попытки соединенія церквей при первыхъ Палеологахъ ненависть греческаго духовенства къ латинскому и отвращеніе народа отъ латинскаго богослуженія сдѣ-

лались рѣшительно непреодолимыми. Страстный почитатель древней Греціи, другъ Урбана V, Петрарка, приводитъ въ своихъ письмахъ сужденія грековъ о латинскомъ богослуженіи, едва ли не болѣе рѣзкія и строгія, чѣмъ высказанныя первыми протестантами. Но Іоаннъ Палеологъ все-таки обратился къ мысли своего родоначальника спасти византійскую имперію примиреніемъ съ латинскою церковью. Крестоваго похода латинскихъ христіанъ противъ турокъ желалъ (1367 г.) и король венгерскій Людовикъ Великій, мужъ Елисаветы Боснійской. Ведя войну съ болгарами, онъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ болѣе половины Болгаріи и взялъ въ плѣнъ болгарскаго царя; такимъ образомъ, турки, завоевавшіе укрѣпленныя мѣста болгаръ и грековъ и занявшіе всѣ окрестълежащія горы, сдѣлались опасными его сосѣдями. Людовикъ охотно соглашался принять начальство надъ войскомъ, которое Урбанъ V обѣщалъ созвать, постановивъ однако условіемъ, чтобы не только императоръ, его семейство и дворъ, но и весь народъ приняли обряды римской церкви (самое ученіе было вопросомъ второстепеннымъ). По ослѣпленію ли, надѣясь дѣйствительно выполнить обѣщаніе, или же думая въ простотѣ своей провести хитрыхъ итальянцевъ и южныхъ французовъ, Іоаннъ Палеологъ согласился на это условіе. Самъ онъ предпринялъ тогда чрезвычайно трудное и опасное путешествіе въ Офенъ, чтобы склонить на свою сторону Людовика, въ чемъ ему дѣятельно помогала Елисавета Боснійская, и въ то же время отправилъ блистательное посольство изъ восьми лицъ къ Урбану V. Греческое посольство, во главѣ котораго стоялъ графъ Амедей Савойскій, застало папу въ Витербо, на его возвратномъ пути изъ Авиньона въ Римъ (т. VIII. стр. 330). Латинскій патріархъ Константинополя произнесъ Урбану рѣчь, обѣщая, что императоръ пріѣдетъ весной въ Италію для соединенія обѣихъ церквей; такое же обѣщаніе далъ Іоаннъ Палеологъ венгерскому королю. Обрадованный папа отправилъ ко всѣмъ греческимъ епископамъ самыя ласковыя письма; но крестовый походъ не подвигался впередъ, потому что Людовикъ Венгерскій не нуждался

болѣе въ войнѣ съ такимъ опаснымъ противникомъ, какъ Мурадъ. Освободивъ взятаго имъ въ плѣнъ болгарскаго царя и возвративъ ему всѣ сдѣланныя имъ въ Болгаріи завоеванія, онъ уже не имѣлъ соприкосновеній съ турками. Мурадъ продолжалъ свои завоеванія и наконецъ взялъ Ниссу, между Константинополемъ и Адріанополемъ, бывшую лѣтнимъ мѣстопребываніемъ греческихъ императоровъ.

Когда венгерцы и болгары отказались помогать грекамъ, несчастному, обѣднѣвшему, запертому въ своей столицѣ императору не оставалось другой надежды, какъ искать помощи у латинскаго рыцарства и просить денегъ у папы, безпрестанно сбиравшаго съ христіанъ подати для похода противъ турокъ, но употреблявшаго ихъ на другія цѣли. Еще въ 1368 г. Іоаннъ Палеологъ хотѣлъ отправиться въ Римъ, но только въ 1369 г., не смотря на несогласіе всего своего семейства, рѣшился на этотъ отчаянный поступокъ, побуждаемый, какъ кажется, своей молодой любовницей. Въ Римѣ онъ исповѣдался 18 октября 1369 г. въ догматахъ своей вѣры, и содержаніе его исповѣди докажетъ лучше всего читателямъ, какіе ничтожные вопросы раздѣляли на два враждебные лагеря латинскую и греческую церкви. Іоаннъ Палеологъ признавалъ, что третье лицо троицы исходитъ отъ отца и с ы н а, что для причастія можно употреблять прѣсный хлѣбъ, что римской церкви принадлежитъ первенство передъ всѣми церквами въ мірѣ, а ея главѣ высшее право рѣшенія религіозныхъ вопросовъ. Съ переходомъ греческаго императора въ латинскую церковь, совершившимся при блестящей и пышной обстановкѣ, папа по крайней мѣрѣ могъ мечтать, что положилъ конецъ раздѣленію церквей, хотя въ Греціи никто не обратилъ и вниманія на поступокъ императора; самъ же Палеологъ не выигралъ ровно ничего, кромѣ торжественнаго папскаго благословенія и рекомендательныхъ писемъ ко всѣмъ европейскимъ князьямъ, преимущественно же къ венеціанцамъ и французскому королю Карлу V. Съ этими письмами Іоаннъ отправился въ Венецію. Республиканское правительство, пользовавшееся, какъ

извѣстно, празднествами, увеселеніями, развратомъ и роскошью, чтобы держать народъ въ рабствѣ, приняло его сначала съ большимъ почетомъ. Но, когда императоръ вернулся съ дороги, не будучи въ состояніи, по недостатку въ средствахъ, продолжать путешествія во Францію, съ нимъ стали обращаться такъ, какъ обходятся всегда богатые съ бѣдными. Венеціанскіе богачи, ссудившіе Іоанну за ростовщичьи проценты деньги для поѣздки къ различнымъ европейскимъ дворамъ, испугались, увидѣвъ, что онъ не только не привезъ съ собой денегъ, но истратилъ все, что занялъ у нихъ. Сенатъ ростовщичьей республики объявилъ Іоанну, что его не выпустятъ изъ Венеціи до уплаты долговъ. Императоръ умолялъ сыновей въ письмахъ прислать ему денегъ. Старшій Андроникъ, другъ сына Мурада, управлявшій имперіей въ отсутствіе отца, отвѣчалъ очень сухо, что денегъ въ казнѣ нѣтъ, а духовенство, къ которому онъ обратился съ просьбою, разсерженное на него за измѣну греческой церкви, даже предало его проклятію. Отвѣтъ Андроника былъ началомъ возстанія, поднятаго имъ впослѣдствіи, когда его другъ, сынъ Мурада, также отложился отъ отца. Младшій сынъ, Мануилъ, собралъ деньги въ Константинополѣ и отправилъ ихъ къ отцу. Изъ Венеціи Іоаннъ поѣхалъ въ Римъ, но у папы тоже не нашелъ большаго утѣшенія. Урбанъ V самъ очень желалъ избавиться отъ шаекъ, наводнявшихъ Италію; но денегъ онъ не давалъ, а императору не чѣмъ было платить наемникамъ. Впрочемъ наемныя войска не принесли бы большой пользы грекамъ; это очевидно уже изъ того, что папѣ особенно хотѣлось отправить въ Грецію шайку страшнаго Гауквуда, о которомъ мы не разъ упоминали въ предъидущемъ томѣ. На возвратномъ пути Іоаннъ просилъ помощи у короля кипрскаго, у іоаннитовъ на островѣ Родосѣ и у венеціанцевъ и генуэзцевъ, владѣвшихъ блестящими колоніями въ столицѣ и во всей имперіи, даже въ Крыму и на восточномъ берегу Чернаго моря; но вездѣ находилъ тотъ же отвѣтъ. Послѣ всѣхъ безуспѣшныхъ попытокъ ему при-

шлось купить миръ съ турками обѣщаніемъ платить Мураду ежегодную дань (1370 г.). —

Не только по своему характеру, но и по самой организаціи,— не аристократической и рыцарской, какъ монархія, основанная Вильгельмомъ Завоевателемъ въ Англіи (т. VII. стр. 19), но демократическо-деспотической, данной ей Османомъ, — новая турецкая имперія, какъ и древне-римская, была приспособлена къ войнамъ и завоеваніямъ. Ея организація не была ни искусственная, ни насильно навязанная народу, управленіе имперіи не находилось въ рукахъ ученыхъ или людей, воспитанныхъ въ канцеляріяхъ; все, напротивъ, было національно, основано на воинственныхъ нравахъ, издавна свойственныхъ туркоманамъ, такъ же какъ германскимъ и скандинавскимъ народамъ. Но эта система, какъ и феодализмъ Вильгельма Завоевателя и его первыхъ преемниковъ, держалась исключительно на личности главы народа. Въ XIV столѣтіи въ Европѣ и передней Азіи не было нигдѣ ни постояннаго войска, ни правильныхъ финансовыхъ учрежденій, ни единства управленія, и потому турецкая имперія скоро достигла могущества. Она пала такъ же быстро, какъ и возвысилась, когда, послѣ ряда энергическихъ правителей, престолъ перешелъ къ неспособнымъ и слабымъ людямъ. Цѣль нашей исторіи не позволяетъ намъ входить въ разсмотрѣніе финансовыхъ учрежденій, администраціи провинцій, раздѣленія завоеванныхъ странъ и вообще системы управленія турецкой имперіи. Мы остановимся только на организаціи войска, главной причинѣ быстраго расширенія и прочности новаго военнаго государства.

Османы не были страшны одною многочисленностью и звѣрствомъ, какъ монголы и татары; они не явились подобно морской волнѣ, отливающей такъ же быстро, какъ и приливающей, но, сохранивъ національное вооруженіе и обязательность для всѣхъ военной службы, мало по малу образовали у себя постоянное, получавшее жалованье войско. Отборную часть пѣхоты составляли въ то время во всей Европѣ швейцарцы, слѣдовательно наемники

иностранцы; въ турецкихъ войскахъ она состояла изъ ренегатовъ и воспитанныхъ спеціально для служенія мухаммеданскому фанатизму христіанскихъ дѣтей, которыхъ похищали у родителей, выбирая самыхъ здоровыхъ и сильныхъ. Еще при Мурадѣ I отрядъ (чери) новой (ени) пѣхоты, подъ именемъ еничери или янычаръ, сдѣлался страшенъ въ Европѣ. Тактическое образованіе, организація и неопреодолимый фанатизмъ янычаръ были совершенно неслыханны въ Европѣ; они являлись на полѣ битвы въ рѣшительныя минуты, какъ преторіанцы римскихъ императоровъ и гвардія Наполеона. Въ первыя времена османской имперіи эта священная милиція султана увеличивалась ежегодно тысячью христіанскими дѣтьми или невѣрными, перешедшими въ исламъ; численность ея, возрастая съ каждымъ новымъ султаномъ, дошла при Мухаммедѣ II до 12 тысячъ, а при Мухаммедѣ IV до 14 тысячъ. Съ постепеннымъ возрастаніемъ числа янычаръ и съ прекращеніемъ завоевательныхъ войнъ и хищныхъ набѣговъ, эта часть войска комплектовалась уже изъ собственной среды, сдѣлавшись, какъ наслѣдственная милиція съ огромными преимуществами, особымъ государствомъ въ государствѣ, заразою имперіи. Только въ XIX столѣтіи удалось султану уничтожить это войско, перерѣзавъ всѣхъ янычаръ такимъ же образомъ, какимъ Дантонъ пробовалъ истребить въ сентябрѣ 1792 г. старинную французскую аристократію и духовенство. — Кромѣ этихъ дисциплинированныхъ солдатъ, получавшихъ ежедневно отъ одного до семи аспровъ (турецкій піастръ = 120 аспрамъ), смотря по заслугамъ и обстоятельствамъ, у султановъ находились еще войска, служившія ради добычи и сохранявшія устройство и вооруженіе тѣхъ странъ и племенъ, къ которымъ они принадлежали. Эти войска приносили пользу тѣмъ, что съ малолѣтства были пріучены къ различнаго рода работамъ, а первые султаны, рождавшіеся полководцами, умѣли употреблять ихъ тамъ, гдѣ они могли приносить дѣйствительную пользу. Турецкая конница первоначально состояла изъ всадниковъ или наѣздниковъ, такъ называемыхъ акинджи, походившихъ на казаковъ и бедуиновъ; они

внушали въ Европѣ и Азіи страхъ къ турецкому имени, но не могли бороться съ закованными въ желѣзо рыцарями запада. Впослѣдствіи была учреждена регулярная конница или, если такъ можно выразиться, гвардейская кавалерія, раздѣленная на четыре отряда. Каждый отрядъ имѣлъ различное назначеніе и особое названіе; но обыкновенно ихъ всѣхъ называютъ именемъ перваго **сипаями**. Сверхъ того, существовалъ еще родъ рыцарства, т. е. нѣкоторыя лица, получивъ помѣстья или лены (тимары или сіаметы), обязывались, подобно западному рыцарству, по первому призыву султана выставлять всадниковъ или самимъ выступать на войну.

Предпріятія турокъ, положившія основаніе новой европейской имперіи, разсказаны въ общихъ чертахъ въ предъидущемъ томѣ (стр. 546 и сл.); мы должны снова вернуться къ нимъ, чтобы указать на постепенное расширеніе основанной въ Адріанополѣ мухаммеданской имперіи и на постепенное разложеніе христіанской константинопольской имперіи. Мы уже говорили, что императоръ Іоаннъ Палеологъ сдѣлался данникомъ Мурада, а Іоаннъ Кантакузенъ отдалъ свою дочь въ гаремъ стараго Урхана. Съ тѣхъ поръ турецкіе отряды почти ежегодно дѣлаютъ опустошительные набѣги на Сербію, Боснію, Албанію и Болгарію, а когда сербскій краль Лазарь заключилъ союзъ съ болгарскимъ княземъ Константиномъ, самъ Мурадъ предпринялъ завоевательный походъ въ славянскія земли. (1371—1373 г.). Папа Григорій XI обращался къ западнымъ христіанамъ, умоляя ихъ ополчиться противъ Мурада, но не могъ созвать крестоносцевъ. Іоаннъ Палеологъ отправилъ къ западнымъ государямъ и рыцарямъ ученаго и краснорѣчиваго Іоанна Ласкариса, чтобы обратить ихъ вниманіе на угрожавшее имъ и латинской церкви могущество османовъ, уже проникшихъ до самой Штиріи; Ласкариса слушали, восхищались его рѣчами, но о походѣ никто не думалъ.

Съ 1374 г. Мурадъ дѣлаетъ завоеванія въ Ѳессаліи и Македоніи, по Савѣ и Дунаю, въ горахъ Албаніи, укрѣпляетъ всѣ завоеванныя имъ мѣстечки и поселяетъ въ нихъ турокъ, а христіанъ уво-

дить въ плѣнъ. Впослѣдствіи, когда Андроникъ возсталъ на Іоанна Палеолога, сынъ Мурада Санджи также поднялъ оружіе на отца. Санджи и Андроникъ были друзьями и союзниками; ихъ отцы заключили между собой договоръ, обязуясь ослѣпить своихъ дѣтей, если имъ удастся захватить ихъ. Оба принца попали скоро въ плѣнъ къ туркамъ. Мурадъ, знаменитый мягкостью и добротою, какъ оба его преемника жестокостью и нечеловѣческою кровожадностью, даровалъ Андронику свободу, выколовъ ему только одинъ глазъ и повредивъ, но не вырвавъ, глаза у его сына Іоанна, раздѣлявшаго участь отца. Санджи былъ умерщвленъ по приказанію султана.

Въ 1375 г. Мурадъ заставилъ могущественнаго сербскаго короля Лазаря уплатить ему дань въ тысячу фунтовъ серебра и обязалъ его выставить тысячу всадниковъ для турецкаго войска. Болгарскій князь Сизманъ также присягнулъ воинственному султану. Въ это время Іоаннъ Палеологъ велъ войну съ своимъ сыномъ Андроникомъ, генуезцами и венеціанцами. Возвратившись въ Константинополь, Андроникъ велѣлъ схватить отца и посадить его въ темницу. Старикъ обратился къ венеціанскому патрицію Карло Зено, пріѣхавшему по дѣламъ въ Константинополь, обѣщая черезъ него венеціанцамъ островъ Тенедосъ, если они освободятъ изъ плѣна его и его сыновей, Мануила и Ѳеодора. Венеціанцы отправили Карло Зено съ флотомъ, чтобы вступить во владѣніе островомъ, который, между тѣмъ, былъ уступленъ Андроникомъ генуезцамъ. Генуезцы хотѣли силою захватить Тенедосъ, но венеціанцы отразили ихъ нападеніе, сохранили за собой островъ, и черезъ одного подкупленнаго военачальника Андроника освободили императора и его младшихъ сыновей. Еще прежде Іоаннъ Палеологъ отдалъ островъ Лесбосъ генуезцу Іоанну Каталузіо, а тогда обѣщалъ уступить Филадельфію османамъ, если они перестанутъ поддерживать снова возставшаго Андроника. Филадельфія и Смирна были единственными большими городами Малой Азіи, продолжавшими отстаивать свою независимость. Филадельфія вѣроятно держалась бы и долѣе, но греческій императоръ отдалъ ее на жертву врагамъ, а впослѣд-

ствіи, при преемникѣ Мурада Баезидѣ, участвовалъ въ осаждавшемъ ее турецкомъ войскѣ. Кривой Андроникъ и полуослѣпленный Іоаннъ были лишены престолонаслѣдія, но сохраняли власть надъ Селимбріей даже и тогда, когда были заключены въ константинопольскую темницу.

Византійская императорская фамилія, имѣвшая мѣстопребываніе въ Трапезунтѣ, терпѣла отъ турокъ не менѣе константинопольской и также находилась въ постоянной борьбѣ съ генуэзцами; впрочемъ ея исторія не входитъ въ нашъ трудъ. Генуэзцы, торговавшіе, какъ мы уже говорили, въ предмѣстьи Константинополя, обратили Галату въ крѣпость и разбили напавшія на нее императорскія войска, а война ихъ съ Венеціей за Тенедосъ, затрудняла плаваніе по морю. Впослѣдствіи республики заключили между собой миръ въ ущербъ покинутаго всѣми греческаго императора, положеніе котораго было такъ же печально, какъ нѣкогда (1260 г.) положеніе латинскаго императора Бальдуина, изгнаннаго Михаиломъ Палеологомъ.

По мѣрѣ того, какъ падала греческая имперія, усиливалось могущество османовъ. Мурадъ завладѣлъ сначала (1382 г.) Сардикой или Софіей, важнѣйшимъ изъ греческихъ городовъ на границѣ Болгаріи, затѣмъ отнялъ у сербовъ и босняковъ Касторею въ Македоніи и Бѣлградъ въ Сербіи, и наконецъ завоевалъ въ горахъ Албаніи укрѣпленную Крою. Ѳессалоника или Салоники должны были остаться за греческой имперіей; но за нападеніе Мануила на городъ Феры (Сересъ), нарушившее такимъ образомъ миръ, купленный или вымаленный его отцомъ, полководецъ Мурада отмстилъ взятіемъ Ѳессалоники (1386 г.). Впрочемъ тогда городъ еще не перешелъ во владѣніе турокъ. Неизвѣстно, венеціанцы или греки отняли его у нихъ; этого не берется рѣшать даже самъ Гаммеръ. Мануилъ бѣжалъ въ Лесбосъ, но, опасаясь, чтобы султанъ не отмстилъ за нарушеніе мира взятіемъ Константинополя, отправился въ Адріанополь и выпросилъ у него прощеніе.

Вслѣдъ затѣмъ Мурадъ подчинилъ внутреннюю Малую Азію

и конійское султанство, тогдашній Караманъ. Въ самомъ началѣ своего царствованія онъ покорилъ городъ Ангору и богатую область прежней Галатіи, а впослѣдствіи, покупкою и другими способами, расширилъ свои владѣнія въ провинціяхъ, гдѣ жили остатки сельджукскихъ турокъ. Могущество Мурада возбудило опасеніе въ его родственникѣ Караманѣ Алаэддинѣ, владычествовавшемъ тогда надъ сельджуками. Соединивъ толпы турокъ, бродившихъ по Сиріи и Малой Азіи, онъ напалъ на провинціи, только что присоединенныя къ османской имперіи, въ то время какъ султанъ былъ занятъ борьбою съ сыномъ. Алаэддинъ избралъ очень неудобную минуту. Мурадъ уже успѣлъ подавить возстаніе, а его старый визирь Хайреддинъ паша завоевалъ Ѳессалонику. Султанъ переправился въ Азію, и, отказавшись вступить въ переговоры съ Караманомъ, поздно сознавшимъ свою ошибку, нанесъ ему страшное пораженіе на равнинѣ Коніе или Иконіума, гдѣ за два столѣтія передъ тѣмъ Фридрихъ Барбаросса разбилъ сельджуковъ (т. VII. стр. 77). Турецкимъ войскомъ начальствовали въ этомъ сраженіи самъ Мурадъ и его сыновья Якубъ и Баезидъ. Алаэддину были оставлены его владѣнія на правахъ вассала османской имперіи по просьбамъ его жены, дочери Мурада. Мелкимъ турецкимъ князьямъ и владѣтелямъ Малой Азіи тоже была сохранена независимость, потому что возстаніе сербовъ и союзъ, заключенный ихъ кралемъ Лазаремъ съ Сизманомъ Болгарскимъ (1387 г.), заставили султана поспѣшить въ Европу.

Въ 1388 г. старикъ Мурадъ женился на одной изъ дочерей греческаго императора, а двухъ другихъ отдалъ въ гаремы своихъ сыновей. Во время свадебныхъ празднествъ и пировъ онъ получилъ извѣстіе, что отправленное въ Сербію турецкое войско, раздѣлясь въ Болгаріи на нѣсколько отрядовъ и предавшись грабежу, было совершенно уничтожено. Для отмщенія за позоръ, изъ Азіи было вызвано турецкое войско, двинувшееся послѣ цѣлаго года приготовленія въ Болгарію. Молодой визирь Мурада, Али-паша, назначенный визиремъ по смерти Хайреддина, открылъ походъ завоева-

ніемъ Силистріи и Никополя, а вслѣдъ затѣмъ взялъ въ плѣнъ Сизмана и его семейство. Болгарскому князю и его семьѣ была дарована свобода, но Болгарія была присоединена къ османской имперіи, самъ Мурадъ двинулся къ Коссову полю, гдѣ находился Лазарь съ сербами, болгарами, босняками, албанцами, валахами, поляками и венгерцами. Эта равнина образуетъ самый южный уголъ Босніи, соприкасающейся въ этомъ мѣстѣ съ Албаніей, Герцеговиной и Сербіей. Въ сраженіи на Коссовомъ полѣ славянскія племена потерпѣли страшное пораженіе (1389 г.). Греческіе и турецкіе историки, какъ и преданія южныхъ славянъ, покрыли сраженіе на Коссовомъ полѣ туманомъ поэтическихъ вымысловъ, скрывающихъ отвратительныя сцены убійства, въ эпическомъ полумракѣ. Гаммеръ въ своей исторіи османовъ подробно приводитъ всѣ эти разсказы, подвергая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ критикѣ. Замѣтимъ только, что потерю сраженія приписываютъ храбрости Георгія Кастріоты, который, какъ говорятъ, не согласился напасть на турокъ ночью, чтобы побѣда христіанъ могла произойти среди бѣлаго дня. Разсказываютъ также, хотя съ совершенно различными варіаціями, что Милошъ Кобиловичъ, сербъ исполинской силы, пожертвовалъ жизнью, для того чтобы умертвить страшнаго врага своего отечества: представившись перебѣжчикомъ, онъ выпросилъ позволеніе поклониться въ ноги султану и, когда Мурадъ нагнулся, вонзилъ ему кинжалъ въ животъ. Наконецъ про Баезида I, сына и преемника Мурада, прозваннаго за свою дикую отвагу Ильдиримомъ, т. е. Молніей, разсказываютъ, что, по окончаніи сраженія, онъ велѣлъ воздвигнуть на полѣ битвы множество пирамидъ изъ головъ павшихъ христіанъ. Лазарь, взятый въ плѣнъ былъ приведенъ къ умирающему Мураду и казненъ передъ нимъ. Лишь только Мурадъ испустилъ дыханіе, какъ Баезидъ приказалъ умертвить своего брата Якуба.

3. Византійская и османская имперіи, до смерти Мухаммеда I (1421 г.).

Послѣ сраженія на Коссовомъ полѣ Баезидъ отправилъ турецкіе отряды съ одной стороны въ Боснію и до самой Штиріи, съ другой по направленію къ Виддину. Онъ обратилъ Сербію въ турецкій ленъ, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ серебряные рудники Каратовы и поселилъ колонію турокъ въ сербскомъ городѣ Скопи, на сѣверѣ Македоніи. Остальная Сербія была возвращена сыну Лазаря, Стефану, съ обязательствомъ участвовать во всѣхъ войнахъ османовъ и служить съ своими тяжеловооруженными сербами въ турецкомъ войскѣ. Сверхъ того, Стефанъ долженъ былъ отдать свою сестру въ жены султану и платить ему ежегодную дань.

Вслѣдъ затѣмъ Андроникъ, все еще находившійся съ сыномъ Іоанномъ въ константинопольской тюрьмѣ, подалъ поводъ молодому султану до такой степени унизить императора и его сына Мануила, что оба они должны были, какъ вассалы Баезида, отправиться съ турецкимъ войскомъ въ Малую Азію и участвовать при осадѣ Филадельфіи. Освободившись съ помощью венеціанцевъ изъ плѣна, Андроникъ отправился къ Баезиду и просилъ у него защиты отъ отца и брата. Султанъ согласился помочь ему, поставивъ главными условіями дарованіе поселившимся въ Константинополѣ мухаммеданамъ новыхъ привилегій относительно богослуженія и суда и отводъ имъ особаго рынка. Разсчитывая на свое вліяніе въ городѣ, Андроникъ просилъ въ помощь только 4,000 человѣкъ; Баезидъ далъ ему десять тысячъ. Сговорившись съ измѣнниками, Андроникъ проникъ въ Константинополь, неожиданно напалъ на императора и его сына Мануила и заключилъ ихъ обоихъ въ ту же тюрьму, гдѣ самъ содержался такъ долго. Краснорѣчивые, но нерѣдко весьма неясные, хотя въ то же время очень ученые греческіе историки послѣднихъ временъ имперіи передаютъ многія событія такъ странно, такъ сбивчиво, и часто такъ противорѣчатъ

другъ другу, что сообщаемымъ ими подробностямъ слѣдуетъ довѣрять только съ большою осторожностью. Мы, напримѣръ, не смѣемъ выдавать за положительное, что Баезидъ посовѣтовалъ Андронику умертвить отца и брата. Даже самое опредѣленіе хронологическаго порядка событій такъ невѣрно, что знаменитѣйшіе изслѣдователи греческой и османской исторіи несогласны между собой въ нѣкоторыхъ годахъ. Достовѣрно однако, что Андроникъ, не провозглашая себя императоромъ, распоряжался и дѣйствовалъ съ императорскимъ полновластіемъ, а Іоаннъ Палеологъ не былъ умерщвленъ, а только заключенъ въ темницу. Мы не беремся также опредѣлять, сколько времени продолжалось заключеніе императора и его сына; но едва ли оно могло длиться три года, какъ утверждаютъ нѣкоторые, потому что всѣ приведенныя событія произошли въ 1389 г., а Іоаннъ Палеологъ умеръ въ 1391 г.

Іоанну и его сыну удалось, какъ прежде Андронику, освободиться изъ плѣна, и они, въ свою очередь, обратились къ Баезиду. Султанъ охотно согласился помочь имъ, потому что подобный образъ дѣйствій всего лучше служилъ его цѣлямъ, давая возможность въ конецъ ослабить греческую имперію, прежде чѣмъ нанести ей послѣдній ударъ. Въ договорѣ, подтвержденномъ клятвою, императоръ обязывался отъ своего имени и отъ имени Мануила платить Баезиду ежегодно гораздо бо̀льшую дань, чѣмъ Андроникъ, выставлять султану 12,000 человѣкъ для всякихъ его походовъ и участвовать во всѣхъ его войнахъ, если онъ поможетъ ему овладѣть престоломъ. Баезидъ принялъ предложеніе и велѣлъ турецкому войску сопровождать Іоанна и Мануила, вступившихъ въ переговоры съ Андроникомъ. Правительственная власть опять перешла къ отцу, но до его смерти (1391 г.) имперіей управлялъ Мануилъ; Андроникъ былъ назначенъ намѣстникомъ Ѳессалоники, вновь отнятой (неизвѣстно когда) у турокъ. Пелопоннесъ, находившійся подъ управленіемъ брата Мануила, Ѳеодора, жившаго въ Мистрѣ, древней Спартѣ, удачнѣе всѣхъ греческихъ провинцій сопротивлялся турецкому вторженію. Вся остальная имперія, до самаго Констан-

тинополя, была опустошена жестокимъ Баезидомъ; съ императоромъ обращались какъ съ турецкимъ рабомъ. Старикъ Іоаннъ былъ наконецъ принужденъ срыть стѣны и укрѣпленія, сооруженныя имъ, по недостатку средствъ, изъ матеріаловъ двухъ разрушенныхъ церквей, построенныхъ императорами Маркіаномъ и Львомъ, потому что страшный султанъ грозился, въ случаѣ неисполненія этого требованія, выколоть глаза находившемуся у него Мануилу.

Мурадъ оставилъ главѣ карамановъ и мелкимъ турецкимъ князьямъ Малой Азіи ихъ прежнія владѣнія и сохранилъ за Филадельфіей муниципальную свободу, хотя греческій императоръ уступилъ ему свои права на городъ; иначе дѣйствовалъ Баезидъ. Онъ не только напалъ на Филадельфію, но даже заставилъ стараго императора и его сына участвовать въ этомъ походѣ и стоять впереди осаждавшаго городъ войска. Отнявшій отъ Баезида турецкій князь Алаэддинъ, владычествовавшій, какъ вассалъ Мурада, надъ югозападной частью Малой Азіи, былъ побѣжденъ и на его мѣсто назначенъ османскій беглербегъ. Такая же участь постигла и мелкихъ предводителей турецкихъ и туркоманскихъ ордъ, утвердившихся въ различныхъ городахъ и мѣстностяхъ древней Каппадокіи, Пафлагоніи и Понта. Изгнанные изъ своихъ владѣній, они искали защиты по ту сторону горъ у своихъ одноплеменниковъ татаръ, подъ предводительствомъ Тимура опустошавшихъ Азію, какъ прежде монголы при Чингисъ-ханѣ. Къ счастью, татары также не имѣли никакого понятія о военномъ искусствѣ, и двумъ значительнымъ въ то время крѣпостямъ, пограничной Амазіи и Токату, гдѣ сынъ Баезида Мухаммедъ нашелъ убѣжище послѣ пораженія, нанесеннаго его отцу татарами, удалось отразить ихъ нападеніе.

При Баезидѣ могущество турокъ было такъ велико, что султанъ уже могъ мечтать о присоединеніи къ своимъ владѣніямъ зависѣвшихъ отъ него греческихъ и славянскихъ государствъ и даже о включеніи въ составъ османской имперіи мадьярскихъ владѣній. Еще въ 1391 году, когда Мануилъ находился въ Прузѣ, гдѣ

умиралъ его отецъ, Баезидъ думалъ завладѣть столицей греческой имперіи, приказавъ задержать молодаго императора; но Мануилу удалось бѣжать изъ плѣна. Всѣ земли по Дунаю, Дравѣ и Савѣ, отъ Молдавіи и Валахіи до Штиріи и Адріатическаго моря, даже сама Венгрія, страдали отъ опустошительныхъ набѣговъ турокъ, а со смерти Іоанна къ Константинополю не было доступа съ сухаго пути. Блокада продолжалась нѣсколько лѣтъ, не смотря на то, что Мануилъ призналъ себя вассаломъ султана, платилъ ему дань и, отправившись вмѣстѣ съ братомъ въ Сересъ ко двору Баезида, согласился на всевозможныя униженія. Высокомѣріе страшнаго султана, жалобныя просьбы греческаго императора и опасенія мадьяръ, вызвали наконецъ противъ турокъ упомянутый нами прежде крестовый походъ (т. VIII. стр. 547).

При хаотическомъ состояніи западной Европы, раздѣленной спорами двухъ, впослѣдствіи даже трехъ папъ, анархіи въ Германіи и страшной неурядицы въ Италіи и Франціи, трудно было ждать единодушнаго дѣйствія христіанскаго міра противъ общаго врага. Дѣйствительно, послы Мануила вернулись въ Константинополь безъ всякой отрадной вѣсти, а король Сигизмундъ, называемый византійскимъ историкомъ Дукасомъ мадьярскимъ королемъ, отправилъ въ Прузу посольство для переговоровъ съ Баезидомъ. Надменный отвѣтъ султана и продолжительная осада Константинополя побудили наконецъ Бонифація IX проповѣдывать крестовый походъ. Папскія буллы не произвели сначала почти никакого дѣйствія, потому что французское рыцарство и король признавали папою противника Бонифація, Климента VI, а нѣмцы и итальянцы не могли или не хотѣли удаляться изъ отечества. Зная чувствительность французовъ къ военной славѣ, сохранившейся и до нашихъ дней во всемъ ея комизмѣ, Сигизмундъ лично обратился къ французскому рыцарству и къ французскому папѣ, прося его не противодѣйствовать ему хоть въ этомъ дѣлѣ. По словамъ его пословъ и духовенства, проповѣдывавшаго войну съ турками, султанъ самымъ презрительнымъ и оскорбительнымъ образомъ отзывался о

рыцарствѣ. Въ отвѣтъ на предложенія Сигизмунда Баезидъ велѣлъ объявить ему: что онъ прежде всего предприметъ походъ въ Венгрію, чтобы наложить на нее оковы; потомъ отправится въ Италію, вмѣстѣ съ константинопольскимъ императоромъ и его царедворцами, которые будутъ употребляемы на самыя черныя, рабскія работы; Италію онъ пройдетъ до Рима, и выставитъ въ Капитоліи на показъ всѣ короны, отнятыя имъ у королей, а свою лошадь заставитъ ѣсть овесъ передъ алтаремъ церкви Петра. Эти разсказы подѣйствовали; послѣдствіемъ ихъ былъ описанный въ VIII т. крестовый походъ, кончившійся страшнымъ пораженіемъ при Никополѣ (1396 г.).

Хотя Баезидъ и не преслѣдовалъ пораженныхъ христіанъ, но побѣда османовъ распространила во всѣхъ латинскихъ земляхъ ужасъ предъ именемъ турокъ и доставила султану и его войску несмѣтную добычу. Турки, говорятъ, взяли въ плѣнъ при Никополѣ десять тысячъ человѣкъ, жестокимъ образомъ умерщвленныхъ по повелѣнію Баезида послѣ сраженія или на другой день; двадцать четыре христіанскіе предводителя были пощажены и впослѣдствіи освобождены за огромный выкупъ. Французскій король Карлъ VI отправилъ на востокъ, по крайней мѣрѣ, два милліона деньгами и драгоцѣнностями. Высокомѣріе, самоувѣренность и звѣрство турокъ не знали болѣе никакихъ границъ. Послѣ сраженія при Никополѣ Баезидъ устремилъ свои силы съ одной стороны противъ Малой Азіи, съ другой, противъ Македоніи, Ѳессаліи, Греціи и Пелопоннеса, не предпринимая сначала походовъ ни на другой берегъ Дуная и Савы, ни въ Боснію и Валахію. По смерти Іоанна Палеолога, императоръ Мануилъ и его братъ Ѳеодоръ, владычествовавшій въ Пелопоннесѣ, отправились ко двору Баезида, куда въ то же время пріѣхали Стефанъ, деспотъ Сербіи, Твартко, князь Мизіи, и Павелъ Мамасъ, владѣтель Эпидамна или Монембазіи. Не довѣряя намѣреніямъ султана, они съ тѣхъ поръ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, не являлись къ нему. Въ отмщеніе за то, Баезидъ пять лѣтъ держалъ Константинополь въ осадѣ, и тотчасъ послѣ

побѣды при Никополѣ велѣлъ визирю Али Пашѣ сдѣлать приступъ. Предлогомъ нападенія на Константинополь послужили Баезиду неисполненіе Мануиломъ условій договора, обязывавшаго его участвовать въ войнахъ османовъ, и защита правъ своего племянника, сына Андроника, Іоанна, владѣвшаго Селимбріей. Предпринимая походъ противъ Константинополя, Баезидъ преслѣдовалъ двѣ цѣли: онъ хотѣлъ отмстить Мануилу и заставить Іоанна, котораго назначилъ греческимъ императоромъ, уступить ему Селимбрію. Съ перваго взгляда могло бы показаться страннымъ, что могущественный султанъ тотчасъ же не завладѣлъ городомъ, что, конечно, было очень не трудно, и не положилъ конца существованію греческой имперіи; но при болѣе внимательномъ изслѣдованіи становится очевиднымъ, что онъ слѣдовалъ политикѣ римлянъ и Бонапарте и англичанъ въ Индіи. Остерегаясь слишкомъ крутыми насильственными поступками вызвать соединеніе враговъ, онъ обращалъ своихъ противниковъ сначала въ вассаловъ, отдѣлялъ отъ ихъ естественныхъ союзниковъ и потомъ въ удобную минуту уничтожалъ. У Кантеміра въ его исторіи османовъ, визирь Али Паша доказываетъ султану въ длинной рѣчи, что взятіе Константинополя непремѣнно возстановитъ противъ турокъ весь христіанскій міръ. Съ совершенно безсильнымъ Мануиломъ, неимѣвшимъ ни денегъ, ни войска, Баезидъ скоро справился бы; но генуезцы и венеціанцы, въ союзѣ съ іоаннитами Родоса, могли всякую минуту отрѣзать сообщеніе между Европейской и Азіатской Турціей. Дѣйствительно, въ то время какъ Баезидъ подвигался къ Константинополю, знаменитый французскій герой Бусико (т. VIII. стр. 392) готовилъ на деньги французскаго короля войско и флотъ для спасенія Константинополя. Предпріятія этого представителя воинственныхъ искателей приключенія запада, послужили богатымъ матеріаломъ полу-поэту, полу-историку Фруассару (т. VIII стр. 207). Страшный любитель похожденій, Бусико хотѣлъ прославиться своей силой и мужествомъ, даже у подданныхъ Мурада, съ которымъ онъ подружился въ Азіи. Турки же очень походили на

средневѣковыхъ рыцарей. Такіе же грубые, хищные, фанатическіе и феодалы, они были такъ же храбры, воинственны, и рядомъ съ убійствами, грабежами и каннибальскимъ звѣрствомъ нерѣдко выказывали, подобно христіанскимъ рыцарямъ, романтическое великодушіе и кротость. Бусико имѣлъ совершенно такія же права искать дружбы Мурада, какъ Ричардъ Львиное Сердце дружбы Саладина (т. VII стр. 83).

Послѣ сраженія при Никополѣ Бусико, взятый турками въ плѣнъ, велъ переговоры о выкупѣ благородныхъ перовъ Франціи, между которыми находились ближайшіе родственники французскаго короля. Впослѣдствіи онъ сопровождалъ греческаго императора въ Парижъ. Лишь только французскіе феодалы были выкуплены изъ плѣна (1397 г.), какъ Мануилъ отправилъ въ Парижъ своего дядю Өеодосія Кантакузена, просить помощи у французскаго короля. Но французскаго короля такъ же трудно было подвинуть на новыя издержки, какъ легко было уговорить Бусико предпринять новый походъ противъ османовъ. Король сдѣлалъ Өеодосію богатые подарки, но не далъ ни флота, ни войска, хотя послѣ отъѣзда Кантакузена Бусико, прожившему зиму (1397 г.) въ Константинополѣ, и удалось съ помощью венеціанскихъ и генуезскихъ пословъ убѣдить короля въ необходимости поддержать предпріятіе. Къ папѣ былъ отправленъ Иларіо Доріа, и Бонифацій IX умолялъ христіанъ предпринять походъ противъ османовъ. Папскія буллы, очень трогательно изображавшія опасность, помогли Бусико составить ополченіе изъ 600 всадниковъ, 800 стрѣлковъ и значительнаго числа рыцарей, стекавшихся изъ всѣхъ странъ. Около Тенедоса къ французскому флоту присоединились венеціанскіе и генуезскіе корабли. Единственнымъ результатомъ предпріятія Бусико было изгнаніе турецкаго флота изъ Геллеспонта и Чернаго моря и освобожденіе предмѣстьевъ Перы и Галаты отъ блокады. Впрочемъ, Бусико дѣлалъ во многихъ мѣстахъ высадки и распространилъ страхъ до самой Никомедіи. Еще при переговорахъ о выкупѣ графа Неверскаго, онъ выказалъ дипломати-

ческія способности; теперь его стараніями рушился планъ Баезида употребить несчастнаго Іоанна орудіемъ противъ его дяди Мануила. Іоаннъ, претендовавшій на престолъ, уже давно велъ переговоры съ Мануиломъ, очень хорошо понимая, что Баезидъ стремится завладѣть Селимбріей и наблюдаетъ за нимъ какъ за плѣнникомъ. Въ виду общаго врага дядя и племянникъ соединились, не довѣряя однако другъ другу. Бусико отправился въ Селимбрію, поручился, что Мануилъ сдержитъ слово, и уговорилъ Іоанна и его жену переправиться съ нимъ въ Константинополь, гдѣ Іоаннъ былъ признанъ соправителемъ Мануила. Весной 1400 г. недостатокъ въ средствахъ заставилъ Бусико возвратиться во Францію. Онъ убѣдилъ Мануила на время уступить племяннику управленіе несчастной имперіей, ограничивавшейся столицей и нѣсколькими незначительными мѣстечками, не имѣвшей ни войска, ни доходовъ, а самому отправиться съ нимъ на западъ снова умолять латинскихъ князей о помощи. Всѣ старанія Ѳеодора, брата Мануила, удержать его отъ этой позорной нищенской поѣздки остались напрасными, какъ онъ ни доказывалъ, что она кончится такъ же безуспѣшно, какъ и путешествіе ихъ отца Іоанна Палеолога. Мануилъ не измѣнилъ своего рѣшенія и оставилъ въ Константинополѣ только жену.

Въ январѣ 1400 г. папа издалъ посланія, приглашая христіанъ ополчиться, и велѣлъ проповѣдывать крестовый походъ преимущественно въ Даніи, Норвегіи и Швеціи, обѣщая отпущеніе грѣховъ тѣмъ, кто отправится въ Константинополь. Папскія воззванія не имѣли успѣха у сѣверныхъ народовъ потому, что въ нихъ говорилось, что походъ продолжится годъ. Въ Германіи духовенство собрало во многихъ мѣстахъ деньги, но куда онѣ шли, объ этомъ жертвователи знали въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Встрѣчая повсюду во время путешествія много внѣшняго почета, греческій императоръ нигдѣ не нашелъ существенной помощи; западнымъ князьямъ и владѣтелямъ было достаточно дѣла и въ собственныхъ земляхъ. Мануилъ отправился сначала въ Венецію, гдѣ его оста-

вилъ Бусико, спѣшившій въ Парижъ извѣстить Карла VI о поѣздкѣ императора. Венеціанскій сенатъ былъ глубоко тронутъ рѣчами Мануила, сенаторы плакали вмѣстѣ съ нимъ, но очень радовались, когда онъ уѣхалъ изъ Венеціи. Генуезцы тоже сожалѣли о немъ, не оказавъ также никакой поддержки. Нѣсколько болѣе сдѣлалъ Іоаннъ Галеаццо Висконти въ Миланѣ, купившій въ то время герцогскій титулъ у германскаго императора Венцеслава. Онъ окружилъ греческаго императора свитой рыцарей и снабдилъ деньгами, чтобы дать ему возможность явиться съ бо́льшимъ блескомъ въ Парижъ. Это не подлежитъ сомнѣнію; но обѣщанію его отправиться съ войскомъ на защиту Константинополя, если походъ состоится, мы придаемъ такъ же мало вѣры, какъ и словамъ всѣхъ Висконти, не отличавшихся вообще искренностью и правдивостью. Въ іюнѣ 1400 г. Мануилъ прибылъ въ Парижъ, гдѣ, по приказанію Карла VI, уже тогда нѣсколько помѣшаннаго, былъ встрѣченъ съ необыкновенными почестями. Въ то время, какъ греческій императоръ проводилъ дни въ пустыхъ празднествахъ и безсмысленныхъ церемоніяхъ, его братъ, потерявъ всякую надежду отстоять Пелопоннесъ отъ турокъ, продалъ іоаннитамъ или родосскимъ рыцарямъ сначала Коринѳъ, а потомъ и всѣ свои владѣнія на полуостровѣ. Но греки не хотѣли подчиниться владычеству гордыхъ латинскихъ рыцарей; сопротивленіе полу-греческаго, полуславянскаго населенія горъ было такъ упорно, что сами рыцари, уплатившіе всѣ деньги, не настаивали на исполненіи договора, заключеннаго съ ними Ѳеодоромъ. Они оставили даже Коринѳъ. Положеніе несчастнаго брата Мануила было въ высшей степени затруднительно: его подданные ни за что не соглашались на продажу, а деньги, полученныя отъ іоаннитовъ, были истрачены. Наконецъ, рыцари согласились разсрочить возвращеніе уплаченный ими суммы. О пребываніи Мануила въ Парижѣ и дальнѣйшихъ его путешествіяхъ сохранились самыя противорѣчащія свѣдѣнія, несогласныя между собой даже въ хронологіи. Но во всякомъ случаѣ императоръ ѣздилъ въ Англію и получилъ отъ короля Ген-

риха IV такой же отвѣтъ, какъ и повсюду; мы не знаемъ только въ какихъ мѣстностяхъ Германіи онъ былъ. Достовѣрно также, что на него вездѣ смотрѣли, какъ на знатнаго нищаго. По всей вѣроятности, извѣстіе о вторженіи въ Малую Азію Тимура, угрожавшаго османской имперіи, побудило Мануила вернуться въ Константинополь. На возвратномъ пути его уже не сопровождалъ Бусико, отправленный Карломъ VI въ Геную, отдавшуюся тогда на нѣкоторое время французамъ. Греческій императоръ былъ такъ бѣденъ, что Карлъ VI обѣщалъ давать ему ежегодно около тридцати тысячъ рублей для личныхъ издержекъ. Въ первомъ десятилѣтіи XV столѣтія всѣ ждали паденія послѣднихъ остатковъ римскаго владычества въ Европѣ, какъ вдругъ надъ османской имперіей собралась неожиданно страшная гроза, освободившая Константинополь отъ начатой Баезидомъ осады. Англійскій историкъ Уольсингэмъ вѣроятно справедливо объясняетъ быстрый отъѣздъ Мануила изъ Англіи извѣстіемъ о вторженіи въ османскую имперію татаръ Тимура или Тимуръ-Ленка (Тамерланъ).

Чингисъ-ханъ былъ предводителемъ монголовъ, увлекшихъ за собой татаръ и разсѣявшихъ ихъ по отдаленнѣйшимъ странамъ; Тимуръ повелѣвалъ татарами, подобно морскому приливу разлившими по Азіи и Европѣ несмѣтныя орды монголовъ, не оставившихъ на западѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ. Только татары основали прочныя государства на Черномъ морѣ и отъ Каспійскаго моря далеко внутрь Россіи, въ Персіи и въ Индіи. Чингисъ-ханъ и его сыновья пришли съ монгольскими ордами изъ Монголіи и сѣвернаго Китая; Тимуръ основалъ свое татарское царство въ Бухаріи и Малой Татаріи, на развалинахъ монгольской имперіи, состоявшей изъ татарскихъ племенъ. Счастливый воинъ, новый завоеватель міра, бывшій въ то же время законодателемъ самаго отдаленнаго востока, соединялъ рѣдкія въ Азіи тактическія и стратегическія познанія съ умѣньемъ приковывать къ себѣ хищныя орды. Подобно предводителямъ средневѣковыхъ наемниковъ, онъ возвысился тѣмъ, что, продавая услуги князьямъ, являлся къ нимъ съ

испытанными воинами. Оказавъ важную помощь одному изъ потомковъ втораго сына Чингисъ-хана Чагатая, Гусейну, владычествовавшему въ восточной Персіи и Бухаріи и жившему попеременно въ Гератѣ и Балкѣ, Тимуръ былъ награжденъ богатыми владѣніями. Черезъ пять лѣтъ онъ поссорился съ Гусейномъ, разбилъ его, избралъ своей столицы Самаркандъ и, повелѣвая съ тѣхъ поръ сѣверо-восточной Персіей, сталъ предпринимать походы въ Татарію и Монголію, будучи еще прежде провозглашенъ и признанъ на большомъ татарскомъ курультаѣ (т. VII. стр. 206) верховнымъ ханомъ всѣхъ ордъ (1369 г.).

Проводя жизнь въ походахъ, Тимуръ часто возвращался въ Бухару и Самаркандъ и далъ своему новому государству уложеніе и законы, представляющіе разительное противорѣчіе съ звѣрствомъ, жестокостями и разрушеніями, производимыми по его повелѣнію татарскими ордами. Задача нашей исторіи не позволяетъ намъ подвергать исторію Тимура, разсказанную съ такимъ блескомъ, риторикой и поэзіей Гиббономъ, тому критическому анализу, съ которымъ мы передаемъ европейскія событія, и разбирать его законы и государственную дѣятельность; мы ограничимся общимъ очеркомъ сдѣланныхъ имъ завоеваній. Этой цѣли мы могли бы достигнуть, послѣдовавъ за англійскимъ историкомъ и перечисливъ по порядку подвиги Тимура въ Персіи, Индіи, Татаріи и на пространствѣ нынѣшней Азіатской Турціи; но мы предпочитаемъ слѣдовать Гаммеру. Оставляя въ сторонѣ черезъ чуръ азіатскіе и пророческіе разсказы Гаммера о двадцати семи отнятыхъ коронахъ и двадцати семи завоеванныхъ земляхъ, мы просто скажемъ, основываясь на его сочиненіи, что Тимуръ поколебалъ въ Азіи владычество девяти владѣтельныхъ домовъ, снова распавшихся на побочныя линіи. По Гаммеру это были: династія потомковъ Чатагая, господствовавшая до сверженія Гусейна на крайнемъ востокѣ Персіи и въ Бухаріи; династія Четовъ или Джетовъ въ Туркестанѣ и Монголіи; династія владѣтелей Ховарезміи; династія владѣтелей Хорасана; татарская династія въ Татаристанѣ

Дештъ Кипчакѣ; династія сыновей Мозаффера въ персидскомъ Иракѣ; династія Иль-хана въ Иракъ-Араби; династія османовъ; династія владѣтелей Индостана. Тотъ же историкъ турокъ прибавляетъ, что основанное Тимуромъ государство простиралось на востокъ до китайской стѣны, на сѣверъ — до самаго сердца Россіи, на западъ — до береговъ Средиземнаго моря, на югъ — до границъ Египта. Изъ восемнадцати войнъ Тимура, расширившихъ предѣлы его владѣній, мы остановимся на двухъ: войнѣ, подчинившей русскихъ татарскому игу, и войнѣ, сломившей могущество страшнаго врага греческой имперіи, Баезида; остальныхъ принадлежащихъ исторіи Азіи, мы коснемся только вскользь. О войнѣ съ русскими будетъ упомянуто въ другомъ мѣстѣ; здѣсь мы скажемъ только о походѣ Тимура противъ османской имперіи.

Къ концу XIV столѣтія, Баезидъ покорилъ всю Малую Азію, подчинивъ себѣ не только тамошнія греческія владѣнія, но и турецкія земли, бывшія независимыя княжества и Керманъ. Въ Европѣ онъ завоевалъ Болгарію, сталъ твердой ногой въ Молдавіи и Валахіи, разбивъ мадьяръ, подчинилъ Боснію и Сербію и поселилъ турокъ въ Албаніи и въ горахъ. Константинополь платилъ дань султану, греческій императоръ, или вѣрнѣе его тѣнь, долженъ былъ позволить поселившимся въ городѣ туркамъ построить четыре мечети и судиться собственнымъ независимымъ отъ него судомъ, у турецкаго кади. Баезидъ проникъ и въ собственную Грецію, сдѣлавъ опустошительный походъ въ Аѳины; война въ Пелопоннесѣ заставила, какъ мы уже говорили, Ѳеодора Палеолога предоставить защиту полуострова іоаннитамъ. Разсказываютъ, что за нѣсколько лѣтъ до нашествія татаръ Баезидъ предался въ Прузѣ чувственнымъ наслажденіямъ и нѣгѣ; но, передъ вторженіемъ Тимура въ Арменію, онъ былъ занятъ осадою Константинополя.

Неохотники до праздниковъ, торжествъ, пировъ и избѣгая всего того, что походитъ на волшебныя сказки, мы не станемъ упоминать о путешествіяхъ завоевателя міра въ Самаркандъ въ промежутки между различными походами, о свадьбахъ и народныхъ

увеселеніяхъ, разсказанныхъ съ такими подробностями у Шерефеддина и Арабшаха, описавшихъ подвиги Тимура. Нельзя однако умолчать о томъ, что, по словамъ этихъ восточныхъ писателей, Тимуръ далъ каждому изъ четырехъ сыновей по огромному царству, самъ же, проводя жизнь въ походахъ, ѣздилъ въ Бухару только на праздники, свадьбы или для созванія курультая. По нашему мнѣнію, не стоитъ даже обращать вниманія на то, что говорятъ о государственной мудрости Тимура, о нравственныхъ и политическихъ его принципахъ и о книгахъ, содержащихъ въ себѣ его ученіе. Мы передаемъ только дѣйствительное, ищемъ прозу, истину и исторію, а не поэзію и романтизмъ, и презираемъ то, что пишутъ льстецы. Намъ извѣстно, что Тимуръ возбуждалъ въ своихъ ордахъ кровожадность и звѣрство, что его татаро-монголы, походившіе на тигровъ, истребляли людей тысячами, что его сыщики шныряли во всѣхъ странахъ, что у него была организована цѣлая система шпіонства, при чемъ ему необыкновенно дѣятельно помогали всякіе дервиши, факиры и даже христіанскіе монахи. Передъ началомъ войны съ Баезидомъ (1399 г.) онъ очень хорошо зналъ о положеніи византійской и османской имперіи, и представлялъ изъ себя защитника грековъ. Первымъ поводомъ къ войнѣ между Тимуромъ и Баезидомъ было движеніе татаръ изъ Грузіи и Арменіи въ древній Понтъ и противъ пограничной османской крѣпости Амазіи. Завоеваніе Тимуромъ Багдада и бѣгство Ильхана, походъ татаръ въ Иракъ Араби, Месопотамію, Діарбекиръ и занятіе проходовъ въ горахъ Тавра дѣлали столкновеніе двухъ завоевателей неизбѣжнымъ. Въ первый разъ Ильханъ просилъ помощи у египетскихъ мамелюковъ; принужденный вторично бѣжать изъ Багдада, онъ, такъ же, какъ и Караюссуфъ, владѣтель Діарбекира, искалъ защиты у Баезида. Слѣдствіемъ этого было возстаніе противъ Тимура (1400 г.) всей страны, отъ Алеппо до Багдада. Напротивъ, побѣжденные Баезидомъ мелкіе князья Карамана, Ментеше, Саруханъ и Айдинъ просили покровительства у Тимура, воспользовавшагося этимъ случаемъ, чтобы отправить къ Баезиду посольство

съ высокомѣрными требованіями. Разсказываютъ, хотя объ этомъ не упоминаетъ ни Дукасъ, ни Франзесъ, что и греки обратились къ Тимуру, обѣщавшему имъ защиту, но въ то же время отозвавшемуся съ большимъ презрѣніемъ о христіанской религіи. Страшный фанатизмъ, выказываемый Тимуромъ при покореніи христіанскихъ городовъ, изысканныя пытки, которымъ онъ подвергалъ тысячи христіанъ, заставляютъ насъ сомнѣваться въ достовѣрности этого свидѣтельства.

Повелительное посольство Тимура, явившееся правда съ богатыми подарками, страшно взбѣсило Баезида, осаждавшаго въ то время Константинополь. Сначала онъ хотѣлъ казнить пословъ, но, обругавъ, какъ передаетъ Дукасъ, грубымъ и дерзкимъ бродягою повелителя всей Азіи и части Европы, отправилъ пословъ обратно, велѣвъ обрѣзать имъ бороды, что считалось величайшимъ позоромъ на востокѣ. Это послужило сигналомъ къ войнѣ между султанами. Тимуръ, двинувшійся съ безчисленными ордама отъ Каспійскаго моря къ Малой Азіи, началъ войну осадою Сиваса или Севасты, столицы Каппадокіи. По свидѣтельствамъ, за которыя мы, конечно, не можемъ ручаться, Сивасъ, имѣвшій 100 тысячъ жителей и окруженный громадной стѣной изъ плитняка, продержался только 18 дней; по взятіи города стѣны и башни были срыты до основанія, а христіанское населеніе и армянскій гарнизонъ замучены до смерти жестокими пытками (весной 1400 г.). Походы татаръ, какъ и гунновъ, были гибельны для народовъ и странъ въ особенности по тому, что предводители этихъ ордъ нарочно приказывали терзать, истреблять и умерщвлять мужчинъ и женщинъ, дѣтей и юношей, чтобы распространять страхъ и ужасъ передъ своимъ именемъ. Въ татарскихъ войскахъ сотни тысячъ дикихъ варваровъ съ наслажденіемъ предавались каннибальскому избіенію людей.

Не завладѣй татары Сивасомъ, османы навѣрно взяли бы Константинополь въ отсутствіе Мануила. Извѣстіе объ убійствахъ въ Сивасѣ и Малатіи заставило османскаго султана снять осаду Константинополя и поспѣшить въ Азію. Двинувшись вслѣдъ затѣмъ

на Багдадъ, Дамаскъ, Сирію и египетскихъ мамелюковъ, противъ владѣтелей, отпавшихъ отъ него или поддерживавшихъ возставшихъ князей, Тимуръ далъ Баезиду время сосредоточить свои силы. Въ своей исторіи османовъ Гаммеръ подробно разсказываетъ со словъ персидскихъ историковъ о звѣрствахъ татаръ въ Сиріи, Багдадѣ и вездѣ, куда ихъ водилъ 66 лѣтній Тимуръ, сдѣлавшійся въ старости еще безчеловѣчнѣе. Мы замѣтимъ только, что Тимуръ приказалъ жестокимъ образомъ умертвить нѣсколько тысячъ человѣкъ, разрушить и сжечь самые большіе цвѣтущіе города отъ Багдада до Алеппо и Антіохіи, разсѣялъ или перебилъ ихъ жителей, и затѣмъ отправился въ Самаркандъ, гдѣ праздновалъ свои побѣды и издалъ разнаго рода указы, составленные его придворными учеными. Зиму 1401—1402 г. татарскія орды провели въ равнинѣ между горами на сѣверѣ Малой Азіи, а предводитель ихъ велъ въ это время переговоры съ османскимъ султаномъ. Баезидъ не уступалъ Тимуру въ высокомѣріи, и дипломатическія сношенія довели только раздраженныхъ противникомъ до остервененія. Грекъ Хальккондиласъ передаетъ объ этихъ переговорахъ много любопытныхъ анекдотовъ, очень сомнительныхъ, но характеризующихъ тогдашнее время. У Сиваса, опустошеннаго за два года передъ тѣмъ, Тимуръ сдѣлалъ смотръ войску и оттуда двинулся во внутрь Малой Азіи къ Ангорѣ. Восточные историки Шерефеддинъ и Арабшахъ описали съ большими подробностями всѣ приготовленія и распоряженія обоихъ султановъ къ рѣшительной битвѣ. Эти разсказы чрезвычайно занимательны для знатока востока, и для того кто хочетъ изучать турецкіе и татарскіе нравы, сохранившіе и до нашихъ дней неизмѣнный характеръ; мы не станемъ упоминать о нихъ въ нашей исторіи уже по одному тому, что Гаммеръ подробно приводитъ ихъ въ своей исторіи османовъ. Гаммеръ говоритъ, что Баезидъ возстановилъ противъ себя высокомѣріемъ и скупостью предводителей своего войска и солдатъ и пренебрегалъ ихъ совѣтомъ избѣгать рѣшительнаго сраженія съ Тимуромъ, войско котораго простиралось до 700 тысячъ человѣкъ. Числительность османскихъ силъ, всту-

павшихъ у Ангоры въ сраженіе съ татарами, показывается нѣкоторыми историками въ 120,000, другими въ 160,000 человѣкъ. Всѣ эти цифры, разумѣется, невѣрны, но несомнѣнно, что Тимуръ былъ въ шесть разъ сильнѣе своего противника. Ослѣпленіе Баезида, аттаковавшаго татаръ въ открытомъ полѣ, вмѣсто того чтобы стараться заманить ихъ въ горы, долины и ущелья, сравнивали съ вѣрою Бонапарте въ свое счастье и непобѣдимость, побудившею его итти на Москву. Къ этому довольно удачному сравненію можно прибавить, что Бонапарте велъ за собой обкраденныхъ и оскорбленныхъ имъ пруссаковъ и австрійцевъ, вспомогательное же войско Баезида состояло изъ десяти тысячъ сербовъ и восемнадцати тысячъ турокъ и татаръ, князья которыхъ находились въ лагерѣ Тимура. Тяжеловооруженные сербы, подъ начальствомъ зятя Баезида, Стефана, оказали османамъ большія услуги; напротивъ, татары и турки Айдина и другихъ завоеванныхъ княжествъ перешли въ сраженіи на сторону враговъ. Если справедливъ разсказъ Хальকондиласа, что Баезидъ привелъ на поле сраженіе своихъ соколовъ и собакъ и въ его лагерѣ дѣйствительно находилось семь тысячъ соколовъ и шесть тысячъ собакъ, то, конечно, его несчастье было счастьемъ для османской имперіи. Новое государство могло существовать только при томъ условіи, чтобы султаны не переступали границъ, положенныхъ основателями и его первыми преемниками.

Сраженіе при Ангорѣ происходило 20 или 28 іюля 1402 г. Побѣда, колебавшаяся въ продолженіе цѣлаго дня, осталась за татарами, подавившими противниковъ числительностью; къ тому же и предводители ихъ не уступали полководцамъ османовъ въ искусствѣ и опытности вести войну по восточному. Баезидъ и одинъ изъ его сыновей были взяты въ плѣнъ, а войско османовъ разсѣяно или уничтожено. Мы не вѣримъ разсказамъ персидскихъ историковъ о великодушіи Тимура съ побѣжденными, хотя и готовы допустить, что, быть можетъ, онъ дѣйствительно приказалъ своимъ ордамъ не брать въ плѣнъ турокъ, какъ единоплеменниковъ и единовѣр-

цевъ. Тѣ же персидскіе историки, слѣдующіе болѣе фантазіи, чѣмъ разсудку, нисколько не сомнѣваясь въ государственной мудрости и соломоновой справедливости Тимура, т. е. въ дѣйствительности составленныхъ ими же, но изданныхъ будто бы Тимуромъ постановленій, выдаютъ его за мудраго правителя. Гиббонъ находитъ согласнымъ съ своею цѣлью принимать это за истинную монету. Мы, напротивъ, считаемъ все, что говорятъ Арабшахъ и Шерефеддинъ о комментаріяхъ и институтахъ Тимура, такою же истиною, какъ разглагольствованіе какого нибудь Тьера и другихъ французовъ объ исторіи Бонапарте, написанной по запискамъ, составленнымъ на островѣ св. Елены, и мемуарамъ Буріенна, или какъ парламентскія рѣчи о дѣйствіяхъ англичанъ въ Ирландіи и Индіи.

Въ какомъ бѣдственномъ положеніи находилась Малая Азія послѣ побѣды татаръ, прежде даже, чѣмъ Тимуръ двинулся со всѣмъ войскомъ къ Эгейскому морю, видно изъ слѣдующихъ словъ Дукаса. „Въ первые восемь дней послѣ побѣды при Ангорѣ, говоритъ историкъ, татарское войско (или, по его словамъ, персидское), раздѣлясь наводнило Галатію, Фригію, Виѳинію, Ликію и Пафлагонію; оно было такъ многочисленно, что казалось, будто въ каждой изъ провинцій расположено все татарское войско.“ Внукъ Тимура, Мирза Мухаммедъ, былъ посланъ съ поля битвы въ Прузу. Но сынъ Баезида, Солиманъ, поспѣшивъ туда, еще до окончанія сраженія, отправилъ въ Европу всѣ сокровища и велѣлъ флоту удалиться отъ берега. Тимуръ оставался нѣкоторое время въ Котіеумѣ, столицѣ Пафлагоніи, а потомъ двинулся къ Прузѣ, но выраженію Дукаса „опустошая все по пути, обращая жителей въ рабовъ, грабя, уничтожая и сжигая всѣ сокровища, находимыя имъ въ разныхъ мѣстахъ или требуемыя имъ подъ страшными истязаніями, вѣшая и заживо зарывая людей.“ Въ Прузѣ находились жены Баезида: одна изъ нихъ была дочь Лазаря. Города Никея и Никомедія испытали ту же участь какъ и Пруза. Пройдя съ такимъ же звѣрствомъ нижнюю Фригію, Тимуръ вступилъ въ Пергамъ. Греки, такъ же какъ и турки, были вынуждаемы отдавать

татарамъ все, что имѣли цѣннаго, потому что въ случаѣ отказа Тимуръ грозилъ сжечь ихъ имущества и заморить ихъ голодомъ. Изъ Пергама онъ двинулся въ Магнезію на Сипилѣ и, ограбивъ этотъ городъ, вступилъ въ Лидію. Обобравъ въ Сардахъ и Филадельфіи сохранявшіяся въ нихъ богатства древности, Тимуръ осадилъ Смирну. Имѣя сообщеніе съ моремъ, Смирна оставалась независимой даже послѣ того, какъ Филадельфія подпала подъ владычество османовъ. Генуезцы и венеціанцы поддерживали съ моря городъ, защищаемый родосскими рыцарями и христіанами, поспѣшившими на помощь изъ Эфеса, Ѳиріи и Нимфеи; но передъ полумилліономъ татаръ было трудно долго сопротивляться. Заваливъ гавань каменьями и такимъ образомъ отрѣзавъ сообщеніе съ моремъ, Тимуръ сдѣлалъ приступъ. Смирна была взята и подверглась такой же участи, какъ и другіе города. Тимуръ велѣлъ привести къ себѣ тысячу плѣнныхъ, отрубить имъ головы и построить родъ башни изъ человѣческихъ тѣлъ, смѣнявшихся рядами плитняку. Эфесъ, гдѣ Тимуръ пробылъ тридцать дней, и всѣ его окрестности были тоже опустошены. Какъ потокъ лавы пронеслись татары по нѣкогда богатому и цвѣтущему берегу Малой Азіи внизъ до Каріи; здѣсь погибло ихъ нѣсколько тысячъ человѣкъ отъ необыкновенныхъ холодовъ, истреблявшихъ, по описанію современниковъ, животныхъ и птицъ. Мы вполнѣ вѣримъ словамъ историка Дукаса, сказавшаго, что въ Виѳиніи, послѣ пребыванія Тимура, опустошившаго города, деревни и превратившаго цѣлыя мѣстности въ пустыни, не было слышно ни человѣческаго говора, ни дѣтскаго плача, ни собачьяго лая, ни пѣтушьяго крика и что повсюду господствовала мертвая тишина.

Участь Баезида въ плѣну, подобно послѣднимъ днямъ Велисарія (т. V стр. 8), описана чрезвычайно романтически и сдѣлалась предметомъ нравственно-сентиментальныхъ разсказовъ; о ней были такіе же споры между учеными, какъ и объ исторіи Велисарія. Даже Гиббонъ и Гаммеръ сочли нужнымъ помѣстить въ своихъ исторіяхъ подробныя изслѣдованія о томъ, былъ ли Бае-

зидъ запертъ въ желѣзную клѣтку. Мы считаемъ разсказы Хальнондиласа и Франзеса столь же неправдоподобными, какъ и болѣе поэтическія, чѣмъ историческія произведенія персидскихъ писателей. Эти византійскіе историки разсказываютъ, что султаны ругались самымъ площаднымъ образомъ, а Баезидъ былъ посаженъ, по приказанію Тимура, въ рѣшетчатую клѣтку, въ которой и умеръ. Намъ кажется гораздо правдоподобнѣе свидѣтельство Дукаса. „Съ Баезидомъ, говоритъ онъ, обращались очень дружелюбно и мягко до тѣхъ поръ, пока не было сдѣлано попытки освободить его; съ того времени его стали держать строже и заковали въ цѣпи.“ Баезидъ умеръ въ плѣну (1403 г.); трупъ османскаго султана былъ отданъ его сыну Музѣ, взятому вмѣстѣ съ нимъ въ плѣнъ и освобожденному татарами по смерти отца.

Послѣ сраженія при Ангорѣ османская имперія распалась на нѣкоторое время; греческая имперія, напротивъ, казалось была спасена отъ паденія распоряженіями Тимура въ покоренныхъ османами турецкихъ княжествахъ Малой Азіи и войнами сыновей Баезида. Якубъ-бегъ былъ возстановленъ въ Керманѣ, съ обязательствомъ стеречь Музу, сына Баезида; сыновья владѣтеля Мелитше получили отцовское наслѣдіе; Исфендіару были отданы Кастемуни и Синопъ, гдѣ владычествовалъ его отецъ. Стремясь окончательно уничтожить османскую и персидскую имперіи, Тимуръ, передъ отправленіемъ въ Бухару, возвратилъ турецкимъ князьямъ Эрфенджапа и Айдина ихъ наслѣдія, поступивъ такимъ же образомъ относительно Ширвана и Діарбекира.

Мы уже говорили, что сынъ Баезида Солиманъ, благополучно достигнувъ Прузы, отправился въ Европу съ сокровищами отца. Въ Константинополѣ онъ заключилъ союзъ съ императоромъ Мануиломъ, возвратившимся въ свою столицу по первому извѣстію о снятіи Баезидомъ осады и его движеніи въ Азію противъ Тимура. Мануилъ тотчасъ же отправилъ своего племянника и соправителя Іоанна въ Лемносъ, предоставилъ ему впослѣдствіи Ѳессалію, и съ тѣхъ поръ одинъ управлялъ имперіею. Онъ лишилъ мухаммеданъ

всѣхъ привилегій, вытребованныхъ для нихъ угрозами Баезида: кади долженъ былъ оставить городъ, мечети были закрыты или уничтожены и у мухаммеданскихъ купцовъ было отнято право имѣть въ городѣ особый кварталъ. Не смотря на все это, Солиманъ заключилъ съ Мануиломъ дружескій союзъ, отдалъ ему въ заложники своего брата Казема и сестру Фатиму, а самъ женился на его племянницѣ, дочери Өеодора. Когда татары устремились изъ Виөиніи въ Іонію, онъ снова вернулся въ Малую Азію, заперся въ крѣпости, построенной его отцомъ на азіатскомъ берегу Босфора, и старался снискать себѣ милость Тимура. Тимуръ предоставилъ ему европейскія владѣнія, на которыя не распространялась власть предводителя татаръ.

По смерти Баезида его сыновья начали между собой войну, продолжавшуюся до тѣхъ поръ, пока четвертому изъ нихъ, Мухаммеду I, не удалось соединить всѣ прежнія владѣнія османовъ и возстановить единство имперіи. Одиннадцатилѣтнимъ Мухаммедомъ руководили Баезидъ Паша и Софи Баезидъ; турецкіе писатели, такъ охотно разсказывающіе чудеса, приписали мальчику все, что было сдѣлано этими талантливыми людьми. Они увезли Мухаммеда съ ангорскаго поля сраженія въ Токатъ, утвердили его власть надъ этимъ городомъ и укрѣпленной Амазіей, семь мѣсяцевъ сопротивлявшейся татарамъ, и его именемъ присягнули завоевателю. Впослѣдствіи Тимуръ потребовалъ въ свой лагерь всѣхъ вассаловъ, для принесенія ему лично присяги; Баезидъ Паша и Софи Баезидъ уклонялись отъ этого требованія подъ разными предлогами, и такъ дотянули до отъѣзда Тимура въ Бухару. Всѣхъ сыновей у Баезида было шесть: Солиманъ, Муза, Иза, Мухаммедъ, Каземъ и Юссуфъ. Юссуфъ былъ христіаниномъ; Каземъ находился при началѣ междоусобной войны въ Константинополѣ, какъ заложникъ старшаго брата; Муза былъ тогда еще въ плѣну у татаръ; Солиманъ и Иза заняли, подобно Мухаммеду, отдѣльныя владѣнія. Мухаммедъ жилъ въ Амазіи, Солиманъ — въ Адріанополѣ, Иза — въ Прузѣ. Междоусобная война началась борьбою

Мухаммеда съ Изою. Мухаммедъ разбилъ войско брата и заставилъ его бѣжать въ Константинополь. Затѣмъ онъ потребовалъ отъ Якубъ-бега выдачи Музы. Требованіе его было исполнено и Муза сдѣлался плѣнникомъ Мухаммеда, похоронившаго въ Прузѣ съ почестями переданный ему при этомъ случаѣ трупъ Баезида. Между тѣмъ Иза, возвратившійся изъ Константинополя, снова началъ борьбу съ братомъ. Вторично побѣжденный, онъ просилъ помощи у турецкихъ князей Айдина, Саруxана, Текке и Ментеше. Вступивъ въ сраженіе съ Мухаммедомъ, въ качествѣ союзниковъ Изы, турецкіе князья были разбиты и убиты или вынуждены признать Мухаммеда своимъ повелителемъ. Владѣтель Кермана, Якубъ-бегъ тоже долженъ былъ передать свои крѣпости Мухаммеду. Иза бѣжалъ и съ тѣхъ поръ пропалъ безъ вѣсти.

По исчезновеніи Изы, Мухаммедъ началъ войну съ другимъ братомъ. Солиманъ, возвратившій греческому императору Өессалонику, всѣ города до Стримона и даже всѣ мѣстечки по Черному морю, отъ Паниса до Варны, хотѣлъ воспользоваться хаотическимъ состояніемъ Малой Азіи; такъ представляютъ тогдашнее положеніе этой провинціи мухаммеданскіе и христіанскіе писатели, говоря только о грабежахъ, набѣгахъ и возстаніяхъ турецкихъ князей. Явившись съ войскомъ, Солиманъ дошелъ до Ангоры и началъ войну съ военачальниками брата; мы не можемъ приписать побѣдъ надъ Изою и Солиманомъ самому Мухаммеду, въ то время еще ребенку. Въ продолженіе всего 1405 года борьба шла съ перемѣннымъ счастьемъ; въ 1406 г. у Солимана является новый врагъ — его братъ Муза. Зная о неудовольствіи, господствовавшемъ противъ Солимана между его европейскими вассалами, Мухаммедъ позволилъ Музѣ переправиться въ Европу и съ помощію турецкихъ отрядовъ и недовольныхъ христіанъ начать войну съ Солиманомъ. Въ борьбѣ, начавшейся между Солиманомъ и Музою, Стефанъ Сербскій и Мирче Валахскій поддерживали Музу, греческій императоръ держалъ сторону Солимана. Въ сраженіи близь Константинополя сербскій краль, подкупленный Мануиломъ, отпалъ отъ

Музы, и Солиманъ одержалъ побѣду, сохранившую за нимъ его европейскія владѣнія. Но, въ то время какъ Мухаммедъ продолжалъ завоеванія въ Азіи и занялъ Прузу, Солиманъ предался въ Адріанополѣ пьянству и сладострастію. Претерпѣвъ пораженіе, Муза бродилъ нѣсколько времени въ горахъ Гемуса (Балканы), а въ началѣ 1410 г. неожиданно появился съ валахскимъ войскомъ у Адріанополя, по всей вѣроятности сговорившись предварительно съ военачальниками и чиновниками брата, возстановленными противъ Солимана за его пьянство, противное корану, и за дружбу и родственныя связи съ константинопольскимъ императоромъ и сербскимъ кралемъ. Приверженцы Солимана напрасно указывали ему на гибельныя послѣдствія его поведенія; когда онъ опомнился, было уже поздно. Выступивъ противъ брата, Солиманъ былъ оставленъ войскомъ и умерщвленъ жителями того селенія, гдѣ часто свирѣпствовали его дикіе туркоманы.

Завладѣвъ европейской имперіей османовъ, Муза не исполнилъ даннаго Мухаммеду обѣщанія признать его верховнымъ повелителемъ. Солиманъ былъ добродушный развратникъ и кутила; Муза, тотчасъ по вступленіи въ Адріанополь, выказалъ себя звѣрскимъ тиранномъ и заставилъ жестоко поплатиться: сербовъ за измѣну въ сраженіи при Константинополѣ, а грековъ за оказанную его брату помощь. Предпринявъ походъ въ Сербію, онъ опустошилъ страну огнемъ и мечомъ, умерщвлялъ жителей тысячами, уводилъ въ рабство мальчиковъ, юношей и дѣвушекъ и праздновалъ съ своими варварами такія каннибальскіе праздники, описаніе которыхъ глубоко возмущаетъ человѣческое чувство. Изъ Сербіи Муза двинулся на Іоанна, съ цѣлью отнять у грековъ уступленные имъ Солиманомъ города, завоевалъ Ѳессалонику и скоро соединилъ подъ своимъ владычествомъ всѣ греческія владѣнія, принадлежавшія прежде османамъ. Затѣмъ онъ направилъ оружіе противъ Мануила и, окруживъ Константинополь, отправилъ къ императору Ибрагимъ Пашу съ грознымъ требованіемъ снова признать себя вассаломъ османской имперіи и платить туже дань, какъ султану Бае-

зиду. Греческіе историки утверждаютъ, что Мануилъ готовъ былъ подчиниться унизительнымъ условіямъ, но самъ Ибрагимъ Паша убѣдилъ его не соглашаться на это. Другъ Мухаммеда, Ибрагимъ, сердился на Музу за неисполненіе обязательства, даннаго имъ брату.

Жестокостью и варварствомъ Муза возстановилъ противъ себя всѣхъ старыхъ государственныхъ людей, въ томъ числѣ Ибрагима; но, имѣя на своей сторонѣ молодыхъ воинственныхъ предводителей дикихъ туркомановъ, валаховъ и болгаръ, восхищавшихся его храбростью въ сраженіяхъ и покровительствомъ ихъ кровожаднымъ звѣрскимъ страстямъ, онъ все-таки былъ сильнѣе Мухаммеда. Муза страшно злился на Мануила, отправившаго Ибрагимъ Пашу въ Прузу, гдѣ онъ вступилъ въ службу Мухаммеда и старался составить союзъ между нимъ, греками и сербами. Старые визири, повелѣвавшіе именемъ Мухаммеда, приняли Ибрагима въ сотоварищи, и такимъ образомъ азіатская имперія Баезида управлялась тріумвиратомъ искусныхъ политиковъ. При посредничествѣ Ибрагима, визири заключили тѣсный союзъ съ греческимъ императоромъ, которому Мухаммедъ оставался вѣренъ до конца жизни. Они обѣщали Мануилу защиту противъ Музы, войско Мухаммеда было перевезено на греческихъ корабляхъ въ Европу, и братья начали войну въ окрестностяхъ Константинополя, одинъ—за, другой противъ грековъ. Нѣкоторое время судьба покровительствовала Музѣ и побѣда осталась бы на его сторонѣ, когда волненія въ Малой Азіи заставили Мухаммеда отозвать свое войско изъ Европы, если бы онъ самъ не былъ принужденъ вспыхнувшимъ въ Ѳессаліи возстаніемъ снять осаду. Вскорѣ Муза снова вернулся къ Константинополю, но своими дѣйствіями нанесъ гораздо больше вреда самому себѣ, чѣмъ грекамъ. Опустошивъ всѣ кругомъ лежавшіе города и селенія, онъ лишилъ свое войско продовольствія, тогда какъ Константинополь, куда бѣжали испуганные жители окрестностей, былъ снабжаемъ припасами съ моря. Рѣшившись запереть городъ съ моря, онъ снарядилъ флотъ и этимъ далъ возможность грекамъ доказать хоть разъ, что, не смотря на всю слабость и неспособность императора,

въ нихъ сохранялось еще хоть сколько нибудь мужества и искусства. Побочный братъ Мануила, командовавшій греческимъ флотомъ, одержалъ надъ турками блистательную побѣду, возбудившую всеобщее удивленіе, но пробудившую зависть въ императорѣ. Вмѣсто награжденья, побѣдитель былъ удаленъ изъ службы и заключенъ въ темницу; о послѣдующей его судьбѣ мы ничего не знаемъ. Подобное обращеніе съ соотечественниками и родственниками естественно удалило всѣхъ способныхъ людей отъ Мануила, довѣрявшаго только посредственностямъ. Нужда заставила его снова обратиться къ Мухаммеду. Греческій флотъ былъ вторично посланъ въ Лампсакъ за вспомогательными османскими войсками. Но счастье оставило ихъ: аттаковавъ Музу, они были разбиты на голову. Мухаммедъ спасся, переѣхавъ на греческомъ кораблѣ въ Малую Азію (1410 г.). Впрочемъ и осада Константинополя не подвигалась: снова явившись въ Европу по прошествіи года, Мухаммедъ засталъ Музу почти въ томъ же положеніи. Собравъ многочисленное войско изъ самыхъ отдаленныхъ частей имперіи, Мухаммедъ переправился въ 1412 г. на греческихъ корабляхъ въ Европу и обошелъ лагерь брата, желая сначала привлечь на свою сторону христіанъ по Дунаю и Савѣ, испытавшихъ жестокое обращеніе Музы. Сербскій краль посовѣтовалъ ему аттаковать сперва Адріанополь и, въ случаѣ неудачи, отступить къ Дунаю. Мухаммеду удалось обмануть брата и приблизиться къ Адріанополю, но когда Муза явился на защиту города съ отборною частью своего войска, онъ не рѣшился напасть на него. Мы не знаемъ, дѣйствительно ли Мухаммедъ оставилъ половину войска передъ Адріанополемъ, а съ остальной частью двинулся къ Филиппополю, какъ говоритъ Дукасъ, или же отправился со всѣмъ войскомъ къ Марицѣ; но достовѣрно, что самъ Мухаммедъ появился сначала на Марицѣ, а потомъ уже на Моравѣ. Во время этихъ переходовъ къ нему присоединились недовольные намѣстники сѣверныхъ провинцій и сербскій краль Стефанъ съ тяжеловооруженными сербами. Когда Мухаммедъ снова повернулъ на югъ, Муза выступилъ ему на встрѣчу изъ Адріанополя. Сраженіе между братьями

произошло при мѣстечкѣ, называемомъ турецкими писателями Чармурли; побѣда, одержанная Мухаммедомъ важна для османской исторіи въ особенности потому, что она возстановила единство имперіи. Войско Музы было разбито на голову, а самъ онъ взятъ въ плѣнъ и по приказанію Мухаммеда задушенъ (1413 г.). Вслѣдъ за тѣмъ Мухаммедъ заключилъ дружественный союзъ съ греческимъ императоромъ и до конца жизни выказывалъ ему необыкновенное уваженіе. Мануилъ отпустилъ Казема, находившагося еще со временъ Солимана заложникомъ въ Константинополѣ; Мухаммедъ возвратилъ грекамъ завоеванные Музой города на Пропонтидѣ, Черномъ морѣ и въ Ѳессаліи.

Греческая имперія пользовалась въ то время такимъ спокойствіемъ, что Мануилъ отправился въ Пелопоннесъ, чтобы помочь брату Ѳеодору укрѣпить полуостровъ. Ѳеодоръ уже завладѣлъ большею частью Пелопоннеса, и мелкіе владѣтели полуострова, какъ новый княжескій домъ Чентуріоне, кефалонійскій палатинъ и деспотъ Карло Токко, владѣтели Навпліи и Аргоса и три франкскія династіи въ Гларицѣ, Патрасѣ и Халандрицѣ видѣли невозможность сохранить свою независимость. Мануилъ пріѣхалъ въ Пелопоннесъ для возстановленія построенной поперегъ перешейка стѣны. Все населеніе полуострова, подъ наблюденіемъ своихъ архонтовъ, работало надъ возведеніемъ этой стѣны; послѣдствія однако доказали, что постройка была очень плоха. Перешеекъ называютъ Гексамилономъ, потому что онъ простирается на шесть итальянскихъ миль или на три тысячи восемьсотъ саженъ въ ширину. Въ апрѣлѣ 1315 г. стѣна была окончена. Греческіе историки хвастаются 150 находившимися на ней башнями; но тѣ же писатели говорятъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ, когда турки сдѣлали набѣгъ на Пелопоннесъ, стѣна эта уже лежала въ развалинахъ.

По словамъ греческихъ историковъ, въ Мухаммедѣ не было ни дикаго фанатизма турокъ и ихъ единоплеменниковъ, ни жестокой нетерпимости Баезида и татаръ Тимура. Разсказываютъ, что султанъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Константинополь и приглашалъ

къ себѣ Мануила. Дукасъ увѣряетъ, что Мухаммедъ даже обѣщалъ іоаннитамъ или родосскимъ рыцарямъ защищать вездѣ христіанъ, говоря, что онъ очень расположенъ къ нимъ. Съ своей стороны и Мануилъ, воспитывая младшаго сына Баезида Юссуфа, еще ребенкомъ отданнаго ему, выказалъ вполнѣ свою вѣротерпимость. Впрочемъ мы не увѣрены, чтобы терпимость греческаго императора не происходила изъ политическихъ видовъ, изъ боязни, чтобы Юссуфъ не лишился правъ на турецкій престолъ. Не смотря на желаніе самого Юссуфа, Мануилъ не соглашался на его переходъ въ христіанство, и только передъ его смертью позволилъ ему креститься (Юссуфъ умеръ отъ чумы).

Положеніе дѣлъ въ европейскихъ и азіатскихъ странахъ, если не окончательно завоеванныхъ, то опустошенныхъ и порабощенныхъ османами, было почти такое же, какъ въ западной и сѣверной Европѣ, съ тою только разницею, что народъ, все еще называвшійся римскимъ, состарѣлся, ослабѣлъ и прикрывалъ выказывавшуюся наготу роскошными тряпками. Вездѣ, за исключеніемъ Греціи, жизнь и дикая энергія, вездѣ движеніе со всѣми своими особенностями, вездѣ національныя и индивидуальныя стремленія, и все это безъ того порядка и спокойствія, которыя могутъ установиться только подъ вліяніемъ системы, и вслѣдствіе исчезновенія всѣхъ оригинальностей характера и сглаживанія всѣхъ угловатостей и шероховатостей въ ровную, но въ то же время плоскую поверхность. Мы сдѣлаемъ бѣглый очеркъ различныхъ національностей, мелкихъ и значительныхъ владѣтелей и республикъ, игравшихъ во времена Мухаммеда I роль въ восточной римской имперіи. Въ этомъ очеркѣ мы коснемся аристократическихъ торговыхъ республикъ, рыцарской аристократіи родосцевъ, мелкихъ владѣтелей, справедливо носившихъ тогда еще совершенно невинный титулъ десвотовъ, греческихъ императоровъ, бывшихъ тѣнью прежняго, наконецъ османовъ, составлявшихъ въ средніе вѣка единственное военное государство. Только у османскаго султана были собственные финансы, только онъ имѣлъ неограниченную власть, повелѣвая молодымъ народомъ, за

котораго, какъ нѣкогда у римлянъ, работали рабы; султанъ не только имѣлъ постоянное войско, какого не было нигдѣ въ Европѣ, но могъ всегда призвать къ оружію весь народъ, не нанося чрезъ это ущерба ни земледѣлію, ни торговлѣ. Мы не станемъ говорить ни о генуезцахъ и венеціанцахъ, владѣвшихъ на всѣхъ берегахъ колоніями и укрѣпленными поселеніями и факторіей въ Галатѣ, составлявшей совершенно независимое государство, ни о родосскихъ рыцаряхъ, владычествовавшихъ въ Эгейскомъ морѣ и по его берегамъ. Положеніе Пелопоннеса, древней Эллады, прибрежья Акарнаніи и Этоліи до крайнихъ границъ Эпира, Македоніи и Ѳессаліи походило на положеніе Германіи: замки и владѣтели замковъ и рядомъ съ ними безчисленныя шайки разбойниковъ и постоянные грабежи. Ѳессаліей до 1419 г. управлялъ именемъ греческаго императора Димитрій Ласкарисъ Леонтарій, отправленный константинопольскимъ императоромъ по смерти Мухаммеда I съ однимъ дипломатическимъ порученіемъ, не принесшимъ ему особой чести. Сербскій краль и валахскій воевода были вассалами Мухаммеда, участвовали въ его войнахъ и являлись къ его двору въ Адріанополь, гдѣ находили такой же почетъ, какъ и мухаммеданскіе вассалы султана. Въ Адріанополь ѣздили также болгарскій князь и герцогъ Янинскій. Даже деспотъ Мистры и князь ахайскій признали надъ собой власть Мухаммеда.

При болѣе подробномъ изученіи османской исторіи легко доказать, что отношенія Мухаммеда къ его мухаммеданскимъ вассаламъ были почти такія же, какъ отношенія германскаго императора къ нѣмецкимъ князьямъ, графамъ и баронамъ. Достаточно одного примѣра. Мы избираемъ войну Мухаммеда съ Караманомъ, владѣтелемъ юго-восточнаго угла Малой Азіи, гдѣ нѣкогда существовало сельджукское султанство Коніе или Иконіумъ и Джунейдомъ, владѣвшимъ Смирной и Эфесомъ. Въ то время, какъ Мухаммедъ велъ войну съ братомъ въ Европѣ, Караманъ занялъ Малую Азію и уже достигъ Прузы; возвращеніе султана заставило его вернуться въ свой уголъ, куда Мухаммедъ не послѣдовалъ за нимъ, считая

болѣе важнымъ выгнать сначала Джунейда изъ Смирны. Для осады укрѣпленной Смирны султанъ созвалъ всѣхъ своихъ вассаловъ, даже христіанскихъ. Джунейдъ заперся въ Эфесѣ, чтобы оттуда тревожить осаждавшихъ. На помощь султану явились: владѣтели Фокеи, Митилены и Хіоса, турецкіе князья Кермана, Текке, Ментеше, и даже гроссмейстеръ родосскихъ рыцарей. Джунейдъ сдался. Онъ передалъ Мухаммеду Смирну и Эфесъ, явился въ его лагерь и былъ помилованъ. Укрѣпленія, разрушенныя Тимуромъ и возстановленныя гроссмейстеромъ Родоса, были въ его же присутствіи вновь уничтожены.

Дѣлая очеркъ положенія греческой и турецкой имперіи при Мануилѣ и Мухаммедѣ, нельзя умолчать о войнѣ султана съ венеціанцами. Мы не разъ говорили, что венеціанцы, какъ и генуэзцы, составляли въ Галатѣ особое государство въ государствѣ. Кромѣ того, они владычествовали на островахъ или въ городахъ Лесбосѣ, Хіосѣ, Фокеѣ и Лампсакѣ, принадлежавшихъ фамиліямъ венеціанскихъ патриціевъ, распространили свои владѣнія по Адріатическому морю въ Албаніи, а въ началѣ XV столѣтія вели чрезвычайно обременительную для себя войну за обладаніе всѣмъ приморскимъ берегомъ. Война кончилась для нихъ несчастливо; но по окончаніи ея (1408 г.), за ними остались Скутари, Дульчиньо и албанскія соляныя копи. Чего венеціанцы не могли достигнуть войной, то они пріобрѣли деньгами, обращая болѣе вниманія на выгоды, чѣмъ на честь. Такъ, напримѣръ, чтобы оградить своихъ союзниковъ отъ турецкихъ грабежей, республика платила Солиману ежегодную дань. Желая положить предѣлъ дальнѣйшему распространенію вліянія венеціанцевъ, Мухаммедъ не удовольствовался ихъ деньгами, но, объявивъ войну республикѣ и ея подданнымъ и союзникамъ въ Архипелагѣ, опустошилъ Андросъ, Паросъ, Мелосъ и увелъ въ рабство жителей этихъ острововъ. Венеціанскій флотъ, отправленный въ Босфоръ подъ командой Лоредано, одержалъ блистательную побѣду, глубоко раздражившую турецкаго султана. Съ каннибальскимъ звѣрствомъ отмстилъ Мухаммедъ за это пораженіе

венеціанцамъ и ихъ подданнымъ, попавшимся въ его руки; намъ отвратительно повторять то, о чемъ греческій историкъ разсказываетъ съ большимъ удовольствіемъ. Эта война велась въ 1416 и 1417 гг.; впрочемъ, хронологія этихъ событій далеко не достовѣрна.

Во время войны между Венеціей и османами, въ Азіи появился претендентъ на турецкій престолъ, выдававшій себя за брата Мухаммеда, Мустафу, исчезнувшаго послѣ сраженія при Ангорѣ. По всей вѣроятности, это былъ обманщикъ, которымъ Джунейдъ, бывшій владѣтель Эфеса и Смирны, хотѣлъ воспользоваться для своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Настоящій Мустафа явился позже и былъ признанъ потомками Мухаммеда, похоронившими его въ ихъ фамильной гробницѣ. Не считая нужнымъ слѣдить за исторіей Лже-Мустафы съ начала до конца, мы пропускаемъ его первыя похожденія. Не найдя приверженцевъ въ Малой Азіи, онъ скоро переправился въ Европу и имѣлъ такой успѣхъ въ Валахіи, Болгаріи и Румеліи, что Мухаммедъ выступилъ противъ него съ войскомъ. Креатура Джунейда, трусъ и развратникъ, Мустафа былъ скоро вытѣсненъ изъ Ѳракіи въ Македонію, а потомъ въ Ѳессалію, куда за нимъ послѣдовалъ Мухаммедъ. Близь Ѳессалоники произошло сраженіе; Мустафа былъ разбитъ и вмѣстѣ съ Джунейдомъ бѣжалъ къ намѣстнику Ѳессалоники Димитрію Ласкарису Леонтарію, который принялъ его съ почестями, какъ османскаго князя. Мухаммедъ потребовалъ выдачи обманщика. Димитрій отказался исполнить требованіе султана безъ разрѣшенія императора, также не хотѣвшаго отдавать на вѣрную смерть человѣка, просившаго у него защиты. По дружбѣ къ Мануилу, Мухаммедъ не настаивалъ на своемъ требованіи и согласился на сдѣлку. Императоръ обѣщалъ учредить надъ Джунейдомъ и Мустафой полицейскій надзоръ, слѣдовательно сдѣлать ихъ обоихъ совершенно неопасными султану; съ своей стороны Мухаммедъ обязался платить ежегодно триста тысячъ аспровъ на ихъ содержаніе. По этой громадной суммѣ можно думать, что претензіи Мустафы имѣли нѣкоторое основаніе.

Мы не беремся рѣшать, дѣйствительно ли (какъ оно кажется и было) еще не за долго до смерти Мухаммеда прекратились дружественныя отношенія, возникшія между византійской и османской имперіями со смерти Баезида и для возстановленія ихъ былъ отправленъ къ султану намѣстникъ Θессаліи Димитрій Ласкарисъ Леонтарій. Во всякомъ случаѣ внезапная смерть Мухаммеда совершенно измѣнила ихъ. Мухаммедъ умеръ 1421 г. въ Адріанополѣ. Преслѣдуя кабана, онъ расшибся, упавъ съ лошади, и умеръ черезъ нѣсколько дней.

4. Византійская и османская имперіи до завоеванія Константинополя.

Старые визири Мухаммеда не хотѣли объявлять о его смерти, до пріѣзда въ Прузу новаго султана. Мурадъ II находился въ Токатѣ, и потому прошло 14 дней, прежде чѣмъ онъ былъ провозглашенъ преемникомъ Мухаммеда. Турецкіе писатели разсказываютъ различные анекдоты о томъ, какъ во время междуцарствія въ народѣ старались поддерживать мнѣніе, что Мухаммедъ еще живъ.

Халькондиласъ говоритъ, что Мухаммедъ до послѣднихъ минутъ сохранялъ уваженіе къ греческому императору. Передъ смертію онъ убѣдительно просилъ Баезидъ Пашу, которому былъ обязанъ спасеніемъ, а впослѣдствіи побѣдами, отправить двухъ его младшихъ сыновей въ Константинополь, и умолялъ Мануила потребовать ихъ къ себѣ, еслибы визирь не исполнилъ его желанія. Это повлекло за собой новую осаду Константинополя и окончательное паденіе греческаго владычества въ Македоніи и Θессаліи. По человѣколюбію и изъ политическихъ цѣлей греческій императоръ потребовалъ отъ восемнадцатилѣтняго Мурада II, вполнѣ зависѣвшаго отъ старыхъ визирей отца, отправленія дѣтей въ Константинополь. Визири, преимущественно Баезидъ Паша и Ибрагимъ,

отказались исполнить требованіе императора, грозившаго въ случаѣ отказа поддерживать претендента Лже-Мустафу. Угрозу свою Манулъ дѣйствительно привелъ въ исполненіе. Онъ велѣлъ Димитрію Ласкарису отвезти Мустафу и Джунейда въ Галлиполи, получивъ отъ Джунейда обѣщаніе значительныхъ уступокъ, если имъ удастся упрочить свою власть. Димитрій отправился съ войскомъ и флотомъ къ Галлиполи, гдѣ около претендента собралось значительное число приверженцевъ. Баезидъ Паша принялъ начальство надъ войскомъ Мурада, отправленнымъ въ Европу, но не могъ держаться противъ Джунейда. Съумѣй сынъ Мануила, Іоаннъ II Палеологъ, управлявшій тогда государствомъ вмѣсто отца, жившаго почти всегда въ монастырѣ, воспользоваться этими обстоятельствами, греческая имперія могла бы извлечь огромную пользу изъ войны между османскими претендентами. Баезидъ Паша предлагалъ греческому императору большія деньги, если онъ откажется поддерживать Лже-Мустафу; Мануилъ требовалъ выдачи сыновей Мухаммеда, на что никакъ не могли согласиться визири Мурада. Съ помощью грековъ, которымъ Джунейдъ обѣщалъ уступить городъ, Мустафа осадилъ Галлиполи. Желая спасти отъ осады упорно защищавшійся городъ, Баезидъ Паша рѣшился дать сраженіе непріятелю; но часть его войска перешла на сторону Мустафы и самъ онъ, попавшись въ плѣнъ, былъ казненъ по приказанію Джунейда. Галлиполи сдался, а вслѣдъ за нимъ и Адріанополь открылъ свои ворота побѣдителямъ. Когда Димитрій Ласкарисъ хотѣлъ, согласно договору, занять Галлиполи, Джунейдъ насмѣялся надъ его простодушіемъ, сказавъ, что правовѣрный не обязанъ держать слова, даннаго невѣрному. Мы увидимъ, что впослѣдствіи и кардиналъ Юліанъ на погибель венгровъ, поляковъ и короля Владислава объявилъ какъ принципъ тоже самое правило.

Въ Адріанополѣ Мустафа предался нѣгѣ и сладострастію. Мурадъ собралъ между тѣмъ новое войско въ Азіи и вторично обратился къ греческому императору, опять пропустившему благопріятный случай склонить на свою сторону страшнаго врага. Не имѣя

судовъ для перевозки войска въ Европу, султанъ отправилъ въ Константинополь съ выгодными предложеніями Ибрагимъ Пашу, заключившаго прежде дружественный союзъ между Мухаммедомъ и Мануиломъ; но греки настаивали на выдачѣ братьевъ Мурада, на что конечно султанъ не согласился. Тогда Мурадъ обратился къ генуезскому патрицію, Джіованни Адорно, оказавшему османамъ за деньги услугу, гибельную для христіанства и въ особенности для грековъ. Адорно былъ генуезскимъ намѣстникомъ древней Фокеи, на берегу Малой Азіи, противъ Митилены. Вблизи находились богатыя квасцовыя копи, взятыя у турокъ на откупъ Адорно и Катанео, другимъ генуезскимъ патриціемъ. Генуезскіе патриціи, извлекавшіе изъ копей громадныя богатства, находились въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ прузскимъ дворомъ и не упустили случая выпросить у молодаго султана сложеніе откупной недоимки. Визири вступили въ переговоры съ Адорно, взявшимся доставить суда и франкскихъ всадниковъ и стрѣлковъ. За эту услугу генуезскій патрицій получилъ 50 тысячъ золотыхъ флориновъ. Рѣшившись смѣлымъ предпріятіемъ предупредить врага, Мустафа, еще до прибытія кораблей въ Босфоръ, переправился изъ Галлиполи въ Лампсакъ и расположился близь города, противъ войска Мустафы. По всей вѣроятности Джунейдъ задумалъ уже тогда пожертвовать своей креатурой, разсчитывая получить обратно Айдинъ, Эфесъ и Смирну.

Главную часть войска Мустафы составляли наѣздники османскаго войска, или такъ называемые акинджи, принявшіе его сторону, потому что Мухаммедъ I посадилъ въ темницу ихъ стараго любимаго предводителя. Этого предводителя привезли изъ Токата, и только что онъ показался на полѣ сраженія, какъ акинджи послѣдовали за нимъ, оставивъ лагерь Мустафы. Подкупленный Джунейдъ также перешелъ къ Мураду и отправился къ Айдину, обѣщанному ему въ награду за измѣну. Мустафа былъ принужденъ вернуться въ Европу. Дожидаясь въ Лампсакѣ прибытія генуезскаго флота, Мурадъ не могъ тотчасъ же преслѣдовать его. Наконецъ, Адорно явился съ семью кораблями. Генуезскій патрицій высказалъ

при этомъ случаѣ всѣ грязныя стремленія торгашей-рыцарей, ставившихъ денежныя выгоды выше долга, интересовъ христіанской религіи и благодарности къ Палеологамъ. Онъ не стыдился просить милостыню, бросившись на колѣни передъ султаномъ и умолялъ его простить ему слѣдовавшія за квасцовыя копи откупныя деньги. Не смотря на то, что Адорно доставилъ незначительное число судовъ, Мурадъ не только согласился на его просьбу, но даже простилъ ему 20 тысячъ дукатовъ недоимки за прежніе годы. Высадка Мурада, которому Адорно и Катанео привели франкскихъ всадниковъ и генуезскихъ стрѣлковъ, столь же знаменитыхъ, какъ и англійскіе, произвело такой паническій страхъ, что приверженцы Мустафы разбѣжались. Самъ Мустафа бѣжалъ изъ Галлиполи въ Адріанополь еще прежде, чѣмъ разсѣялось его войско. Мурадъ оставался нѣсколько дней въ Галлиполи, откуда двинулся со всѣмъ своимъ войскомъ къ Адріанополю. Мустафа хотѣлъ скрыться въ Валахію съ драгоцѣнностями, какія успѣлъ забрать, но, не успѣвъ еще достигнуть горъ, былъ схваченъ своими приверженцами, выданъ Мураду и задушенъ въ одной изъ Адріанопольскихъ башенъ.

Побѣдивъ Мустафу, Мурадъ обратился противъ Іоанна II Палеолога; старикъ Мануилъ жилъ въ перивлептскомъ монастырѣ и почти не принималъ участія въ государственныхъ дѣлахъ. Покинутый императоръ еще прежде посылалъ къ Мураду пословъ, которыхъ султанъ посадилъ въ темницу, а по другимъ свѣдѣніямъ, отослалъ назадъ съ презрительнымъ отвѣтомъ. Всѣ источники согласны въ томъ, что Мануилъ вторично отправилъ къ султану одного изъ первыхъ сановниковъ, старика Коракса, пользовавшагося благосклонностью Мухаммеда и Мурада. Но и на этотъ разъ переговоры не имѣли успѣха; народъ обвинилъ Коракса въ измѣнѣ, и Мануилъ, по обычаю восточныхъ деспотовъ, отдалъ его на жертву разъяренной черни и своей кандіотской гвардіи; это злодѣйство окончательно взбѣсило Мурада и 10 іюня 1422 г. онъ появился передъ Константинополемъ. По словамъ грековъ, войско Мурада, состоявшее первоначально изъ 10 тысячъ, увеличилось до 40 или

50 тысячъ въ августѣ, когда были готовы всѣ приготовленія къ осадѣ. Мурадъ вызвалъ изъ Прузы святаго шейха Бухари, опоясавшаго его саблей султановъ; османы думали, что молитвами шейха и нѣсколькихъ сотъ его помощниковъ стѣны Константинополя падутъ сами собой, какъ нѣкогда стѣны Іерихона предъ звукомъ трубъ израильтянъ. 22 августа шейхъ началъ свои чудотворные опыты. Окруженный пятью стами дервишей, онъ кричалъ свои молитвы и заклинанія противъ стѣнъ, но онѣ не падали, и туркамъ пришлось начать обыкновенную осаду. Приступъ былъ отбитъ, а осада внезапно снята. Греческіе историки, у которыхъ мы заимствуемъ этотъ разсказъ, приписывали спасеніе города чуду. Дукасъ объясняетъ все это очень просто. Братъ Мурада II, настоящій Мустафа, счастливо избѣгнувшій участи другихъ братьевъ османскаго султана, внезапно появился въ то самое время, когда Мурадъ преслѣдовалъ въ Европѣ Лже-Мустафу. Найдя въ Малой Азіи много приверженцевъ, онъ достигъ Никеи, прежде чѣмъ Мурадъ успѣлъ обратиться противъ него. Извѣстіе о взятіи Никеи заставило Мурада поспѣшно снять осаду Константинополя (6 сентября 1422 г.) и греки приписали это неожиданное отступленіе чуду. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ умеръ старый императоръ и на греческій престолъ вступилъ его сынъ Іоаннъ II Палеологъ.

Въ борьбѣ съ настоящимъ Мустафой Мурадъ нашелъ такого же измѣнника, какъ и въ борьбѣ съ Лже-Мустафой: роль Джунейда была исполнена кравчимъ Иліей. Илія, управлявшій тринадцатилѣтнимъ Мустафой, какъ игрушкой, еще до появленія Мурада въ Азіи (1422 г.), велъ съ нимъ переговоры о выдачѣ его. Никея была взята, одинъ изъ лучшихъ военачальниковъ Мурада погибъ при защитѣ города, и несчастный мальчикъ искалъ убѣжища въ крѣпости. Одинъ изъ его приближенныхъ, подозрѣвая замыслы Иліи, бѣжалъ съ нимъ изъ крѣпости. Настигнутые, они были переданы султану, который приказалъ задушить брата. Тѣло его было однако погребено въ прузской фамильной гробницѣ османскихъ султановъ, куда не было отвезено тѣло Лже-Мустафы.

Въ 1423 г. Мурадъ былъ занятъ возстановленіемъ спокойствія въ Малой Азіи и потому нѣкоторое время оставлялъ въ покоѣ Іоанна Палеолога. По возвращеніи султана въ Европу императоръ поспѣшилъ отвратить грозу унизительнымъ договоромъ (1424 г.). По этому договору Іоаннъ уступилъ османамъ всѣ города и селенія на Мраморномъ и Черномъ морѣ, кромѣ Селимбріи и Доркаса, отказался отъ Лисимахіи (Сейтунъ) и другихъ городовъ по Стримону, и обязался платить ежегодно 30 тысячъ дукатовъ. Въ одной венеціанской хроникѣ говорится, что это была не дань, но выкупъ за императорскія владѣнія въ Мореѣ.

По заключеніи этого мира, еще нѣсколько опасными врагами султана оставались только венеціанцы и генуезцы; греческая имперія была данницей османовъ, а на Дунаѣ и въ горахъ по сѣверозападному берегу турки распространяли свое владычество все далѣе. Самъ Мурадъ былъ гораздо мягче и снисходительнѣе старыхъ визирей, управлявшихъ его именемъ и вѣроятно очень довольныхъ смертью Баезидъ Паши, пользовавшагося преобладающимъ вліяніемъ. Сербскій краль или воевода Стефанъ Лазаревичъ и воевода валахскій вступали въ союзъ то съ мадьярами противъ османовъ, то съ послѣдними противъ первыхъ. Когда въ 1424 г. султану вздумалось отправить посольство въ Офенъ съ поклономъ венгерскому королю Сигизмунду—или, какъ мы думаемъ, для того чтобы разузнать о положеніи дѣлъ въ Германіи и Венгріи, — въ свитѣ османскихъ пословъ находились уполномоченные отъ Стефана Сербскаго и Дракула Валахскаго. Миръ съ Сербіей и Валахіей нисколько не мѣшалъ туркамъ предпринимать набѣги на своихъ сосѣдей, платившихъ имъ тою же монетою. Дракулъ даже долженъ былъ явиться къ адріанопольскому двору и оставить тамъ заложниками своихъ сыновей, впослѣдствіи ослѣпленныхъ въ Токатѣ.

Съ венеціанцами, сохранявшими преобладаніе на морѣ до тѣхъ поръ, пока португальцы не совершили путешествія вокругъ Африки, а испанцы не открыли пути въ Америку, Мурадъ II въ продолженіе нѣсколько лѣтъ велъ войну на морѣ и на сушѣ. И османы и

венеціанцы расширяли свои владѣнія въ ущербъ грекамъ и потому неизбѣжно должны были прійти въ столкновеніе. Слѣдуя одинакой политикѣ, равно жестокіе и коварные въ отношеніи друзей и враговъ, османы и венеціанцы были непримиримыми врагами еще со временъ Мухаммеда I. При Мурадѣ они столкнулись въ горахъ Эпира или Албаніи и въ Далмаціи, гдѣ съ 1417 г. жили въ близкомъ сосѣдствѣ; венеціанцы поддерживали христіанскихъ горцевъ Далмаціи, постоянно боровшихся съ обращенными въ исламъ албанцами. Завладѣвъ въ XIII столѣтіи Зарой, венеціанцы продолжали распространять свое владычество по далматскому берегу, и наконецъ императоръ Сигизмундъ (1420 г.) долженъ былъ уступить имъ города Траву и Спалатро. Имъ принадлежалъ почти весь берегъ Албаніи и многіе изъ греческихъ острововъ, а въ 1407 г. они заняли и городъ Лепанто. Тогда цѣлью ихъ политики сдѣлались другіе острова греческаго моря, гавани Акарнаніи и берега Пелопоннеса, на что никакъ не могли равнодушно смотрѣть османы. Патрасъ, проданный венеціанцамъ вмѣстѣ съ другими небольшими мѣстечками и замками, только въ 1420 г., благодаря вліянію архіепископа патрасскаго, дѣйствительно перешелъ въ ихъ владѣніе. По вступленіи на престолъ воинственнаго Мурада II, венеціанская фамилія Чентуріоне, владычествовавшая въ Ахаіи, передала свои владѣнія республикѣ. Ѳеодоръ Палеологъ также былъ вынужденъ продать венеціанцамъ, владѣвшимъ замками въ Модонѣ, Коронѣ и другихъ приморскихъ городахъ Пелопоннеса, всѣ свои владѣнія внутри полуострова; но Венеція имѣла основаніе отказываться сначала отъ этого предложенія. Почти около того же времени венеціанцы пріобрѣли отъ Андроника, брата Ѳеодора Палеолога, Ѳессалонику или Салоники, имѣвшую для ихъ торговли гораздо больше значенія, чѣмъ горы и долины Лаконіи и Аркадіи. Будучи не въ силахъ защищать своихъ подданныхъ, Андроникъ былъ принужденъ ими (10 іюля 1423 г.) уступить городъ республикѣ за 50 тысячъ дукатовъ. Салоники сдѣлались складочнымъ мѣстомъ венеціанской торговли.

Мы уже говорили (т. IX. стр. 62) о враждѣ къ венеціанцамъ Мухаммеда I, относившагося такъ дружелюбно и мягко къ христіанамъ, въ особенности къ грекамъ и ихъ императору, и о его жестокостяхъ въ войнѣ съ республикою; распространеніе венеціанскаго владычества и безпокоило и сердило Мурада. Въ 1423 г. онъ, вмѣсто того, чтобы снова осадить Константинополь, отправилъ войско подъ начальствомъ Турухана противъ венеціанскихъ владѣній въ Пелопоннесѣ. Тутъ оказалось, что стѣна, построенная Мануиломъ на Гексамилонѣ (т. IX. стр. 59), не принесла грекамъ ни малѣйшей пользы; она не удержала вторженія османовъ и была снова разрушена. Венеціанцы съ свойственной имъ осторожностью держались въ отдаленіи отъ осаждаемыхъ османами замковъ, крейсируя около берега па двухъ корабляхъ; ихъ колоніи очень мало пострадали отъ турокъ, опустошившихъ византійскія владѣнія и обратившихъ до шести тысячъ человѣкъ въ рабство. По отступленіи Турухана изъ Пелопоннеса, венеціанцы, опасаясь нападенія съ другой стороны, въ особенности на купленную ими въ то время Ѳессалонику, запялись обороной острововъ и береговъ Эгейскаго моря; Мурадъ, между тѣмъ, связалъ руки Іоанну Палеологу миромъ, заключеннымъ въ февралѣ 1424 г. Дѣйствительно, въ томъ же году между османами и венеціанцами вспыхнула война, продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ. Мы упомянемъ о событіяхъ этой войны лишь на столько, на сколько они могутъ служить доказательствомъ, что гордая республика была готова на всякія униженія, когда дѣло касалось ея торговыхъ интересовъ. Замѣтимъ здѣсь, что нѣкоторыя происшествія этой войны доказываютъ, что венеціанцы уже тогда дѣйствовали огнестрѣльнымъ оружіемъ. Въ описаніяхъ первой осады Константинополя, начатой послѣ долгихъ приготовленій, также говорится о турецкихъ пушкахъ; но, по совершенному неумѣнію обращаться съ ними, онѣ очевидно не наносили непріятелю никакого вреда.

Въ первые два года войны съ венеціанцами Мурадъ не выставлялъ противъ нихъ всѣхъ силъ, стараясь избавиться сначала отъ

своихъ ненадежныхъ вассаловъ и преимущественно отъ Джунейда, измѣнившаго Лже-Мустафѣ. Привлеченный на сторону Мурада обѣщаніемъ возврата прежнихъ владѣній, Джунейдъ впослѣдствіи заналъ силою Айдинъ, Эфесъ и Смирну. Мурадъ оставлялъ его въ покоѣ, пока велъ войну съ молодымъ Мустафой и Іоанномъ Палеологомъ; одолѣвъ обоихъ противниковъ, онъ потребовалъ между прочимъ отъ Джунейда, чтобы дѣти его явились ко двору султана. Джунейдъ отказался исполнить это требованіе. Противъ него были высланы Умурбегъ, беглербегъ Караманіи, и Гамсабегъ, братъ Баезидъ Паши, казненнаго Джунейдомъ. Осажденный въ приморской крѣпости Инселѣ (Колофонъ?), Джунейдъ принужденъ былъ сдаться, когда Парчиваль Палавичини, преемникъ Адорно, сталъ блокировать городъ съ моря. При капитуляціи ему было обѣщано сохранить жизнь; Гамсабегъ не обратилъ однако вниманія на это условіе, и велѣлъ казнить Джунейда, его сыновей, брата и дядю. Въ числѣ лицъ, явившихся тогда къ Мураду съ поздравленіями по случаю побѣды, находились также послы владычествовавшихъ на Лесбосѣ и Хіосѣ генуэзскихъ аристократовъ. Чѣмъ открытѣе становилась вражда венеціанцевъ къ султану, тѣмъ болѣе заискивали у него генуэзцы, пользовавшіеся всякимъ случаемъ высказать Мураду свое уваженіе. Валахскій воевода Данъ, Лазарь Сербскій и родосскіе рыцари тоже прислали пословъ съ поздравленіемъ, а императоръ Іоаннъ Палеологъ отправилъ къ османскому двору своего перваго министра.

Война османовъ съ венеціанцами продолжалась. Венеціанцы опустошали берега и даже взяли Галлиполи, тотчасъ же впрочемъ отнятый у нихъ. Въ продолженіе 1428 и 1429 г. они имѣли перевѣсъ на морѣ, но за то со стороны Ѳессалоники имъ грозила серьезная опасность. Съ самаго начала войны Мурадъ занялъ всѣ дороги къ этому городу и поддерживалъ постоянныя сношенія съ его населеніемъ. Въ первое время венеціанскаго владычества жители Ѳессалоники были довольны венеціанцами, оставившими имъ самоуправленіе подъ наблюденіемъ двухъ проведиторовъ республики. Но такой

характеръ отношеній продолжался не долго. Венеціанцы скоро измѣнили всѣ учрежденія, поставили во главѣ города дожа и, обвинивъ—по неизвѣстнымъ намъ причинамъ—гражданъ въ заговорѣ противъ нихъ, ввели въ Ѳессалоникѣ венеціанскую шпіонско-полицейскую систему, одну изъ самыхъ страшныхъ, безнравственныхъ и подлыхъ, какія когда либо существовали. Возстановивъ противъ себя весь городъ, они прибѣгли къ такому же жестокому средству, какое употребляли и въ итальянскихъ городахъ. Въ Италіи венеціанцы схватывали и бросали въ тюрьму владѣтелей городовъ и дѣтей ихъ; въ Ѳессалоникахъ они стали вводить систему ссылокъ, развозя гражданъ по разнымъ островамъ. Неумолимая строгость венеціанскаго сената, слишкомъ хорошо извѣстная, не оставляетъ сомнѣнія, что мѣра эта была бы проведена до конца, если бы Мурадъ не явился на помощь городу. Венеціанцы уже нѣсколько лѣтъ пытались склонить султана на переговоры, но въ сношеніяхъ съ ними восточный деспотъ не обращалъ вниманія даже на международное право. Первый венеціанскій посолъ, отправленный въ 1424 г. въ Адріанополь, былъ схваченъ и нѣсколько лѣтъ томился въ темницѣ; второй, Джакопо Дандоло, не согласившись на предложеніе султана очистить Ѳессалонику, подвергся той же участи (1429 г.), а впослѣдствіи былъ задушенъ. Мурада раздражало въ особенности занятіе венеціанцами Кассандрейскаго перешейка, облегчавшаго имъ защиту города.

Въ началѣ 1430 г. Мурадъ сталъ дѣлать приготовленія къ правильной осадѣ Ѳессалоники. Мы считаемъ страшнымъ преувеличеніемъ слова греческаго историка, утверждающаго, что турецкое войско было во сто разъ больше венеціанскаго гарнизона, и думаемъ, что султанъ разсчитывалъ преимущественно на неудовольствіе жителей противъ венеціанскаго управленія и на нерасположеніе греческаго духовенства къ латинскому. Во время осады Ѳессалоники венеціанскій флотъ подъ командою Мончениго сдѣлалъ удачное нападеніе на Галлиполи; это еще болѣе раздражило Мурада, постоянно увеличивавшаго осадное войско и нѣсколько разъ

возобновлявшаго приступы. Въ мартѣ 1430 г. былъ предпринятъ рѣшительный приступъ. Обѣщанія, которыми султанъ старался воодушевить свое войско, достойны того, чтобы упомянуть здѣсь о нихъ; они покажутъ какіе враги угрожали Германіи въ теченіе двухъ столѣтій. Турецкій историкъ Сеадеддинъ согласенъ съ греческими историками въ томъ, что Мурадъ велѣлъ при звукѣ трубъ объявить въ лагерѣ: „что городъ будетъ отданъ на жертву грабежу и все, что въ немъ найдется, мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки, серебро и золото, предоставляется въ собственность войску, султанъ же сохраняетъ за собой только самый городъ и пустые дома.“ Судя по описаніямъ звѣрскихъ сценъ, послѣдовавшихъ за взятіемъ города, обѣщаніе было выполнено въ точности. Болѣе семи тысячъ мужчинъ и женщинъ различныхъ возрастовъ были уведены турками въ рабство, имущества горожанъ расхищены, церкви и монастыри разграблены, а у несчастныхъ жителей выпытывали подъ страшными мученіями, куда они прятали свои вещи. Черезъ нѣсколько дней султанъ рѣшился наконецъ прекратить эти неистовства. Онъ велѣлъ вывести войско изъ города, пригласилъ возвратиться всѣхъ разбѣжавшихся изъ города передъ осадой, выкупилъ у своихъ турокъ знатныхъ и богатыхъ гражданъ и старался возстановить благосостояніе города, дозволивъ увести въ рабство бѣднѣйшихъ жителей. Черезъ два года, когда спокойствіе возстановилось и жители считали себя огражденными отъ насилія, Мурадъ поступилъ чисто по турецки съ собственностью города, монастырей, церквей и частныхъ лицъ. Этотъ грабежъ далъ ему возможность перевести въ Ѳессалонику мухаммеданъ одного сосѣдняго турецкаго города. Взятіемъ Ѳессалоники Мурадъ достигъ своей цѣли относительно Венеціи, республика также не считала выгоднымъ для себя продолжать войну, и потому въ сентябрѣ 1430 г. былъ заключенъ миръ, по которому султанъ сохранилъ свои завоеванія, возвративъ венеціанцамъ ихъ торговыя привилегіи и снова открывъ имъ турецкія гавани.

По окончаніи венеціанской войны всѣ со страхомъ ждали, и

Дукасъ высказываетъ это опасеніе въ своей исторіи, что Константинополь постигнетъ такая же участь, какъ и Ѳессалонику. Мурадъ счелъ однако за лучшее подчинить сначала храбрыхъ горцевъ западнаго прибрежья, и славянъ и мадьяръ па сѣверѣ и такимъ образомъ округлить свою имперію. Предпріятіе османовъ противъ мадьяръ поставило ихъ лицомъ къ лицу съ христіанскимъ народомъ и христіанскимъ королемъ, положившимъ наконецъ предѣлъ ихъ завоеваніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно вызвало у славянскихъ горцевъ появленіе молодаго героя, подвиги и сабля котораго, подобно рогу и мечу Роланда, прославлялись впослѣдствіи въ поэтическихъ произведеніяхъ турокъ и христіанъ. Побѣдоносными мадьярами предводительствовалъ Іоаннъ Гуніадъ, а героемъ побѣжденныхъ турками албанцевъ былъ четвертый сынъ ихъ князя Іоанна Кастріоты, Искендеръ-бегъ или Скандербегъ.

Прежде чѣмъ перейти къ венгерскимъ войнамъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о завоеваніяхъ Мурада на сѣверѣ древней Греціи. Мы упоминаемъ о нихъ потому, что они, вмѣстѣ съ образомъ дѣйствій турокъ въ Ѳессалоникѣ, доказываютъ, что османы не были чужды завоевательной политики древнихъ римлянъ, венеціанцевъ и англичанъ. Вслѣдъ за взятіемъ Ѳессалоники, смерть Карло Токко, владѣтеля Занте и Кефалоніи, называвшаго себя герцогомъ янинскимъ, дала поводъ султану вмѣшаться въ семейные споры мелкихъ владѣтелей и племенъ, которые со времени латинскихъ императоровъ, подобно такъ называемому непосредственному имперскому рыцарству Германіи, пріобрѣли грабежомъ и убійствами независимость въ горахъ Акарнаніи, Этоліи и Эпира. Мы не станемъ приводить всѣхъ подробностей семейныхъ раздоровъ, прекращенныхъ полководцемъ султана Синабегомъ. Мурадъ стремился упрочить свое владычество въ древнемъ Эпирѣ, и потому Синабегъ поступилъ съ фамиліей Токко такъ, какъ поступаютъ англичане съ индійскими раджами или предводителями сейковъ. Въ октябрѣ 1431 года городъ Янина былъ уступленъ султану, оставившему за то племяннику Карло Токко, носившему то же имя,

его владѣнія въ Эпирѣ и Акарнаніи. Но, обязавъ Карло Токко платить ему ежегодную дань и являться по приказанію султана къ его двору, Мурадъ всегда имѣлъ возможность отнять эти владѣнія. Аѳины и Ѳивы то же принадлежали вассалу Мурада, Антоніо, побочному сыну стараго Карло Токко, получившаго эти города чрезъ женидьбу. Антоніо еще при Баезидѣ призналъ себя турецкимъ вассаломъ, а затѣмъ присягалъ попеременно всѣмъ его сыновьямъ — Солиману, Музѣ, Мухаммеду и наконецъ Мураду.

Съ валахскимъ воеводою, умертвившимъ своего предшественника Дана и все его семейство и прозваннымъ Дракуломъ, т. е. дьяволомъ, Мурадъ заключилъ тѣсный союзъ, а Георгія Бранковича Сербскаго заставилъ отказаться отъ союза съ венгерскимъ королемъ и германскимъ императоромъ Сигизмундомъ, отдать дочь въ гаремъ султана, уступить часть владѣній и, подобно Дракулю, выставлять османамъ вспомогательное войско. Съ Сигизмундомъ Мурадъ нѣсколько разъ возобновлялъ миръ и еще въ 1433 г. отправилъ къ нему съ поклономъ двѣнадцать знатнѣйшихъ турокъ, поднесшихъ императору въ Базелѣ, гдѣ онъ въ то время находился по случаю собора, двѣнадцать кубковъ, наполненныхъ золотыми монетами; дружескія заявленія не мѣшали однако туркамъ, сербамъ и валахамъ, почти ежегодно (съ 1434 г.), опустошать Трансильванію. Эти набѣги, имѣли то хорошее послѣдствіе, что тѣснѣе соединили разрозненныя до тѣхъ поръ три племени, мадьяръ, шеклеровъ и саксовъ, населявшихъ Трансильванію. Походъ, предпринятый лѣтомъ 1438 г. самимъ Мурадомъ, двинувшимся изъ Желѣзныхъ воротъ въ Германштадтъ, трансильванскія и валахскія хроники считаютъ самымъ страшнымъ вторженіемъ османовъ. Султанъ хотя и не могъ завладѣть тогда ни Германштадтомъ, ни Кронштадтомъ, но, возвращаясь черезъ Тёрцбургскій проходъ, увелъ за собой до семидесяти тысячъ плѣнныхъ, большей частью саксовъ.

Въ Венгріи царствовалъ въ то время зять Сигизмунда, Альбертъ Австрійскій. Когда турки заняли всю Сербію, венгерскій король назначилъ баномъ Шрёни побочнаго сына Сигизмунда, героя

Іоанна Гуніада, защищавшаго, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Маттіасомъ, даже по завоеваніи Константинополя турками, Венгрію и Германію отъ хищныхъ набѣговъ османовъ. Не довѣряя Георгію Бранковичу и его сосѣду Дракулу, Мурадъ заключилъ ихъ сыновей въ темницу и потребовалъ отъ сербскаго краля уступки крѣпости Семендріи. Дракулъ безусловно подчинился приказанію Мурада и послѣдовалъ за нимъ въ Трансильванію; Георгій Бранковичъ передалъ защиту Семендріи старшему сыну, спасшемуся изъ плѣна, а самъ съ младшимъ сыномъ Лазаремъ и сокровищами бѣжалъ въ Венгрію (1439 г.). Мурадъ осадилъ Семендрію, взялъ городъ, и отправилъ сына Георгія въ Токатъ. Георгій Бранковичъ умолялъ венгерскаго короля и магнатовъ (апрѣль 1439 г.) отправить въ Сербію войско, чего также настоятельно требовалъ Іоаннъ Гуніадъ. Вмѣсто того, чтобы облечь тогда короля диктаторскою властью, а народу дать новыя права и такимъ образомъ противопоставить монархическую власть военному деспотизму турокъ, венгерскіе магнаты на сеймѣ, происходившимъ въ концѣ мая, заставили Альберта подписать конституцію, совершенно уничтожавшую всякое административное единство. Пресловутый Decretum Alberti regis, которымъ Альбертъ призналъ себя игрушечнымъ королемъ, а палатина, предлагаемаго, но не избираемаго имъ, духовенство и дворянство властителями народа. Чрезвычайно важенъ для безпристрастнаго, не юридическо-романтическо-поэтическаго, но прозаическаго и историческаго изслѣдованія вліянія средневѣковаго феодализма. Особенно замѣчательно, что на этотъ сеймъ, имѣвшій такія важныя послѣдствія для исторій двухъ послѣдующихъ столѣтій, не были допущены, слѣдовательно и не получили на немъ никакихъ особыхъ правъ горожане, принадлежавшіе еще къ феодальнымъ сословіямъ. Изъ двадцати четырехъ статей предписанной королю конституціи шесть, относившіяся до военнаго устройства, наемниковъ и ополченія, изложены такъ неясно, что даже такой герой, какъ Іоаннъ Гуніадъ, не могъ долго защищать отъ турокъ Венгрію. Мы приведемъ только двѣ статьи для дока-

зательства, что при такой военной организаціи, какъ венгерская, по этимъ шести статьямъ не было никакой возможности бороться съ народомъ, занимавшимся исключительно войной и состоявшимъ только изъ воиновъ и разбойниковъ, и съ султаномъ, который, для сохраненія своей власти долженъ былъ быть полководцемъ. Одна изъ этихъ статей служитъ для насъ объясненіемъ, почему главныя силы государства, состоявшія изъ народныхъ ополченій, никогда не могли поспѣвать во время; по другой, грубый способъ веденія войны мадьярами, чуждый всякихъ тактическихъ и стратегическихъ правилъ, былъ утвержденъ закономъ. Въ первой статьѣ, двадцать второй, предписывалось созывать поголовное ополченіе только тогда, когда оказывалось, что наемныя войска короля и магнатовъ не могли бороться съ непріятелямъ; по второй статьѣ, двадцать четвертой, дозволялось всякому завладѣвать добычей и плѣнными и обращать въ рабовъ или продавать послѣднихъ, а королю вмѣнялось въ обязанность выкупать всѣхъ предводителей и знатныхъ венгерцевъ, попавшихся въ плѣнъ. При такихъ условіяхъ, когда Альбертъ съ большими усиліями едва могъ выставить двадцать четыре тысячи человѣкъ, туркамъ было нетрудно утвердиться въ Сербіи и снова наложить дань на Боснію.

Приказавъ своимъ полководцамъ тревожить Венгрію набѣгами, Мурадъ двинулся съ главными силами въ Боснію и Албанію, взявъ сначала Новобердо, и завладѣлъ его богатыми рудниками. Тварко Боснійскій долженъ былъ согласиться увеличить пятью тысячами дукатовъ платимую имъ ежегодно дань, а высланное противъ Семендріи венгерское войско, вслѣдствіе закономъ утвержденной анархіи, разбѣжалось при видѣ турокъ. Шесть венгерскихъ предводителей ополченій оставили лагерь безъ позволенія короля, а на слѣдующій день во всемъ войскѣ раздался крикъ: „волкъ, волкъ!“ имѣвшій то же значеніе и дѣйствіе, какъ у французовъ „спасайся кто можетъ! (sauve qui peut).“ Турецкіе наѣздники преслѣдовали бѣжавшихъ венгерцевъ и захватили въ плѣнъ цѣлые отряды, которые и были проданы ими въ рабство. Георгій Бранковичъ бѣжалъ

сначала въ Антивари и оттуда въ Рагузу, султанъ же готовился начать въ слѣдующемъ году осаду Бѣлграда, но къ счастію Венгріи, въ октябрѣ 1439 г. умеръ король Альбертъ, и на венгерскій престолъ вступилъ вождь, возстановившій древнюю военную славу венгровъ.

Альбертъ оставилъ свою жену Елисавету, дочь императора Сигизмунда, беременной, назначивъ, въ томъ предположеніи, что она родитъ сына, особыхъ опекуновъ для Австріи, Богеміи и Венгріи. Самымъ вліятельнымъ изъ нихъ не по званію, а по военнымъ талантамъ былъ Іоаннъ Гуніадъ. Королевское завѣщаніе было признано только въ Венгріи; въ Австріи и Богеміи управленіе было передано другимъ лицамъ, избраннымъ сеймами. Но и въ Венгріи самые вліятельные изъ назначенныхъ Сигизмундомъ опекуновъ не были расположены къ его женѣ. Побуждаемые Іоанномъ Гуніадомъ они рѣшились, для болѣе успѣшной борьбы съ турками, предложить венгерскую корону королю польскому, Владиславу III, если онъ (по описаніямъ также не красивый) согласится жениться на уродливой, состарѣвшейся и беременной Елисаветѣ. Владиславъ долго не рѣшался на это тяжелое условіе, какъ ни заманчива была для него мысль, что за его будущими дѣтьми отъ Елисаветы сохранялось право на венгерскую корону; Богемія назначалась сыну Альберта. 21 февраля 1440 г. въ Краковѣ онъ согласился наконецъ принять престолъ Венгріи, и вслѣдъ за тѣмъ былъ освобожденъ отъ обязательства жениться на Елисаветѣ, родившей на слѣдующій день въ Коморнѣ при открытыхъ дверяхъ сына Владислава, названнаго Послѣрожденнымъ или Шестымъ. Въ союзѣ съ графомъ фонъ Циллей и другими магнатами Елизавета старалась съ помощью нѣмцевъ оспаривать Венгрію у избраннаго уже королемъ Владислава III, а другая партія объявила себя въ его пользу. Такимъ образомъ возникла междоусобная война и рядомъ съ ней полнѣйшая анархія въ то самое время, когда грозившая со стороны турокъ опасность требовала прежде всего единства. Понимая критическое положеніе Венгріи, спаситель Трансильваніи, Іоаннъ Гу-

ніадъ, отправился въ Офенъ, заиятый въ іюнѣ 1440 г. польскимъ королемъ и его приверженцами и когда старанія его примирить враждебныя партія не подѣйствовали на такихъ людей, какъ Николай Гара и графы фонъ Циллей, предложилъ польскому королю возстановить порядокъ силою, потому что желалъ какъ можно скорѣе дать Владиславу возможность отправиться на выручку Бѣлграда. Осажденный всѣмъ турецкимъ войскомъ и громимый осадными орудіями Мурада, дѣйствовавшими при осадѣ Константинополя, Бѣлградъ защищался семь мѣсяцевъ, и былъ спасенъ появившимся въ XV вѣкѣ въ Италіи военными науками и огнестрѣльнымъ оружіемъ; новыми изобрѣтеніями воспользовались и венеціанцы въ войнѣ съ храбрыми горцами Далмаціи. При защитѣ Бѣлграда Іоаннъ Зованъ изъ Рагузы, братъ Матко изъ Талотца, и флорентинецъ Джіованни Урано пріобрѣли себѣ безсмертную славу. Въ Венгріи продолжала свирѣпствовать междоусобная война; однако польскій король успѣлъ, въ теченіе продолжительной осады Бѣлграда, упрочить на столько свое значеніе въ Венгріи, что могъ помочь осаждаемой крѣпости если не оружіемъ, то, по крайней мѣрѣ, своими военными приготовленіями и угрозами Мураду. Султанъ уже готовился снять осаду Бѣлграда, когда распространился слухъ, что торжественно коронованный въ Офенѣ (іюль 1440 г.) Владиславъ сосредоточиваетъ войско около Шегедина, для отправленія его на выручку крѣпости; въ то же время въ турецкій лагерь явился посолъ новаго венгерскаго короля. Мурадъ отступилъ отъ Бѣлграда, объявивъ королевскому послу поляку Ленчицкому, что, рано или поздно, городъ будетъ присоединенъ къ его имперіи. Такъ разсказываютъ венгерцы, прибавляющіе, что Мурадъ потерялъ во время осады до 17 тысячъ человѣкъ. Но всѣ эти свѣдѣнія, какъ и многія другія подобнаго рода, ничѣмъ не подтверждаются. Въ 1440 и 1441 г. война, веденная Елисаветой и ея приверженцами противъ Владислава III и его партіи, длилась безъ перерывовъ. Большихъ и рѣшительныхъ сраженій не было, а въ мелкихъ стычкахъ перевѣсъ оставался то на той, то на другой сторонѣ. Польскіе магнаты желали возвращенія

короля, да и самъ Владиславъ, тяготившійся своей зависимостью, вѣроятно давно вернулся бы въ Польшу, если бы венгерцы зорко не слѣдили за нимъ.

Въ 1441 и 1442 г. Іоаннъ Гуніадъ пріобрѣлъ себѣ славу въ религіозной войнѣ противъ невѣрныхъ, и впервые положилъ предѣлъ ихъ завоеваніямъ. Это несомнѣнно; мы не рѣшаемся только опредѣлить въ какіе мѣсяцы были одержаны имъ побѣды надъ турками. Въ описаніи подвиговъ Гуніада согласны всѣ писатели, но о времени ихъ было много споровъ. Даже новѣйшіе изслѣдователи хронологіи турецкихъ войнъ пришли къ различнымъ результатамъ относительно времени отдѣльныхъ событій. Мы будемъ слѣдовать порядку, кажущемуся намъ болѣе вѣроятнымъ. Въ 1441 г., когда Мурадъ велѣлъ своимъ войскамъ двинуться изъ Сербіи въ Венгрію и въ восточную часть Трансильваніи, Іоаннъ Гуніадъ за услуги, оказанныя Владиславу III во внутренней войнѣ, былъ сдѣланъ воеводою или герцогомъ трансильванскимъ и графомъ темешварскимъ, получивъ въ то же время главное начальство на всѣми южными городами монархіи. Избравъ своимъ мѣстопребываніемъ Бѣлградъ, онъ вскорѣ двинулся на встрѣчу приближавшемуся турецкому войску. Венгерцы и турки сражались съ одинаковымъ ожесточеніемъ, но, послѣ долгой, нерѣшительной борьбы, послѣдніе были вынуждены отступить къ Семендріи. Тогда Гуніадъ поспѣшилъ въ Трансильванію, гдѣ другое османское войско проникло уже до Германштадта. При Санктъ-Эмерихѣ Гуніадъ за неосторожное нападеніе поплатился пораженіемъ. Вслѣдъ за тѣмъ произошло новое кровопролитное сраженіе: турки были разбиты на голову, по крайней мѣрѣ войско ихъ разбѣжалось, а взятые ими при Санктъ-Эмерихѣ плѣнные были почти всѣ отбиты. Со времени этой побѣды Іоанна Гуніада стали прославлять по всей Европѣ, въ церквахъ и пѣсняхъ, какъ героя вѣры и ангела хранителя противъ турокъ. Однимъ изъ послѣдствій его побѣды было то, что воеводы Молдавіи и восточныхъ горныхъ странъ, признавшіе верховную власть султана, снова присоединились къ Венгріи и присягнули въ вѣрности королю Вла-

диславу. Въ слѣдующемъ году (1442 г.) Мурадъ велѣлъ собрать новое войско изъ всѣхъ малоазіатскихъ провинцій, намѣреваясь отмстить за понесенное пораженіе. Султанъ сначала хотѣлъ стать самъ во главѣ многочисленнаго войска, готовившагося вторгнуться въ Венгрію или вѣрнѣе въ Трансильванію, но, дойдя до Софіи, перемѣнилъ намѣреніе и предоставилъ главное начальство Сагимъ Пашѣ. Перейдя Дунай съ 80 тысячами, Сахимъ Паша наводнилъ всю равнину Трансильваніи. Что бы объяснить себѣ безъ всякой примѣси чудесъ побѣды венгровъ, необходимо знать, что большая часть турецкаго войска состояла изъ азіатцевъ, что предводитель ихъ, по свидѣтельству турецкихъ историковъ, не пользовался большимъ уваженіемъ и не могъ поддерживать дисциплины въ войскѣ, и что въ то время, какъ Гуніадъ появился въ проходѣ Желѣзныхъ воротъ съ 15 тысячами отборнаго и испытаннаго войска, разсѣянные по Трансильваніи турецкіе отряды находились на далекомъ разстояніи другъ отъ друга. Близь Васага произошло кровопролитное сраженіе, кончившееся уничтоженіемъ всего турецкаго войска. Пять тысячъ, въ томъ числѣ почти всѣ предводители, были взяты въ плѣнъ, тысяча человѣкъ легло на мѣстѣ, Сахимъ Паша бѣжалъ; всѣ дороги и поля были усѣяны трупами, и христіанское войско завладѣло огромной добычей.

Почти около того же времени политическія дѣла Венгріи приняли такой характеръ, что представлялась возможность отправить противъ внѣшнихъ враговъ все войско, образовавшееся въ войнѣ между Елисаветою и Владиславомъ Польскимъ. Сынъ Альберта Владиславъ былъ признанъ венграми и польско-венгерскимъ королемъ наслѣдникомъ монархіи; такимъ образомъ весь споръ между партіей Елисаветы и ихъ противниками заключался только въ томъ, кто будетъ пока управлять: избранный венграми польскій король или германскій императоръ Фридрихъ III, графы фонъ Циллей и Елисавета. По смерти Елисаветы (въ концѣ 1443 г.) Фридрихъ III, претендовавшій на регентство, продолжалъ войну. Въ 1443 г. ловкому кардиналу Юліану, отправленному папой, удалось

устроить дѣла такъ, что польскій король могъ выступить на встрѣчу султану во главѣ всего венгерскаго войска; Георгій Сербскій давалъ деньги, а Іоаннъ Гуніадъ употреблялъ все свое вліяніе для принятія въ этомъ году рѣшительныхъ дѣйствій противъ турокъ.

Изъ писемъ Гуніада, сдѣлавшихся извѣстными въ новѣйшее время, видно, что венгерское войско, не особенно впрочемъ многочисленное, только въ іюлѣ достигло Дуная и тотчасъ переправилось черезъ него, чтобы аттаковать турокъ. Гуніадъ и Георгій Бранковичъ Сербскій предводительствовали передовыми отрядами, король Владиславъ III велъ главное войско, составившееся вслѣдствіе убѣжденій папы Евгенія IV, призывавшаго христіанъ къ крестовому походу, изъ венгерцевъ, поляковъ, сербовъ, валаховъ, нѣмцевъ и волонтеровъ всѣхъ христіанскихъ народовъ. Лучшую часть войска составляли наемники, нанятые Гуніадомъ на субсидіи сербскаго короля и на занятыя имъ самимъ деньги. Венгерскій герой разбилъ пашу, командовавшаго расположенными въ Сербіи турецкими войсками, оставилъ королевское войско на Моравѣ, взялъ Ниссу и двинулся къ Софіи. Наткнувшись между этими двумя городами на турецкіе отряды, онъ вступилъ съ ними въ сраженіе 3 ноября. Три паши нападали на него одинъ за другимъ, и всѣ были разбиты по одиначкѣ. Затѣмъ Софія была взята и разрушена. Отъ Софіи оставалось три дня пути до Филиппополя и шесть дней до Адріанополя; но зимніе холода и разбросанные въ тылу турецкіе отряды заставили Гуніада своротить съ филиппопольской дороги и обратиться противъ этихъ отрядовъ. Мурадъ между тѣмъ велѣлъ занять узкіе проходы Гемуса, а Махмуду Челеби приказалъ аттаковать ослабленное холодами и утомленное непріятельское войско. Турецкій полководецъ напалъ на венгровъ; но Гуніадъ разбилъ турокъ и проложилъ себѣ дорогу черезъ Гемусъ, не смотря на снѣгъ, ледъ, холодъ и недостатокъ въ кормѣ для лошадей, представлявшіе непреодолимыя препятствія венгерскому войску, большая часть котораго состояла изъ конницы. Только по занятіи главнаго прохода, Гуніадъ рѣшился пуститься

6*

въ обратный путь. Соединивъ свой отрядъ съ королевскимъ войскомъ и подкрѣпленный свѣжими силами Никласа Уйлака, поспѣшившаго на помощь съ своими вассалами, венгерскій герой далъ на вершинѣ горъ сраженіе многочисленному турецкому войску подъ начальствомъ зятя Мурада, и завершилъ рѣшительной побѣдой при Куновицѣ блистательные подвиги этого и двухъ предъидущихъ годовъ. Турецкое войско было разсѣяно, а предводитель его взятъ въ плѣнъ.

Этотъ походъ, какъ продолжавшійся до новаго года, былъ названъ долгимъ походомъ, но его слѣдовало бы назвать короткимъ, потому что, не смотря на ледъ и снѣгъ, крутыя, почти недоступныя вершины и непроходимыя ущелья, войско Гуніада, вышедшее изъ Офена 20 іюля, совершило въ пять мѣсяцевъ болѣе великихъ подвиговъ, пріобрѣло болѣе истинной геройской славы и вселило туркамъ бо́льшій страхъ, чѣмъ какое бы то ни было другое непріятельское войско со времени Тимура. Одной изъ главныхъ причинъ пораженія Мурада была его слишкомъ большая довѣрчивость къ албанцамъ и ихъ предводителю, Георгію Кастріотѣ, знаменитому впослѣдствіи подъ именемъ Скандербега. Мурадъ умертвилъ его отца, Іоанна Кастріоту, владѣтеля города Крои, и братьевъ, пощадивъ его одного, тогда еще ребенка. Воспитанный въ мухаммеданской вѣрѣ, Георгій Кастріота на 19 году получилъ въ управленіе санджакъ и былъ прозванъ Искендеръ-бегомъ, т. е. княземъ Александромъ. Во время долгаго похода Гуніада онъ оставилъ вмѣстѣ съ племянникомъ Гамсой турецкое войско, измѣнническою жестокостью и хитростью возвратилъ себѣ отцовское владѣніе и снова обратился въ христіанство. Разсказываютъ, что случайно встрѣтивъ турецкаго эффенди, носившаго печать султана, Георгій Кастріота приставилъ къ его груди кинжалъ и заставилъ его приложить печать къ написанному имъ самимъ повелѣнію коменданту Крои сдать ему городъ. Затѣмъ онъ убилъ эффенди и всѣхъ, знавшихъ о поступкѣ его, и такимъ образомъ завладѣлъ Кроей и верхней Албаніей. Преемникъ Тварко, Ѳома Христичъ, избран-

ный въ 1443 г. королемъ Босніи, также отпалъ отъ Мурада, большая же часть регулярныхъ турецкихъ войскъ или янычаръ и сипаевъ погибла въ сраженіяхъ.

Политика римскаго двора была причиною того, что блистательныя побѣды венгерскаго героя не принесли христіанству тѣхъ выгодъ, какихъ можно было ожидать отъ нихъ. Исходъ долгаго похода заставилъ Мурада заключить миръ. Онъ возвратилъ валахскому воеводѣ Дракулу и Георгію Бранковичу ихъ ослѣпленныхъ сыновей, велѣлъ сдать послѣднему сербскія крѣпости Шеркэй, Крушевацъ и Семендрію, а потомъ отправилъ въ Венгрію одного греческаго ренегата со свитой изъ ста человѣкъ, для заключенія мира. Это посольство явилось не къ королю, а къ Іоанну Гуніаду, на котораго турки смотрѣли, какъ на главу мадьяровъ. Гуніадъ отослалъ однако посольство къ собравшемуся въ Шегединѣ венгерскому государственному совѣту. Венгерскій герой и король очень хорошо понимали, что гораздо выгоднѣе предпочесть предлагаемый Мурадомъ миръ славѣ новаго похода; но интриги Евгенія IV помѣшали заключенію мира. Папѣ хотѣлось занять умы турками и своими планами установленія единства въ христіанской церкви, чтобы отвратить вниманіе христіанскаго міра отъ базельскаго собора, собравшагося съ цѣлью прекратить злоупотребленія церкви. На флорентинскомъ соборѣ Евгенію IV удалось съ помощью греческаго императора и его придворнаго духовенства условиться о соединеніи греческой и латинской церквей. Послѣдствія доказали однако, что греческій народъ и его духовенство тогда, такъ же, какъ и прежде, далеконе были расположены послѣдовать примѣру императора и нѣсколькихъ епископовъ, но до этого папѣ не былоникакого дѣла. Желая удить въ мутной водѣ, онъ думалъ только о томъ, чтобы противопоставить химерическое соединеніе обѣихъ церквей и новый крестовый походъ опасному для себя базельскому собору, отправивъ въ то же время Энея Сильвія съ порученіемъ успокоить нѣмцевъ заключеніемъ лживаго конкордата. Въ Венгрію, гдѣ Гуніадъ и Георгій Бранковичъ дѣлали большія приготовленія къ походу, былъ

посланъ знаменитый своими жестокостями и постыднымъ бѣгствомъ въ гусситскую войну кардиналъ Юліанъ Чезарини. Легату было поручено запутать Венгрію въ новую войну для достиженія химерической цѣли римской церкви; занявшись этою невозможною задачею и стремясь за недостижимымъ, христіанскій міръ забылъ достижимое. Юліанъ, названный миланскимъ посломъ въ Венгріи новымъ Моисеемъ, представлялъ изъ себя въ Офенѣ мечтателя, бредившаго только объ изгнаніи турокъ изъ Европы, о соединеніи греческой и латинской церкви и о крестовомъ походѣ на морѣ и на сушѣ. Хитрый итальянецъ представилъ венгерскому государственному совѣту планъ возстановленія греческой имперіи, блистательный на бумагѣ и въ краснорѣчивыхъ рѣчахъ пословъ, но пустоту котораго понималъ такой человѣкъ какъ Гуніадъ. Крестовый походъ поляковъ, венгровъ и сербовъ долженъ былъ истребить вторгнувшихся въ Европу турокъ. Венеціанцы и генуезцы обязывались черезъ посольство, спеціально съ этой цѣлью присланное въ Венгрію, отправить соединенный флотъ въ Геллеспонтъ, чтобы отрѣзать туркамъ переправу въ Азію. Послы, явившіеся изъ Франціи, Англіи, Испаніи, Арагоніи, Бургундіи, Милана и Флоренціи, старались изысканными рѣчами, составленными по древнимъ греческимъ и римскимъ образцамъ, изученіе которыхъ возродилось въ то время, убѣдить венгерскій государственный совѣтъ принять планъ Юліана. Въ апрѣлѣ 1444 г. король Владиславъ созвалъ для рѣшенія этого вопроса большой сеймъ въ Офенѣ. Но внутреннія волненія въ Венгріи были еще такъ сильны, что сеймъ сначала не хотѣлъ и слышать о предложеніяхъ Юліана, потомъ отложилъ этотъ вопросъ до лѣта, и наконецъ предоставилъ вести войну войсками, навербованными королемъ и Гуніадомъ, и наемниками нѣсколькихъ прелатовъ. Венгерское дворянство отказалось созвать поголовное ополченіе, бароны и большинство прелатовъ также не хотѣли участвовать съ своими наемниками въ крестовомъ походѣ.

Неудача не устрашила кардинала, обѣщавшаго венграмъ помощь поляковъ, нѣмецкихъ рыцарей, Молдавіи, Валахіи и эпиротовъ подъ

предводительствомъ Скандербега. Но вспомогательныя войска не являлись и только папскій и бургундскій флоты снаряжались для отправленія въ Геллеспонтъ; тогда Іоаннъ Гуніадъ объявилъ себя въ пользу мира. Владиславъ, сначала горячо взявшійся за мысль о крестовомъ походѣ, то же послушался внушеній холоднаго разсудка и принялъ условія, предложенныя османскими послами венгерскому государственному совѣту. Мурадъ соглашался возвратить Георгію Бранковичу Сербію, Хулмъ и Герцеговину, признать верховное владычество Венгріи надъ Валахіей, предоставить Албанію Скандербегу, уступить часть Болгаріи и выкупить взятаго въ плѣнъ Махмуда Челеби за 70 тысячъ дукатовъ, требуя отъ сербскаго князя обѣщанія выдавать султану половину своихъ доходовъ и взаимнаго обязательства венгровъ и турокъ, не дѣлать набѣговъ черезъ Дунай. На этихъ условіяхъ былъ заключенъ въ концѣ іюля десятилѣтній миръ. Но кардиналъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока не разрушилъ мира; въ этомъ ему помогали неотвязчивыми просьбами и хвастливыми обѣщаніями греческій императоръ Іоаннъ Палеологъ и внукъ Евгенія, кардиналъ Франческо Кондольміери, щеголявшій въ красной шапкѣ какъ главный коммандиръ папскаго флота. Императоръ Іоаннъ написалъ 30 іюля изъ Мистры письмо къ королю Владиславу, стараясь всевозможными доводами уговорить его нарушить миръ, а кардиналъ Кондольміери въ своихъ письмахъ обязывался, именемъ папы и венеціанцевъ, явиться съ многочисленнымъ флотомъ въ Геллеспонтъ. И тотъ и другой постоянно твердили, что возстаніе грубыхъ туркомановъ противъ султана представляетъ удобный случай для войны съ турками. Противъ возраженій Гуніада относительно святости данной клятвы не нарушать мира Юліанъ открыто и нагло защищалъ одинъ изъ принциповъ римской церкви того времени, что въ отношеніи еретиковъ и невѣрныхъ не слѣдуетъ держать словъ и клятвъ. Гуніадъ допустилъ убѣдить себя этими краснорѣчивыми доводами, миръ былъ нарушенъ и на Дунай отправлено войско. Мы увидимъ, какъ гибельно было для венгровъ нарушеніе клятвы: вмѣсто ожидаемаго изгнанія турокъ изъ

Европы, походъ положилъ конецъ существованію греческой имперіи и ускорилъ завоеваніе Константинополя. Сверхъ того, нарушеніе клятвы по наущенію папы, уничтожившее выгодный для запада миръ, усилило до невѣроятной степени всеобщее раздраженіе противъ политики церкви. Для насъ рѣшительно непонятно, какъ такой человѣкъ, какъ Гуніадъ, могъ склониться на уговоры папы и его кардинала и выступить поздней осенью противъ всѣхъ турецкихъ силъ съ десятью тысячами, собранными имъ 1 сентября на Дунаѣ, огромнымъ багажемъ и обозомъ, къ которому впослѣдствіи присоединилось только пять тысячъ валаховъ. Невѣроятно, чтобы весь его разсчетъ основывался на увѣреніяхъ Владислава и магнатовъ, что и Болгарія, которую еще нужно было завоевать, нарушитъ миръ съ турками.

Между тѣмъ, султанъ, подавивъ возстаніе въ Малой Азіи, отказался отъ управленія и удалился въ Магнезію. Греки говорятъ по этому поводу, что Мурадъ былъ человѣкомъ мягкимъ и кроткимъ, что смерть старшаго сына Алаэддина глубоко огорчила его, а понесенныя османами пораженія и заключенный имъ постыдный миръ сдѣлали его такимъ угрюмымъ, что онъ рѣшился удалиться и жить какъ частный человѣкъ. По окончаніи караманской войны (1444 г.) онъ передалъ управленіе четырнадцатилѣтнему сыну Мухаммеду II, пріобрѣвшему знаменитость завоеваніемъ Константинополя. Мухаммедъ игралъ въ адріанопольскомъ дворцѣ только роль правителя (ничего бо́льшаго не позволяли ему дѣлать лѣта), а Мурадъ жилъ частнымъ человѣкомъ въ Магнезіи. Но, узнавъ о намѣреніи венгровъ переправиться черезъ Дунай, старый султанъ снова принялъ бразды правленія.

Георгій Бранковичъ Сербскій не только не участвовалъ въ войнѣ, устроенной папою и его кардиналомъ, но даже не позволилъ храброму Скандербегу пройти чрезъ свои владѣнія въ нижнюю Албанію, для присоединенія къ венгерскому войску. Венгры безпрепятственно прошли Болгарію. Избѣгая вслѣдствіе поздняго времени года итти горами, они направились къ Варнѣ, гдѣ надѣялись

найти обѣщанный флотъ и переѣхать на немъ въ Константинополь. Огромный обозъ, тащимый ими за собой, по польскому обычаю, страшно затруднялъ движеніе войска, достигшаго Варны только въ началѣ ноября. Историки говорятъ, что съ ними было до двухъ тысячъ фуръ; эта цифра, конечно, преувеличена, но нѣтъ сомнѣнія, что число фуръ было очень велико, потому что поляки обыкновенно окружали свой лагерь военнымъ обозомъ. Венгры были вполнѣ увѣрены, что папско-венеціанскій флотъ съ кардиналомъ не позволитъ турецкому войску переправиться черезъ Босфоръ; но каково было ихъ удивленіе, когда около Варны они увидѣли расположенное лагеремъ войско Мурада, вдвое превосходившаго ихъ числительностью. Удаленіе папскаго адмирала, бывшаго вмѣстѣ и венеціанскимъ вице-канцлеромъ, въ ту минуту, когда его присутствіе было всего нужнѣе — необъяснимо; а на чьихъ корабляхъ переправилось турецкое войско изъ Азіи — объ этомъ ученые спорятъ. Предполагаютъ, что генуезцы (по одной польской хроникѣ — венеціанцы), какъ нѣкогда Іуда Спасителя, продали тогда за серебряники вѣру. Мурадъ, какъ разсказываютъ, условился съ этой коммерческой аристократіей о перевозкѣ 40 тысячъ войска съ платою за каждаго человѣка по золотому. Венгерскому герою совѣтовали ждать нападенія турокъ въ лагерѣ; но Гуніадъ, не послушавшись этого умнаго совѣта, поспѣшилъ на встрѣчу непріятелю и далъ ему въ открытомъ полѣ сраженіе, долго остававшееся нерѣшительнымъ, но окончившееся страшнымъ пораженіемъ христіанъ. Владиславъ, бросившійся въ свалку, упалъ съ лошади; одинъ изъ янычаръ отрубилъ ему голову и посадилъ ее на пику. При видѣ головы убитаго короля храбрый Гуніадъ бѣжалъ и спасся бѣгствомъ; кардиналъ Юліанъ, то же обратившійся въ бѣгство, былъ смертельно раненъ однимъ ихъ христіанъ, вѣроятно венгромъ или полякомъ, отмстившимъ виновнику нарушенія мира за смерть своего короля. Лагерь христіанъ былъ взятъ приступомъ и разрушенъ. Къ счастью для нихъ, позднее время года помѣшало османамъ, даже если бы Мурадъ и хотѣлъ этого, воспользоваться своей побѣдой.

Для Польши и греческой имперіи сраженіе при Варнѣ и смерть Владислава были гибельны; въ Венгріи, напротивъ, они послужили поводомъ къ прекращенію господствовавшей анархіи. Получивъ извѣстіе о потерѣ сраженія, намѣстникъ Венгріи, старый палатинъ Лаврентій Гедервара, распорядился чрезвычайно умно. Первой его заботой было скрыть смерть короля. За тѣмъ онъ заставилъ угрозами валахскаго воеводу Дракула освободить задержаннаго имъ Гуніада и отправить его въ Трансильванію. Достигнувъ этого, онъ устремилъ все вниманіе на управленіе государствомъ. До пасхи 1445 г., времени созванія большаго государственнаго сейма, за образецъ было принято управленіе Богеміей. Молодому Владиславу, сыну Елисаветы, сохранялось право на престолъ, хотя онъ, какъ наслѣдникъ австрійской короны, находился подъ опекой и жилъ у императора Фридриха III; нѣкоторымъ изъ знатнѣйшихъ бароновъ, первое мѣсто между которыми занималъ Іоаннъ Гуніадъ, было поручено управленіе различными областями, съ званіемъ капитановъ монархіи. Благодаря своему вліянію, Гуніаду, воспользовавшемуся общею боязнью турецкаго вторженія, удалось примирить на сеймѣ враждебныя партія и заставить собраніе постановить 7 мая 1445 года: 1) что молодой Владиславъ признается пожизненно венгерскимъ королемъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы императоръ Фридрихъ прислалъ его съ короной въ Венгрію; 2) въ случаѣ неисполненія Фридрихомъ этого условія, всѣ обязательства венгерскаго сейма относительно Владислава прекращаются, и сеймъ приступаетъ къ избранію новаго короля, способнаго защитить государство отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ; 3) Венгрія должна быть раздѣлена на области подъ управленіемъ капитановъ. Мы не станемъ перечислять всѣхъ областей и капитановъ; замѣтимъ только, что Іоанну Гуніаду и его воеводѣ въ Трансильваніи, Никласу Уйлаку была поручена защита всѣхъ пограничныхъ съ турками земель. Кромѣ Трансильваніи, Іоаннъ Гуніадъ управлялъ страною по ту сторону Тиссы, а Уйлакъ по сю сторону Тиссы и по ту сторону Дуная.

Впослѣдствіи Гуніадъ выгналъ Дракула изъ Валахіи, назна-

чилъ воеводою Дана, и хотѣлъ воспользоваться отъѣздомъ Мурада въ Малую Азію и вторичнымъ его удаленіемъ отъ государственныхъ дѣлъ для новаго крестоваго похода, о чемъ даже совѣщался въ Никополѣ съ Франческо Кондольміери. Это предпріятіе было отложено, когда Мурадъ снова принялъ управленіе. Возстаніе въ Адріанополѣ, вспыхнувшее въ 1445 г., въ то время, какъ Мурадъ предавался нѣгѣ въ Магнезіи, заставило султана возвратиться въ Европу, чтобы своимъ присутствіемъ успокоить умы.

Возвращеніе Мурада въ Европу почувствовали прежде всѣхъ Палеологи, владычествовавшіе въ Пелопоннесѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ полуострова. Греческая имперія, разрываемая партіями, оставалась по прежнему въ совершенно безпомощномъ положеніи. Іоаннъ Палеологъ и многіе изъ епископовъ его свиты купили нѣкоторыми уступками соединеніе съ латинянами; но это возбудило въ Италіи и еще болѣе въ Греціи, по возвращеніи императора, жестокіе споры между приверженцами и противниками уніи. Большинство греческаго народа и духовенства смотрѣло на Іоанна какъ на отступника. Распри и споры продолжались безъ конца и соединеніе церквей, вмѣсто того, чтобы принести греческой имперіи ожидаемую поддержку, отняло у нея религіозное единство, то есть, то что составляло ея единственную силу противъ турокъ. Какъ безсильна была греческая имперія по возвращеніи Іоанна изъ Италіи, видно, между прочимъ, изъ того, что одинъ изъ братьевъ императора, Димитрій, разсердившись на то, что Іоаннъ не соглашается на его бракъ, задумалъ напасть на Константинополь. Димитрій любилъ дочь Паоло Каталузіо, владѣтеля Лесбоса, и тайно женился на ней противъ согласія своей матери и двухъ братьевъ, царствовавшаго императора Іоанна и послѣдняго греческаго императора Константина Драгасиза или Дрогасеза, владѣвшаго тогда областью въ Пелопоннесѣ. Разсорившись съ своимъ семействомъ, онъ изъ вражды къ нему принялъ сторону грековъ, возстававшихъ противъ уніи, заключенной Іоанномъ и одобренной Константиномъ. Надѣясь на поддержку это партіи, Димитрій собралъ небольшое войско и,

выпросивъ у Мурада помощь, двинулся къ Константинополю. Ожиданія его не оправдались; не поддержанный Мурадомъ, на котораго онъ главнымъ образомъ разсчитывалъ, Димитрій долженъ былъ отступить. Іоаннъ Палеологъ до самой смерти владѣлъ Константинополемъ; но Константину выпала на долю печальная участь быть два раза изгоняемымъ: въ первый разъ изъ Пелопоннеса, а во второй изъ Константинополя.

Мы уже говорили, что большая часть Пелопоннеса находилась подъ владычествомъ брата императора, Өеодора. По смерти Өеодора, его владѣнія перешли къ племяннику, одному изъ сыновей Андроника, помѣнявшемуся ими съ дядей, упомянутымъ нами Константиномъ, получившимъ, при раздѣлѣ отцовскаго наслѣдія, Селимбрію и Месембрію на Черномъ морѣ и на Пропонтидѣ. Константинъ распространилъ свое владычество по всему полуострову, за исключеніемъ областей, управляемыхъ его братомъ Өомою, и заставилъ нѣкоторыхъ владѣтелей внѣ Пелопоннеса стать въ вассальную зависимость отъ себя. Такъ, онъ обязалъ ежегодною данью Нери Аччайуоли Аөинскаго, наслѣдовавшаго послѣ герцога Райнера Аттику и частью Беотіи, и былъ признанъ верховнымъ повелителемъ въ древнихъ Локрахъ и на Пиндѣ, гдѣ жили валахи. Константинъ снова возстановилъ совершенно безполезную стѣну Гексамилона, воспользовавшись долгимъ походомъ Гуніада, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ земли, подвластныя османамъ, и сохранилъ за собой эти завоеванія, въ то время какъ султанъ наслаждался нѣгой, удалившись въ Магнезію послѣ сраженія при Варнѣ. Успѣхи Константина возбудили опасенія беглербега Румиліи Турахана, за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ жестоко опустошившаго Пелопоннесъ и разрушившаго стѣну на Гексамилонѣ. Когда Мурадъ снова принялъ бразды правленія, Турахань обратилъ его вниманіе на дѣйствія Константина, который, чтобы предотвратить грозившую ему опасность, отправилъ къ султану посольство. Но Мурадъ, подавивъ адріанопольское возстаніе, немедленно двинулся въ Пелопоннесъ (зимой 1446 г.), въ союзѣ съ герцогомъ Нери, измѣнившимъ Константину. Греки, описы-

вающіе этотъ походъ Мурада, высчитываютъ всѣ машины, обозы и орудія, тащимые османами. Они даже говорятъ, что султанъ взялъ съ собою металлъ для литья колоссальныхъ пушекъ, чтобы дѣйствовать ими противъ стѣны, построенной изъ плитняку, связанной желѣзными скобами и защищаемой множествомъ башенъ. Боясь зимы, Мурадъ предоставилъ осаду и этой новой стѣны Турахану. Новая стѣна была такъ же легко взята, какъ и старая, дикія толпы османовъ наводнили Пелопоннесъ, разграбили города и увели въ рабство тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Описаніе турецкихъ и греческихъ историковъ наполнены жестокими сценами убійствъ и грабежей одной стороны, воплей и бѣдствій другой. Мы съ отвращеніемъ отворачиваемся отъ этихъ сценъ и замѣтимъ только, что они были прелюдіей того, что постигло впослѣдствіи Константинополь. Историкъ Франзесъ, находившійся въ то время у Константина и посылаемый имъ для переговоровъ съ османами, оставилъ очень подробныя свѣдѣнія о положеніи обѣихъ сторонъ. Онъ говоритъ, что болѣе шестидесяти тысячъ человѣкъ были уведены изъ Пелопоннеса въ рабство. Константинъ и Ѳома сохранили свои владѣнія, но должны были признать себя вассалами Мурада и платить за своихъ христіанскихъ подданныхъ поголовную подать, потомъ вторично собираемую съ христіанъ для себя. Константинъ раздѣлилъ управленіе своими владѣніями между четырьмя высшими чиновниками. Франзесъ, принадлежавшій къ числу этихъ лицъ, счелъ нужнымъ передать потомству проповѣдь, сказанную ему Константиномъ при назначеніи его начальникомъ края. Изъ нея видно, что несчастные византійскіе князья, подобно нѣмецкимъ ученымъ и французамъ, когда имъ приходилось жутко, умѣли утѣшать себя философіей или просто краснорѣчивыми словоизверженіями. Франзесъ управлялъ Мистрой, Іоаннъ Кантакузенъ Коринѳомъ и Алексѣй Ласкарисъ Патрасомъ.

Поручивъ Турахану опустошеніе Пелопоннеса, Мурадъ возвратился въ Адріанополь (декабрь 1446 г.). На этотъ разъ султанъ сохранилъ за собой управленіе и, отказавшись отъ удовольствій,

сталъ готовиться къ весеннему походу, для отмщенія Венгріи и преимущественно Гуніаду. Волненія въ Венгріи, гдѣ все еще шли споры съ императоромъ Фридрихомъ о выдачѣ Владислава Послѣрожденнаго и о регентствѣ, облегчили султану исполненіе его намѣреній. Желая уничтожить поліархію, передать регентство Гуніаду и направить всѣ силы государства противъ турокъ, палатинъ Лаврентій Гедервара, Іоаннъ Гуніадъ, и его соправитель Никласъ Уйлакъ, старались прежде всего прекратить вмѣшательство нѣмцевъ въ венгерскія дѣла. Они заставили графовъ Ульриха и Фридриха фонъ Циллей, сражавшихся въ королевствѣ во главѣ нѣмецкихъ всадниковъ, заключить миръ на тѣхъ же условіяхъ, какъ и 1441 г., а затѣмъ занялись приготовленіями къ войнѣ съ турками. Впрочемъ походъ былъ начатъ только тогда, когда управленіе всѣмъ государствомъ сосредоточилось наконецъ въ рукахъ Гуніада. На ракоскомъ полѣ, около Песта, былъ созванъ большой сеймъ; число съѣхавшихся на него прелатовъ, бароновъ, дворянъ и городскихъ депутатовъ было такъ велико, что засѣданія происходили подъ открытымъ небомъ. 5 іюня 1446 г. собраніе постановило, что вмѣсто капитановъ, управлявшихъ отдѣльными частями государства, долженъ быть избранъ одинъ правитель (губернаторъ), который, до совершеннолѣтія Владислава, будетъ управлять отъ его имени всей монархіей. Согласно этому рѣшенію, въ троицынъ день того же года Іоаннъ Гуніадъ былъ избранъ правителемъ и облеченъ полной королевской властью, съ небольшими лишь ограниченіями. Его другъ, Лаврентій Гедервара, остался палатиномъ, а сотоварищъ — Никласъ Уйлакъ, былъ назначенъ трансильванскимъ воеводою, такъ какъ Гуніадъ и въ качествѣ правителя сохранялъ верховную власть въ Трансильваніи.

Въ 1446 г. потребность соединенія силъ мадьярскаго народа въ рукахъ одного правителя была ощутительнѣе, чѣмъ когда нибудь. Венгріи угрожалъ съ одной стороны германскій императоръ, а съ другой любимецъ султана, прозванный въ подражаніе Люциферу Дракуломъ и снова сдѣлавшійся валахскимъ воеводою при помощи

Мурада, прогнавшаго Дана. Ведя съ папой переговоры о новомъ крестовомъ походѣ, и надѣясь на помощь христіанскаго міра, Іоаннъ Гуніадъ продолжалъ раздражать могущественнаго султана и, когда Мурадъ двинулся съ огромнымъ полчищемъ въ Сербію, отвергъ всѣ мирныя предложенія. Снова покоривъ Валахію, осенью 1446 г., и дѣйствуя съ успѣхомъ противъ германскаго императора, Гуніадъ былъ въ то время совершенно ослѣпленъ своимъ счастіемъ. Узнавъ о возвращеніи Дракула, онъ немедленно переправился черезъ Дунай, разбилъ турокъ, взялъ въ плѣнъ Дракула и его сына, велѣлъ казнить ихъ обоихъ на площади въ Терговиштѣ, и снова назначилъ Дана воеводою. Молдавскій воевода Стефанъ заключилъ тѣсный союзъ съ правителемъ Венгріи, уже готовившимся выступить противъ турокъ, когда война, объявленная императоромъ Фридрихомъ, заставила Гуніада вернуться въ Венгрію. Мурадъ, занятый борьбою съ Скандербегомъ въ горахъ Албаніи, не могъ воспользоваться удаленіемъ Гуніада. Храбрости Скандербега и его албанцевъ была обязана Венгрія тѣмъ, что Мурадъ, опасаясь нападенія со стороны, въ 1446, 1447 и даже 1448 гг. не могъ двинуться противъ нея. Султану необходимо было уничтожить сначала опаснаго Скандербега, а это дало Гуніаду возможность заняться въ 1447 г. приготовленіями къ турецкому походу. Въ это же время венгерскій герой предпринялъ походъ въ Молдавію, вызванный умерщвленіемъ Стефана и изгнаніемъ его сына. Гуніадъ возвратилъ сыну отцовское владѣніе, потребовавъ за то уступки одной крѣпости, необходимой для его стратегическихъ цѣлей. Въ началѣ іюня 1447 г., онъ заключилъ съ императоромъ Фридрихомъ новое перемиріе на два года, а въ маѣ 1448 г. созвалъ большой сеймъ въ Пестѣ для рѣшенія вопроса о предстоявшей турецкой войнѣ и постановленія условій мира съ императоромъ.

Хотя сеймъ и высказался въ пользу національной войны съ турками, но скоро оказалось, что правителю придется выступить противъ несмѣтныхъ полчищъ Мурада съ сравнительно незначительнымъ числомъ испытанныхъ воиновъ, слѣдовавшихъ за нимъ во

всѣхъ его войнахъ. Дворянство не соглашалось созвать поголовное ополченіе, и за правителемъ послѣдовали только немногіе изъ прелатовъ и бароновъ. Впрочемъ, лучшіе венгерскіе историки говорятъ, что, не смотря на то, что почти всѣ прелаты остались въ имперіи, Гуніадъ выступилъ въ походъ съ 24 тысячами человѣкъ отборнаго войска. По словамъ тѣхъ же историковъ, это было лучшее венгерское войско въ теченіе цѣлаго столѣтія войнъ. Строго дисциплинированное, оно заключало въ себѣ 2,000 чеховъ и нѣмцевъ, вооруженныхъ ружьями и артиллеріей, и до 8,000 валаховъ, сдѣлавшихся впослѣдствіи измѣнниками. Цѣлое лѣто прошло въ бездѣйствіи, потому что папа то покровительствовалъ походу, то не совѣтовалъ предпринимать его, а его легатъ Эней Сильвій интриговалъ и тутъ какъ при заключеніи конкордата между нѣмцами и папою. Въ сентябрѣ венгерскій правитель выступилъ наконецъ въ походъ, двинувшись сначала въ Сербію, воевода которой отказался отъ союза съ Венгріей и присоединился къ туркамъ. Получивъ извѣстіе объ этомъ, Мурадъ, все еще воевавшій съ Скандербегомъ, снялъ осаду Крои и двинулся съ 150 тысячами человѣкъ къ Коссову полю (т. IX. стр. 34), гдѣ находился Гуніадъ, расположившійся укрѣпленнымъ лагеремъ по сю сторону рѣчки Сетницы, раздѣляющей равнину на двѣ большія части. Турки переправились черезъ Сетницу. Дождись Гуніадъ Скандербега, обѣщавшаго притти на помощь, и нападенія турокъ на лагерь, онъ былъ бы неодолимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что самая многочисленность турокъ послужила бы къ ихъ собственной гибели, если бы они начали штурмовать лагерь, защищаемый искусными воинами, артиллеріей и винтовками чеховъ. Но Гуніадъ забылъ всѣ военныя предосторожности. Не дождавшись Скандербега, онъ послѣдовалъ за султаномъ, отступившимъ за Сетницу, выступилъ въ открытое поле, отказался отъ всякихъ переговоровъ, предложенныхъ Мурадомъ и далъ сраженіе на равнинѣ.

Въ битвѣ на Коссовомъ полѣ, 17 и 18 октября 1448 г., Гуніадъ потерпѣлъ страшное пораженіе. Впрочемъ послѣдствія

бѣды турокъ оказались не такъ гибельны для венгровъ какъ для распадавшейся греческой имперіи, щадимой до тѣхъ поръ Мурадомъ изъ боязни Венгріи и западныхъ христіанъ, постоянно призываемыхъ папой на невѣрныхъ. Но съ другой стороны, пораженіе венгровъ спасло Албанію и Скандербега: паденіе осажденной Мурадомъ Крои было неизбѣжно, когда вторженіе Гуніада въ Сербію заставило султана отступить отъ крѣпости. Въ сраженіи на Коссовомъ полѣ, нѣмцы и ихъ артиллерія нанесли страшный уронъ непріятелю; 18 октября Гуніадъ выставилъ ихъ противъ лучшей части турецкаго войска, янычаръ, чтобы подъ ихъ прикрытіемъ спастись бѣгствомъ, послѣ того какъ валахи передались туркамъ въ самомъ пылу сраженія. 19 октября, когда турки брали приступомъ военный обозъ лагеря, нѣмцы и чехи продолжали защищаться, пока наконецъ не были подавлены численнымъ превосходствомъ непріятеля. Венгры потеряли, какъ говорятъ, въ три дня до 17 тысячъ человѣкъ. Одинъ изъ новѣйшихъ венгерскихъ писателей разсказываетъ, мы не знаемъ на какомъ основаніи, что Мурадъ велѣлъ казнить до 6 тысячъ валаховъ, не смотря на ихъ капитуляцію, а остальныхъ употреблять на позорныя работы. Спасшійся бѣгствомъ венгерскій правитель былъ остановленъ и схваченъ Георгіемъ Сербскимъ, вступившимъ въ переговоры съ Мурадомъ о выдачѣ защитника христіанства. Переговоры не состоялись потому, что турокъ оказался великодушнѣе христіанина и не хотѣлъ вступать въ торгъ или же, какъ утверждаютъ другіе, потому, что требуемая сумма была слишкомъ высока. Какъ бы то ни было, Георгій не тотчасъ же выпустилъ Гуніада. Въ сербскихъ и рагузскихъ лѣтописяхъ исторія освобожденія Гуніада разсказана чрезвычайно романически. Угрозы венгерскаго государственнаго совѣта въ Шегединѣ, ходатайство находившихся въ сербской службѣ Паскаля Сорго, Даміана Джіорджи и Алоизія Росси и энергическія дѣйствія Георгія Маріовича, владѣтеля Зворника, заставили Георгія освободить Гуніада. Но не дешевой цѣной была продана свобода венгерскому герою. Онъ долженъ былъ дать обѣщаніе возвратить Георгію отня-

тыя у него венгерскія помѣстья, обручить, что было всего тяжелѣе, своего сына Маттіаса съ дочерью старинная врага, Ульриха фонъ Циллей и въ обезпеченіе этихъ условій отправить другаго сына Владислава заложникомъ въ Семендрію. Освободившись, Гуніадъ думалъ было не выполнять принятыхъ имъ на себя обязательствъ. Но венгерскіе магнаты, нехотѣвшіе и слышать о новой войнѣ съ Сербіей, а слѣдовательно и съ турками, потребовали, чтобы Гуніадъ возвратилъ Георгію его помѣстья, выдалъ сына заложникомъ и согласился на бракъ Маттіаса съ дочерью графа фонъ Циллей.

Не смотря на побѣду, одержанную надъ венграми въ концѣ 1448 г., Мурадъ уже въ началѣ слѣдующаго года вступилъ въ переговоры съ правителемъ. Георгій Сербскій со стороны султана, палатинъ Владиславъ Гара и Никласъ Уйлакъ со стороны Гуніада заключили семилѣтнее перемиріе. Въ силу этого договора венгры и турки не имѣли права занимать войсками Валахіи, Сербіи и Босніи, оба же воеводы и князь боснійскій обязывались платить султану дань и помогать ему своими войсками во всѣхъ походахъ. Дань Валахіи и Сербіи была уменьшена на половину; но Георгій, который велъ переговоры, пожертвовалъ своимъ сосѣдомъ, Ѳомою Христичомъ Боснійскимъ. Въ письмѣ къ папѣ Ѳома жаловался на Георгія, говоря, что онъ отдалъ его въ жертву туркамъ за переходъ изъ греческой церкви въ латинскую. По договору онъ долженъ былъ не только платить прежнюю дань, но и выплатить весь лежавшій на немъ съ прежняго времени долгъ. Въ случаѣ его несогласія, онъ увидитъ, какъ было сказано въ договорѣ, что сдѣлаютъ съ нимъ турки; венгры же не смѣютъ помогать ему.

Переходя къ Эпиру, напомнимъ нашимъ читателямъ (т. IX. стр. 84), какимъ образомъ Георгій Кастріота или Скандербегъ, младшій сынъ казненнаго Мурадомъ албанскаго князя, завладѣлъ отцовскимъ наслѣдіемъ Кроей. Жизнь Скандербега походитъ на рыцарскій, полный приключеній романъ; а описывавшіе ее біографы еще болѣе разукрасили его похожденія. Историки, передавшіе намъ

преданіе о Скандербегѣ, оставили отдѣльныя событія его жизни въ мракѣ миѳовъ и легендъ. Съ 1443 по 1448 г. венеціанцы извлекали огромныя выгоды изъ дикой храбрости этого человѣка и почти непонятнымъ образомъ воодушевленныхъ имъ христіанскихъ горцевъ. Они вписали имя Скандербега въ золотую книгу своихъ патриціевъ и дали ему почетный титулъ главнокомандующаго республики въ Албаніи и Иллиріи. Побѣды, одержанныя имъ въ 1447 г., пораженіе, нанесенное значительному османскому войску, завоеваніе Светиграда и освобожденіе венеціанскаго города и крѣпости Даньо до такой степени раздражили Мурада, что онъ готовился двинуться въ слѣдующемъ году (1448 г.) со всѣмъ своимъ войскомъ противъ Крои. Вторженіе Гуніада въ Сербію заставило султана обратить противъ Венгріи войско, выступившее противъ Скандербега. Въ 1449 г. грозное турецкое войско, подъ предводительствомъ самого Мурада, снова наводнило всю Албанію. Одинъ изъ историковъ, описывающій почти невѣроятные подвиги и усилія Скандербега, говоритъ, что войско Мурада простиралось до 150 тысячъ человѣкъ, другіе насчитываютъ до 100 тысячъ; но мы думаемъ, что не ошибемся, предполагая, что войско султана далеко не было такъ велико. Въ маѣ Мурадъ выступилъ въ походъ, а Скандербегъ, укрѣпивъ Крою, сталъ тревожить турокъ, осаждавшихъ Светиградъ. Хотя крѣпость и была завоевана, но уменьшеніе турецкаго войска почти на половину, въ теченіе іюня и іюля, заставило султана возвратиться въ Адріанополь. Скандербегъ пріобрѣлъ безсмертную славу тѣмъ, что войско, вступившее въ борьбу съ страшными полчищами Тимура, побоялось такого гнѣзда, какъ Кроя. Чтобы смыть съ себя позоръ, Мурадъ собралъ въ слѣдующемъ году (1450 г.) еще сильнѣйшее войско. Сопровождавшій турокъ обозъ, самая многочисленность войска, непримѣнимыя и негодныя по своей величинѣ осадныя орудія приносили имъ болѣе вреда, чѣмъ пользы; какъ прежде для осады стѣны Гексамилона, такъ и выступая противъ Крои, султанъ везъ съ собой металлъ для литья пушекъ. Вылитыя передъ Кроей пушки были баснословнаго калибра: четыре

заряжались каменными ядрами вѣсомъ въ шесть, а остальныя шесть въ два центнера. Скандербегъ на этотъ разъ не заперся въ крѣпости, но, во главѣ храбрыхъ горцевъ Темениста, нападалъ изъ лѣсовъ на турокъ и заманивалъ ихъ на берега Исма и въ болота. Эти стычки такъ ослабили турецкое войско, что, желая покончить войну, Мурадъ предложилъ противнику признать себя турецкимъ вассаломъ и платить десять или даже пять тысячъ дукатовъ. Скандербегъ съ гордостью отвергъ это предложеніе. Вторично вынужденный снять осаду, о которой итальянскія и нѣмецкія лѣтописи говорятъ такъ же много, какъ греки о походахъ Дарія и Ксеркса, султанъ возвратился въ Адріанополь.

Не задолго до смерти Мурадъ сдѣлался посредникомъ между греческими принцами, спорившими за константинопольскій престолъ, и это послужило ему хоть нѣкоторымъ утѣшеніемъ за два неудачныхъ похода въ Албанію. Въ 1449 г. умеръ Іоаннъ II Палеологъ не оставивъ дѣтей; братья его, Константинъ IX, Димитрій и Ѳома, оспаривали другъ у друга пустую и тягостную честь носить императорскій титулъ, не только лишенный всякаго блеска и значенія, но даже не дававшій средствъ для удовлетворенія необходимыхъ потребностей. Константинъ былъ старшимъ изъ братьевъ, что̀ напрасно старается опровергнуть ученый греческій историкъ Іоаннъ Дукасъ. Димитрій, еще прежде пытавшійся завладѣть Константинополемъ съ помощью турокъ (т. IX. стр. 91), основываясь на томъ, что онъ родился, когда его отецъ былъ уже императоромъ, а Константинъ раньше, утверждалъ, что онъ одинъ рожденъ въ порфирѣ (порфирогенетъ) и слѣдовательно имѣетъ исключительное право на престолъ. У такихъ людей, какъ Димитрій, никогда не бываетъ недостатка въ приверженцахъ; но противъ него была вдовствующая императрица мать, его братъ Ѳома, духовенство, сенатъ, даже войско и народъ. Объявивъ себя въ пользу Константина, они сочли однако необходимымъ умолять турецкаго султана объ оказаніи ему поддержки. Послѣдній греческій дипломатъ, историкъ Франзесъ, шесть разъ ѣздившій съ неудачными посольствами къ

высокой Портѣ, въ седьмой разъ достигъ благопріятнаго отвѣта. Мурадъ согласился на избраніе Константина, и только тогда Константинъ былъ вызванъ изъ Пелопоннеса въ Константинополь (1450 г.). Константинъ былъ послѣднимъ греческимъ императоромъ; замѣчательно, что именно онъ, черезъ три года низверженный османскимъ султаномъ, достигъ престола милостью османовъ. Торжественно отпраздновавъ свадьбу своего сына и наслѣдника, Мурадъ снова хотѣлъ удалиться въ Магнезію, но, черезъ 16 мѣсяцевъ по смерти императора Іоанна и черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ въ третій разъ сложилъ съ себя управленіе, умеръ въ Адріанополѣ отъ удара, на 49 году жизни.

Узнавъ въ февралѣ 1451 г. о смерти отца, сынъ и преемникъ Мурада, Мухаммедъ II, которому было тогда 21 годъ, поспѣшилъ изъ Магнезіи, гдѣ онъ случайно находился, въ Адріанополь, чтобы взять въ свои руки управленіе имперіею. Сюда явились къ нему съ поздравленіями послы изъ Хіоса, Лесбоса, Акарнаніи, Галаты, Родоса, отъ императора Константина и его братьевъ Ѳомы и Димитрія, сохранившихъ свои владѣнія въ Пелопоннесѣ. Мухаммедъ принялъ очень благосклонно посольство Палеологовъ. Оскорбленный вслѣдъ затѣмъ Константиномъ, онъ не высказалъ своего неудовольствія противъ императора, потому что долженъ былъ возвратиться въ Малую Азію, для подавленія возстанія, поднятаго Ибрагимъ-бегомъ Караманскимъ. Въ Константинополѣ жилъ османскій князь Урханъ (вѣроятно внукъ Солимана); на содержаніе Урхана Мурадъ назначилъ ежегодно 300 тысячъ аспровъ, дозволивъ греческому императору сбирать эти деньги съ земель по Стримону. Желая воспользоваться малоазійскимъ возстаніемъ, грозившимъ молодому султану внутренней войной, Константинъ отправилъ пословъ къ Мухаммеду, требуя уплаты недоимочной суммы за прежній годъ и увеличенія на будущее время содержанія Урхану. Греческіе послы имѣли неосторожность сказать Мухаммеду, что, въ случаѣ неисполненія этого требованія, императоръ будетъ поддерживать Урхана, какъ претендента на турецкій престолъ. Поступокъ Констан-

тина приготовилъ паденіе греческой имперіи. Молодой султанъ, человѣкъ деспотическаго и жестокаго характера, какъ говорятъ про него греческіе и турецкіе историки, скрылъ свое бѣшеиство. Онъ не далъ никакого отвѣта посламъ Константина, велѣлъ визирю Халиль Пашѣ длить переговоры, пока самъ онъ находился въ Малой Азіи. Цѣль его состояла въ томъ, чтобы не показать грекамъ ни малѣйшей вражды, до усмиренія внутреннихъ волненій, неизбѣжно связанныхъ на Востокѣ съ каждой перемѣной правительства. При вступленіи на престолъ Мухаммеда не только Ибрагимъ-бегъ и другіе турецкіе вассалы Малой Азіи пытались свергнуть иго султана, но въ Прузѣ возстали и янычары или преторіанцы повелителя османовъ. Наконецъ турецкіе чиновники и даже народъ высказывали недовольство, видя, что въ сынѣ нѣтъ ни доброты, ни кротости отца. Встрѣченный въ Прузѣ буйной толпой янычаръ, Мухаммедъ былъ вынужденъ раздать имъ деньги. Это былъ первый примѣръ, что османскій султанъ, вступая на престолъ, дарилъ янычарамъ деньги. Съ тѣхъ поръ подобныя раздачи вошли въ обычай и сдѣлались необходимостью для каждаго новаго султана; раздаваемыя суммы постоянно увеличивались и повели за собой злоупотребленія, подобныя тѣмъ, которыя были такъ гибельны для римскихъ императоровъ.

Вернувшись въ Европу, Мухаммедъ тотчасъ же велѣлъ выгнать все греческое населеніе изъ земель, лежащихъ по Стримону, и сталъ готовиться къ осадѣ Константинополя. Зимой 1451 года были пригнаны рабочіе, заготовлены и приготовлены матеріалы для того, чтобы слѣдующей весной построить на европейскомъ берегу Босфора, у воротъ Константинополя, въ самой узкой части пролива, крѣпостцу, владѣя которой можно было господствовать на Босфорѣ и отрѣзать Константинополь отъ сообщенія съ Чернымъ моремъ. Эта крѣпостца, начатая 6 марта 1452 г., называется теперь древнимъ европейскимъ замкомъ, мѣсто же за Галатой, гдѣ она была построена, называлось Лимокопіей. Строительнымъ матеріаломъ послужили развалины древняго замка, Неокастра, и церковь архан-

гела Михаила. Султанъ съ презрѣніемъ отвергъ всѣ предложенія несчастнаго Константина и, черезъ три мѣсяца по сооруженіи новой крѣпостцы, началъ непріязненныя дѣйствія противъ Константинополя. Безсиліе грековъ и ихъ императора было такъ велико, средства къ защитѣ такъ слабы, что насъ удивляютъ громадныя приготовленія Мухаммеда для осады беззащитнаго города. Прежде всего, султанъ отправилъ въ Пелопоннесъ знаменитаго грабителя Турахана (т. IX. стр. 71), что бы опустошить полуостровъ огнемъ и мечомъ и помѣшать братьямъ императора, Ѳомѣ и Димитрію, управлявшими его владѣніями въ собственной Греціи, подать помощь Константинополю. Объ осадныхъ орудіяхъ турокъ Дукасъ и другіе греки говорятъ самыя странныя, до невѣроятности смѣшныя вещи. Пушечный мастеръ въ Константинополѣ, Орбанъ или Урбанъ, родомъ изъ Венгріи или Валахіи, подкупленный турками за огромныя деньги, бѣжалъ изъ Константинополя и продалъ свои услуги врагамъ религіи. Разсказываютъ, что онъ вылилъ сначала для новой крѣпостцы пушку колоссальнаго размѣра и попробовалъ ее на первомъ венеціанскомъ кораблѣ, не салютовавшимъ турецкое укрѣпленіе. По свидѣтельству тѣхъ же источниковъ, корабль былъ разбитъ въ дребезги однимъ ядромъ; экипажъ изъ 30 человѣкъ спасся на берегъ и, по приказанію Мухаммеда, былъ умерщвленъ, а капитанъ корабля посаженъ на колъ. Затѣмъ по повелѣнію султана была вылита вторая пушка, превосходившая если не чѣмъ другимъ, то хоть трескомъ, всѣ пушки на свѣтѣ; уже одно то, что для передвиженія ея были необходимы 100 воловъ, а для управленія 700 человѣкъ, доказываетъ всю ея безполезность при осадѣ. Ядра этой пушки были, говорятъ, на сто фунтовъ тяжеле ядеръ дарданелльскихъ пушекъ, вѣсившихъ 1100 фунтовъ. Мы не станемъ ни смѣяться съ Вольтеромъ надъ этой пушкой и ея ядрами, ни защищать ихъ, какъ Гаммеръ. Но замѣтимъ только, что византійцы легковѣрны, и что цифры вѣса ядеръ колеблятся между 3, 4, 11 и 12 центнерами.

Въ теченіе всего 1452 г. султанъ занимался приготовленіями къ осадѣ Константинополя. Греческій императоръ дѣлалъ всевозможныя усилія, чтобы убѣдить латинянъ подать помощь городу. Папа, генуезцы и венеціанцы вооружили флотъ, но явились слишкомъ поздно. Всѣ мѣры, принятыя политикой Константина, были парализованы дѣйствіями греческаго духовенства въ ту минуту, когда османы показались передъ Константинополемъ (апрѣль 1453 г.). Свѣдѣнія о численности осаждавшаго Константинополь турецкаго войска страшно преувеличены. Да и на какіе источники можетъ опираться правдивый историкъ. Говорятъ, что турокъ было отъ трехъ до четырехъ сотъ тысячъ человѣкъ. Если изъ этого числа вычесть весь обозъ и еще двѣ трети, то и тогда несомнѣнно, что Константинополь, по одной окружности городской стѣны, не могъ быть долго защищаемъ девятью тысячами грековъ, венеціанцевъ и генуезцевъ, способныхъ носить оружіе. Флотъ султана, собранный изъ всѣхъ турецкихъ приморскихъ городовъ, состоялъ изъ 350 или 421 корабля и находился подъ командою одного перешедшаго въ исламъ болгара. Вначалѣ флотъ этотъ мало вредилъ осажденнымъ, потому что входъ въ гавань или въ такъ называемый Золотой Рогъ былъ запертъ цѣпью, а турки не умѣли, какъ венеціанцы разрывать подобныя цѣпи. Но, когда Мухаммедъ велѣлъ поставить корабли противъ косы, ограничивающей съ одной стороны гавань, городъ былъ потерянъ. Безвредныя орудія, разряжавшіяся по семи разъ въ день съ страшнымъ трескомъ, пугали населеніе города, хотя результаты и не соотвѣтствовали шуму. Это легче объяснить, чѣмъ неудачные приступы безчисленнаго множества осаждавшихъ, ежедневно повторявшіеся въ присутствіи султана.

Историкъ паденія восточной римской имперіи (Гиббонъ) составилъ изъ многихъ описаній осады Константинополя, оставленныхъ современниками этого событія, блестящую, реторическо-поэтическую картину, которую мы рекомендуемъ нашимъ читателямъ. Мы же разскажемъ въ прозѣ нѣкоторые главные эпизоды осады. Прежде

всего укажемъ на причины бездѣйствія латинскихъ христіанъ въ виду грозы, собиравшейся надъ ихъ греческими братьями. Императоръ сдѣлалъ все, чтобы убѣдить латинянъ подать помощь, но несогласіе ученаго духовенства уничтожило въ рѣшительную минуту всѣ его старанія. Константинъ, присутствовавшій вмѣстѣ съ братомъ на флорентинскомъ соборѣ, гдѣ оба они и большинство сопровождавшихъ ихъ греческихъ епископовъ объявили себя въ пользу соединенія церквей, находился съ тѣхъ поръ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ папой. Но монахи, ученые и народъ не хотѣли и слушать объ уніи, и ни въ литургіи, ни въ символѣ вѣры не было сдѣлано никакихъ измѣненій. Это зналъ папа Николай V, желавшій воспользоваться критическимъ положеніемъ грековъ, чтобы превратить мнимое соединеніе церквей въ дѣйствительное. Въ 1452 г., незадолго до осады, Константинъ отправилъ къ папѣ посольство, умоляя его проповѣдывать между латинскимъ рыцарствомъ крестовый походъ въ Константинополь. Николай потребовалъ сначала ручательства, что греки присоединятся къ римской церкви. Преемникъ Николая, Евгеній IV, также не довѣрялъ искренности обѣщаннаго Іоанномъ Палеологомъ и его придворнымъ духовенствомъ и одобреннаго Константиномъ и его епископами соединенія обѣихъ церквей. И дѣйствительно, еще во Флоренціи между греческими епископами оказалось разномысліе, а по возвращеніи въ Константинополь возникли споры между императорскими епископами и противниками уніи. Впослѣдствіи братъ императора Димитрій принялъ сторону враговъ уніи. Поэтому Николай, прежде, чѣмъ подать помощь грекамъ, хотѣлъ сначала увѣриться, что на этотъ разъ его не обманутъ. Онъ потребовалъ, чтобы Константинъ допустилъ въ Константинополь папскаго легата, который долженъ былъ окончательно уничтожить всѣ слѣды различія церквей. При тогдашнихъ обстоятельствахъ, нуждаясь и въ латинской помощи и въ единодушіи жителей Константинополя, императоръ не могъ отказаться отъ этого условія. Пріѣздъ легата возбудилъ, въ то самое время, когда турки ежедневно дѣлали приступы, раздоръ въ

городѣ и повелъ за собой оскорбленіе латинянъ, приведшее Константина въ отчаяніе.

Въ ноябрѣ 1452 г. явился въ Константинополь митрополитъ кіевскій, возведенный папою въ званіе кардинала, Исидоръ, назначенный папскимъ легатомъ. Исидоръ, принадлежавшій къ греческой церкви, на флорентинскомъ соборѣ чрезвычайно дѣятельно старался о соединеніи обѣихъ церквей. По прибытіи въ Константинополь, онъ вступилъ въ богословскія конференціи съ императоромъ, высшимъ духовенствомъ и знатью, понимавшей грозившую опасность; всѣ, казалось, были вполнѣ убѣждены, что спасеніе заключается только въ принятіи уніи. Соединеніе церквей предположено было объявить торжественнымъ образомъ; императоръ установилъ для этого блестящее церковное празднество. 12 декабря 1452 г. Константинъ, въ сопровожденіи высшаго духовенства, чиновниковъ и знати, признавшей папскій догматъ, что духъ святой исходитъ отъ отца и сына, а не отъ одного отца, отправился въ Софійскій соборъ, гдѣ было назначено богослуженіе, для празднованія соединенія церквей. Противники уніи устроили другой праздникъ, на которомъ главную роль игралъ Георгій Схоларій, знаменитый подъ именемъ Геннадія въ исторіи возрождавшихся въ то время въ Италіи древнихъ искусствъ и наукъ. На флорентинскомъ соборѣ Геннадій сначала очень горячо ратовалъ въ пользу римскаго ученія и уніи, но впослѣдствіи перешелъ на противную сторону и сдѣлался сильнымъ поборникомъ греческой церкви. Отказавшись отъ участія въ свѣтскихъ дѣлахъ, Геннадій удалился въ монастырь Вседержителя (Панкратора) и постригся въ монахи; къ нему-то устремилась толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей, говорившая, что императоръ изъ боязни турокъ продалъ латинянамъ спасеніе ихъ душъ и назначилъ для того богослуженіе въ Софійской церкви. Когда бушевавшая чернь явилась къ монастырю, требуя отъ Геннадія совѣта, онъ заперся и не показывался до тѣхъ поръ, пока народъ не разошелся, а потомъ отперъ двери на столько, что могъ высунуть

народу листъ пергамена, заключавшій обвиненія и упреки его соотечественникамъ греческой религіи. Жители Константинополя, было сказано въ немъ, возлагаютъ въ настоящихъ бѣдствіяхъ болѣе надежды на помощь латинянъ, чѣмъ на всемогущую десницу Господа, и, оставляя завѣтъ отцовъ, слѣдуютъ бреднямъ отверженнаго Богомъ ученія. Эти слова взволновали народъ, не хотѣвшій и слышать о помощи латинянъ; въ городѣ произошло смятеніе. Всѣ кричали: „намъ не нужно латинянъ и ихъ религіи. Мы не хотимъ богослуженія азимитовъ (т. е. употребляющихъ прѣсный хлѣбъ для причастія).“ Волненіе постоянно усиливалось и достигло высшей степени въ то время, когда турки (апрѣль 1453 г.) осадили городъ съ сухаго пути и начали дѣлать ежедневные приступы. Греки, желавшіе спасти послѣдній оплотъ христіанства и древней цивилизаціи на востокѣ, и потому слѣдовавшіе по примѣру своего храбраго и благороднаго императора латинскимъ церемоніямъ и обрядамъ, преслѣдовались какъ еретики. Со дня празднованія уніи, Софійская церковь была проклята, въ ней не совершалось богослуженій, а свѣтская и духовная знать возстановляла народъ противъ императора и всѣхъ, соглашавшихся на соединеніе церквей для спасенія отъ турокъ. Геннадій проповѣдывалъ и писалъ противъ приверженцевъ соединенія церквей, а одинъ изъ представителей свѣтской знати, Лука Нотара, по свидѣтельству историка Дукаса, въ достовѣрности котораго мы однако сомнѣваемся, говорилъ во всеуслышаніе, что ему пріятнѣе видѣть въ городѣ султана, чѣмъ шлемы латинянъ.

Лука Нотара, носившій титулъ великаго герцога (Megas Ducas), былъ, по своему званію, главнымъ начальникомъ морскихъ и сухопутныхъ силъ, но генуезецъ Джіованни Джустиніани оказалъ такія важныя услуги при защитѣ города, что императоръ передалъ ему команду надъ греческими войсками. Это распоряженіе было страшно гибельно въ тогдашнемъ положеніи. Въ рѣшительную минуту великій герцогъ отказалъ латинскому военачальнику въ не-

обходимыхъ орудіяхъ; Джустиніани обнажилъ противъ него мечъ, обвиняя его въ измѣнѣ, и Константину стоило большихъ трудовъ примирить противниковъ. Вообще, про Джустиніани говорятъ, что онъ былъ главнымъ героемъ во время осады Константинополя, отъ марта до конца мая; опасно раненый при послѣднемъ штурмѣ, онъ внезапно оставилъ ввѣренную ему позицію и постыднымъ бѣгствомъ облегчилъ туркамъ вторженіе въ городъ. Исидоръ сдѣлалъ для императора и его имперіи болѣе Луки Нотары. Константинъ еще за долго до осады довѣрилъ значительную сумму двумъ монахамъ (техническими работами занималось духовенство монастырей), для исправленія стѣнъ, но монахи спрятали деньги и не заботились объ укрѣпленіяхъ. Исидоръ снова досталъ денегъ и велѣлъ возстановить ту часть укрѣпленій, которая называлась башней Анемаса. При штурмѣ города онъ со ввѣреннымъ ему отрядомъ храбро защищалъ этотъ постъ. Какъ ничтожны были греки въ сравненіи съ своимъ императоромъ, дѣятельнымъ съ утра до ночи и впослѣдствіи павшимъ въ борьбѣ, видно уже изъ того, что изъ 100 тысячъ константинопольскихъ грековъ только шестая часть принимала участіе въ послѣдней битвѣ, а изъ двѣнадцати предводителей, защищавшихъ главные посты, только двое были греки. Изъ грековъ, кромѣ Нотары и императора, называютъ еще только Димитрія Кантакузена, Никифора и Ѳеофила Палеологовъ и Ѳеодора изъ Кариста. Между итальянцами, испанцами, французами и нѣмцами, явившимися на защиту города въ числѣ трехъ или четырехъ тысячъ, особенно прославились Исидоръ, Джустиніани, Контарино Контарини, Габріель Тревизано, Джіованни Лоредано и Баттиста Гритти. Венеціанскій байло, т. е. генеральный консулъ и глава жившихъ въ Галатѣ венеціанцевъ, наблюдалъ съ 700 человѣкъ за полицейскимъ порядкомъ въ городѣ, въ то время какъ всѣ военныя силы защищали стѣны.

Даже не довѣряя обвиненіямъ, взводимымъ на храбраго Джіованни Джустиніани другомъ и дипломатомъ императора, историкомъ Франзесомъ, и опровергаемымъ Дукасомъ, нельзя однако от-

рицать, что галатскіе генуезцы держали себя очень двусмысленно. Это доказываютъ многія обстоятельства и въ особенности то, что, страшась за участь своей торговли, они, съ свойственной торгашамъ политикой, часто помогали днемъ грекамъ, а. ночью туркамъ. Предпріятіе Мухаммеда, всего болѣе содѣйствовавшее взятію города, бросаетъ страшную тѣнь на ихъ дѣйствія. Мы уже говорили, что внутренняя константинопольская гавань или такъ называемый Золотой Рогъ была заперта цѣпью между Акрополемъ или нынѣшнемъ сералемъ и Галатой; турки не умѣли разрывать подобныя цѣпи, и Мухаммеду пришла мысль поставить корабли на колеса и провезти ихъ по землѣ. Это могло быть сдѣлано только на оконечности Золотаго Рога, тамъ, гдѣ онъ отдѣляетъ Константинополь отъ Галаты. Такимъ образомъ корабли приходилось провозить кругомъ Галаты, мимо сѣверной части этого города, и невозможно предположить, что генуезцы въ Галатѣ не видали ни приготовленій турокъ, ни перевозки кораблей, и не слышали шума. Отчего греки не препятствовали спуску кораблей въ воду противъ церкви и монастыря Святаго Космы? Какимъ образомъ могли быть провезены въ одну ночь всѣ корабли чрезъ пространство въ $1^1/_2$ мили? На эти и многіе другіе вопросы мы не находимъ отвѣта. Впрочемъ, свѣдѣнія о перевозкѣ кораблей такъ же смутны, какъ и объ осадныхъ орудіяхъ султана; все это не разъяснено, хотя въ главныхъ основаніяхъ и вѣрно.

Съ сухаго пути и со стороны Галаты Константинополь былъ защищенъ двойной стѣной и двумя рвами; изъ гавани, откуда крестоносцы завладѣли городомъ, доступъ былъ легче. Переправившись изъ Галаты къ Константинополю, Мухаммедъ тотчасъ же велѣлъ приставить корабль къ кораблю, чтобы начать штурмъ одновременно съ моря и съ сухаго пути. Семь недѣль (съ начала апрѣля 1453 г.) вели турки осаду безъ всякаго успѣха и съ огромными потерями. Наконецъ, соединивъ несмѣтное число приведенныхъ съ собой варваровъ, Мухаммедъ приказалъ сдѣлать рѣшительный приступъ, потребовавъ передъ тѣмъ еще разъ (24 мая), чтобы импера-

торъ сдался на капитуляцію; 28 мая вечеромъ все турецкое войско стояло на готовѣ, чтобы начать штурмъ 29 съ восходомъ солнца. Султанъ заранѣе отдалъ войску городъ, вмѣстѣ съ жителями и ихъ имуществами, сохраняя за собой одни зданія и запретивъ поджоги. Бой былъ ожесточенный; но мы уже говорили, что изъ 100 тысячъ грековъ только шесть тысячъ защищали городъ, а изъ двѣнадцати главныхъ постовъ десять были ввѣрены иностранцамъ. У воротъ Святаго Романа стоялъ самъ императоръ, а подлѣ него Джустиніани съ 300 отборныхъ генуезцевъ и Донъ Франсиско де Толедо. Генуезцы, подъ начальствомъ братьевъ Паоло и Антоніо Троило Бокіарди, защищали ворота, называющіяся теперь адріанопольскими. У воротъ, называющихся теперь Эгрикапу, находились Ѳеодоръ изъ Кариста съ отрядомъ стрѣлковъ и начальникъ нѣмецкой артиллеріи. На этихъ позиціяхъ сражался и Исидоръ во главѣ славянъ, сербовъ и болгаръ. Нѣсколько далѣе венеціанскій байло Іеронимъ Майнотто и братья Іеронимъ и Леонардо де Лангоско предводительствовали отборнымъ отрядомъ итальянцевъ. Входъ со стороны гавани защищалъ съ весьма подозрительной храбростью великій герцогъ и командиръ флота Лука Нотара. Венеціанецъ Габріель Тревизано стоялъ съ 400 соотечественниковъ у Акрополя, венеціанецъ Контарино у Золотыхъ воротъ, генуезецъ Катанео у воротъ Селимбріи и въ той же части города сражался испанскій консулъ Педро Джуліани во главѣ воинственныхъ каталонцевъ.

Послѣ двухъ часоваго штурма, Джустиніани раненый бѣжалъ съ своимъ отрядомъ въ Галату, не смотря на всѣ просьбы императора не оставлять позиціи. Вслѣдъ за тѣмъ турки ворвались въ городъ и скоро завладѣли имъ. Дома были разграблены, нѣсколько тысячъ жителей различныхъ возрастовъ и половъ обращены въ рабство, но погибло сравнительно небольшое число. Между послѣдними находился императоръ, убитый во время битвы. Джустиніани умеръ въ Галатѣ отъ раны. Лука Нотара и Исидоръ попались въ плѣнъ. Нотара, продолжавшій, даже и по взятіи

города, защищать съ османскимъ княземъ Урханомъ одну изъ городскихъ башенъ, сдался только тогда, когда палъ Урханъ. Онъ предлагалъ султану свои несмѣтныя сокровища за освобожденіе, но Мухаммедъ, нѣсколько разъ въ теченіе осады пытавшійся переманить къ себѣ такого полководца, какъ Джустиніани, съ презрѣніемъ отвергъ предложенія Нотары. По прошествіи нѣкотораго времени онъ и его сыновья были казнены. Исидоръ, успѣвшій переодѣться, не былъ узнанъ; проданный въ рабство, онъ вскорѣ освободился и бѣжалъ въ Римъ. Генуэзское предмѣстье Галата было пощажено турками; генуэзцы продолжали торговать въ немъ и пользовались, такъ же какъ и венеціанцы, нѣкоторыми привилегіями. Вслѣдствіе того говорили, что, въ то время какъ ихъ рыцари храбро защищали городъ, ихъ дипломаты дѣйствовали за одно съ турками.

Завоеваніе Константинополя, перенесеніе въ Акрополь или константинопольскую крѣпость резиденціи султана и обращеніе построенной Юстиніаномъ церкви св. Софіи или божественной мудрости въ главную мечеть новой мухаммеданской имперіи распространили ужасъ во всей Европѣ. На мѣсто изгнаннаго христіанскаго населенія въ Константинополѣ были поселены турки, и Европѣ грозило новое нашествіе варварскихъ ордъ Азіи. Ближайшая опасность грозила Венгріи и Германіи; придунайскія земли, владѣнія христіанъ въ собственной Греціи и острова Архипелага неизбѣжно должны были подпасть подъ владычество турокъ, пріобрѣвшихъ флотъ и рабовъ грековъ, употребляемыхъ для всѣхъ сооруженій и построекъ, въ дѣлахъ образованія и техническаго обученія. Такимъ образомъ въ то время, когда ни одинъ изъ европейскихъ государей не пользовался неограниченной властью и не имѣлъ постояннаго войска, по сю сторону Босфора внезапно возникаетъ деспотически управляемое военное государство, съ постояннымъ войскомъ изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ, ставшее съ завоеваніемъ столицы восточной римской имперіи въ совершенно новыя отношенія къ христіанскимъ народамъ.

Цивилизація и литература франкскихъ, кельтическихъ и славянскихъ государствъ Европы такъ много выиграла отъ эмиграціи греческихъ ученыхъ и появленія образованныхъ людей первыхъ греческихъ фамилій въ итальянскихъ городахъ и иностранныхъ заведеніяхъ, что завоеваніе Константинополя можно такъ же, какъ и открытіе Америки, считать эпохой новой государственной жизни и новой литературы. Завоеваніе Константинополя совпадаетъ съ временемъ высшаго процвѣтанія возродившейся классической древности. Изученіе и подражаніе древности, возникшія въ XIV столѣтіи, достигли стараніями Петрарки, императора Карла IV и другихъ личностей, о которыхъ мы скажемъ впослѣдствіи, такихъ размѣровъ, что высшей славой для духовенства и свѣтскихъ лицъ, князей и городовъ сдѣлалось собираніе рукописей греческихъ писателей и покровительство ученымъ комментаторамъ ихъ. Библіотеки западной Европы, преимущественно итальянскія и французскія, покупали дорогой цѣной остатки уничтоженныхъ турками общественныхъ и частныхъ библіотекъ грековъ, переданныя такимъ образомъ потомству. Впрочемъ турки выказывали чрезвычайно много терпимости относительно греческаго духовенства и ученыхъ. Лука Нотара и все его семейство правда были умерщвлены; но за то Георгій Схоларій или Геннадій былъ назначенъ патріархомъ. Султанъ оставилъ за собой право утверждать греческихъ патріарховъ и это впослѣдствіи послужило турецкимъ министрамъ поводомъ къ различнымъ злоупотребленіямъ и насиліямъ.

Крестовый походъ, задуманный западными христіанами для спасенія Константинополя, не состоялся; флотъ, снаряженный съ этою цѣлью, явился слишкомъ поздно и былъ уничтоженъ. Одинъ Скандербегъ въ Албаніи противился колоссальному могуществу Мухаммеда. Въ 1454 г. султанъ предложилъ ему миръ за умѣренную дань, но Скандербегъ ни на что не соглашался, укрѣпилъ еще сильнѣе Крою и два раза разбивалъ осаждавшее городъ турецкое войско. Другія войны не позволили султану до 1465 г. двинуться со всѣмъ своимъ войскомъ въ Албанію. Выступивъ наконецъ съ вой-

скомъ, численность котораго показываютъ, вѣроятно значительно преувеличивая, до 200 тысячъ человѣкъ, Мухаммедъ завоевалъ Светиградъ и албанскій Бѣлградъ. Турки разбрелись тогда по Албаніи, заняли различныя мѣста и окружили Крою; самъ султанъ отправился въ Филиппополь, а Скандербегъ поѣхалъ въ Римъ просить помощи у папы Павла II. Слишкомъ скупой, чтобы тратить свои сокровища на содержаніе наемниковъ, папа отказалъ Скандербергу. Вернувшись въ Албанію, Скандербегъ защищалъ Крою, снова осажденную турками въ 1466 г., до конца жизни (14 января 1467 г.). По смерти албанскаго героя городъ, столько лѣтъ защищаемый, не могъ долѣе держаться. Передъ смертью Скандербегъ отдалъ свои владѣнія и сына подъ защиту венеціанцевъ, объявившихъ въ 1464 г. войну туркамъ и завоевавшимъ Лемносъ, послѣ того какъ Мухаммедъ выгналъ владѣтеля Лесбоса, Каталузіо, завладѣлъ Аргосомъ и сталъ помышлять о покореніи всего Пелопоннеса. Въ продолженіе двадцатичетырехлѣтняго управленія Албаніей, Скандербегъ, воевавшій съ страшнымъ Мурадомъ II и завоевателемъ Константинополя, участвовалъ въ двадцати двухъ сраженіяхъ и только разъ былъ раненъ. Турки такъ же удивлялись ему какъ и христіане, охотно прощавшіе албанскому герою, что онъ жилъ скорѣе по турецки, чѣмъ по христіански, и соблюдалъ болѣе церковные обряды, чѣмъ христіанскіе законы. Янычары смотрѣли на него, какъ на святаго, доказавъ это черезъ четыре года по его смерти, когда его тѣло было перевезено изъ Алессіо (Лешъ) въ Скутари. Они не только съ благоговѣніемъ прикладывались къ его рукѣ, чтобы закалить свои руки, но даже старались доставать себѣ куски его костей, нося ихъ какъ талисманъ.

Только храбрый предводитель венгровъ продолжалъ еще успѣшно бороться съ турецкимъ завоевателемъ, и даже въ послѣдній годъ жизни (1456 г.) одержалъ блистательную побѣду надъ цѣлымъ турецкимъ войскомъ. Сербы, напротивъ, были побѣждены, ихъ главная крѣпость, Новиградъ, завоевана, два старшихъ сына короля Георгія отправлены въ Константинополь, а третій долженъ

былъ платить дань, какъ турецкій вассалъ. По смерти его Сербія была обращена въ турецкую провинцію. Генуезцы потеряли не только Галату, но и Амастрію въ Малой Азіи, сдѣлавшуюся по завоеваніи Константинополя ихъ главнымъ торговымъ рынкомъ. Палеологамъ, Димитрію и Ѳомѣ, Мухаммедъ оставилъ изъ политическихъ цѣлей ихъ владѣнія въ Пелопоннесѣ, послалъ имъ даже помощь для усмиренія возставшихъ арнаутовъ, и два раза былъ посредникомъ въ ихъ спорахъ. Когда же Димитрій отнялъ у брата принадлежавшія ему владѣнія, султанъ завладѣлъ полуостровомъ. Ѳома бѣжалъ въ Римъ, а Димитрій былъ низложенъ (1460 г.). Валахія и Боснія тоже сдѣлались данницами турокъ. Съ венеціанцами Мухаммедъ велъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ войну съ перемѣннымъ счастьемъ; но объ этой войнѣ рѣчь можетъ быть только впослѣдствіи, когда мы уже разскажемъ объ усиліяхъ папы ополчить христіанъ запада на новый крестовый походъ противъ турокъ.

Присоединеніемъ къ турецкимъ владѣніямъ сохранявшихъ еще независимость княжествъ, Мухаммедъ расширилъ предѣлы своей имперіи и въ Азіи. Синопъ былъ занятъ турками, а Давидъ Комненъ, называвшій себя трапезунтскимъ императоромъ, сначала долженъ былъ помѣняться своими владѣніями, и вслѣдъ затѣмъ былъ умерщвленъ вмѣстѣ съ своими приверженцами (1462 г.). Такимъ образомъ пресѣклась царствовавшая нѣкогда въ Константинополѣ фамилія Комненовъ. Въ XVIII столѣтіи одинъ французскій офицеръ, а въ XIX пресловутая герцогиня д'Абрантесъ старались доказать свое происхожденіе отъ этой династіи.

II. ИСТОРІЯ ГЕРМАНИИ

ДО ПОЛОВИНЫ XV СТОЛѢТІЯ.

1. Введеніе.

Въ началѣ XV столѣтія въ Германіи спорили два императора за свѣтскую власть, въ Италіи — сначала два, потомъ три папы за престолъ св. Петра (конецъ VIII т.). Ожидая отреченія папъ Григорія XII и Бонифація IX, пизанскій соборъ избралъ третьяго папу, Александра V, съ условіемъ, что онъ прекратитъ съ помощью собора церковный расколъ. Но прекращеніе раскола могло послѣдовать только тогда, когда и новый папа согласился бы, въ случаѣ необходимости, отказаться, подобно двумъ другимъ, отъ престола, а на это Александръ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія. Онъ распустилъ соборъ, обѣщаясь черезъ три года созвать новый для окончательнаго прекращенія церковнаго раскола, и отправился въ Римъ. Въ Римѣ Александръ назначилъ кардиналовъ, избравшихъ по смерти его (1410 г.) папой кардинала Бальтазара Коссу (т. VIII. стр. 570), называвшагося папой Іоанномъ XXIII. Въ то время какъ Александръ V и Іоаннъ XXIII, сидя въ Римѣ, облагали податями Германію, Бенедиктъ XIII (IX) папствовалъ надъ Испаніей и Англіей. Этотъ папа, жившій сначала въ Перпиньянѣ, а потомъ въ Арагоніи, охотно сносилъ и терпѣлъ все, но ни за что не хотѣлъ отказаться

отъ правъ на папство. Третій папа, Григорій XII, изъ венеціанской области переѣхалъ къ Владиславу Неаполитанскому, но, не считая себя безопаснымъ и въ Неаполѣ, искалъ защиты и убѣжища у владѣтеля Римини. Смерть анти-императора Рупрехта Пфальцскаго (1410 г.), казалось, представляла тѣмъ болѣе удобный случай покончить церковный раздоръ, что изъ семи курфирстовъ три, богемскій, саксонскій и бранденбургскій, никогда не признавали ни Рупрехта, ни его папы, а императоръ Венцеславъ, занятый богемскими дѣлами, соглашался передать императорскій престолъ болѣе энергическому человѣку, который занялся бы церковнымъ вопросомъ. Венцеславъ давно объявилъ, что готовъ, сохраняя императорскій титулъ, отказаться отъ престола, если избраніе падетъ на принца его дома.

2. Германія при Сигизмундѣ до созванія констанцскаго собора.

Въ маѣ 1410 г. умеръ Рупрехтъ, и курфирстъ майнцскій, не обращая вниманія на Венцеслава, созвалъ во Франкфуртъ избирательное собраніе. Основываясь на обѣщаніи Венцеслава, два принца изъ фамиліи Карла IV, племянникъ Карла IV, маркграфъ моравскій, Іодокъ или Іобстъ, и братъ Венцеслава, Сигизмундъ, считали себя въ правѣ домогаться императорскаго престола. Сигизмундъ, вмѣстѣ съ курфирстами пфальцскимъ и трирскимъ, поддерживалъ папу Григорія XII: потому Майнцъ и Кельнъ объявили себя за Іодока, державшаго, какъ и они, сторону пизанскаго собора и папы Іоанна XXIII. Оба претендента изъявляли притязанія на голосъ за бранденбургскую мархію, принадлежавшую Сигизмунду, но заложенную маркграфу моравскому. Предполагалось, что Венцеславъ сохранитъ императорскій титулъ и, какъ уже не разъ бывало, прежде будетъ избранъ только римскій король, назначавшійся вмѣстѣ съ тѣмъ его преемникомъ. Венцеславъ снова выказалъ нерѣ-

шительность и когда курфирстъ кёльнскій Фридрихъ назначилъ предварительное совѣщаніе въ Рензе, объявилъ, что не нужно избирать новаго короля. На его слова не обратили никакого вниманія; большинство князей обѣихъ партій не хотѣли и слышать о Венцеславѣ. Кромѣ этихъ политическихъ соображеній, тремя духовными курфирстами руководили при предстоявшихъ выборахъ и духовные интересы: архіепископы майнцскій и кёльнскій, какъ и Венцеславъ, поддерживали пизанскаго папу, Вернеръ Трирскій — Григорія. Архіепископы склонили на свою сторону герцога бергскаго, герцога баварскаго Стефана, маркграфа мейссенскаго и ландграфа тюрингскаго; въ пользу стараго Вернера Трирскаго энергически дѣйствовали сынъ императора Рупрехта, курфирстъ пфальцскій Людовикъ, и его другъ, бургграфъ нюрнбергскій, Фридрихъ фонъ Гогенцоллернъ. Фридрихъ оказалъ Сигизмунду на выборахъ громадныя услуги и заплатилъ за него долги. За все это онъ получилъ впослѣдствіи бранденбургскую мархію, сначала въ залогъ, а потомъ въ собственность, и такимъ образомъ сдѣлался основателемъ новой линіи курфирстовъ бранденбургскихъ. Чтобы убѣдить Сигизмунда принять условія, на которыхъ Пфальцъ и Триръ соглашались дать ему свои голоса, бургграфъ нюрнбергскій поѣхалъ къ нему въ Офенъ. Пфальцъ и Триръ настаивали въ особенности на томъ, чтобы Сигизмундъ, какъ римскій король, возстановилъ единство церкви и, въ случаѣ необходимости, пересталъ поддерживать Григорія, сторону котораго держали прежде сами курфирсты. Сигизмундъ согласился на предложенныя условія и подтвердилъ свое обѣщаніе въ письмахъ, отправленныхъ 5-го августа къ обоимъ курфирстамъ.

1-го сентября рейнскіе курфирсты прибыли во Франкфуртъ. Людовикъ Пфальцскій хотѣлъ вступить въ городъ съ 300 всадниковъ, но его не впустили съ такой многочисленной свитой: золотая булла дозволяла курфирстамъ являться не болѣе, какъ съ 200 человѣкъ. Бургграфъ Фридрихъ прибылъ съ 200 всадниковъ и усилилъ ими пфальцъ-трирскую партію въ случаѣ, еслибы дѣло дошло до драки. Онъ претендовалъ на роль уполномоченнаго кур-

фирста бранденбургскаго, но городъ не согласился признать за нимъ эти права, потому что поддерживаемый рейнскими курфирстами Іодокъ оспаривалъ у него право голоса за Бранденбургъ. Фридрихъ былъ впущенъ только какъ посолъ венгерскаго короля, его всадники — какъ сопровождавшій его конвой, а не свита, на которую имѣли право курфирсты. Не смотря на это, 20 сентября 1410 г. Фридрихъ явился передъ городскимъ соборомъ какъ уполномоченный Сигизмунда, участвовавшаго прежде на выборахъ въ качествѣ курфирста бранденбургскаго, чтобы вмѣстѣ съ курфирстами пфальцскимъ и трирскимъ приступить къ избранію императора. Архіепископъ майнцскій запретилъ отпирать церковь; тогда три курфирста отправились на кладбище, находящееся за соборомъ, и тамъ избрали императоромъ Сигизмунда. Майнцъ и Кёльнъ протестовали и готовились приступить къ новому избранію. Они убѣдили Венцеслава подать голосъ Богеміи за ихъ кандидата, признали Іодока курфирстомъ бранденбургскимъ и утверждали, что Рудольфъ Саксонскій, братъ и предшественникъ Альберта III, послѣдняго курфирста ангальтской линіи, прислалъ полномочіе въ пользу маркграфа Іодока. Избравъ, 1 октября, Іодока римскимъ королемъ, они имѣли на своей сторонѣ то преимущество, что ихъ кандидатъ былъ избранъ пятью курфирстами и въ установленномъ закономъ мѣстѣ, т. е. въ соборѣ.

Ни Іодокъ, ни Сигизмундъ не выказывали особаго нетерпѣнія принять переданный имъ титулъ; прошло три мѣсяца, прежде чѣмъ Сигизмундъ объявилъ въ посланіи о своемъ согласіи принять престолъ (11 января 1411 г.). Въ это время объ интересахъ его въ Германіи заботились избравшіе его курфирсты, бургграфы нюрнбергскіе Фридрихъ и Іоаннъ и Эбергардъ Виртембергскій. Іодокъ собралъ войско, но до войны не дошло, потому что въ январѣ 1411 г. его уже не было въ живыхъ. Смерть его послѣдовала такъ внезапно, что ее приписывали отравленію, и по варварскому уголовному судопроизводству того времени за нее долженъ былъ пострадать невинный. Подозрѣваемаго человѣка пытали до тѣхъ поръ,

пока онъ не сказалъ того, чего отъ него требовали, и, вынудивъ у него показанія, четвертовали въ Бёмишбродѣ по приговору богемскаго бургграфа и членовъ сейма. По смерти Іодока бургграфъ Фридрихъ, тотчасъ же поспѣшившій къ Сигизмунду въ Офенъ, завязалъ переговоры съ Венцеславомъ и главой противной партіи архіепископомъ майнцскимъ. Стараго императора онъ скоро склонилъ на свою сторону и 9 іюля послѣдовало примиреніе между Венцеславомъ и Сигизмундомъ: Сигизмундъ отказался поддерживать Григорія и обѣщалъ брату, что добьется отъ папы признанія за нимъ титула римскаго императора, а Венцеславъ соглашался на избраніе Сигизмунда королемъ. Черезъ Венцеслава Сигизмундъ получилъ саксонскій голосъ, а стараніями бургграфа Фридриха примирился съ Кёльномъ и Майнцомъ. Но тогда явились препятствія со стороны его приверженцевъ курфирстовъ трирскаго и пфальцскаго, упорно настаивавшихъ на своемъ первомъ избраніи, признаннымъ недѣйствительнымъ самимъ Сигизмундомъ. Они протестовали даже и тогда, когда курфирсты собрались во франкфуртскомъ соборѣ (17 іюля), чтобы приступить къ новому избранію, и къ большому неудовольствію народа собраніе разошлось 24 іюля, не постановивъ ничего. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, послѣдовало соглашеніе: Сигизмундъ былъ вторично избранъ римскимъ королемъ. Но прошло нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ новый король, постоянно разъѣзжавшій и вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ, явился въ Германію, хотя о своемъ избраніи онъ узналъ еще въ августѣ и тогда же обѣщалъ короноваться осенью въ Ахенѣ. Это заставляетъ насъ еще болѣе удивляться его согласію принять корону на тяжелыхъ условіяхъ, постановленныхъ между бургграфомъ Фридрихомъ и архіепископомъ майнцскимъ, Іоанномъ. За Іоанномъ были утверждены всѣ его законныя и незаконныя права относительно чекана монеты, содержанія вооруженной свиты и сбора пошлинъ, а его духовенству сохранены всѣ привилегіи или вѣрнѣе права на злоупотребленія. Кромѣ того, Сигизмундъ поклялся обратиться за утвержденіемъ своего избранія только къ папѣ Іоанну XXIII, оказывать

особенное покровительство архіепископству майнцскому, оставить за архіепископомъ право свѣтскаго и духовнаго суда, не установлять никакихъ новыхъ пошлинъ и налоговъ, невыгодныхъ для него, обязался не назначать безъ его согласія ни одного викарія, и въ ущербъ государству подтвердить за друзьями Іоанна, названными въ договорѣ, права, которыя были предоставлены самому архіепископу.

Во время переговоровъ бургграфъ Фридрихъ истратилъ столько денегъ, что Сигизмундъ, черезъ шесть мѣсяцевъ по смерти Іодока, отдалъ ему въ залогъ бранденбургскую мархію. Это было счастьемъ для бѣдныхъ бранденбургцевъ. Положеніе Бранденбурга походило на положеніе нынѣшняго Курдистана, съ тѣхъ поръ какъ пресѣкся ея старинный домъ и страна перешла во владѣніе Карла IV. Рыцари и владѣтели Бранденбурга были разбойники и тиранны, нападавшіе на горожанъ и принуждавшіе крестьянъ подчиняться ихъ такъ называемой патримоніальной (вотчинной) власти. Зная, что у венгерскаго короля и безъ того много дѣла, чтобы еще заниматься мархіей, они были очень довольны, когда, по смерти Іодока, Бранденбургъ снова перешелъ къ Сигизмунду; они торжественно присягнули ему и отправили пословъ звать его въ Берлинъ, въ полной увѣренности, что онъ никогда не пріѣдетъ. Намѣстникомъ Бранденбурга, Сигизмундъ назначилъ Каспара Ганса, путтлицкаго дворянина, не имѣвшаго въ странѣ никакого значенія. Такимъ образомъ никто не потерялъ, когда въ 1411 г. Бранденбургъ былъ отданъ бургграфу Фридриху. 8-го іюля бургграфъ получилъ грамату на бранденбургскую мархію со всѣми правами и доходами, принадлежавшими Сигизмунду, какъ законный глава, всеобщій намѣстникъ и военачальникъ, до тѣхъ поръ, пока ему или его наслѣдникамъ не будутъ возвращены 100 тысячъ гульденовъ, должныхъ ему Сигизмундомъ. 15 декабря Венцеславъ утвердилъ за Фридрихомъ эти права. Сигизмундъ сохранилъ только званіе курфирста бранденбургскаго, также перешедшее къ Фридриху въ 1417 г.

Венгры, польщенные избраніемъ въ римскіе короли Сигизмунда, сдѣлавшагося ихъ королемъ черезъ свою первую жену, постановили на сеймѣ 1-го октября, что если онъ не оставитъ мужескаго потомства, венгерскій престолъ перейдетъ къ его дочери Елисаветѣ. Этимъ постановленіемъ Сигизмундъ воспользовался, чтобы соединить свой домъ съ австрійскими князьями. Габсбургскія владѣнія были раздѣлены тогда между тремя государями. Тироль и владѣнія въ Швейцаріи и Швабіи находились подъ властью Фридриха, впослѣдствіи названнаго „Пустымъ Карманомъ;“ Штиріей, Каринтіей, Крайной, Истріей, Тріестомъ и Портенау владѣлъ его братъ Эрнстъ Желѣзный; Австрія принадлежала ихъ двоюродному брату, малолѣтнему Альбрехту V. Опеку надъ Альбрехтомъ приняли двоюродные братья, грабившіе его и притѣснявшіе страну до тѣхъ поръ, пока посредникомъ между ними и земскими сословіями не явился Сигизмундъ, причемъ венгерскій король заключилъ съ австрійскими князьями договоръ относительно наслѣдованія Богеміею. Вслѣдъ затѣмъ Эрнстъ и Фридрихъ снова поссорились съ австрійскимъ сеймомъ. Они хотѣли удержать опеку надъ малолѣтнимъ Альбрехтомъ до достиженія имъ 16 лѣтняго возраста; но рыцарство взялось за оружіе, опасаясь, что опекуны въ конецъ разорятъ страну и подданныхъ. По свидѣтельству одного историка того времени убытки, нанесенные одной Вѣнѣ, простирались до 600 тысячъ дукатовъ. 14 сентября 1411 г. венгерскому королю, снова призванному въ Австрію, удалось прекратить раздоръ. Сигизмундъ, въ то время уже бывшій римскимъ королемъ, объявилъ молодаго Альбрехта совершеннолѣтнимъ и помолвилъ его съ своей дочерью, двухлѣтней Елисаветой. Старшіе герцоги, въ особенности желѣзный, хищный Эрнстъ, остались недовольны третейскимъ приговоромъ Сигизмунда. Такой же исходъ имѣла попытка Сигизмунда рѣшить и другой споръ. Польскій король Владиславъ явился въ Офенъ, чтобы просить венгерскаго короля быть посредникомъ между нимъ и враждебнымъ ему тевтонскимъ орде-

номъ въ Пруссіи. Сигизмундъ рѣшилъ этотъ споръ, но его рѣшеніемъ не была довольна ни одна изъ сторонъ.

Новый германскій король, нѣсколько разъ обѣщавшій короноваться въ Ахенѣ, и въ 1412 г. не могъ пріѣхать въ Германію, не имѣя денегъ для путешествія и не видя возможности отдѣлаться отъ окружавшихъ его враговъ. Тевтонскій орденъ и поляки были недовольны имъ, турки угрожали ему на Дунаѣ и Савѣ, а съ Босніей, Далмаціей и даже Венеціей, соединившейся съ Эрнстомъ Желѣзнымъ, онъ велъ войну; наконецъ, Сигизмундъ былъ несчастливъ и въ семейной жизни. По смерти Маріи, доставившей ему венгерское королевство, Сигизмундъ женился на злой Варварѣ Циллей, отравившей мужу жизнь и по смерти его разорявшей съ своими нѣмцами Венгрію, опустошаемую съ другой стороны турками. События двухлѣтней войны (1412 и 1413 г.) съ Венеціей имѣютъ значеніе для всемірной исторіи только потому, что они помѣшали Сигизмунду отправиться въ Германію. Въ теченіе всего этого времени онъ переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто по южной границѣ своей монархіи. По заключеніи съ венеціанцами перемирія на пять лѣтъ (апрѣль 1413 г.), Сигизмундъ, вмѣсто того чтобы заняться дѣлами Германіи или хоть Венгріи, сталъ искать новыхъ приключеній въ Тиролѣ, Швейцаріи и верхней Италіи. Во время этихъ рыцарскихъ похожденій, такъ же, какъ на торжествахъ и пирахъ, онъ старался превзойти мотовствомъ Фридриха Австрійскаго, прозваніе котораго „герцогъ съ пустымъ карманомъ“ очень шло и къ Сигизмунду. Оба они позволяли себѣ грубости и дерзости, какія теперь дѣлаютъ молодые дворянчики въ университетахъ и англійскіе аристократы, считающіе это аристократической привилегіей, а потомъ каждый сваливалъ вину на другаго. Только по случаю Сигизмунду, блуждавшему по Тиролю, Граубиндену, Швейцаріи и на границахъ Ломбардіи, удалось въ 1413 году доказать нѣмецкимъ архіепископамъ, что онъ не шутилъ, обѣщаясь возстановить единство церковнаго управленія. Папѣ Іоанну XXIII удалось въ іюлѣ 1412 г. склонить на

свою сторону Владислава Неаполитанскаго, до тѣхъ поръ приверженца Григорія XII; но по прошествіи десяти мѣсяцевъ (май 1413 г.) Владиславъ вздумалъ присоединить къ своимъ владѣніямъ Церковную область. Онъ отправилъ войско противъ Анконы и занялъ Римъ; Іоаннъ XXIII съ своими кардиналами бѣжалъ въ Сіену. Бѣгство папы совпало съ прибытіемъ въ Италію Сигизмунда, явившагося туда, чтобы предъявить герцогу Филиппу Маріи Висконти свои права на Ломбардію, проданную Венцеславомъ дому Висконти (т. VIII. стр. 544), и этимъ зарекомендовать себя нѣмецкимъ князьямъ. Убѣдившись вскорѣ, что ему не справиться съ Филиппомъ Висконти, онъ вздумалъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ изгнаннаго папы, для того, чтобы созвать обѣщанный соборъ. Сигизмундъ отправился въ Лоди, находившійся тогда подъ владычествомъ Іоанна де Виньяте, для переговоровъ съ тремя присланными папой кардиналами о мѣстѣ, гдѣ созвать соборъ. Папскіе послы не были большими поклонниками своего папы; между ними находился одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ того времени, Леонардъ Аретинъ или Леонардо изъ Ареццо, извѣстный своимъ древне-римскимъ стилемъ. Они не давали Іоанну XXIII покоя, пока онъ не уничтожилъ данныхъ имъ инструкцій настаивать на созваніи собора въ итальянскомъ городѣ, предоставивъ имъ условиться объ этомъ съ Сигизмундомъ. По совѣщаніи, мѣстомъ собора былъ назначенъ Констанцъ. Папа, очень недовольный такимъ выборомъ, утвердилъ однако то, что было постановлено его кардиналами, и въ концѣ ноября 1413 г. самъ поѣхалъ въ Лоди, для личныхъ переговоровъ съ Сигизмундомъ о предстоящемъ соборѣ. Затѣмъ папа съ императоромъ ѣздили вмѣстѣ въ Піаченцу и Кремону, и передъ тѣмъ, чтобы разстаться, издали нѣсколько эдиктовъ и буллъ, созывавшихъ 1 ноября 1414 г. соборъ въ Констанцъ. Послѣ того Іоаннъ XXIII отправился въ Болонью, а Сигизмундъ поѣхалъ въ Комо, гдѣ имѣлъ свиданіе съ герцогомъ Филиппомъ Висконти.

3. Споры гуситовъ въ Богеміи и констанцскій соборъ до смерти Іеронима.

Согласившись съ германскимъ королемъ относительно созванія собора, Іоаннъ XXIII надѣялся, что на костанцскій соборъ будутъ смотрѣть только какъ на продолженіе пизанскаго и слѣдовательно считать его настоящимъ папою. Но не такъ думали Сигизмундъ и прелаты, въ особенности же Петръ д'Альи и Жерсонъ (т. VIII стр. 552), давно требовавшіе реформы въ церковной дисциплинѣ, хотя и стоявшіе за сохраненіе старыхъ принциповъ. Они настаивали па томъ, что соборъ выше папы, хотѣли вынудить отреченіе у всѣхъ трехъ папъ, и потому требовали, чтобы Григорій XII и Бенедиктъ XIII также пріѣхали въ Констанцъ. Папы, по весьма понятнымъ причинамъ, не явились на ихъ приглашеніе. Съ ихъ противникомъ Іоанномъ, — безпутная жизнь котораго не только оскорбляла всѣхъ набожныхъ людей, но возстановила противъ него даже Сигизмунда, — дѣло уже было порѣшено. Между прочимъ, вотъ что разсказываетъ Леонардъ Аретинъ о свиданіи папы съ Сигизмундомъ въ Лоди. Папа, любившій, такъ же, какъ и король, блескъ и пышность, сидѣлъ однажды на великолѣпномъ тронѣ, облеченный во всѣ знаки папскаго достоинства, а Сигизмундъ, почтительно стоявшій подлѣ него въ облаченіи дьякона, чѣмъ онъ былъ по извѣстному праву германскаго императора (т. VIII стр. 309), громко давалъ ему дерзкое наставленіе. Онъ говорилъ папѣ, бывшему еще въ званіи кардинала обращикомъ разврата духовенства, что серьезно и убѣдительно проситъ его прекратить отвратительный и безпутный образъ жизни. Это безцеремонное увѣщаніе звучитъ на нѣмецкомъ языкѣ присутствовавшаго при свиданіи Эбергарда фонъ Виндека (т. VIII стр. 204), слогъ котораго жостокъ и грубъ даже для того времени, несравненно лучше, чѣмъ на классическомъ латинскомъ языкѣ Леонарда Аретина.

Новый римскій король не выказывалъ особаго нетерпѣнія явиться въ Германію; съ своей стороны и нѣмецкіе князья, по пріѣздѣ Сигизмунда на Рейнъ, не спѣшили встрѣтить его съ подобающими почестями. И онъ и они дѣйствовали вслѣдствіе одинакихъ причинъ. У императора не было денегъ, чтобы съ блескомъ явиться въ Германію, а князья знали, что имъ нечѣмъ поживиться отъ него. Въ концѣ февраля 1414 г. Сигизмундъ, уже полтора года шатавшійся безъ цѣли по свѣту, выѣхалъ изъ Піаченцы, проѣхалъ черезъ Геную, Салюццо, Піемонтъ, Савоію, и оттуда, сопровождаемый маркграфомъ монферратскимъ Теобальдомъ, отправился со свитой въ 800 человѣкъ черезъ Фрейбургъ въ Бернъ, куда прибылъ въ первыхъ числахъ іюля. Въ Бернѣ онъ не хотѣлъ употреблять городскаго серебрянаго сервиза, а пилъ вино изъ стекла, говоря, что въ его свитѣ много чеховъ, привыкшихъ къ воровству. Изъ Берна, гдѣ Сигизмундъ оставался не долго, онъ поѣхалъ въ Базель, чтобы Рейномъ спуститься въ Ахенъ для коронованія. Имперія никогда такъ не нуждалась въ энергическомъ правителѣ, какъ по пріѣздѣ Сигизмунда въ Германію. Одни епископы владѣли еще въ нѣкоторой степени значительными областями, хотя и въ ихъ владѣніяхъ не рѣдко власть принадлежала не епископу, а дворянству, избиравшему ея изъ своей среды; всѣ же свѣтскія княжества представлялись до того раздробленными, что многіе изъ рыцарей были гораздо сильнѣе князей. Бранденбургомъ владѣла новая династія; основатель ея нѣсколько лѣтъ долженъ былъ бороться съ разбойниками-рыцарями Альтмарка (Старой мархіи) и пригницской мархіи, и до 1417 г. былъ тамъ только представителемъ Сигизмунда. Австрія была раздѣлена между тремя владѣтелями. Верхняя и нижняя Баварія находились каждая подъ властью нѣсколькихъ герцоговъ. Даже Пфальцомъ, гдѣ уже въ 1395 г. въ первый разъ былъ обнародованъ законъ, признававшій нераздѣльность страны, управлялъ курфирстъ Людовикъ не только за себя, но и за братьевъ, дѣтей императора Рупрехта, получившихъ въ наслѣдство отдѣльныя владѣнія.

Сигизмундъ прибылъ въ Германію, снова находясь въ ссорѣ съ Венцеславомъ и въ враждебныхъ отношеніяхъ съ большинствомъ князей. Венцеславъ, не смотря на примиреніе съ братомъ, продолжалъ разыгрывать роль императора, т. е. издавалъ приговоры, рѣшенія, привилегіи и т. п., а Сигизмунда пересталъ даже называть римскимъ королемъ. Изъ князей за одно съ Венцеславомъ дѣйствовали Рудольфъ Саксонскій, герцоги брабантскій и лотарингскій, Эрнстъ Каринтійскій и Крайнскій и Стефанъ Баварскій. Непримиримый врагъ Венцеслава, курфирстъ майнцскій Іоаннъ также былъ противникомъ Сигизмунда. Чѣмъ ниже по Рейну спускался римскій король, останавливавшійся и пировавшій вездѣ гдѣ его угощали, тѣмъ недовольнѣе становился онъ нѣмцами, а они имъ. Нуждаясь въ деньгахъ, онъ требовалъ огромныя суммы за подтвержденіе старыхъ и дарованіе новыхъ привилегій и различныхъ граматъ; нѣмцы торговались и давали немного. По прибытіи въ Майнцъ, Сигизмундъ не нашелъ въ немъ курфирста Іоанна, а въ Кобленцѣ четыре недѣли (съ 12 августа) ждалъ князей. Потерявъ тогда всякое терпѣніе, Сигизмундъ, вмѣсто того чтобы продолжать путешествіе въ Ахенъ, поворотилъ назадъ и, казалось, хотѣлъ вернуться въ Венгрію некоронованнымъ. На обратномъ пути онъ очень медлилъ, пируя въ городахъ, гдѣ его радушно принимали и, по старинному обычаю, заботились о немъ и его свитѣ. 23 сентября Сигизмундъ добрался, наконецъ, до Нюрнберга. Здѣсь къ нему явились всѣ франконскіе князья и множество свѣтскихъ и духовныхъ владѣтелей. Другъ короля бургграфъ Фридрихъ старался убѣдить въ необходимости удержать Сигизмунда, говоря, что въ противномъ случаѣ не соберется соборъ, который одинъ можетъ прекратить неурядицу въ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ. Убѣжденія его подѣйствовали: князья согласились присутствовать при коронованіи Сигизмунда, воротившагося на Рейнъ по примиреніи съ курфирстомъ Іоанномъ. Дорогой Сигизмундъ вездѣ выжималъ деньги у евреевъ и городовъ. Мало по малу около него собралось порядочное число князей: даже Іоаннъ Майнцскій

явился въ Кобленцъ, впрочемъ онъ не сопровождалъ римскаго короля въ Ахенъ. Коронованіе Сигизмунда и его злой супруги Варвары было совершено 8 ноября 1414 г. вновь назначеннымъ и еще не посвященнымъ архіепископомъ кёльнскимъ, курфирстомъ Дитрихомъ. При торжествѣ присутствовали семь епископовъ и всѣ болѣе значительные имперскіе князья, кромѣ баварскихъ герцоговъ, чешскаго короля Венцеслава и архіепископа майнцскаго Іоанна.

Наконецъ вопросъ о соборѣ былъ серьозно поставленъ, и даже папа Іоаннъ XXIII настоятельно просилъ германскаго короля поспѣшить пріѣздомъ въ Констанцъ. Соборъ былъ открытъ въ то время, какъ Сигизмундъ короновался въ Ахенѣ, и началъ свою дѣятельность совѣщаніями о христіанской общинѣ, основанной Іоанномъ Гусомъ въ Богеміи. Новѣйшій историкъ Богеміи, Палацкій, совершенно справедливо объясняетъ возникновеніе гуситскихъ волненій (т. VIII. стр. 574) отвращеніемъ регулированныхъ монашескихъ орденовъ и бѣлаго духовенства къ нищенствующимъ орденамъ, завладѣвшимъ преподаваніемъ и наукою. Нищенствующіе ордена или доминиканцы и францисканцы сдѣлались съ 1218 г. тѣмъ же, чѣмъ въ наше время были іезуиты, т. е. опорой и безусловными приверженцами папы и церковнаго ученія, защищавшаго всѣ злоупотребленія римскихъ епископовъ. Чѣмъ вреднѣе становились злоупотребленія римской церкви, чѣмъ съ бо̀льшимъ пренебреженіемъ относились папы къ общественному мнѣнію, тѣмъ сильнѣе разгорался споръ съ нищенствующими орденами, и тѣмъ многочисленнѣе становились противники ихъ церковной системы. Еще до Гуса являлись въ Богеміи люди, возстававшіе противъ нищенствующихъ орденовъ и проповѣдываемаго ими церковнаго ученія; между ними особенно прославился Конрадъ Вальдгаузеръ или, какъ его также называютъ, Конрадъ изъ Штекны. Впрочемъ, его совершенно ошибочно считаютъ иногда предшественникомъ Гуса: Конрадъ Вальдгаузеръ былъ австріецъ, а не чехъ, и свои проповѣди о покаяніи говорилъ на нѣмецкомъ языкѣ только для праж-

скихъ нѣмцевъ. Вслѣдствіе необыкновеннаго стеченія народа ему часто приходилось (1360—1370 г.) проповѣдывать на площади. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ возставалъ противъ монашества, монаховъ и того рода христіанства, которому они учили; про него можно сказать, что онъ былъ проповѣдникомъ покаянія въ прямомъ значеніи этого слова. Что Конрадъ Вальдгаузеръ сдѣлалъ для пражскихъ нѣмцевъ, то для чеховъ сдѣлалъ Миличъ изъ Кремзира (Кромержига), проповѣдывавшій на ихъ родномъ языкѣ. Въ проповѣдяхъ Милича уже заключалась та примѣсь мистицизма, пророческой и апокалипсической темноты, которые въ теченіе XV вѣка встрѣчаются въ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ самыхъ крайнихъ гуситскихъ мечтателей. Нѣсколько разъ преслѣдуемый, Миличъ находилъ защиту не только у Карла IV, но даже у кардиналовъ, когда отправился въ Авиньонъ, чтобы очиститься отъ двѣнадцати обвиненій въ ереси, взводимыхъ на него въ одной папской буллѣ. Извѣстнѣе Милича настоящій предшественникъ Іоанна Гуса, Матвѣй изъ Янова, сынъ рыцаря Венцеслава изъ Янова, соединявшій научное образованіе съ краснорѣчіемъ и проповѣдывавшій на національномъ языкѣ христіанское ученіе, очищенное отъ римскаго духовенства и монаховъ. Онъ учился въ новомъ университетѣ, основанномъ Карломъ IV, былъ постояннымъ слушателемъ Милича и впослѣдствіи провелъ шесть мѣсяцевъ въ Парижѣ. Въ октября 1381 г. Матвѣй былъ назначенъ каноникомъ и духовникомъ въ пражскомъ соборѣ; онъ умеръ въ 1394 г. Никогда не стремясь на каѳедру, этотъ человѣкъ дѣйствовалъ посредствомъ науки и книгъ въ томъ же духѣ, какъ Миличъ популярными проповѣдями; главное его сочиненіе объ истинномъ смыслѣ ветхаго и новаго завѣта составляетъ теперь большую рѣдкость въ Богеміи. По словамъ Палацкаго, видѣвшаго это никогда вполнѣ не печатавшееся сочиненіе, онъ остроумно и смѣло разоблачаетъ недостатки церкви, однако безъ намѣренія лишить всякаго значенія ея преданія и іерархію. Матвѣй изъ Янова имѣлъ свои особенныя понятія о пользѣ частаго причащенія и, такъ же, какъ Миличъ, совѣты-

валъ мірянамъ пріобщаться ежедневно. За это ученіе его преслѣдовало духовенство, не дозволявшее прихожанамъ пріобщаться чаще одного раза въ мѣсяцъ. Впрочемъ, ученіе о необходимости ежедневнаго причащенія ему дозволено было распространять; но онъ долженъ былъ публично отказаться отъ того, что говорилъ противъ поклоненія и молитвъ святымъ. Только черезъ двадцать лѣтъ Прага увидѣла плоды проповѣдей Милича и сочиненій Матвѣя изъ Янова, хотя и было нѣсколько людей, возстававшихъ по ихъ слѣдамъ на злоупотребленія церкви.

Пражскій университетъ соперничалъ тогда съ Парижемъ, Кёльномъ и Гейдельбергомъ; его юридическій факультетъ отдѣлился отъ прочихъ и образовалъ почти отдѣльный университетъ. Въ началѣ XV столѣтія число учившихъ и учившихся въ немъ возрасло до невѣроятныхъ размѣровъ. Мы указываемъ на это число не потому, что безусловно довѣряемъ ему, но потому, что оно такъ передано намъ. Пельцель и Палацкій приводятъ свидѣтельства современныхъ писателей, утверждающихъ, что въ 1408 г. въ Прагѣ было тридцать тысячъ студентовъ и двѣсти докторовъ, членовъ университета. Университетъ составлялъ родъ республики, а граждане его раздѣлялись, по происхожденію, на четыре корпораціи: чешскую, баварскую, саксонскую и польскую. Сочиненія того времени на чешскомъ языкѣ, — отчасти совершенно забытыя, какъ, напримѣръ, сочиненія Ѳомы Штитнаго, и въ наше время снова сдѣлавшіяся извѣстными, благодаря трудамъ чешскихъ ученыхъ, — очевидно доказываютъ, что и передъ гуситской войной для чешскаго народнаго языка и народнаго образованія было сдѣлано больше, чѣмъ въ Германіи для ея національнаго развитія.

Всякій, имѣвшій какую нибудь степень, могъ свободно преподавать въ пражскомъ университетѣ. Молодымъ доцентамъ не только дозволялось читать записки знаменитыхъ учителей Праги, Парижа и Оксфорда, но извѣстному классу ихъ, баккалаврамъ, это было даже предписано. Припомнивъ теперь то, что мы сказали о Миличѣ и Матвѣѣ изъ Янова, легко понять, что сочиненія англійскаго реформатора

Уиклефа въ концѣ XIV столѣтія такъ же сильно возбуждали общественное вниманіе въ Прагѣ, какъ и въ Англіи. Кромѣ Ѳомы Штитнаго называютъ еще Микулаша изъ Литомышля и Станислава изъ Зноймa, чешскихъ ученыхъ, изучавшихъ еще въ XIV столѣтіи сочиненіе Уиклефа. Друзья Гуса, Христіанъ Прахатицкій, пользовавшійся извѣстностью какъ астрономъ и только благодаря этому спасшійся изъ рукъ собравшихся въ Констанцѣ іерарховъ, и Стефанъ Палечъ не занимались спеціально, какъ Гусъ и Іеронимъ, сочиненіями и ученіемъ Уиклефа. Они были старше Гуса и Іеронима, но дожили до того времени, когда ученики этихъ ученыхъ подверглись жестокимъ преслѣдованіямъ. Іоаннъ Гусъ вступилъ около 1398 г. преподавателемъ въ пражскій университетъ, и въ слѣдующемъ же году защищалъ въ публичной диссертаціи ученіе, заимствованное имъ изъ сочиненій Уиклефа. Не смотря на это, въ 1401 г. онъ былъ назначенъ, какъ деканъ философскаго факультета, священникомъ и проповѣдникомъ Виѳлеемской церкви (т. VIII стр. 533), а въ 1403 г. ректоромъ университета. Еще въ юности Гусъ былъ знакомъ съ Іеронимомъ Пражскимъ, котораго, вслѣдствіе одного дурно понятаго мѣста Энея Сильвія, часто смѣшиваютъ съ Николаемъ Фаульфишемъ, совершенно другой личностью. Іеронимъ много путешествовалъ; Гусъ, напротивъ, до самыхъ послѣднихъ дней не оставлялъ отечества. Еще студентомъ Іеронимъ отправился въ Оксфордъ и, возвратившись въ Богемію, привезъ съ собой нѣсколько сочиненій Уиклефа, до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ въ Прагѣ, гдѣ въ 1398 г. получилъ дозволеніе читать ихъ. Впослѣдствіи онъ ѣздилъ въ Кёльнъ, Гейдельбергъ, Парижъ и даже на Востокъ, въ Іерусалимъ (1403 г.). Принадлежа къ низшему чешскому рыцарству, Іеронимъ являлся при различныхъ дворахъ и между рыцарствомъ; впрочемъ, новѣйшій историкъ Богеміи, Палацкій, доказалъ, что во время этихъ поѣздокъ его вездѣ принимали очень сухо за его пристрастіе къ Уиклефу. Гусъ также еще въ 1403 г. вступилъ въ публичное состязаніе за ученіе Уиклефа, защищая его вмѣстѣ съ своимъ учителемъ Станиславомъ изъ Знойма

отъ пражскихъ каноникові, нападавшихъ на 45 положеній, заимствованныхъ по ихъ словамъ изъ книгъ англійскаго реформатора. Гусъ не защищалъ самыя положенія, а только доказывалъ, что они не заключаются въ сочиненіяхъ Уиклефа; за защиту самыхъ положеній взялся Станиславъ изъ Знойма. Большинство докторовъ (магистровъ) не убѣдилось доказательствами Станислава и объявили, что преподаватели университета должны обязаться не развивать ни публично, ни тайно сорока пяти положеній, бывшихъ предметомъ спора. Послѣ этого диспута имя Гуса, какъ ученаго преподавателя университета и знаменитаго проповѣдника, упоминается не разъ при различныхъ событіяхъ и обстоятельствахъ. Это совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда Венцеславъ, освободившись изъ плѣна (т. VIII стр. 573), сталъ жестокостями возстановлять въ Богеміи спокойствіе, порядокъ и повиновеніе (1404 — 1407 г.). Григорію XII, признававшему императоромъ соперника Венцеслава, Рупрехта, чешскій король старался отмстить покровительствомъ пражскимъ реформаторамъ. Не смотря на запрещеніе излагать ученіе Уиклефа, число его послѣдователей такъ увеличилось, что, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ упомянутаго нами диспута, было назначено слѣдствіе надъ защитниками ученія Уиклефа о причащеніи. Во главѣ реформаторовъ стоялъ Гусъ. Очерчивая этого человѣка по его сочиненіямъ на чешскомъ языкѣ, Палацкій говоритъ, что изъ многихъ мѣстъ этихъ, еще не напечатанныхъ, сочиненій, въ которыхъ личность Гуса выступаетъ гораздо ярче, чѣмъ въ его сочиненіяхъ на латинскомъ языкѣ, можно заключить, что онъ еще смолоду готовился къ мученичеству. Въ городѣ его любили; тихая, набожная королева Софія выбрала его своимъ духовникомъ, и самъ грубый Венцеславъ бесѣдовалъ иногда съ нимъ. Даже архіепископъ пражскій, Збынекъ изъ Газенбурка, былъ друженъ съ Гусомъ; этотъ духовный князь, годившійся въ предводители разбойниковъ - рыцарей, а не въ высшіе духовные пастыри, подчиняясь вліянію Гуса, выказывалъ въ началѣ XV столѣтія гораздо болѣе разсудительности относительно мнимыхъ чудесъ, чѣмъ

епископъ трирскій Арнольди въ XIX вѣкѣ. Гусъ старался убѣдить Збынка, что странствованія пилигримовъ въ брандебургскій городъ Вильснокъ, гдѣ будто бы находилась чудотворная кровь Христа, въ высшей степени компрометируютъ чистое и истинное католическое ученіе. Архіепископъ назначилъ коммисію для изслѣдованія этихъ чудесъ и запретилъ лицамъ, принадлежавшимъ къ его епархіи, предпринимать эти странствованія. Дружба реформатора и духовнаго князя старой церкви, на злоупотребленія которой всѣ жаловались, длилась только до конца 1407 г. Въ слѣдующемъ году Венцеславъ, ставшій на сторону пизанскаго собора, окончательно разсорился съ Григоріемъ XII, а папа и его приверженцы обвинили чешскаго короля въ распространеніи ученія Уиклефа. Тогда Венцеславъ и архіепископъ постарались доказать, что они не покровительствуютъ еретикамъ, и начали преслѣдовать проповѣдниковъ, возстававшихъ на злоупотребленія церкви. Въ первомъ слѣдствіи противъ Гуса баварскіе богословы университета особенно усердствовали въ проклинаніяхъ ученія Уиклефа. Около того же времени архіепископъ поссорился съ Гусомъ за то, что онъ не принималъ сторону ни одного изъ папъ. Сбинекъ даже запретилъ ему проповѣдывать, но это запрещеніе осталось безъ послѣдствій.

Обвиненію чеховъ въ расколѣ очень обрадовались пражскіе баварцы и саксонцы, давно враждовавшіе съ ними по другимъ вопросамъ. Университетъ, какъ мы уже говорили, распадался, по національностямъ, на четыре корпораціи; каждая изъ корпорацій имѣла одинъ голосъ въ рѣшеніи общихъ дѣлъ. Изъ этихъ четырехъ голосовъ нѣмцамъ принадлежали не только баварскій и саксонскій, но и польскій голоса, потому что со времени основанія краковскаго университета собственно поляковъ въ Прагѣ не было, а польскую національность представляли жители Помераніи, Пруссіи и нѣмецкой Силезіи. Такимъ образомъ на всѣхъ выборахъ большинство было постоянно въ пользу нѣмцевъ; чехи, не занимавшіе никакихъ должностей и не пользовавшіеся вліяніемъ въ университетѣ, сильно

жаловались на это. Чешское дворянство, хотя и непринадлежавшее къ университету, вступилось за соотечественниковъ. Его поддерживали посолъ французскаго короля и депутатъ парижскаго университета, находившіеся въ то время въ Прагѣ; они убѣдили Венцеслава принять и относительно выборовъ систему парижскаго и итальянскихъ университетовъ, взятыхъ его отцомъ за образецъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Въ 1409 г. Венцеславъ приказалъ, чтобы впредь въ Прагѣ при всякой подачѣ голосовъ слѣдовали примѣру Парижа и итальянскихъ университетовъ, т. е., чтобы чехамъ принадлежали три голоса, а всѣмъ остальнымъ національностямъ вмѣстѣ—одинъ. Нѣмцы хотѣли удержать за собой должности и вліяніе на выборахъ, но были прогнаны силой (май 1409 г.). Это побудило ихъ оставить Прагу. Говорятъ, что въ одинъ день изъ города вышло болѣе 2,000 студентовъ и преподавателей. Отъ этого выселенія выиграли германскіе университеты, и въ томъ же году былъ открытъ новый университетъ въ Лейпцигѣ. Съ этихъ поръ реформаторскія идеи Гуса, Іеронима и другихъ, проповѣдываемыя на національномъ языкѣ изустно и въ книгахъ, безпрепятственно распространялись по Богеміи. Раздраженная противъ Гуса Германія кричала, что онъ, болѣе чѣмъ кто нибудь, непримиримый врагъ нѣмцевъ, послѣдователь ереси Уиклефа, потому что, будучи духовникомъ королевы, тотчасъ по выздоровленіи отъ опасной болѣзни, хвалилъ съ каѳедры не только самый законъ Венцеслава, но и способъ его выполненія. Гусъ дѣйствительно прославлялъ любовь короля къ народу и убѣждалъ своихъ слушателей не забывать Николая изъ Лобковицъ, оберъ-нотаріуса горныхъ дѣлъ въ Богеміи, который съ толпою вооруженныхъ людей помогъ чехамъ завладѣть университетскими должностями и архивомъ. Чешскій народъ съ каждымъ днемъ сильнѣе привязывался къ реформатору, видя въ немъ защитника народныхъ правъ и національности отъ произвола короля и притѣсненій духовенства. Чешское духовенство еще въ 1409 г. обвиняло Гуса передъ духовнымъ судомъ: въ возбужденіи народа противъ духовенства, чеховъ противъ нѣмцевъ, въ проповѣдываніи презрѣнія къ церкви и принад-

лежащей ей власти наказывать, въ томъ, что онъ называлъ Римъ мѣстопребываніемъ антихриста, а всякаго духовнаго, берущаго деньги за причащеніе, еретикомъ, тогда какъ самъ не только публично хвалилъ еретика Уиклефа, но даже говорилъ, что желаетъ, чтобы его душа была когда нибудь тамъ, гдѣ душа Уиклефа. Сбинекъ велѣлъ начать процессъ противъ Гуса; Гусъ жаловался на архіепископа Александру V, избранному въ то время папою пизанскимъ соборомъ. Папа вполнѣ одобрилъ дѣйствія архіепископа, уполномочивъ его преслѣдовать всѣми мѣрами и истреблять послѣдователей Уиклефа и его ученія. Опираясь на свое вліяніе при дворѣ и зная, что члены знатнѣйшихъ чешскихъ фамилій принадлежатъ къ его ученію, Гусъ, не смотря на папскую буллу, взялъ подъ свою защиту Уиклефа и уиклефитовъ. Архіепископъ поручилъ тогда шести докторамъ изслѣдовать книги Уиклефа. Доктора объявили, что всѣ его книги содержатъ открытую ересь, и лицамъ, имѣвшимъ сочиненія Уиклефа, было предписано выдать ихъ. Двѣсти, частью очень дорогихъ и великолѣпно переплетенныхъ, книгъ, съ золотымъ обрѣзомъ, дѣйствительно были принесены; 16 іюня 1410 г. архіепископъ велѣлъ ихъ сжечь. Приказаніе его не было тотчасъ же исполнено, потому что университетъ протестовалъ, Венцеславъ требовалъ, чтобы дѣло было пріостановлено, а Гусъ съ семью другими докторами аппеллировалъ къ Іоанну XXIII, избранному папой по смерти Александра V. Все это однако не остановило стараго архіепископа и 16 іюля 1410 г. во дворѣ архіепископскаго дворца, въ присутствіи прелата и духовенства, произошло сожженіе книгъ, возвѣщенное городу звономъ колоколовъ. Это вызвало въ Прагѣ сильное волненіе. Король Венцеславъ приказалъ дѣйствовать военною силою противъ гражданъ и предводителей ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что проклятіе архіепископа остается безъ послѣдствій, а Збынку велѣлъ вознаградить собственниковъ сожженныхъ книгъ. Когда королевское повелѣніе не было исполнено, Венцеславъ приказалъ наложить запрещеніе на доходы архіепископа и лицъ, принимавшихъ участіе въ сожженіи книгъ и отлученіи отъ церкви. Венце-

славъ кромѣ того обратился къ Іоанну XXIII, рѣшившему дѣло въ пользу архіепископа, не смотря на то, что и болонскій университетъ высказался противъ сожженія сочиненій Уиклефа. Папа поручилъ произвести слѣдствіе кардиналу Оттону Колоннѣ, избранному черезъ нѣсколько лѣтъ его преемникомъ, подъ именемъ Мартина V. Колонна отлучилъ Гуса отъ церкви, и впослѣдствіи, какъ папа, преслѣдовалъ человѣка, котораго проклялъ, будучи еще кардиналомъ. Гусъ былъ потребованъ въ Римъ, для оправданій по обвиненію въ ереси; но королева Софія не согласилась на поѣздку своего духовника, а Венцеславъ въ письмахъ и черезъ пословъ упрекалъ папу въ несправедливомъ обвиненіи чеховъ, что между ними такъ много еретиковъ. Іоаннъ взялъ процессъ Гуса изъ рукъ Колонны и передалъ его двумъ другимъ кардиналамъ. Такъ дѣло замолкло на полтора года. Предполагая, что отлученіе, произнесенное Колонной, сохраняетъ свою силу, архіепископъ сталъ дѣйствовать противъ пражцевъ въ этомъ духѣ. На Венцеслава онъ также злился за конфискацію доходовъ духовенства. Вслѣдствіе всего этого въ 1411 г. возникла въ Богеміи настоящая война между духовной и свѣтской властью. Кончилось тѣмъ, что архіепископъ отлучилъ отъ церкви всю Прагу. Венцеславъ вспомнилъ тогда свои прежніе варварскіе пріемы: онъ велѣлъ выгнать изъ города нѣсколькихъ духовныхъ и, явившись на соборъ, приказалъ канопикамъ выдать ему церковныя сокровища и отправилъ ихъ въ Карльштейнъ. Затѣмъ, король созвалъ подъ своимъ предсѣдательствомъ земскій судъ изъ чешскихъ бароновъ, постановившій, что по свѣтскимъ дѣламъ никто не подлежитъ духовному суду. Скоро обнаружилось, — и это должны были бы понять нѣмцы, — что только способъ и образъ дѣйствій Венцеслава противъ духовенства могъ привести къ цѣли. Архіепископъ замолчалъ и не препятствовалъ богослуженію въ церквахъ, папа остановилъ приговоръ Гуса, а когда Сигизмундъ примирился съ братомъ, посредники, избранные для рѣшенія спора, прекратили процессъ Гуса и предписали архіепископу смириться передъ королемъ (іюль 1411 г.).

Осенью 1411 г. умеръ Збынекъ. При его преемникѣ архіепископѣ Альбикѣ изъ Уничова, споръ возобновился съ еще большею силою, чѣмъ прежде. На этотъ разъ Гуса побуждали вооружиться противъ папства тѣ же самыя причины, какія сто лѣтъ спустя вызвали Лютера на борьбу съ злоупотребленіям церкви, Іоаннъ XXIII, давно вездѣ ненавидимый и презираемый, велѣлъ съ позволенія Венцеслава и архіепископа проповѣдывать въ Прагѣ крестовый походъ, чтобы подъ этимъ предлогомъ собрать себѣ денегъ съ набожныхъ людей: отпущеніе грѣховъ открыто продавалось на площади при барабанномъ боѣ и звукѣ трубъ. Гусъ публично говорилъ что такое отпущеніе грѣховъ наглый обманъ и ложь, и посредствомъ объявленій, прибитыхъ къ стѣнамъ, назначалъ по этому поводу публичное преніе. Преніе произошло 7 іюня 1412 г. въ большой каролинской залѣ при огромномъ стеченіи публики. Іеронимъ произнесъ страстную рѣчь, студенты выразили свое сочувствіе церковному нововведенію и негодованіе противъ стараго порядка такими же демонстраціями, какія происходили въ наше время въ Вѣнѣ и Парижѣ по поводу политическихъ событій. Возбужденные Іеронимомъ и магистрами или приватъ-доцентами, они, въ сопровожденія огромной толпы народа, устроили процессію и, пародируя сожженіе книгъ, сожгли подъ висѣлицей цѣлую кучу папскихъ буллъ. Подробное описаніе этихъ сценъ, сдѣланное однимъ студентомъ, сохранилось въ рукописи. Какъ прежде на духовныхъ, такъ теперь на реформаторовъ Венцеславъ натравилъ свою полицію, приказавъ за всякое нарушеніе или осмѣяніе церковнаго порядка предавать смертной казни. Однако отвѣтственности не подверглись ни Іеронимъ и Вальдштейнъ, устроившіе процессію, ни Гусъ, убѣждавшій магистратъ не приговаривать къ смертной казни трехъ студентовъ. Когда осужденные были казнены, Гусъ устроилъ имъ великолѣпныя похороны и въ честь ихъ сказалъ надгробную рѣчь въ Виѳлеемской церкви. Съ этой минуты возгорѣлась открытая вражда между его приверженцами, уже тогда называвшимися гуситами, и католиками или приверженцами церковныхъ традицій, и

усилилась ненависть между нѣмцами и чехами. Опираясь только на библію, Гусъ и его друзья стали тогда открыто отвергать основанія господствующей церкви, священное преданіе, отцовъ церкви и соборы. Мы не станемъ отрицать, что вслѣдствіе всего этого въ церкви возникли такія же недоразумѣнія и замѣшательства, какъ въ новѣйшее время въ государствѣ вслѣдствіе провозглашенія „человѣческихъ правъ.“ Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ обоихъ случаяхъ вся вина за послѣдовавшія несчастія падаетъ на тѣхъ людей, которые извлекали выгоды изъ существовавшихъ злоупотребленій и не хотѣли своевременно уничтожить ихъ. Этимъ они заставили народъ искалъ себѣ новыхъ вождей, но уже не въ привилегированныхъ сословіяхъ, — вождей, которые должны были перевернуть все и основоть совершенно новый порядокъ вещей, чтобы не подвергнуться прежней тиранніи, когда прекратится народное движеніе.

Въ іюнѣ Іоаннъ XXIII приговорилъ Гуса къ отлученію отъ церкви, а Венцеславъ позволилъ объявить это въ Прагѣ. Папскій приговоръ произвелъ (октябрь) страшное волненіе; нѣмецкія власти хотѣли преслѣдовать Гуса и разрушить его церковь, чехи вступились за него, и дѣло дошло до драки. Броженіе все возрастало, особенно послѣ того, какъ архіепископъ Альбикъ, наскучивъ волненіями, уступилъ свое мѣсто фанатику нѣмцу изъ мрачныхъ мюнстерскихъ странъ, Конраду фонъ Фехта, а Гусъ былъ удаленъ изъ города. Попытки прекратить споры посредствомъ соборовъ и переговоровъ остались безуспѣшными. Венцеславъ, дѣйствовавшій по своему обыкновенію деспотически, сталъ опять преслѣдовать католиковъ и выгналъ четырехъ особенно вліятельныхъ профессоровъ этой партіи. Все это ни къ чему не повело: изгнаніе подѣйствовало на нихъ такъ же мало, какъ и на Гуса. Вецеславъ самъ усилилъ партію чешскаго реформатора, приказавъ, чтобы на будущее время члены высшей правительственной и судебной инстанціи города, пражскаго магистрата, состоявшаго до тѣхъ поръ почти изъ одн҃ихъ нѣмцевъ, избирались на половину изъ чеховъ. Изгнаніе предводите-

лей реформаціи и католиковъ и варварское правосудіе Венцеслава возстановили на нѣкоторое время спокойствіе въ столицѣ Богеміи; но ученіе, проповѣдываемое Гусомъ и его учениками словомъ и книгами, сдѣлалось національной религіей чеховъ. Во время изгнанія Гусъ сдѣлалъ для чешскаго языка и литературы то же самое, что столѣтіе спустя Лютеръ для нѣмецкаго. Труды чешскаго реформатора въ этомъ отношеніи оставались долго неизвѣстными потомству (тогда еще не было изобрѣтено книгопечатаніе), и только въ новѣйшее время пробудившіяся національныя стремленія чеховъ заставили чешскихъ ученыхъ отыскать забытыя рукописи. Гусъ хотя и не переводилъ библію съ подлинника, какъ Лютеръ, но за то исправилъ переводъ, сдѣланный въ XIV столѣтіи съ вульгаты.

Съ 1413—1414 годъ Гусъ жилъ въ бехинскомъ округѣ и часто бывалъ въ Таборѣ, распространяя свое ученіе въ книгахъ (болѣе 15), написанныхъ на чешскомъ языкѣ, энергическимъ слогомъ; Іеронимъ разъѣзжалъ въ это время по Венгріи, Польшѣ и другимъ мѣстамъ. Наконецъ папа Іоаннъ XXIII и король Сигизмундъ созвали давно ожидаемый соборъ. Соборъ, на который въ самомъ началѣ явились итальянцы, нѣмцы, французы, англичане, и только подъ самый конецъ испанцы, собрался въ Констанцѣ (октябрь 1414 г.) и былъ открытъ 5 ноября. Предметами совѣщаній были возстановленіе единства церкви, преобразованія ея во главѣ и членахъ и прекращеніе спора о защищаемомъ Гусомъ ученіи Уиклефа, потрясавшимъ въ Богеміи государство и церковь. На необходимости церковной реформы особенно настаивали французскіе духовные. Для этой цѣли ректоръ парижскаго университета, Николай де Клеманжи, составилъ записку о жалкомъ состояніи церкви, а архіепископъ камбрейскій, кардиналъ Петръ д'Алльи, явившись въ Констанцъ 17 ноября, тотчасъ же съ горячностью потребовалъ церковной реформы. Сигизмундъ, прибывшій только на Рождествѣ, особенно желалъ скорѣйшаго окончанія дѣла Гуса и Іеронима, потому что былъ наслѣдникомъ Венцеслава въ Богеміи, гдѣ происходила

отчаянная борьба между гуситами и вѣрными католической церкви нѣмцами, которымъ грозила серьозная опасность. Папа Іоаннъ пріѣхалъ въ Констанцъ еще до открытія собора, и сначала казалось, что перевѣсъ въ преніяхъ будутъ давать преданные ему итальянскіе епископы, явившіеся въ большомъ числѣ. Но когда было рѣшено производить подачу голосовъ по націямъ, а не по числу лицъ, и папа Григорій XII то же прислалъ одного изъ своихъ кардиналовъ, дѣло приняло другой оборотъ, и Іоаннъ окончательно растерялся. По пріѣздѣ императора число духовныхъ и свѣтскихъ лицъ значительно увеличилось. Въ городѣ и окрестностяхъ вездѣ были расположены рыцари и свита владѣтелей, а въ то время даже самые незначительные владѣтели не ѣздили никуда безъ многочисленной свиты. Какъ велико было число лицъ, составлявшихъ свиту явившихся на соборъ, можно, не вдаваясь въ числовыя, всегда невѣрныя свидѣтельства хроникъ, заключить изъ слѣдующаго. Кромѣ Сигизмунда и двухъ папъ въ Констанцъ явились изъ различныхъ странъ 30 кардиналовъ, 4 патріарха, 33 архіепископа, 150 епископовъ, нѣсколько сотъ прелатовъ и докторовъ, 4 курфирста, 24 герцога и князя, 78 графовъ и 676 бароновъ и дворянъ. Присоединивъ сюда депутатовъ городовъ, корпорацій, различныхъ духовныхъ учрежденій и монастырей, легко повѣрить, что число иностранцевъ простиралось слишкомъ до 50 тысячъ человѣкъ.

Прежде всего слѣдовало бы собственно рѣшить вопросъ, котораго изъ трехъ папъ, Бенедикта XIII (IV), Григорія XII или Іоанна XXIII признать главой церкви и не должны ли всѣ трое сложить папское достоинство. Іоанну XXIII, открывшему соборъ и предсѣдательствовавшему на немъ, удалось, при помощи нѣмецкихъ богослововъ, злившихся на чешскихъ еретиковъ, и англійскихъ, ненавидѣвшихъ послѣдователей Уиклефа, провести рѣшеніе, чтобы на первомъ планѣ былъ поставленъ споръ чеховъ о чистотѣ вѣры ихъ національныхъ богослововъ. Желая оправдаться, Гусъ еще лѣтомъ 1414 г. вернулся въ Прагу; Сигизмундъ предложилъ

ему отправиться въ Констанцъ, чтобы прекратить споръ и возстановить добрую славу чеховъ (это подлинныя слова разсказчика чеха), обѣщая покровительство и защиту. Гусъ согласился на поѣздку въ Костанцъ. Передъ отправленіемъ въ путь, онъ присутствовалъ (въ концѣ августа) на національномъ соборѣ въ Прагѣ. Послѣ рѣчи, сказанной здѣсь Гусомъ, архіепископъ Конрадъ, хотя онъ и былъ фонъ Фехта, а можетъ быть именно потому, не осмѣлился обвинить его въ ереси. Архіепископъ объявилъ, что не онъ, а папа жалуется на Гуса. Гусъ передалъ эти слова Сигизмунду, прося его позаботиться о томъ, чтобы онъ могъ безопасно доѣхать до Констанца и защищаться передъ папою. Реформаторъ пользовался такой любовью короля Венцеслава, его жены, прихожанъ Виѳлеемской церкви и высшихъ сословій Богеміи, что на его путешествіе была собрана значительная сумма денегъ; съ своей стороны и чешская іерархія собирала деньги, чтобы дать возможность епископу лютомышльскому, назначенному обвинителемъ Гуса въ Констанцѣ, устроить его осужденіе. Три представителя чешской аристократіи, Янъ изъ Хлума по прозванью Кепка, Генрихъ изъ Хлума, обыкновенно называемый Лацембокомъ, и Вацлавъ изъ Дубы сопровождали его, какъ охранители и поручители. Съ ними Гусъ доѣхалъ до Нюрнберга. Отсюда Вацлавъ изъ Дубы отправился на Рейнъ къ Сигизмунду за охранительною граматой; Янъ изъ Хлума и Гусъ поѣхали прямо въ Констанцъ, куда прибыли 3 ноября. 5 ноября Вацлавъ привезъ отъ Сигизмунда охранительное письмо, написанное по обыкновенной формѣ. Вацлавъ встрѣтился съ Гусомъ и его проводникомъ въ Констанцѣ, а не въ Нюрнбергѣ, какъ обыкновенно говорятъ (Подробности исторіи Гуса теперь извѣстны лучше, съ тѣхъ поръ, какъ чехи отыскали оригинальныя письма своего реформатора, извѣстныя прежде только по латинскому переводу, и исправили грубыя ошибки переводчика).

Не смотря на протестъ Яна изъ Хлума (Вацлавъ изъ Дубы опять отправился къ Сигизмунду) и охранительное письмо

императора, епископы аугсбургскій и тріентскій, бургомистръ Констанца и Гансъ Баденскій уже 28 ноября взяли Гуса подъ стражу. Обвиняемый въ присутствіи кардиналовъ Іоанномъ изъ Хлума, грозившимъ местью своего народа, папа Іоаннъ старался отдѣлаться отъ него, говоря: „Вы сами знаете, въ какихъ я отношеніяхъ съ кардиналами, они навязали мнѣ заключеннаго, я долженъ былъ взять его!“ Вслѣдъ затѣмъ, а не 3 января 1415 г., какъ обыкновенно говорятъ, Гусъ былъ отвезенъ въ доминиканскій монастырь за городъ и посаженъ тамъ въ мрачную темницу около клоака. Его заключеніемъ все дѣло уже было собственно кончено; чехи сдѣлались непримиримыми врагами нѣмцевъ и ихъ императора. О дальнѣйшемъ преслѣдованіи Гуса мы скажемъ только въ краткихъ словахъ. Сигизмундъ и его братъ Венцеславъ представлялись, ради чеховъ, страшно разсерженными заключеніемъ чешскаго реформатора; но противъ его защитниковъ была вся іерархія, и Сигизмундъ оправдывался тѣмъ, что Гусъ находится во власти папы. Съ 6 декабря до половины іюня слѣдственная коммисія, назначенная папою изъ патріарха константинопольскаго Іоанна и епископовъ любушскаго и Читты ди Кастелло, занималась, не обращая вниманія на протесты Сигизмунда, составленіемъ обвинительныхъ пунктовъ. Гуса обвиняли какъ еретика въ томъ, что онъ училъ: 1) что іерархія и папство—чужды христіанскому ученію; 2) что панихиды составляютъ злоупотребленіе; 3) догматъ о чистилищѣ—басня; 4) что освященіе воды, свѣчъ и т. п.—нехристіанскіе обряды; 5) что проповѣдь должна быть—свободна; 6) что нищенствующіе ордена — вредны; 7) что священство и міропомазаніе — не таинства; 8) что тайная исповѣдь не дѣйствительна; 9) что постореніе церквей и монастырей — не составляетъ заслуги; 10) что призывать заступничество святыхъ — грѣшно; 11) что церковное пѣніе и посты — совсѣмъ не богослуженіе; 12) что только воскресенье — праздникъ; 13) что десятины — милостыня, а недолгъ. Все это Гусъ проповѣдывалъ съ самаго начала свей реформаторской дѣятельности. Ученіе о томъ, что міряне должны при-

чащаться подъ обоими видами (хлѣбомъ и виномъ), стало распространяться въ Богеміи только во время его заключенія, однимъ изъ его соотечественниковъ, Яковомъ изъ Стржибра (de Misa) или, какъ его обыкновенно называютъ, Якубкомъ (Якобелломъ) и не выставлялось сначала ни Гусомъ, ни его приверженцами, какъ одно изъ главныхъ требованій.

Процессъ сильно замедлялся споромъ между Іоанномъ XXIII и соборомъ, о которомъ подробно скажемъ впослѣдствіи. Въ это время доминиканцы не такъ жестоко обращались съ Гусомъ; ему позволялось принимать посѣтителей и посылать письма въ Богемію. Изъ темницы онъ писалъ партіи строгихъ гуситовъ въ Богеміи въ пользу Якобелла, когда споръ, возгорѣвшійся по поводу его ученія, произвелъ разрывъ между гуситами. Продолженіе спора между папой и соборомъ давало возможность Сигизмунду (въ мартѣ) спасти заключеннаго и сдержать свое обѣщаніе; но императоръ не воспользовался случаемъ. Принуждаемый прелатами къ отреченію, папа счелъ за лучшее тайно оставить Констанцъ. 20 марта онъ исполнилъ свое намѣреніе; слуги его, то же скрывшіеся, передали (24 марта) императору ключи отъ темницы Гуса. Сигизмундъ могъ тогда освободить заключеннаго и помириться съ чехами, возстановленными противъ него за его слабость и малодушіе; вмѣсто того, онъ передалъ Гуса епископу констанцскому, велѣвшему перевезти его въ свой замокъ Готтлебенъ и заковать въ цѣпи.

Въ это время и Іеронимъ отдался во власть инквизиціонной коммисіи собора. Привязанность къ другу побудила его отправиться въ Констанцъ, не смотря на то, что Гусъ въ своихъ письмахъ убѣдительно просилъ Іеронима не оставлять Богеміи. 4 апрѣля 1415 г. Іеронимъ прибылъ въ Констанцъ и, скрываясь въ городѣ, написалъ объявленіе, что готовъ явиться въ соборъ, если ему дадутъ охранительную грамату. Письмо это онъ получилъ 17 апрѣля; въ немъ было употреблено хитро-низкое выраженіе, что соборъ ограждаетъ его отъ насилія, но не отъ права. Значеніе этихъ словъ выяснилось на слѣдующій же день: соборъ публично и фор-

мально потребовалъ Іеронима къ суду. Тогда Іеронимъ рѣшился бѣжать въ Богемію. Узнанный однимъ духовнымъ, близь самой границы отечества, въ Гиршау, въ верхнемъ Пфальцѣ (25 апрѣля), онъ былъ схваченъ и отвезенъ къ пфальцграфу сульцбахскому Іоанну, передавшему его собору закованнымъ (23 мая). Все это дѣлалось, не смотря на сильное волненіе чеховъ, отозвавшееся во всей Богеміи и Моравіи, протесты дворянства обѣихъ земель, собравшагося въ Прагѣ и Брюннѣ, и требованія присутствовавшихъ въ Констанцѣ чешскихъ и польскихъ аристократовъ, совѣщавшихся по этому поводу 13 мая въ монастырѣ миноритовъ. Дальнѣйшій ходъ процесса Гуса былъ одной пустой формальностью: іерархи давно рѣшили принести обоихъ заключенныхъ въ жертву церкви, и приговоръ, какъ впослѣдствіи узнали чехи, былъ составленъ еще прежде, чѣмъ Гуса потребовали къ допросу (5 іюня). Гусъ былъ принесенъ собравшимися въ Констанцѣ іерархами въ жертву іерархіи, точно такъ же, какъ Людовикъ XVI республиканцами конвента — въ жертву свободы. Дѣйствительно, публичный судъ надъ Гусомъ, съ 5—8 іюня, совершенно сходенъ съ процессомъ французскаго короля, только члены конвента, выслушивая въ первый разъ короля, вели себя приличнѣе, чѣмъ святые отцы 5 іюня. Они такъ кричали, ругались и шумѣли, что Сигизмундъ, передъ вторичнымъ допросомъ, грозился выгнать того, кто будетъ кричать или ругаться. Подъ конецъ допроса кардиналъ камбрейскій, болѣе всѣхъ ратовавшій противъ Гуса, потому что хотѣлъ только поверхностныхъ преобразованій, тогда какъ чешскій реформаторъ требовалъ радикальной реформы церкви, объявилъ, что, при содѣйствіи шестидесяти докторовъ, онъ постановилъ именемъ собора: что Гусъ долженъ униженно сознать свое заблужденіе, поклясться не защищать болѣе въ своихъ книгахъ отвергнутыхъ соборомъ положеній, публично отречься отъ нихъ и, что уже было совершенной безсмыслицей, обязаться защищать и проповѣдывать противное тому, что заключалось въ этихъ положеніяхъ. Затѣмъ рѣшено было предложить Гусу произнести клятвенное отреченіе по извѣст-

ной формулѣ. Но отцы собора сдѣлались требовательнѣе, когда въ концѣ засѣданія Сигизмундъ фанатически высказался противъ Гуса и Іеронима. Дружескую бесѣду Сигизмунда съ духовными, въ которой онъ уговаривалъ ихъ не щадить обоихъ еретиковъ, слышали нѣкоторые изъ чеховъ; переданная ими въ Богемію, она возбудила въ чехахъ такое отвращеніе къ Сигизмунду и его семейству, что впослѣдствіи ни онъ, ни его дочь и зять никогда не могли спокойно управлять страной. Сигизмундъ, между прочимъ, сказалъ: „Изъ четырехъ положеній, поддержанныхъ Гусомъ въ моемъ присутствіи, каждаго, взятаго отдѣльно, достаточно, чтобы осудить его. Вы (отцы) должны сжечь его или поступить съ нимъ иначе, по законамъ вашимъ, если онъ не согласится отречься. Впрочемъ, даже въ случаѣ его отреченія ему не слѣдуетъ довѣрять; по возвращеніи въ Богемію, онъ произведетъ еще бóльшія бѣдствія, чѣмъ прежде." Римскій король заключилъ эту рѣчь слѣдующими словами: „Покончите скорѣй и съ ученикомъ!—Какъ его зовутъ? — Іеронимъ.—Ну, съ этимъ не будетъ большихъ затрудненій; воздайте должное учителю, а съ ученикомъ можно покончить и въ одинъ день." Эту блистательную рѣчь слышали Петръ Младеновичъ, Хлумъ и Дуба, ожидавшіе Сигизмунда у дверей.

Такъ низко отдавалъ наслѣдникъ чешской короны на жертву врагамъ человѣка, которому обѣщалъ покровительство. Но и въ защиту Гуса было получено 12 іюня письмо, съ двумя стами пятьюдесятью печатями чешскихъ и моравскихъ магнатовъ. Соборъ и впослѣдствіи, даже послѣ того, какъ запретилъ введенное Якобелломъ причащеніе подъ обоими видами, употреблялъ всѣ старанія, чтобы склонить Гуса подписать клятвенное отреченіе, составленное отцами церкви. 1 іюля онъ письменно отказался отъ этого. 5-го къ нему былъ допущенъ Хлумъ, умолявшій его отклонить опасность, грозившую его драгоцѣнной личности; все было напрасно, Гусъ остался непоколебимъ. Тогда съ лицемѣрными религіозными церемоніями духовные передали его свѣтской власти. Конецъ этихъ мерзкихъ пытокъ и отвратительныхъ церемоній былъ

вполнѣ достоинъ начала. Надѣвъ на Гуса бумажный колпакъ, на которомъ былъ нарисованъ дьяволъ, готовый схватить его душу, архіепископъ майнцскій и шесть другихъ епископовъ, исполнявшихъ роли прислужниковъ духовныхъ палачей, передали его свѣтской власти съ слѣдующими назидательными словами: „Церкви нечего больше дѣлать съ тобой, она передаетъ твое тѣло свѣтской власти, твою душу—дьяволу.“ Затѣмъ Сигизмундъ разыгралъ роль исполнителя приговора духовныхъ, Людовикъ Пфальцскій роль ихъ палача, а члены констанцскаго магистрата роли полицейскихъ и жандармовъ. Гусъ и его книги были сожжены 6 іюля 1415 г. Его мужество во время мученій, терпѣніе и покорность судьбѣ, спокойствіе и твердость, сохраняемыя имъ до послѣднихъ минутъ, устыдили его преслѣдователей и гораздо болѣе, чѣмъ всѣ ереси повредили той церкви, которую хотѣли спасти его смертью. Все это впрочемъ не помѣшало святымъ отцамъ поступить подобнымъ же образомъ и съ Іеронимомъ; только съ нимъ, не имѣвшимъ охранительной граматы отъ римскаго короля и не почитаемымъ чехами за мудреца и святаго, святые отцы не такъ много церемонились.

Іеронимъ былъ закованъ и посаженъ въ темницу, гдѣ страшно томился. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль съ нимъ стали обращаться не такъ жестоко, опасаясь, чтобы онъ не умеръ въ тюрьмѣ. Противъ Іеронима озлобленіе было еще сильнѣе, чѣмъ противъ Гуса. Парижскіе, кёльнскіе и гейдельбергскіе богословы, лекціи которыхъ онъ нѣкогда посѣщалъ, узнавъ его, говорили: этотъ человѣкъ всегда былъ склоненъ къ ереси. Изъ своего заключенія Іеронимъ также писалъ друзьямъ въ Богемію письма на чешскомъ языкѣ, отысканныя и напечатанныя только въ недавнее время. Изъ этихъ писемъ можно заключить, что, устрашенный участью своего друга, онъ поддался сначала уговорамъ кардинала Забареллы и другихъ менѣе фанатическихъ ученыхъ и откровенно обѣщалъ 10 сентября 1415 г. не предпочитать болѣе ученія Уиклефа и Гуса господствующему церковному ученію. Черезъ шесть дней онъ торжественно повторилъ это отреченіе въ соборѣ. Этимъ однако не

удовольствовались его враги, въ особенности чешскіе богословы противной партіи, обвинители Гуса; они настояли на томъ, что Іеронима не освободили, даже послѣ его раскаянія и выраженнаго имъ желанія безусловно подчиниться собору, а начали противъ него вторичный процессъ. Новое слѣдствіе было поручено, 24 февраля 1416 г., патріарху константинопольскому Іоанну и доктору Николаю фонъ Динкельсбюлю. Подобныя дѣйствія были тѣмъ отвратительнѣе, что Іеронимъ ничего не писалъ и его судили на основаніи собственныхъ показаній и показаній свидѣтелей, показывавшихъ то, что они слышали, и даже то, чего они никогда не слыхали. По составленіи обвинительныхъ пунктовъ, Іеронима три дня, съ 23 мая, водили въ соборъ, гдѣ его судили. Съ замѣчательною ученостью, краснорѣчіемъ и ясностью доказывалъ онъ всю нелѣпость и несправедливость взводимыхъ на него обвиненій, такъ что въ послѣдній день, 26 мая, произвелъ своими словами глубокое впечатлѣніе даже на враговъ. Все это однако не измѣнило ихъ намѣреній. Отцы собора убѣждали его еще разъ очиститься отреченіемъ и покаяться въ своихъ заблужденіяхъ. Раскаяваясь въ своей слабости, Іеронимъ удивилъ соборъ, объявивъ: что онъ не считаетъ заблужденіемъ свои положенія и не согласится отречься отъ чужихъ ложныхъ воззрѣній; что онъ не только не порицаетъ Гуса, но, напротивъ, считаетъ его отличнымъ, справедливымъ и святымъ человѣкомъ, не заслужившимъ той смерти, которой его предали; что, наконецъ, отреченіе отъ Гуса изъ боязни смерти онъ признаетъ величайшимъ своимъ грѣхомъ и готовъ съ твердостью перенести самое мучительное наказаніе. Не смотря на это заявленіе, его не тотчасъ повели на казнь; а дали ему нѣсколько дней на размышленіе. Но Іеронимъ уже болѣе не колебался, до послѣднихъ минутъ сохранялъ юношескую веселость, передъ смертью съ усмѣшкою смотрѣлъ на одного крестьянина, приносившаго изъ ревности къ вѣрѣ дрова для его костра, и умирая въ пламени молился и пѣлъ духовныя пѣсни (30 мая).

Два замѣчательные человѣка того времени, удачные подража-

тели древнеримскаго краснорѣчія и знатоки вкуса, философіи и поэзіи древней Греціи, кардиналъ и папа, описали добродѣтели обоихъ чешскихъ мучениковъ и мученическую ихъ смерть языкомъ и манерою, достойными лучшихъ писателей древности. Эти два человѣка были: Джіованни Франческо Поджіо Браччіолини, папскій секретарь, а потомъ флорентинскій канцлеръ, и Эней Сильвій Пикколомини, впослѣдствіи папа Пій II. Браччіолини, находившійся, какъ кардиналъ, въ числѣ судей Іеронима, говоритъ, что преимущественно парижскіе кардиналы требовали казни Іеронима. Въ формѣ письма онъ описалъ блестящимъ образомъ послѣднія минуты чешскихъ мучениковъ, а Эней Сильвій вставилъ это описаніе въ свое обозрѣніе исторіи Богеміи. „Іеронимъ, говоритъ кардиналъ, выказалъ себя мужественнымъ, непоколебимымъ человѣкомъ, который не только не страшится, но даже желаетъ смерти; его можно назвать вторымъ Катономъ. Я преклоняюсь передъ этимъ человѣкомъ, достойнымъ вѣчной памяти! Я, конечно, не сочувствую его порицаніямъ учрежденій церкви, но восхищаюсь его всеобъемлющей ученостью, глубиной его мысли, его краснорѣчіемъ, мягкостью рѣчи, остроуміемъ въ отвѣтахъ“. Кардиналъ, писавшій это письмо *до* 30 мая, прибавляетъ: „Но я убѣждаюсь, что всѣ эти преимущества даны ему природой (кардиналъ выражается здѣсь по язычески) на его погибель“. Исидоръ

Слѣдствіемъ казни Гуса и Іеронима былъ окончательный разрывъ между чехами и соборомъ. Подчиняясь вліянію парижскихъ богослововъ, соборъ потребовалъ къ суду и проклялъ многихъ чешскихъ магнатовъ и началъ непримиримую войну съ пражскимъ университетомъ. Венцеславъ держалъ сторону чеховъ, Сигизмундъ—нѣмцевъ. Разсказываютъ, что Янъ изъ Троцнова, старый, угрюмый воинъ, пріобрѣвшій славу въ Польшѣ и впослѣдствіи свирѣпствовавшій подъ именемъ Жижки противъ нѣмцевъ и духовныхъ, бесѣдуя съ Венцеславомъ, у котораго Гусъ жилъ нѣкоторое время по изгнаніи изъ Праги, съ горечью жаловался на судьбу обоихъ мучениковъ. Венцеславъ, говорятъ, отвѣтилъ ему: „Другъ Янъ, ни ты, ни я,

мы не въ состояніи отмстить за позоръ; но, если представится когда нибудь случай, не упусти его!“ Вскорѣ послѣ казни Гуса, 2 сентября 1415 г., четыреста пятьдесятъ два чешскихъ магната, въ томъ числѣ намѣстникъ Моравіи, отправили собору наполненное упреками письмо, объявляя себя оскорбленными и угрожая силой. Отцы собора угрожали тѣмъ же, потребовали, 24 февраля 1416 г., чешскихъ дворянъ къ суду и объявили ихъ еретиками, когда они не явились. Такой же слабохарактерный, какъ братъ, Сигизмундъ, находившійся въ рукахъ собора, также отправилъ грозныя посланія въ Богемію и Моравію. Чехи отмстили новымъ посланіемъ, подписаннымъ на сеймѣ шестьюдесятью землевладѣльцами и многими рыцарями, и признаніемъ проповѣдуемаго Якобелломъ и проклятаго соборомъ ученія о причащеніи подъ обоими видами. Даже пражскій университетъ сталъ во враждебныя отношенія къ собору: въ мартѣ 1417 г. онъ объявилъ, что только одинъ, защищаемый Якобелломъ обрядъ причащенія соотвѣтствуетъ своему назначенію. Причащеніе изъ чаши было введено во всей Богеміи. Соборъ назвалъ это еретическою дерзостью (1418 г.), отправилъ въ Богемію инквизитора, кардинала Іоанна Доминичи, грозилъ крестовымъ походомъ и такъ напугалъ Венцеслава, что онъ вдругъ совершенно измѣнился. Но инквизиторъ ничего не могъ сдѣлать, вся Богемія волновалась, а владѣтели и рыцари вооружались, чтобы силою отвѣтить на насиліе. Николай, владѣтель мѣстечка Гусинца, гдѣ родился Гусъ, позволилъ собираться въ своихъ владѣніяхъ всѣмъ, проповѣдывавшимъ родъ религіознаго коммунизма, заимствованнаго изъ ученія Уиклефа. Тысячи мечтателей возстали и, какъ впослѣдствіи табориты, тотчасъ же отбросили всѣ внѣшніе обряды и положительныя формулы ученія, чего не допустилъ бы Гусъ, еслибъ онъ остался живъ. Вслѣдъ затѣмъ въ Богемію явилось изъ южной Франціи до сорока семействъ древнихъ вальденсевъ (т. VII стр. 236), слѣдовавшихъ ученію, сходному съ воззрѣніями чешскихъ мечтателей. Остатки вальденсевъ, пикарды, преслѣдуются и до сихъ поръ.

1. Констанцскій соборъ по отношенію къ спору папъ и церковной реформѣ.

Ученые и, какъ имѣютъ обыкновеніе выражаться, благочестивые французскіе богословы, которые довели Богемію до отпаденія отъ церкви, начали упорную борьбу съ папами Іоанномъ XXIII и Бенедиктомъ XIII, не выказывавшимъ такой уступчивости собору, какъ третій папа, Григорій XII. Іоаннъ XXIII еще въ званіи кардинала (Бальтазаръ Косса) своимъ цинизмомъ и позорною жизнью заслужилъ презрѣніе даже императора Сигизмунда; его безчинства, развратъ и площадныя выраженія изображены въ констанцской и другихъ хроникахъ того времени картинами съ приведеніемъ его подлинныхъ словъ. Созвавъ констанцскій соборъ, онъ, еще до пріѣзда въ Констанцъ, раскаявался въ своемъ поступкѣ, и потому, отправляясь на соборъ, старался отыскать себѣ на случай нужды убѣжище и защитника. Все это Іоаннъ XXIII думалъ найти у герцога тирольскаго, Фридриха Пустаго кармана. Распутный, какъ папа, легкомысленный, расточительный и кругомъ въ долгахъ, какъ Сигизмундъ, Фридрихъ владѣлъ, кромѣ Тироля, значительными еще въ то время габсбургскими владѣніями въ Швейцаріи, Швабіи и Эльзасѣ. Съ императоромъ онъ никогда не жилъ въ мирѣ и совершенно разсорился во время ихъ поѣздки по Тиролю, гдѣ они вмѣстѣ пировали, танцовали и развратничали. Послѣ двухъ совѣщаній съ папою, сначала въ Тревизо, потомъ въ Меранѣ, Фридрихъ изъявилъ согласіе принять его сторону. Іоаннъ XXIII назначилъ его защитникомъ или знаменосцемъ (гонфалоніеромъ) церкви и обѣщалъ 6000 дукатовъ въ годъ (сумма, значительная для того времени), съ полнымъ намѣреніемъ никогда ихъ не платить; Фридрихъ обязывался сопровождать папу въ Констанцъ съ 500 всадниковъ и, если бы Іоаннъ счелъ нужнымъ удалиться, защищать его и укрыть въ надежномъ мѣстѣ. Въ октябрѣ папа подкупилъ за 10,000 гульденовъ и Бернгарда Баденскаго.

Пока на соборѣ присутствовали только итальянскіе и нѣмецкіе епископы, Іоаннъ не имѣлъ особенныхъ причинъ къ неудовольствію. Но положеніе совершенно измѣнилось, когда явились французскіе и англійскіе епископы и было постановлено подавать голоса по четыремъ націямъ, а не поголовно, такъ что при рѣшеніи вопросовъ итальянцы получали только четвертую часть голосовъ.

Папы Бенедиктъ и Іоаннъ не представляли большихъ затрудненій: Бенедиктъ XIII былъ покинутъ большинствомъ своихъ приверженцевъ, а Григорій XII изъявилъ готовность сложить папское достоинство. На Іоанна, возбудившаго своимъ поведеніемъ общее отвращеніе, была подана въ соборъ жалоба изъ сорока пяти обвиненій. Кардиналы настоятельно требовали, чтобы и онъ отказался отъ папства. Іоаннъ сдѣлалъ видъ, что соглашается, и 16 февраля 1415 г. письменно увѣдомилъ объ этомъ соборъ, не считая дѣла серьознымъ. Прелаты поняли намѣреніе папы, тѣмъ болѣе, что его отреченіе было написано въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ, и не давали ему покоя до тѣхъ поръ, пока онъ наконецъ безусловно не согласился (1 марта) сложить папское достоинство, если Григорій XII и Бенедиктъ XIII откажутся отъ папскаго престола или умрутъ. Это согласіе также не было искренне; образъ его дѣйствій очевидно доказывалъ намѣреніе бѣжать изъ Констанца. Сигизмундъ предостерегалъ Іоанна, что за подобный поступокъ соборъ предастъ его суду; но папа полагался на Фридриха Тирольскаго. Чтобы помочь ему бѣжать, герцогъ тирольскій устроилъ 20 марта блестящій турниръ передъ воротами Констанца. Воспользовавшись тѣмъ, что всѣ жители бросились за городъ, забытый папа, переодѣвшись въ простаго всадника, бѣжалъ въ Шаффгаузенъ, принадлежавшій тогда Фридриху. Бѣгство папы произвело страшное волненіе въ Констанцѣ: соборъ считали закрытымъ, жители боялись нападенія и грабежа, всѣ лавки были заперты. Для успокоенія умовъ Сигизмундъ долженъ былъ разъѣзжать по городу, объявляя во всеуслышаніе, что духовная и свѣтская власти Европы соединились противъ папы, а Фридрихъ Тирольскій будетъ преданъ суду. Посту-

покъ Іоанна, подписавшаго передъ тѣмъ полное отреченіе, страшно разгнѣвалъ соборъ; король и духовные владѣтели обвиняли герцога тирольскаго въ желаніи противиться изъ угожденія папѣ всему христіанскому міру. Противъ обоихъ немедленно были приняты рѣшительныя мѣры. Отцы церкви, продолжавшіе свои засѣданія подъ предсѣдательствомъ одного изъ кардиналовъ, объявили, что соборъ выше папы, приказали снять со стѣнъ объявленіе Іоанна и начали процессъ о лишеніи его папскаго сана. У Фридриха Тирольскаго были отняты его владѣнія и земли. Не явившись по приглашенію собора, онъ тотчасъ же, даже безъ соблюденія обыкновенныхъ формальностей, былъ преданъ церковному отлученію и опалѣ, т. е. соборъ именемъ Бога, а Сигизмундъ, какъ представитель божественнаго права въ свѣтскихъ дѣлахъ, предоставляли габсбургское наслѣдіе на расхищеніе тѣмъ, кто захочетъ дѣйствовать противъ Фридриха. Охотниковъ до этого въ тогдашнее время грабежей и войнъ нашлось не мало, и въ нѣсколько дней четыреста городовъ объявили герцогу войну. Прославленные за простоту, честность и прямодушіе, швейцарцы первые обогатились на счетъ своихъ союзниковъ. Они только за три года передъ тѣмъ заключили съ габсбургцами скрѣпленный клятвою союзъ на пятнадцать лѣтъ, а тогда стали утверждать, что при этомъ были исключены императоръ и имперія, которыхъ они въ другихъ случаяхъ и знать не хотѣли. Обѣщаніе Сигизмунда предоставить имъ въ вѣчное ленное владѣніе земли, которыя они отнимутъ у герцога, швейцарцы приняли съ радостью. Вообще, германскій король былъ очень щедръ на чужое добро. Онъ освободилъ Цугъ и Гларусъ и четыре древнихъ кантона, отъ всѣхъ обязательствъ къ австрійскому дому и подарилъ имъ все, что было заложено у нихъ габсбургцами. Бернская аристократія завладѣла Ааргау, завоевала замки Вюкенъ, Вартбургъ, Рундъ, Галльвиль, Троссбургъ, Либекъ и Брунекъ, и стала владычествовать въ Цофингенѣ, Аарбургѣ, Аарау, Брукѣ и Ленцбургѣ. Въ это же время былъ разрушенъ и родовой замокъ предковъ Фридриха, древній Габсбургъ. Цюрихцы захватили Меллингенъ и Бремгартенъ, лю-

церны — Зурзее и волости Рейхензе, Маіенбергъ и Фильмерингевъ. Все это произошло въ теченіе восьми дней; безъ сомнѣнія, борьба длилась бы дольше, еслибъ Фридрихъ имѣлъ хоть какія нибудь прочныя связи въ странѣ или хоть немного заботился о своихъ замкахъ. Узнавъ въ маѣ, что Фридрхъ ведетъ переговоры съ Сигизмундомъ, швейцарцы поспѣшили занять городъ Баденъ и замокъ Штейнъ, гдѣ хранились всѣ габсбургскія граматы. Честные горцы Ури одни не воспользовались несчастіемъ Фридриха. При посредничествѣ двоюроднаго брата, герцога баварскаго Людовика, Фридрихъ скоро примирился съ Сигизмундомъ. Вернувшись въ маѣ 1415 г. въ Констанцъ, онъ долженъ былъ умолять короля о помилованіи и передать ему на время земли и подданныхъ, замки и города, пока онъ не сочтетъ себя удовлетвореннымъ. Сигизмундъ, постоянно нуждавшійся въ деньгахъ, низкимъ образомъ воспользовался униженіемъ Фридриха. Онъ объявилъ, что присоединяетъ къ имперіи нѣмецкіе города, временно уступленные ему Фридрихомъ граматою или, какъ выражаются письмомъ, (Brief) а въ дѣйствительности же продалъ имъ гражданскую свободу, которой они всегда пользовались. Брейзахъ, Диссенгофенъ, Нейбургъ, Радольфцелль и Шаффгаузенъ уплатили императору сумму, за которую нѣкогда были заложены имперіей Австріи, и сдѣлались свободными имперскими городами. Ааргау достался бернцамъ за четыре тысячи гульденовъ; Тургау былъ заложенъ за четыре тысячи пятьсотъ гульденовъ цюрихцамъ и, по условію, не могъ быть выкупленнымъ безъ ихъ согласія, еслибы они впослѣдствіи уплатили еще шесть тысячъ гульденовъ. Курфирстъ пфальцскій, назначенный исполнителемъ имперскаго постановленія въ Эльзасѣ, присвоилъ себѣ тамошнія владѣнія Фридриха. Изъ всѣхъ подданныхъ Фридриха только тирольцы остались вѣрными ему и не хотѣли знать ни короля, ни собора. Бѣжавъ въ мартѣ 1416 г. изъ Констанца, Фридрихъ отправился въ Иннталь, гдѣ къ нему присоединился его братъ Эрнстъ Желѣзный. Тирольцы и рыцари, оскорбленные несправедливостью прелатовъ и германскаго ко-

роля, рѣшились энергически поддерживать его, и Эрнстъ отправился въ Констанцъ къ императору, продолжавшему и послѣ бѣгства Фридриха вести неблаговидную торговлю владѣніями, принадлежавшими не опальному герцогу, а его семейству. Такъ, Сигизмундъ продалъ Фельдкирхенъ графу фонъ Toггенбургу, Кибургъ, Блутбаннъ и Вильдбанъ въ Тургау цюрихцамъ, а Фрауенфельдъ городу Констанцу за тысячу гульденовъ. Но когда Эрнстъ Желѣзный сталъ во главѣ значительнаго войска рыцарей и тирольцевъ, Сигизмундъ струсилъ и примирился съ габсбургцами (май 1418 г.). Фридрихъ обязался уплатить королю пятьдесятъ тысячъ гульденовъ и отдать то, что онъ захватилъ во владѣніяхъ проклявшихъ его епископовъ; Сигизмундъ обѣщалъ возвратить герцогу всѣ еще неотчужденныя его владѣнія и нѣкоторыя изъ присоединенныхъ уже къ имперіи, если на это согласятся жители. Послѣднее условіе относилось къ Эльзасу, Зундгау, Брейзгау и тамошнимъ городамъ, откупившимся отъ Сигизмунда. Герцогъ тирольскій долженъ былъ возвратить имъ уплаченныя королю деньги, еслибы, что впослѣдствіи и произошло, предпочли войти въ составъ австрійскихъ владѣній, чѣмъ находиться подъ непосредственною властью такъ называемой имперіи, безсильной защищать ихъ.

Прибывъ въ Шаффгаузенъ въ сопровожденіи трехъ проводниковъ, папа Іоаннъ скоро убѣдился, что Фридрихъ не въ состояніи защитить его отъ собора. Итальянскіе прелаты, послѣдовавшіе за нимъ, также поняли критическое положеніе, и тотчасъ же вернулись въ Констанцъ, гдѣ были встрѣчены насмѣшками и ругательствами многочисленныхъ приверженцевъ собора. Получивъ извѣстіе, что бургграфъ нюрнбергскій Фридрихъ готовится двинуться съ войскомъ на Шаффгаузенъ, папа поспѣшно бѣжалъ въ Лауфенбургъ (29 марта). Передъ тѣмъ онъ издалъ протестъ противъ собора, объявляя не дѣйствительнымъ все то, что онъ подписалъ и въ чемъ поклялся, какъ насильно исторгнутое угрозами. Этотъ протестъ возстановилъ всѣхъ противъ Іоанна. Соборъ, провозгласившій себя, какъ непосредственный органъ святаго духа, верховнымъ судили-

щемъ, принялъ тогда жалобы, обвинявшія папу въ развратѣ и самыхъ беззаконныхъ поступкахъ, и началъ противъ него процессъ. Не считая себя безопаснымъ ни въ Лауфенбургѣ, ни въ Фрейбургѣ (Брейзгау), куда онъ вслѣдъ затѣмъ отправился, Іоаннъ бѣжалъ въ Брейзахъ. Но Брейзахъ былъ однимъ изъ тѣхъ городовъ, отъ которыхъ Фридрихъ Тирольскій отказывался по договору съ императоромъ, и потому Іоаннъ вступилъ въ переговоры съ герцогомъ бургундскимъ, владѣвшимъ еще тогда Нефшателемъ, горами Юры и Ваадтландомъ, прося у него позволенія проѣхать через его владѣнія въ Авиньонъ. Получивъ отъ герцога обѣщаніе сопровождать его, папа поспѣшилъ въ Нефшатель, но здѣсь ему сказали, что герцогъ бургундскій, устрашенный участью Фридриха, боится стать во враждебныя отношенія къ собору. Тогда Іоаннъ вернулся въ Фрейбургъ, гдѣ натолкнулся на коммисію, посланную къ нему соборомъ съ приглашеніемъ отправиться въ Констанцъ. Эта коммисія являлась къ нему еще въ Брейзахѣ, но Іоаннъ, откладывая со дня на день аудіенцію, неожиданно бѣжалъ въ Нефшатель. Коммисія была очень удивлена, встрѣтившись съ нимъ на обратномъ пути въ Констанцъ. Папа согласился наконецъ дать аудіенцію уполномоченнымъ собравшагося въ Констанцѣ духовенства, но не подписалъ предложеннаго ему именемъ собора акта отреченія, вручивъ вмѣсто него условное и весьма двусмысленное отреченіе, составленное имъ самимъ. Соборъ отвергъ его, и въ седьмое засѣданіе (2 мая 1415 г.) началъ судъ надъ Іоанномъ XXIII, въ присутствіи Сигизмунда и кардиналовъ, которымъ сначала не хотѣли позволить участвовать при процессѣ папы. Въ этомъ засѣданіи было составлено формальное требованіе Іоанну, прибитое черезъ два дня въ Констанцѣ къ церковнымъ дверямъ и городскимъ воротамъ. Въ немъ было сказано: „что Іоаннъ долженъ въ теченіе извѣстнаго времени явиться для оправданія противъ взводимыхъ на него обвиненій въ ереси, покровительствѣ расколу, симоніи и другихъ преступленіяхъ и порокахъ; если же папа пропуститъ назначенный срокъ, то, не обращая вниманія на его отсутствіе, онъ и

его привержены будутъ переданы суду.“ Твердо рѣшившись отнять папство у недостойнаго созданія пизанскаго собора, отцы церкви и Сигизмундъ отправили въ Нюрнбергъ (9 мая) епископовъ рижскаго и безансонскаго и бургграфа нюрнбергскаго съ тремя стами всадниковъ, чтобы уговорить папу вернуться или насильно привезти его въ Констанцъ. Но, еще до пріѣзда Іоанна, соборъ въ десятое засѣданіе (14 мая) занялся разсмотрѣніемъ обвинительныхъ пунктовъ. Это засѣданіе продолжалось очень недолго для избѣжанія скандала: человѣка, стоявшаго пять лѣтъ во главѣ христіанской церкви, публично обвиняли въ гнуснѣйшихъ порокахъ, неслыханныхъ преступленіяхъ, безбожныхъ рѣчахъ и циническихъ, мерзѣйшихъ богохульствованіяхъ. Въ одиннадцать дней епископы покончили процессъ. Между тѣмъ отправленные въ Фрейбургъ коммисары поручили бургграфу Фридриху отвезти папу въ Радольфцелль, гдѣ онъ и былъ посаженъ въ темницу. Это произошло 17 мая, а 20 мая ему объявили, что онъ будетъ низложенъ. Іоаннъ подчинился собору и передалъ ему знаки папскаго достоинства (печать и такъ называемый рыбачій перстень—annulus piscatorius—съ изображеніемъ апостола Петра на одной и папы на другой сторонѣ). Въ одиннадцатое засѣданіе (25 мая) онъ былъ признанъ виновнымъ въ 45 обвинительныхъ пунктахъ и низложенъ; въ двѣнадцатое (29-го мая) былъ утвержденъ и торжественно обнародованъ изданный противъ него приговоръ. Затѣмъ соборъ передалъ низложеннаго папу Сигизмунду, отдавшему его подъ стражу епископу констанцскому. Епископъ отправилъ Іоанна въ свой замокъ Готтлебенъ, гдѣ прежде содержался Гусъ; но съ низложеннымъ папою обращались не такъ какъ съ чешскимъ реформаторомъ. Изъ боязни архіепископа майнцскаго, желавшаго воспользоваться Іоанномъ какъ орудіемъ для своихъ цѣлей, его отдали по прошествіи нѣкотораго времени пфальцграфу Людовику. Два года Іоаннъ очень весело жилъ въ гейдельбергскомъ замкѣ, а потомъ былъ переведенъ въ Маннгеймъ, въ то время еще незначительное мѣстечко.

Хитрый итальянецъ безропотно подчинился своей участи: онъ

зналъ, что у отцовъ собора совѣсть не совсѣмъ чиста и потому былъ увѣренъ, что они пощадятъ собрата, зналъ очень хорошо нужду римскаго короля и пфальцграфа, и надѣялся откупиться отъ нихъ. Въ 1418 г. папа Мартинъ V, избранный (1417 г.) соборомъ на мѣсто Іоанна, не только освободилъ его, но снова возвысилъ на высшую степень въ духовной іерархіи. Поводъ къ этому былъ данъ Браччіо ди Монтоне, однимъ изъ предводителей кондоттьеровъ или наемниковъ, замѣнявшихъ въ то время постоянное войско, нанимавшихся то къ тому, то къ другому государству и нерѣдко завладѣвавшихъ городами и цѣлыми провинціями. Въ 1415 г. Браччіо ди Монтоне основалъ военное государство въ Перуджіи и скоро подчинилъ своей власти всю древнюю Умбрію. Счастливый и смѣлый воинъ, онъ собралъ около себя знаменитѣйшихъ и отважнѣйшихъ искателей приключеній, съумѣвъ воспользоваться пробудившимися въ итальянцахъ національными стремленіями и любовью къ свободѣ. Подъ его начальствомъ служили Пичинино, быстро возвысившійся изъ простаго солдата до могущественнаго предводителя, и Михаилъ Сфорца, братъ основателя новой линіи герцоговъ миланскихъ. Браччіо дошелъ почти до Рима. Римъ или по крайней мѣрѣ ближайшія къ нему мѣстности были тогда заняты сначала королемъ неаполитанскимъ Владиславомъ, а потомъ его наслѣдницей, Іоанной II. Чтобы имѣть предлогъ завладѣть городомъ, Браччіо хотѣлъ воспользоваться низложеніемъ папы, и объявилъ, что не признаетъ суда собора надъ Іоанномъ XXIII и будетъ оружіемъ защищать его права на церковную область. Плану его помѣшалъ Мартинъ V, найдя средства къ тому въ извѣстной всему міру алчности и нуждѣ германскихъ князей. Подкупивъ пфальцграфа Людовика (сумма была такъ велика, что на нее можно было тогда купить цѣлое графство), онъ уговорилъ выдать ему заключеннаго Іоанна. Уплату денегъ принялъ на себя Николай Урцано, одинъ изъ итальянскихъ банкировъ, разсѣянныхъ въ то время по всѣмъ европейскимъ городамъ и, подобно евреямъ, высасывавшимъ все, къ чему они прикасались. Въ письмѣ къ Урцано, пи-

санномъ изъ Феррары въ февралѣ 1419 г., Мартинъ говоритъ, что „проситъ его (банкира) уплатить пфальцграфу три тысячи дукатовъ, такъ какъ онъ рѣшился изъ состраданія велѣть привезти къ себѣ (in sua obedientia) Бальтазара Коссу, называвшагося Іоанномъ XXIII.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ папа просилъ епископа любекскаго наблюдать за Іоанномъ во время его поѣздки въ Италію. Такимъ образомъ Іоанну удалось освободиться изъ плѣна и выбраться изъ Германіи. Узнавъ о намѣреніи Мартина заключить его на всю жизнь въ Мантую, Іоаннъ бѣжалъ въ Геную, но никѣмъ неподдержанный и видя со всѣхъ сторонъ угрозы, обратился къ своему сопернику, прося у него милости. Мартинъ находился въ то время во Флоренціи, гдѣ онъ долго жилъ на возвратномъ пути въ Римъ; друзья Іоанна въ Тосканѣ, въ особенности глава богатой и могущественной флорентинской фамиліи, Джіованни Медичи, убѣдили папу принять кающагося грѣшника. 13 мая 1419 г. Іоаннъ явился во Флоренцію, публично бросился къ ногамъ Мартина и призналъ его папою; Мартинъ снова назначилъ его кардиналомъ и даже предсѣдателемъ всей коллегіи кардиналовъ. Іоаннъ умеръ во Флоренціи въ декабрѣ того же года. При въѣздѣ Іоанна во Флоренцію весь городъ стремился на встрѣчу ему, а похороны его по приказанію республиканскаго правительства были совершены съ особеннымъ торжествомъ. Все это доказываетъ, какъ далеки были въ то время итальянцы отъ того, чтобы требовать или ожидать не только нравственныхъ принциповъ, но даже воздержанія отъ грубыхъ пороковъ и уголовныхъ преступленій, совершенныхъ папою Іоанномъ XXIII.

Отъ соперниковъ Іоанна, Григорія XII и Бенедикта XIII, тоже потребовали отреченія. Григорій согласился на это, но съ тѣмъ, чтобы его предварительно признали папою и такимъ образомъ уничтожили приговоръ, произнесенный противъ него въ Пизѣ. Условія его не встрѣтили противодѣйствія: за него хлопотали присланный имъ легатъ и владѣтель Римини, Карлъ Малатеста, у котораго онъ жилъ; сторону его держали старый архіепископъ трирскій и

пфальцграфъ Людовикъ, и самъ Сигизмундъ былъ расположенъ къ нему. Григорію было дозволено до начала переговоровъ издать буллу (13 марта 1415 г.), созывавшую находившихся съ Констанцѣ іерарховъ на соборъ, какъ будто его никогда не существовало. 4 іюля его легатъ созвалъ отцовъ въ засѣданіе (четырнадцатое), для приданія большей торжественности отреченію Григорія и утвержденія выговариваемыхъ имъ правъ. Въ этомъ засѣданіи, гдѣ предсѣдательствовалъ Сигизмундъ, Карлъ Малатеста передалъ собору актъ отреченія. Григорій подтвердилъ его впослѣдствіи, и въ консисторіи кардиналовъ снялъ съ себя папскую одежду. По требованію Сигизмунда соборъ назначилъ его кардиналомъ-епископомъ Порто и первымъ лицомъ въ іерархіи послѣ папы, далъ въ пожизненное легатство анконскую мархію и обѣщалъ, что отъ него не потребуютъ отчета ни въ одномъ изъ поступковъ, сдѣланныхъ имъ какъ папою.

Покончивъ съ Григоріемъ, соборъ занялся Бенедиктомъ, признаваемымъ папою почти только въ одной Арагоніи. У него тоже хотѣли вынудить отреченіе и этого думали достигнуть черезъ Сигизмунда. Между тѣмъ римскій король уже нѣсколько лѣтъ не показывался въ Венгрію, не имѣлъ ни силы, ни значенія въ Германіи, издавалъ съ соборомъ, въ соборѣ и для собора постановленія, и, чтобы являться окруженнымъ ненужнымъ блескомъ, постоянно запутывался въ долгахъ, не смотря на то, что продолжалъ вести торговлю граматами и дипломами и продавать императорскія права и имперскія владѣнія. Сигизмундъ отправился въ южную Францію, для переговоровъ съ королемъ арагонскимъ и его папою. Сборы и приготовленія заняли нѣсколько мѣсяцевъ; нужно было достать много денегъ, потому что онъ не хотѣлъ ѣхать иначе, какъ въ сопровожденіи уполномоченныхъ отъ собора и съ цѣлымъ войскомъ рыцарей. Сигизмундъ опять обратился къ бургграфу Фридриху, у котораго была заложена бранденбургская мархія. Фридрихъ ссудилъ ему 250 тысячъ дукатовъ, что съ прежнимъ долгомъ составляло 400 тысячъ, и за то получилъ 30 апрѣля 1415 г. грамату, по кото-

рой бранденбургская мархія съ званіемъ курфирста и эрцкамергера (архикамераріа) имперіи продавались ему и его наслѣдникамъ, впрочемъ съ правомъ быть выкупленными. Формальная передача послѣдовала 18 апрѣля 1417 г.; съ этихъ поръ Фридрихъ и его потомство владѣютъ Бранденбургомъ на правахъ курфирстовъ. 21 іюля Сигизмундъ выѣхалъ изъ Констанца. Въ Аарбергѣ въ Швейцаріи онъ опять заложилъ одно имперское владѣніе, занялъ для путешествія жены, возвращавшейся черезъ Базель и Мюльгаузенъ въ Венгрію, семнадцать тысячъ гульденовъ у герцога баварскаго Людовика и всетаки снова очутился безъ денегъ. Въ Нарбоннѣ онъ наслаждался четыре недѣли, воспользовавшись тѣмъ, что епископъ отлично угощалъ его, и только въ половинѣ сентября добрался наконецъ до Перпиньяна, гдѣ произошло свиданіе его съ Бенедиктомъ. Сигизмундъ засталъ здѣсь короля арагонскаго; папа явился въ концѣ мѣсяца съ страшной военной свитой. Это послѣднее обстоятельство, упорство Бенедикта и испанская кровь его свиты дѣлали пребываніе въ Перпиньянѣ непріятнымъ и опаснымъ; въ началѣ ноября Сигизмундъ вернулся въ Нарбонну. Сюда явились послы изъ Шотландіи, отъ короля арагонскаго и другихъ испанскихъ князей, объявившіе, что ихъ государи не станутъ поддерживать Бенедикта, если онъ не приметъ условій собора. 13 ноября Бенедиктъ бѣжалъ изъ Перпиньяна сначала въ замокъ Коллиуре, а потомъ въ принадлежавшій его семейству замокъ Пенисколу, около Валенсіи. Бѣгство его не помѣшало переговорамъ между королями Арагоніи, Кастиліи и Наварры, шотландцами, графами Арманьякъ и Фуа съ одной стороны, Сигизмундомъ и уполномоченными собора съ другой. Упрямому Бенедикту было объявлено, что онъ долженъ подчиниться собору; епископы названныхъ странъ приняли всѣ рѣшенія констанцскаго собора на условіяхъ, постановленныхъ въ договорѣ. Покинутый папа не угомонился: онъ продолжалъ называть себя папою въ своемъ нагорномъ замкѣ и предалъ проклятію арагонскаго короля, прежде другихъ отдѣлившагося отъ него. Этимъ воспользовались для противодѣйствія королю нѣкоторые испанскіе епископы.

Уполномоченные собора тотчасъ же поѣхали обратно въ Констанцъ. Сигизмундъ чувствовалъ себя слишкомъ хорошо на всѣхъ даваемыхъ ему празднествахъ и пирушкахъ и потому останавливался во всѣхъ городахъ, почитавшихъ за счастье и честь его посѣщеніе, обходившееся имъ такъ дорого. Онъ вездѣ занималъ деньги и охотно позволялъ дарить себѣ даже незначительныя суммы, принявъ, напримѣръ, отъ города Авиньона три тысячи золотыхъ флориновъ. Изъ Авиньона Сигизмундъ отправился въ Ліонъ, а любимца своего Эбергарда фонъ Виндека (т. VIII стр. 204) послалъ къ графу савойскому Амадею, чтобы занять у него денегъ. Амадей далъ денегъ, получивъ въ залогъ, подобно бургграфу нюрнбергскому, императорскія права и старинныя притязанія имперіи. Во всѣхъ провинціяхъ, чрезъ которыя Сигизмундъ проѣзжалъ, его потому такъ хорошо принимали и угощали, что эти земли принадлежали къ германскому королевству Арелату и Бургундіи и сохраняли уваженіе къ императору и имперіи, хотя уже не были подчинены имъ. На занятыя деньги король поѣхалъ въ Савоію, устроилъ тамъ великолѣпный праздникъ, далъ графу Амадею герцогскій титулъ и надѣлилъ его въ Бургундіи и Арелатѣ правами, которыхъ, разумѣется, впослѣдствіи никто не призналъ: все это за какія нибудь двѣнадцать тысячъ экю. Затѣмъ, онъ отправился въ Парижъ, хотя всѣ отговаривали его отъ этой поѣздки, потому что король французскій Карлъ VI былъ помѣшанъ и за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ проигралъ англичанамъ рѣшительное сраженіе при Азенкурѣ. Пробывъ мѣсяцъ въ Парижѣ и три недѣли въ С. Дени, Сигизмундъ поѣхалъ въ Англію, гдѣ прожилъ четыре мѣсяца, дѣлая подарки рыцарямъ и дамамъ. По словамъ одной хроники, Сигизмундъ прибылъ въ Англію со свитой изъ 1400 человѣкъ; по одному этому можно себѣ представить во что обходились ему подобныя удовольствія. Трудно понять, изъ какихъ источниковъ онъ досталъ деньги на это путешествіе. За предлогъ для поѣздки въ Англію онъ выдавалъ желаніе покончить переговоры относительно собора и папъ и намѣреніе быть посредни-

комъ между Франціею и Англіею. Безъ сомнѣнія, Сигизмундъ поступилъ бы гораздо лучше, еслибъ прямо вернулся въ Констанцъ, не дожидаясь прибытія въ соборъ представителей пятой націи, испанской. Отъ его посредничества также нельзя было ожидать ни малѣйшихъ результатовъ: англичане и французы смѣялись надъ нимъ, его мадьярами и нѣмцами. Изъ желанія блистать и роскошничать онъ во время всего путешествія игралъ самую жалкую роль и наконецъ впалъ въ такую нужду, что не зналъ какъ переѣхать изъ Дувра въ Кале. Надежды и расчеты его на нидерландскіе корабли рушились, вслѣдствіе спора съ герцогомъ голландскимъ Вильгельмомъ, а англичане требовали за перевозъ такую громадную сумму, что о соглашеніи съ ними нечего было и думать. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, Сигизмундъ, не смотря на тѣсный союзъ съ Франціею, заключилъ въ высшей степени подозрительный тайный договоръ съ англійскимъ королемъ. Генрихъ V подарилъ ему разныя драгоцѣнности и велѣлъ перевезти его въ Кале, принадлежавшій тогда англичанамъ. Вѣроятно англійскій король также хотѣлъ сбыть скорѣй съ рукъ тягостныхъ гостей, расточителей и всеобщихъ должниковъ, выбравшихся изъ Кале только съ помощью новыхъ займовъ и закладовъ, при содѣйствіи ростовщиковъ. Прибывъ въ Кале 24 августа 1416 г., Сигизмундъ оставался въ немъ нѣсколько недѣль, пока его другъ Эбергардъ фонъ Виндекъ не убѣдилъ богатыхъ фламандскихъ купцовъ и банкировъ ссудить подъ залогъ, за громадные проценты, денегъ, которыя были тотчасъ же истрачены. Съ подаренными англійскимъ королемъ драгоцѣнностями Эбергардъ бѣгалъ по Брюгге, Генту и Антверпену, закладывая ихъ за что ни попало, и сверхъ того занялъ еще у брюггскихъ купцовъ десять тысячъ золотыхъ гульденовъ за чрезвычайно высокіе проценты. Драгоцѣнности были выкуплены въ половинѣ 1417 г., а долгъ былъ уплаченъ деньгами любекцевъ, подвергнутыхъ Сигизмундомъ штрафу за изгнаніе своего магистрата. Въ Кале Сигизмундъ между прочимъ предсѣдательствовалъ на одномъ изъ такъ называемыхъ княжескихъ конгрес-

совъ, не приводящихъ никогда ни къ чему путному и служащихъ только предлогомъ для пустаго, безсмысленнаго, тщеславнаго мотовства. О возвращеніи въ Констанцъ или въ Венгрію король еще не думалъ, и, выѣхавъ изъ Кале, шатался безъ цѣли въ Нидерландахъ, Лотарингіи и на Рейнѣ, слѣдуя обычаямъ прежнихъ императоровъ, нигдѣ не платилъ ничего ни за себя, ни за свиту. Наконецъ, послѣ полуторогодоваго странствованія, онъ вернулся въ Констанцъ, въ послѣднихъ числахъ января 1417 г.

Въ эти полтора года въ Констанцѣ было гораздо болѣе говорено и написано, пущено пыли въ глаза и происходило болѣе словопреній, чѣмъ дѣйствительно рѣшено и сдѣлано; такъ бываетъ почти всегда, когда для рѣшенія политическихъ и религіозныхъ вопросовъ сбираются ученые, въ особенности теоретики и систематики профессоры. Ученые богословы Сорбонны были согласны относительно злоупотребленій существующаго церковнаго устройства, денежныхъ поборовъ и уничтожавшихъ всякое довѣріе народа къ своему духовенству, печальнѣйшихъ послѣдствій свѣтскаго управленія папъ, епископовъ и опоръ ихъ, нищенствующихъ орденовъ; но измѣнить главныхъ основаній никто не хотѣлъ. Изъ совѣщаній собора, происходившихъ въ 1416 и 1417 г., очевидно, что засѣдавшіе въ Констанцѣ кардиналы, прелаты и доктора не могли, да и не желали произвести реформы церкви въ ея главѣ и членахъ, для чего они собственно были созваны. Безъ измѣненія догматической стороны ученія ничто не могло истребить зла, а этого не хотѣли даже такіе противники папства, какъ Жерсонъ, Петръ д'Алльи и другіе представители галликанской церкви. Предложеніе Сигизмунда въ этомъ смыслѣ подняло неимовѣрный гвалтъ. Король велѣлъ раздать сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ, о реформѣ духовенства (Reformatorium Cleri), предлагавшее, чтобы церковныя имѣнія были отданы свѣтской власти для употребленія на дѣла вѣры, т. е. на жалованье духовенству, содержаніе культа и борьбу съ турками. Подобное предложеніе естественно должно было встрѣтить сильное противо-

дѣйствіе уже по одному тому, что невозможно было довѣрить церковныхъ имѣній и стать въ зависимость отъ такого человѣка какъ Сигизмундъ.

Сильнѣе всѣхъ жаловались на папскій престолъ нѣмцы. Сначала Сигизмундъ поддерживалъ своихъ соотечественниковъ; въ томъ же духѣ энергически говорилъ честный, ученый Робертъ Галламъ, епископъ салиссбёрійскій, и до его смерти англичане дѣйствовали довольно согласно съ нѣмцами. Существованіе въ Германіи безконечнаго множества аббатовъ, епископовъ и архіепископовъ, пользовавшихся княжескими правами, дѣлало для нѣмцевъ сохраненіе существующей системы невыносимѣе чѣмъ для другихъ народовъ. Еще прежде собора ими былъ составленъ сборникъ жалобъ (Gravamina), изъ котораго они впослѣдствіи (1416 г.) заимствовали свои предложенія объ ограниченіи папскаго гнета (Avisamenta), а на базельскомъ соборѣ даже требовали, чтобы конкордатъ былъ заключенъ на основаніи этихъ предложеній. При дальнѣйшемъ разсказѣ мы увидимъ, какъ папа, Эней Сильвій, майнцская канцелярія и императоръ Фридрихъ III обманули нѣмцевъ, подсунувъ имъ, выражаясь по Гомеровски, вмѣсто конкордата, цѣною во сто быковъ, конкордатъ, стоющій только девятерыхъ. Въ Констанцѣ нѣмцы вмѣстѣ съ англичанами настаивали на томъ, чтобы жалобы вѣрныхъ католиковъ на папство и іерархію были разсмотрѣны прежде избранія новаго папы. Три остальныя націи утверждали, напротивъ, что никакая реформа не можетъ быть предпринята до избранія папы. Но очевидно было, что новый папа прежде всего не допуститъ нападеній на существующую систему: наглыя злоупотребленія папъ и кардиналовъ и составляли главный предметъ жалобъ. Противодѣйствіе другихъ націй стремленіямъ нѣмцевъ и англичанъ основывалось главнымъ образомъ на пристрастіи того времени къ формалистикѣ. Эти боязливыя отношенія къ формальностямъ доходили до того, что за ними сущность дѣла отходила почти всегда на самый заднiй планъ. По этой же причинѣ констанцскіе іерархи не могли успокоиться на томъ, что приверженцы Бенедикта XIII

сами потребовали отъ него повиновенія собору; въ январѣ 1416 г. они отправили къ нему двухъ монаховъ съ приглашеніемъ явиться въ Констанцъ, хотя всему свѣту было извѣстно, что онъ никогда не пріѣдетъ. Послѣ того, отцы нѣсколько разъ назначали ему новые сроки, медлили начать противъ него процессъ, откладывая его съ мѣсяцъ на мѣсяцъ, и только 26 іюля 1417 г. рѣшились наконецъ объявить о низложеніи Бенедикта.

Съ этой минуты присутствовавшіе на соборѣ двадцать четыре кардинала стали еще сильнѣе настаивать на необходимости приступить къ избранію папы; имъ вторили всѣ французскіе, испанскіе и итальянскіе прелаты, требовавшіе новаго папы. Сигизмунду и англичанамъ трудно было бороться, а со смертью Галлама, 4 сентября 1417 г., нѣмцы не могли болѣе разсчитывать и на англичанъ. Какъ была готова еще тогда вся Германія для реформаціи видно не только изъ всѣхъ разсказовъ, стихотвореній и рѣчей того времени, писанныхъ народнымъ языкомъ, но въ особенности изъ письменнаго оправданія, составленнаго присутствовавшимъ на соборѣ нѣмецкимъ духовенствомъ. Неслыханная до тѣхъ поръ настойчивость, съ какою оно и Сигизмундъ требовали реформы, отказываясь до осуществленія ея приступить къ избранію папы, вызвала противъ нихъ обвиненіе въ покровительствѣ ученіямъ Гуса и Уиклефа. Въ своемъ оправданіи нѣмцы съ гордостью называютъ себя „богобоязливою, терпѣливою, покорною націею, сдѣлавшеюся могущественною божіею милостью; къ ней принадлежатъ императоръ, восемь королей, множество герцоговъ, маркграфовъ, князей, графовъ, владѣтелей и независимыхъ городовъ, полныхъ свѣжихъ силъ.“ Далѣе они говорятъ: „Въ теченіе полутора столѣтія испорченность, явившаяся вслѣдствіе притязаній папъ, постоянно усиливалась. Вмѣсто старанія о спасеніи душъ, папскимъ дворомъ руководятъ корыстолюбіе, честолюбіе и чувственность, доводящія его до всевозможныхъ несправедливостей и насилія. Вотъ источникъ всѣхъ злоупотребленій духовенства и т. д.“ Въ собраніи всѣхъ относящихся до констанцскаго собора актовъ, составлен-

номъ фонъ Гардтомъ, находится и это сочиненіе, въ высшей степени важное для исторіи нѣмецкой церкви XV столѣтія.

Можетъ быть Сигизмундъ и продолжалъ бы настаивать на своихъ требованіяхъ, еслибъ его не перестали поддерживать сначала англійскіе, а потомъ и нѣмецкіе прелаты, подкупленные обѣщаніями доходныхъ мѣстъ и званій. Въ концѣ сентября король согласился наконецъ на избраніе папы; при этомъ онъ и нѣмцы постановили непремѣннымъ условіемъ, чтобы новый папа тотчасъ по коронованіи предпринялъ и совершилъ вмѣстѣ съ соборомъ реформу церковнаго управленія. Съ своей стороны соборъ постановилъ, 9 октября, что впредь, какъ въ древней церкви, должны быть созываемы въ опредѣленные сроки вселенскіе соборы: ближайшій чрезъ пять лѣтъ, второй чрезъ семь, а за тѣмъ чрезъ каждые десять лѣтъ. На этотъ разъ избраніе не было предоставлено однимъ присутствовавшимъ въ Констанцѣ кардиналамъ; сначала ихъ даже хотѣли совсѣмъ исключить, но послѣ долгихъ преній рѣшили, что избирательную коллегію составятъ шесть депутатовъ отъ каждаго народа, т. е. всего тридцать, вмѣстѣ съ тридцатью двумя кардиналами. 8 ноября 1417 г. избирательная коллегія сошлась въ епископскомъ дворцѣ и 11 того же мѣсяца избрала папою кардинала Оттона Колонну, произнесшаго именемъ Іоанна XXIII приговоръ надъ Гусомъ.

Избранникъ принялъ имя Мартина V и тотчасъ же возобновилъ всѣ злоупотребленія своихъ предшественниковъ со взятками и поборами. Замѣщеніе папскаго престола сопровождалось цѣлымъ рядомъ праздниковъ; новый папа, король Сигизмундъ и отцы собора забавляли праздный народъ церковными и рыцарскими зрѣлищами, гдѣ Мартинъ игралъ первую, а Сигизмундъ вторую роль. Папа умѣлъ отлично увертываться, когда рѣчь заходила о реформахъ и громкіе голоса, требовавшіе ихъ прежде, вдругъ стихли. Для соблюденія формальности 22 ноября всѣ пять націй говорили еще, что необходимо произвести реформу; однако онѣ согласились передать дѣло коммисіи, которая сначала долго не подавала голоса

о себѣ, а потомъ отложила вопросъ въ долгій ящикъ. Одни нѣмцы продолжали настоятельно требовать уничтоженія папской тиранніи. Они и страдали отъ нея болѣе другихъ: трое ихъ курфирстовъ принадлежали къ духовенству, а императоръ не только считалъ необходимымъ папское коронованіе и утвержденіе, но, подобно византійскому императору, гордился званіемъ иподьякона и позволеніемъ читать во время службы евангеліе, съ мечомъ въ рукахъ. Нѣмцы высказали свои жалобы на римскій дворъ въ 18 статьяхъ, переданныхъ новому папѣ въ концѣ января 1418 г. Мартинъ уклонялся отъ исполненія ихъ требованій такимъ же образомъ, какъ это дѣлаютъ до нашихъ дней его преемники, т. е. вмѣсто реформъ онъ заключалъ двусмысленные конкордаты, составленные такъ, что все оставалось по старому и все-таки можно было сказать, что даны обѣщанныя реформы. Итальянцы не хотѣли никакой реформы, слѣдовательно Мартину приходилось заключить конкордаты только съ четырьмя другими націями. Съ каждой націей былъ заключенъ особый конкордатъ; нѣмцы получили свой 21 марта, однако безъ всякаго поручительства, что условія его будутъ выполнены. Ни одно изъ правительствъ четырехъ націй не согласилось принять заключеннаго его духовенствомъ конкордата, въ которомъ дѣлались самыя незначительныя уступки, да и то больше для виду; всѣ, кромѣ нѣмцевъ, приняли въ соединеніи съ государственными сословіями мѣры, чтобы разъ навсегда свѣтскими средствами обуздать безчинства папъ.

Главной задачей собора была церковная реформа; папа выдавалъ безплодные конкордаты за церковную реформу, слѣдовательно заключеніемъ ихъ достигалась цѣль четырехлѣтнихъ совѣщаній ученыхъ богослововъ всего христіанскаго міра, и Мартинъ V приготовился отправиться въ Римъ. Предъ закрытіемъ собора онъ объявилъ въ предпослѣднемъ засѣданія (19 апрѣля 1418 г.), что ближайшій соборъ для дальнѣйшихъ преобразованій церковнаго управленія будетъ созванъ черезъ пять лѣтъ въ Павіи, — другими словами, что вопросъ о реформѣ будетъ переданъ итальянцамъ,

противившимся всякимъ реформамъ. Его рѣчь возбудила неудовольствіе всей церкви. Въ послѣднее или сорокъ пятое засѣданіе (21 апрѣля) пустой и тщеславный Сигизмундъ явился съ императорскою короною на головѣ, разыгрывая опять роль папскаго дьякона. Въ это засѣданіе одинъ изъ кардиналовъ прочелъ сначала по приказанію папы о закрытіи собора, а потомъ юристъ Ардоннъ Новарскій, предшественникъ Меттерниха, прочелъ отъ имени Сигизмунда записку, въ которой говорилось, что король всѣмъ очень доволенъ, нисколько не жалѣетъ о своихъ тратахъ, достигнувъ всего, чего желалъ, и что только злые и безпокойные люди могутъ утверждать, что все сдѣланное соборомъ принесетъ гораздо больше вреда, чѣмъ пользы.

5. Сигизмундъ, германская имперія и гуситская война до 1432 года.

Нѣмцамъ пришлось жестоко поплатиться за фанатизмъ собравшихся въ Констанцѣ богослововъ, тщеславную роскошь, страсть къ наслажденіямъ и легкомысленную расточительность своего короля. Сигизмундъ повредилъ нѣмцамъ не только тѣмъ, что продавалъ и закладывалъ права и владѣнія, принадлежавшія имперіи, слѣдовательно всему государству, и выдавая за деньги граматы и указы, обращалъ притязанія князей, рыцарей, городовъ и корпорацій, въ права и привилегіи, — онъ повредилъ имъ и своей рабской покорностью передъ папою. Это рабство, бывшее политическимъ расчетомъ, а не суевѣріемъ, привело къ тому, что чехи, соединенные его отцомъ и братомъ тѣсными, братскими узами съ нѣмцами, сдѣлались непримиримыми врагами нѣмецкой націи, ея религіи, цивилизаціи и всего императорскаго дома. Разбирая дѣло гуситовъ, соборъ поступилъ съ чешскимъ народомъ совершенно такъ же какъ поступали германскій сеймъ, Австрія и Пруссія съ нѣмецкимъ народомъ съ 1817 по 1847 годъ. Въ обо-

ихъ случаяхъ дѣйствовали полицейскимъ насиліемъ и уголовными законами въ пользу положительнаго права меньшинства, противъ разумнаго права большинства. Возбужденный нѣмецкими богословами, соборъ постановленіемъ 24 февраля 1416 г. объявилъ еретиками 452 чешскихъ и моравскихъ бароновъ и рыцарей, подписавшихъ 2 сентября 1415 г. письмо, наполненное угрозами, и потребовалъ ихъ къ суду. Вызовъ собора былъ прибитъ въ маѣ къ церковнымъ дверямъ въ Констанцѣ, Пассау и Вѣнѣ, а въ іюнѣ въ Регенсбургѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ соборъ началъ процессъ противъ архіепископа пражскаго, Конрада Фехты, и епископа ольмюцкаго, Вацлава Кралика изъ Бурженицъ, за то, что они терпѣли ересь. Когда по смерти Кралика чешскій король, не обращая вниманія на соборъ, велѣлъ Конраду назначить новаго епископа ольмюцкаго, отцы собора, въ пылу азарта, хотѣли преслѣдовать со всею строгостью церковныхъ законовъ Венцеслава и его жену, какъ покровителей еретиковъ. Большихъ усилій стоило Сигизмунду удержать соборъ отъ поступка, который сдѣлалъ бы его окончательно смѣшнымъ и навлекъ бы на него еще сильнѣйшую ненависть.

Съ особымъ озлобленіемъ преслѣдовалъ соборъ ученыхъ,—пошедшихъ въ пражскомъ университетѣ и другихъ мѣстахъ по слѣдамъ обоихъ чешскихъ мучениковъ,—и проповѣдывавшихъ библейскую религію, болѣе или менѣе несходную съ церковнымъ ученіемъ. Между тѣмъ, въ тоже время крайніе мечтатели волновали массы религіозною и политическою пропагандою. Изъ членовъ пражскаго университета къ реформаторамъ, требовавшимъ только прекращенія злоупотребленій, а не измѣненія всего существующаго ученія, принадлежали Янъ изъ Есеницы, Якобеллъ (Якубекъ) изъ Мисы, Христіанъ изъ Прахатицъ, Янъ Кардиналъ изъ Рейнштейна, Симонъ изъ Тишновицъ, Симонъ изъ Рокицанъ, Зденекъ изъ Лабуна, Марекъ изъ Кралова-Градца, панъ Здиславъ изъ Звиржетицъ и Михаилъ Чижекъ изъ Маленицъ. Эти доктора и приверженцы ихъ составляли общину такъ называемыхъ **калikстинцевъ** или **утраквистовъ**; они требовали причащенія подъ обоими

видами и уничтоженія многихъ церковныхъ злоупотребленій, но публично заявляли, что во всѣхъ вопросахъ, положительно не разрѣшенныхъ въ св. писаніи, считаютъ нужнымъ слѣдовать принятымъ церковнымъ вѣрованіямъ. Совершенно иныя требованія предъявляли различные секты и основатели ихъ, слѣдовавшіе ученіямъ пикардовъ, альбигойцевъ, беггардовъ и мечтавшіе объ израильскихъ племенахъ. Мечтатели пользовались большимъ вліяніемъ на массы народа; они, подобно ученикамъ Уиклефа и какъ впослѣдствіи англійскіе мечтатели временъ Кромвелля, — проповѣдывали коммунистическія идеи, выводя ихъ изъ книгъ Моисея и евангелія. Ихъ страстная, вначалѣ впрочемъ умѣренная, пропаганда новела къ такимъ же страшнымъ сценамъ въ Богеміи, какъ во Франціи въ послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка воодушевленіе за равенство, свободу и человѣческія права. Эти мечтатели поселились около Устья надъ Лужницей, и на горѣ, населенной жителями Устья и названной библейскимъ именемъ Таборъ. Богатый фабрикантъ суконныхъ издѣлій изъ Праги предложилъ гостепріимство всѣмъ ученымъ и неученымъ радикаламъ, недовольнымъ умѣренными пражцами. Основатели секты и проповѣдники, магистръ Янъ изъ Ичина, священники Венекъ, Янъ изъ Быдлина, Канишъ, Пшеничка и другіе, возбужденные явившимися въ Богемію иностранцами, мало по малу собрали около себя нѣсколько тысячъ человѣкъ, основавшихъ нынѣшній городокъ Таборъ; сначала они жили на чистомъ воздухѣ. 25 января 1417 г. магистры пражскихъ гуситовъ и каликстинцевъ издали противъ нихъ прокламацію. Въ ней, между прочимъ, было сказано: „Дьяволъ часто нарочно прикидывается уважающимъ святыню, чтобы поселять между братьями раздоры и презрѣніе къ божественнымъ заповѣдямъ. Въ Прагѣ съ горестью узнали, что въ нѣкоторыхъ общинахъ и мѣстечкахъ Богеміи проповѣдуется, будто чистилища не существуетъ, молитвы и подаянія за умершихъ совсѣмъ не нужны, изображеніе святыхъ и почитаніе ихъ противорѣчатъ священному писанію, церковныя церемоніи, какъ напр. освященіе соли и воды, вербы, пасхальныя яйца и т. п., — заблужденія, не имѣющія смысла.“

Слѣдовательно, всему этому стремились противодѣйствовать пражскіе магистры. Изъ этого легко понять, что они—такъ какъ дѣло уже пошло на разъясненіе вопросовъ—не могли управлять грозившей революціей, оставаясь далеко позади тѣхъ, которые не хотѣли останавливаться на половинѣ дороги. Констанцскій соборъ сдѣлалъ еще гораздо бо̀льшую ошибку, чѣмъ ученые профессоры Праги. Вмѣсто того, чтобы тотчасъ же уступить хоть что нибудь умѣреннымъ пражцамъ, соборъ своими дѣйствіями заставилъ всѣхъ чеховъ соединиться противъ ученія, навязываемаго имъ защитниками *всего* стараго. Убѣжденный въ непогрѣшимости своей собственной и своихъ собратій, какъ это бываетъ по большей части съ подобными ему учеными и знаменитыми профессорами, канцлеръ парижскаго университета Жерсонъ, опровергая именемъ собора каликстинцевъ, отзывался съ страшнымъ презрѣніемъ о тѣхъ, кто не соглашался съ его положеніями, и сказалъ, что, по его мнѣнію, не духовнымъ оружіемъ, а свѣтскими средствами слѣдуетъ дѣйствовать противъ гуситовъ. Такъ разсуждаютъ многіе мудрецы и въ наше время. Мартину не нужно было говорить этого двухъ разъ. Тотчасъ по своемъ избраніи онъ сталъ обращаться съ чехами такъ же, какъ обращался съ ними соборъ и даже хотѣлъ продолжать процессъ, которымъ святые отцы грозили чешскому королю; только уговоры Сигизмунда и обѣщанія, сдѣланныя отъ имени Венцеслава, заставили его отказаться отъ этой мысли. Съ своей стороны и чехи относились къ нему такъ, какъ будто уже весь народъ отпалъ отъ церкви. Буллою, изданною 22 февраля 1418 г. въ Констанцѣ, папа угрожалъ самыми страшными наказаніями тѣмъ, кто будетъ слѣдовать Уиклефу, Гусу и Іерониму или одобрять ихъ ученіе, ихъ близкихъ и родственниковъ, тѣмъ, кто укроетъ или приметъ въ свой домъ гусита, наконецъ даже тому, кто позволитъ себѣ не указать на извѣстнаго ему еретика; всѣмъ этимъ лицамъ онъ грозилъ конфискаціею имѣній и запрещеніемъ хоронить ихъ по христіанскому обряду. Кромѣ того, Мартинъ возобновилъ страшную инквизиціонную буллу папы Бонифація, называвшуюся по начальнымъ словамъ „ut inquisitionis negotium“

и требовавшую, чтобы свѣтскіе судьи преслѣдовали обвиняемыхъ церковью въ ереси. Мѣсяцъ спустя папа писалъ всѣмъ чехамъ безъ исключенія, преимущественно же баронамъ и рыцарямъ: „Мерзко, жалко, отвратительно слушать и страшно больно говорить, что люди, раздѣляющіе безбожныя, давно осужденныя ученія Уиклефа и Гуса, будь проклята ихъ память, распространили пагубныя заблужденія по всей Богеміи. Можно почти сказать, что католическая вѣра и евангельское благочиніе безслѣдно исчезли тамъ, гдѣ ихъ хранили съ величайшимъ уваженіемъ и примѣрнымъ благочестіемъ.“ Кардиналъ, разсказывающій эти исторіи со всѣми подробностями и относящимися къ нимъ документами, сознается, что эти проклятія, буллы, духовныя посланія и ругательства привели въ бѣшенство всю Богемію, дворянъ, такъ же какъ народъ. Когда Венцеславъ хотѣлъ, по требованію папы и своего брата, ограничить свободу проповѣдей, пражцы возстали и принудили короля скрыться въ Вышеградѣ.

Находя болѣе благоразумнымъ сохранять дружественныя отношенія съ своими подданными, а не съ папою, Венцеславъ, черезъ шесть недѣль послѣ этого вмѣшательства Мартина въ свѣтское управленіе и судебную власть, вновь обнародовалъ законъ (9 іюня 1418 г.), объявлявшій недѣйствительнымъ призывъ чеховъ свѣтскаго званія къ иноземному духовному суду. Мы говорили, что доминиканецъ, слѣдовательно уже по одному тому инквизиторъ, кардиналъ Іоаннъ Доминичи, отправленный Мартиномъ въ іюнѣ для преслѣдованія чешскихъ еретиковъ, ничего не могъ сдѣлать. Венцеславъ не хотѣлъ его слушать, и кардиналъ долженъ былъ радоваться, что уѣхалъ изъ Богеміи живымъ и невредимымъ. Въ концѣ 1418 г. при проѣздѣ Сигизмунда черезъ Пассау въ Венгрію, Доминичи находился въ обществѣ императора; мы предполагаемъ, что этотъ доминиканецъ и уговорилъ Сигизмунда отправить къ брату грамату, наполненную выговоровъ за то, что онъ не поддерживаетъ папскихъ распоряженій относительно своихъ подданныхъ. Естественно, что подобный поступокъ долженъ былъ окон-

чательно возстановить чеховъ противъ Сигизмунда. На слова Сигизмунда, что онъ прекращаетъ съ Венцеславомъ, какъ съ еретикомъ, всякія дружескія отношенія, и на угрозы всего христіанскаго міра чешскій король отвѣчалъ сначала письмомъ, а въ январѣ 1419 г. отправилъ пословъ сказать, что въ Богеміи не знаютъ ни еретиковъ, ни ложныхъ ученій. Застращенный братомъ, Венцеславъ думалъ своей слабой волей противодѣйствовать воли цѣлаго народа; это повело за собой отпаденіе Богеміи и подвергло нѣмцевъ страшнымъ жестокостямъ со стороны чеховъ. Въ января 1419 г. уже почти вся Прага принадлежала къ утраквистамъ, даже совѣтники Венцеслава и начальники войска приняли ученіе Гуса. Не смотря на то, въ февралѣ того же года, король велѣлъ преслѣдовать утраквистовъ, дозволилъ имъ совершать богослуженіе только въ нѣкоторыхъ церквахъ, и вообще началъ преслѣдовать еретиковъ. Пражцы соединились для защиты своего ученія, и лучшій совѣтникъ короля вмѣстѣ съ лучшимъ воиномъ не хотѣли болѣе оставаться въ королевской службѣ. Эти два предводителя гуситовъ, бургграфъ Николай изъ Гуси и старикъ Жижка изъ Троцнова, прославившійся въ Польшѣ и Литвѣ въ войнѣ тевтонскихъ рыцарей съ язычниками, пріобрѣли такую же славу, какъ впослѣдствіи Кромвелль въ Англіи. Когда оба они отступились отъ короля, а граждане Праги отказались положить оружіе, Венцеславъ, не считая себя безопаснымъ въ Вышеградѣ, бѣжалъ въ построенный имъ близь Кунратича замокъ Венцельштейнъ. Въ помѣстьяхъ Жижки и Николая Гусинца, изгнанныхъ Венцеславомъ и объявленныхъ еретиками, собралось множество гуситовъ со всей Богеміи. Духовенство радикальныхъ гуситовъ, выгнанное изъ Аусти, соединило свою партію на холмѣ Градище близь Лужницы. Окруженный съ трехъ сторонъ наполненными водою оврагами и доступный только съ четвертой черезъ узкій перешеекъ, этотъ холмъ, названный впослѣдствіи горою Таборъ, по самому положенію былъ удобенъ для основанія крѣпости. Тамъ, подъ открытымъ небомъ, при стеченіи нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, совершало

духовенство богослуженіе лѣтомъ 1419 г.; тамъ, 23 іюля 1419 г., Николай Гусинецъ устроилъ религіозное національное празднество, на которое явилось сорокъ двѣ тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей изъ всѣхъ мѣстностей Богеміи, — празднество, исполнившее энтузіазма весь народъ, потому что это былъ праздникъ равенства передъ Богомъ. Собраніе устраивало процессіи съ хоругвями и причастіемъ и пѣло молитвы на чешскомъ языкѣ; каждая новая толпа приходящихъ встрѣчалась съ торжествомъ, доступъ былъ открытъ всѣмъ; они называли себя народомъ божьимъ и племенемъ Іуды; всякое сословное различіе было уничтожено, и крестьянинъ называлъ дворянина братомъ. Собравшіеся гуситы провели вмѣстѣ нѣсколько дней на холмѣ, покрытомъ палатками. Назидательный и веселый національный праздникъ прошелъ безъ всякихъ свѣтскихъ потѣхъ, безъ малѣйшей роскоши, пьянства и шума; мирно и дружески разошлись они, не подавъ ни малѣйшаго повода къ жалобамъ. Все это произвело необыкновенно сильное впечатлѣніе на народъ. Дѣйствія Николая изъ Гуси были представлены Венцеславу въ самомъ искаженномъ, обезображенномъ видѣ. Со времени послѣдняго письма Сигизмунда и угрозъ Мартина, Венцеславъ сталъ преслѣдовать гуситовъ и запрещать ихъ богослуженіе; онъ назначилъ противниковъ ихъ членами магистрата Новаго-города въ Прагѣ и хотѣлъ сдѣлать то же въ Старомъ-городѣ и Малой-странѣ. Это вызвало 30 іюля 1419 г. первые ужасы гуситской войны. Бывшій монахъ премонстратскаго монастыря, Янъ Желивскій, образовавшій въ Новомъ-городѣ фанатическую общину и возбуждавшій народъ противъ преслѣдователей ихъ единовѣрцевъ изреченіями и притчами изъ откровенія Іоанна и іудейскихъ пророковъ, возстававшихъ на идолопоклонство, устроилъ однажды процессію, наполнившую всѣ улицы народомъ. Собраніе магистрата хотѣло запретить процессію, его слуги и католики оскорбили монаха и причастіе подъ обоими видами, которое Янъ несъ впереди вмѣсто потира. Фанатики тотчасъ же отмстили за оскорбленіе; поддержанные вооруженными людьми Жижки, они напали на магистратъ и полицію.

Разъяренная толпа ворвалась въ ратушу и выбросила изъ окна семь ратмановъ и городскаго судью Никласка; подхваченные на пики стоявшимъ на улицѣ народомъ они были умерщвлены, но не ограблены. Остальные ратманы спаслись бѣгствомъ. Вскорѣ послѣ этихъ сценъ умеръ Венцеславъ. Многіе изъ писателей говорятъ, что онъ умеръ отъ страха или бѣшенства, другіе утверждаютъ, изъ ненависти къ гуситамъ, что онъ былъ задушенъ своими приближенными, приверженцами Гуса. Новѣйшій чешскій историкъ вполнѣ опровергъ это несправедливое обвиненіе. Доказавъ, что у Венцеслава еще прежде былъ апоплексическій ударъ и что король страдалъ въ началѣ августа его послѣдствіями, Палацкій совершенно основательно говоритъ: „Что же касается внезапной смерти Венцеслава 16 августа 1419 г., то кажется весьма понятно, что такой обжора и пьяница какъ Венцеславъ не могъ перенести вторичнаго удара.“

Смерть короля Венцеслава была сигналомъ общаго возстанія въ Богеміи: гуситы завладѣли вездѣ управленіемъ. 29 сентября и 11 ноября, какъ прежде на Таборѣ, праздновались на открытомъ полѣ мечтательныя, республиканско-радикальныя народныя празднества. Общественное спокойствіе опять нисколько не было нарушено, не смотря на то, что главную роль играли тогда Жижка и гуситскій священникъ Вацлавъ Коранда. Большая часть городовъ оставалась впрочемъ еще долго во власти нѣмцевъ, поддерживаемыхъ большинствомъ чешскихъ землевладѣльцевъ. Жижка призвалъ къ оружію крестьянъ и все собственно чешское населеніе, возбуждая ихъ чрезъ фанатическихъ священниковъ и прокламаціи на чешскомъ языкѣ, не довѣрять ни одному нѣмцу и не щадить ни одного изъ нихъ. Въ одной прокламаціи онъ говоритъ своимъ соотечественникамъ и единовѣрцамъ: „берегитесь тѣхъ, которые противодѣйствуютъ нашей вѣрѣ, но въ особенности берегитесь нѣмцевъ! Вы уже испытали ихъ преслѣдованія во имя Іисуса! Боритесь съ ними непрестанно, какъ дѣлали ваши предки, древніе чехи, бравшіеся за оружіе не только для защиты

Бога, но и для защиты самихъ себя! Намъ, братья, желающимъ общаго блага и почитающимъ божественныя заповѣди, предстоятъ бо́льшія усилія. Кто можетъ владѣть мечомъ и махать дубиной, тотъ долженъ вооружаться на борьбу. Вы должны заставлять вашихъ священниковъ во всѣхъ ихъ проповѣдяхъ возбуждать народъ на борьбу съ антихристомъ и готовить всѣхъ, стараго и молодаго, для войны и т. д."

Съ помощью католической части дворянства, жителей городовъ и наемныхъ нѣмецкихъ солдатъ жена Венцеслава, Софія, защищалась какъ могла отъ крайнихъ гуситовъ; зять ея, Сигизмундъ, занятый въ то время войною съ турками и венеціанцами и, по обыкновенію, нуждавшійся въ деньгахъ, не оказывалъ ей никакой поддержки. Въ Прагѣ ежедневно происходили кровопролитныя стычки; въ остальной Богеміи Коранда и Жижка мало по малу организовали по военному весь народъ, какъ это было во Франціи во времена террора. Въ Прагѣ хотя и господствовала умѣренная партія, имѣвшая ружья и пушки (мы говорили, что чехи отличались при осадѣ Константинополя какъ артиллеристы), но она не могла прекратить убійствъ и пожаровъ. Софія бѣжала изъ города, дворцы были сожжены, ратуша и такъ называемый саксонскій домъ взяты приступомъ, и послѣдній обращенъ въ крѣпость. Не смотря на это, Прага и всѣ города Богеміи, исключая пяти, оставались еще во власти умѣренныхъ гуситовъ. Подъ предводительствомъ Жижки радикалы, желавшіе основать на землѣ царство Христа, разбили рыцарей и отняли у нихъ Пильзенъ. Въ другомъ кровопролитномъ сраженіи они разбили владѣтеля Розенберга, опустошили Устье и построили крѣпость на горѣ Таборъ. Партія умѣренныхъ была однако еще такъ сильна, что, не находись Сигизмундъ въ совершенной зависимости отъ ненавистной для народа духовной и придворной аристократіи, онъ могъ бы съ ея помощью одолѣть крайнихъ, поклявшихся никогда не признавать его королемъ. На Рождествѣ 1419 г. Сигизмундъ потребовалъ въ Брюннъ чешскихъ и моравскихъ бароновъ, рыцарей, бургра-

фовъ и депутатовъ отъ городовъ; къ нему явились только представители умѣренной партіи. Король прибылъ въ городъ съ свитой князей и епископовъ, ненавистныхъ гуситамъ; съ нимъ былъ и папскій легатъ Фердинандъ Луккскій, преемникъ Іоанна Доминичи, назначенный руководить истребленіемъ еретиковъ. Королева Софія тоже пріѣхала въ Брюннъ съ толпой приближенныхъ, озлобленныхъ послѣдними событіями въ Прагѣ. Умѣренные гуситы, въ особенности граждане Праги, просили защиты отъ радикальныхъ таборитовъ, адамитовъ и другихъ крайнихъ гуситовъ. Пражская депутація, съ торжествомъ вступившая 27 декабря въ Брюннъ, состояла, разумѣется, изъ гуситовъ, съ гуситскими священниками, открыто совершавшими свое богослуженіе. Тѣ, которые прислали ихъ, очень хорошо понимали, что они нуждаются въ королѣ, и потому равнодушно смотрѣли на то, что Сигизмундъ обращался съ ихъ уполномоченными какъ съ крѣпостными. Въ первой аудіенціи депутаты, явившіеся просить прощенія за происшествія въ Прагѣ, должны были на колѣнахъ ожидать отвѣта Сигизмунда и слушать сыпавшіяся на нихъ ругательства и упреки. Король потребовалъ удаленія еретиковъ отъ всѣхъ должностей. Такимъ образомъ, умѣренные или, какъ ихъ также называютъ, пражцы находились между двухъ огней; крайніе между тѣмъ организовывали войско для основанія царства новой патріархальной церкви славянъ и энергически продолжали укрѣплять занятыя ими мѣста, при чемъ имъ оказывали большія услуги принадлежавшіе къ ихъ партіи рудокопы. Сначала казалось, что все преклонится передъ королемъ; но Сигизмундъ не щадилъ умѣренныхъ и этимъ способствовалъ соединенію всѣхъ враждебныхъ между собой чешскихъ сектъ и партій противъ короля и нѣмецкихъ князей, вооружаемыхъ противъ нихъ папою.

Соединеніе всѣхъ гуситовъ произошло послѣ поѣздки Сигизмунда изъ Брюнна въ Силезію и его деспотическихъ, звѣрскихъ поступковъ съ бреславцами. Прибывъ въ Бреславль, куда явилось множество князей, владѣтелей и рыцарей, Сигизмундъ по

своему обыкновенію занялся сначала празднествами и пирами. 3 января 1420 г. онъ разыгралъ роль посредника въ спорѣ польскаго короля съ великимъ княземъ литовскимъ Витольдомъ и произнесъ приговоръ, котораго впослѣдствіи не признала ни одна изъ сторонъ. Затѣмъ началась раздача леновъ нѣмецкимъ князьямъ и продажа различныхъ привилегій. Наконецъ, въ февралѣ король принялся за бреславцевъ, желая доказать имъ свою власть, чтобы потомъ дѣйствовать такимъ же образомъ и въ Богеміи. Въ іюлѣ 1418 г. въ Бреславлѣ произошли такія же сцены, какъ въ Прагѣ годъ спустя: различные цехи, преимущественно мясники, ворвались въ ратушу и однихъ ратмановъ выбросили изъ окна, другихъ умертвили. Венцеславъ при подобномъ же происшествіи въ Прагѣ только смѣнилъ образовавшійся тогда революціонный гуситскій магистратъ, не наказавъ виновниковъ волненія; Сигизмундъ, напротивъ, судилъ бреславцевъ жестокимъ, варварскимъ образомъ. Онъ назначилъ коммисію, приговорившую тридцать два человѣка къ смертной казни, въ мартѣ велѣлъ отрубить при себѣ головы осужденнымъ, подарилъ городу имѣнія бѣжавшихъ, ограничилъ права цеховъ, особенно мясниковъ, и запретилъ имъ сходки. Изъ двадцати членовъ магистрата шестнадцать велѣно было избирать изъ дворянъ и только четверыхъ изъ другихъ городскихъ сословій; такимъ образомъ военныя силы города перешли въ распоряженіе раболѣпствующей аристократіи. Наказавъ тѣхъ, которые не хотѣли подчиняться короно-полицейской дисциплинѣ, Сигизмундъ, изъ угожденія папѣ, поступилъ еще строже съ противниками церковныхъ властей. Въ Бреславлѣ жилъ одинъ изъ извѣстныхъ пражскихъ горожанъ, Янъ Краса, защищавшій Гуса и порицавшій соборъ. Предавъ его духовному суду, осудившему, какъ и слѣдовало ждать, обвиняемаго, король 15 марта приказалъ влачить Красу по улицамъ до мѣста казни и потомъ сжечь. Оскорбляемый самымъ гнуснымъ образомъ, мученикъ, подобно Гусу и Іерониму, до конца сохранялъ хладнокровіе и стойкость. Краса принадлежалъ къ умѣренной партіи, и потому его смерть исполнила всѣ

сердца еще большей злобой. Вслѣдъ затѣмъ Сигизмундъ дозволилъ папскому легату и инквизитору, Фердинанду, обнародовать буллу Мартина V, призывавшую вѣрующихъ къ крестовому походу противъ бреславскихъ гуситовъ. Чехи, находившіеся въ свитѣ короля, публично смѣялись надъ инквизиторомъ, разумѣется страшно обижавшемся насмѣшками; но на этотъ разъ Сигизмундъ былъ такъ благоразуменъ, что не сдѣлался игрушкою гнѣва духовныхъ.

Послѣ этихъ событій въ Силезіи граждане Праги вмѣстѣ съ университетомъ объявили себя противъ короля и призвали таборитовъ и героя ихъ Жижку, которыхъ прежде не пускали въ городъ. Другіе города тотчасъ же присоединились къ пражцамъ для общаго противодѣйствія нѣмецкимъ князьямъ и епископамъ, готовившимся начать подъ предводительствомъ Сигизмунда крестовый походъ противъ Богеміи. Въ одномъ изъ своихъ собраній пражскіе городскіе депутаты объявили, что не намѣрены болѣе слушаться Сигизмунда, врага чешскаго народа, и никогда не признаютъ его королемъ. Нѣмецкіе князья тѣмъ скорѣй готовы были всѣми силами поддерживать Сигизмунда, что почти всѣ нѣмецкіе города, граждане и свободныя общины, въ особенности же города, которые были подвластны духовнымъ князьямъ или въ которыхъ находились монастыри, духовныя учрежденія и судилища, сочувствовали гуситамъ. Позорный для нѣмцевъ исходъ войны съ чехами объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что граждане и крестьяне, сгоняемые рыцарями и князьями на войну какъ стада, разбѣгались при первой возможности. Сначала все таки казалось, что перевѣсъ будетъ на сторонѣ католиковъ. Дѣйствительно, въ то время, какъ Сигизмундъ двигался изъ Силезіи на Прагу, на западѣ соединились для вторженія въ Богемію курфирсты майнцскій, кёльнскій, трирскій, пфальцскій и бранденбургскій, герцоги австрійскій и баварскій, оба маркграфа мейссенскіе, ландграфъ тюрингскій и множество епископовъ, князей и графовъ, словомъ всѣ нѣмцы, желавшіе истребленіемъ такъ называемыхъ мятежниковъ и еретиковъ заслужить царствіе небесное. Передъ Прагой всѣ они соединились

съ королевскимъ войскомъ. Численность всего войска простиралась, какъ говорятъ, до 150 тысячъ; этому свидѣтельству мы положительно не довѣряемъ. Но, какъ бы велико ни было войско Сигизмунда, во всякомъ случаѣ, въ немъ не было ни порядка, ни дисциплины, ни искусныхъ предводителей, а еще менѣе того глубокаго, чистаго, истиннаго энтузіазма, который одушевлялъ чеховъ. Неудивительно, что такой воинъ какъ Жижка отбилъ 14 іюля 1420 г. приступъ нѣмцевъ на Прагу. Рѣшительная битва послѣдовала на горѣ, названной потомъ въ честь побѣдителя Жижкиной горой. Отбитые отъ Праги, нѣмцы, по недостатку въ съѣстныхъ припасахъ, были вынуждены грабить и опустошать окрестълежащія мѣстности; это окончательно озлобило чеховъ и воспламенило славянъ къ страшной мести.

Съ этихъ поръ Сигизмундъ и Жижка стараются превзойти другъ друга жестокостями и звѣрствомъ. Еще только подходя къ Прагѣ, король велѣлъ утопить въ Эльбѣ около Лейтмерица двадцать гуситовъ. Послѣ неудачнаго приступа нѣмцы стали жестоко обращаться съ чехами; въ отмщеніе, пражцы повѣсили на городской стѣнѣ, въ виду непріятельскаго войска, шестнадцать нѣмцевъ взятыхъ въ плѣнъ. Не къ чему передавать разсказы о пыткахъ и мученіяхъ, виновниками которыхъ были Жижка и табориты. Упомянемъ только объ одномъ случаѣ: при завоеваніи Седльца табориты молотильными цѣпами избили до смерти владѣтеля мѣстечка Ульриха фонъ Розенберга, умертвили всѣхъ жителей, кромѣ шести, а потомъ убили и этихъ, оставивъ живымъ только одного, согласившагося отрубить головы пятерымъ. Впрочемъ, подобныя жестокости дѣлались почти исключительно крестьянами двухъ фанатическихъ сектъ, оребитовъ (хоривиты) и таборитовъ, и воинами Жижки, называвшимися впослѣдствіи, по смерти своего предводителя, орфанитами или сиротами. Гуситы этихъ трехъ партій такъ же знамениты своими жестокостями и убійствами, какъ монголы Чингисъ-хана и татары Тимура. Пражцамъ очень хотѣлось избавиться отъ опасныхъ фанатиковъ, но они нуждались въ

нихъ для борьбы съ Сигизмундомъ, не хотѣвшимъ ни признавать ихъ національныхъ правъ, ни обезпечить имъ измѣненій въ культѣ. Крайняя партія чеховъ еще тогда распалась на нѣсколько сектъ; кромѣ трехъ упомянутыхъ называютъ, напримѣръ, адамитовъ и пикардовъ. Нѣсколькимъ фанатикамъ удалось 19 іюля поджечь построенные изъ сухаго дерева и кустарниковъ шалаши нѣмцевъ, расположившихся передъ Прагою; поднявшійся вѣтеръ распространилъ огонь и пожаръ истребилъ большую часть лагеря. Послѣ этого пожара нѣмцы оставались подъ Прагою еще одиннадцать дней; 30 іюля они отступили съ позоромъ. Но, прежде чѣмъ выказать все свое ничтожество, Сигизмундъ не могъ обойтиться безъ торжественныхъ, пышныхъ сценъ: онъ велѣлъ пражскому архіепископу короновать себя въ пражскомъ замкѣ, находившемся въ его власти. Только по совершеніи церемоніи войску, состоявшему изъ венгерцевъ, чеховъ и наемниковъ различныхъ національностей, велѣно было отступить къ Берауну; въ замкѣ Вышеградѣ былъ оставленъ гарнизонъ. Не смотря на жестокости венгерцевъ, пражцы, даже по отступленіи Сигизмунда, старались всѣми средствами склонить его на примиреніе; но онъ рѣшительно отказывался отъ всякихъ уступокъ. Тогда умѣренная партія согласилась, чтобы радикалы аттаковали Вышеградъ. Сигизмундъ поспѣшилъ на защиту доведеннаго до послѣдней крайности гарнизона и, по невозможности спасти замокъ, рѣшился дать сраженіе (1 ноября 1420 г.) фанатикамъ и соединившимся съ ними пражцамъ. Войско его, изъ венгерцевъ, силезцевъ и оставшихся при немъ чеховъ и моравовъ, уступало врагамъ даже числительностью и потерпѣло рѣшительное пораженіе: оно было истреблено и разсѣяно. На слѣдующій день сдался Вышеградъ.

Съ этой минуты Богемія представляетъ отвратительное зрѣлище: венгерцы Сигизмунда и фанатики Жижки соперничаютъ въ сожженіи городовъ и деревень, въ истязаніяхъ и умерщвленіи людей. Умѣренные или пражцы хотѣли избрать королемъ Владислава Польскаго; крайніе поддерживали Николая изъ Гуси, пред-

водительствовавшаго ими вмѣстѣ съ Жижкою и противившагося призванію католическаго польскаго короля. Въ концѣ 1420 г. Николай умеръ отъ ушиба, упавъ съ лошади. По смерти его Жижка остался одинъ во главѣ той части чеховъ, которая не хотѣла слышать ни о переговорахъ съ Сигизмундомъ, ни объ избраніи польскаго короля, ни о соглашеніи съ умѣренными пражцами и каликстинцами. Двинувшись въ первыхъ числахъ 1421 г. въ Моравію, Жижка приказалъ жечь католиковъ чеховъ, ихъ деревни и адамитовъ: первыхъ за приверженность къ старому ученію, а вторыхъ за проповѣдываніе красной республики, коммунизма и безбожные поступки. Предводитель чеховъ разбилъ и разсѣялъ королевскія войска; Сигизмундъ былъ принужденъ выступить въ концѣ февраля изъ Моравіи. Затѣмъ Жижка старался примирить враждебныя партія своихъ соотечественниковъ и довести ихъ до признанія общихъ религіозныхъ и политическихъ принциповъ,—попытка, неудавшаяся еще прежде, 20 ноября 1420 г., на большомъ сеймѣ въ Прагѣ. Опираясь на четыре основныя положенія умѣренной партіи,—положенія, извѣстныя въ исторіи подъ именемъ *пражскихъ статей*,—Жижка поступалъ съ независимыми адамитами, требовавшими первобытной христіанской свободы и уничтоженія частной собственности, такъ же, какъ съ папскимъ духовенствомъ, монахами и вообще всѣми, кто не хотѣлъ присоединяться къ гуситамъ, т. е. приказывалъ увѣчить, умерщвлять и жечь ихъ и ихъ жилища. Съ своими таборитами, въ особенности же ихъ священниками, онъ то же не церемонился и побоями заставлялъ ихъ подчиняться четыремъ статьямъ гуситизма. Подобными пріемами Жижка достигъ тѣхъ же результатовъ, какъ Бонапарте въ 1801 г.: всѣ чехи, не смотря на различіе религіозныхъ убѣжденій, соединились для поддержанія національной церковной и государственной свободы. На сеймѣ въ Чаславѣ (іюль 1421 г.) упомянутыя четыре статьи были признаны всѣми партіями; даже архіепископъ пражскій одобрилъ ихъ. Эти четыре статьи, къ которымъ впослѣдствіи прибавили еще двѣ, походили на аугсбургское вѣроисповѣданіе

лютеранъ; на основаніи ихъ допускалась терпимость всѣхъ религіозныхъ и политическихъ партій. Сеймъ назначилъ временное правительство изъ двадцати членовъ, для управленія дѣлами до избранія новаго короля. Выборъ палъ на польскаго короля; но отправленное къ нему посольство было задержано въ Силезіи и, по приказанію Сигизмунда, отвезено въ Венгрію. Попытка учредить организованное правительство не удалась, такъ же какъ и планъ замѣшать славянскихъ князей Польши и Литвы въ богемскія дѣла и слить всѣхъ славянъ въ гуситизмѣ. Въ сраженіяхъ Жижка постоянно оставался побѣдителемъ, не смотря на то, что былъ кривъ, а въ теченіе войны почти совсѣмъ ослѣпъ. Помощниками Жижки были два монаха, П р о к о п ы, сдѣлавшіеся по смерти его столь же страшными врагамъ, какъ и герой гуситовъ. Для отличія ихъ называли, по ихъ росту, одного П р о к о п о м ъ Б о л ь ш и м ъ, другаго П р о к о п о м ъ М а л ы м ъ или П р о к о п к о м ъ. Первый носилъ еще прозвище Голаго, т. е. бритаго или монаха.

По выступленіи королевскихъ войскъ изъ Богеміи неистовые табориты, оребиты и сотоварищи ихъ стали опустошать сосѣднія страны. Нѣмцы несказанно терпѣли отъ этихъ нападеній, а вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ и постоянно странствовавшій Сигизмундъ не оказывалъ имъ никакой помощи. Нѣмецкіе князья собирались въ различныхъ мѣстахъ на сеймы; король или совсѣмъ не показывался на ихъ собраніяхъ или являлся тогда, когда уже никого не было. Поведеніе Сигизмунда возстановило наконецъ противъ него даже лучшихъ его друзей, Людовика Пфальцскаго и Фридриха Бранденбургскаго. Но онъ такъ мало заботился о своей чести, что спекулировалъ даже нѣкоторое время замужествомъ своей дочери Елисаветы. Еще двухлѣтнимъ ребенкомъ она была помолвлена съ Альбрехтомъ Австрійскимъ. Теперь, когда ей едва минуло 12 лѣтъ, отецъ хотѣлъ продать ее султану, т. е. турку; но скоро, измѣнивъ свое намѣреніе, онъ выбралъ зятемъ сначала польскаго короля, а потомъ наслѣдника литовскаго князя, слѣдовательно дикаго варвара. Этимъ онъ надѣялся отдѣлить отъ Богеміи и при-

влечь на свою сторону польскаго короля и великаго князя литовскаго Витольда, племянникомъ и преемникомъ котораго былъ женихъ его дочери Сигизмундъ Корбутъ. Въ концѣ концовъ Сигизмундъ нашелъ, что все-таки выгоднѣе держаться Альбрехта, требовавшаго въ противномъ случаѣ 200 т. дукатовъ за издержки богемской войны и дававшаго за Елисавету 50 т. дукатовъ. Въ 1422 г. дѣвочка была выдана за мужъ; Альбрехтъ получилъ въ приданое Моравію. Герцогъ австрійскій какъ звѣрь неистовствовалъ противъ еретиковъ и іудеевъ своей страны, но не могъ защитить Моравіи отъ таборитовъ Жижки. Его походы противъ гуситовъ только привлекли ихъ въ Австрію, страшно опустошенную ими. Мы не станемъ перечислять всѣхъ пораженій Альбрехта, поддерживаемаго ордами дикихъ мадьяръ и кумановъ Сигизмунда, но укажемъ въ нѣсколькихъ словахъ на послѣдствія анархіи въ Германіи, недостатка въ національномъ патріотизмѣ и самоотверженіи у нѣмцевъ, дѣлавшія чеховъ непобѣдимыми. Въ септябрѣ 1421 г. маркграфъ мейссенскій, курфирсты майнцскій, бранденбургскій и многіе другіе епископы и владѣтели стояли лагеремъ у города Зааца (Жатецъ), ожидая нападенія Сигизмунда на Богемію съ востока. Сигизмундъ выступилъ въ походъ только въ октябрѣ, а это дало возможность Жижкѣ двинуться на Заацъ. Одинъ слухъ о появленіи страшнаго предводителя гуситовъ произвелъ такой паническій страхъ, что войско князей разбѣжалось. Гуситы преслѣдовали нѣмцевъ и истребили большую часть ихъ. Въ томъ же году и войско Альбрехта, состоявшее, какъ говорятъ, изъ 12 т., постыдно бѣжало отъ гуситовъ; озлобленный герцогъ велѣлъ отыскивать дезертеровъ и сажать ихъ въ тюрьму. Сигизмундъ, войскомъ котораго начальствовалъ Пипо изъ Флоренціи, проникъ въ ноябрѣ 1421 г. почти до Праги и, окруживъ у Кутной-Горы гуситовъ, уже мечталъ о совершенномъ уничтоженіи ихъ; но слѣпой Жижка пробился ночью сквозь непріятельскій лагерь. Венгерское войско начало отступленіе среди суроваго зимняго времени (январь 1422 г.). У Нѣмецкаго-Брода оно опять встрѣтилось съ гуситами: Жижка разбилъ его на голову, отнялъ знамена, обозъ и пре-

слѣдовалъ до Иглавы. Сигизмундъ сжегъ Кутну-Гору и умертвилъ его жителей; Жижка поступилъ такимъ же образомъ съ Нѣмецкимъ-Бродомъ, оставшимся совершенною пустынею въ продолженіе 14 слѣдующихъ лѣтъ.

Послѣ понесеннаго имъ пораженія Сигизмундъ отправился въ Венгрію. Сюда явился весной 1422 г. архіепископъ кёльнскій, чтобы убѣдить короля въ необходимости созвать германскій сеймъ, для принятія мѣръ противъ чеховъ. Король созвалъ сеймъ въ Регенсбургъ, но не являлся туда до іюня и, пріѣхавъ въ Регенсбургъ, не нашелъ тамъ князей. Нѣмецкіе князья не поѣхали въ Регенсбургъ, а спорили въ Нюрнбергѣ о томъ, кто къ кому долженъ ѣхать: они къ королю или онъ къ нимъ. Сигизмундъ уступилъ и отправился въ Нюрнбергъ. Терпѣливая бумага сносила все, что на ней писалось. Но при болѣе серьозномъ изслѣдованіи оказывается, что нѣмецкіе князья въ 1422 г., точно такъ же, какъ и національное собраніе 1848 г., забывали спросить другъ у друга: **какъ и чрезъ кого** будутъ исполнены ихъ постановленія. На нюрнбергскомъ сеймѣ было опредѣлено сколько кто долженъ дать денегъ и какое количество войска выставить. Такое распоряженіе называется на канцелярскомъ нѣмецкомъ языкѣ матрикулой; обыкновенно думаютъ, что тогда въ первый разъ были составлены матрикулы, но это мнѣніе ошибочно. Легко доказать, что въ Нюрнбергѣ счетъ сводился безъ хозяина. Такъ, на города Швицъ, Бернъ, Люцернъ и Фрейбургъ въ Юхтландѣ и Гентъ, не принимавшіе никакого участія въ имперской войнѣ, налагались тяжкіе сборы, а города Вейнгеймъ и Ладенбургъ должны были выставить каждый по 12 гленовъ, гленъ состоялъ изъ 4 или 5 конныхъ латниковъ и 15 стрѣлковъ; съ другой стороны, о курфирстѣ трирскомъ совсѣмъ не упоминалось. На все это нельзя было смотрѣть серьозно, хотя Фридрихъ Бранденбургскій былъ избранъ предводителемъ предполагавшагося крестоваго похода и съ торжествомъ принялъ въ нюрнбергской церкви Зебальда знамя, освященное папою. Разумѣется, дѣло ничѣмъ не кончилось, и Сигизмундъ могъ

впослѣдствіи расчитывать только на своего зятя Альбрехта и на новаго курфирста саксонскаго, Фридриха Воинственнаго, маркграфа мейссенскаго и ландграфа тюрингскаго. Въ 1423 г. когда со смертью Альбрехта III (1422 г.) пресѣклось асканская линія курфирстовъ саксонскихъ, Сигизмундъ передалъ ему званіе курфирста.

Въ октябрѣ 1424 г. умеръ Жижка. Ближайшимъ послѣдствіемъ его смерти было совершенное разъединеніе чеховъ. У самой фанатической части войска Жижки, назвавшей себя по смерти предводителя орфанитами или сиротами, явилось нѣсколько вождей; самымъ вліятельнымъ изъ нихъ былъ Прокопъ Малый. Остальные табориты подчинялись Прокопу Большому. Изъ землевладѣльцевъ одни вошли въ переговоры съ королемъ Сигизмундомъ, другіе, какъ и пражцы, держали сторону Сигизмунда Корибута. Въ 1422 г., вслѣдствіе сдѣланнаго ему предложенія принять корону, литовскій князь явился въ Богемію, но въ слѣдующемъ же году вернулся въ Литву. Внутренними несогласіями гуситовъ думалъ воспользоваться курфирстъ саксонскій, чтобы помѣшать нападенію ихъ на Саксонію, но раздоры между партіями продолжались не долго: когда вопросъ шелъ объ истребленіи нѣмцевъ, всѣ чехи дѣйствовали согласно. Они совершенно разрушили два пограничные чешскіе города, Duксъ и Бриксъ, отданные Сигизмундомъ курфирсту саксонскому, умертвили ихъ жителей и, при появленіи саксонскихъ и тюрингскихъ войскъ, перебили въ одномъ сраженіи до 4000 человѣкъ. Впослѣдствіи они осадили чешскій городъ Аусcигъ (Устье на Лабѣ), также незадолго передъ тѣмъ уступленный Саксоніи. Курфирстъ находился въ то время на одномъ изъ сеймовъ; его жена приняла мѣры, чтобы спасти Аусcигъ отъ участи Дукса и Брикса. Она отправила туда сильное войско изъ тюрингцевъ, саксонцевъ и франконцевъ; но несогласіе предводителей, графовъ фонъ Вейдена и фонъ Шварцбурга, парализировали энергическія распоряженія курфирстины. Вмѣсто того, чтобы, послѣдовавъ ея совѣту, выманить чеховъ въ открытое поле, они аттаковали ихъ въ лагерѣ,

окруженнымъ обозомъ, и понесли страшное пораженіе. Вооруженные крючковатыми пиками и молотильными цѣпами, табориты сбивали ихъ съ сѣделъ и умерщвляли. Въ этомъ сраженіи погибло, говорятъ, 15,000 нѣмцевъ, гуситамъ досталось четыре тысячи фуръ съ припасами и аммуниціей. Мы не придаемъ особаго значенія этимъ цифрамъ, такъ какъ никто не считалъ ни убитыхъ, ни захваченныхъ побѣдителями фуръ. Достовѣрно только, что городъ Аусситъ былъ взятъ и сожженъ, а его населеніе умерщвлено жестокимъ образомъ (6 іюля 1426 г.).

При такихъ пораженіяхъ нѣмцы оживлялись на короткое время, если имъ удавалось пріобрѣсти перевѣсъ, какъ, напримѣръ, въ мартѣ 1427 г. когда австрійцы совершенно уничтожили гуситское войско, вторично осадившее монастырь Цветтель. Оба Прокопа и толпы дикихъ мечтателей безпрестанно дѣлали опустошительные набѣги на Силезію, Мейссенъ, Лузацію, Саксонію и Франконію. Несогласіе чеховъ не принесло пользы нѣмцамъ. Пражцы вторично призвали Сигизмунда Корибута, провозгласили его королемъ и короновали; но скоро, убѣдившись въ своей ошибкѣ, осмѣяли его и отправили обратно въ Литву. Умѣренная партія, къ которой принадлежало все чешское рыцарство, была предана монархическимъ принципамъ и вела переговоры съ Сигизмундомъ. Но она составляла слабѣйшую часть націи и нѣсколько лѣтъ должна была уступать крайнимъ гуситамъ, мечтавшимъ, на основаніи одного дурно понятаго мѣста библіи, о республикѣ и коммунизмѣ. Бѣглый взглядъ на военную организацію и образъ жизни таборитовъ Прокопа Большаго и фанатическихъ сектъ, не имѣвшихъ главнаго предводителя, покажетъ, что славяне были такъ же страшны, какъ турки. Они не строили ни городовъ, ни крѣпостей, разрушали и жгли всѣ захватываемыя мѣстечки, а сами жили подъ открытымъ небомъ; фуры, соединенныя цѣпями, составляли ихъ лагерь и укрѣпленія. Въ сраженіяхъ средину занимала пѣхота, по бокамъ разставлялись рядами фуры, съ которыхъ женщины, дѣти и старики бросали стрѣлы и стрѣляли въ непріятеля, на крайнихъ флангахъ обоза становилась

конница; преслѣдуемая врагами, она отступала за обозъ, ряды котораго табориты пріучились быстро раздвигать и сдвигать. Фанатики называли себя народомъ божіимъ, подражали дѣленію колѣнъ израильскихъ, называли Богемію обѣтованной землей, жителей Мейссена моавитянами, саксонцевъ — эдомитянами, остальныхъ нѣмцевъ — филистимлянами. При Аусситѣ гуситы убили своими цѣпами нѣсколько тысячъ нѣмцевъ, въ томъ числѣ бургграфа мейссенскаго, графовъ гогенштейнскаго, глейхенскаго, кверфуртскаго, барбійскаго и владѣтелей фалькенштейнскихъ; имя таборитовъ внушало страхъ даже отдаленнѣйшимъ городамъ, напримѣръ Брауншвейгу и Люнебургу, а ближайшіе къ Богеміи, какъ Іена, Эрфуртъ и Магдебургъ, укрѣпляли свои стѣны. При такомъ воинственномъ фанатизмѣ гуситовъ всѣ дѣйствія нѣмцевъ должны казаться еще смѣшнѣе. Вмѣсто того, чтобы вооружаться и выступать въ походъ, они вторично собрались во Франкфуртъ (апрѣль 1427 г.), опять составляли матрикулы и написали въ двухъ частяхъ военныя распоряженія. Мы не станемъ приводить всего того, что было рѣшено на бумагѣ, предоставляя заниматься этимъ ученымъ, но не можемъ не сказать, что во франкфуртскомъ трактатѣ находились также распоряженія объ артиллеріи (статьи 35—45); въ немъ между прочимъ говорится о такъ называемыхъ крѣпостныхъ пищаляхъ. Непрактичность этихъ распоряженій систематиковъ, не имѣвшихъ понятія о манерѣ чеховъ вести войну, видна лучше всего изъ того, что главное значеніе придавалось огромной пищали, стрѣлявшей каменными ядрами вѣсомъ отъ 150—200 фунтовъ. Долгія франкфуртскія совѣщанія и книга, заключавшая въ себѣ планъ похода и средство для его осуществленія, не имѣли ни малѣйшаго послѣдствія. Въ Нюрнбергъ, назначенный сборнымъ пунктомъ войскъ, явились только курфирстъ трирскій Оттонъ, да еще нѣсколько князей. По этому поводу современникъ Эбергардъ фонъ Виндекъ говоритъ: „Оттонъ возвратился на совѣтъ мудрыхъ людей, потому что другіе (князья) стыдились своихъ незначительныхъ силъ.“

Въ іюлѣ 1427 г. опустошенія и грабежи гуситовъ въ Силезіи,

Мейссенѣ, Саксоніи и Франконіи, вплоть до Баваріи приняли такіе размѣры, что германскіе князья условились наконецъ предпринять соединенными силами походъ въ Богемію. Фридрихъ Саксонскій долженъ былъ вторгнуться въ Богемію у Коммотау и Кадана, Фридрихъ Бранденбургскій у Эгера, а Оттонъ Трирскій съ баварцами, швабами и жителями прирейнскихъ странъ у Тауса; пунктомъ соединенія для трехъ войскъ назначался городъ Мисъ. Нѣмцы расчитывали на господствовавшіе между чехами раздоры; но лишь только ихъ планы сдѣлались извѣстными въ Богеміи, всѣ партіи соединились и двинулись противъ нихъ: табориты подъ предводительствомъ Прокопа Большаго съ пятьюстами, орфаниты съ двумястами фуръ, оребиты и пражцы съ своей пѣхотой, и даже католическіе владѣтели съ своими всадниками. Главное начальство надъ гуситами принялъ Прокопъ Большой. При извѣстіи о приближеніи гуситскаго войска, саксонцы, первые явившіеся въ Мисъ, тотчасъ же отступили къ франконской границѣ, откуда другія имперскія войска должны были вторгнуться въ Богемію. Саксонскимъ войскомъ овладѣлъ такой паническій страхъ, что отступленіе ихъ обратилось въ позорное бѣгство (21 іюля 1427 г.). Гуситы преслѣдовали ихъ, умертвили, какъ разсказываютъ, 12 тысячъ человѣкъ и овладѣли всѣмъ обозомъ и артиллеріей. Узнавъ о пораженіи саксонцевъ, другія нѣмецкія войска поспѣшно отступили. Прокопій взялъ городъ Тахау, на склонѣ Бемервальда, и разрушилъ его, истребивъ все населеніе. Вслѣдъ затѣмъ онъ осадилъ Пильзенъ, но осада не удалась и гуситы должны были отступить отъ города.

Въ томъ же году нѣмцы устроили новое совѣщаніе во Франкфуртѣ и снова исписали много бумаги. На этомъ совѣщаніи не было короля Сигизмунда, но за то присутствовалъ папскій легатъ, кардиналъ винчестерскій Генрихъ. Чтобы дать возможность курфирсту пфальцскому, страдавшему подагрою, принять участіе въ переговорахъ, сеймъ былъ впослѣдствіи перенесенъ изъ Франкфурта въ Гейдельбергъ. Здѣсь Фридрихъ Бранденбургскій сказалъ имперскимъ сословіямъ, что до тѣхъ поръ, пока они не сформируютъ настоящаго

войска и опытныхъ воиновъ, а всякій князь, всякій городъ, всякій графъ и рыцарь будутъ высылать на войну плохо вооруженныхъ крестьянъ и недисциплинированныхъ латниковъ, имъ нечего и думать объ успѣшной борьбѣ съ привычными къ войнѣ, дисциплинированными гуситами. Гейдельбергскій сеймъ рѣшилъ навербовать настоящее имперское войско, установить для этого по всей имперіи военный налогъ и поручить формированіе войска: Фридриху Бранденбургскому, какъ имперскому полководцу, и кардиналу Генриху — какъ папскому послу. Постановленіе это не было исполнено; мы приведемъ однако нѣкоторыя подробности о немъ, чтобы показать, какъ мало еще въ то время были знакомы съ наукою систематическаго выжиманія денегъ. По сдѣланной раскладкѣ всякое духовное лицо должно было платить гульденъ съ каждыхъ 20 гульденовъ дохода, всякій еврей—гульденъ, всякій христіанинъ безъ различія пола — зильбергрошъ, всякій владѣвшій состояніемъ до 200 гульденовъ — полъ гульдена, владѣвшій бо̀льшимъ имуществомъ — гульденъ, всякій графъ — 20, баронъ — 15 и рыцарь — 5 гульденовъ. Часть денегъ была собрана, но, кажется, употреблена совершенно на другія предпріятія. Изъ длинныхъ переговоровъ во Франкфуртѣ и Гейдельбергѣ снова ничего не вышло; Силезія, Лузація, Мейссенъ, верхняя и нижняя Саксонія, Франконія и Баварія оставались въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ жертвою хищныхъ набѣговъ славянъ. Гуситы завоевали городъ Плауенъ, разбили саксонцевъ при Гриммѣ и проникли до Лейпцига и Мархіи. Въ 1428 г. они довели до отчаянія жителей Моравіи и Австріи; для войны съ ними герцогъ Альбрехтъ облагалъ даже духовенство такими тяжелыми налогами, что, по словамъ хроники Эберндорфера, многимъ священникамъ приходилось отдавать половину своихъ доходовъ. Осада Брюнна не удалась гуситамъ; но вслѣдъ затѣмъ они явились къ Вѣнѣ и, расположившись противъ нея у Нуссдорфа, нѣкоторое время блокировали столицу Австріи. Если вѣрить хроникамъ того времени, гуситы взяли въ три года болѣе 700 укрѣпленныхъ мѣстечекъ.

Опустошая нѣмецкія земли, орфаниты, табориты, оребиты и другія разбойничьи шайки мечтателей вели въ тоже время счастливую войну и внутри своего отечества съ пражцами, землевладѣльцами, приверженцами короля Сигизмунда и нѣмцами, жившими въ Богеміи. Весной 1429 г. казалось, что миръ между гуситами и нѣмцами будетъ наконецъ заключенъ. Чувствуя приближеніе старости, Сигизмундъ велѣлъ пригласить чешскихъ предводителей для переговоровъ; вслѣдствіе этого было заключено перемиріе до іюня, и депутація гуситовъ, во главѣ которой находился Прокопъ Большой, отправилась въ Пресбургъ, куда прибылъ и Альбрехтъ Австрійскій. Чехи предложили условія, на которыя Сигизмундъ, какъ германскій король и рабъ римскаго двора, никакъ не могъ согласиться, хотя какъ владѣтель Венгріи и Богеміи не имѣлъ ничего противъ нихъ. Они требовали, чтобы онъ призналъ священное писаніе за единственное основаніе вѣры, дозволилъ причащаться и причащать подъ обоими видами и даровалъ предводителямъ чешскихъ партій амнистію и нѣкоторыя преимущества. Такимъ образомъ мирные переговоры были прерваны, и въ сентябрѣ опустошенія таборитовъ и оребитовъ возобновились: гражданамъ и крестьянамъ Германіи пришлось поплатиться за то, что духовенство, рыцари, бароны, графы и князья уничтожили единство имперіи и могущество императора. Толпы гуситовъ снова вторглись въ Моравію, Силезію и Саксонію, сожгли старый городъ Дрездена, въ то время какъ курфирстъ Фридрихъ Миролюбивый, сынъ и преемникъ Фридриха Воинственнаго, заперся въ новомъ городѣ, и обратили въ пепелъ всѣ саксонскіе города до Магдебурга. Въ Лузаціи они сожгли всѣ деревни и умертвили жителей многихъ мѣстечекъ въ отмщеніе гражданамъ Гёрлица, которые зашили въ мѣшокъ и утопили гуситскихъ уполномоченныхъ, явившихся къ нимъ съ требованіемъ сдать городъ. Въ началѣ слѣдующаго года (1430 г.) вся Богемія подъ начальствомъ Прокопа Большаго устремилась на несчастную Германію, раздробленную и покинутую своимъ королемъ. Войско Прокопа состояло, говорятъ, изъ 20 т. конницы,

$52\frac{1}{2}$ т. пѣхоты и 3 т. фуръ, назначавшихся для перевозки добычи; нѣкоторыя изъ фуръ были запряжены десятью и двѣнадцатью лошадьми и все-таки ихъ не хватило для перевозки награбленныхъ вещей. Мы не вѣримъ этимъ опредѣленнымъ цифрамъ, но приводимъ ихъ, чтобы показать, почему гуситы, какъ турки, были сильнѣе всѣхъ князей того времени, и могли опустошать не только Германію, но даже Венгрію и Польшу. Въ Германіи гуситы наводнили въ этотъ разъ Саксонію и Франконію. Обѣ страны были обращены въ пустыню, болѣе ста городовъ сожжены, и всѣ стада угнаны въ Богемію. Другія владѣнія и города откупились отъ опасности деньгами: курфирстъ бранденбургскій заплатилъ гуситамъ 10 т. дукатовъ, городъ Нюрнбергъ такую же сумму, городъ Эгеръ 1700, епископъ бамбергскій 9 т. и герцогъ баварскій Іоаннъ 10 т. дукатовъ. Ансбахъ, Эйхштедтъ и Зальцбургъ также откупились отъ грабежа за значительныя суммы.

Страшныя опустошенія гуситовъ заставили наконецъ почувствовать въ Германіи необходимость прекращенія внутреннихъ несогласій и потребность бо́льшаго единства и силы въ управленіи. Еще въ 1429 г. Сигизмундъ думалъ возстановленіемъ общаго земскаго мира прекратить безконечные споры отдѣльныхъ имперскихъ сословій и соединить раздробленныя силы націи для борьбы съ гуситами. Но это могло быть сдѣлано только чрезъ посредство сейма, и потому Сигизмундъ, не имѣвшій тогда денегъ и не выпускаемый венграми изъ Венгріи, созвалъ сеймъ въ Вѣну, куда однако самъ не поѣхалъ, страдая подагрою. Имперскія сословія, собравшіяся въ Вѣнѣ, отправились къ нему въ Венгрію, и въ концѣ 1429 г. въ Пресбургѣ въ первый и единственный разъ собрался германскій сеймъ. Уже изъ одного этого обстоятельства можно видѣть какъ была необходима и осязательна потребность въ монархической власти. Переговоры Сигизмунда съ германскими имперскими сословіями въ Пресбургѣ и то, что говорили венгерскіе магнаты нѣмецкимъ аристократамъ, доказываютъ лучше всякихъ нашихъ объясненій, съ какою наглостью духовные, князья, бароны и рыцари съ одной сто-

роны, и патриціи и торгаши городовъ съ другой, топтали значеніе императора и единство имперіи. Въ иностранной землѣ не могло быть сдѣлано никакого постановленія, а тѣмъ менѣе принято мѣръ къ исполненію его, и потому собравшіяся въ Пресбургѣ германскія имперскія сословія предложили Сигизмунду для возстановленія земскаго мира созвать сеймъ въ Нюрнбергѣ. Король объявилъ имъ, „что, видя невозможность возстановить земскій миръ и получая доходы только съ Венгріи, онъ давно желаетъ сложить германскую корону, но что его удерживаетъ отъ этого папа." Венгерскіе же магнаты объявили нѣмцамъ, „что опасность турецкаго вторженія, все еще угрожающая Венгріи, не позволитъ ихъ королю удаляться далеко внутрь Германіи и потому они совѣтуютъ нѣмцамъ удовольствоваться назначеніемъ правителемъ имперіи курфирста бранденбургскаго Фридриха, который уже долженъ позаботиться о дѣлахъ Германіи." Чтобы добиться отъ Сигизмунда обѣщанія пріѣхать въ Нюрнбергъ, германскіе князья должны были обѣщать венграмъ, что тотчасъ по окончаніи сейма король возвратится въ Венгрію.

Князья условились съѣхаться въ Нюрнбергъ въ мартѣ 1430 г.; но хищные набѣги гуситовъ помѣшали новому сейму собраться въ назначенное время. Да и впослѣдствіи, вначалѣ явились только немногіе изъ князей и депутаты отъ двѣнадцати вольныхъ городовъ, тогда какъ въ имперіи ихъ считалось болѣе 85. Сигизмундъ, отправившій впередъ своего венгерскаго канцлера, епископа аграмскаго, долго не являлся въ Нюрнбергъ. Пріѣхавъ въ іюлѣ въ Вѣну, онъ оставался нѣсколько времени у своего зятя Альбрехта, отправился оттуда въ Штраубингенъ къ герцогу баварскому, потомъ присутствовалъ въ Регенсбургѣ на такъ называемомъ княжескомъ съѣздѣ и только въ половинѣ сентября прибылъ въ Нюрнбергъ. Большинство представителей имперскихъ сословій, съѣхавшихся въ Нюрнбергѣ еще въ іюнѣ, уѣхало, не дождавшись его пріѣзда. Поэтому Сигизмундъ велѣлъ собраться всѣмъ къ ноябрю, но потомъ снова долженъ былъ отложить сеймъ до февраля слѣдующаго года, когда наконецъ и произошло его открытіе. До февраля,

король разъѣзжалъ по Швабіи и Баваріи, не на радость тѣмъ городамъ, въ которыхъ онъ останавливался и гдѣ, по старинному обычаю, угощали его и его венгерскую свиту. Нюрнбергскій сеймъ 1431 г. былъ многочисленнѣе, чѣмъ какой либо другой изъ сеймовъ того времени; послѣдніе набѣги гуситовъ пробудили наконецъ въ нѣмцахъ сознаніе, что пора прекратить внутренніе раздоры, дѣйствовать соединенными силами противъ внѣшнихъ враговъ и положить предѣлъ успѣхамъ славянъ. Постановленія этого сейма способствовали бы прогрессу цивилизаціи нѣмецкаго народа, если бы получили хоть какое нибудь непосредственное примѣненіе на практикѣ. Передавая только дѣйствительныя событія, а не то, что могло бы произойти или было рѣшено и записано въ собраніяхъ, мы укажемъ въ самыхъ краткихъ словахъ на вопросы, занимавшіе нюрнбергскій сеймъ 1431 г. Подробности не входятъ въ кругъ всемірной исторіи. Вопросъ объ имперской войнѣ былъ серьозно поставленъ; много и долго толковали о матрикулѣ, т. е. о томъ, сколько всякое имперское сословіе должно выставить войска и какую сумму внести на его содержаніе; сверхъ того въ апрѣлѣ было издано состоявшее изъ шести отдѣловъ постановленіе сейма объ организаціи арміи во время похода, о военномъ законодательствѣ и планѣ военныхъ дѣйствій. Когда дѣло дошло до приведенія его въ исполненіе, въ наличности не оказалось ни солдатъ, ни денегъ; по настоянію папскаго легата кое-гдѣ постановленія сейма были исполнены, но нѣмцы не знали что̀ начать съ большимъ числомъ различно вооруженныхъ и обученныхъ солдатъ, не связанныхъ между собою ни органическою связью, ни единствомъ духа. Въ нюрнбергской матрикулѣ Гентъ и швейцарскіе города снова были причислены къ имперскимъ городамъ. Исходъ войны покажетъ на сколько выше нѣмцевъ были гуситы, не знавшіе писанныхъ и систематическихъ постановленій, но предводительствуемые искусными, талантливыми вождями и одушевленные общимъ духомъ.

Земскій миръ, постановленный въ Нюрнбергѣ, остался также

на бумагѣ. Не смотря на то, что имперскія сословія собрались именно съ цѣлью возстановить въ имперіи спокойствіе и порядокъ, не смотря на продолжавшіяся опустошенія гуситовъ, сеймъ не смѣлъ ни предписать постояннаго земскаго мира, ни предоставить императору и его судьямъ рѣшеніе всѣхъ споровъ. Земскій миръ былъ предписанъ только 20 ноября (день Св. Мартина) 1432 г. и вмѣсто того, чтобы централизовать власть, которая могла бы такимъ образомъ дѣйствовать силою противъ нарушителя спокойствія, постановленіе сейма заключало въ себѣ только пустую угрозу, что нарушителя мира ожидаетъ немилость короля (немилость Сигизмунда, какъ страшно!!), изгнаніе изъ города и страны и опала. Изъ долголѣтняго спора герцоговъ баварскихъ Людовика Ингольштадтскаго съ Генрихомъ Ландсгутскимъ можно ясно видѣть жалкое состояніе тогдашняго судопроизводства въ имперіи, точно такъ же какъ въ войнѣ съ гуситами выказывается все ничтожество военнаго устройства Германіи. Старинные враги, герцоги баварскіе еще въ 1417 г. судились предъ императоромъ въ Констанцѣ. Во время этого процесса герцогъ Генрихъ напалъ однажды на своего двоюроднаго брата и тяжело ранилъ его; императоръ оставилъ преступленіе безнаказаннымъ. Вслѣдствіе того возникла между обоими герцогами и союзниками ихъ долголѣтняя война, отъ которой страдала вся Баварія. Императоръ довольствовался тѣмъ, что требовалъ сохраненія мира, но ни одна изъ партій не обращала вниманія на его требованія. Наконецъ рыцарь Каспаръ Торрингеръ, принадлежавшій къ партіи Людовика, обратился отъ своего имени и имени Людовика къ вестфальскому фемгерихту. Процессъ, начатый фемгерихтомъ, бросаетъ одинаково выгодный свѣтъ на судопроизводство имперіи и на это странное судилище, имѣвшее нѣкоторое сходство съ учрежденіями ассасиновъ или инквизиціею и ея испанскимъ святымъ братствомъ (santa hermandad). Изъ него мы видимъ съ одной стороны, что судьей между Каспаромъ Торрингеромъ и герцогомъ Генрихомъ являются не король или князья, а тайное судилище, къ которому король хотя и принадлежалъ, но

ни настоящаго устройства котораго, ни членовъ онъ не зналъ; съ другой стороны обнаруживается, что, по поводу этого спора, одинъ изъ членовъ фемгерихта (фрейштуль) дѣйствовалъ противъ другаго. Сигизмундъ какъ высшій судья фема поручилъ вначалѣ архіепископу кёльнскому Дитриху руководить тайнымъ судилищемъ для защиты Каспара Торрингера отъ герцога Генриха. Продолженіе процесса доказало, что вестфальскій фемъ въ высшей степени опасное судилище; императоръ и имперія никогда не были бы въ состояніи привести въ исполненіе приговора, произнесеннаго судилищемъ и его такъ называемыми фрейграфами, и потому Сигизмундъ сталъ поддерживать архіепископа кёльнскаго, желавшаго ограничить власть фема. Архіепископъ или вѣрнѣе созванные имъ на совѣщаніе юристы и судьи еще въ 1430 г. составили проектъ реформы судилища, одобренный Сигизмундомъ, который все начиналъ, во все мѣшался и ничего не дѣлалъ. Реформа была произведена гораздо позже. Сигизмундъ и нюрнбергскій сеймъ разсматривали также устройство другихъ судовъ имперіи и королевскихъ придворныхъ судовъ, но рѣчами и исписанными листами бумаги не улучшили судоустройства. Тоже самое можно сказать и о монетѣ, съ которой всякій владѣтель, имѣвшій граматы и патенты на право чекана, дѣлалъ, что хотѣлъ, хотя и этотъ вопросъ былъ разсмотрѣнъ въ Нюрнбергѣ.

Во время этихъ переговоровъ извѣстный намъ изъ византійской исторіи кардиналъ Юліанъ (т. IX, стр. 86), посланный въ Нюрнбергъ папскимъ легатомъ, проповѣдывалъ крестовый походъ противъ гуситовъ. Не смотря на его проповѣди, Сигизмундъ всетаки болѣе надѣялся на примиреніе съ умѣренной партіей въ Богеміи, чѣмъ на тяжело подвигавшіяся военныя приготовленія раздробленной германской имперіи. Это было тѣмъ болѣе вѣроятно, что и папа, какъ мы увидимъ, еще до открытія нюрнбергскаго сейма, рѣшился созвать соборъ на нѣмецкой территоріи. Сверхъ того, на религіозномъ конгрессѣ различныхъ гуситскихъ партій, происходившемъ во время нюрнбергскаго сейма, высказалось, что утраквисты

или каликстинцы въ такой же степени приблизились къ старой церкви, въ какой еще болѣе отдалились отъ нея совершенно одичавшія во время хищныхъ набѣговъ апокалипсическія и фанатическія секты. Послѣдствіемъ этого конгресса было отправленіе въ Эгеръ гуситскихъ депутатовъ, между которыми находился и Прокопъ Большой, для переговоровъ о примиреніи съ уполномоченными Сигизмунда. Гуситскіе депутаты не хотѣли признавать прелатовъ собора и ихъ президента папу верховными судьями въ дѣлахъ вѣры, но предложили нѣмцамъ вмѣсто войны словесныя состязанія. Съумѣй Сигизмундъ воспользоваться положеніемъ дѣлъ въ Богеміи, примиреніе можетъ быть и послѣдовало бы. Но роль миротворца была не по силамъ ему—рабу папы и его легата Юліана, желавшаго вмѣстѣ съ ученымъ богословомъ Жерсономъ (т. IX, стр. 168), возвратить гуситовъ въ лоно церкви только силою свѣтскаго оружія. Отношенія Сигизмунда къ папѣ и его легату, духовнымъ германскимъ князьямъ и ихъ богословамъ, къ своему зятю Альбрехту, слѣпо довѣрявшему духовенству, не позволяли ему сдѣлать какія нибудь уступки утраквистамъ. Въ то же время Прокопъ получилъ извѣстіе о ярыхъ проповѣдяхъ въ Германіи противъ гуситовъ и объ интригахъ кардинала Юліана, и переговоры остались безплодными; обѣ стороны разошлись, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, еще съ большею ненавистью другъ къ другу. Національное чувство и опасность, грозившая отечеству, тотчасъ же соединили въ Богеміи всѣ партіи. Еще передъ выступленіемъ нѣмецкаго войска въ походъ, гуситы заняли всѣ проходы въ Богемію и, какъ оказалось на смотру войска, происходившемъ въ пильзенскомъ округѣ, выставили 50 т. пѣхоты, 5 т. конницы, 4 т. фуръ и множество пушекъ. Противъ нихъ нѣмцы двинулись съ 40 т. конницы и незначительнымъ числомъ пѣхоты,—вотъ все, что могъ собрать своими проповѣдями кардиналъ Юліанъ.

Сигизмундъ не принялъ личнаго участія въ походѣ противъ гуситовъ и остался въ Нюрнбергѣ, передавъ главное начальство

надъ войскомъ курфирсту бранденбургскому Фридриху. Фридрихъ, какъ искусный полководецъ, очень хорошо понималъ, что съ выставленнымъ нѣмцами войскомъ невозможно пріобрѣсти славы, потому неохотно принялъ начальство и медлилъ выступленіемъ въ походъ. За то въ безсмысленныхъ, пустыхъ церемоніяхъ не было недостатка; объ этомъ позаботился Сигизмундъ, торжественно передавшій курфирсту 26 іюня 1431 г. въ нюрнбергской церкви Себальда званіе полководца. Юліанъ произнесъ на этомъ торжествѣ назидательную рѣчь, затѣмъ Сигизмундъ подалъ ему лежавшій на алтарѣ мечъ, кардиналъ освятилъ его и велѣлъ нѣсколькимъ епископамъ опоясать имъ курфирста. Полководцу было вручено имперское знамя, съ которымъ по окончаніи торжества графъ фонъ Гогенлоге гордо шествовалъ впереди курфирста. Кто прочтетъ подробное описаніе этихъ придворныхъ и государственныхъ церемоній и сравнитъ ихъ съ исходомъ похода, тому невольно должно прійти въ голову, что извѣстная басня о барабанѣ таборитовъ выдумана нарочно, какъ сатира на нѣмецкія церемоніи, чтобы еще нагляднѣе выставить контрастъ между ними и духомъ, господствовавшимъ у чеховъ. Разсказываютъ, что Жижка, умирая, запретилъ хоронить себя и велѣлъ бросить свое тѣло дикимъ звѣрямъ, а кожу натянуть на барабанъ и пугать имъ нѣмцевъ, которыми при барабанномъ боѣ овладѣвалъ всякій разъ паническій страхъ.

Въ первыхъ числахъ августа 1431 г. имперское войско, сопровождаемое кардиналомъ Юліаномъ, вступило въ Богемію въ нѣсколькихъ пунктахъ разомъ. Одинъ изъ нѣмецкихъ отрядовъ былъ въ самомъ началѣ обращенъ въ постыдное бѣгство при Таховѣ и разсѣялся по разнымъ направленіямъ. Опасаясь, чтобы такая же участь не постигла и другіе отряды, курфирстъ соединилъ ихъ и со всей своей арміей расположился лагеремъ при Домажлицахъ. Но здѣсь совершенно неожиданно появились гуситы подъ предводительствомъ Прокопа Большаго, въ высшей степени озлобленные опустошеніями, грабежами, убійствами и поджогами, совершаемыми нѣмцами по наущенію кардинала Юліана. Безпомощная нѣмецкая конница не

могла бороться съ пѣхотою враговъ, точно такъ же, какъ громадныя пушки нѣмцевъ были никуда не годны въ сравненіи съ легкими орудіями гуситовъ. Къ тому же въ нѣмецкомъ войскѣ господствовали вражда и несогласія. Князья объявили, что они не будутъ сражаться, если курфирстъ саксонскій не приметъ на себя обязательства вознаградить ихъ за всѣ потери, которыя они могутъ понести въ сраженіи; они смѣялись надъ нимъ, когда онъ говорилъ имъ о необходимости жертвовать матеріальными выгодами за отечество и вѣру, называя все это идеализмомъ и бреднями, и, еще до появленія чеховъ, стали готовиться къ отступленію. Лишь только раздались крики: Прокопъ идетъ! нѣмецкимъ войскомъ овладѣлъ паническій страхъ и всѣ пустились бѣжать. Первый примѣръ подалъ герцогъ баварскій. Даже предводитель, Фридрихъ Бранденбургскій, не думалъ о поддержаніи порядка и тотчасъ же пересталъ отдавать распоряженія. Нѣмцы потерпѣли страшное пораженіе: они потеряли во время бѣгства—сраженіемъ этого нельзя назвать—11 т. человѣкъ, 2 т. фуръ и 150 пушекъ. Въ числѣ трофеевъ чехи захватили шапку кардинала, его буллу о крестовомъ походѣ, ризу и крестъ, который носили передъ нимъ. Для кардинала было бы счастьемъ, еслибъ онъ извлекъ изъ этого похода урокъ для себя, потому что впослѣдствіи, когда настроенные его фанатизмомъ венгры нарушили миръ, онъ былъ умерщвленъ турками (т. IX, стр. 89).

Послѣ постыднаго бѣгства нѣмцевъ Прокопъ Большой вторгнулся въ Фойгтландъ и до тѣхъ поръ пощаженный Остерландъ. Войска курфирста саксонскаго и явившіеся къ нему на помощь баварцы потерпѣли при Таховѣ такое пораженіе, что, говорятъ, только немногіе спаслись отъ смерти. Курфирстъ купилъ у Прокопа свободное отступленіе за деньги. Силезцы то же только деньгами отдѣлались отъ гуситовъ, напавшихъ около этого времени на ихъ страну. Отрядъ изъ 8 т. орфанитовъ проникъ даже до венгерскаго города Кремница и сжегъ его. Только Альбрехтъ Австрійскій былъ (1431 г.) счастливѣе другихъ нѣмецкихъ князей, и то въ войнѣ не съ Прокопомъ, а съ несчастными крестьянами Моравіи, подняв-

шимися, при извѣстіи о побѣдахъ ихъ братьевъ, противъ фанатическаго гнета своихъ тиранновъ. Онъ явился въ Моравію и уничтожилъ огнемъ и мечомъ пятьсотъ гуситскихъ деревень со всѣмъ ихъ населеніемъ. Въ слѣдующемъ году чешскіе гуситы отмстили австрійцамъ пораженіемъ за злодѣйства, совершенныя надъ ихъ единовѣрцами и соплеменниками. Съ этого времени и нѣмцы и умѣренныя партіи чеховъ стали возлагать на соборъ всѣ свои надежды на избавленіе ихъ наконецъ отъ мечтателей, бредившихъ о божественномъ царствѣ.

5. Базельскій соборъ, Сигизмундъ и гуситы до примиренія съ своимъ королемъ.

Папа Мартинъ V, отправившійся въ Римъ только черезъ нѣсколько лѣтъ по избраніи (т. IX, стр. 156), находился въ самомъ стѣсненномъ положеніи: онъ вѣчно нуждался въ деньгахъ, а церковныя владѣнія съ своимъ рыцарствомъ такъ же мало слушались его, какъ германскіе города и рыцарство—своего императора; такъ, съ городомъ Болоньей Мартинъ велъ безконечный споръ. Но особыя обстоятельства придавали въ то время папѣ во всемъ христіанскомъ мірѣ, преимущественно же въ Германіи, значеніе равносильное тому, какое въ наше время имѣлъ бы для нѣмецкихъ патріотовъ германскій императоръ. Эти обстоятельства были: соединеніе греческой и римской церкви, котораго сначала боязливо, а потомъ рѣшительно желали греческіе императоры, для того чтобы спасти хритсіанскій міръ отъ турокъ; примиреніе непобѣдимыхъ гуситовъ съ церковью или, еслибъ это было возможно, истребленіе ихъ; наконецъ уничтоженіе многихъ злоупоебтрленій церкви, которыхъ даже богословы (за исключеніемъ только итальянцевъ) не смѣли отрицать,—уничтоженіе, которое уже было рѣшено въ Констанцѣ, обѣщано папою и могло быть исполнено имъ однимъ. Всѣ три вопроса требовали созванія собора. Согласно обѣщанію, его должно было созвать въ

теченіе ближайшихъ пяти лѣтъ по закрытіи констанцскаго собора. Мартинъ сдержалъ слово и въ 1423 г. созвалъ соборъ въ Павію, подъ тѣмъ предлогомъ, что грекамъ легче пріѣхать въ итальянскій городъ. Подобнымъ рѣшеніемъ остались недовольны всѣ націи, кромѣ итальянцевъ. Сверхъ того папа возстановилъ всѣхъ противъ себя еще тѣмъ, что стремился обогатить и сдѣлать могущественною на счетъ церкви фамилію Колонна, къ которой принадлежалъ самъ, а въ Германіи позволялъ себѣ церковные поборы и, не смотря на сдѣланныя въ Констанцѣ уступки, произвольно распоряжался при замѣщеніи высшихъ духовныхъ мѣстъ.

Едва въ мартѣ 1423 г. соборъ былъ открытъ, какъ нужно было перенести его въ другое мѣсто, потому что вслѣдствіе открывшейся чумы въ Павію явилось очень немного духовныхъ, да и присутствующіе не хотѣли оставаться долѣе. Въ августѣ папа велѣлъ перенести соборъ въ Сіену. Это возбудило страшное неудовольствіе, потому что созвать соборъ въ Сіенѣ было все равно, что созвать соборъ въ Римѣ. Дѣйствительно, собраніе ни по числу, ни по свойствамъ своихъ членовъ не могло назваться вселенскимъ соборомъ, и уже въ февралѣ слѣдующаго года Мартинъ распустилъ его. Въ Сіену съѣхались почти исключительно одни итальянскіе епископы, т. е. креатуры папы; изъ Германіи пріѣхало только пять епископовъ, изъ Франціи шесть, а изъ Испаніи не явилось ни одного. Съ королемъ арагонскимъ Мартинъ былъ въ такой политической враждѣ, что Альфонсъ V, по смерти Бенедикта XIII (1424 г.), велѣлъ двумъ своимъ приверженцамъ, выдававшимъ себя за его кардиналовъ, избрать новаго папу (Климентъ VIII). Впрочемъ этотъ поступокъ арагонскаго короля имѣлъ значеніе только для Арагоніи и въ той мѣрѣ, въ какой Альфонсъ воспользовался для своихъ цѣлей самозванствомъ Климента VIII. Достигнувъ того, что ему было нужно, король потребовалъ, чтобы Климентъ сложилъ съ себя папское достоинство (1429 г.). Собравшіеся въ Сіенѣ итальянскіе епископы не сочли возможнымъ разрѣшить важнѣйшихъ изъ поставленныхъ собору вопросовъ; они много толковали о соедине-

ніи римской церкви съ греческою и постановили, что через семь лѣтъ епископы всѣхъ европейскихъ государствъ должны съѣхаться на вселенскій соборъ въ болѣе удобномъ мѣстѣ. Передъ тѣмъ чтобы разойтись, они положили собраться въ Базелѣ; въ буллѣ, изданной 12 марта 1424 г., Мартинъ назначалъ этотъ городъ мѣстомъ новаго собранія.

Словамъ папы никто не вѣрилъ, и потому онъ всячески старался доказать, что серьозно намѣренъ созвать вселенскій соборъ. Еще въ апрѣлѣ 1424 г. онъ объявилъ базельцамъ, что въ 1431 г. епископы соберутся въ ихъ городѣ, просилъ ихъ сдѣлать всѣ нужныя приготовленія, назначилъ трехъ кардиналовъ для составленія программы занятій собора и приглашалъ христіанъ присылать прошенія въ коммисію. Въ Римѣ много толковали тогда о церковныхъ преобразованіяхъ, и папа даже составилъ правила относительно образа жизни кардиналовъ. Но, не смотря на все выказываемое Мартиномъ рвеніе, злоупотребленія не только не были прекращены, но и заключенные конкордаты оставались мертвой буквою; ни кардиналы, ни остальное духовенство, въ особенности же монахи, не измѣнили своей безпутной жизни, и во всѣхъ христіанскихъ странахъ на западѣ духовные были по прежнему предметомъ народнаго посмѣшища. Опасность, грозившая чешской и нѣмецкой церквамъ со стороны гуситовъ, заставила наконецъ папу сдѣлать попытку къ удовлетворенію недовольныхъ, и 1 февраля 1431 г. онъ созвалъ соборъ въ Базелѣ. Представителемъ своимъ при открытіи собора папа назначилъ извѣстнаго кардинала Юліана Чезарини, годившагося гораздо болѣе для преслѣдованія еретиковъ, для проповѣдыванія крестоваго похода и для роли Петра Пустынника въ турецкой войнѣ, чѣмъ для роли примирителя и реформатора. Мартинъ не дожилъ до открытія базельскаго собора; онъ умеръ 20 февраля. На его мѣсто былъ избранъ упрямый и гордый венеціанецъ, придававшій въ церковныхъ дѣлахъ и догматикѣ особенное значеніе именно такимъ вещамъ, на которыя нападали не только гуситы, но даже всѣ дѣйствительно набожные ученые того времени.

Можно было сказать навѣрное, что между собравшимися іерархами и ихъ монархомъ папою споръ неизбѣженъ, тѣмъ болѣе что не безъ причины же распустилъ такъ скоро сіенскій соборъ такой уступчивый человѣкъ, какъ папа Мартинъ.

Евгеній IV — такъ назывался новый папа — утвердилъ созваніе базельскаго собора, но не сдѣлалъ никакихъ распоряженій о торжественномъ его открытіи и даже не позаботился о томъ, чтобы извѣстное число духовныхъ всѣхъ націй собралось въ назначенный день въ Базелѣ. По этому два новые католическіе писателя и могли спорить о днѣ открытія собора: одинъ утверждаетъ, что оно произошло въ іюлѣ, по словамъ другаго соборъ открылся только въ августѣ. Кардиналъ Юліанъ Чезарини, два раза ѣздившій въ Базель и дѣлавшій тамъ приготовленія къ собору, лѣтомъ 1431 г. былъ занятъ вмѣстѣ съ большинствомъ нѣмецкихъ епископовъ богемскимъ походомъ и далъ полномочіе двумъ лицамъ открыть соборъ. 26 іюля 1431 г. духовные, собравшіеся въ Базелѣ, начали предварительныя совѣщанія. Юліанъ явился 2 сентября, послѣ позорнаго бѣгства изъ Богеміи (т. IX. стр. 198), и тотчасъ же принялъ предсѣдательство въ совѣщаніяхъ съ незначительнымъ числомъ духовныхъ, находившихся тогда въ Базелѣ. Убѣдившись, что противъ Богеміи ничего не сдѣлаешь буллами, призывающими къ крестовому походу, Юліанъ старался отдѣлить въ Базелѣ пражцевъ и чешскихъ землевладѣльцевъ, т. е. партію умѣренныхъ, державшуюся католицизма, отъ крайнихъ гуситовъ. Именемъ и по порученію прелатовъ онъ преслѣдовалъ эту цѣль, даже и послѣ того, какъ гуситы на приглашеніе Сигизмунда явиться въ соборъ или начать съ нимъ переговоры отвѣтили отказомъ. 15 октября Юліанъ отправилъ отъ имени собора дружеское посланіе къ гуситамъ, убѣждая ихъ высказать свои неудовольствія собору и обѣщаясь, что ихъ жалобы будутъ удовлетворены. Этотъ поступокъ собора страшно испугалъ папу, тѣмъ болѣе что и декретъ собора относительно порядка совѣщаній и коммисій очевидно доказывалъ, что онъ хотѣлъ серьозно заняться изслѣдова-

ніемъ причинъ упадка церковной дисциплины и совершеннымъ возстановленіямъ ея. Въ то же время папа узналъ, что въ Базель пріѣхало много знатныхъ духовныхъ и ученыхъ богослововъ, въ томъ числѣ и профессора парижской Сорбонны. 14 декабря соборъ подъ предсѣдательствомъ Юліана постановилъ, что распоряженія, сдѣланныя въ Констанцѣ, должны быть приняты за основаніе и цѣль базельскаго собора и объявилъ, что главная задача собранія состоитъ въ истребленіи ереси, возстановленіи мира между христіанами и прежней дисциплины въ церкви, и въ преобразованіи церкви въ ея главѣ и членахъ. Все это побудило Евгенія еще въ ноябрѣ отправить къ собравшемуся въ Базелѣ духовенству посланіе съ предложеніемъ перенести соборъ въ Болонью. Главныя причины, приводимыя папою, были слѣдующія: зимніе холода, возникшая между Фридрихомъ Тирольскимъ и герцогомъ бургундскимъ распря, затруднявшая, вмѣстѣ съ холодами, путешествіе въ Базель, опасность заразительнаго примѣра ереси, такъ какъ во всей Германіи, а въ особенности въ Базелѣ, религіозныя вѣрованія были сильно поколеблены, — и наконецъ обѣщаніе Мартина созвать вселенскій соборъ въ итальянскомъ городѣ, чтобы облегчить соединеніе латинской церкви съ греческою. Всѣ эти доводы не произвели никакого впечатлѣнія; напротивъ, посланіе Евгенія возбудило только неудовольствіе въ такъ называемыхъ отцахъ церкви и даже въ самомъ папскомъ легатѣ, секретарѣ собора, и страшно взбѣсило короля Сигизмунда, намѣревавшагося тогда предпринять новое путешествіе въ Италію. По порученію прелатовъ Юліанъ далъ папѣ чрезвычайно настойчивый, остроумный и презрительный отвѣтъ, возражая ему по пунктамъ. На приведенныя нами четыре причины онъ отвѣчалъ: „то, что папа говоритъ о герцогахъ бургундскомъ и тирольскомъ несправедливо, потому что они уже заключили перемиріе. Обвиненіе базельцевъ въ ереси совершенная ложь, такъ какъ въ городѣ не только ничего не слышно о ереси, но, напротивъ, граждане Базеля всѣ отличные католики и относятся къ духовенству съ уваженіемъ. Зимнихъ холодовъ конечно

не испугается тотъ, кто захочетъ поѣхать въ Базель. Что же касается грековъ, то пѣсня о примиреніи ихъ съ римскою церковью поется уже триста лѣтъ и всякій годъ начинается снова. Вмѣсто того чтобы бѣгать за ними, было бы гораздо умнѣе начать переговоры съ недавно отпавшими отъ церкви гуситами, ученіе которыхъ уже успѣло распространиться по Германіи. Разумѣется, можно одновременно вести переговоры съ гуситами и съ греками; но только переговоры съ греками не требуютъ поспѣшности." Эней Сильвій говоритъ въ одной изъ своихъ буллъ, изданной имъ противъ постановленій констанцскаго собора, когда уже онъ былъ папою Піемъ II, что Юліанъ, такъ же какъ и самъ онъ, подпалъ тогда подъ вліяніе противниковъ папства. По крайней мѣрѣ такъ думалъ Евгеній, вступившій въ самый горячій споръ съ соборомъ. Папа страшно разгнѣвался на соборъ за его письмо и въ декабрѣ формально предписалъ собравшемуся въ Базелѣ духовенству разойтись за то, что оно осмѣлилось принять уполномоченныхъ отъ чешскихъ еретиковъ, высказавъ желаніе вступить съ ними въ пренія объ ученіи, давно проклятомъ папою. Онъ обѣщался созвать черезъ 18 мѣсяцевъ новый соборъ въ Болоньѣ.

Четырнадцаго декабря происходило первое формальное засѣданіе собора, въ которомъ были рѣшены приведенныя нами постановленія, а папская булла пришла въ Базель въ январѣ 1432 г. Отцы оскорбились ею и не обратили вниманія на слова папы, Сигизмундъ принялъ ихъ сторону, а легатъ Евгенія отправилъ къ нему длинное письмо, предостерегая папу не очень полагаться на свои интриги съ князьями и не доводить нѣмецкаго народа до отчаянія. Въ этомъ письмѣ Юліанъ говоритъ, что человѣческія права, проповѣдуемыя чешскими фанатиками, встрѣчаютъ большое сочувствіе въ Германіи въ горожанахъ и крестьянахъ, страдающихъ отъ разбойниковъ рыцарей и находящихся подъ гнетомъ князей и дворянства. Относительно распространившихся въ Германіи демократическихъ принциповъ чеховъ и довѣрія Евгенія къ князьямъ, Юліанъ пишетъ, что „нѣмцы сказали ему, что причиною несчастнаго

исхода богемскаго похода только ихъ князья, и это они берутся доказать и готовы одни выступить въ походъ, если на покрытіе военныхъ издержекъ будетъ дано имъ 30 т. дукатовъ.“ Юліанъ обращаетъ вниманіе папы и на отношенія нѣмцевъ къ церкви, говоря, что близко то время, когда нѣмцы подобно чехамъ отпадутъ отъ церкви. „Постоянныя злоупотребленія и грабительство духовенства, пишетъ онъ, такъ озлобили нѣмцевъ, что онъ опасается, чтобы они подобно гуситамъ не перебили духовенства и не сожгли монаховъ.“ Все это не образумило папу, и уже въ февралѣ возгорѣлась распря между нимъ и базельскими прелатами. Посланіемъ отъ 12 февраля 1432 г. Евгеній отзывалъ на время своего легата, но еще прежде, чѣмъ пришло посланіе (во второе засѣданіе, 16 февраля) отцы объявили, что соборъ независимъ отъ папы и его легата. Они возобновили декретъ констанцкаго собора, ставившій вселенскій соборъ выше папы, и въ то же время постановили, что безъ собственнаго согласія базельскій соборъ не можетъ быть никѣмъ распущенъ, отложенъ или перемѣщенъ, даже самимъ папою. Тогда между главою церкви и соборомъ началась борьба. Въ этомъ спорѣ папа расчитывалъ на поддержку короля Сигизмунда, который находился съ конца 1431 г. въ верхней Италіи, а съ начала 1432 г. велъ переговоры съ Римомъ о короновaніи.

Въ Италію Сигизмундъ отправился одинъ, потому что нѣмцы не хотѣли и слушать о римскомъ походѣ или по крайней мѣрѣ не давали на него денегъ. Предаваясь тамъ своей обычной жизни, онъ занималъ и моталъ деньги вездѣ, гдѣ только представлялась возможность, составлялъ разнаго рода проекты, заключилъ союзъ съ герцогомъ миланскимъ противъ венеціанцевъ и, чтобы удовлетворить своему тщеславію, короновался ломбардской короною, какъ король Италіи. Пробывъ пять мѣсяцевъ въ Миланѣ, онъ наконецъ такъ надоѣлъ герцогу и миланцамъ, что въ началѣ 1432 г. долженъ былъ уѣхать въ Піаченцу. Въ Піаченцѣ Сигизмундъ оставался нѣсколько мѣсяцевъ и отсюда черезъ письма и посольства велъ переговоры съ Миланомъ, Римомъ, соборомъ и всѣмъ свѣтомъ;

для дѣйствій же у него не было ни энергіи, ни могущества, ни денегъ. Главнымъ предметомъ переговоровъ было распущеніе папою собора, неразрывно связанное съ вопросомъ о коронованіи Сигизмунда императорскою короною въ Римѣ. Сигизмундъ долженъ былъ настаивать на томъ, чтобы соборъ не былъ перенесенъ изъ Базеля, потому что только это одно могло помѣшать насильственной реформаціи въ Германіи и снова присоединить къ его королевству Богемію. Относительно Германіи Сигизмундъ говорилъ папѣ то же самое, что и кардиналъ Юліанъ: „Я боюсь, писалъ онъ, что нѣмецкіе горожане поступятъ съ іерархіей точно такъ же, какъ чехи; уже городъ Магдебургъ выгналъ своего архіепископа, всѣхъ канониковъ и подобно гуситамъ разграбилъ ихъ имущества; союзные же Магдебургу ганзейскіе города по Сѣверному и Балтійскому морямъ готовятся послѣдовать этому примѣру; по слухамъ и на Рейнѣ собрались тысячи мірянъ, чтобы заставить городъ Вормсъ выдать духовенство и евреевъ; пассаусцы хотятъ взять приступомъ замки своихъ епископовъ, а бамбергцы ведутъ открытую войну съ духовенствомъ за привилегіи, данныя имъ королемъ.“ По истеченіи трехъ мѣсяцевъ Сигизмундъ долженъ былъ оставить и Піаченцу; его пребываніе тамъ возбуждало зависть герцога миланскаго и было слишкомъ обременительно для города. Въ концѣ марта онъ переселился въ Парму, гдѣ опять не на радость жителей прожилъ семь недѣль, проводя время въ перепискѣ и переговорахъ.

Между тѣмъ соборъ, ободряемый миланскимъ герцогомъ, охраняемый оружіемъ Вильгельма, герцога баварскаго, поддерживаемый Сигизмундомъ и сочувствіемъ нѣмецкаго народа, смотрѣвшаго на него какъ на якорь спасенія, мужественно продолжалъ борьбу съ папою. Въ третье засѣданіе, 29 апрѣля, отцы возобновили постановленіе 26 февраля, а папѣ, отнявшему полномочіе у кардинала Юліана, назначили трехмѣсячный срокъ, въ теченіе котораго онъ долженъ былъ или явиться лично на соборъ или, если состояніе его здоровья не позволяло ему этого, прислать отъ себя уполномоченныхъ. Евгеній, уже съ декабря мѣсяца не признававшій

базельскаго собранія и въ письмахъ къ Юліану и Сигизмунду говорившій о такъ называемомъ соборѣ, также не хотѣлъ уступать. Между соборомъ и папою возникла ругательная переписка, и въ четвертое засѣданіе (20 іюня) отцы приняли два энергическія рѣшенія. Они постановили, что если Евгеній умретъ до окончанія собора, новый папа долженъ быть избранъ соборомъ изъ числа его членовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ запретили папѣ Евгенію назначать новыхъ кардиналовъ и отзывать къ себѣ, находившихся въ Базелѣ.

Сигизмундъ старался всѣми силами помѣшать или по крайней мѣрѣ отдалить открытый разрывъ папы съ соборомъ. Участіе короля въ дѣйствіяхъ собора раздражало Евгенія, и папа, какъ будто бы отъ него зависѣла участь германской имперіи, далъ понять, что въ его власти короновать римскимъ императоромъ какого нибудь другаго князя. По всей вѣроятности, онъ имѣлъ при этомъ въ виду тщеславнаго, легкомысленнаго, вѣтренаго и расточительнаго прожектера, непостояннаго и развратнаго герцога Фридриха Пустой Карманъ, бывшаго во всѣхъ отношеніяхъ живымъ портретомъ Сигизмунда. Только въ то время онъ уже не былъ бѣденъ; открытіе металлическихъ рудъ въ горахъ Тироля обогатило его, и герцогъ не умѣлъ другимъ образомъ доказать міру, что его карманъ болѣе не пустъ, какъ тѣмъ что велѣлъ покрыть свой домъ въ Инспрукѣ позолоченной крышей, которую до сихъ поръ показываютъ путешественникамъ. Такой человѣкъ не могъ быть опаснымъ соперникомъ Сигизмунда. Впрочемъ папа, кажется, никогда серьозно не думалъ о возвышеніи его, а при тогдашнихъ обстоятельствахъ князья, конечно, не согласились бы повторить низложеніе императора, хотя въ апрѣлѣ 1432 г. Сигизмундъ, въ угоду фамиліи Гонзага, учредилъ за деньги маркграфство мантуанское, точно такъ же какъ Венцеславъ создалъ для фамиліи Висконти герцогство миланское. Въ концѣ мая Сигизмундъ, какъ всегда нуждавшійся въ деньгахъ, выступилъ съ 2 т. венгровъ, миланцевъ и нѣмцевъ изъ Пармы въ Тоскану, чтобы и тамъ высосать

изъ имперскихъ городовъ все, что можно. Проживя нѣсколько времени на счетъ города Лукки, онъ отправился въ Сіену, что не мало встревожило папу. Германскіе имперскіе города дали императору деньги, князья же хотя и сознавали свою обязанность помогать римскому походу императора, но отговаривались тѣмъ, что эта подать предварительно должна была быть постановлена на сеймѣ. Въ Сіенѣ Сигизмундъ прожилъ почти цѣлый годъ (съ іюля 1432 по начало мая 1433 г.); тутъ, какъ и вездѣ, онъ страшно надоѣлъ жителямъ, постоянно боролся съ нуждою, страшась венеціанцевъ, не смѣя ничего предпринять изъ боязни флорентинцевъ и обвиняя герцога миланскаго въ измѣнѣ и коварствѣ. О своемъ пребываніи въ Сіенѣ онъ самъ отзывался весьма картинно въ такихъ выраженіяхъ, которыя мы изъ уваженія къ императорской идеѣ нашихъ дней не осмѣлились бы употреблять, еслибы это не были его подлинныя слова. Сигизмундъ говорилъ, что чувствовалъ себя тамъ, какъ дикій звѣрь въ желѣзной клѣткѣ. Это не мѣшало однако старику вести обычную, разгульную жизнь и заниматься безчисленными любовными похожденіями. Новѣйшій нѣмецкій біографъ Сигизмунда полагаетъ, что благородный и добрый императоръ снова понравилъ все тѣмъ, что часто предавался покаяніямъ и ходилъ слушать назиданія жившаго недалеко отъ Сіены отшельника, минорита Бернардино, который велъ аскетическую жизнь; противъ этого мы даже не желаемъ ничего возражать. Изъ любовныхъ похожденій Сигизмунда въ Сіенѣ и исторіи его канцлера Каспара Шлыка, Эней Сильвій или, какъ онъ назывался папою, Пій II, составилъ сантиментальный, безнравственный, хотя и прикрытый личиною необыкновенной скромности романъ, написанный изящнымъ слогомъ.

Въ то время какъ Сигизмундъ жилъ въ Сіенѣ, соборъ продолжалъ враждебный образъ дѣйствій противъ папы, а въ августѣ 1432 г. просилъ короля пріѣхать въ Базель, чтобы начать процессъ противъ Евгенія. Это испугало папу и дало возможность

Сигизмунду, желавшему короноваться, воспользоваться для своихъ цѣлей затруднительнымъ положеніемъ Евгенія. Какъ былъ сконфуженъ папа видно изъ того, что онъ отправилъ къ Сигизмунду двухъ кардиналовъ, итальянца и англичанина, и велѣлъ сдѣлать предложеніе собору о примиреніи. Папскіе послы опоздали: 6 сентября (въ шестое засѣданіе) 17 кардиналовъ оффиціально пожаловались собору на папу за то, что онъ не явился въ Базель и не отмѣнилъ повелѣнія о закрытіи собора. Однако ходатайствомъ Сигизмунда уполномоченные Евгенія добились таки, что папѣ была назначена новая отсрочка. Въ октябрѣ, когда папа изъявилъ наконецъ согласіе на коронованіе и обѣщалъ принять на себя сопряженныя съ нимъ издержки, Сигизмундъ вторично выпросилъ у собора новую отсрочку. Но папа не исполнилъ своего слова относительно коронованія и его отношенія къ собору сдѣлались еще враждебнѣе. Въ декабрѣ Сигизмундъ объявилъ себя противъ папы и убѣдилъ англійскаго короля принять сторону собора. 18 декабря, въ восьмое засѣданіе, соборъ постановилъ, что, если папа въ теченіе 60 дней не возьметъ назадъ своей буллы о распущеніи собора, противъ него будетъ начатъ процессъ. Въ то же время и кардиналамъ было сказано, что, если они не явятся въ Базель, у нихъ будутъ отняты всѣ ихъ церковные доходы. Папа съ своей стороны приступалъ страшно къ несчастному Сигизмунду, всѣ еще сидѣвшему въ Сіенѣ и мечтавшему только о коронаціи. За покровительство, оказываемое королемъ прелатамъ, спорившимъ съ папою, Евгеній угрожалъ ему отлученіемъ отъ церкви и отнятіемъ королевской короны, говоря, что такая же участь постигнетъ и герцога баварскаго Вильгельма, котораго Сигизмундъ назначилъ защитникомъ и покровителемъ собора. Тогда базельскіе отцы рѣшились энергически защищать короля: въ девятое и десятое засѣданіе собора (22 января и 19 февраля 1433 г.) аристократія европейской іерархіи такъ рѣшительно выступила на защиту императорской власти противъ узурпаціи папскаго престола, что даже римскіе каноники совѣтовали папѣ поскорѣй выпутаться изъ тисковъ между императоромъ и церковью. Въ девя-

тое засѣданіе соборъ объявилъ недѣйствительными всѣ наказанія и приговоры, которые произнесъ или произнесетъ папа противъ римскаго короля и его намѣстника, герцога Вильгельма; въ десятое онъ постановилъ то же самое относительно бенефицій, розданныхъ Евгеніемъ со времени буллы распущенія, и такимъ образомъ отнялъ у папы возможность покупать себѣ приверженцевъ. Въ десятое же засѣданіе начатъ былъ процессъ противъ папы. Между тѣмъ Евгеній, чего конечно еще не знали въ Базелѣ, уже сдѣлалъ уступку въ главномъ вопросѣ. Буллой отъ 16 февраля 1433 г., отправленной къ германскому королю и курфирсту, онъ соглашался на продолженіе базельскаго собора подъ предсѣдательствомъ своего легата Юліана. Долгій споръ, казалось, былъ поконченъ, когда вскорѣ послѣ этой буллы въ Базелѣ явились еще четыре кардинала — легаты Евгенія, чтобы вмѣстѣ съ Юліаномъ руководить совѣщаніями собора. Вскорѣ однако выказалась вся двусмысленность папскихъ уступокъ, когда собраніе хотѣло постановить догматъ о подчиненіи папы вселенскому собору и объ его отвѣтственности предъ соборомъ. По этому въ одиннадцатое засѣданіе (27 апрѣля) соборъ сдѣлалъ еще шагъ противъ папы, рѣзкимъ образомъ возстановивъ древнее церковное право чистой епископальной церкви въ противоположность новому праву папской церкви и декреталіямъ, на которыхъ оно основывалось.

Оставаясь во враждѣ съ соборомъ, папа, напротивъ, примирился съ Сигизмундомъ. Въ немъ онъ искалъ опоры противъ собора, надѣясь съ помощью императора добиться въ Базелѣ иными средствами того, чего не могъ достигнуть прямымъ путемъ. Сигизмундъ, очень довольный представившеюся возможностью выйти изъ своего незавиднаго положенія въ Сіенѣ и короноваться на счетъ Евгенія, согласился на все, чего только хотѣлъ папа, и поклялся, что признаетъ всѣ его притязанія въ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ. Но Сигизмундъ постыдился обѣщать папѣ содѣйствіе противъ собора, кромѣ тѣхъ двухъ случаевъ, когда базельскіе отцы прямо возстанутъ противъ него или захотятъ низложить его. Внезапно измѣнившійся тонъ писемъ Сигиз-

мунда не мало удивилъ соборъ. Отвѣты императора на письма, въ которыхъ базельскіе іерархи чрезвычайно настойчиво говорили ему объ его отношеніяхъ къ папѣ, становились все холоднѣе; наконецъ, отправляясь въ Римъ на коронацію, Сигизмундъ заклиналъ соборъ не дѣлать болѣе ни шага противъ верховной власти римскаго престола. Папа дѣйствовалъ на слабую сторону старика: онъ велѣлъ двумъ кардиналамъ легатамъ съ свитой изъ четырехсотъ рыцарей провожать Сигизмунда въ Римъ, принялъ на себя всѣ расходы, угощалъ императора и устроивалъ въ честь его празднества. 21 мая 1433 г. Сигизмундъ торжественно въѣхалъ въ Римъ. Что во всевозможныхъ празднествахъ и церемоніяхъ не было недостатка, легко можно было бы представить себѣ, если бы даже писатели того времени и не оставили утомительно подробныхъ описаній, въ которыхъ главную роль играютъ всегда вещи не существенныя. Мы замѣтимъ только, что коронованіе произошло 31 мая и что съ этого дня Сигизмундъ сталъ называться императоромъ. Впрочемъ это не придало ему ни могущества, ни значенія и не сдѣлало его богаче; напротивъ, новый титулъ сдѣлалъ еще разительнѣе и смѣшнѣе контрастъ между его пышностью, его новыми притязаніями и его средствами. Князья ничего не давали, и потому, для покрытія своихъ издержекъ, императоръ наложилъ подати на германскіе города, т. е. на бережливыхъ, домовитыхъ и въ то время зажиточныхъ нѣмецкихъ горожанъ; много ли онъ получилъ съ нихъ, мы не знаемъ. Съ тѣхъ же поръ сталъ гербомъ имперіи двуглавый орелъ, помѣщенный имъ тогда на императорской печати. Канцлера своего, Каспара Шлыка, который самъ выхвалялъ дипломатическую ловкость выказанную имъ въ Сіенѣ и Римѣ, Сигизмундъ надѣлилъ тѣмъ же леномъ, какимъ Бонапарте наградилъ основателя Монитёра, генеральнаго секретаря временъ консульства и императорскаго министра Маре: Сигизмундъ сдѣлалъ своего канцлера графомъ де Бассано, а Бонапарте, по предложенію своихъ совѣтниковъ, хорошо знакомыхъ съ исторіей, а можетъ быть и по совѣту Таллейрана, столь же

сильнаго въ исторіи и богословіи, какъ въ интригахъ и плутовствѣ, назначилъ Маре герцогомъ де Бассано. Только послѣдній не получилъ земель и подданныхъ, какъ чешскій канцлеръ. Въ августѣ Сигизмундъ выѣхалъ наконецъ изъ Рима и, не торопясь, отправился чрезъ Феррару, Мантую и Тироль въ Базель, останавливаясь во всѣхъ городахъ, гдѣ могъ жить на чужой счетъ или поживиться деньгами.

Въ Богеміи продолжала господствовать дикая неурядица, не смотря на всѣ старанія собора (1433 г.) отдѣлить умѣренную партію гуситовъ отъ приверженцевъ обоихъ Прокоповъ, проповѣдывавшихъ по отношенію къ церкви и государству самые крайніе радикально-революціонные принципы. Послѣ побѣды надъ нѣмцами при Домажлицахъ табориты, орфаниты и оребиты въ союзѣ съ пражцами, опустошили и ограбили всѣ сосѣднія страны подобно мадьярамъ IX столѣтія, маврамъ и норманнамъ X вѣка. Только въ Венгріи гуситы потерпѣли страшное пораженіе, устремившись подъ предводительствомъ Прокопа (1432 г.) черезъ Ваагъ: большая часть ихъ войска была истреблена, а весь обозъ и добыча достались непріятелю. Огнемъ и мечомъ опустошили гуситы бранденбургскую мархію до самаго Кюстрина; Саксонія на короткое время купила перемиріе за 9 т. дукатовъ; Австрія, Мейссенъ, Фойгтландъ, Баварія и Франконія были по нѣсколько разъ наводнены страшными толпами. На базельскій соборъ чехи не обращали ни какого вниманія, и отцы два раза отправляли къ нимъ дружескія посольства, прежде чѣмъ добились согласія вступить въ переговоры. Помня какъ поступилъ констанцскій соборъ съ ихъ соотечественниками, чехи не соглашались отправить своихъ уполномоченныхъ въ Базель, не смотря на предлагаемыя имъ охранительныя письма и обѣщаніе защиты и покровительства. Наконецъ обѣ партіи условились, что уполномоченные чеховъ и собора составятъ въ Эгерѣ предварительный конгрессъ. На этомъ конгрессѣ (май 1432 г.) было рѣшено, что всѣ гуситскія партіи пришлютъ депутатовъ въ Базель, а соборъ обѣщалъ сдѣлать имъ различныя уступки, пре-

имущественно по вопросу о причащеніи. Наиболѣе заслугъ оказали въ Эгерѣ Мейнгардъ изъ Индрихова-Градца, глава чешскаго дворянства, исповѣдывавшаго, за немногими измѣненіями, чистый католицизмъ, и Янъ Рокицана, первый изъ учителей такъ называемыхъ пражцевъ и каликстинцевъ, которыхъ очень легко было удовлетворить. Рокицана былъ назначенъ членомъ отправлявшейся въ Базель духовной депутаціи, вмѣстѣ съ тремя лучшими предводителями революціонной партіи, Прокопомъ Большимъ, Вилемомъ Костькою и Бенешомъ изъ Мокровусъ. Менѣе уступчивыми оказались сопровождавшіе депутацію духовные: епископъ таборитовъ Николай изъ Пельгржимова, священникъ Ольдрихъ, принадлежавшій къ мечтательной сектѣ сиротъ и Петръ Пэнъ, называемый англичаниномъ, потому что родился или жилъ долгое время въ Англіи. Подъ охраною трехъ сотъ избранныхъ чешскихъ рыцарей посольство отправилось въ Базель и прибыло туда въ день богоявленія. Въ продолженіе 50 дней длились пренія собора съ чехами, кончившіяся (какъ легко догадается тотъ, кто знаетъ школьныхъ ученыхъ, въ особенности умозрительныхъ философовъ и богослововъ) тѣмъ, что вражда сдѣлалась еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Прокопъ Большой выказалъ себя при этомъ такимъ же храбрымъ и непобѣдимымъ въ схоластическо-богословскихъ преніяхъ, какимъ былъ передъ тѣмъ и впослѣдствіи на полѣ сраженія. Онъ сильно негодовалъ на католическаго диспутанта, венгерскаго канцлера Яна изъ Рагузы, который будучи самъ славяниномъ ругалъ славянъ еретиками.

Соборъ могъ тѣмъ легче устранить яростные споры, въ которыхъ участвовали его бойцы, что, къ большому удивленію собранія, всѣ депутаты, какъ пражской партіи, такъ таборитовъ и орфанитовъ, объявили, что они удовлетворятся, если за ними будутъ подтверждены упомянутыя нами выше пражскія статьи (т. IX, стр. 179). Въ этихъ статьяхъ они требовали: 1) чтобы причастіе раздавалось подъ обоими видами; 2) чтобы проступки духовенства судились свѣтскою властью, какъ и преступленія свѣтскихъ лицъ;

3) чтобы всякій христіанинъ, кто бы онъ ни былъ, имѣлъ право проповѣдывать слово божіе и 4) чтобы была признана несовмѣстность свѣтскаго владычества съ духовнымъ пастырствомъ. Разумѣется, споры коснулись впослѣдствіи и другихъ вопросовъ. Черезъ три мѣсяца чешскіе депутаты, соотечественники которыхъ продолжали въ это время свои разбойничьи набѣги, вернулись въ Прагу, въ высшей степени недовольные результатами своей поѣздки; обѣ партіи чувствовали однако потребность примиренія. Умѣренные, т. е. партія Рокицаны и Мейнгарда изъ Градца, и гуситы, стоявшіе за сохраненіе цивилизаціи и порядка, существовавшаго въ церкви и государствѣ, желали избавиться отъ дикихъ мечтателей, превратившихъ Богемію въ Туркестанъ или Курдистанъ. Соборъ, все еще боровшійся съ папою, стремился, какъ по крайней мѣрѣ казалось, возвратить гуситовъ римской церкви, а Сигизмундъ страстно желалъ отправиться въ Прагу и упрочить за своимъ зятемъ Альбрехтомъ чешскій престолъ. Новые переговоры между гуситами и сборомъ не замедлили возникнуть; первый шагъ въ примиренію сдѣлали опять отцы собора и сосѣдніе съ Богеміей князья. Отправленные ими духовные и свѣтскіе уполномоченные прибыли въ іюнѣ 1433 г. въ Прагу, гдѣ были встрѣчены очень дружелюбно. Въ Прагу пріѣхали тогда сословія Богеміи и Моравіи; въ числѣ чешскихъ уполномоченныхъ находились Прокопъ Большой, не хотѣвшій и слышать о римской церкви, и Янъ Рокицана, желавшій примиренія съ нею. Между умѣренной партіей, столь же враждебной своимъ радикальнымъ соотечественникамъ, какъ и соборъ, и уполномоченными іерарховъ возникли тайные переговоры. Такимъ образомъ въ то время, какъ радикальная партія продолжала набѣги на иностранныя земли, когда орфаниты подъ предводительствомъ Яна Чапка проникли до Данцига и сожгли тамъ монастырь Оливу, а Прокопъ Большой, оставивъ Прагу, опустошалъ вмѣстѣ съ Прокопомъ Малымъ Баварію, Венгрію и Силезію и напалъ со всѣмъ своимъ войскомъ на Пильзенъ, — предводители умѣренной партіи Мейнгардъ изъ Градца и Янъ Рокицана перешли на сто-

рону собора. Мейнгардъ даже отправилъ войско на помощь городу Пильзену. Рокицана былъ привлеченъ обѣщаніемъ собора назначить его архіепископомъ пражскимъ, если онъ примирится съ церковью. Условія, на которыхъ умѣренные гуситы соглашались снова присоединиться къ церкви, были составлены и отправлены съ депутаціей къ базельскому собору. Сигизмундъ, находившійся тогда въ Базелѣ, старался всѣми силами, чтобы соборъ принялъ предложеніе чеховъ, основательно расчитывая, что тогда ужь вражда католиковъ и умѣренныхъ гуситовъ къ крайней партіи навѣрное сдѣлается непримиримою. Дальнѣйшій ходъ переговоровъ и преній не относится до насъ; мы замѣтимъ только, что уполномоченные собора и умѣренной партіи гуситовъ заключили договоръ, подписанный 30 ноября 1433 г. въ Прагѣ и утвержденый соборомъ въ февралѣ 1434. Этотъ договоръ, извѣстный подъ именемъ пражскихъ компактатовъ, признавалъ за новой гуситской общиной въ Богеміи четыре пражскія статьи съ нѣкоторыми ограниченіями. Редакція четырехъ статей получила слѣдующія измѣненія: „1) причащаться дозволяется подъ обоими видами; 2) духовные за обыкновенныя преступленія могутъ быть судимы свѣтскими судьями, но только при участіи духовныхъ; 3) слово божіе можетъ свободно проповѣдываться, но только правильно поставленными духовными; 4) духовные не должны вмѣшиваться въ свѣтское управленіе и могутъ управлять только церковными имѣніями; но съ другой стороны захватъ церковныхъ имѣній свѣтскими лицами наказывается какъ святотатство.“ Слѣдовательно, сдѣланныя уступки были не важны и потому неудивительно, что табориты, оребиты и орфаниты не приняли компактатовъ и вскорѣ выказали противъ своихъ гуситскихъ соотечественниковъ гораздо больше озлобленія, чѣмъ противъ чистыхъ католиковъ.

Вслѣдъ за заключеніемъ компактатовъ вспыхнула открытая вражда между чешскими аристократами и городами съ одной стороны и демократами съ другой. На Сигизмунда никто не обращалъ вниманія, и потому для обузданія фанатиковъ крайней партіи

(таборитовъ, оребитовъ, орфанитовъ и др.) аристократическая и городская партіи Богеміи учредили управленіе отъ имени сословій, т. е. аристократіи. Правителемъ государства былъ избранъ Алешъ Врештовскій изъ Ризенбурга, человѣкъ честный и уважаемый, но не полководецъ. Помощниками его были Мейнгардъ изъ Градца, Гинце Птачекъ изъ Пиркштейна, Алешъ изъ Штернберга и Коловратъ. Аристократическая партія старалась прежде всего освободить Пильзенъ, одиннадцать мѣсяцевъ осаждаемый Прокопомъ Большимъ, и сломить могущество владѣвшихъ новымъ городомъ Праги орфанитовъ, священникъ которыхъ Вольфъ былъ заклятымъ врагомъ Рокицаны. Для достиженія этихъ цѣлей соборъ долженъ былъ дать субсидіи; не имѣя ни доходовъ, ни особыхъ суммъ въ своемъ распоряженіи, отцы открыли между собою подписку и отправили деньги въ Богемію, когда пражцы и рыцари уже двинулись на выручку Пильзена. Еще передъ тѣмъ, одинъ изъ предводителей умѣренной партіи, Кленовскій, пробился чрезъ войско Прокопа и доставилъ Пильзену провіантъ и подкрѣпленія, а рыцари и граждане стараго города Праги нанесли рѣшительное пораженіе отряду Прокопа Малаго въ новомъ городѣ. Узнавъ объ этомъ, Прокопъ Большой сжегъ свой лагерь передъ Пильзеномъ вмѣстѣ съ больными и ранеными, намѣреваясь двинуться на Прагу, чтобы, какъ онъ говорилъ, истребить все чешское дворянство, а изъ новаго города Праги сдѣлать первый городъ въ мірѣ (конецъ апрѣля 1434 г.). Къ нему присоединились орфаниты и оребиты. Опустошая все по пути, соединенное войско двинулось подъ его главнымъ начальствомъ къ Прагѣ; предводителями отдѣльныхъ отрядовъ были Прокопъ Малый, Янъ Чапекъ изъ Сланаго и Янъ Керскій. Озлобленныя толпы отмстили Мейнгарду изъ Градца, опустошивъ его владѣнія и разрушивъ его городъ. Рыцари и города выставили противъ соединенныхъ силъ демократовъ многочисленное войско, которымъ по имени предводительствовалъ Алексѣй Врештовскій, въ дѣйствительности же Мейнгардъ изъ Градца. Кромѣ нихъ, во главѣ вооружен-

ныхъ горожанъ и рыцарей стояли Гинце Птачекъ, Алешъ изъ Штернберга и Вилемъ Костка. Въ концѣ мая 1434 г., обѣ войска расположились другъ противъ друга лагерями, окруженными военнымъ обозомъ, въ окрестностяхъ Чешскаго-Брода; 28 мая произошло у Линанъ и Гржибъ рѣшительное сраженіе, въ которомъ послѣ кровопролитной битвы пали оба Прокопа, а толпы предводительствуемыхъ ими мечтателей были истреблены, какъ дикія животныя. Въ отношеніи плѣнныхъ демократовъ побѣдители выказали страшную жестокость; такъ напримѣръ, пильзенцы заперли тысячу человѣкъ плѣнныхъ въ амбары и сожгли ихъ тамъ, а Петра Пэва и даже старца Вацлава Коранду, попавшихся въ плѣнъ, хотѣли утопить, но не сдѣлали этого только по настоятельному заступничеству Вилема Костки и пражанъ. Нѣкоторые писатели приписываютъ страшное пораженіе демократовъ тому, что войско Прокопа вышло изъ укрѣпленнаго лагеря въ открытое поле, гдѣ рыцарство должно было имѣть надъ нимъ перевѣсъ. Другіе говорятъ, что Чапекъ и Керскій, командовавшіе конницей, еще до сраженія вступили въ тайные переговоры съ врагами и, вмѣсто того, чтобы поддержать пѣхоту, аттакованную рыцарями, бѣжали съ поля битвы. Впослѣдствіи Янъ Чапекъ передалъ рыцарству занятые имъ города Колинъ и Чешскій-Бродъ и былъ щедро награжденъ за то побѣдителями; но это доказываетъ только, что онъ счелъ благоразумнымъ во время отдѣлиться отъ демократовъ. Впрочемъ, остатки мечтательныхъ сектъ остались страшными и послѣ этого пораженія.

По истребленіи главныхъ силъ мечтателей и демократовъ, Сигизмундъ отправилъ въ Прагу, гдѣ собрались представители дворянства и сословій (іюнь 1434 г.), поздравленіе съ побѣдою. По возвращеніи изъ Италіи императоръ, какъ искатель приключеній, странствовалъ по южной Германіи, переѣзжая изъ города въ городъ, занималъ вездѣ деньги, всѣмъ надоѣдалъ, и однажды былъ даже ограбленъ на большой дорогѣ однимъ рыцаремъ разбойникомъ; извѣстіе о пораженіи радикаловъ застало его въ Ульмѣ. Побѣдившая партія отвѣчала на его поздравленіе

посольствомъ, отправившимся въ Регенсбургъ, куда Сигизмундъ созвалъ сеймъ. Посольство явилось въ Регенсбургъ въ концѣ сентября и не имѣло другаго порученія, кромѣ поздравленія Сигизмунда съ императорскимъ титуломъ; все остальное было отложено до ближайшаго сейма. Изъ этого видно, что чешская аристократія не торопилась признать Сигизмунда своимъ давно коронованнымъ королемъ и помочь ему деньгами. Видя неподатливость аристократіи, Сигизмундъ обратился къ таборитамъ, оребитамъ и остаткамъ демократовъ, сохранявшимъ еще значеніе въ Богеміи и продолжавшимъ дѣлать набѣги на Германію. Но и съ ними переговоры не повели ни къ чему. Католицизмъ или вѣрнѣе зависимость императора отъ папы и духовенства, и страхъ, что Сигизмундъ снова призоветъ въ Богемію монаховъ, начнетъ строить монастыри, удалитъ отъ двора гуситскихъ священниковъ, будетъ нарушать четыре пражскія статьи и велитъ проповѣдывать не на чешскомъ, а на нѣмецкомъ языкѣ, мѣшали его примиренію съ обѣими партіями. Весной 1434 г. Сигизмундъ возвратился въ Венгрію, не заѣзжая въ Богемію. Правитель королевства Алешъ Врештовскій старался всѣми силами содѣйствовать примиренію короля съ сословіями и наконецъ достигъ того, что 14 февраля 1435 года, на сеймѣ въ Прагѣ, чешскіе аристократы и ихъ гуситскіе богословы предложили Сигизмунду четырнадцать статей, которыя онъ долженъ былъ подписать, если желалъ быть признаннымъ чешскимъ королемъ. Эти статьи, которыя мы не считаемъ нужнымъ приводить, были посланы къ императору въ Венгрію; но посольство не успѣло еще выѣхать, какъ въ Прагу уже явились уполномоченные Сигизмунда. Новые переговоры опять ничѣмъ не кончились, по всей вѣроятности потому, что императорскіе уполномоченные не хотѣли дѣлать никакихъ уступокъ. Затѣмъ въ Богеміи снова началась анархія. Защищаемые и поддерживаемые императоромъ католики все еще владѣли городами и крѣпостями и боролись съ умѣренными гуситами, которые въ одно и тоже время вели войну и съ вновь усилившимися таборитами, нападая на нихъ, отъ времени до времени,

въ открытомъ полѣ и осаждая ихъ укрѣпленія подъ предводительствомъ Гинце Птачка и Ольдриха изъ Розенберга. Примиренію императора съ Богеміей препятствовали не политическія, а богословскія причины: Сигизмундъ и его зять и преемникъ Альбрехтъ Австрійскій такъ же боязливо касались этихъ вопросовъ, какъ богословы гуситовъ и таборитовъ. Такимъ образомъ дѣло затянулось до іюля 1435 г., когда базельскій соборъ снова отправилъ посольство въ Богемію. На этотъ разъ переговоры кончились тѣмъ, что всѣ гуситы, каликстинцы и табориты обѣщались удовлетвориться компактатами, если Сигизмундъ и его зять сдѣлаютъ имъ еще нѣкоторыя уступки и сговорятся съ ними по политическимъ вопросамъ. Послѣ того Сигизмундъ и Альбрехтъ поѣхали въ Брюннъ, куда явилось блистательное чешское посольство изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, вступившихъ въ городъ совершенными побѣдителями. Рокицана, участвовавшій въ посольствѣ, передалъ императору упомянутыя четырнадцать статей. Сигизмундъ согласился на нихъ (іюль 1435 года); впрочемъ онъ сдѣлалъ эту уступку только потому, что не могъ поступить иначе. Достигнувъ владычества надъ Богеміей, онъ нарушилъ свое слово, и неудовольствіе противъ нѣмцевъ сдѣлалось еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Призывая къ себѣ короля, чехи приняли всевозможныя предосторожности, но ихъ все-таки обманули. Не довѣряя императору, они еще разъ совѣщались между собой на сеймѣ въ Прагѣ, чтобы условиться относительно всѣхъ вопросовъ. На этомъ сеймѣ канцлеръ Сигизмунда, искусный дипломатъ Каспаръ Шлыкъ, отлично знавшій своихъ соотечественниковъ, убѣдилъ сословія Богеміи оффиціально утвердить компактаты и отправить посольство съ этими документами въ Штульвейссенбургъ, куда должны были явиться и уполномоченные базельскаго собора. Въ Штульвейссенбургѣ Сигизмундъ и Альбрехтъ (въ началѣ января 1436 г.) выдали чешскимъ посламъ двѣ граматы, которыми подтверждались права и привилегіи чеховъ относительно богослуженія, удовлетворившія всю Богемію кромѣ нѣсколькихъ таборитскихъ общинъ. Въ этихъ граматахъ всѣхъ чехамъ были обѣщаны защита и

покровительство, гуситскому духовенству предоставлялось право избирать особаго архіепископа и двухъ епископовъ и императоръ обязывался испросить у папы и собора утвержденіе всѣхъ своихъ обѣщаній. Дѣйствительно, черезъ два мѣсяца Евгеній IV утвердилъ новыя права чеховъ, избравшихъ тогда Яна Рокицану архіепископомъ пражскимъ.

Такимъ образомъ, казалось, все дѣло было улажено; но непостоянство Сигизмунда и жестокость его зятя противъ евреевъ и еретиковъ постоянно возбуждали въ народѣ недовѣріе. Образованная часть каликстинцевъ не могла не знать, что въ это время Сигизмундъ, — о чемъ, разумѣется, съ восхищеніемъ разсказываетъ его новѣйшій біографъ, — искалъ утѣшенія на могилѣ своего покровителя святаго Вацлава и выбралъ своимъ духовникомъ и совѣтникомъ генеральнаго викарія миноритовъ Якова Пицена де Мархія, — человѣка, орденъ котораго былъ особенно ненавистенъ чехамъ. Мы не хотимъ вѣрить, что этотъ францисканецъ далъ императору совѣтъ, за который, выражаясь словами Данте, и воинъ въ францисканской рясѣ, давшій его, и папа, послѣдовавшій ему, пошли въ адъ; но достаточно было того, что объ этомъ говорили и что этому вѣрили. Разсказываютъ, что этотъ призванный изъ Босніи монахъ, проповѣдывавшій объ истребленіи мечомъ и огнемъ еретиковъ, которыхъ не убѣждали его слова, сказалъ своему духовному сыну, что онъ можетъ обѣщать еретикамъ гуситамъ все, но не долженъ исполнять обѣщаннаго. Дѣйствія дипломатовъ императора были таковы, что, еслибы даже духовникъ Сигизмунда и не далъ подобнаго совѣта, то все-таки могло казаться, что они раздѣляютъ его. Когда въ іюнѣ 1436 года Сигизмундъ и его зять прибыли въ Иглаву, и чехи все еще не рѣшались впустить его въ Прагу, императоръ сдѣлалъ имъ уступки и обѣщалъ то, чего ни самъ онъ, ни его зять, ни канцлеръ Каспаръ Шликъ не хотѣли да и не могли исполнить. 12 іюля правитель государства Алешъ Врештовскій обнародовалъ по всему королевству декретъ о принятіи компактатовъ, примиреніи съ римскою церковью и признаніи

Сигизмунда императоромъ. 25 августа 1436 г. Сигизмундъ съ торжествомъ вступилъ въ столицу Богеміи. Въ Прагѣ, какъ и вездѣ въ теченіе всей своей жизни, Сигизмундъ, не смотря на вѣчную нужду въ деньгахъ, думалъ болѣе всего о роскоши, праздиествахъ, пирушкахъ и оргіяхъ.

7. Базельскій соборъ; послѣдніе годы Сигизмунда; Богемія и Австрія при Альбрехтѣ II и по его смерти.

Базельскій соборъ удовлетворилъ бы жалобы нѣмецкаго народа на злоупотребленія папской церкви точно такъ же, какъ онъ удовлетворилъ жалобы чеховъ, если бы германскіе императоры изъ политики не противились всякой реформѣ, которая лишила бы ихъ возможности пользоваться для своихъ цѣлей монархическою властью папъ противъ аристократіи германскихъ епископовъ. Вслѣдствіе этой политики всѣ постановленія собора, клонившіяся къ преобразованію папской церкви, остались неосуществленными. Такимъ образомъ народъ, оставленный своими свѣтскими и духовными князьями, былъ вынужденъ въ слѣдующемъ столѣтіи насильственно произвести революцію подъ предводительствомъ нѣсколькихъ смѣлыхъ проповѣдниковъ. Чтобы показать, какія измѣненія требовались въ то время отъ собора и какія реформы считались необходимыми во всѣхъ государствахъ, преимущественно въ Англіи, Германіи и Франціи, достаточно въ нѣсколькихъ словахъ привести оффиціальныя жалобы нѣмцевъ (Gravamina nationis Germanicae) на ультрамонтанизмъ. Въ этомъ сборникѣ жалобъ говорится, что: „1) Папы рѣшительно не считаютъ себя связанными буллами, договорами, привилегіями и граматами, выданными ихъ предшественниками, а отмѣняютъ и уничтожаютъ ихъ по просьбамъ разныхъ негодяевъ; 2) Никакіе выборы не уважаются, и папа произвольно раздаетъ епископства, деканаты, пробства и аббатства, даже тогда, когда они были прежде куплены дорогою цѣной (какія

притѣсненія должны были происходить отъ этого, можно понять уже изъ того, что въ одной Германіи считалось до пятидесяти епископствъ); 3) Лучшія нѣмецкія провинціи постоянно раздаются римскимъ кардиналамъ и протонотаріямъ; 4) Папская канцелярія раздаетъ такое множество дипломовъ на полученіе мѣстъ и доходовъ (экспектанцій), что естественно пропадаетъ много денегъ и безчисленные процессы становятся неизбѣжными; 5) Аннаты, т. е. доходы, выплачиваемые папѣ по смерти одного изъ епископовъ до назначенія ему преемника (medii fructus), постоянно возвышаются; такъ напримѣръ въ Майнцѣ они простирались сначала до 10 т., потомъ до 20 т., наконецъ до 25 т. дукатовъ, и сумма эта еще удвоивается, когда въ одинъ годъ умираютъ два епископа; 6) Духовныя мѣста замѣняются итальянцами, не знающими ни языка, ни нравовъ своей паствы; 7) Папы отмѣняютъ старыя, давно уплаченныя индульгенціи, чтобы имѣть возможность продавать новыя; 8) Десятины, собираемыя для войны съ турками, тратятся совсѣмъ не на походы противъ невѣрныхъ и не на помощь грекамъ; 9) Процессы всѣхъ родовъ переносятся въ Римъ, гдѣ за деньги можно все сдѣлать." — Еще въ 1416 г. по поводу этихъ жалобъ были переданы констанцскому собору такъ называемые авизаменты (т. IX, стр. 160), и вслѣдствіе того между императоромъ и папой заключенъ былъ конкордатъ; но, не смотря на то, по прошествіи двухъ лѣтъ гнетъ сдѣлался еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Изъ этого можно видѣть, какъ папа и императоръ обманули нѣмцевъ. Въ 1427 г. курфирстъ майнцскій передалъ императору новые авизаменты; но Сигизмундъ не могъ ничего добиться отъ папы и потому велѣлъ своему совѣтнику Фридриху фонъ Ландскрону составить такъ называемую реформацію, оставшуюся точно также безъ всякихъ послѣдствій.

Въ 1434 году базельскій соборъ устранилъ, хотя и за вознагражденіе, одно изъ злоупотребленій папской церкви, а именно аннаты; но ни тогда, ни въ слѣдующемъ году онъ не могъ добиться отъ Сигизмунда исполненія этого постановленія и формаль-

наго обѣщанія принять сторону собора противъ папы. По смерти Вильгельма Баварскаго, императоръ даже не хотѣлъ назначать новаго покровителя собора. Сигизмундъ оставался на сторонѣ базельскихъ іерарховъ только до тѣхъ поръ, пока нуждался въ ихъ посредничествѣ въ гуситскихъ дѣлахъ. Точно также поступили кардиналы и даже Юліанъ, долѣе другихъ ратовавшій въ Базелѣ въ пользу церковной реформы. Кардиналы отдѣлились отъ собора, когда онъ уменьшилъ ихъ доходы. Послѣ уничтоженія аннатовъ въ 1434 г. (за которые французы не хотѣли допустить даже вознагражденія), разсматривался въ 1435 г. вопросъ о палліумахъ; въ 1436 году происходили совѣщанія о раздачѣ правъ на церковные доходы, произвольномъ замѣщеніи духовныхъ мѣстъ (провизіи), о способѣ повѣрки чистоты религіозныхъ убѣжденій папъ и о числѣ кардиналовъ. Все это естественно должно было испугать кардиналовъ. Чтобы остановить совѣщаніе собора, выступившаго противникомъ папскаго самодержавія, Евгеній старался снова возбудить рѣчь о соединеніи греческой церкви съ латинскою. О соединеніи церквей ревностно хлопоталъ греческій императоръ, какъ мы уже говорили въ греческо-турецкой исторіи папа, разумѣется, тоже желалъ его, а въ угоду ему о томъ же хлопоталъ и Сигизмундъ въ своихъ письмахъ, посольствахъ и увѣщаніяхъ. Соборъ вступилъ въ переговоры объ этомъ съ греческимъ дворомъ и получилъ отъ него обѣщаніе, что уполномоченные грековъ непремѣнно явятся въ Базель, если соборъ отправитъ на помощь грекамъ флотъ; но Евгеній съумѣлъ разстроить все дѣло. По его наущенію греческій императоръ писалъ въ ноябрѣ 1435 г., что находитъ болѣе удобнымъ, чтобы переговоры о соединеніи церквей происходили не въ Базелѣ, а въ другомъ мѣстѣ, болѣе близкомъ къ морю, для того чтобы на немъ могъ присутствовать папа, которому нельзя было предпринять далекаго путешествія. Это совпало съ тѣмъ временемъ (въ началѣ 1436 г.), когда Сигизмундъ, не имѣвшій обыкновенія держать своихъ обѣщаній и словъ, отказался исполнить упомянутыя нами требованія собора.

Съ той минуты, когда папа и императоръ высказали, что, по поводу греческаго вопроса, хотятъ перенести соборъ въ другое мѣсто, базельскіе отцы стали своими дѣйствіями все болѣе отдаляться отъ представителей свѣтской и духовной власти латинскаго міра. Въ мартѣ 1436 г., совѣщаясь о будущемъ избраніи папы, соборъ потребовалъ, чтобы новый папа клятвенно обязывался исполнять постановленія реформаторскихъ соборовъ XV столѣтія, и предписалъ папѣ образъ дѣйствій, который долженъ былъ сдѣлать его жизнь образцомъ для всего духовенства. Такъ же строги были изданные имъ законы относительно числа и выбора кардиналовъ и поведенія ихъ; при этомъ соборъ возобновилъ свои постановленія о свободномъ избраніи епископовъ и прелатовъ, мѣста которыхъ продавались въ Римѣ тому, кто давалъ болѣе денегъ. Въ апрѣлѣ 1436 г. Евгеній уже окончательно разошелся съ соборомъ, продолжавшимъ, не обращая вниманія на папу, облекать свои постановленія въ форму законовъ, хотя кардиналы, и въ томъ числѣ Юліанъ, не хотѣли болѣе принимать участія въ совѣщаніяхъ. Наконецъ соборъ двумя декретами объявилъ папѣ открытую войну. Онъ уничтожилъ всѣ папскіе прерогативы и, по случаю соединенія грековъ съ латинянами, велѣлъ объявить всеобщее прощеніе грѣховъ, не смотря на то, что индульгенціи были изобрѣтеніемъ и составляли доходъ папъ. Эти двѣ мѣры подѣйствовали тѣмъ сильнѣе, что еще въ концѣ 1435 г. соборъ, подъ страхомъ тяжкаго наказанія, запретилъ аппеллировать къ папамъ на его рѣшенія и велѣлъ архіепископу ліонскому, какъ примасу галликанской церкви, выдать вновь назначенному архіепископу руанскому палліумъ, въ которомъ ему отказывалъ папа. Евгеній обратился съ дипломатическими нотами и посольствами ко всѣмъ государямъ, обращая ихъ вниманіе на опасность, грозившую отъ церковной аристократіи, которая стремилась захватить въ свои руки верховную власть въ свѣтскихъ и духовныхъ дѣлахъ, составлявшую до сихъ поръ предметъ притязанія папъ. Споръ длился въ теченіе всего 1436 года, пока наконецъ вопросъ о греческой церкви не произвелъ окончательнаго разрыва. На немъ

сосредоточился весь споръ, какъ на исходномъ пунктѣ, съ помощью котораго меньшинство кардиналовъ и папскихъ прелатовъ надѣялось побѣдить большинство, имѣвшее противъ себя папу, императора и грековъ. Грекамъ, настаивавшимъ, какъ и папа съ 1434 г., на перенесеніи собора въ итальянской городъ, соборъ предлагалъ Авиньонъ; но они требовали, чтобы авиньонцы или члены собора выдали имъ по крайней мѣрѣ 70 т. дукатовъ, чего разумѣется ни тѣ, ни другіе не хотѣли исполнить. Въ двадцать пятое засѣданіе собора, 7 марта 1437 года, было баллотировано окончательное рѣшеніе по этому вопросу. Двѣ трети членовъ собора подали голоса за то, чтобы переговоры съ греками происходили въ Базелѣ, Авиньонѣ или въ одномъ изъ савойскихъ городовъ; остальная треть или папская партія, во главѣ которой стоялъ Юліанъ, объявила себя, согласно предложенію папы, за перенесеніе собора во Флоренцію или Удине. По этому поводу архіепископъ тарентскій, присутствовавшій на соборѣ вмѣстѣ съ Юліаномъ, какъ папскій коммисаръ, выказалъ себя мастеромъ дипломатическихъ фокусовъ, хотя и ко вреду того дѣла, которому служилъ. По окончаніи баллотировки соборъ призналъ мнѣніе большинства законнымъ, но предоставилъ и меньшинству обнародовать свое мнѣніе. Рѣшеніе большинства за всевозможными печатями было положено въ одинъ изъ ящиковъ архива, гдѣ хранились подобнаго рода грамоты. Проникнувъ въ архивъ, архіепископъ тарентскій отрѣзалъ снурки, на которыхъ висѣли печати большинства, и положилъ въ ящикъ рѣшеніе меньшинства, пришивъ къ нему всѣ печати. Мастерской дипломатическій фокусъ былъ однако скоро открытъ, и архіепископъ долженъ былъ бѣжать; императоръ отперся отъ него въ своемъ письмѣ изъ Эгера, грозясь наказать мошенничество; папа также отказывался отъ участія въ подлогѣ; при всемъ томъ дѣйствія Евгенія доказывали, что ему было бы пріятно, еслибы его коммисаръ взялся за дѣло искуснѣе. Въ письмахъ къ императору и королямъ Европы онъ умолялъ ихъ противодѣйствовать исполненію

рѣшенія большинства и способствовать перенесенію собора въ Италію.

Побуждаемый греками, присоединившимися къ папѣ, и венеціанцами, интересы которыхъ сходились съ интересами папы и грековъ, Евгеній сдѣлалъ въ сентябрѣ 1437 г. послѣдній, рѣшительный шагъ. Въ февралѣ 1438 г. онъ созвалъ новый соборъ въ Феррару, что было равносильно распущенію базельскаго собора. Это повело къ окончательному разрыву въ церкви: съ этихъ поръ соборъ, признававшій себя выше папы, и папа, утверждавшій, что онъ выше собора, стали преслѣдовать другъ друга судебнымъ порядкомъ. Базельскіе отцы сначала обвинили папу въ упорствѣ, по томъ (12 октября 1437 г.) объявили недѣйствительною буллу о созваніи феррарскаго собора и наконецъ, въ тридцать первое засѣданіе (24 января 1438 года), постановили низложить папу. Эти рѣшенія собора поставили императора и городъ Базель въ страшное затрудненіе: ни Сигизмундъ, ни базельцы не хотѣли ссориться съ соборомъ, а между тѣмъ папа настаивалъ, чтобы они относились къ нему враждебно. Отъ императора Евгеній требовалъ, чтобы онъ перестал защищать соборъ, а отъ базельцевъ, чтобы они не позволяли членамъ оставаться долѣе въ ихъ городѣ. Сигизмундъ не дожилъ до окончательнаго разрыва между Евгеніемъ и базельскимъ соборомъ. Проѣзжая изъ Богеміи въ Венгрію, онъ заболѣлъ въ моравскомъ городѣ Знаймѣ и умеръ въ немъ 9 декабря 1438 г. Даже въ послѣднія минуты жизни, его не оставляли тщеславіе и страсть къ пустой роскоши и смѣшному блеску. Узнавъ отъ доктора, что ему остается жить нѣсколько часовъ, Сигизмундъ, вмѣсто того чтобы забыть земное величіе и сознать его ничтожность, велѣлъ посадить себя на тронъ въ императорской одеждѣ и во всѣхъ знакахъ императорскаго достоинства. Такимъ образомъ онъ и скончался. Его смерть послѣдовала при самыхъ печальныхъ предзнаменованіяхъ для Богеміи, собора и Германіи, упорно требовавшей церковной реформы. Сынъ и преемникъ Сигизмунда Альбрехтъ II, фанатическій папистъ, былъ ненавидимъ и гуситами и приверже-

цами собора. Еще при жизни императора противъ него составлялись заговоры между Фридрихомъ Тирольскимъ и Ксантиппою и Мессалиною Сигизмунда — Варварою фонъ Циллей, отравлявшею жизнь мужа: Фридрихъ стремился получить чешскую корону, Варвара, которой давно опротивѣлъ старый мужъ, хотѣла доставить чешскій престолъ красивому мальчику, брату польскаго короля. Узнавъ не за долго до своей смерти о заговорѣ жены, Сигизмундъ побоявшись схватить Варвару въ Богеміи, велѣлъ арестовать ее, когда она пріѣхала въ Моравію. Первой мыслью Альбрехта было обезопасить себѣ со стороны мачихи своей жены. Онъ взялъ ее съ собой въ Венгрію какъ плѣнницу, потомъ снова выслалъ оттуда и конфисковалъ всѣ ея имѣнія, оставивъ ей только вдовье содержаніе 12 т. гульденовъ въ годъ.

Зять Сигизмунда Альбрехтъ II былъ безъ всякихъ затрудненій признанъ королемъ венгерскимъ; въ Австріи онъ учредилъ регенство изъ тринадцати епископовъ, рыцарей и высшихъ чиновниковъ; въ Германіи его еще въ маѣ 1438 г. избрали королемъ; только одна Богемія не хотѣла признавать Альбрехта преемникомъ Сигизмунда. Сначала и въ Германіи большинство курфирстовъ было расположено въ пользу маркграфа бранденбургскаго Фридриха, но архіепископъ майнцскій, имѣвшій причины предпочитать Альбрехта, добился того, что ему были даны всѣ голоса. Альбрехтъ, менѣе Сигизмунда падкій до роскоши и представительности, медлилъ принять предлагаемую ему германскую корону. Къ тому же и положеніе дѣлъ, вслѣдствіе отношеній базельскаго собора къ папѣ и къ открывшемуся феррарскому собору, съ самаго начала ставило новаго короля въ большое затрудненіе. Послѣ того какъ и базельскій соборъ отправилъ къ нему уполномоченныхъ съ просьбою принять германскую корону, Альбрехтъ согласился исполнить всеобщее желаніе, но только подъ условіемъ, что онъ пріѣдетъ короноваться въ имперію не ранѣе какъ чрезъ два года. Фридрихъ Штирійскій, сынъ герцога Эрнста Желѣзнаго, всѣми силами старался убѣдить Альбрехта принять корону; напротивъ Фридрихъ

Тирольскій до самой смерти (1439 года) поддерживалъ сношенія съ Богеміей, но его честолюбивыя стремленія не имѣли послѣдствій и не принесли ему никакихъ выгодъ. Въ Богеміи утраквисты и табориты были противъ Альбрехта, католики же еще въ маѣ 1438 г. признали его своимъ королемъ. Передъ смертью Сигизмундъ снова поссорился съ гуситами, духовенство которыхъ держало себя враждебно противъ него; вслѣдствіе того Вацлаву Корандѣ было запрещено проповѣдывать, Петръ Пэнъ былъ выгнанъ изъ Праги, а гуситскій архіепископъ Рокицана, не чувствуя себя безопаснымъ, бѣжалъ въ Краловъ-Градецъ. По этому женѣ Сигизмунда Варварѣ не трудно было склонить въ пользу своихъ плановъ предводителей крайнихъ гусистовъ: Гинца Птачка, Альша изъ Штернберга и Георгія Подѣбрада. По смерти Сигизмунда они, не смотря на то, что Варвара находилась въ плѣну, созвали въ Таборъ большое собраніе и прозвозгласили королемъ польскаго принца, тринадцатилѣтняго Казиміра. Въ это время предводители противной партіи: Ольдрихъ изъ Розенберга, Мейнгардъ изъ Градца, Заицъ изъ Газенбурга и Ганушъ Коловратъ присутствовали при короновании Альбрехта, торжественно совершенномъ въ церкви пражскаго замка епископомъ ольмюцкимъ и двумя другими епископами. Слѣдствіемъ этого двойнаго выбора была открытая война между крайними гуситами и ихъ единовѣрцами, примирившимися съ церковью посредствомъ компактатовъ. Обѣ стороны выставили войско и грабили замки, города и владѣнія противниковъ; сначала перевѣсъ былъ на сторонѣ Альбрехта и его приверженцевъ не смотря на то, что на помощь крайнимъ гуситамъ явилось 15 т. поляковъ. Въ этой войнѣ обѣ стороны дѣйствовали артиллеріей; тяжелыя орудія Альбрехта такъ искусно обстрѣливали укрѣпленный непріятельскій лагерь, что гуситы принуждены были искать убѣжища за стѣнами города Табора. Комендантъ города Гинце Птачекъ былъ доведенъ до послѣдней крайности и по всей вѣроятности сдался бы на капитуляцію, если бы на помощь не поспѣшилъ Г е о р г і й П о д ѣ б р а д ъ. Этотъ чехъ, игравшій впослѣдствіи въ своемъ отечествѣ

такую же роль, какъ Іоаннъ Гуніадъ въ Венгріи, спасеніемъ Табора въ первый разъ пріобрѣлъ себѣ славу полководца, и принудилъ короля Альбрехта снять осаду и вернуться въ Прагу.

Вскорѣ польскій король убѣдился, что брату его не достигнуть чешскаго престола; а такъ какъ онъ къ тому же былъ слишкомъ ревностнымъ католикомъ, чтобы служить поддержкою гуситамъ, то онъ вступилъ съ Альбрехтомъ въ союзъ, дававшій возможность германскому королю двинуться въ Венгрію противъ турокъ. Альбрехтъ началъ съ того, что вторгнулся въ Силезію и страшно опустошилъ ее. Въ то время ему вдругъ пришла странная мысль назначить графа фонъ Циллей, одного изъ братьевъ злой Варвары, намѣстникомъ Богеміи и слѣдовательно довѣрить страну человѣку, фамилія котораго прославилась въ исторіи Венгріи и Австріи измѣнами и убійствами. Лишь только Альбрехтъ уѣхалъ въ Бреславль и Герлицъ, чтобы принять присягу этихъ городовъ, его намѣстникъ сталъ подкупомъ сманивать на свою сторону чешскихъ аристократовъ. Попытка графа не удалась и онъ бѣжалъ, но впослѣдствіи, по смерти Альбрехта, произвелъ новыя волненія въ Венгріи. Альбрехтъ передалъ намѣстничество Мейнгарду изъ Градца и Ольдриху изъ Розенберга; они вошли въ переговоры съ чешскими утраквистами и на время войны Альбрехта съ турками возвратили отечеству спокойствіе. Изъ турецкой исторіи (т. IX, стр. 78) намъ уже извѣстенъ несчастный и постыдный конецъ этого похода. Заболѣвъ по своей неосторожности поносомъ, Альбрехтъ умеръ въ маленькомъ мѣстечкѣ, въ четырехъ миляхъ отъ Грана (27 октября 1439 г.). Черезъ четыре мѣсяца по смерти Альбрехта родился его сынъ Владиславъ VI, и вопросъ объ опекѣ надъ нимъ сдѣлался поводомъ къ страшнымъ несогласіямъ въ Австріи, Венгріи и Богеміи.

Въ Австріи послѣ Эрнста Желѣзнаго, умершаго въ 1424 г., осталось два сына; старшій изъ нихъ, Фридрихъ III, наслѣдовалъ отцу въ Штиріи, Каринтіи и Крайнѣ. Его то по смерти Альбрехта II нѣмцы избрали на нѣкоторое время своимъ королемъ (1440 г.); но германская корона имѣла тогда такъ мало значенія, что Фридрихъ

три съ половиною мѣсяца не рѣшался принять ее. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Альбрехта, онъ взялъ на себя опеку надъ малолѣтнимъ сыномъ Фридриха Пустаго Кармана, герцогомъ тирольскимъ Сигизмундомъ, сошедшимъ впослѣдствіи съ ума, потомъ былъ признанъ въ Австріи опекуномъ молодаго Владислава и такимъ образомъ соединилъ въ своихъ рукахъ управленіе всѣми австрійскими владѣніями. Напротивъ, чехи и мадьяры не хотѣли и слышать о нѣмцахъ. Мы уже говорили (т. IX, стр. 79 и 82) о спорахъ и несогласіяхъ, возникшихъ въ Венгріи по поводу опеки надъ молодымъ Владиславомъ, и остановимся здѣсь преимущественно на чешскихъ дѣлахъ и тѣсно связанной съ базельскимъ соборомъ попыткѣ церковной реформы. Краткій же очеркъ исторіи Германіи или положенія отдѣльныхъ государствъ и городовъ въ царствованія Сигизмунда и Альбрехта II мы представимъ тогда, когда будемъ говорить о стараніяхъ Максимиліана I возстановить императорское значеніе и законный порядокъ.

По смерти Альбрехта II чехи учредили въ Богеміи національную опеку и правленіе, а венгры короновали Владислава III Польскаго, не смотря на то, что Елисавета спрятала священную корону, которая одна въ глазахъ венгровъ придавала значеніе коронованію. Елисавета бѣжала сначала въ Австрію подъ защиту брата Фридриха III — Альбрехта Мота, но убѣдившись, что онъ не въ силахъ защитить ее, обратилась, какъ и тирольцы, къ Фридриху. Фридрихъ низкимъ образомъ воспользовался ея нуждою, потребовавъ отъ нея богатыхъ помѣстій и владѣній въ залогъ за ничтожныя суммы. Понявъ его намѣренія, Елисавета завязала переговоры съ польскимъ королемъ и примирилась съ венграми. Затѣмъ она вернулась въ Венгрію, оставивъ сына Владислава, двухъ дочерей и священную корону мадьяровъ во власти Фридриха, и еслибъ не внезапная смерть ея (19 декабря 1447 г.), вышла бы тогда за мужъ за польскаго короля Владислава. Скоропостижную смерть Елисаветы, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, приписывали отравленію. Изъ двухъ новѣйшихъ историковъ

Австріи временъ Фридриха III, могущихъ служить источниками, одинъ Курцъ полагаетъ, что она была отравлена, другой—Хмель оставляетъ но рѣшеннымъ вопросъ о томъ, умерла ли она отъ яду или отъ аневризма. Венгерскій историкъ Энгель приписываетъ смерть Елисаветы другимъ причинамъ, но съ такою оговоркою: „нѣтъ сомнѣнія, что если даже она была отравлена, то такой рыцарь, какъ Владиславъ, но принималъ въ этомъ никакого участія.“

Съ этой минуты, какъ мы уже говорили, главную роль въ Венгріи играетъ Гуніадъ. Въ Богеміи продолжаются смѣны правительствъ и неурядица, и болѣе чѣмъ когда нибудь ощущается потребность въ сильномъ правителѣ, способномъ положить предѣлъ безконечнымъ спорамъ утраквистовъ съ папистами и возстановить въ странѣ порядокъ. Сознавая это, предводители католической партіи предложили корону ребенка Владислава сначала герцогу баварскому, а потомъ германскому королю. Оба князя были такъ умны, что отказались отъ королевской власти, которую не могли бы сохранить за собой безъ упорной войны съ гуситами или ссоры съ папою и соборомъ. Отказъ ихъ заставилъ учредить регенство, которое должно было управлять страною именемъ несовершеннолѣтняго Владислава. Правителями были назначены предводители двухъ главныхъ партій: Мейнгардъ изъ Градца, сражавшійся за папу и базельскій соборъ, и Гинцо Птачекъ изъ Липы, глава гуситовъ, не принадлежавшихъ къ числу дикихъ фанатиковъ, съ которыми онъ долженъ былъ вести войну, Такое правительство, имѣвшее во главѣ людей съ противоположными взглядами и цѣлями, не могло существовать долго: ему не доставало ни одинства, ни силы для противодѣйствія вновь начавшимся грабежамъ и борьбѣ партій. Чтобы придать себѣ болѣе значенія, временное правительство хотѣло привезти молодаго Владислава въ Прагу; но Фридрихъ III не соглашался довѣрить его безпокойнымъ чехамъ. Тогда приверженцы Варвары предложили, чтобы ей, уже коронованной однажды чешскою короною, было ввѣрено управленіе страной. Это было во всякомъ случаѣ самой несчастной мыслью,

потому что отъ такой женщины, какъ Варвара, и отъ фамиліи фонъ Циллей нельзя было ожидать хорошаго воспитанія для ребенка. Варвара немедленно потребовала, чтобы ей даже прежде, чѣмъ она будетъ называться регентшею, былъ отданъ для жительства пражскій замокъ и предоставлены главные доходы государства. Опираясь на гуситовъ, она явилась въ Чаславъ, гдѣ была встрѣчена предводителями гуситской партіи: Птачкомъ, Голицкимъ и Георгіемъ Подѣбрадомъ. Планъ этотъ однако рушился, вслѣдствіе ея безстыдныхъ требованій. Тогда чехи ввѣрили управленіе каждаго изъ девяти округовъ, на которые раздѣлялась Богемія, одному начальнику изъ дворянъ и двумъ рыцарямъ, выбирая ихъ между католиками и утраквистами, а президентомъ всѣхъ девяти начальниковъ округовъ назначили ревностнаго утраквиста Птачка. Чтобы сохранить хоть тѣнь монархической власти въ странѣ, чехи отправили осенью 1443 г. посольство къ германскому королю Фридриху, вторично прося его прислать въ Богемію Владислава; но Фридрихъ опять отказалъ имъ въ этомъ. Богемія сдѣлалась жертвою полнѣйшей анархіи. Во главѣ партій стояли тогда Птачекъ — предводитель крайнихъ утраквистовъ, Бедрихъ Стражницкій — глава таборитовъ, Ольдрихъ изъ Розенберга, руководившій католиками, и Мейнгардъ изъ Градца — глава всѣхъ принявшихъ компактаты. Въ августѣ 1444 г. умеръ Птачекъ, и во главѣ сектантовъ стали Георгъ изъ Куншлата и Георгій Подѣбрадъ. Какъ крайняя національная партія, утраквисты были сильнѣе всѣхъ въ Богеміи; предводитель ихъ Георгій Подѣбрадъ мало по малу пріобрѣлъ такое значеніе, что впослѣдствіи могъ стремиться къ достиженію королевской короны. Въ теченіе 1445 и 1446 г. безпорядки не прекращались. Напрасно старались чехи убѣдить германскаго короля прислать въ Богемію Владислава; Фридрихъ боялся за чистоту вѣры молодаго принца, въ особенности вслѣдствіе преобладающаго вліянія гуситскаго еретика Георгія Подѣбрада. Когда посольство воротилось съ отказомъ, и исчезла всякая надежда примирить гуситовъ съ католиками, предводители гуситовъ рѣшили на собраніи въ Кутной-Горѣ за-

владѣть Прагою, выгнать оттуда Мейнгарда изъ Градца и его католическихъ приверженцевъ, а вмѣсто него поставить во главѣ націи гусита. Душою заговора былъ Георгій Подѣбрадъ. Для достиженія предположенной цѣли онъ вошелъ въ переговоры съ пражскими чехами, принадлежавшими къ гуситской партіи и ненавидѣвшими нѣмцевъ Праги, оставшихся вѣрными старому ученію, и условился, что они отопрутъ ночью одни изъ городскихъ воротъ. Этотъ планъ удался: Подѣбрадъ проникъ въ Прагу, соединилъ около себя всѣхъ пражскихъ утраквистовъ и занялъ городъ и замокъ Вышеградъ (1448 г.). Завладѣвъ Прагою, Подѣбрадъ велѣлъ схватить Мейнгарда изъ Градца и отправилъ его въ одинъ изъ своихъ замковъ, гдѣ тотъ вскорѣ и умеръ.

Съ этого времени Подѣбрадъ дѣйствуетъ какъ истинный владѣтель Богеміи. Соотечественники смотрѣли на него какъ на народнаго героя и защитника ихъ религіи, точно такъ же какъ венгры на Іоанна Гуніада: Гуніадъ водилъ мадьяръ противъ турокъ, а Подѣбрадъ—чеховъ противъ нѣмцевъ. Въ 1449 и 1450 года, онъ отмстилъ саксонцамъ за помощь, оказанную ими сыновьямъ Мейнгарда изъ Градца, и опустошилъ Германію. Эней Сильвій, бывшій въ то время (по современному выраженію) министромъ Фридриха III, посылавшаго его въ Богемію, утверждаетъ даже, что Подѣбрадъ еще тогда хотѣлъ заставить избрать себя королемъ, но этому избранію помѣшало только его (Энея Сильвія) краснорѣчіе. Вѣрно это или нѣтъ мы не знаемъ, но несомнѣнно, что Георгій во время своего управленія Богеміей, пользовался огромною властью. Онъ уничтожилъ церковныя злоупотребленія, которыя долженъ былъ устранить базельскій соборъ, и при немъ чехи пользовались такой религіозной свободой, какой не имѣли нѣмцы. Разумѣется, нѣмцы также старались воспользоваться споромъ папы съ соборомъ, чтобы освободить свою церковь отъ тяжелаго гнета римской іерархіи, какъ это сдѣлали впослѣдствіи французы; но они были оставлены своимъ королемъ и обмануты Римомъ. Сильвій опуталъ Фридриха, положеніе котораго въ Австріи, какъ опекуна Владислава,

едва ли не было затруднительнѣе, чѣмъ въ Богеміи и Венгріи, — сѣтью итальянскихъ интригъ, чтобы втайнѣ отнять у добродушныхъ нѣмцевъ то, что было уступлено имъ оффиціально.

8. Фридрихъ III и базельскій соборъ до его окончанія.

Окончательный разрывъ между папою Евгеніемъ IV и базельскимъ соборомъ раздѣлилъ на двѣ части западную церковь или по крайней мѣрѣ ея іерархію. Евгеній объявилъ базельскій соборъ распущеннымъ и, подъ покровительствомъ венеціанцевъ, открылъ новый соборъ въ Феррарѣ. Съ своей стороны базельскіе отцы въ январѣ 1438 г. низложили папу, назвали два мѣсяца спустя феррарскій соборъ тайнымъ обществомъ, потребовали къ суду членовъ его, а Евгенія объявили неисправимымъ. Разрывъ между папою и большинствомъ іерарховъ сдѣлался еще рѣшительнѣе послѣ того какъ оба кардинала, долгое время предсѣдательствовавшіе въ Базелѣ и ратовавшіе за реформу противъ папы, измѣнили собору и ускользнули въ Италію. Эти кардиналы были: Юліанъ, погибшій черезъ нѣсколько лѣтъ въ войнѣ съ турками, и Николай изъ Кузы (Nikolaus Cusanus), пріобрѣвшій всеобщую извѣстность своими трудами по нѣмецкой литературѣ и по возродившемуся въ то время изученію классической литературы древнихъ грековъ. Ихъ мѣсто занялъ кардиналъ и архіепископъ арльскій Людовикъ Аллеманъ, принявшій предсѣдательство на соборѣ. Папа давно ненавидѣлъ этого ученаго и кроткаго кардинала, проникнутаго убѣжденіемъ въ необходимости радикальной реформы, и потому не выпускалъ его изъ Италіи; но въ 1433 г. Людовикъ Аллеманъ тайнымъ бѣгствомъ освободился изъ подъ власти папы.

Евгеній и его феррарскій соборъ относились къ своимъ братьямъ по Христу самымъ неприличнымъ образомъ и въ своихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ, точно такъ же какъ въ системѣ управленія

христіанской церковью, оставили далеко позади себя базельскихъ отцевъ. Они объявили недѣйствительными всѣ ихъ постановленія, а Евгеній предавъ отлученію отъ церкви тѣхъ, кто признаетъ базельскій соборъ, подъ угрозами проклятія потребовалъ отъ базельскаго магистрата изгнанія прелатовъ изъ города и, стращая самыми тяжелыми церковными наказаніями, запретилъ базельцамъ продавать припасы собравшемуся въ Базелѣ духовенству. Феррарскій соборъ поступилъ съ базельскимъ собраніемъ, городомъ Базелемъ и торговавшими съ нимъ купцами такъ, какъ нѣкогда поступилъ съ венеціанцами папа Климентъ V (т. VIII, стр. 131). Итальянцы, составлявшіе большинство папскаго собора, потребовали, чтобы всѣ вѣрующіе грабили, во славу Божію и ради своей выгоды, тѣхъ купцовъ, которые станутъ отправлять товары и припасы въ Базель или останутся жить тамъ. Воззваніе это не имѣло послѣдствій, потому что ни базельскій магистратъ, ни купцы не обратили вниманія на декретъ ультрамонтановъ и большія дороги не сдѣлались отъ этого болѣе опасными, чѣмъ были тогда отъ рыцарей и графовъ, жившихъ грабежомъ.

Папа и соборъ были уже въ открытой враждѣ, и христіанскій міръ, слыша ихъ взаимныя проклятія, не зналъ, гдѣ ему искать истиннаго законодательства и управленія церкви, когда умеръ Сигизмундъ и курфирсты собрались для избранія новаго римскаго короля, а вслѣдъ за тѣмъ съѣхались на сеймъ князья и сословія Германіи. Обѣ стороны, папа и базельскіе отцы, старались склонить нѣмцевъ на свою сторону. Но нѣмцы оставались нейтральными и поступили вполнѣ основательно, на сколько это можно сказать о политическихъ и дипломатическихъ дѣйствіяхъ времени, совершенно различнаго отъ нашего, и по такому запутанному, полу-духовному вопросу. Они не желали ни превращать іерархіи въ аристократическую (кардиналъ Райнальдъ ошибочно говоритъ демократическую) республику, ни терпѣть долѣе, чтобы папская монархія оставалась деспотіей. Въ день избранія Альбрехта II преемникомъ Сигизмунда курфирсты объявили, что они и вся Германія останутся нейтральными,

и издали засвидѣтельствованную нотаріусомъ и свидѣтелями грамату, въ которой было сказано: что, покуда не прекратится церковный споръ, Германія не станетъ слушаться повелѣній ни папы, ни базельскаго собора, и что всякая епархія будетъ управляться попрежнему своимъ епископомъ до тѣхъ поръ, пока по соглашенію съ главою имперіи не будетъ издано общаго имперскаго постановленія; если же подобное постановленіе не состоится, Германія останется при своемъ нейтралитетѣ. Рѣшеніе курфирстовъ было сообщено имперскимъ сословіямъ и впослѣдствіи утверждено князьями какъ имперское постановленіе. Князья прибавили, что они будутъ аппеллировать къ будущему собору, если папа или соборъ сдѣлаютъ какія нибудь распоряженія, противныя этому постановленію. Даже строгій папистъ Альбрехтъ II, не смотря на всѣ старанія папы, остался при нейтралитетѣ, понимая, что только оставаясь безучастнымъ зрителемъ ихъ борьбы, онъ можетъ сдѣлаться примирителемъ обѣихъ сторонъ. На имперскомъ сеймѣ во Франкуртѣ онъ приступилъ къ союзу курфирстовъ.

Напрасно на этомъ и двухъ предъидущихъ сеймахъ нѣмцы и король ихъ старались примирить враждебныя партіи, присылавшія къ нимъ своихъ уполномоченныхъ: ни папа, ни базельскій соборъ не соглашались на уступки. Вслѣдствіе упорства обѣихъ сторонъ французы, а по ихъ слѣдамъ и нѣмцы, поступили очень умно, рѣшившись извлечь изъ спора іерарховъ ту выгоду, которую представляли имъ декреты собора, но самимъ не вмѣшиваться въ споры папы съ соборомъ. Къ несчастью, ни Альбрехтъ II, ни его ближайшій преемникъ Фридрихъ III не послѣдовали примѣру французскаго короля Карла VII, который изданіемъ основнаго государственнаго закона уничтожилъ во Франціи злоупотребленія церкви въ свѣтскихъ и мірскихъ дѣлахъ, предоставивъ духовнымъ спорить о богословскихъ и каноническихъ тонкостяхъ. Нельзя однако упустить изъ виду, что нѣмцамъ не на что было опереться, тогда какъ французы могли сослаться на узаконеніе пріобщеннаго къ лику святыхъ короля, за два столѣтія передъ тѣмъ положившаго предѣлъ ультрамонтанству

и оградившаго права французовъ въ церковныхъ дѣлахъ. Въ VII томѣ (стр. 437) мы уже говорили, что въ то время какъ папы готовили паденіе могущественному дому Гогенштауфеновъ, сажали на германскій престолъ королей клерикальной партіи и повергли Германію въ двадцатилѣтнюю анархію, названную междуцарствіемъ, Людовикъ IX или Святой основнымъ государственнымъ закономъ, извѣстнымъ подъ именемъ прагматической санкціи, опредѣлилъ основанія духовнаго судопроизводства французскихъ епископовъ и прелатовъ, обезпечилъ права свѣтскихъ церковныхъ патроновъ Франціи и всѣхъ лицъ, платившихъ повинности въ пользу церкви, оградилъ выборы епископовъ и аббатовъ отъ вмѣшательства папы, и вообще принялъ французское духовенство подъ свою защиту отъ притязаній римскаго двора. Въ 1438 г. Карлъ VII возобновилъ этотъ основной законъ. Еще за долго до того какъ нѣмцамъ пришло въ голову послѣдовать примѣру французовъ, онъ созвалъ въ Буржъ епископовъ, аббатовъ, прелатовъ, свѣтскихъ аристократовъ и правовѣдовъ. Въ это собраніе явились и пять депутатовъ отъ базельскаго собора, во главѣ которыхъ стоялъ Ѳома де Корсельи, и папское посольство изъ одиннадцати епископовъ и канониста. Въ одной буржской церкви депутаты собора передали французскимъ князьямъ, владѣтелямъ, прелатамъ, аббатамъ и важнѣйшимъ членамъ королевскаго совѣта постановленія собора, ограничивавшія притязанія римской церкви. Разсмотрѣвъ эти постановленія, собраніе, къ величайшему прискорбію папскихъ пословъ, приняло ихъ, какъ законъ, сдѣлавъ только нѣкоторыя измѣненія; въ іюлѣ слѣдующаго года они были утверждены парламентомъ и слѣдовательно признаны основнымъ государственнымъ закопомъ. Этотъ законъ такъ же, какъ и упомянутое узаконеніе Людовика Святаго, названъ прагматической санкціей, потому что, по словамъ Дюканжа, такъ называется всякое постановленіе, сдѣланное нѣсколькими знакомыми съ дѣломъ партіями, съ согласія знати и съ утвержденія правителя. Буржское постановленіе, сдѣлавшееся основаніемъ правъ галликанской церкви, необыкновенно важно для французской исторіи.

Цѣль нашей книги не позволяетъ намъ входить въ болѣе подробное разсмотрѣніе второй прагматической санкціи французовъ; мы замѣтимъ только, что французскій король не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на весь трескучій шумъ, поднятый папою Евгеніемъ противъ прагматической санкціи и главнаго ея защитника, архіепископа турскаго. Посмотримъ теперь, какъ поступили нѣмцы относительно постановленій собора, принятыхъ французами за государственный законъ.

Послѣ предварительныхъ совѣщаній въ Нюрнбергѣ, германскіе князья, въ мартѣ 1439 г., отправились на сеймъ въ Майнцъ вмѣсто Франкфурта, какъ сначала предполагалось. Въ Майнцъ пріѣхали германскіе князья и сословія, уполномоченные короля Альбрехта, послы французскаго, кастильскаго и португальскаго королей и герцога миланскаго; послѣдніе явились съ полномочіемъ и отъ Арагоніи. Кромѣ этихъ лицъ, на имперскій сеймъ должны были явиться депутаты базельскаго собора и папы Евгенія. Депутаты собора, представителемъ которыхъ былъ патріархъ аквилейскій изъ фамиліи герцоговъ Теккъ, пріѣхали во время; папскіе же послы, во главѣ которыхъ стоялъ осужденный за подлогъ архіепископъ тарентскій (т. IX, стр. 225), остались въ Нюрнбергѣ, отговариваясь ожиданіемъ инструкцій. Они явились въ Майнцъ только тогда, когда послы собора выѣхали изъ города; вмѣсто архіепископа тарентскаго папа назначилъ представителемъ ихъ Николая изъ Кузы. Не смотря на все уваженіе нѣмцевъ къ учености, краснорѣчію, честности и истинному благочестію Николая, ему не удалось достигнуть цѣли своего посольства. Майнцскій сеймъ, какъ буржское собраніе предшествовавшаго года, приняло 26 марта реформаторскія постановленія базельскаго собора (числомъ двадцать шесть), сдѣлавъ въ нихъ только измѣненія, требовавшіяся особенными условіями, въ которыхъ находилась Германія. Но при этомъ германскіе князья, какъ и король Альбрехтъ, все таки держались нейтралитета въ спорѣ между Евгеніемъ и базельскимъ соборомъ. Во время майнцскихъ совѣщаній и переговоровъ, и въ особенности по отношенію

къ совершенно необыкновенному въ Германіи постановленію, что основанія церковнаго управленія, на сколько оно касается чисто свѣтскаго порядка, а не вѣры и ученія, должны быть опредѣляемы имперскимъ закономъ, — нѣмцамъ, безспорно, былъ необыкновенно полезенъ своими совѣтами архіепископъ турскій, имѣвшій и въ Буржѣ большое вліяніе на своихъ соотечественниковъ. Принявъ базельскія постановленія за государственный законъ, имперскій сеймъ потребовалъ отъ собора, чтобы онъ еще разъ утвердилъ ихъ какъ законъ каноническій. Признавъ такимъ образомъ значеніе собора передъ свѣтомъ, сеймъ въ то же время доказалъ и свой нейтралитетъ, публично порицая пословъ собора за приказаніе прибить къ дверямъ майнцскаго собора обвинительный приговоръ противъ архіепископа тарентскаго, стоявшаго во главѣ остававшагося въ Нюрнбергѣ папскаго посольства.

По принятіи майнцскимъ сеймомъ базельскихъ декретовъ, нѣмецкіе прелаты въ Базелѣ, болѣе другихъ имѣвшіе причины къ неудовольствію противъ римскаго двора, стали упорнѣе настаивать на осужденіи папы. Къ этому ихъ побуждали еще два обстоятельства: возобновленіе имперскими сословіями Германіи обѣщанія давать охранительный конвой всѣмъ, желающимъ отправиться въ Базель, и то, что на сѣверѣ и западѣ Альповъ не было и рѣчи о феррарскомъ соборѣ. Въ апрѣлѣ 1439 г. начались пренія объ осужденіи папы, какъ еретика, не хотѣвшаго признавать значенія вселенскаго собора. Намъ кажется, что въ этомъ заключалось главное содержаніе пяти обвинительныхъ статей противъ Евгенія. Процессъ длился съ апрѣля по іюнь; испанцы и итальянцы страшно ругались съ нѣмцами и французами, требовавшими осужденія папы. Вслѣдствіе угрозъ и обѣщаній Евгенія, неучаствовавшіе въ соборѣ германскіе князья и епископы держали себя въ отношеніи этого вопроса чрезвычайно слабо и двусмысленно. Не смотря на то, въ одно изъ засѣданій (іюнь 1439 г.), въ которомъ присутствовало около 400 членовъ, папа былъ осужденъ, а за тѣмъ въ іюнѣ же было рѣшено его низложеніе, публично объявленное въ засѣданіи 7 іюля. Въ

декретѣ о низложеніи Евгенія, всѣмъ христіанамъ подъ страхомъ церковныхъ наказаній запрещалось признавать его папою и повиноваться ему. Только по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ соборъ приступилъ къ избранію новаго папы. При тогдашнихъ условіяхъ выборъ былъ очень труденъ: запрещенія собора никто не слушался, а германскіе курфирсты торжественно объявили, что не подчинятся никакимъ декретамъ ни папы, ни собора, и на сеймѣ во Франкфуртѣ возобновили объявленіе о своемъ нейтралитетѣ. Въ папы слѣдовало избрать человѣка, который могъ бы поддержать переданное ему достоинство своей собственной силою и силою своихъ друзей. Выборъ палъ на старшину (doyen) рыцарей св. Маврикія (St. Maurice de Ripaille) слѣдовательно на человѣка, собственно не принадлежавшаго къ духовенству, хотя и слывшаго за святаго. Это былъ графъ савойскій Амадей VIII, по смерти своей жены передавшій управленіе своему сыну Людовику и удалившійся въ Рипайль на женевскомъ озерѣ, гдѣ онъ, какъ кающійся грѣшникъ, умершій для всего живаго и человѣческаго, велъ строго монашескую жизнь. Многіе возставали противъ его избранія, ссылаясь на то, что графъ савойскій не принадлежитъ къ духовенству, но имъ отвѣчали, что онъ тѣмъ не менѣе строго исполняетъ всѣ обряды и постановленія церкви и по семи разъ въ день молится Богу. Такимъ образомъ постановленіемъ 17 ноября 1439 г. соборъ объявилъ Амадея папою. Онъ принялъ предложенное ему достоинство и въ слѣдующемъ году отправился въ Базель, гдѣ 24 іюля 1440 г. при огромномъ стеченіи народа и въ присутствіи двухъ сыновей отслужилъ, какъ папа Феликсъ V, торжественную обѣдню. Новому папѣ трудно было разсчитывать получить въ свою власть церковныя владѣнія и добиться признанія со стороны князей и государствъ; поэтому онъ и не удалялся отъ своихъ владѣній, живя попеременно въ Базелѣ, Лозаннѣ и Женевѣ, гдѣ однако окружилъ себя дворомъ, назначивъ четырьмя декретами двадцать двухъ кардиналовъ.

Въ то время какъ вѣрующіе скорбѣли о введеніи соборомъ новаго раскола, папа Евгеній IV приводилъ болѣе простодушныхъ въ радость

обманчивой комедіей соединенія греческой и латинской церквей. Эта комедія разыгрывалась во Флоренціи, куда въ 1439 г. былъ перенесенъ Евгеніемъ соборъ вслѣдствіе того, что въ Феррарѣ открылась заразительная болѣзнь. Мы не знаемъ, была ли это египетская чума, да и вообще не рѣшимся признать египетскою чумою прочія повальныя болѣзни того времени, имѣвшія чумный характеръ, хотя въ Феррарѣ и другихъ итальянскихъ приморскихъ городахъ, вслѣдствіе частыхъ сношеній Венеціи и Генуи съ Египтомъ, могла иногда распространяться эта зараза. Появленіе болѣзни до того перепугало духовенство, что оно потребовало отъ папы немедленнаго перенесенія собора въ другой городъ. Съ своей стороны греки объявили, что должны вернуться въ отечество, потому что ихъ столицѣ угрожаетъ опасность, да кромѣ того, императоръ и патріархъ пожертвовали уже слишкомъ много денегъ для соединенія церквей. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ дѣло уніи, и безъ того имѣвшее противъ себя большинство греческаго духовенства, опять ничѣмъ не кончилось. Но греческій императоръ, патріархъ константинопольскій и нѣсколько придворныхъ духовныхъ, желая дѣйствительнаго или по крайней мѣрѣ наружнаго соединенія церквей, убѣдили присутствовавшихъ въ Феррарѣ грековъ согласиться на перенесеніе собора въ другой городъ. Греки согласились исполнить требованіе папы на слѣдующихъ условіяхъ: чтобы папа далъ денегъ на 9 мѣсяцевъ войны съ турками и обезпечилъ содержаніе императора и греческихъ епископовъ во время продолженія собора, чтобы соборъ не былъ перенесенъ ни въ какой другой городъ, кромѣ Флоренціи, и не продолжался болѣе четырехъ мѣсяцевъ, и чтобы по прошествіи этого времени греки могли немедленно вернуться въ отечество. Въ январѣ 1439 г. феррарскій соборъ былъ объявленъ распущеннымъ, папа отправилъ въ Константинополь 19 т. дукатовъ, а во Флоренціи были сдѣланы блестящія приготовленія для пріема грековъ. Евгеній, явившійся во Флоренцію прежде грековъ, разослалъ ко всѣмъ европейскимъ государствамъ увѣдомленіе о своемъ прибытіи. Первое засѣданіе перенесеннаго во Флоренцію

собора произошло въ февралѣ и называлось семнадцатымъ, потому что флорентійскія засѣданія считались продолженіемъ феррарскихъ. Въ первое же засѣданіе начались переговоры о спорныхъ вопросахъ между латинскою и греческою церквами. Длинныя пренія кардинала Юліана съ греческимъ императоромъ кончились тѣмъ, что соборъ рѣшилъ, чтобы греки предварительно условились между собою по этимъ пунктамъ и затѣмъ уже въ слѣдующее засѣданіе вступили въ открытые переговоры съ латинянами. Но греки не могли столковаться, и потому императорская партія, желавшая уніи, выставила впередъ московскаго митрополита Исидора и нѣсколько другихъ лицъ, которые должны были спорить съ латинянами и наконецъ уступить имъ. Мы оставляемъ въ сторонѣ богословскую часть споровъ и коснемся только политической; замѣтимъ лишь, что все относящееся до богословскихъ споровъ можно найти у Гиббона, въ его исторіи паденія римской имперіи. 3 іюня 1439 г. греки собрались у своего патріарха, который былъ боленъ или представлялся больнымъ и предоставилъ императору объявить другимъ о своемъ согласіи на соединеніе церквей и спросить ихъ мнѣнія. При подачѣ голосовъ оказалось, что всѣ, кромѣ епископа эфесскаго Марка, согласны принять ученіе о происхожденіи Святаго Духа отъ Отца и Сына, — ученіе, бывшее главнымъ предметомъ спора на соборѣ. Въ этомъ спорѣ принималъ большое участіе одинъ греческій филологъ и богословъ, заслужившій впослѣдствіи подъ именемъ кардинала Виссаріона безсмертную славу распространеніемъ въ Европѣ греческой литературы. Сговорившись въ главномъ вопросѣ, соборъ скоро порѣшилъ съ остальными, тѣмъ болѣе что при этомъ Евгеній обѣщалъ грекамъ новыя субсидіи и флотъ и велѣлъ самому богатому тогда въ Европѣ банкирскому дому Медичи во Флоренціи выдать имъ 12 т. дукатовъ. Не смотря на смерть патріарха, главныя условія уніи были вписаны въ грамату, торжественно обнародованную 6 іюля 1439 г.

Само собою разумѣется, что утвержденное во Флоренціи соединеніе греческой и римской церквей было только кажущееся: ни греческое духовенство, ни народъ не хотѣли и слышать о томъ, что было

одобрено ихъ императоромъ и придворнымъ духовенствомъ. Но папа Евгеній разсчиталъ очень вѣрно, что радость, которую произведетъ во всей Европѣ извѣстіе о совершившейся наконецъ уніи, доставитъ ему перевѣсъ надъ соборомъ. Въ то время какъ происходило соединеніе, базельское собраніе торжественнымъ „мы постановляемъ (decernimus)", низложило папу и вслѣдъ затѣмъ рѣшилось на мѣру, очень невыгодную для себя. Не зная какими средствами дать возможность новому папѣ поддерживать внѣшнимъ блескомъ значеніе своего достоинства, базельскіе отцы напали на мысль потребовать для него десятину со всего духовенства, одобрившаго его избраніе. Эта мѣра тотчасъ же возстановила противъ новаго папы тѣхъ, кто до сихъ поръ болѣе всего ратовалъ за избраніе Феликса V, т. е. французскихъ и нѣмецкихъ прелатовъ. Французскій король объявилъ себя противъ новаго папы, но отъ базельскаго собора не отрекся, и политическія права французской націи остались вполнѣ огражденными отъ папскихъ притязаній буржской прагматической санкціей. Совершенно иначе было въ Германіи. Сословія Германіи также стойко и славно защищали націю отъ церковныхъ злоупотребленій въ свѣтскихъ дѣлахъ; но въ то время какъ споръ могъ быть навсегда покончень энергіею императора, во главѣ имперіи стоялъ государь, предпочитавшій покой, удобства, деньги, пышность и наслажденія всякой славѣ и добродѣтели. Его нисколько не заботило то, въ чемъ всѣ были убѣждены тогда и что высказывается во всѣхъ нѣмецкихъ книгахъ XV-го столѣтія, а именно что замедленіе въ церковной реформѣ рано или поздно вызоветъ и въ Германіи, какъ прежде въ Богеміи, революцію, которая потрясетъ церковь и государство. Напротивъ, Фридрихъ III и его итальянскій министръ Эней Сильвій, вмѣстѣ съ канцлеромъ имперіи и юридико-богословскими софистами его канцеляріи, своими дипломатическими фокусами втайнѣ помогали папѣ отнять у нѣмецкаго народа права, съ трудомъ пріобрѣтенныя имъ.

Даже въ управленіи своими родовыми владѣніями и въ дѣлахъ своего семейства Фридрихъ III не выказалъ ни энергіи, ни силы,

ни честности. Онъ не заботился о томъ, чтобы упрочить за своимъ питомцомъ Владиславомъ наслѣдованныя имъ права на Богемію и Венгрію, и предоставивъ первую ея собственной судьбѣ, спокойно смотрѣлъ, какъ венгры и Гуніадъ дѣлали страшныя опустошенія въ его владѣніяхъ. Австрійцы то же вооружились противъ него, за то что онъ увезъ ихъ молодаго герцога и его сестру въ Нейштадъ въ Штиріи, куда была отвезена и венгерская корона. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Фридриху, королева Елисавета пишетъ: „любезный кузенъ, я прошу васъ велѣть привезти назадъ въ Австрію моего сына, дочь и также священную венгерскую корону.... какъ вы мнѣ это обѣщали". Тирольцы были имъ недовольны, за то что онъ держалъ подъ опекой ихъ герцога Сигизмунда гораздо дольше, чѣмъ имѣлъ на то право. Наконецъ Фридрихъ не могъ принудить къ порядку и повиновенію даже своихъ вассаловъ, въ особенности графовъ фонъ Циллей въ Штиріи и искателя приключеній, рыцаря Ульриха Эйцингера, любимца Альбрехта II, въ Австріи. Родомъ баварецъ, Эйцингеръ съумѣлъ втереться въ милость Альбрехта II, предоставившаго ему сбирать герцогскіе доходы и надарившаго его помѣстьями, замками и дворцами. Этотъ временщикъ пользовался огромнымъ значеніемъ не только въ Вѣнѣ, но и во всей Австріи, и впослѣдствіи сдѣлался грозою короля Фридриха III. Въ 1441 г., когда Фридрихъ отказался уплатить или постоянно откладывалъ уплату денегъ, слѣдовавшихъ Эйцингеру за время правленія Альбрехта, смѣлый баварецъ самъ добился своего права. Онъ соединилъ около себя значительное число рыцарей и въ маѣ 1441 г. объявилъ войну королю, который, вмѣсто того чтобы выступить противъ него съ войскомъ, уплатилъ ему не только долгъ, но и военныя издержки. Съ этого времени Эйцингеръ сталъ при всякомъ удобномъ случаѣ выказывать королю презрѣніе, окруживъ себя разбойниками рыцарями и піявками народа, наводнявшими страну. Изъ всего этого видно, что Фридрихъ не былъ человѣкомъ, способнымъ принять энергическія мѣры въ отношеніи римскаго двора: онъ хотѣлъ примирять тамъ,

гдѣ соглашеніе было невозможно. Въ томъ же 1441 году, когда Эйцингеръ и его сотоварищи грабили Австрію, королю пришла въ голову фантазія прекратить церковный расколъ созваніемъ третьяго вселенскаго собора для рѣшенія спора между обоими соборами и ихъ папами. Съ этою цѣлью онъ отправилъ въ февралѣ 1441 г. въ Майнцъ, гдѣ происходилъ княжескій съѣздъ, посольство, давъ ему длинныя и подробныя инструкціи, находящіяся въ исторіи Хмеля; мы опускаемъ ихъ, потому что изъ всего этого ничего не вышло. Самъ Фридрихъ не поѣхалъ въ Майнцъ, а безъ него не могло состояться никакого окончательнаго рѣшенія. Однако князья одобрили его предложеніе и положили, что римскій король созоветъ соборъ въ августѣ 1442 года; въ случаѣ еслибы папы и ихъ соборы не согласились о мѣстѣ собранія, Фридриху предоставлялось сдѣлать выборъ между 6 нѣмецкими и 6 французскими городами. Всѣ эти предположенія остались безъ исполненія, потому что Фридрихъ былъ рѣшительно неспособенъ взяться за дѣло энергически, да къ тому же, подобно Сигизмунду, постоянно нуждался въ деньгахъ. Даже для поѣздки въ Ахенъ на коронацію онъ долженъ былъ занять двѣсти марокъ у одного тирольскаго дворянина. Это путешествіе продолжалось съ марта 1442 г. по январь 1443 г.: Фридрихъ отправился сначала внизъ по Рейну въ Ахенъ, потомъ поднялся обратно по рѣкѣ до Базеля, проѣхалъ Швейцарію, гдѣ встрѣтилъ неповиновеніе, и наконецъ вернулся въ Австрію. По дорогѣ, въ Кёльнѣ и Франкфуртѣ, у него происходили длинныя совѣщанія о церковныхъ дѣлахъ. Вообще общественное настроеніе было благопріятнѣе Евгенію, чѣмъ Феликсу, котораго и французскій король Карлъ VII признавалъ только какъ графа савойскаго. Для церковныхъ дѣлъ и нѣмецкаго народа было гораздо важнѣе то, что курфирстъ майнцскій передалъ тогда на нѣкоторое время архіепископу трирскому Іакову (изъ фамиліи графовъ фонъ Сиркъ) дѣла канцлера имперіи. Архіепископъ трирскій, находившійся въ хорошихъ отношеніяхъ съ французскимъ королемъ, свелъ на франкфуртскомъ имперскомъ сеймѣ 1442 года и Энея Сильвія съ Фридрихомъ и, по всей вѣроятности, принималъ большое

участіе въ утвержденныхъ на немъ, но никогда не осуществившихся проектахъ преобразованій въ церковныхъ дѣлахъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль сеймъ толковалъ также о реформахъ въ управленіи имперіей и наконецъ наканунѣ Успенія Богородицы составилъ имперское постановленіе, извѣстное подъ именемъ реформаціи Фридриха III (IV); мы упоминаемъ о немъ единственно потому, что изъ него очень хорошо видно, въ какомъ жалкомъ состояніи находилась германская имперія въ эти восхваляемыя времена. Мы приведемъ только первыя строки вступленія, чтобы показать, что во франкфуртскомъ аристократическомъ собраніи 1442 года господствовала гораздо бо̀льшая анархія, чѣмъ въ демократическомъ собраніи 1848 года, происходившемъ въ томъ же городѣ. Фридрихъ говоритъ или, по крайней мѣрѣ, его именемъ говорятъ слѣдующее: „Въ священной римской имперіи и въ особенности въ нѣмецкихъ земляхъ насильственно совершалось и до сихъ поръ ежедневно совершается множество грабежей, убійствъ, пожаровъ и другихъ преступленій противъ личности и имущества жителей; все это наноситъ большой вредъ священной имперіи, а подданные и князья имперіи, духовныя и свѣтскія лица, ежедневно терпятъ большую нужду и ущербъ". Это вступленіе составляетъ основаніе распадающейся на четыре главные отдѣла реформаціи, которая, подобно тысячамъ другихъ имперскихъ постановленій, никогда не была приведена въ исполненіе, но за то можетъ служить богатымъ матеріаломъ для разнаго рода заключеній нѣмецкимъ сочинителямъ исторій имперіи и имперскаго права. Въ одномъ изъ главныхъ отдѣловъ реформаціи говорится о земскомъ мирѣ; въ другомъ помѣщены узаконенія относительно правъ по залогу въ предупрежденіе того, чтобы кредиторъ не могъ на будущее время поступать съ злостнымъ должникомъ, какъ Эйцингеръ съ королемъ Фридрихомъ; кромѣ того сюда же вошли отличныя постановленія относительно безопасности дорогъ, также узаконенія по учрежденію тайныхъ судилищъ въ Вестфаліи и законы о поддѣлкѣ монетъ. Но въ имперіи некому было наблюдать за исполненіемъ этихъ постановленій, и потому все

осталось по-прежнему, если не сдѣлалось еще хуже. Архіепископъ трирскій Іаковъ, пользуясь слабостью короля, присоединялъ къ своему епископству различныя земли и старался обогащать своего побочнаго сына на счетъ имперіи. Вообще въ церковныхъ дѣлахъ онъ имѣлъ чрезвычайно невыгодное вліяніе на короля, раздававшаго, подобно своему предшественнику Сигизмунду, самымъ необдуманнымъ и легковѣрнымъ образомъ привилегіи, граматы и подарки.

Во Франкфуртѣ Фридрнхъ на несчастье германской имперіи познакомился съ однимъ талантливымъ итальянцемъ, пріобрѣвшимъ безсмертную славу въ исторіи искусства и науки того времени, какъ одинъ изъ лучшихъ представителей умственнаго образованія, которое можетъ быть почерпнуто изъ сочиненій грековъ и римлянъ. Это былъ Эней Сильвій Пикколомини, принадлежавшій къ числу тѣхъ людей, которые въ революціонныя времена,— наше время тоже революціонное,— способны достигать почестей и богатствъ краснорѣчіемъ, философскимъ и реторическимъ образованіемъ, но еще болѣе умѣньемъ искусно пользоваться обстоятельствами, наглой перемѣной мнѣній и переходомъ отъ одной партіи къ другой. Явившись въ Базель вмѣстѣ съ кардиналомъ Юліаномъ, онъ дѣятельно помогалъ ему до тѣхъ поръ, пока Юліанъ былъ на сторонѣ реформъ. Съ Сигизмундомъ и его канцлеромъ Каспаромъ Шликомъ Эней Сильвій также былъ очень близокъ во время ихъ пребыванія въ Сіенѣ, его родинѣ. Спеціально знакомый съ положеніемъ дѣлъ и партій въ Богеміи,— что доказываютъ его сочиненія,— онъ былъ назначенъ базельскимъ соборомъ въ члены посольства, отправленнаго въ Богемію подъ предлогомъ примиренія всѣхъ гуситовъ съ церковью, въ дѣйствительности же для того чтобы навсегда поссорить каликстинцевъ или гуситскую партію, требовавшую только причащенія подъ обоими видами, съ таборитами. Для достиженія этой цѣли Эней употребилъ тогда такой же дипломатическій фокусъ, какимъ впослѣдствіи надулъ нѣмцевъ, при заключеніи ими конкордата съ папою. Онъ убѣдилъ соборъ исполнить скорѣе требованія каликстинцевъ, что давало, по его словамъ, возможность

съ одной стороны легче подавить таборитовъ, съ другой же привязать каликстинцевъ къ римской церкви, даже если бы заключенныя съ ними мирныя условія и не были въ точности соблюдены. Со времени этого посольства Эней Сильвій, — свободный образъ мыслей котораго виденъ изъ его исторіи чешскихъ реформаторовъ, написанной классическимъ языкомъ римлянъ, — ратовалъ за реформаторскія стремленія базельскаго собора, оставшись ему вѣренъ даже и тогда, когда его протекторъ Юліанъ отдѣлился отъ собора и работалъ въ пользу папы Евгенія. Онъ и кардиналъ Поджіо, — подобно ему пріобрѣвшій своимъ языкомъ, критикою и отыскиваніемъ потерянныхъ или забытыхъ сочиненій, безсмертную славу между лицами, трудившимися надъ изученіемъ возрождавшейся классической древности, — издали полемику папъ по поводу избранія графа Амадея. Эней Сильвій, бывшій секретаремъ Феликса V, писалъ для своего папы посланія къ германскому королю и другимъ князьямъ, доказывая въ нихъ необходимость и законность его избранія; Поджіо составлялъ Евгенію возраженія, ругая въ нихъ самымъ неприличнымъ образомъ соборъ и его папу. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи между произведеніями папъ такая противоположность, что можно думать (мы не смѣемъ имѣть личнаго мнѣнія въ подобныхъ вопросахъ), что дѣло Евгенія было очень не чистое: Эней остается въ предѣлахъ приличія, Поджіо напротивъ употребляетъ именемъ своего папы самыя площадныя выраженія. Въ доказательство, что мы не преувеличиваемъ, мы приведемъ нѣкоторыя мѣста. Въ посланіи Евгенія, которое было отправлено ко всѣмъ князьямъ и всему духовенству и читалось народомъ, кардиналъ называетъ собравшихся въ Базелѣ прелатовъ еретиками и раскольниками и ругаетъ самыми неприличными словами благороднѣйшихъ и ученѣйшихъ членовъ европейскаго духовенства. Онъ называетъ базельскихъ отцовъ ослами, дураками, съумасшедшими, варварами и дикими звѣрями, едва сохранившими человѣческій образъ, а Феликса V — Молохомъ, хищнымъ волкомъ въ овечьей шкурѣ, новымъ Церберомъ, золотымъ тельцомъ,

Мухаммедомъ и антихристомъ. Въ 1442 г. Эней Сильвій отправился, какъ уполномоченный папы Феликса, во Франкфуртъ, гдѣ Іаковъ Трирскій, пользовавшійся тогда большимъ вліяніемъ у Фридриха, познакомилъ его съ королемъ. Итальянецъ очень понравился Фридриху, который любилъ и уважалъ науку и былъ гораздо лучшимъ ученымъ, чѣмъ правителемъ и полководцемъ. Чтобы отличить его, король воспользовался тогда императорскимъ правомъ короновать поэтовъ и при этомъ выдавать имъ дипломы, торжественно надѣлъ на него лавровый вѣнокъ и назвалъ въ дипломѣ учителемъ въ исторіи и поэзіи. Судя по содержанію и формѣ этого диплома, Эней, подобно многимъ ученымъ нашего времени, на которыхъ онъ походилъ, отлично умѣлъ выставлять свои заслуги передъ публикой. Ученые нашего времени сами устроиваютъ себѣ публичныя оваціи, поставляя сами, или съ помощью пріятелей хвалебные себѣ гимны въ газеты и журналы. То же самое сдѣлалъ Эней въ дипломѣ, гдѣ только стояло имя короля: содержаніе, слогъ и латинскій языкъ громкаго диплома доказываютъ, что авторомъ его не могъ быть никто другой, кромѣ Энея. Впрочемъ онъ и самъ разсказываетъ въ своихъ письмахъ, что съ разу понялъ, что комплиментами, лестью, итальянскою учтивостью и угодничествомъ можно было расположить Фридриха въ свою пользу и забрать въ руки. Сильвій сознается, что все это было пущено имъ въ ходъ и что онъ достигъ своей цѣли. Въ ноябрѣ 1442 года, когда Фридрихъ явился въ Базель, Эней вышелъ изъ папской службы, не ожидая пріобрѣсти па ней большихъ выгодъ, и вступилъ въ службу короля; онъ былъ въ то время королевскимъ секретаремъ и протонотаріемъ римско-королевской канцеляріи.

Это совпало съ тѣмъ временемъ, когда папа Евгеній съ своимъ соборомъ, снова перенесеннымъ изъ Флоренціи въ Римъ, и папа Феликсъ съ базельскими отцами взаимно проклинали другъ друга. Фридрихъ, вообще болѣе расположенный къ папѣ Евгенію, еще ближе сошелся съ нимъ черезъ герцога бургундскаго Филиппа. Уже давно поссорясь съ швейцарцами, король нуждался въ дружбѣ

Филиппа, который владѣлъ Ваадтомъ, южною частью Юры, Францъ-Контэ, Бургундіей, французскими Нидерландами вплоть до Камбрэ, и нѣмецкими землями отъ Антверпена до Гренингена, и былъ такъ же ненавистенъ швейцарцамъ, какъ и Фридрихъ. Онъ еще прежде просилъ герцога двинуть наемниковъ, служившихъ въ Бургундіи, противъ швейцарцевъ; Филиппъ отправилъ къ нему епископа верденскаго, чтобы вмѣстѣ съ послами Евгенія убѣдить его отказаться отъ нейтралитета. Эней Сильвій, не смотря на то, что римскій папа наложилъ на него всевозможныя церковныя наказанія, согласился дѣйствовать за одно съ его послами, и такимъ образомъ Евгеній могъ надѣяться, что переговорами и интригами ему удастся освободиться по прошествіи нѣкотораго времени отъ своихъ базельскихъ противниковъ. Вражда Фридриха съ швейцарцами усилилась, когда король, проѣзжая черезъ Швейцарію послѣ коронованія въ Ахенѣ, вмѣсто почета и повиновенія увидѣлъ только ненависть къ себѣ; одинъ Цюрихъ выказалъ преданность Австріи, но, подобно другимъ вассаламъ Фридриха, жестоко поплатился за это. Желая помочь цюрихцамъ, Фридрихъ искалъ гдѣ бы найти искусное войско, такъ какъ ни у него, ни у германской имперіи не было постоянныхъ военныхъ силъ. Только въ четырехъ странахъ существовали тогда отряды испытанныхъ воиновъ, которые могутъ быть сравнены съ нашими постоянными войсками, потому что занимались войною какъ наукою, ремесломъ и средствомъ къ жизни. Это были: совершенно военная турецкая имперія, Швейцарія съ своей національной пѣхотою, служившею, смотря по обстоятельствамъ, или отечеству или иностранцамъ за деньги (т. VIII, стр. 123 и 523), Италія, гдѣ предводители наемниковъ (condottieri) продавали себя и свои тяжело вооруженные отряды то тому, то другому государству, и наконецъ Бургундія съ южной Франціей или вѣрнѣе вся нынѣшняя сѣверовосточная Франція и Лангедокъ гдѣ въ теченіе долгой войны англичанъ съ французами и съ фамиліями орлеанской и бургундской, образовались такъ называемыя банды. Эти войска волонтеровъ, составленныя изъ воинственныхъ искателей

приключеній всѣхъ націй, во время мира были страшнымъ бременемъ для государствъ ихъ нанимавшихъ, имя арманьяковъ, которое они носили, было такъ же страшно для французовъ и бургундцевъ, какъ въ наши дни слово кроатъ для жителей Вѣны. Этихъ французскихъ воиновъ старались переманить къ себѣ король Фридрихъ и все державшее его сторону швейцарское рыцарство, нуждавшіеся въ помощи желѣзныхъ рыцарей для борьбы съ страшною демократіею и пѣхотою союзниковъ. Въ маѣ 1444 г. Фридрихъ отправилъ во Францію епископа аугсбургскаго Петра фонъ Шаумберга, Тюринга фонъ Галльвиля, Фридриха фонъ Гогенбурга и графа фонъ Штаремберга для переговоровъ о наймѣ вспомогательнаго войска. Бургундскій герцогъ и французскій король, ненавидившіе швейцарцевъ и демократовъ, были очень рады оказать желаемую помощь. Кажется также, что французскій король и герцогъ лотарингскій Ренатъ или Рене, игравшій впослѣдствіи роль во время похода, думали воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы отнять у германской имперіи если не весь лѣвый берегъ Рейна, то по крайней мѣрѣ Мецъ, Туль и Верденъ. Чтобы хоть нѣсколько извинить Фридриха, нужно знать, что швейцарцы страшно опустошили всѣ державшіе его сторону города, цѣлые два мѣсяца — хотя и неудачно — осаждали Цюрихъ и истребили рыцарство съ его замками. Притомъ Фридрихъ на имперскомъ сеймѣ въ Нюрнбергѣ просилъ нѣмцевъ помочь ему; но князья отказали въ его просьбѣ, не находя причинъ сражаться за габсбургцевъ. А съ другой стороны нѣмецкіе горожане, презираемые и мучимые князьями и рыцарями, могли бы согласиться на предложеніе швейцарцевъ приступить къ демократическому союзу, если бы имъ не помѣшали аристократическіе магистраты большинства нѣмецкихъ городовъ. Фридрихъ просилъ только 10 т. (а сначала даже 5 т.) человѣкъ арманьяковъ или французскихъ волонтеровъ; но Карлъ VII воспользовался этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, чтобы удалить всѣхъ наемниковъ, грабившихъ Францію. Французскій король пріобрѣталъ отъ этого другую выгоду, заставлявшую его еще охотнѣе помогать Фридриху и

его рыцарству противъ швейцарской демократіи: папа Евгеній думалъ воспользоваться этимъ войскомъ, чтобы разогнать базельскій соборъ и такимъ образомъ достигнуть своихъ іерархическихъ цѣлей скорѣе, чѣмъ посредствомъ переговоровъ и интригъ; и поэтому обѣщалъ Карлу VII признать буржскую прагматическую санкцію и, слѣдовательно, уступить французамъ въ духовныхъ дѣлахъ то, чего не могли добиться нѣмцы, если онъ накажетъ ненавистный ему городъ Базель и выгонитъ собравшихся въ немъ прелатовъ вмѣстѣ съ ихъ папою.

Энергически убѣждаемый Филиппомъ Бургундскимъ, Карлъ VII собралъ отъ 40 до 50 тысячъ человѣкъ и образовалъ изъ нихъ два отряда. Одинъ изъ нихъ, подъ начальствомъ Рената Лотарингскаго, двинулся изъ Лотарингіи на Мецъ, Туль, Верденъ и въ Эльзасъ; другой, предводительствуемый дофиномъ Людовикомъ, направился въ Зундгау. Однимъ изъ главныхъ командировъ втораго отряда былъ графъ Арманьякъ, отчего отряды, состоявшіе изъ каталонцевъ, гасконцевъ, англичанъ и французовъ, назывались арманьяками,— названіе, передѣланное швабами на arme Gecken (бѣдные дураки). Въ войскѣ дофина находились всѣ герои французско-англійской войны, непримиримые враги демократіи; имена ихъ приведены Іоанномъ Мюллеромъ въ его исторіи Швейцаріи. Устрашенные жестокимъ истребленіемъ феодаловъ Швейцаріи, нѣмецкіе рыцари и владѣтели не только облегчили французамъ походъ, — въ чемъ скоро имъ пришлось раскаяться,—но и допустили герцога Рене воспользоваться имъ для своихъ личныхъ цѣлей. Этотъ честолюбивый герцогъ, принужденный уступить въ Сициліи арагонскому королю, былъ во враждебныхъ отношеніяхъ съ германскимъ имперскимъ городомъ Мецомъ, находившемся въ тѣсномъ союзѣ съ Тулемъ и Верденомъ, и воспользовался ввѣреннымъ ему войскомъ, чтобы произвести демонстрацію противъ прирейнскихъ земель. Изданная французами по этому случаю, замѣчательная прокламація, въ которой говорится объ естественныхъ границахъ, доказываетъ, что французы дѣйствительно имѣли виды на лѣвый берегъ Рейна. Рене

двинулся на Мецъ, Яковъ фонъ Лютцельштейнъ на Туль и Верденъ, Зигфридъ фонъ Феппингенъ въ нижній Эльзасъ, а Яковъ фонъ Лихтенбергъ въ верхній Эльзасъ, наконецъ дофинъ Людовикъ направился на Зундгау и Мюмпельгардъ; въ войскѣ послѣдняго находилось, говорятъ, болѣе 20 тысячъ арманьяковъ. Англичане также приняли участіе въ походѣ, и храбрый Тольботъ явился къ герцогу Рене съ 4 т. англійскихъ стрѣлковъ. Даже бургундскій герцогъ, бывшій врагомъ французскаго короля, не только пропустилъ это дикое войско чрезъ свои владѣнія, но и присоединилъ къ нему бургундскіе отряды, надѣясь завладѣть городами Базелемъ и Страсбургомъ. Союзники уже нѣсколько мѣсяцевъ осаждали Цюрихъ, а золотурнцы, люцернцы, валленбургцы и листальцы — Ферсбургъ, когда французы явились передъ Мюмпельгардомъ. Узнавъ объ ихъ прибытіи рыцари, запертые въ Листалѣ, отправили къ нимъ пословъ съ просьбою о помощи. Французы двинулись къ нимъ на выручку и 26 августа 1444 г. разбили нѣсколько тысячъ швейцарцевъ, высланныхъ осаждавшими Ферсбургъ союзниками и заманенныхъ непріятелемъ на другой берегъ рѣки Бирсъ. Но Базель не такъ легко было взять, какъ думали французы и папа Евгеній. Всѣ базельцы взялись за оружіе, и небольшая кучка ихъ доказала французамъ, что борьба съ городомъ будетъ очень трудна. Базель отправилъ къ Бирсу 3 тысячи человѣкъ на помощь союзникамъ; 500 человѣкъ изъ этого отряда были окружены на кладбищѣ св. Іакова. Не смотря на то, что не было ни какой надежды побѣдить цѣлое войско французовъ, швейцарцы выказали себя спартанцами Леонида, сражаясь впродолженіе десяти часовъ съ врагомъ, превосходившимъ ихъ числомъ и орудіями, до тѣхъ поръ пока въ живыхъ осталось только десять человѣкъ. Уронъ, понесенный французами, былъ такъ великъ сравнительно съ незначительнымъ числомъ базельцевъ, что дофинъ, болѣе умный и хитрый, чѣмъ храбрый, не рѣшился продолжать похода и изъ воинственнаго союзника германскаго короля сдѣлался посредникомъ между нимъ и швейцарцами. Такимъ образомъ надежды, возлагавшіяся папою

Евгеніемъ на походъ французовъ не сбылись. Базельцы отправили къ дофину посольство, а вмѣстѣ съ нимъ явились въ его лагерь съ просьбою пощадить Базель и многіе члены собора съ герцогомъ савойскимъ Людовикомъ, который велъ переговоры за папу Феликса. Городъ дѣйствительно былъ пощаженъ, соборъ не былъ разогнанъ, какъ надѣялся Евгеній, а 26 октября 1444 года съ швейцарцами былъ заключенъ миръ въ Энзисгеймѣ, по которому Людовикъ принялъ на себя роль посредника между ними, королемъ Фридрихомъ и городомъ Цюрихомъ.

Хищныя и разбойническія шайки арманьяковъ остались на Рейнѣ, и все бремя похода пала на земли германской имперіи. Разбойничье войско наводнило все пространство отъ устья Аара до швейцарской Юры, Эльзасъ до самаго Страсбурга и всю Швабію. Послѣдняя сдѣлалась зрѣлищемъ жестокой рѣзни, потому что жители Шварцвальда поднимались массами и охотились на арманьяковъ какъ на дикихъ звѣрей. Вторженіе французовъ въ имперію вызвало въ Германіи страшное неудовольствіе противъ Фридриха. Расчитывая на простоту нѣмцевъ, король былъ въ полной увѣренности, что они выставятъ войско противъ швейцарцевъ и уже назначилъ главнокомандующимъ своего брата Альбрехта, подъ начальствомъ котораго нѣмцевъ конечно постигло бы въ Швейцаріи тоже, чѣмъ они кончили въ Богеміи. Но вмѣсто ожидаемой помощи Фридрихъ былъ встрѣченъ на нюрнбергскомъ имперскомъ сеймѣ упреками за призывъ французовъ. Тогда раскаяваясь въ своемъ поступкѣ, онъ вмѣстѣ съ имперскими сословіями отправилъ посольство къ дофину. Но раскаяніе его было позднее. Дофинъ осмѣялъ посольство Фридриха, не подкрѣпленное никакимъ войскомъ, и вмѣстѣ съ нѣмецкими послами отправилъ своего уполномоченнаго въ Нюрнбергъ, гдѣ германскимъ сословіямъ въ полномъ собраніи пришлось выслушать надменную рѣчь француза, предъявлявшаго отсутствовавшему королю весьма наглыя требованія. Напомнивъ Фридриху, что онъ самъ просилъ помощи бандъ, уполномоченный дофина потребовалъ, чтобы король возвратилъ сокровища, оставленныя его дядею Фридрихомъ

Пустымъ Карманомъ, и освободилъ своего племянника Сигизмунда, зятя французскаго короля, отъ опеки, въ которой онъ держалъ молодаго герцога вопреки его волѣ,—и передалъ ему, что тогда и французскій король позаботится о томъ, чтобы мужъ его дочери снова получилъ всѣ земли, отнятыя у него и его отца швейцарцами. Не смотря на протесты Фридриха, курфирстовъ и городовъ, французскія разбойничьи орды оставались въ предѣлахъ имперіи до тѣхъ поръ, пока не уничтожили всего, что можно было опустошить и разграбить. Только въ слѣдующемъ (1445 г.) они стали медленно отступать изъ Германіи, вслѣдствіе договора, заключеннаго между французскимъ королемъ и могущественнѣйшими изъ германскихъ имперскихъ князей, — договора, къ которому мы еще вернемся.

Какъ въ швейцарской войнѣ и при вторженіи въ имперію французскихъ хищныхъ рыцарей, такъ точно и въ церковныхъ дѣлахъ, король самымъ постыднымъ образомъ жертвовалъ правами и честью германской имперіи и отдавалъ націю на посмѣяніе сосѣдей. Поступивъ на службу къ Фридриху и составляя, по современному выраженію, все его министерство, Эней Сильвій достаточно изучилъ короля и потому въ спорѣ двухъ соборовъ и ихъ папъ могъ повести его тѣмъ путемъ, которыми достигались частныя цѣли Фридриха и удовлетворялось честолюбіе итальянца. Въ 1446 г. Фридрихъ отправилъ пронырливаго Энея въ Римъ для переговоровъ съ папою Евгеніемъ о совершенно нейтральномъ третьемъ соборѣ. Всѣ опасались, что Евгеній не хорошо приметъ бывшаго защитника базельскаго собора, писавшаго въ пользу антипапы Феликса V. Дѣйствительно по пріѣздѣ въ Сіену Эней получилъ папское повелѣніе не являться къ нему, и его друзья въ Италіи всячески старались разстроить поѣздку его въ Римъ; но все это не остановило Сильвія, знавшаго, что у него было въ головѣ, и убѣжденнаго, что папа благопріятно приметъ его совѣтъ. Свои интриги въ Римѣ онъ началъ съ того, что, прежде чѣмъ явиться къ папѣ, отказался отъ нейтралитета, все еще соблюдаемаго германской

націей и ея королемъ. Императорскій посолъ публично покаялся въ своихъ прежнихъ сношеніяхъ съ базельскимъ соборомъ и папою Феликсомъ и былъ торжественно освобожденъ отъ всѣхъ церковныхъ грѣховъ, совершенныхъ имъ, какъ онъ самъ говорилъ, по юношескому увлеченію и энтузіазму къ собору, а когда папа принялъ его къ себѣ, онъ упалъ предъ нимъ на колѣни, прося извиненія за свое отпаденіе и ссылаясь на примѣръ кардинала Юліана. Мы прибавимъ здѣсь, что впослѣдствіи, будучи папою Піемъ II, онъ пошелъ еще гораздо далѣе по этому пути, предавъ проклятію свои прежнія книги, написанныя въ свободномъ духѣ древнихъ римлянъ и грековъ, и предостерегая вѣрующихъ отъ нихъ какъ отъ еретическаго яду. Своимъ мнимымъ либерализмомъ и дипломатическими тонкостями Эней Сильвій былъ тѣмъ полезнѣе папѣ, чѣмъ ближе онъ зналъ лично соборъ, папу Феликса, короля Фридриха, положеніе Богеміи, Венгріи и Германіи и представителей германской имперіи и ихъ намѣренія. Когда Евгеній отказался дать свое согласіе на нейтральный третій соборъ, Эней Сильвій убѣдилъ его отправить къ Фридриху испанца, кардинала Іоанна Карвахаля и другихъ легатовъ, въ пользу которыхъ онъ впослѣдствіи дѣйствовалъ въ кабинетѣ короля.

Расчитывая на новаго ренегата и на Фридриха, руководимаго лестью и краснобайничаньемъ Энія Сильвія, Евгеній рѣшился на такой поступокъ противъ германскихъ князей, который могъ имѣть чрезвычайно серьозныя послѣдствія для папы и поддерживаемой имъ самодержавной системѣ церковнаго управленія. Этотъ поступокъ находился въ связи съ разбойничьимъ походомъ арманьяковъ и отношеніями, существовавшими между Карломъ VII Французскимъ и многими изъ германскихъ имперскихъ князей. При вторженіи арманьяковъ рейнскіе князья были вынуждены войти въ переговоры съ непріятелями помимо короля, оставившаго ихъ на произволъ судьбы. Курфирстъ Людовикъ Пфальцскій, епископъ страсбургскій, архіепископъ трирскій Іаковъ фонъ Сиркъ, и архіепископъ кёльнскій Дитрихъ фонъ Мёрсъ, слѣдовательно

могущественнѣйшіе князья прирейнскихъ странъ, заключили весьма важные договоры съ Карломъ VII Французскимъ. Курфирстъ пфальцскій и епископъ страсбургскій заключили договоры съ французами объ отступленіи арманьяковъ, отказываясь именемъ своихъ соотечественниковъ отъ всякаго вознагражденія. Архіепископъ трирскій заключилъ съ Карломъ оборонительный и наступательный союзъ, чтобы въ случаѣ нужды имѣть союзника противъ папы Евгенія и герцога бургундскаго. Къ этому его побуждали съ одной стороны весьма подозрительныя сношенія папы Евгенія съ Фридрихомъ, начатыя Энеемъ Сильвіемъ, съ другой—перемѣна политики герцога бургундскаго, тѣснѣе соединившагося съ римскимъ папою, тогда какъ Карлъ все болѣе отдалялся отъ него и, казалось, готовъ былъ принять сторону базельскаго собора. Приписывая нейтралитетъ нѣмцевъ главнымъ образомъ архіепископу трирскому Іакову и архіепископу кёльнскому Дитриху, папа Евгеній, воспользовавшись тогдашними обстоятельствами, рѣшился на неслыханный поступокъ противъ обоихъ курфирстовъ. На сколько они были причиною нейтралитета, объ этомъ самыя лучшія свѣдѣнія могъ дать папѣ Эней Сильвій, по крайней мѣрѣ относительно своего друга архіепископа трирскаго, который познакомилъ его съ Фридрихомъ, устроилъ его коронованіе какъ поэта и историка и посвятилъ его въ дѣла Германіи. Со времени поѣздки Энея Сильвія въ Римъ Евгеній заговорилъ совсѣмъ другимъ тономъ. Имѣя на своей сторонѣ герцога бургундскаго и многихъ другихъ князей, назначивъ дофина Людовика гонфалоніеромъ или покровителемъ церкви и отправивъ въ Германію испанца, который въ союзѣ съ Энеемъ Сильвіемъ долженъ былъ обѣщаніемъ великолѣпнаго коронованія императорскою короною, назначеніемъ церковныхъ доходовъ на расходы частной казны германскаго короля и папскими субсидіями убѣдить Фридриха предпринять римскій походъ, папа думалъ, что можетъ позволить себѣ насиліе противъ двухъ курфирстовъ Германіи. Въ февралѣ 1446 года Евгеній издалъ буллу, которою лишалъ Іакова Трирскаго и Дитриха Кёльнскаго званія курфирстовъ и передавалъ ихъ мѣста, а слѣдо-

вательно соединенныя съ ними германскія княжества и право избирать императора, двумъ могущественнымъ графамъ, родственникамъ герцога бургундскаго. Въ какомъ тяжеломъ состояніи находилась тогда церковь Христа и монархія Карла Великаго, лучше всякихъ описаній видно изъ того, что папа осмѣлился это сдѣлать и что нашлись германскіе князья, пожелавшіе принять то, чего онъ не имѣлъ никакого права дарить. На мѣсто двухъ низложенныхъ курфирстовъ онъ назначилъ собственною властью архіепископомъ трирскимъ Іоанна де Камбрэ, побочнаго брата Филиппа Бургундскаго, а архіепископомъ кёльнскимъ Адольфа фонъ Клеве, племянника герцога. Важнѣйшіе германскіе князья не хотѣли однако простить папѣ такого наглаго насилія. Въ мартѣ 1446 г. курфирсты съѣхались во Франкфуртъ и приняли слѣдующее энергическое рѣшеніе: „Если папа не отмѣнитъ низложенія обоихъ курфирстовъ, не приметъ изданнаго констанцскимъ соборомъ декрета о частомъ созваніи соборовъ (т. IX, стр. 165), не дастъ германскому народу вѣрнаго ручательства, что права его на будущее время не будутъ нарушаться,—всѣ они примутъ сторону базельскаго собора и папы Феликса.“ Одновременно съ тѣмъ курфирсты постановили, что рѣшеніе ихъ должно быть сообщено королю и папѣ, но что они во всякомъ случаѣ останутся при этомъ рѣшеніи, приступитъ къ нему король или нѣтъ. Когда послы курфирстовъ явились къ Фридриху, выказалось вполнѣ, какъ важно было для папы, что совѣтникомъ Фридриха былъ такой дипломатъ, какъ Эней Сильвій. Фридрихъ не только не оскорбилъ пословъ отказомъ, но напротивъ, хвалилъ курфирстовъ за ихъ заботы о поддержаніи своего достоинства и о благѣ народа, и высказалъ готовность присоединиться къ ихъ протесту противъ папы. Но, не желая ни обижать нѣмцевъ, уже давно недовольныхъ имъ, какъ нѣкогда Сигизундомъ, ни ссориться съ папою, онъ—или вѣрнѣе Эней Сильвій—прибавилъ, что не нужно только дѣлать шума, чтобы не вышло скандала. Къ отправлявшемуся въ Римъ посольству курфирстовъ присоединился Эней Силь-

вій, для того чтобы дать дѣлу, сообразно обстоятельствамъ, благопріятный для папы оборотъ.

По прибытіи въ Римъ, курфирстскіе послы явились къ папѣ Евгенію; именемъ ихъ говорилъ нюрнбергскій синдикъ Григорій фонъ Геймбургъ. Онъ высказалъ цѣлый рядъ смѣлыхъ, рѣдко слышанныхъ въ Римѣ истинъ, и именемъ всѣхъ курфирстовъ потребовалъ возстановленія обоихъ курфирстовъ, признанія законодательной и судебной власти собора и удовлетворенія жалобъ германскаго народа. Въ заключеніе Геймбургъ объявилъ папѣ, что въ сентябрѣ курфирсты снова съѣдутся во Франкфуртъ и, смотря по отвѣту папы, примутъ свои мѣры. Папа далъ посольству уклончивый отвѣтъ, обѣщаясь отправить пословъ во Франкфуртъ. Затѣмъ въ тайной аудіенціи Эней Сильвій научилъ Евгенія, какъ онъ долженъ дѣйствовать. Онъ объяснилъ папѣ, что хотя Фридрихъ и свѣтскіе князья на сторонѣ Рима, но духовные и курфирсты до того озлоблены, что единственное спасеніе заключается въ наружной уступкѣ; что поэтому папа долженъ сдѣлать видъ, что признаетъ констанцскій декретъ о частомъ созваніи соборовъ (впослѣдствіи, говорилъ онъ, можно будетъ дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ), и долженъ возстановить обоихъ курфирстовъ, не уничтожая однако своей буллы. Евгеній согласился съ мнѣніемъ Энея Сильвія, благодарилъ его за хорошій совѣтъ, наградилъ т и т у л о м ъ папскаго секретаря и по отъѣздѣ курфирстскихъ пословъ удержалъ его на нѣкоторое время въ Римѣ. Къ имперскимъ князьямъ Евгеній отправилъ епископа болонскаго Ѳому де Сарцана; его сопровождалъ Эней Сильвій, работавшій во Франкфуртѣ болѣе въ пользу папы, чѣмъ въ пользу Фридриха.

На франкфуртскомъ конгрессѣ въ пользу папы интриговали четыре епископа и кромѣ нихъ въ пользу ультрамонтанизма дѣйствовали вліятельнѣйшіе изъ семи уполномоченныхъ короля Фридриха, Эней Сильвій и Каспаръ Шлыкъ. Вообще, дѣйствія королевскихъ пословъ и франкфуртцевъ очевидно доказывали, что римскій король и городъ Франкфуртъ готовы были на многое, чтобы только

17*

помочь дѣлу Евгенія: въ особенности со стороны короля сдѣлано было все для разъединенія курфирстовъ, соединившихся на защиту своихъ правъ. Видя, что краснорѣчіемъ и софистикою нельзя добиться цѣли, Эней Сильвій прибѣгнулъ къ деньгамъ, которыми, какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ письмахъ, можно было всего достигнуть въ Римѣ и при дворахъ тогдашнихъ государей. Двѣ тысячи золотыхъ гульденовъ, которые папа возвратилъ впослѣдствіи королю Фридриху, были раздѣлены между четырьмя майнцскими совѣтниками; они устроили дѣло такимъ образомъ, что курфирстъ майнцскій Дитрихъ позволилъ латинисту Энею Сильвію облечь четыре пункта, такъ рѣзко поставленные въ Римѣ Григоріемъ фонъ Геймбургомъ, въ такую гладкую и дипломатическую форму, что впослѣдствіи изъ нея можно было сдѣлать все, что угодно. Добродушные нѣмцы думали, что уполномоченный Евгенія Ѳома де Сарцана привезъ полное папское согласіе на требованія курфирстовъ. Въ актѣ соединенія, составленномъ 22 сентября 1446 г. нѣсколькими князьями по поводу признанія Евгенія, находится слѣдующая фраза: они соединились, „потому что только что названный нашъ всемилостивѣйшій государь и король и наконецъ мы нашими трудами и стараніями получили на наши старательныя просьбы отъ названнаго святаго отца отвѣтъ, удовлетворяющій насъ и кажущійся намъ искреннимъ, и для того чтобы святая церковь могла тѣмъ миролюбивѣе водворить спокойствіе и мы не были бы отдѣлены отъ другихъ христіанскихъ королей и народовъ“. Одобренное Дитрихомъ Майнцскимъ постановленіе франкфуртскаго конгресса было прочтено имперскимъ сословіямъ въ собраніи и принято ими; только Кёльнъ, Триръ, Пфальцъ и Саксонія отказались подписать его. Въ декабрѣ 1446 года въ Римъ отправилось новое нѣмецкое посольство, чтобы потребовать отъ папы болѣе мягкимъ тономъ: 1) признаніе важности и значенія соборовъ, согласно не разъ упомянутому нами декрету констанцскаго собора, вновь подтвержденному базельскимъ соборомъ; 2) удовлетворенія жалобъ германскаго народа на злоупотребленія церкви и гарантіи въ томъ,

что требованія ихъ будутъ исполнены и 3) возвращенія курфирстскаго званія архіепископамъ Трира и Кёльна, если они дадутъ ему обѣщаніе быть послушными. Эней Сильвій, также посланный въ Римъ, управлялъ всѣми переговорами въ одно и то же время за лежавшаго при смерти папу и за римскаго короля и измѣнилъ нѣмецкому народу, именемъ котораго дѣйствовалъ. Кюрфирстъ майнцскій и его канцлеръ Лизура, незадолго передъ тѣмъ дѣлавшій во Франкфуртѣ самые жестокіе упреки хитрому итальянцу, дѣятельно работали тогда въ Римѣ въ пользу обмана. Вполнѣ увѣренный, что уступки нужны только для прекращенія шума и не будутъ имѣть дальнѣйшихъ послѣдствій, папа Евгеній согласился на всѣ пункты, помѣщенные Энеемъ Сильвіемъ въ трехъ буллахъ, которыя обыкновенно называютъ римскимъ конкордатомъ. Какъ онъ практично смотрѣлъ на дѣло, это доказалъ заключенный съ нѣмцами въ слѣдующемъ году вѣнскій конкордатъ, совсѣмъ другаго содержанія, чѣмъ римскій. Черезъ два дня по изданіи этихъ буллъ (7 февраля 1447 г.), папа утвердилъ всѣ духовныя мѣста и доходы въ Германіи, розданные съ марта 1439 г. какъ лицами нейтральными, такъ и приверженцами базельскаго собора, уничтожилъ всѣ процессы, начатые въ это время папскимъ дворомъ, снялъ всѣ церковныя наказанія и покаянія, наложенныя имъ въ послѣднія 8 лѣтъ, и простилъ всѣ слѣдовавшіе за это время ему и кардиналамъ аннаты и доходы; но за то въ теченіе шести мѣсяцевъ всѣ должны были признать римскаго папу и слѣдовательно отказаться отъ папы базельскаго собора. Въ той же самой буллѣ, въ которой все это было высказано, Евгеній заранѣе протестовалъ противъ всѣхъ противныхъ достоинству папскаго престола или ученію отцовъ церкви толкованій его уступокъ, т. е. другими словами заранѣе объявлялъ недѣйствительнымъ все, что можетъ быть такъ или иначе невыгодно для него. Такимъ образомъ онъ явно отрекался отъ только что сдѣланныхъ имъ уступокъ. Откладывая обѣщанныя въ римскомъ конкордатѣ церковныя реформы до собора, который долженъ былъ собраться неизвѣстно когда, папа

очевидно имѣлъ возможность, что и случилось въ дѣйствительности, обмануть нѣмцевъ относительно всѣхъ правахъ, уступленныхъ имъ по этому конкордату.

Кардиналы держали себя такъ враждебно ко всему, что происходило въ послѣдніе мѣсяцы 1446 года и въ первые 1447 г., что Евгеній, боясь оппозиціи своей консисторіи, назначилъ четырехъ новыхъ кардиналовъ. По этому для католическаго міра было счастьемъ, что, по смерти Евгенія 23 февраля 1447 г., король Арагоніи и Неаполя Альфонсъ V могъ предписать конклаву, кого избрать папою. 5 марта кардиналы избрали Ѳому де Сарцана, завѣдывавшаго переговорами съ Германіей, и новый папа Николай V тотчасъ же утвердилъ все, что было уступлено нѣмцамъ Евгеніемъ. Со вступленіемъ на папскій престолъ Николая Эней Сильвій, получившій отъ него епископство тріесткое, усилилъ свою дѣятельность и началъ новый рядъ дипломатическихъ фокусовъ. Въ 1447 г., когда король Фридрихъ созвалъ княжескій съѣздъ въ Ашаффенбургъ, туда былъ отправленъ кардиналъ Іоаннъ Карвахаль, чтобы еще разъ надуть нѣмцевъ. Съ помощью пословъ Фридриха Энея Сильвія и Гартунга фонъ Каппелля, папскій легатъ своими рѣчами и лестью заманилъ добродушныхъ нѣмцевъ въ сѣти. Эней Сильвій далъ ашаффенбургскимъ переговорамъ такой оборотъ, что изъ буллъ, изданныхъ Евгеніемъ въ Римѣ, былъ составленъ конкордатъ, принятый впослѣдствіи нѣмцами на имперскомъ сеймѣ и сдѣлавшійся такимъ образомъ имперскимъ церковнымъ закономъ. При этомъ Эней Сильвій позаботился и о томъ, чтобы изъ признаннаго Евгеніемъ базельскаго декрета только самая незначительная часть вошла въ новый конкордатъ. Съѣхавшіеся въ Ашаффенбургъ князья изъявили свое согласіе на главныя основанія конкордата; но формальное принятіе его было отложено до слѣдующаго года, чтобы имѣть время для соглашенія съ Триромъ, Кельномъ, Пфальцомъ и Саксоніей, со стороны которыхъ ждали оппозиціи. Эти курфирсты только что передъ тѣмъ рѣшили, при свиданіи съ французскимъ королемъ въ Буржѣ, настаивать на созваніи новаго

собора. Въ то время какъ это происходило, папа Николай, Эней Сильвій и король Фридрихъ хлопотали о закрытіи базельскаго собора и слѣдовательно о томъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ осуществленіе предпринятыхъ имъ благодѣтельныхъ реформъ. 20 іюля 1447 года собравшимся въ Базелѣ духовнымъ было объявлено, чтобы они расходились по домамъ. Но іерархи, не смотря на нѣсколько разъ повторенное приказаніе, еще цѣлый годъ оставались въ Базелѣ. Кромѣ того эдиктомъ, изданнымъ 21 августа, Фридрихъ повелѣлъ всѣмъ признавать Николая V законнымъ папою. Многіе князья и сословія Германіи, такъ же какъ и вѣнскій университетъ, долго не соглашались на это; а курфирстъ кёльнскій только въ январѣ 1448 года и то въ Вѣнѣ, въ присутствіи римскаго короля и папскаго легата, присягнулъ папѣ черезъ своего уполномоченнаго.

Наконецъ 17 февраля 1448 г. Фридрихъ и Іоаннъ Карвахаль формально заключили въ Вѣнѣ, одинъ именемъ нѣмецкой націи, другой за папу, надувательскій конкордатъ; 19 марта этотъ **вѣнскій конкордатъ** былъ утвержденъ папою. Фридрихъ и Карвахаль не осмѣлились однако обнародовать своего произведенія; поддѣльный конкордатъ былъ сохраняемъ въ такой тайнѣ, что до половины XVIII столѣтія онъ назывался **ашаффенбургскимъ конкордатомъ**, такъ какъ думали, что онъ заключенъ въ Ашаффенбургѣ. Этотъ конкордатъ былъ послѣднимъ результатомъ реформаторскихъ стремленій нѣмецкой церкви. Во второй части своей исторіи соборовъ XV и XVI столѣтій, ученый епископъ фонъ Вессенбергъ подробно разбираетъ этотъ конкордатъ, сопоставляя его съ постановленіями базельскаго собора; мы только въ нѣсколькихъ словахъ укажемъ на существующее между ними различіе. Относительно аннатовъ (т. IX, стр. 222), совершенно уничтоженныхъ декретомъ собора, признаннымъ папою въ римскомъ конкордатѣ, сказано въ тайномъ вѣнскомъ конкордатѣ, подписанномъ королемъ и его канцлеромъ отъ имени имперіи: „Съ соборовъ и монастырей не должно болѣе требовать **обыкновенныхъ сборовъ** для аннатовъ.

Сборы съ духовныхъ учрежденій, платящихъ слишкомъ высокія подати, должны быть вслѣдствіе сего уменьшены римскими коммисарами. Провизіи (т. IX, стр. 223), какъ и аннаты, были также совершенно уничтожены; въ вѣнскомъ же конкордатѣ вмѣсто того сдѣланы слѣдующія постановленія: „1) Въ распоряженіе папы поступаютъ мѣста всѣхъ лицъ, умирающихъ въ Римѣ. 2) Папа назначаетъ новыхъ лицъ на тѣ мѣста, гдѣ выборы не были единодушны, или въ томъ случаѣ если папа самъ смѣщаетъ духовнаго. 3) Безчисленные слуги папскаго двора и канцеляріи сохраняютъ получаемыя ими до сихъ поръ церковныя бенефиціи (доходы). 4) Всѣ подати, платимыя въ пользу церкви, будутъ прощены папою тѣмъ лицамъ, которыя предпримутъ путешествіе въ Римъ. 5) Тотъ, кто однажды получилъ на основаніи папской буллы какую нибудь бенефицію, сохраняетъ ее. 6) Папа долженъ быть извѣщаемъ о всѣхъ выборахъ и имѣетъ право принять свои мѣры, если будетъ имѣть что нибудь противъ нихъ“. Наконецъ, относительно уничтоженныхъ соборомъ резерватовъ или притязаній на предоставленіе папѣ извѣстныхъ доходовъ и извѣстнаго времени для замѣщенія мѣстъ и бенефицій, въ вѣнскомъ конкордатѣ сказано, что: тѣ, кто какъ учредители или по праву и происхожденію, одни могутъ раздавать духовныя мѣста и доходы (обыкновенные колляторы бенефицій), раздаютъ мѣста, сдѣлавшіяся вакантными, въ шесть опредѣленныхъ мѣсяцевъ года; съ своей стороны папы раздаютъ мѣста, освободившіяся въ шесть другихъ мѣсяцевъ (январь, мартъ, май, іюнь, сентябрь и ноябрь).

Закрытіе базельскаго собора, послѣдовавшее черезъ годъ по заключеніи вѣнскаго конкордата, устранило и этого врага римскаго папы. Собору долгое время дѣлали разныя придирки и наконецъ папа подговорилъ высшаго члена духовнаго суда епископа базельскаго запереть двери собранія и такимъ образомъ отнять у отцовъ возможность собираться. Узнавъ объ этомъ, соборъ, въ въ засѣданіе 25 іюня 1448 г., рѣшилъ переѣхать въ Лозанну, гдѣ уже нѣсколько времени жилъ папа Феликсъ V. Въ первое свое

засѣданіе въ Лозаннѣ, 17 августа 1448 года, отцы постановили продолжать соборъ въ Ліонѣ, подъ покровительствомъ французскаго короля, и возстановить единство въ церкви. При участіи французскихъ и англійскихъ пословъ, уполномоченныхъ отъ курфирстовъ кёльнскаго, трирскаго, саксонскаго, пфальцскаго и кардинала арльскаго Людовика Аллемана, президента собора, ліонское собраніе рѣшилось убѣдить Феликса отказаться отъ папства. Послѣ совѣщанія въ Буржѣ объ условіяхъ отреченія, базельскій папа 7-го апрѣля 1449 г. отказался отъ престола. Незадолго передъ тѣмъ (25 апрѣля 1449 г.), соборъ съ своей стороны избралъ папою Николая V, а въ маѣ разошелся самъ собою безъ того, чтобы хоть одинъ изъ декретовъ, изданныхъ имъ или противъ него, былъ формально отмѣненъ. По договору, заключенному 25 апрѣля 1449 г. съ послами названныхъ князей, Феликсъ не только удержалъ всѣ принадлежавшіе его сану знаки высшаго духовнаго достоинства, но былъ утвержденъ закономъ въ этомъ санѣ, признаннымъ и папою Николаемъ. Онъ былъ назначенъ кардиналомъ епископомъ сабинскимъ, сохранилъ въ церковной іерархіи первое мѣсто послѣ папы и, какъ его генеральный викарій, получилъ въ свое независимое церковное управленіе владѣнія герцога савойскаго, князя піемонтскаго, маркграфа монферратскаго и салуццскаго, графство Асти, ліонскую провинцію по сю сторону Соны, епархіи городовъ Аосты, Лозанны, Базеля, Страсбурга, Кура, Констанца и Зиттена (Сіона). Людовикъ Аллеманъ, предсѣдательствовавшій, какъ кардиналъ арльскій, въ соборѣ и за то лишенный своего званія папою Евгеніемъ IV, снова былъ принятъ въ коллегію кардиналовъ, а въ 1527 г. даже признанъ святымъ.

Король Фридрихъ еще въ іюнѣ 1448 г. былъ осчастливленъ золотою розою, которую папы имѣли обыкновеніе дарить благочестивымъ королямъ и князьямъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ получилъ отъ Николая другое, болѣе существенное вознагражденіе. Папа передалъ ему въ пожизненное распоряженіе пять приходовъ епархіи патріарха аквилейскаго, находившихся въ Крайнѣ, и наконецъ

исполнилъ свое обѣщаніе относительно такъ страстно желаемаго Фридрихомъ коронованія императорскою короною. Здѣсь мы прервемъ исторію этого короля и его имперіи и, прежде чѣмъ снова перейдемъ къ запутанной исторіи Германіи со смерти Сигизмунда, въ соединеніи съ событіями въ Венгріи и Богеміи при обоихъ Гуніадахъ и Георгіи Подѣбрадѣ, — бросимъ взглядъ на положеніе Италіи.

III. ИСТОРІЯ ИТАЛІИ И ИСПАНІИ

ВЪ НАЧАЛѢ XV СТОЛѢТІЯ.

---

1. Введеніе.

Въ началѣ XV стотлѣія верхняя Италія была раздѣлена между новымъ герцогствомъ, незадолго передъ тѣмъ основаннымъ Іоанномъ Галеаццо Висконти (т. VIII. стр. 544), и венеціанцами, распространившими свое господство надъ Вероной, Виченцой и Падуей въ ущербъ фамиліи Каррара. Изъ государствъ нижней Италіи, въ Сициліи владычествовала отрасль арагонскаго королевскаго дома, а въ неаполитанскомъ королевствѣ царствовалъ храбрый, но жестокій и коварный Владиславъ, про котораго Сисмонди справедливо говоритъ, что онъ обладалъ и слѣдовалъ во всемъ хитрой политикѣ Іоанна Галеаццо, но только не былъ такимъ трусомъ, какъ герцогъ миланскій. Въ средней Италіи папы, по возвращеніи изъ Авиньона, снова поселились въ Римѣ; но вслѣдъ затѣмъ, вслѣдствіе раскола въ церкви (т. VIII. стр. 485), папская власть раздѣлилась между Римомъ и Авиньономъ. По возстановленіи констанцскимъ соборомъ единства въ церковномъ управленіи папа только назывался владѣтелемъ церковной области и Рима, въ дѣйствительности же надъ городами владычествовали аристократическія фамиліи, предводители наемниковъ и честолюбцевъ, умѣвшіе вол-

новать гражданъ однимъ словомъ: свобода. То же самое происходило и въ большомъ цвѣтущемъ городѣ Болоньи, отъ времени до времени признававшимъ надъ собою папское владычество. Между тосканскими республиками — Пизой, Луккой, Сіенной и Флоренціей — рѣшительное преобладаніе принадлежало Флоренціи, которая послѣ продолжительныхъ внутреннихъ волненій, сдѣлалась наконецъ настоящей демократической республикой. Во Флоренціи шла борьба сначала между дворянствомъ и высшими цехами (arte majori), а потомъ между высшими цехами и низшими (arte minori), участіе которыхъ въ управленіи до 1383 г., — когда новая конституція уменьшила ихъ вліяніе на треть, — было ознаменовано жестокостями. По свидѣтельству Виллани доходы Франціи простирались въ то время до 300 т. золотыхъ флориновъ или 2 милліоновъ флориновъ, составляющихъ по тогдашней цѣнности денегъ приблизительно около 5 м. на наши деньги; изъ нихъ, по словамъ того же Виллани, не расходовалось и пяти шестыхъ. Главными источниками доходовъ были акцизы всѣхъ родовъ, таможенные сборы и денежные штрафы. Въ городѣ считалось: 150 т. жителей и постоянно до 1,500 иностранцевъ, 10 т. дѣтей, учившихся въ элементарныхъ школахъ читать, 1,200 — въ среднихъ школахъ, въ которыхъ шесть учителей учили ариѳметикѣ, и 600—въ гимназіахъ, гдѣ преподавалось все то, что называлось тогда логикой и грамматикой, 30 госпиталей на тысячу человѣкъ, 200 фабрикъ шерстяныхъ издѣлій, производившихъ ежегодно 80 т. кусковъ сукна цѣнностью на милліонъ 200 т. флориновъ и прокармливавшихъ 30 т. рабочихъ, 20 оптовыхъ суконныхъ продавцовъ, 80 банкировъ, имѣвшихъ во всѣхъ странахъ конторы и коммиссіонеровъ и ссужавшихъ въ займы большія суммы. Въ этомъ городѣ, процвѣтавшемъ промышленностью и ремеслами, коммерческими и банкирскими дѣлами, демократическій домъ Медичи пріобрѣлъ своими несмѣтными богатствами преобладающее вліяніе, и это легко понять, зная какимъ политическимъ значеніемъ пользуется въ наше время одинъ богатый еврейскій домъ (Ротшильдъ).

2. Неаполь, Сицилія и средняя Италія.

Въ VIII томѣ было подробно разсказано о переходѣ неаполитанскаго престола къ полу-венгерской династіи и о тщетныхъ попыткахъ королевы Іоанны I и папы Климента VII упрочить владычество надъ Неаполемъ за младшею линіею анжуйскаго дома (т. VIII. стр. 467). Сынъ французскаго короля Іоанна Людовикъ I Анжуйскій, призванный Іоанною и признанный папою, погибъ въ борьбѣ съ Карломъ III или Малымъ а сыновьямъ его Людвику II и Карлу Мэнскому было столько дѣла во Франціи и Провансѣ, что они не могли сначала и думать о походѣ въ Италію. По смерти Карла III, Людовикъ II предпринялъ завоевательный походъ въ Неаполь и принудилъ вдову Карла Маргариту бѣжать вмѣстѣ съ дѣтьми, Владиславомъ и Іоанною II, въ Гаэту; но предпріятіе его кончилось полнѣйшей неудачею: Владиславъ утвердился въ неаполитанскомъ королевствѣ и даже пытался вновь завоевать Венгрію. Эта попытка неудалась, за то удачнѣе были дѣйствія Владислава противъ Неаполя и Церковной области (т. VIII, стр. 577). Въ своихъ завоевательныхъ планахъ онъ пользовался папою Григоріемъ XII, котораго изъ политическихъ расчетовъ снова покинулъ, нѣсколько разъ вторгался въ Церковную область, занималъ городъ Римъ и наконецъ простеръ дерзость до того, что приказалъ называть себя римскимъ королемъ и вышить на своихъ знаменахъ слова: „Или императоръ или ничего! (Aut Caesar aut nihil!)." Въ это время (1409 г.) пизанскій соборъ избралъ третьяго папу Александра V, поддерживавшаго притязанія Людовика II Анжуйскаго на неаполитанскую корону, не смотря на то, что они основывались на объявленіи папы, котораго Александру не слѣдовало бы признавать. Людовикъ II Анжуйскій основывалъ свои права на Неаполь на томъ, что Климентъ VII призналъ подарокъ королевы Іоанны I и короновалъ его; но для Александра V Климентъ VII не былъ настоящимъ папою. Когда Людовикъ II, послѣдовавъ

папскому призыву, явился въ Пизу съ наемнымъ отрядомъ въ 15 т. французскихъ рыцарей, Александръ V призналъ его законнымъ королемъ Неаполя, обязавъ изгнать изъ Рима и Неаполя Владислава, торжественнымъ образомъ въ присутствіи кардиналовъ отлученнаго имъ отъ церкви. Въ помощь рыцарямъ, приведеннымъ Людовикомъ Французскимъ, были наняты на папскія деньги кондоттьеры. Пизанскій соборъ и, что было гораздо важнѣе, флорентійская республика также приняли сторону Людовика. Обиліе денежныхъ средствъ позволяло флорентинцамъ содержать сколько угодно наемниковъ, а отвѣтъ, данный ихъ посломъ Бартоломеемъ Валори королю Владиславу, требовавшему вывода войскъ изъ Рима и церковной области, доказываетъ лучше всего, что владычество надъ государствами Италіи основывалось тогда только на деньгахъ. На вопросъ Владислава: „какое же войско вы можете противопоставить мнѣ?“ посолъ надменно отвѣчалъ: „твое собственное,“ зная очень хорошо, что неаполитанское войско состоитъ изъ людей, готовыхъ служить сегодня одному, а завтра другому. Чтобы вытѣснить Владислава изъ своего сосѣдства, флорентинцы наняли Малатесту, занимавшагося ремесломъ предводителя наемниковъ и отдававшаго въ наймы свои военные отряды. Основатель и родоначальникъ бандъ Альберико да Барбіано (т. VIII, стр. 468), находившійся въ службѣ Владислава, умеръ 26 апрѣля 1409 г. Другой предводитель кондоттьеровъ Оттонъ Бонъ Терцо, достигшій коварствомъ и измѣною владычества надъ Пармою и Реджіо, былъ умерщвленъ по наущенію Николая д' Есте своимъ соперникомъ Аттендоло Сфорцою. Наконецъ третій Браччіо ди Монтоне, завладѣвшій Перуджіей (т. IX, стр. 156), глубоко оскорбилъ Владислава, измѣнивъ ему и принявъ сторону республиканцевъ этого города. Совѣтъ десяти, управлявшій во Флоренціи военными дѣлами, пригласилъ на службу республики Браччіо ди Монтоне, не смотря на то, что онъ былъ гибеллинъ, а флорентинцы гвельфы; въ то же время кардиналъ Бальтазаръ Косса формировалъ войско для папы Александра V, а Людовикъ II Анжуйскій

двинулъ свое войско въ походъ. Соединившись вмѣстѣ, всѣ три войска стали вытѣснять Владислава изъ одного города въ другой и заняли Орвіето, Манфредонію, Корнето, Сутри, Витербо и другіе города. Мало по малу враги Владислава завладѣли и Римомъ, гдѣ вся фамилія Орсини держала сторону папы Александра. Перваго октября часть Рима, именно Санъ Піетро, папскій дворецъ и замокъ Ангела, уже были заняты именемъ Александра V; октябрь, ноябрь и декабрь прошли въ борьбѣ за капитолій и другія укрѣпленныя мѣста въ Римѣ и окрестностяхъ, а въ концѣ декабря всѣ пункты, кромѣ Порта Маджіоре и Санъ Лоренцо, были отняты у короля Владислава. Въ слѣдующемъ (1410) году флорентинцы наняли Аттендоло Сфорцу де Котиньола, которому за годъ передъ тѣмъ маркграфъ д'Есте отдалъ во владѣніе Монтеккіо, и отправили его наемниковъ къ папскому войску. Не смотря на все это, Александръ не рѣшился вступить въ Римъ, но отправился въ Болонью, съ радостью принявшую къ себѣ папу. Третьяго мая 1410 года онъ умеръ въ этомъ городѣ. На его мѣсто кардиналы поспѣшно избрали кардинала Бальтазара Коссу, причинившаго впослѣдствіи, какъ папа Іоаннъ XXIII, столько бѣдствій міру. Людовикъ II Анжуйскій, уже называвшійся неаполитанскимъ королемъ и энергически поддерживавшій войну съ Владиславомъ, принималъ большое участіе въ этомъ избраніи; для этого онъ поѣхалъ изъ Рима въ Болонью, а оттуда отправился во Флоренцію, чтобы убѣдить республику дѣятельно продолжать борьбу. Впослѣдствіи Іоаннъ подарилъ ему освященную золотую розу, которую папы имѣли обыкновеніе дарить царствующимъ лицамъ. Но Людовикъ все таки не могъ двинуться въ неаполитанскія владѣнія; у него не было денегъ для платы наемникамъ, да къ тому же генуезцы, внезапно превратившіеся изъ друзей въ враговъ, старались всѣми средствами на морѣ и на сушѣ отрѣзывать его сношенія съ Провансомъ.

Въ послѣднее время Генуи грозила двоякаго рода опасность: съ одной стороны внутреннія волненія, съ другой наемники миланскаго тиранна. Вслѣдствіе того она обратилась съ просьбою о

помощи къ французскому королю Карлу VI, предлагая ему за то признать его верховное владычество надъ республикою и впустить къ себѣ французскаго главнокомандующаго, который вооруженною силою водворилъ бы и поддерживалъ въ городѣ порядокъ и справедливость. Французскій король согласился на это предложеніе и отправилъ въ Генуя знаменитаго воина, администратора и дипломата маршала де Бусико (т. IX, стр. 41 — 44). Явившись съ небольшимъ отрядомъ французовъ, Бусико была съ восторгомъ принятъ генуезцами; но его высокомѣріе и корыстолюбіе, въ чемъ постоянно упрекаютъ французовъ въ Италіи, способствовали скорому паденію французскаго владычества въ Генуѣ. Изъ корыстолюбія онъ убилъ несчастнаго потомка миланскаго владѣтельнаго дома, Габріеля Висконти, пріѣхавшаго въ Генуя съ надеждою добиться, при посредничествѣ Бусико, уплаты должныхъ ему флорентинцами денегъ. Бусико велѣлъ арестовать его и пытать до тѣхъ поръ, пока онъ не далъ совершенно неправдоподобнаго показанія, будто явился въ Генуя агентомъ страшнаго кондоттьера Фачино Кане съ намѣреніемъ помочь гибеллинамъ прогнать гвельфовъ и захватить власть въ свои руки. Въ декабрѣ 1408 г. несчастный юноша былъ казненъ, а Бусико предъявилъ его требованіе флорентинцамъ отъ своего имени, на что конечно не имѣлъ ни малѣйшаго права. Вскорѣ Бусико задумалъ подчинить французскому владычеству и Миланъ такимъ же образомъ какъ и Генуя, согласившись на предложеніе миланскихъ герцоговъ, братьевъ Іоанна Маріи и Филиппа Маріи Висконти, привести имъ наемниковъ и принять участіе въ управленіи. Но предводитель кондоттьеровъ Фачино Кане, державшій подъ своей опекой обоихъ Висконти и болѣе хитрый, чѣмъ французскій маршалъ, сдѣлавшійся дипломатомъ на Востокѣ, разстроилъ планы Бусико и заставилъ его разыграть роль вороны, укравшей сыръ, въ баснѣ: „Ворона и Лисица.“ Въ то время какъ Бусико находился въ Миланѣ съ 5 т. человѣкъ, Фачино Кане и Теодорико Монферратскій подстрекнули генуезцевъ возстать противъ намѣстника, оставленнаго Бусико, и помогли имъ свергнуть ненавистное влады-

чество французовъ. Всѣ французы въ Генуѣ были убиты, а начальникомъ города назначенъ маркграфъ монферратскій съ правами дожа. Бусико двинулся изъ Милана на Геную, но все было уже потеряно: достигнувъ Гави, онъ увидѣлъ, что не въ силахъ напасть на Геную. Между тѣмъ Фачино Кане отрѣзалъ ему отступленіе къ Милану, и французскому маршалу оставалось только съ позоромъ удалиться во Францію (1409 г.). Сдѣлавшись такимъ образомъ непримиримыми врагами французовъ, генуезцы соединились съ Владиславомъ Неаполитанскимъ противъ Людовика II Анжуйскаго, своего прежняго союзника.

Въ теченіе всего лѣта 1410 года соединенный флотъ генуезцевъ и короля Владислава былъ грозою герцога анжуйскаго, когда онъ съ подкрѣпленіемъ изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, съ флотомъ и деньгами хотѣлъ вернуться изъ Прованса въ Римъ. Наконецъ въ сентябрѣ ему удалось перебраться въ Италію. На святой недѣлѣ 1411 г. Людовикъ велъ подъ уздцы лошадь папы при его торжественномъ вступленіи въ городъ, а 28 апрѣля выступилъ съ 12 т. всадниковъ и многочисленной пѣхотой противъ Владислава. Въ войскѣ его находились знаменитѣйшіе предводители кондоттьеровъ: Паоло Орсини, Аттендоло Сфорца ди Котиньола, Браччіо ди Монтоне, Джентиле ди Монтерано и графъ Тальякоццо. Девятнадцатаго мая произошло сраженіе, кончившееся пораженіемъ Владислава; подкупивъ нѣкоторыхъ предводителей наемниковъ въ войскѣ Людовика, онъ успѣлъ однако спастись отъ преслѣдованія и занять горные проходы. Между тѣмъ противнику его недоставало средствъ для продолженія войны: провансальскій флотъ потерпѣлъ пораженіе, папа Іоаннъ, занявъ Римъ, не заботился о томъ, будетъ или нѣтъ королемъ Людовикъ, а флорентинцамъ уже съ начала 1411 г. такъ надоѣла война, что они заключили миръ съ Владиславомъ. Вслѣдствіе всего этого Людовикъ въ началѣ іюля вернулся въ Римъ и оттуда 3-го августа отправился назадъ въ Провансъ. Папа Іоаннъ послѣдовалъ примѣру флорентинцевъ: онъ уплатилъ королю Владиславу значительную сумму денегъ и простилъ вассальную дань

за двѣнадцать предшествовавшихъ лѣтъ, остававшуюся долгомъ Неаполя папскому престолу; за это Владиславъ по трактату, заключенному въ Римѣ въ октябрѣ 1412 г., призналъ его настоящимъ папою и пересталъ поддерживать Григорія XII. Григорій долженъ былъ считать себя счастливымъ, что ему позволили отправиться на кораблѣ въ Римини, гдѣ онъ нашелъ защиту у Карла Малатесты (т. IX, стр. 116). Не смотря на договоръ, Владиславъ еще въ 1413 г. воспользовался первымъ представившимся случаемъ, чтобы снова напасть на папу и флорентинцевъ. Его войска завоевали Римъ и жестоко опустошили городъ; затѣмъ онъ самъ отправился въ папскую столицу и оставался въ ней до октября, когда была взята и крѣпость Ангела. При первомъ извѣстіи о приближеніи неаполитанцевъ, папа бѣжалъ въ Витербо и долгое время блуждалъ по окрестностямъ, такъ что никто не зналъ, гдѣ онъ находится. Наконецъ Іоаннъ показался для виду въ Сіенѣ, а оттуда отправился во Флоренцію; но флорентинцы такъ мало довѣряли человѣку, еще въ званіи кардинала прославившемуся всевозможными пороками и преступленіями, что нѣсколько мѣсяцевъ не хотѣли впускать его въ городъ. Пробывъ нѣкоторое время во Флоренціи, папа снова отправился въ Болонью, испытавшую въ послѣдній годъ нѣсколько переворотовъ. Въ 1411 г., уѣзжая изъ Болоньи въ Римъ, Іоаннъ назначилъ вмѣсто себя кардинала ди Наполи; этотъ намѣстникъ былъ изгнанъ предводителями демократіи, папскій дворецъ ограбленъ, въ городѣ провозглашена свобода и демократія (viva il popolo e le arti), и наконецъ учреждено правительство изъ ремесленниковъ. Но демократическая республика продержалась только полтора года; въ сентябрѣ 1413 г. собрались рыцарскія фамиліи, вліятельнѣйшей изъ которыхъ была Пеполи, прогнали ремесленниковъ и снова присягнули папѣ. Въ Болоньи Іоаннъ оставался не долго; въ это время уже начались его переговоры съ королемъ Сигизмундомъ о созваніи констанцскаго собора и онъ торопился на свиданіе въ Лоди (т. IX, стр. 123).

Между тѣмъ Владиславъ продолжалъ свои завоеванія за пре-

дѣлами церковной области и вѣроятно завладѣлъ бы Сіеной, Флоренціей и Болоньей, если бы удался его планъ привлечь на свою сторону маркграфа Николая д'Есте, могущественнаго князя и предводителя страшныхъ наемниковъ. У д'Есте служилъ и знаменитѣйшій изъ кондоттьеровъ XV столѣтія Аттендоло Сфорца ди Котиньола, грабежомъ, убійствами и коварствомъ возвысившійся изъ простаго крестьянина до княжескаго званія; сынъ его Францискъ Сфорца, впослѣдствіи герцогъ миланскій, тогда еще мальчикъ, былъ придворнымъ пажомъ маркграфа д'Есте и только что начиналъ свое военное поприще. Королю Владиславу удалось было заманить въ свою службу маркграфа и предводителя его наемниковъ Аттендоло Сфорцу, но предложенія флорентинцевъ оказались для нихъ болѣе выгодными и они приняли сторону папы Іоанна. Однако и это не помѣшало бы Владиславу, явившемуся въ 1414 г. съ войскомъ въ Римъ и въ Церковную область, воспользоваться удаленіемъ папы Іоанна и его спорами съ констанцскимъ соборомъ, если бы въ августѣ 1414 г. его не постигла внезапная смерть.

Владиславъ былъ могуществененъ только какъ предводитель разбойничьихъ шаекъ, которыя нанимались имъ на награбленныя деньги; сестра же его и преемница Іоанна II была постоянно простымъ орудіемъ той партіи, которая ею овладѣла; поэтому естественно, что перемѣна правительства должна была вызвать важныя измѣненія въ Неаполѣ. Храбрый и искусный полководецъ, Владиславъ былъ такъ же хищенъ, безсовѣстенъ и хитръ, какъ знаменитѣйшіе изъ предводителей кондоттьеровъ, которыхъ онъ то нанималъ въ свою службу, то снова отпускалъ; но равняясь съ ними въ распутствѣ, онъ превосходилъ ихъ во всемъ остальномъ. По этому они уважали его. Точно также и вся Италія, гдѣ тогда всѣ сильные умы, даже папа Іоаннъ XIII, смѣялись публично надъ всякими нравственными законами и втайнѣ надъ религіей, съ уваженіемъ смотрѣла на короля Владислава, какъ на олицетвореніе политической мудрости и хитрости, которыя тогда предпочитались нравственности. Въ ту эпоху (какъ въ новѣйшее время школа Вольтера и наши софисты) полагали, что

18*

скромность и добросовѣстность дѣлаютъ добродушнаго простака, вѣрящаго въ эти добродѣтели, игрушкою хитреца. Іоанна не могла слѣдовать правительственной системѣ своего брата Владислава. Она была за мужемъ за Вильгельмомъ Австрійскимъ, братомъ Леопольда III, и не имѣя отъ него дѣтей, возратилась по смерти его въ отечество. Когда умеръ Владиславъ, Іоаннѣ уже было 46 лѣтъ; связь ея съ красивымъ двадцатишестилѣтнимъ человѣкомъ низкаго происхожденія Пандольфелло Алопо и оказываемыя ему милости возбудили страшную зависть въ аристократахъ. Пандольфелло былъ сначала сенешаломъ и первымъ лицомъ при дворѣ королевы (era governatore d'ogni cosa), а потомъ былъ сдѣланъ оберъ-каммергеромъ (conte camerlengo); власть его была такъ велика, что онъ осмѣлился арестовать двухъ знаменитѣйшихъ предводителей кондоттьеровъ умершаго короля, Аттендоло Сфорцу и Паоло Орсини. Неаполитанское рыцарство потребовало, чтобы королева прекратила связь съ Пандольфелло и вышла за какого нибудь принца; разумѣется, для аристократовъ весь вопросъ заключался только въ ненависти къ плебеямъ и въ стремленіи играть первую роль въ государствѣ. Пандольфелло искалъ и нашелъ защиту и помощь противъ дворянства въ человѣкѣ, только что передъ тѣмъ арестованнымъ по его приказанію: онъ примирился съ Сфорцою, подобно ему возвысившемуся изъ низкаго званія до высшихъ степеней. Сфорца женился на сестрѣ Пандольфелло (или по словамъ хроники, называющейся неаполитанскимъ дневникомъ, — Catella Alopa sua nipote), былъ сдѣланъ въ іюнѣ 1415 г. великимъ коннетаблемъ или генералиссимусомъ королевства и съ тѣхъ поръ держалъ сторону любимца Іоанны. Королевѣ предлагали въ мужья брата англійскаго короля, брата кипрскаго короля и арагонскаго принца королевскаго дома; послы этихъ князей даже являлись въ Неаполь; но Пандольфелло съумѣлъ все разстроить. Дѣло однако кончилось тѣмъ, что Іоанна должна была выдти за мужъ за графа де ла Маршъ Іакова де Бурбона, происходившаго отъ Роберта, младшаго сына Людовика Святаго; братъ его, герцогъ

вандомскій, былъ родоначальникомъ бурбонской королевской династіи. Іаковъ былъ женатъ въ первомъ бракѣ на дочери Карла III Наварскаго, но въ 1405 г. овдовѣлъ. Іоанна дѣлала все возможное, чтобы держать мужа въ отдаленіи. Въ брачномъ контрактѣ была сдѣлана оговорка, что Іаковъ не будетъ называться неаполитанскимъ королемъ, а только княземъ тарентскимъ и герцогомъ калабрскимъ; по этому Пандольфелло и старикъ Сфорца, отправленные на встрѣчу принцу, привѣтствовали его только герцогомъ калабрскимъ. Напротивъ рыцарство (i Signori) обращалось съ нимъ какъ съ королемъ. Какъ король онъ былъ нарядженъ въ королевскую мантію (ricevuto come ré col pallio de panno d'oro) и въ сопровожденіи всего рыцарства вступилъ въ замокъ, гдѣ произошло бракосочетаніе. При этомъ и королева, обратившись къ гостямъ, сказала: „Господинъ, стоящій тамъ, теперь мой повелитель, вы должны называть его королемъ Іаковомъ, а не графомъ.“ Обольщенный своей ролью, Іаковъ тотчасъ же захотѣлъ разыгрывать господина и всюду совалъ французовъ. Еще въ Беневентѣ онъ велѣлъ арестовать старика Сфорцу, его сына Франциска и двухъ ихъ близкихъ родственниковъ (per la mala relazione, che li fu dato di lui), а 8 сентября приказалъ посадить въ тюрьму Пандольфелло, его брата и племянника, пытать ихъ и потомъ казнить. Французы, явившіеся въ свитѣ Іакова, завладѣли всѣмъ управленіемъ; французъ оберъ-гофмейстеръ (maggiordomo) произвольно распоряжался при дворѣ, вмѣстѣ съ другими любимцами короля назначалъ на всѣ мѣста французовъ и помѣстилъ въ крѣпостяхъ французскіе гарнизоны. За женой Іаковъ велѣлъ слѣдить какъ за плѣнницей: она не смѣла выходить изъ дворца и при ней безотлучно находился французъ Жанъ Берленжье. Къ Іоаннѣ не допускали рѣшительно никого, король отказалъ даже просьбѣ всего неаполитанскаго рыцарства, требовавшаго аудіенціи у королевы. Все это тѣмъ сильнѣе озлобило неаполитанскую аристократію, принужденную во всемъ уступать французамъ, что своимъ положеніемъ въ государствѣ Іаковъ былъ обязанъ исключительно Іоаннѣ. Озлобленіе ея дошло наконецъ до того, что

жизни короля стала грозить серьозная опасность. Джуліо Чезаре ди Капуа изъ рода графовъ Альтавилла, первый привѣтствовавшій графа де ла Марша королемъ при появленіи его въ Италіи и помогшій ему съ частью войска короля Владислава одолѣть старика Сфорцу, тайно проникъ къ королевѣ и предложилъ ей умертвить Іакова. Не довѣряя ему, вѣроятно вслѣдствіе его подозрительныхъ требованій, Іоанна открыла намѣреніе графа мужу, который и приказалъ казнить его. Съ этого времени она, кажется, стала пользоваться большей свободой. Проживъ цѣлый годъ (до сентября 1416 г.) во дворцѣ подъ строгимъ надзоромъ, Іоанна получила дозволеніе присутствовать на торжественномъ обѣдѣ, устроенномъ въ честь ея однимъ флорентинскимъ купцомъ (13 сентября) въ его саду, расположенномъ на площади. Этотъ праздникъ доставилъ неаполитанцамъ желанный случай освободиться отъ управлявшихъ ими франфранцузовъ; нѣтъ сомнѣнія, что комедія, разыгравшаяся въ концѣ праздника, была заранѣе условлена. По окончаніи обѣда королева, вставъ изъ за стола, воскликнула, обратившись къ гостямъ и къ собравшейся толпѣ народа: „Не оставляйте меня, друзья мои!“ Отвѣтомъ на эти слова раздался крикъ: „Да здравствуетъ королева Іоанна!“ и королева была перевезена сначала въ архіепископскій дворецъ, потомъ въ Кастелль Капуана. Король Іаковъ, не задолго передъ этимъ отправившій свое войско въ Абруццы, былъ принужденъ бѣжать изъ Кастелль Нуово, гдѣ онъ жилъ съ королевою, въ Кастелль д'Уово; оба замка были осаждены приверженцами королевы и между ними и королемъ началась формальная война. Нѣсколько мѣсяцевъ борьба оставалась нерѣшительною, пока наконецъ королева не освободила старика Сфорцу и его фамилію, возвративъ ему званіе великаго коннетабля, и позволила всѣмъ изгнанникамъ вернуться въ Неаполь. Старикъ Сфорца, хотя и былъ подвергнутъ пыткѣ какъ Пандольфелло, спасся благодаря могуществу наемныхъ бандъ, предводители которыхъ распоряжались въ то время во всей Италіи судьбою городовъ, князей и народовъ. Преданные на жизнь и смерть своимъ вождямъ, наемники составляли ихъ королевство; появленіе ихъ

рѣшало участь государства, и мы могли бы привести цѣлый списокъ городовъ и владѣній, уже тогда присвоенныхъ себѣ Сфорцою во всѣхъ частяхъ Италіи. Сестра Сфорцы Маргарита была за мужемъ за Микелино Аттендоло, что и спасло его отъ смерти. Узнавъ объ участи Сфорцы, его зять вторгнулся въ Апулію, во главѣ части наемниковъ, а остальные его наемники опустошили Калабрію подъ предводительствомъ Лоренцо Аттендоло. Чтобы возстановить спокойствіе въ Апуліи и Калабріи, Іаковъ отправилъ къ Микелино четырехъ лицъ изъ первыхъ неаполитанскихъ фамилій; Маргарита велѣла схватить ихъ и отвезти въ Трикаріо, гдѣ она жила, объявивъ, что ихъ головы будутъ порукою за жизнь Сфорцы. По этому, когда неаполитанскіе аристократы приняли сторону королевы, Сфорца былъ освобожденъ прежде своего сына Франциска. Вскорѣ Іаковъ былъ вынужденъ заключить миръ; по договору онъ обязывался сложить королевскій титулъ и выслать изъ государства всѣхъ французовъ, за исключеніемъ сорока человѣкъ. Съ этихъ поръ военное управленіе сосредоточилось въ рукахъ старика Сфорцы, а внутренними дѣлами и дворомъ сталъ завѣдывать новый любимецъ Іоанны Джіованни Караччіоли. Кажется также, что со времени этого договора, съ королемъ Іаковомъ стали обращаться точно такъ же, какъ самъ онъ прежде обращался съ своей женою. По крайней мѣрѣ въ неаполитанскомъ дневникѣ говорится, что на предложеніе Іоанны (1417 г.) сдать ей за извѣстную сумму Кастелль д'Уово, французскій комендатъ крѣпости сначала потребовалъ было освобожденія короля, а потомъ отказался отъ этого условія, когда предложили ему еще болѣе денегъ и дали корабль для перевоза французовъ черезъ море. Сфорца, наемники котораго оказали тогда наибольшія услуги, получилъ графство Трою, а его сыну за потерянный имъ укрѣпленный городъ были подарены Аріано и другія мѣста.

Около этого времени Риму грозила опасность отъ человѣка, пользовавшагося у кондоттьеровъ такимъ же значеніемъ, какъ Аттендоло Сфорца. Какъ Альберико да Барбіано (т. VIII. стр. 468) считали вообще основателемъ военнаго устройства и организаціи кондоттьеровъ, такъ между ними существовало двѣ школы тактики

и стратегіи; во главѣ одной стоялъ старикъ Сфорца, во главѣ другой — Браччіо ди Монтове, оттого одва часть наемниковъ называлась сфорцесками, другая — брачческами. Предводитель брачческовъ грозилъ тогда Риму, гдѣ съ 1415 г. только одинъ замокъ Ангела оставался еще во власти неаполитанскаго войска, и кардиналу Іакову Изолани, оставленному въ городѣ папою Іоанномъ XXII, стоило ве малыхъ трудовъ склонить на свою сторону этотъ гарнизонъ. Одержавъ побѣду надъ Карломъ Малатестою, Браччіо, въ то время какъ констанцскій соборъ судилъ папу Іоанна, а преемникъ его еще не былъ избранъ, завладѣлъ Перуджіей и другими городами Папской области и готовился идти на Римъ, говоря, что хочетъ занять его для будущаго папы. Изолани, управлявшій городомъ съ званіемъ сенатора, скрылся въ замокъ Ангела и просилъ помощи у королевы Іоанны; другой кардиналъ (ди Санто Анджело) присоединился къ Браччіо ди Монтоне. Въ іюнѣ 1417 г. Браччіо вступилъ съ своей ватагой въ Римъ, назначилъ новаго сенатора и объявилъ себя покровителемъ города. Когда онъ осадилъ и замокъ Ангела, Іоаннѣ, чтобы спасти его, не оставалось другаго средства, какъ сдѣлать еще могущественнѣе и безъ того слишкомъ могущественнаго старика Сфорцу. Она позволила ему присоединить къ своему войску двухъ другихъ предводителей кондоттьеровъ, или, другими словами, соединить подъ своимъ начальствомъ цвѣтъ искателей приключеній и вмѣстѣ съ ними двинуться на Римъ противъ Браччіо ди Монтоне, своего личнаго врага. По приближеніи непріятеля Браччіо, слѣдуя системѣ предводителей наемниковъ, нашелъ, что умнѣе предпочесть деньги и владычество, доставляемое ему его наемниками, пустой славѣ сраженія съ Сфорцою; оставивъ Римъ, онъ возвратился въ Перуджію и съ тѣхъ поръ владычествовалъ не только въ этомъ городѣ, но и въ Тоди, Орвіето, Терни, Джіези, Спелло, Нарви и Ріети. Его кондоттьеры опустошали страну вплоть до Рима и въ окрестностяхъ его нѣсколько разъ вступали въ стычки съ Сфорцою, кончавшіяся всегда ихъ пораженіемъ. Сфорца и кардиналъ Изолани учредили

въ Римѣ новое правительство, приказавъ арестовать кардинала ди Санто Анджело, дальнѣйшая судьба котораго неизвѣстна. Только весной слѣдующаго года (1418 г.) Сфорца возвратился изъ Рима въ Неаполь. Здѣсь онъ тотчасъ же поссорился съ Караччіоли, любимцемъ королевы со времени плѣна Іакова. Это и было главною причиною, что Іоанна, надѣясь найти опору въ новомъ папѣ Мартинѣ V велѣла неаполитанскому войску очистить Римъ и отправила пословъ въ Констанцъ, чтобы принести Мартину V присягу, какъ сюзерену Неаполя, по обычаю, введенному со времени утвержденія на неаполитанскомъ престолѣ анжуйскаго дома. Переговоры ихъ продолжались и впослѣдствіи, что однако не мѣшало Сфорцѣ въ теченіе всего 1417 года грабить съ своими наемниками папскія владѣнія; то же самое дѣлалъ не только въ Церковной области, но и въ Тосканѣ Браччіо ди Монтоне. Въ 1418 года онъ безъ всякаго предлога опустошилъ округъ Сіены и обложилъ всѣхъ аристократовъ землевладѣльцевъ тяжелою данью. Угоняя стада изъ луккскихъ владѣній и узнавъ при этомъ, что владѣтеля Лукки Паоло Гвиниджи не было въ городѣ, Браччіо пошелъ и на Лукку; возвратившись въ городъ, Гвиниджи счелъ болѣе благоразумнымъ откупиться отъ разбойниковъ за 15 тыс. золотыхъ флориновъ. Такимъ образомъ во всѣхъ частяхъ Италіи въ сущности господствовали продажные наемники. Изъ Флоренціи папа Мартинъ велъ переговоры съ королевою Іоанною о возвращеніи ему Церковной области и въ особенности города Рима, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ добиться освобожденія Іакова де ла Маршъ, содержавшагося въ плѣну; королевѣ хотѣлось, чтобы папа снисходительно смотрѣлъ на всѣ ея похожденія и велѣлъ короновать ее. Желанія Іоанны вѣроятно были бы легко исполнены, потому что, какъ мы уже говорили, она такъ предупредительно дѣйствовала относительно папы тотчасъ по избраніи его, да къ тому же и Караччіоли находился въ отличныхъ отношеніяхъ съ Колоннами, т. е. родными и двоюродными братьями и племянниками Мартина, если бы осуществленію ихъ не помѣшалъ споръ Караччіоли съ Сфорцою. И Караччіоли, и Сфорца

дѣйствовали насиліемъ; одинъ во время своего пребыванія въ Церковной области умертвилъ двухъ другихъ предводителей наемниковъ, послѣдовавшихъ за нимъ, а другой велѣлъ пытать многихъ аристократовъ и отнялъ у нихъ имѣнія; оба обогащались всякими средствами и возвышали своихъ приверженцевъ на счетъ государства (1418 г.). Старикъ Сфорца получилъ Беневентъ, не принадлежавшій тогда папѣ; его сынъ Францискъ сдѣлался черезъ женитьбу владѣтелемъ части Калабріи, а дочь вышла за мужъ за князя Сансеверино, которому Сфорца своимъ оружіемъ возвратилъ все, чѣмъ онъ нѣкогда владѣлъ. Караччіоли подарилъ своему зятю государственныя помѣстья, назначилъ его верховнымъ судьей и по удаленіи Сфорцы изъ Неаполя убѣдилъ королеву созвать судъ (li eletti di Napoli) и объявить великаго коннетабля врагомъ государства. Узнавъ объ этомъ, Сфорца немедленно появился подъ Неаполемъ во главѣ своихъ наемниковъ (сентябрь 1418 г.). Нападеніе его неудалось, и онъ долженъ былъ отступить. Но когда вслѣдъ затѣмъ Караччіоли присвоилъ себѣ владѣнія графа Ачерры и отдалъ ихъ въ приданое своей дочери, вышедшей за мужъ за Габріеля Урсино, сына Маріи, вдовы Владислава, недовольство неаполитанской аристократіи и гражданъ обнаружилось съ такою силою, что онъ долженъ былъ уступить коннетаблю. Снова появившись у Неаполя въ первыхъ числахъ октября 1418 г., Сфорца вступилъ въ сношенія съ недовольными, рѣшившимися заставить королеву удалить любовника. Десять человѣкъ изъ дворянства и десять изъ средняго сословія составили, не смотря на всѣ возраженія Іоанны, совѣтъ регенства и вошли въ переговоры съ Сфорцою или вѣрнѣе подчинились условіямъ, предписаннымъ предводителемъ страшныхъ бандъ. Сфорца обѣщалъ сохранять вѣрность королевѣ, но потребовалъ, чтобы Караччіоли оставилъ Неаполь; впрочемъ, благодаря дружбѣ фамиліи Колонна, удаленіе его произошло почетнымъ образомъ. Онъ былъ отправленъ со свитой изъ двадцатипяти аристократовъ, при блестящей обстановкѣ, къ папѣ Мартину V для переговоровъ о короновaніи Іоанны и объ очищеніи замка Ангела. Въ январѣ 1419 г.

прибыли въ Неаполь папскіе послы Іорданъ и Антоній Колонна, братъ и племянникъ Мартина, вмѣстѣ съ послами наваррскаго короля и герцога бургундскаго, хлопотать объ освобожденіи Іакова де ла Маршъ. По просьбѣ ихъ и депутатовъ отъ Неаполя Іаковъ былъ освобожденъ 15-го февраля, послѣ того какъ весь городъ далъ требуемое ею ручательство. Однако Іаковъ возвратился къ своей женѣ въ Кастелль Нуово только 22 марта, потребовавъ предварительно удаленія коменданта (castellano) и всѣхъ непріятныхъ ему лицъ; но находя невыносимымъ для себя обстановку развратной Іоанны, въ маѣ мѣсяцѣ бѣжалъ въ Тарентъ. Отсюда онъ былъ выгнанъ наемниками по приказанію Маріи, вдовы короля Владислава, изъявлявшей притязаніи на этотъ городъ для своего сына отъ втораго брака. Іаковъ удалился сначала въ Тревизо, а потомъ во Францію, гдѣ постригся въ монахи и умеръ въ монастырѣ въ 1438 г.

Отдѣлавшись отъ мужа, королева стала хлопотать о возвращеніи Караччіоли. Помощниками ея были Колонна, ближайшіе родственники папы Мартина. Они устроили примиреніе между старикомъ Сфорцою, способствовавшимъ передачѣ Рима Мартину, и бывшимъ оберъ-гофмейстеромъ королевы, а папа помогъ удалить коннетабля, обратившись къ Сфорцѣ за помощью противъ Браччіо ди Монтоне. Браччіо былъ такой же искусный полководецъ, какъ Сфорца, и то же умѣлъ привязывать къ себѣ корыстолюбивыхъ наемниковъ; по этому борьба, въ которой приняли участіе Тарталья и Гвидо Монтефельтро, владѣтель Урбино и Губбіо, длилась долго. Не смотря на то, что войска обѣихъ сторонъ были незначительны, война эта сопровождалась страшными опустошеніями. Побѣда осталась за Браччіо, потому что королева Іоанна или вѣрнѣе Караччіоли не посылалъ Сфорцѣ денегъ для платы войску и вербованія новыхъ наемниковъ. Видя, что перевѣсъ несомнѣнно на сторонѣ Браччіо, папа благоразумно отдѣлился отъ Сфорцы и королевы и соединился съ сильнѣйшимъ изъ кондоттьеровъ. При посредничествѣ флорентинцевъ, находившихся въ дружескихъ отношеніяхъ къ Браччіо, онъ заключилъ миръ съ своимъ противникомъ и нанялъ

его въ свою службу. По договору между ними Браччіо предоставлялось владѣніе, въ качествѣ папскаго намѣстника, Перуджіей, Ассизи и многими другими завоеванными имъ городами, съ обязательствомъ обезпечить папѣ обладаніе Римомъ, Нарни, Терни, Орвіето и Ортой. На свиданіи Браччіо съ папой, происходившемъ во Флоренціи въ февралѣ 1420 г., кондоттьеру былъ сдѣланъ королевскій пріемъ. Самымъ важнымъ послѣдствіемъ примиренія Мартина съ Браччіо и его дружбы съ флорентинцами было подчиненіе Болоньи папѣ (іюль 1420 г.) и назначеніе одного кардинала намѣстникомъ города.

Папа считалъ себя оскорбленнымъ и сердился на Іоанну не столько за оставленіе Сфорцы безъ поддержки, сколько за то, что по возвращеніи Караччіоли въ Неаполь, она уже не оказывала его близкимъ родственникамъ прежнихъ милостей. Еще въ 1419 г. королева оказывала всяческій почетъ брату Мартина, Іордану Колоннѣ, и его племяннику, Антонію Колоннѣ, и одарила ихъ землями и людьми; Антоній Колонна былъ сдѣланъ герцогомъ амальфскимъ и кастелламарскимъ и княземъ салернскимъ, и всѣ думали даже, что она назначитъ одного изъ ихъ фамиліи своимъ преемникомъ. Всѣ эти милости внезапно прекратились въ 1420 году. Папа рѣшился тогда вооружить противъ королевы недовольную партію неаполитанцевъ, преимущественно приверженцевъ анжуйскаго дома, и противопоставить ей или вѣрнѣе ея Караччіоли претендента въ лицѣ 15-ти лѣтняго Людовика III Анжуйскаго, одного изъ сыновей Людовика II. Для достиженія этой цѣли флорентинцы, распоряжавшіеся тогда судьбами средней Италіи, какъ Венеція и Миланъ верхней Италіей, посредничествовали въ переговорахъ съ старикомъ Сфорцою, убѣждая его сдѣлаться орудіемъ папской мести. Во Флоренцію, гдѣ Мартинъ прежде долго жилъ и куда онъ теперь отправился, явились и послы молодаго Людовика Анжуйскаго; они присягнули папѣ какъ сюзерену Неаполя и между ними, папою и старикомъ Сфорцою, который однако съ трудомъ былъ уговоренъ дѣйствовать противъ Іоанны, все было порѣшено. Поведеніе Мартина и

его фамиліи было чрезвычайно коварное: 28 октября 1419 г. папа велѣлъ торжественно короновать Іоанну (del che foro fatte feste grandissime), а въ маѣ 1420 г. онъ уже отправилъ въ Неаполь наемниковъ Сфорцы, чтобы посадить на престолъ Людовика. Напротивъ, дѣйствія Сфорцы были гораздо откровеннѣе: перейдя въ іюнѣ границы неаполитанскихъ владѣній съ своими кондоттьерами и съ наемниками, присоединившимися къ нему въ Церковной области, онъ сначала отослалъ королевѣ знаки коннетабльскаго достоинства и открыто объявилъ себя за Людовика III, между тѣмъ какъ папа еще долго представлялся другомъ Іоанны. Въ неаполитанскихъ владѣніяхъ къ Сфорцѣ присоединились съ своими наемниками члены его фамиліи, его сынъ Францискъ и племянники Михаилъ и Фоскино, сдѣланные Іоанною князьями и графами и одаренные богатыми помѣстьями. Уже Сфорца находился со всѣмъ своимъ войскомъ вблизи Неаполя, ожидая прибытія флота, который долженъ былъ привезти изъ Прованса Людовика и его рыцарей, — уже приверженцы младшаго анжуйскаго дома взялись за оружіе во всѣхъ частяхъ государства, а Іоанна все еще расчитывала на папу и отправила къ нему Антонія Караффу съ просьбою принять на себя посредничество. Думая обмануть посла, Мартинъ хотѣлъ задержать его до прибытія флота Людовика III; но Караффа былъ слишкомъ хитеръ, чтобы позволить обмануть себя, и спѣшилъ помочь своей королевѣ до появленія французовъ. Онъ сказалъ, что возвращается въ Неаполь, но вмѣсто того отправился въ Піомбино и сѣлъ тамъ на корабль, чтобы призвать на помощь противъ провансальскаго флота молодаго короля Арагоніи, Сициліи и Сардиніи Альфонса V, предпринявшаго тогда походъ въ Корсику.

Сынъ короля Фердинанда I, Альфонсъ V или Мудрый, играющій съ этихъ поръ главную роль въ итальянскихъ и испанскихъ дѣлахъ, незадолго передъ тѣмъ получилъ во владѣніе соединенныя королевства Арагоніи и Сициліи. Вступивъ въ 1416 г. на престолъ юношей четырнадцати лѣтъ, онъ выказалъ замѣчательную твердость и вмѣстѣ умѣренность въ церковныхъ спорахъ во время констанцскаго

собора и въ своихъ отношеніяхъ къ арагонскимъ и каталонскимъ сословіямъ, и къ тѣмъ, которые злоупотребляли своими преимуществами. Отправляясь въ 1419 г. въ первый разъ въ Сицилію съ значительнымъ флотомъ, Альфонсъ имѣлъ главною цѣлью возстановить преобладаніе Арагоніи и Каталоніи въ итальянскихъ водахъ, но прежде всего хотѣлъ принудить къ повиновенію безпокойныхъ сардинцевъ и покорить Корсику, повиновавшуюся тогда генуезцамъ. Онъ уже занялъ почти весь островъ Корсику и блокировалъ съ моря и съ суши главный городъ ея Санъ Бонифаціо, но, задержанный девяти-мѣсячной осадой города, далъ возможность генуезцамъ отправить въ 1420 г. флотъ на выручку ихъ брата дожа и былъ принужденъ отступить. По этому невѣроятно, чтобы Караффа какъ разсказываютъ, засталъ его въ іюлѣ еще у береговъ Корсики; можетъ быть въ это время онъ былъ въ Сардиніи. Неаполитанская королева велѣла предложить ему за помощь усыновленіе и слѣдовательно по смерти своей неаполитанскую корону. Переговоры объ условіяхъ, на которыхъ Альфонсъ соглашался постоянно защищать королеву, продолжались очень долго; но помощь онъ прислалъ тотчасъ же какъ узналъ, что претендентъ появился передъ Неаполемъ со всѣми своими силами (23 августа 1420 г.) и что генуезцы отправили ему на помощь флотъ. Уже 6 сентября флотъ Альфонса изъ восемнадцати большихъ и мелкихъ судовъ явился въ Неаполь. Королева велѣла тогда провозгласить Альфонса своимъ сыномъ и преемникомъ, впустила каталонцевъ въ Кастелль Нуово, а 19 сентября отдала Калабрію намѣстнику арагонскаго короля, объявивъ народу, что это герцогство уступается королю Альфонсу только какъ залогъ его правъ на неаполитанскій престолъ, но что до своей смерти она будетъ сама управлять королевствомъ. Отъ Сфорцы и рыцарей Людовика Анжуйскаго королева думала отдѣлаться хитростью, начавъ съ ними переговоры о мирѣ. Это происходило въ то время, когда Іоанна настоятельно звала короля Альфонса въ Неаполь. Альфонсъ, узнавшій о ея переговорахъ съ непріятелями, не пріѣхалъ бы, если бы городъ Неаполь не объявилъ

себя въ его пользу и противъ Людовика Анжуйскаго и если бы три посла, отправленные къ нему королевою, не поручились, что переговоры съ Людовикомъ ведутся несерьозно. Затѣмъ противъ Сфорцы былъ призванъ Браччіо ди Монтоне, заставившій долго просить себя и дорого заплатить за помощь. Онъ получилъ городъ и княжество Капую, званіе коннетабля и обѣщаніе 200 тыс. золотыхъ флориновъ. Узнавъ о движеніи Браччіо на Неаполь, папа Мартинъ нанялъ его врага, предводителя кондоттьеровъ Тарталью, и отправилъ его съ тысячею всадниками на помощь Сфорцѣ и Людовику Анжуйскому. Тарталья долженъ былъ запереть Браччіо въ Кастелламаре, имъ незадолго передъ тѣмъ взятомъ и жестоко опустошенномъ; но Браччіо ускользнулъ, вѣроятно тайно увѣдомленный Тартальей, какъ это водилось между предводителями кондоттьеровъ (si disse, che Tartaglia a quel viaggio non aveva giocato a bon giocо). Двадцать пятаго іюня явился въ Неаполь и самъ Альфонсъ. Впослѣдствіи папа взялъ на себя роль посредника: онъ отправилъ въ Неаполь двухъ кардиналовъ подъ предлогомъ содѣйствовать примиренію, въ дѣйствительности же для того чтобы пріобрѣсти выгоды отъ обѣихъ сторонъ. Его Тарталью, заподозрѣннаго въ измѣнѣ еще при нападеніи на Кастелламаре, пытали по приказанію Людовика и Сфорцы, а въ сентябрѣ казнили въ Аверсѣ на площади. У Сфорцы оставалось уже только 600 всадниковъ, находившихся къ тому же въ самомъ жалкомъ положеніи, а касса принца анжуйскаго была истощена; по этому въ мартѣ 1422 г. Людовикъ отправился въ Римъ, гдѣ и прожилъ два года, убаюкиваемый папскими обѣщаніями.

Въ то время какъ Людовикъ Анжуйскій жилъ въ бездѣйствіи въ Римѣ, Іоанна поссорилась съ Альфонсомъ. Уже съ самаго начала всѣ дѣйствія королевы и ея любимца Караччіоли были крайне подозрительны для короля Альфонса. Они вступили въ переговоры съ Сфорцою, уговорили Браччіо ди Монтоне примириться съ нимъ и, когда Браччіо удалился на нѣкоторое время въ свои владѣнія, находившіяся въ Церковной области, оказывали такія милости старику

Сфорцѣ, что давали поводъ думать, что имъ хотятъ воспользоваться какъ орудіемъ противъ Альфонса. Что подобнаго рода подозрѣнія не были лишены основанія, сдѣлалось яснымъ когда тайное несогласіе, господствовавшее до тѣхъ поръ между Альфонсомъ и королевою, превратилось въ открытую вражду. Альфонсъ находился въ Неаполѣ съ сентября 1422 г., но жилъ не въ одномъ замкѣ съ Іоанною; они рѣдко видались и, сходясь, принимали другъ противъ друга такія же предосторожности, какъ враги на войнѣ. Въ маѣ 1423 г. Альфонсъ заманилъ къ себѣ Караччіоли и велѣлъ арестовать его, а потомъ бросился въ замокъ къ королевѣ, чтобы схватить и ее; но комендантъ замка, предувѣдомленный о происшествіи, успѣлъ запереть ворота. Тогда Іоанна обратилась съ просьбою о помощи къ Сфорцѣ, поспѣшившему удовлетворить ея желаніе, конечно съ выгодою для себя. Съ своей стороны Альфонсъ расчитывалъ на Браччіо, возвратившагося въ свое герцогство Капую, и еще до появленія страшнаго кондоттьера получилъ подкрѣпленіе изъ толпы каталонцевъ, т. е. наемниковъ и искателей приключеній, грабившихъ по Средиземному морю и его прибрежью. Это заставило Сфорцу перенести войну во внутрь страны. Онъ отправился съ королевою сначала въ Черу, потомъ въ Аверсу, и посредствомъ размѣна плѣнныхъ освободилъ Караччіоли; Альфонсъ же господствовалъ въ Неаполѣ. Въ Аверсѣ Іоанна объявила короля Альфонса лишеннымъ права престолонаслѣдія и вмѣсто него усыновила Людовика III. Война между нимъ и Альфонсомъ велась такъ, какъ обыкновенно велись тогда рыцарскія войны; слѣдовательно окончанія ея нельзя было ожидать. Герцогъ Миланскій, хотя и поздно, отправилъ на помощь королевѣ флотъ, взявшій Гаэту; Браччіо не явился къ Альфонсу самъ, а прислалъ Джакоио Кальдору и нѣсколько другихъ предводителей своихъ наемниковъ. Браччіо не явился, потому что былъ занятъ въ то время другимъ предпріятіемъ: распространеніемъ своего господства и на сѣверныя Абруццы, чтобы соединить проходы Романьи съ своимъ княжествомъ Капуей, которое имъ постоянно расширялось, и такимъ

образомъ основать въ средней Италіи округленное государство. Онъ уже осадилъ городъ Аквилу, но встрѣтилъ со стороны ея жителей энергическое сопротивленіе. Предпріятіе его сильно озабочивало папу, и не безъ основанія: еслибы Браччіо, владѣвшій уже Перуджіей, завоевалъ Абруццы, небольшая Папская область оказалась бы окруженной со всѣхъ сторонъ владѣніями искателей приключеній. Поэтому папа готовъ былъ на все, чтобы поддержать жителей Аквилы. Онъ обратился къ королевѣ Іоаннѣ, прося ее убѣдить Сфорцу двинуться среди суровой зимы въ горы, трудно доступныя и лѣтомъ, а часть года покрытыя глубокимъ снѣгомъ. Сфорца выступилъ въ походъ, но 4 января 1424 г. случайно лишился жизни. Подойдя къ устью Пескары, онъ хотѣлъ переѣхать чрезъ нее верхомъ и уже достигъ середины, когда увидѣлъ одного изъ своихъ пажей тонущимъ въ рѣкѣ; Сфорца бросился спасать мальчика, его лошадь поскользнулась, и оба были унесены быстрымъ теченіемъ въ море. Онъ умеръ почти шестидесяти лѣтъ. Роль отца принялъ его сынъ **Францискъ Сфорца**. Наслѣдовавъ воинственныя способности отца, Францискъ Сфорца кромѣ того соединялъ въ себѣ всю тогдашнюю образованность своихъ соотечественниковъ, жизнь и литература, которыхъ служили образцомъ для всей Европы; оттого онъ и пошелъ еще дальше отца. О помощи Аквилѣ нечего было и думать; молодому Сфорцѣ предварительно нужно было принять присягу отъ жителей своихъ наслѣдственныхъ владѣній, увидаться съ королевой Іоанной въ Аверсѣ для утвержденія своихъ ленныхъ правъ, быть признаннымъ главнымъ предводителемъ войска и получить деньги на жалованье и подарки своимъ наемникамъ.

Между тѣмъ король Альфонсъ долженъ былъ воротиться въ Испанію, гдѣ его владѣніямъ угрожало нападеніе кастильцевъ. Намѣстниками Неаполя онъ оставилъ двухъ своихъ братьевъ, Дона Педро и Дона Фридриха. Предводитель ихъ войска Джакопо Кальдора не замедлилъ имъ измѣнить (это было вещью совершенно обыкновенною у кондоттьеровъ): онъ продалъ себя и столицу врагамъ, и Донъ Педро былъ осажденъ въ Кастелль

Нуово. Послѣ торжественнаго вступленія королевы и ея новаго пріемыша Людовика III въ Неаполь, было сформировано въ угожденіе папѣ большое войско, которое должно было идти на выручку Аквилы, въ теченіе тринадцати мѣсяцевъ осаждаемой Браччіо и защищаемой жителями съ замѣчательною энергіею. Исторія этой осады и защиты чрезвычайно подробно и поэтически описана однимъ современникомъ; изъ этого описанія, не смотря на шероховатый стихъ и варварскую латынь, можно почерпнуть много свѣдѣній о военномъ устройствѣ того времени и о системѣ веденія войны. Въ походѣ противъ Браччіо, подъ начальствомъ главнокомандующаго королевскими войсками Джакопо Кальдора служили Францискъ Сфорца, Микелетто, Людовикъ ди Сансеверино и другіе предводители небольшихъ бандъ сфорцесковъ. Папа и герцогъ миланскій также помогали этому предпріятію: Мартинъ отправилъ на войну противъ опаснѣйшаго изъ своихъ враговъ отрядъ избранныхъ наемниковъ подъ начальствомъ Людовика Колонна; Филиппъ Марія послалъ флотъ, опасаясь, чтобы Браччіо не сталъ помогать флорентинцамъ, съ которыми Миланъ былъ въ войнѣ. Перваго іюня 1424 г. оба войска сошлись у Аквилы, а втораго іюня произошло рѣшительное сраженіе, кончившееся совершеннымъ пораженіемъ Браччіо. Неаполитанскія лѣтописи приписываютъ потерю сраженія Н и к о л о П и ч ч и н и н о, лучшему изъ учениковъ Браччіо, занимавшему въ войскѣ первое мѣсто послѣ него. По словамъ ихъ, Браччіо проигралъ дѣло только потому, что Пиччинино не послушался его приказанія не оставлять своей позиціи до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не позоветъ его. Раненый и взятый въ плѣнъ, Браччіо умеръ черезъ пять дней послѣ сраженія. Его наемники были разсѣяны; и папа Мартинъ съ королевою Іоанною получили обратно все, что прежде подарили или были принуждены уступить Браччіо: королева взяла себѣ княжество капуанское и другіе лены, а папа взялъ Перуджію, Ассизи и другіе отнятые у него въ Романьи города. По Браччіо, которому вообще приписываютъ бо́льшую храбрость и бо́льшіе военные таланты, чѣмъ обоимъ Сфорца, можно судить, что́ за люди были тѣ храбрецы, которые распоряжались тогда

судьбою Италіи и создавали себѣ княжества. Слѣдующее мѣсто изъ неаполитанскихъ лѣтописей, относящееся до Браччіо, можетъ служить характеристикою Италіи того времени, ея нравовъ и высшей образованности. Послѣ разсказа о томъ, что папа велѣлъ привезти трупъ Браччіо въ Римъ и похоронить его хотя и не на кладбищѣ, но всетаки передъ церковью Санъ Лоренцо и поставить надъ могилою памятникъ, — сказано: „Этотъ Браччіо былъ всю жизнь безбожникомъ и еретикомъ. Онъ не вѣрилъ ни въ Бога, ни въ святыхъ, пренебрегалъ религіозными обрядами и богослуженіемъ, никогда не ходилъ въ церковь и былъ чрезвычайно жестокъ". Затѣмъ лѣтописецъ говоритъ, какъ Браччіо нѣсколько разъ приказывалъ бросать монаховъ въ горячій витербскій ключъ и какъ онъ велѣлъ сбросить съ колокольни шесть францисканцевъ, которые пѣли молитвы, и т. п. и наконецъ совершенно хладнокровно прибавляетъ: „но Браччіо все-таки храбрый солдатъ (ma nel suo esercito era leale e valente)". Если вмѣстѣ съ этимъ припомнить слова Данте въ девятой пѣсни „Ада" о скептицизмѣ правительственныхъ лицъ въ Италіи и то, что разсказываютъ о цинизмѣ папы Іоанна XXII и почти всѣхъ передовыхъ людей Италіи, легко будетъ понять, почему вопросъ о церковной реформѣ не занималъ итальянцевъ. Послѣдователи скептической философіи, высшіе классы, сами смѣясь надъ моралью и религіею, не хотѣли однако срывать съ глазъ народа повязки суевѣрія, помогавшаго имъ господствовать надъ массами.

Въ іюнѣ, когда ни королевѣ, ни ея пріемышу Людовику, ни наемникамъ, которые служили прежде у Сфорцы и часть которыхъ перешла къ его сыну Франциску, не съ кѣмъ было болѣе сражаться въ открытомъ полѣ, Дону Педро и его брату Фридриху пришлось удалиться изъ Неаполя, и только съ помощью арагонскаго флота они могли еще держаться по берегу. Занятый въ Испаніи, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, борьбою съ Кастиліей, Альфонсъ не могъ поддержать оружіемъ правъ своихъ на Неаполь, пріобрѣтенныхъ имъ чрезъ усыновленіе, противъ Людовика Анжуйскаго, которому теперь принадлежалъ его

прежній титулъ, и противъ Караччіоли, которому принадлежала власть въ королевствѣ. По этому Педро и Фридрихъ отправились съ своими каталонцами въ Африку искать тамъ новыхъ приключеній.

3. Перемѣны въ верхней Италіи.

Въ началѣ XV столѣтія въ верхней Италіи господствовали Флоренція, Миланъ, Венеція и Генуя; но въ то время, какъ Флоренція постоянно возвышалась, а Миланъ и Венеція увеличивали свои владѣнія посредствомъ денегъ, наемниковъ, жестокостей и коварства, Генуя въ такой же степени теряла свое могущество и на короткое время попала даже подъ французское владычество. Послѣ отвратительныхъ поступковъ съ послѣднимъ потомкомъ дома Каррары, Венеція подчинила себѣ Падую, Виченцу, Верону и другіе города на материкѣ (т. VIII, стр. 571). Миланъ, сдѣлавшійся при Іоаннѣ Галеаццо Висконти герцогствомъ и оставшійся леномъ германской имперіи, потерпѣлъ по смерти Іоанна Галеаццо значительныя потери. Іоаннъ Галеаццо оставилъ одного побочнаго и двухъ законнорожденныхъ сыновей. Первому, Габріелю, онъ завѣщалъ Пизу, младшій изъ законныхъ сыновей, Филиппъ Марія, долженъ былъ наслѣдовать города Павію, Новару, Верчелли, Тортону, Алессандрію, Верону, Виченцу, Фельтре, Беллуно и Бассано, а старшій долженъ былъ получить Миланъ, Кремону, Комо, Лоди, Парму, Піаченцу, Реджіо, Бергамо и Брешію (т. VIII, стр. 570). Малолѣтствомъ наслѣдниковъ Іоанна Галеаццо воспользовались, для удовлетворенія своего корыстолюбія и властолюбія, сосѣднія государства и туземные аристократы. Венеціанцы обогатились на счетъ Филиппа Маріи, флорентинцы выгнали Габріеля изъ его владѣній, а городами завладѣли или древнія фамиліи патриціевъ, силою подавленныя Іоанномъ Галеаццо, или отдѣльные предводители наемниковъ.

Какъ въ нижней и средней Италіи предводители кондоттьеровъ,

вышедшіе изъ военныхъ школъ Браччіо и стараго Сфорцы, распоряжались князьями, народами и землями, точно такъ же и въ верхней Италіи являлись вожди, рѣшавшіе участь государствъ и городовъ. Изъ нихъ въ началѣ XV столѣтія Оттонъ Бонъ Терцо, графъ монферратскій Теодорико, Галеаццо Мантуанскій и Таддео ди Верме были особенно замѣчательны тѣмъ, что ихъ искусные наемники продавались то тому, то другому изъ воевавшихъ государствъ, и такимъ образомъ постоянно вели войну. Но замѣчательнѣе всѣхъ былъ Альберико ди Барбіано (т. VIII, стр. 468), основатель отряда св. Георгія, который всѣ старались переманить къ себѣ большимъ содержаніемъ и обѣщаніемъ богатой добычи. Къ его школѣ принадлежалъ Фачино Кане, предложившій, во время малолѣтства обоихъ сыновей Іоанно Галеаццо, свою помощь властолюбивой вдовствующей герцогинѣ миланской, съ тѣмъ чтобы неограниченно владычествовать самому. Вообще, въ то время ремесло простаго кондоттьера было самое выгодное, не говоря уже объ ихъ офицерахъ и предводителяхъ. Кромѣ подарковъ, грабежа враговъ и друзей, содержанія на счетъ несчастныхъ жителей страны, каждый наемникъ получалъ въ мѣсяцъ по золотому флорину или дукату; при этомъ нужно замѣтить, что соразмѣрно цѣнности предметовъ потребленія цѣнность денегъ была тогда въ четыре раза выше, чѣмъ теперь. Впрочемъ, одѣтый въ латы, воинъ долженъ былъ на свой счетъ содержать лошадь, одѣваться и вооружаться. Эти наемники составляли опору всѣхъ итальянскихъ государствъ, а состоявшія изъ нихъ войска были самыми страшными и искусными во всей Европѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и военное искусство въ Италіи, подобно другимъ наукамъ и искусствамъ, совершенно преобразовалось. Только артиллерія была лучше въ Богеміи, а Англія славилась болѣе искусными стрѣлками изъ лука.

Іоаннъ Галеаццо Висконти не былъ полководцемъ; пріобрѣвъ свои владѣнія оружіемъ наемниковъ, онъ и довѣрилъ ихъ предводителямъ опеку надъ своими сыновьями и защиту своей вдовы. По его завѣщанію, регентами назначались Джакопо ди Верме,

Альберико ди Барбіано, Пандольфъ Малатеста, Францискъ Гонзага и Паоло Савелли, подъ руководствомъ его жены Катарины и подъ предсѣдательствомъ его любимца Барбавары. Подробный разсказъ объ этомъ регентствѣ женщины и разбойниковъ не входитъ въ нашу задачу; мы укажемъ только на нѣкоторые факты, характеризующіе эпоху. Тотчасъ по смерти Іоанна Галеаццо во всѣхъ городахъ вспыхнуло возстаніе и, казалось, что наслѣдованное его сыновьями владычество скоро падетъ повсемѣстно. Пистоія освободилась. Габріель былъ изгнанъ изъ Пизы и впослѣдствіи жестокимъ образомъ умерщвленъ. Комо былъ опустошенъ Малатестою. Папа снова завладѣлъ Болоньей и другими городами Церковной области, признававшими надъ собой власть Галеаццо Висконти. Венеціанцы захватили по смерти делла Скалы и Каррары города Верону, Падую и Виченцу, а въ 1412 году Беллуно и Фельтре, занятые венгерцами короля Сигизмунда. Алессандрія, то же отпавшая, была вновь покорена Фачино Кане и жестоко наказана по приказанію Катарины. Миланъ также возсталъ противъ регентства и, устранивъ его, избралъ новое правительство. Катарина скрылась въ крѣпости, заманила туда избранныхъ народомъ соправителей, нѣкоторыхъ изъ нихъ велѣла арестовать, другихъ умертвить, и вмѣстѣ съ Барбаварою захватила власть въ свои руки. Своей жестокостью они возбудили къ себѣ всеобщую ненависть, а преслѣдованіемъ политическихъ преступниковъ показали примѣръ постыднаго вѣроломства. Конечно, къ людямъ той эпохи, особенно къ итальянцамъ, считавшимъ человѣка, останавливавшагося передъ средствами для достиженія какой нибудь цѣли, дуракомъ (Cosa fatta la capo), нельзя примѣнять нашего нравственнаго мѣрила; но Катарина и Барбаваро дѣйствовали гнусно даже и для того времени. Преслѣдованія политическихъ преступниковъ вывели наконецъ изъ терпѣнія миланцевъ, и они свергли тиранновъ. Правительницу заставили сначала передать всѣ укрѣпленныя мѣста народу и поручить ея сына Іоанна Марію избраннымъ имъ самимъ опекунамъ; а вслѣдъ затѣмъ всѣ города,

признавшіе его власть объявили Катаринѣ и Барбабарѣ войну. Герцогиня была схвачена въ Монцѣ и заключена въ тюрьму, гдѣ вскорѣ умерла, вѣроятно отравленная (октябрь 1404 г.); Барбавара спасся бѣгствомъ. Другой сынъ Іоанна Галеаццо, Филиппъ Марія, жившій въ Падуѣ, былъ также только тѣнью государя: господствовавшая прежде въ городѣ фамилія Беккарія снова возстановила свое значеніе и владычествовала въ Павіи точно такъ же, какъ Джіорджіо Бенцони въ Кремѣ, Джіованни ди Виньяте, сынъ мясника въ Лоди, фамилія Сіарди въ Бергамо, Колеони въ Треццо, Кавалькати въ Кремонѣ, и Франкино Руска въ Комо. Хотя фамилія Висконти и была свергнута народомъ, но всѣ эти новые властители слѣдовали той же системѣ притѣсненій и жестокостей, не замѣнивъ даже отсутствія свободы ни энергіей и единствомъ въ управленіи, ни внѣшнимъ блескомъ миланскаго герцогства.

Воспитаніе обоихъ сыновей Іоанна Галеаццо было предоставлено на произволъ судьбы. Восемнадцатилѣтній Іоаннъ Марія былъ уже подлымъ и звѣрскимъ тиранномъ Милана; орудіе яростной борьбы гвельфовъ и гибеллиновъ, онъ долженъ былъ для сохраненія власти отказаться отъ требованій чести и совѣсти. Его братъ Филиппъ Марія, жившій въ Павіи, до 1411 г. сохранялъ за собой крѣпость только съ помощью предводителя кондоттьеровъ Франческо Карманьолы; въ городѣ владычествовалъ глава могущественной гибеллинской фамиліи Кастеллинъ Беккарія, которому помогалъ изъ Алессандріи Фачино Кане; впрочемъ, иногда и Филиппъ Марія пріобрѣталъ на короткое время господство надъ городомъ. Въ 1407 года Фачино Кане сдѣлалъ попытку завладѣть Миланомъ; но противники его, предводительствуемые кондоттьерами Оттономъ Бонъ Терцо и Джакопо ди Верме, поспѣшили на помощь миланскому герцогу или вѣрнѣе гвельфамъ, тѣснимымъ въ городѣ и извнѣ гибеллинами, и разбили банды Фачино Кане, спасшагося съ трудомъ и сдѣлавшагося съ тѣхъ поръ смертельнымъ врагомъ Іоанна Маріи и его гвельфовъ. Для борьбы съ окружавшими его внутренними и внѣшними врагами Іоаннъ Марія нанялъ себѣ кон-

доттьеровъ, женился на дочери одного Малатесты, а другой Малатеста прислалъ ему наемниковъ, и все-таки, чтобы избавиться отъ многочисленныхъ враговъ, ему пришлось прибѣгнуть къ жестокости, заглушившей въ немъ всякое человѣческое чувство. Внѣшними врагами были Фачино Кане, занявшій Новару, и Оттонъ Бонъ Терцо, до того могущественный, что въ 1408 г. для борьбы съ нимъ должны были соединиться Іоаннъ Марія Миланскій, Францискъ Гонзага Мантуанскій, Николай д'Есте, Пандольфъ, маркграфъ феррарскій, Малатеста и Габрино Фондоло, владѣтель Кремоны. Они разбили его, но не уничтожили его войска, которое онъ могъ всегда пополнять, пока имѣлъ деньги. Тѣснимый и осажденный не только Фачино Кане, но и своими защитниками, обоими Малатеста, Іоаннъ Марія обратился съ просьбою къ французскому намѣстнику Генуи, Бусико (т. IX, стр. 272), и маршалъ явился въ 1409 г. въ Миланъ. Воспользовавшись незначительностью французскаго гарнизона, оставшагося въ Генуѣ, генуэзцы призвали Фачино Кане помочь имъ возвратить независимость. Бусико поспѣшилъ въ Генуя, но уже было поздно; Фачино Кане даже отрѣзалъ ему отступленіе въ Миланъ, и французъ долженъ былъ со срамомъ возвратиться въ отечество. Въ слѣдующемъ году (1410 г.) герцогъ Іоаннъ Марія вслѣдствіе неудовольствія на своихъ подданныхъ призвалъ Фачино Кане охранять Миланъ, или, другими словами, отдался въ его власть. Его братъ Филиппъ Марія съ помощью Франческо Карманьолы продолжалъ держаться въ крѣпости Павіи, не смотря на то, что былъ осаждаемъ Фачино Кане, выдававшимъ себя за исполнителя приказанія Іоанна Маріи. Въ 1411 г. Фачино Кане завладѣлъ наконецъ крѣпостью, оставивъ Филиппу Маріи только пустой титулъ графа павійскаго; молодой Висконти былъ содержимъ въ такой нуждѣ, что, по словамъ его біографа, долженъ былъ для поддержанія своего существованія, продавать драгоцѣнные перстни отца.

Въ эстетическомъ, поэтическомъ и научномъ отношеніи положеніе Италіи было блистательно; но исторія отдѣльныхъ государствъ

съ ихъ безконечными запутанными ссорами доказываетъ, что блеска нельзя смѣшивать съ тихимъ, покойнымъ счастіемъ. Торговля и промышленность, стягивавшія богатства Азіи и Европы въ Италію, гдѣ они потомъ распредѣлялись по большимъ и незначительнымъ городамъ, наука и искусство, поэзія и свѣтское образованіе, ремесла и земледѣліе — все это процвѣтало тогда въ Италіи; но среди замѣчательно напряженнаго политическаго движенія исчезли въ жизни всѣ нравственные принципы. При вѣчномъ колебаніи между свободою и тиранніей приверженцы республиканской свободы, полные энтузіазма и энергіи и воспитанные въ духѣ древнихъ, соперничали въ жестокостяхъ и коварствѣ съ военными тираннами; города плавали въ человѣческой крови. Изъ уваженія къ человѣчеству мы готовы были бы считать баснями разсказы о кровожадности трусливаго и слабаго тиранна Іоанна Маріи Висконти, прятавшагося въ крѣпости и боявшагося выходить оттуда, еслибы этого единодушно не подтверждали всѣ лѣтописи Милана находящіяся въ собраніи, изданномъ Муратори. Впрочемъ, подобныя же явленія представляетъ исторія древнихъ тиранновъ, подчинившихъ себѣ свободные города Греціи и Сициліи, и позднѣйшихъ римскихъ императоровъ. Для насъ отвратительнѣе всего, что даже мальчикъ, какъ Іоаннъ Марія, былъ способенъ мучить и умерщвлять самымъ гнуснымъ образомъ людей высшихъ фамилій. Достаточно одного примѣра, чтобы показать всю его кровожадность. Тиранна охраняли бульдоги, пріученные его оберъ-егермейстеромъ Скварчіей Джирамо загрызать людей; ихъ кормили человѣческимъ мясомъ, чтобы они съ бо́льшимъ рвеніемъ исполняли свою должность. Послѣ многихъ другихъ жертвъ, тираннъ отдалъ на съѣденіе собакамъ двухъ членовъ своей фамиліи, Антонія и Франциска Висконти, и одного изъ высшихъ миланскихъ аристократовъ, гибеллина Іоанна ди Постерла, вмѣстѣ съ его двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ. Всѣ они были немедленно разорваны собаками, кромѣ красиваго мальчика; несчастный, не тронутый даже кровожадными животными, былъ пораженъ охотничьимъ

ножомъ Джирамо. И не одинъ миланскій тираннъ такъ нагло насмѣхался надъ всѣми человѣческими правами и нравственными принципами; всѣ предводители кондоттьеровъ, захватывавшіе власть въ городахъ, въ особенности же кардиналъ Бальтазаръ Косса, впослѣдствіи папа Іоаннъ XXIII, въ своихъ дѣйствіяхъ и геніально циническихъ и безбожныхъ рѣчахъ выказывали презрѣніе къ тѣмъ добродушнымъ простякамъ, которые не стояли на ихъ высотѣ. Чтобы доказать это, достаточно относительно Іоанна XXIII указать на картины, изображающія разсказы констанцской хроники, а относительно Бонъ Терцо привести послѣднія событія его жизни. Въ 1407 г. Бонъ Терцо цѣлый мѣсяцъ грабилъ моденскія владѣнія только потому, что не могъ содержать своихъ наемниковъ въ Пармѣ. Давъ, напримѣръ, миланцамъ и венеціанцамъ охранительныя письма для перевоза товаровъ черезъ По, онъ, не смотря на то, велѣлъ впослѣдствіи отнять ихъ товары, цѣнность которыхъ простиралась болѣе чѣмъ на 100 тыс. дукатовъ. Въ 1408 г. въ Пармѣ и въ Борго—Санъ—Донино были казнены въ одинъ день 65 человѣкъ, только по подозрѣнію, что между жителями этихъ городовъ составился заговоръ противъ него. Въ слѣдующемъ году ему было отплачено тою же монетою, и старикъ Сфорца доказалъ, что, не уступая Бонъ Терцо въ храбрости и военныхъ талантахъ, не уступаетъ ему и въ коварствѣ. Маркграфъ феррарскій Николай нанялъ Сфорцу для войны съ Бонъ Терцо; Сфорца дѣлалъ такія опустошенія во владѣніяхъ Пармы и Реджіо, что Бонъ Терцо предложилъ ему наконецъ вступить въ дружескіе переговоры. Маркграфъ Николай явился на совѣщаніе съ 100 всадниками, Бонъ Терцо съ 90; во время ихъ переговоровъ въ виду обоихъ конвоевъ, неожиданно выступилъ впередъ Сфорца или его близкій родственникъ Микеле Аттендоло и ударомъ меча поразилъ на смерть Бонъ Терцо. Трупъ жестокаго разбойника былъ отвезенъ въ Модену и разорванъ на части жителями; народъ былъ въ такой ярости, что многіе рвали мясо зубами.

Жестокость Іоанна Маріи вызвала подражателей убійцамъ Це-

заря изъ круга приближенныхъ къ нему юношей, изучавшихъ произведенія древнихъ грековъ и римлянъ и исполненныхъ чистою, пламенною любовью къ свободѣ и отечеству и кипучею ненавистью къ злодѣю и тирану. Ихъ заговоръ стоялъ въ тѣсной связи съ возродившимся тогда изученіемъ древней литературы. Въ теченіе послѣдняго столѣтія во многихъ большихъ и малыхъ государствахъ Италіи, находившихся въ цвѣтущемъ состояніи, пробудилось сознаніе неудовлетворительности общественнаго школьнаго преподаванія и рядомъ съ нимъ возникла потребность совершенно новаго образованія. Вмѣстѣ съ военнымъ образованіемъ общество требовало ораторскаго искусства, умѣнья писать хорошимъ латинскимъ языкомъ и философскаго или, вѣрнѣе, діалектическаго развитія. Сочиненія древнихъ грековъ и римлянъ стали вездѣ разработываться по отношенію къ политикѣ, государственной дѣятельности и общему образованію; передовые люди, называемые грамматиками, переѣзжая изъ одного города въ другой, образовывали около себя въ городахъ школы или кружки слушателей, какъ нѣкогда греческіе философы. Одинъ изъ такихъ грамматиковъ воспламенилъ миланскихъ юношей рѣчью объ умерщвленіи тиранна; вопросъ о законности такого поступка такъ сильно занималъ тогда умы, что даже на констанцскомъ соборѣ возникъ жаркій споръ по поводу одной книги, защищавшей его. Многіе юноши, воодушевленные любовью къ свободѣ и жаждой мести за смерть и пытки своихъ родственниковъ, какъ напримѣръ Оттонъ Висконти, Андрей Баджіо изъ фамиліи Постерла, нѣсколько человѣкъ изъ фамиліи Тривульци, Монтегацци и другіе сговорились убить сына Іоанна Галеаццо и воззвать народъ къ свободѣ. Они хотѣли воспользоваться болѣзнью Фачино Кане, умиравшаго въ Павіи, какъ благопріятнымъ обстоятельствомъ для умерщвленія Іоанна Маріи; въ то же время Беккаріа долженъ былъ убить въ Павіи Филиппа Марію. Филиппъ спасся, а Іоанна постигло справедливое наказаніе. Убить Іоанна Марію можно было только въ церкви, гдѣ его окружали родственники; тамъ заговорщики напали на него во время обѣдни и у

алтаря нанесли ему множество смертельныхъ ранъ (16 мая 1421 г.). Въ тотъ же день умеръ и больной Фачино Кане, котораго характеръ описанъ въ миланской хроникѣ слѣдующими словами: „Фачино хотя и выказывалъ иногда въ сраженіи храбрость, но за то не было такого сквернаго дѣла, котораго онъ не дѣлалъ бы въ свою жизнь (in omni vita nequitiæ cultor); въ немъ не было ни чести, ни человѣчности. Онъ конечно умертвилъ бы и миланскихъ принцевъ, еслибъ имѣлъ дѣтей или еслибъ не боялся, что желаніе завладѣть герцогскимъ титуломъ вызоветъ противъ него соединеніе всѣхъ партій." У молодыхъ заговорщиковъ, какъ у убійцъ Цезаря, не было никакого опредѣленнаго плана, народъ былъ вялъ, а власть зависѣла отъ однихъ солдатъ. Одинъ изъ заговорщиковъ, бывшій хорошимъ солдатомъ, Гекторъ, побочный сынъ Варнавы Висконти, захватилъ власть въ Миланѣ, но не могъ овладѣть крѣпостью; это дало время Филиппу Маріи добыть себѣ деньги, требуемыя наемниками Фачино за вступленіе въ его службу, согласно совѣту ихъ умиравшаго предводителя. Узнавъ еще передъ смертью объ умерщвленіи Іоанна Маріи, Фачино поручилъ его брата Филиппа Марію архіепископу миланскому, стоявшему у его постели, и своимъ солдатамъ. Тотчасъ по смерти его комендантъ павійской крѣпости посовѣтовалъ молодому человѣку жениться на вдовѣ Фачино, Беатриче Тенда, приносившей съ собой въ приданое огромныя суммы. Филиппъ Марія послѣдовалъ этому совѣту; съ своей стороны Беатриче Тенда согласилась немедленно. Такимъ образомъ, сорокалѣтняя женщина купила себѣ за 400 т. дукатовъ двадцатилѣтняго мужа и князя, а юноша купилъ себѣ ея деньгами наемниковъ помогшихъ ему завладѣть Миланомъ и Монцою. Уже 16 іюня Гекторъ Висконти принужденъ былъ уступить Миланъ наемникамъ Филиппа Маріи; но до самой смерти, въ теченіе девяти мѣсяцевъ держался спачала въ городѣ, а потомъ въ крѣпости Монцы. По смерти Гектора его сестра Валентина защищалась до тѣхъ поръ, пока предводитель войска Филиппа Маріи Франческо Бузо или, какъ его обыкновенно называютъ,

Франческо Карманьола не предложилъ осажденнымъ выгодной капитуляціи.

При Филиппѣ Маріи миланское герцогство сдѣлалось могущественнѣе, чѣмъ когда нибудь, между тѣмъ какъ Генуя, Церковная область и почти всѣ небольшія итальянскія государства были истощены и ослаблены безконечными нападеніями кондоттьеровъ, перемѣною правительствъ и междоусобицами. Только Венеція и Флоренція, цвѣтущія торговлей и промышленностью, съ каждымъ годомъ увеличивали свои владѣнія и могущество: Флоренція — внутри Аппенниновъ, а Венеція по всѣмъ направленіямъ, въ Далмаціи и Илліріи, въ Архипелагѣ и верхней Италіи. Съ этими двумя государствами Филиппъ Марія вступилъ въ борьбу, стремясь вновь завоевать все, что нѣкогда принадлежало миланскому герцогству. Филиппъ Марія не былъ ни полководцемъ, ни даже солдатомъ. Всѣми своими пріобрѣтеніями онъ былъ обязанъ сначала женѣ своей Беатриче Тенда, женщинѣ уже не молодой и не красивой, но съ большими достоинствами, а впослѣдствіи своимъ полководцамъ Карманьолѣ и Франциску Сфорцѣ. Беатриче принесла съ собой не только сокровища, давшія возможность Филиппу Маріи нанять кондоттьеровъ, но и владычество надъ городами Тортоною, Новарою, Верчелли и Алессандріей, наслѣдованными ею отъ Фачино. Филиппъ Марія отблагодарилъ ее такъ, какъ благодарятъ обыкновенно тиранны и безчестные люди: онъ лишилъ жену чести и жизни. Въ 1418 г. онъ выгналъ ее, обвинивъ въ связи съ однимъ молодымъ человѣкомъ и, добившись отъ него пытками нужнаго ему показанія, велѣлъ казнить Беатриче; обвиненію ея никто не вѣрилъ. Еще до казни Беатриче, Карманьола съ помощью наемниковъ герцога завоевалъ Треццо, Лекко и Кастелло д'Адда, т. е. самыя укрѣпленныя мѣста между Аддою, Тичино и Альпами, а Лоди, котораго нельзя было вынудить къ открытой войнѣ, подпалъ владычеству миланскаго тиранна вслѣдствіе измѣны. По заключеніи въ 1416 г., при посредничествѣ венеціанцевъ, мира между Филиппомъ Маріей, владѣтелемъ города Лоди — Джіованни ди Виньяте и тираннами

Комо, Кремоны и Піаченцы, герцогъ, заманивъ Джіованни въ Миланъ, посадилъ его въ тюрьму, а потомъ велѣлъ отправить скованнымъ въ Лоди, чтобы угрозою смерти отца и обѣщаніемъ богатыхъ подарковъ склонить сына Джіованни на сдачу города. Но въ то время какъ молодой ди Виньяте переговаривался со стѣны на одной сторонѣ города, съ другой стороны влѣзали въ него миланскіе наемники. Лоди былъ ограбленъ, а оба Виньяте отправлены въ Миланъ и тамъ публично казнены. Такъ передаетъ это событіе миланецъ Билья; разсказъ венеціанца Сануто представляетъ его въ еще болѣе мрачномъ свѣтѣ.

Подобная же попытка, сдѣланная въ слѣдующемъ году Карманьолой въ Піаченцѣ, совершенно неудалась; у владѣтеля города, Филиппа Арчелли, было такое же каменное сердце, какъ у миланскаго тиранна. Карманьола напалъ разбойническимъ образомъ на его брата и на его сына, юношу подававшаго блестящія надежды, во время ихъ путешествія, и грозилъ, что велитъ пытать и умертвить обоихъ въ присутствіи Филиппа Арчелли, если онъ не отопретъ города. Всякій зналъ, что это была не пустая угроза, какъ оно и оказалось въ дѣйствительности; но Филиппъ все-таки не отворилъ воротъ. Однако его жестокосердіе ни къ чему не повело; вскорѣ онъ принужденъ былъ уступить Карманьолѣ городъ, опустошенный при этомъ случаѣ сначала друзьями, а потомъ врагами, и долгое время потомъ остававшійся въ развалинахъ. Филиппъ Арчелли скрылся въ крѣпость, проданную имъ впослѣдствіи Карманьолѣ за нѣсколько тысячъ флориновъ. Затѣмъ онъ нанялся съ своими наемниками къ венеціанцамъ и дѣлалъ для нихъ завоеванія въ Фріулѣ. По взятіи Піаченцы, Карманьола отнялъ у владѣтеля Брешіи, Пандольфа Малатесты, Бергамо и большую часть брешіанской области (1419 г.). Отъ перемѣны владычества участь покоренныхъ городовъ и странъ нисколько не измѣнялась ни къ лучшему, ни къ худшему. Изнѣженные и избалованные граждане городовъ сдѣлались мало по малу совершенно равнодушными къ тому, кто ими управлялъ; потому что правитель все-таки былъ тираннъ. Точно также и трудолюби-

вымъ, но трепетавшимъ передъ всякой опасностью жителямъ низменной страны вѣчно грозила опасность отъ бандъ или ихъ предводителей, походившихъ другъ на друга какъ двѣ капли воды.

Именемъ своего герцога, Карманьола занялъ также владѣнія генуезской республики до Гави. Освободившись отъ французовъ, это государство снова сдѣлалось жертвою внутреннихъ раздоровъ. Городъ Генуя подпалъ сначала подъ владычество маркграфа монферратскаго, съ помощью котораго освободился отъ французовъ, и хотя въ 1413 г. изгналъ и его, но все-таки не пріобрѣлъ свободы: предводители различныхъ партій Джіорджіо Адорно, Варнава Гоано и Ѳома де Кампо Фрегозо завладѣвали одинъ послѣ другаго званіемъ дожа и тиранніей. Побѣжденныя партіи продолжали вести борьбу съ побѣдителями. Наконецъ Гварци, Монтальти и Адорни прибѣгли къ помощи Филиппа Маріи; къ миланскому герцогу присоединились маркграфы дель Карретo и Монферрата, и это дало возможность Карманьолѣ занять всю страну къ сѣверу до Апеннинова. Въ 1420 г. положеніе генуезцевъ было очень затруднительно. Ихъ дожу Ѳомѣ Фрегозо угрожали приверженцы его противника и герцогъ миланскій; флорентинцы, вѣроятно надѣясь, что генуезцы, въ крайности, продадутъ имъ Ливорно, заключили миръ съ Филиппомъ Маріей въ ту минуту, когда должны были бы помочь имъ; наконецъ, новымъ врагомъ Генуи явился Альфонсъ V Арагонскій. Мы уже говорили (т. IX, стр. 286), какъ онъ предпринялъ походъ противъ Корсики и завладѣлъ всѣмъ островомъ до города Санъ Бонифачіо, спасеннаго послѣ девятимѣсячной осады Джіованни Фрегозо, братомъ дожа. Въ 1421 г. каталонцы короля Альфонса соединились съ Карманьолой для нападенія на городъ Генуя. Осажденная съ своего моря и сухаго пути, республика для спасенія благосостоянія не только продала Ливорно флорентинцамъ, но и пожертвовала своей свободой. Дожъ Ѳома Фрегозо добровольно сложилъ свое званіе, за что получилъ во владѣніе Сарцану, а Генуя признала миланскаго герцога своимъ сюзереномъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ признала верховное владычество французскаго

короля. Граждане сохранили за собой самоуправленіе, но Карманьола, какъ нѣкогда Бусико, былъ назначенъ намѣстникомъ Генуи.

По соединеніи Генуи съ Миланомъ только Венеція и Флоренція были въ состояніи противодѣйствовать дальнѣйшему распространенію могущества фамиліи Висконти; но вниманіе обѣихъ республикъ, казалось, было устремлено не на угрожавшую имъ изъ Милана опасность, а на другія предпріятія. Въ 1418 г., по окончаніи заключеннаго съ Сигизмундомъ перемирія (т. IX, стр. 122), венеціанцы мало по малу подчинили себѣ владѣнія патріарха аквилейскаго, а когда въ 1412 г. весь Фріуль до Фельтре и Беллуно подпалъ ихъ владычеству, дѣятельно продолжали войну съ вассалами Сигизмунда въ Истріи, Далмаціи и Албаніи. По этому они не только не могли защитить противъ герцога миланскаго владѣтелей, основавшихъ себѣ княжества въ нѣкоторыхъ городахъ Ломбардіи, но даже заключили съ Филиппомъ Маріей десятилѣтній миръ, по которому брали только подъ свою защиту Франциска Гонзагу Мантуанскаго и обязывали герцога не нападать ни на Пескіеру, ни на Мантую. Филиппъ Марія еще прежде принудилъ Роланда Палавичини, владѣтеля Санъ Донино, сдать городъ, потомъ ему сдались на капитуляцію Росси и Пелегрини въ пармскихъ владѣніяхъ, наконецъ въ 1421 г. Николай д'Есте добровольно уступилъ ему городъ Парму, чтобы сохранить за собой хоть Реджіо, а Пандольфъ Малатеста, потерявъ Бергамо, былъ осажденъ въ Брешіи. Оставленный венеціанцами, онъ обратился съ просьбою о помощи къ своему брату Карлу Малатестѣ, владѣтелю Римини; Карлъ отправилъ къ нему значительное число своихъ наемниковъ, но, внезапно аттакованный Карманьолой, отрядъ этотъ былъ разсѣянъ, а предводитель его Людовикъ де Фермо взятъ въ плѣнъ. Пандольфъ долженъ былъ сдать городъ и получилъ позволеніе отправиться къ брату въ Римини. Одновременно съ Брешіей пала Крема, и Филиппъ Марія сдѣлался наконецъ властителемъ всей Ломбардіи (1421 г.). Въ слѣдующемъ году миланскій тираннъ распространилъ свое владычество и на счетъ швейцарцевъ. Онъ занялъ городъ Домо д'Оссола и по-

купкою и насиліемъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ левантинскую долину. Въ то время въ этой долинѣ и другихъ проходахъ Сенъ-Готарда гарнизонъ содержался кантономъ Ури; но фамилія Руска, изгнанная Филиппомъ Маріей изъ Комо и нѣкогда владычествовавшая въ Беллинцонѣ, оспаривала у швейцарцевъ право владѣнія левантинской долиною и за деньги уступила свои притязанія миланскому герцогу. Онъ тотчасъ же поручилъ предводителю кондоттьеровъ Аньоло делла Пергола занять долину гарнизономъ. Аньоло напалъ на швейцарцевъ, принудилъ ихъ къ отступленію, взялъ Беллинцону и занялъ левантинскую долину до подошвы Сенъ-Готарда. Это вовлекло страшныхъ итальянскихъ наемниковъ въ борьбу съ швейцарцами; всѣ союзники поспѣшили на помощь урійцамъ. Когда четыреста стрѣлковъ изъ различныхъ кантоновъ и три тысячи человѣкъ, вооруженныхъ аллебардами, перешли Сенъ-Готардъ, миланскій герцогъ отправилъ на помощь къ Аньоло делла Пергола Карманьолу со всѣми его наемниками. Искусные итальянскіе полководцы не пошли навстрѣчу союзникамъ, но спокойно выждали ихъ у Беллинцоны; 30 іюня 1422 г. произошло сраженіе у Арбедо. О немъ мы не можемъ много распространяться; но для знакомства со всѣми подробностями, составляющими существенную часть дѣла, совѣтуемъ нашимъ читателямъ прочесть описаніе сраженія въ третьей части исторіи Швейцаріи Іоанна фонъ Мюллера, составленное впрочемъ, по обыкновенію автора, съ большой аффектаціей. Швейцарцевъ было только 3400 человѣкъ, тогда какъ миланское войско состояло изъ 6 тысячъ всадниковъ въ латахъ и 18 тысячъ человѣкъ пѣхоты. Если со стороны швейцарцевъ было не благоразумно начать сраженіе при такомъ неравенствѣ силъ, и къ тому же въ мѣстности и при условіяхъ благопріятныхъ миланцамъ, за то тѣмъ удивительнѣе, что они съ честью вышли изъ борьбы, хотя не одержали побѣды и потеряли много людей. Карманьола, щадя свое войско, далъ швейцарцамъ спокойно удалиться за Сенъ-Готардъ; такимъ образомъ левантинская долина осталась за Висконти. Сраженіе при Беллинцонѣ имѣло еще особенное значеніе

для Италіи. Хотя швейцарцы и были побѣждены, но исходъ сраженія такъ испугалъ итальянскихъ кондоттьеровъ и ихъ предводителей, какъ будто они сами понесли пораженіе. Сражаясь между собой, предводители наемниковъ не только дѣйствовали всегда по всѣмъ правиламъ науки, отступая всякій разъ, когда видѣли себя побѣжденными въ стратегическомъ отношеніи, но между ними существовалъ еще обычай щадить жизнь всѣхъ тяжеловооруженныхъ всадниковъ, которые, упавъ съ лошадей, не могли сражаться: они держались этого обычая взаимно, потому что войска были ихъ товаромъ и княжествами. Швейцарцы, напротивъ, убивали всѣхъ, кого могли, и потому въ сраженіи при Беллинцонѣ миланское войско понесло такой страшный уронъ въ людяхъ, что вся Италія была исполнена страха.

Въ слѣдующемъ году (1423 г.) Филиппъ Марія, не обращая вниманія на формальное условіе заключеннаго съ Флоренціей мира, поставилъ гарнизонъ въ Форли, а полководцы его вторгнулись въ Церковную область; все это вовлекло его въ войну и съ флорентинцами. Съ этого времени Венеція, Миланъ, Флоренція и Неаполь становятся въ военномъ отношеніи, въ политикѣ и дипломатическихъ переговорахъ, точно такъ же какъ по слогу и манерѣ своихъ государственныхъ бумагъ, образцомъ и примѣромъ для тогдашнихъ государствъ, до тѣхъ поръ пока современники Людовика XIV не создали новой французской государственной науки. По возвращеніи въ Неаполь Альфонсъ V Арагонскій сталъ играть въ Италіи главную роль, и такимъ образомъ Испанія также была замѣшана въ итальянскія распри. По этому мы считаемъ нужнымъ сдѣлать краткій очеркъ событій, происходившихъ въ Испаніи съ 1390 г. (т. VIII, стр. 439).

4. Исторія Испаніи отъ Іоанны I Кастильской до ея внука Іоанна II.

Не смотря на безконечныя внутреннія распри, на постоянную войну съ маврами и жестокость своихъ правителей, Наварра, Арагонія, Кастилія и Португалія (въ особенности три послѣдиія государства) достигли въ XIV столѣтіи такой же высокой степени процвѣтанія, какъ и Италія. Эти испанскія государства пользовались при этомъ всѣми выгодами учрежденій, соотвѣтствовавшихъ времени и обстоятельствамъ. Такъ въ Каталоніи и Арагоніи при Петрѣ IV (1348 г.) чрезмѣрное могущество грандовъ было до того ограничено, что они уже не смѣли самоуправствовать и заключать союзы противъ своего короля, какъ венгерскіе магнаты до конца XVII столѣтія (т. VIII, стр. 371). Въ этихъ государствахъ существовала особая должность для судебнаго разбираельства споровъ сословій съ королемъ и между собой. Это должностное лицо, носившее титулъ хустисіи, (Justicia) и сравниваемое Шпиттлеромъ съ пфальцграфами древнихъ германскихъ королевскихъ дворовъ, было назначаемо королемъ; оно избиралось только изъ среды дворянства или рыцарства, но не изъ аристократовъ. Вмѣстѣ съ хустисіей присутствовали въ судѣ другія лица, подававшія въ извѣстныхъ случаяхъ голоса и составлявшія обязательные для него приговоры. Съ 1390 г. хустисія долженъ былъ отдавать отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ каждому собранію кортесовъ, для чего ими назначалась всякій разъ коммиссія, провѣрявшая всѣ его дѣйствія отъ одного сейма до другаго.

Сынъ и преемникъ Петра Іоаннъ I (1387—1395 г.) выказалъ замѣчательный примѣръ добросовѣстности и уваженія къ правамъ, которыя онъ призналъ за сословіями и хустисіей: онъ удовлетворилъ ихъ жалобамъ на его дворъ и жену. Съ помощью большихъ доходовъ съ Каталоніи и Арагоніи, гдѣ въ то время искуства и ремесла, а въ особенности мореплаваніе и торговля, находились въ болѣе

цвѣтущемъ состояніи, чѣмъ въ остальной Европѣ, Іоаннъ организовалъ блестящій дворъ, устроивалъ дорогія охоты и тратилъ большія суммы на пѣвцовъ, музыку и каталонскую поэзію, основавъ для нея особыя школы. Его жена, дочь герцога Робера де Бара, желая, какъ она мечтала, придать болѣе утонченности строгимъ и простымъ нравамъ страны окружила себя цѣлымъ дворомъ дѣвицъ дворянскаго происхожденія и позволяла своей любимицѣ Карросѣ де Вилларaютъ вмѣшиваться, по французскому обычаю, даже въ государственныя дѣла. Все это оскорбляло строгихъ арагонцевъ. Они громко высказывали свое неудовольствіе на новые придворные нравы, на вліяніе королевы и женщинъ, и на веселую или, какъ обыкновенно выражаются, цивилизующую придворную жизнь высшихъ сословій. Вслѣдствіе того, вице-канцлеръ государства и хустисія Доминго Серданъ потребовали отъ короля, чтобы онъ преобразовалъ дворъ и удалилъ Карросу, ея подругъ и родственницъ. Спачала Іоаннъ выслушалъ это требованіе съ большимъ неудовольствіемъ, но по прошествіи года, исполнилъ его и подчинился законамъ, соблюдавшимся потомъ всѣми въ его государствѣ, тогда какъ въ сосѣднихъ странахъ спокойствіе и безопасность поддерживались только силою оружія. Дворъ былъ преобразованъ, а Карроса и другія подруги его жены удалены. Въ послѣдніе годы жизни Іоаннъ обратилъ все свое вниманіе на устройство значительнаго флота и на завоеваніе острововъ Сардиніи и Сициліи: первый изъ нихъ возсталъ противъ него, а на второй онъ изъявлялъ притязанія въ пользу своего племянника Мартина Младшаго, женившагося на наслѣдницѣ острова (т. VIII, стр. 475). Въ то время, какъ отецъ Мартина Младшаго, герцогъ монбланскій Мартинъ Старшій былъ занятъ походомъ въ Сицилію и Сардинію, умеръ его братъ, король Іоаннъ, и онъ былъ призванъ къ наслѣдованію Арагоніей и Кастиліей.

Мартинъ Старшій (1395—1410 г.) вступилъ на престолъ вслѣдствіе постановленій, сдѣланныхъ прежними королями и утвержденныхъ Іоанномъ. Но Іоаннъ оставилъ дочерей, и мужъ

старшей изъ нихъ графъ де Фуа оспаривалъ право королей распоряжаться престолонаслѣдіемъ такимъ образомъ, чтобы оно переходило къ брату короля помимо его дочерей. Для поддержанія своего притязанія, онъ нанялъ себѣ одну изъ тѣхъ страшныхъ дружинъ, которыя пріобрѣли извѣстность въ междоусобныхъ войнахъ французовъ, а впослѣдствіи въ Германіи и Швейцаріи и назывались по имени предводительствовавшаго ими принца —арманьяками (т. IX, стр. 251). Съ ними онъ вторгнулся въ Арагонію, но, еще до прибытія Мартина, былъ принужденъ отступить, благодаря мѣрамъ, принятымъ женою новаго короля. Возвратившись въ Арагонію, Мартинъ отправился сначала въ Авиньонъ для переговоровъ о расколѣ, а потомъ (1398 г.) отмстилъ графу де Фуа. Но, наказывая графа, онъ не позволилъ себѣ превысить законовъ и, по смерти его, не отнялъ у его вдовы и свояченицы ихъ огромныхъ владѣній. Мартину пришлось также усмирять внутреннія распри; въ то время даже лучшія учрежденія не могли водворить спокойствія, потому что всякій дворянинъ, владѣвшій помѣстьями и помогавшій защищать страну во главѣ своихъ вассаловъ, былъ въ состояніи не повиноваться законамъ. Война между Хименесомъ де Уррака и Антоніо де Луна, двумя могущественнѣйшими грандами Арагоніи, привела въ движеніе все арагонское дворянство, раздѣлившееся на двѣ партіи; подобная же борьба рыцарскихъ фамилій происходила одновременно и въ Валенсіи. Между тѣмъ арагонскій флотъ одерживалъ побѣды въ Средиземномъ морѣ и Мартинъ Младшій подчинилъ себѣ Сардинію и Сицилію. Онъ умеръ еще при жизни отца, и тогда оба острова соединились съ Арагоніей (т. VIII, стр. 477). Вскорѣ умеръ и Мартинъ Старшій, не оставивъ послѣ себя ни сыновей, ни братьевъ. По смерти его возникъ споръ за Арагонію и сначала казалось, что она уже тогда соединится съ Кастиліей. Это заставляетъ насъ бросить взглядъ на кастильскую исторію съ 1390 г., не вдаваясь однако въ ея подробности.

Въ Кастиліи царствовалъ въ то время Іоаннъ I, сынъ Генриха II. При немъ продолжалась война съ герцогомъ ланкастер-

скимъ, мужемъ одной изъ дочерей Петра Жестокаго, и съ королемъ португальскимъ, не имѣвшая другихъ послѣдствій, кромѣ опустошенія страны и вымогательства денегъ, обѣщанныхъ Кастиліей, чтобы избавиться отъ этихъ опустошеній. Оба противника не хотѣли признавать законности Генриха II и его сына, потому что Генрихъ былъ прижитъ не въ законномъ бракѣ и только въ послѣдніе годы царствованія Іоанна I былъ заключенъ договоръ, по которому кастильскій престолъ упрочивался за потомствомъ Генриха, а португальскій король и дочери Петра Жестокаго должны были получить вознагражденіе (т. VIII, стр. 431). Съ португальскимъ королемъ Фердинандомъ Іоаннъ I Кастильскій примирился на томъ, что женился во второмъ бракѣ на его дочери Беатриче, получивъ обѣщаніе, что сынъ, который родится отъ нея, наслѣдуетъ португальскій престолъ (1383 г.). Съ герцогомъ ланкастерскимъ Іоаннъ заключилъ миръ только въ 1387 г.: онъ обѣщалъ женить своего старшаго сына, тогда еще мальчика, или, въ случаѣ его смерти, своего втораго сына Фердинанда на дочери герцога, уплатить послѣднему громадную для того времени сумму въ видѣ вознагражденія за военныя издержки, а его женѣ выдавать ежегодно значительную ренту. Договоръ, заключенный съ Португаліей, вызвалъ кровопролитную войну. По смерти Фердинанда португальцы не признали испанскаго инфанта своимъ королемъ, а призвали на престолъ побочнаго брата Фердинанда, Іоанна Незаконнорожденнаго; не смотря на ненависть къ нравамъ арабовъ, въ Португаліи, какъ и въ Кастиліи, сохранялся обычай мослеминовъ предоставлять сыновьямъ наложницъ одинаковыя права съ сыновьями законныхъ женъ, — обычай, возбуждавшій частыя войны за престолъ. Только по заключеніи упомянутаго договора съ герцогомъ ланкастерскимъ, поддержавшимъ португальцевъ противъ кастильцевъ, между Португаліей и Кастиліей былъ заключенъ прочный миръ. Окончивъ эту войну, Іоаннъ посвятилъ все свое вниманіе внутреннимъ дѣламъ государства, но внезапно умеръ на 33 году жизни, упавъ съ лошади (1390 г.).

Іоанну наслѣдовалъ его сынъ Генрихъ III, одиннадцатилѣт-

ній мальчикъ, прозванный за свое слабое тѣлосложеніе Болѣзненнымъ, по обычаю тогдашняго времени отличать королей и князей того же имени не числами, присоединяемыми къ ихъ именамъ, а прозваніями. Архіепископъ толедскій, игравшій по смерти Іоанна главную роль въ Кастиліи, устроилъ, что завѣщаніе его относительно опеки, изъ которой были исключены принцы крови и гроссмейстеръ ордена Св. Іакова, не было исполнено. Для избранія другихъ регентовъ были созваны сословія. Они ввѣрили управленіе регентству, во главѣ котораго стояли герцогъ де Бенавенте, побочный сынъ Генриха II, графъ трастамарскій Петръ и Алонсо Арагонскій маркизъ де Вильена т. е. принцы крови и представители дворянства; ничего лучшаго и нельзя было ожидать въ тогдашнее время, при совершенномъ отсутствіи всякаго единства и централизаціи въ управленіи и при привычкѣ къ самоуправству и междоусобицамъ. Кромѣ этихъ лицъ въ правительственномъ совѣтѣ засѣдали съ правомъ голоса архіепископы Толедо и Сантіяго де Компостельи, гроссмейстеры орденовъ Св. Іакова и Калатравы и депутаты шестнадцати городовъ Кастиліи, пользовавшихся представительнымъ правомъ; такимъ образомъ правительство состояло изъ представителей высшаго дворянства, рыцарства и городовъ. Это устройство сдѣлалось источникомъ безконечныхъ распрей; всякій старался захватить власть въ свои руки, и правительство—а съ нимъ и все государство—раздѣлилось на двѣ партіи. Въ слѣдующемъ году сословія не только не могли провести мысль о необходимости учредить новое регентство изъ двухъ прелатовъ, четырехъ представителей аристократіи и шести городскихъ депутатовъ, но еще должны были согласиться на новое, еще болѣе неблагоразумное постановленіе. Согласно ему, первые шесть мѣсяцевъ года государствомъ управляли герцогъ де Бенавенте, архіепископъ толедскій, гроссмейстеръ ордена Св. Іакова Донъ Хуанъ Гуртадо де Мендоса, которому вмѣстѣ съ Донъ Педро Лопесомъ де Сунига было поручено воспитаніе и образованіе молодаго короля, остальные шесть—архіепископъ компостельскій, графъ де Хихонъ, графъ трастамарскій и гроссмейстеръ ордена Калатравы. Послѣд-

ствія подобнаго устройства не замедлили обнаружиться и кортесы настояли на томъ, чтобы молодому королю были представлены распоряженія его отца относительно регентства и чтобы завѣщаніе было строго выполнено. Молодой король одобрилъ это, и сословія обратились къ архіепископу толедскому съ просьбою удалить герцога де Бенавенте и привести въ исполненіе завѣщаніе Іоанна; онъ потребовалъ себѣ за это такую громадную сумму, что невольно приходитъ въ голову вопросъ: изъ какихъ средствъ можно было удовлетворить государственнымъ расходамъ. Дѣйствительно, положеніе было затруднительно, тѣмъ болѣе что португальцы отъ времени до времени нападали на провинціи, а между дворянствомъ снова возобновилась междоусобица. Понявъ, что въ управленіи исчезло всякое единство и что вслѣдствіе корыстолюбія членовъ регентства финансы находятся въ страшномъ состояніи, а государственныя имущества растрачиваются и похищаются, молодой король Генрихъ II, болѣе сильный духомъ чѣмъ тѣломъ, рѣшился, не смотря на то, что ему было только 13 лѣтъ и десять мѣсяцевъ, провозгласить себя совершеннолѣтнимъ и взять въ свои руки управленіе государствомъ. Это онъ сдѣлалъ въ началѣ августа 1393 г., въ присутствіи членовъ регентства. Кортесы, собравшіеся въ Мадридѣ, одобрили рѣшеніе короля, который полагаясь на сочувствіе народа прибѣгнулъ тогда къ диктаторской революціонной мѣрѣ. Получивъ согласіе сословій на подать, извѣстную подъ именемъ алькавалы (т. VIII, стр. 369), и давъ имъ обѣщаніе не установлять безъ нихъ новыхъ налоговъ, Генрихъ объявилъ недѣйствительными всѣ распоряженія, сдѣланныя во время его несовершеннолѣтія относительно раздачи государственныхъ земель, и всѣ политическія обязательства, принятыя дворянами другъ передъ другомъ, освободивъ ихъ отъ данной имъ присяги. Не удайся подобная мѣра, она повела бы за собой страшную неурядицу, на за то при счастливомъ исходѣ ею возстанавливалось финансовое положеніе государства, главными доходами котораго были государственныя имущества и регаліи. Съ энергіей и осторожностью, которыми онъ обладалъ, не смотря на

свою молодость и болѣзненность, Генрихъ, подъ руководствомъ архіепископа толедскаго, провелъ свою мѣру. Представители кастильской аристократіи, въ томъ числѣ и оба принца крови, взялись было за оружіе, чтобы возвратить себѣ земли, которыя у нихъ отнимали, и сохранить содержаніе свое въ томъ именно размѣрѣ, въ какомъ они его присвоили себѣ во время малолѣтства короля; но ихъ принудили покориться. Генрихъ усмирилъ сначала маркиза де Вильену, потомъ велѣлъ арестовать и посадить въ замокъ Альмодаваръ герцога де Бенавенте, не хотѣвшаго исполнять условій заключеннаго съ нимъ договора; графъ де Хихонъ долженъ былъ подчиниться третейскому приговору французскаго короля и наконецъ молодой король принудилъ къ повиновенію графа трастамарскаго.

Съ такой же энергіей, искусствомъ и осторожностью дѣйствовалъ Генрихъ во все свое царствованіе. Онъ заставилъ Португалію не нарушать мира, прекратилъ морскіе разбои мавровъ, былъ грозою гранадскаго короля и распространилъ свою славу до отдаленныхъ земель. Даже завоеватель міра Тимуръ отправилъ къ нему посольство. Впрочемъ, намъ это кажется далеко не такою необыкновенною вещью, какъ испанскимъ лѣтописцамъ, чрезвычайно подробно разсказывающимъ объ этомъ событіи; они говорятъ, что послы явились въ Кастилію послѣ пораженія Баезида I и привезли съ собой двухъ венгерскихъ женщинъ, найденныхъ Тимуромъ въ лагерѣ турецкаго султана. Мы не придаемъ этому посольству особаго значенія уже по одному тому, что Генрихъ сначала самъ отправилъ пословъ къ Тимуру, и слѣдовательно со стороны послѣдняго это было только простою учтивостью. По возстановленіи въ Кастиліи спокойствія и приведеніи въ порядокъ финансовъ, Генрихъ рѣшился соединить всѣ силы государства для похода въ Гранаду противъ невѣрныхъ. Въ 1406 г., когда уже всѣ приготовленія къ войнѣ были окончены, онъ такъ тяжело заболѣлъ, что не могъ даже открыть собранія сословій, созванныхъ въ Толедо. Это было сдѣлано его братомъ, Фердинандомъ, давшимъ тогда блистательный отчетъ въ управленіи Генриха. Предложенія, сдѣланныя Фердинандомъ кортесамъ отно-

сительно предпринимавшейся съ мухаммеданами войны, доказываютъ, какъ много сдѣлалъ король въ короткое время своего царствованія и какая разница была между маленькой Кастиліей и огромной германской имперіей. Онъ требовалъ 10 т. тяжело-вооруженныхъ и 4 т. легковооруженныхъ всадниковъ, 50 т. пѣхоты, 50 парусныхъ судовъ и 30 галеръ, сообразное такому предпріятію число военныхъ машинъ и сто милліоновъ двѣсти тысячъ мараведисовъ (мараведи=18 копѣйкамъ, но тогда цѣнность его была выше). Сословія утвердили требуемую сумму подъ тѣмъ условіемъ, чтобы король ассигновалъ на это предпріятіе изъ собственныхъ суммъ 45 милліоновъ; это условіе было исполнено. Впродолженіе нѣкотораго времени война съ Гранадою велась съ успѣхомъ; но 25 декабря 1406 года умеръ Генрихъ на 28 году жизни. Изъ всѣхъ испанскихъ королей нѣтъ ни одного, котораго всѣ писатели хвалили бы единодушнѣе за его не столько блестящія, сколько существенныя качества, чѣмъ Генриха III. Они хвалятъ въ немъ кротость, справедливость, строгость въ поддержаніи королевской власти и уваженіе къ законамъ и правамъ, хотя въ началѣ своего правленія онъ дѣйствовалъ во имя того принципа, что благо цѣлаго народа должно быть высшимъ закономъ, передъ которымъ ничтожны всѣ присвоенныя права и граматы. Смерть Генриха исполнила Кастилію величайшимъ уныніемъ, тѣмъ болѣе, что малолѣтство его единственнаго годоваго сына снова повергало въ анархію едва успокоенное государство.

Новому королю Іоанну II было всего четырнадцать мѣсяцевъ и потому сословія, для избѣжанія регентства, предложили корону брату умершаго короля, Фердинанду; но дядя былъ слишкомъ честенъ, какъ онъ и доказалъ въ теченіе всей своей жизни, чтобы похитить у племянника наслѣдованныя имъ права. Онъ отказался отъ предложенной ему короны и Іоаннъ II былъ провозглашенъ королемъ. Даже опеки надъ малолѣтнимъ Фердинандъ не хотѣлъ брать на себя одного, но раздѣлилъ ее съ вдовою своего брата, Каталиною, дочерью герцога ланкастерскаго. Фердинандъ,

какъ прежде его братъ, отлично управлялъ дѣлами Кастиліи до тѣхъ поръ пока не оставилъ страны, чтобы вступить на арагонскій престолъ. Это повело за собой страшную неурядицу въ Кастиліи и впутало арагонцевъ при Фердинандѣ и его сынѣ Альфонсѣ V въ кастильскія распри.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію этихъ отношеній между двумя государствами, мы бросимъ взглядъ на цвѣтущее внѣшнее благосостояніе, въ которомъ находились тогда всѣ испанскія государства. Это время безсилія правительственной власти, когда всякій отдѣльный человѣкъ расчитывалъ только на себя и довѣрялся только личной своей энергіи, дѣятельности и трудолюбію,—было въ Кастиліи, Арагоніи и Португаліи самымъ блистательнымъ періодомъ націи, погрузившейся впослѣдствіи, съ царствованія Филиппа II, въ сонъ. Въ то время, какъ германскія сословія и короли, даже частью подозрѣваемые въ сочувствіи взглядамъ еретиковъ, спокойно смотрѣли на грабежъ Рима и едва осмѣливались представлять авизаменты и гравамины (т. IX, стр. 163 и 221) итальянцамъ, обиравшимъ Германію, ультра-католическіе кастильцы умѣли сами оградить себя отъ злоупотребленій и насилій папской власти. Въ тотъ годъ, когда Генрихъ III объявилъ себя совершеннолѣтнимъ, король и сословія Кастиліи отказали всѣмъ иностранцамъ въ церковныхъ доходахъ, предоставленныхъ имъ папою въ ихъ странѣ и попытки папскаго легата замять дѣло остались напрасными. Впрочемъ, наше удивленіе возбуждаетъ не одно это умѣнье установить правильныя отношенія между государствомъ и церковью и пресѣчь наглыя злоупотребленія папской власти. Еще замѣчательнѣе то, что посреди волненій и рыцарскихъ распрей того времени въ Испаніи образовался страшный флотъ, развились искусства, необходимыя моряку, и сдѣланъ цѣлый рядъ открытій, результатомъ которыхъ было открытіе морскаго пути въ Остъ-Индію и къ вестъ-индскимъ островамъ. Вслѣдствіе своихъ отношеній къ Неаполю и Сициліи, каталонцы и арагонцы направляли свою морскую торговлю и военные флоты преимущественно въ восточную

часть Средиземнаго моря, борясь съ генуезцами и венеціанцами за обладаніе моремъ и за торговлю по берегамъ Египта и Азіи; кастильцы и португальцы, напротивъ, плавали по Атлантическому океану. Еще въ 1314 г. кастильцы открыли Канарскіе острова, причемъ папа Климентъ IV имѣлъ наглость подарить это обиталище невинныхъ, мирныхъ жителей принцу Людовику де ла Серда. Впослѣдствіи путь къ Канарскимъ островамъ былъ забытъ; чтобы снова отыскать его, нужно было чрезъ полстолѣтіе предпринять новое путешествіе. Оно совершено было въ 1402 году, въ царствованіе Генриха III; съ него начинается рядъ испанскихъ и португальскихъ морскихъ путешествій, предпринимавшихся не съ цѣлью установить торговлю и мирныя сношенія съ новыми землями, а съ цѣлью грабежа и завоеваній, и выгодныхъ метрополіи только до тѣхъ поръ, пока они возбуждали испанцевъ, какъ нѣкогда норманновъ, къ усиленной дѣятельности, къ замѣчательнымъ разбойничьимъ набѣгамъ и геройскимъ подвигамъ. Флотъ, снаряженный Генрихомъ III въ 1402 года, присталъ къ канарскому острову Лансеротѣ. Добыча, привезенная имъ въ Кастилію, была незначительна, она состояла изъ вина, воску, другихъ товаровъ и изъ 170 туземцевъ, съ которыми обращались какъ съ настоящими рабами; но за это путешественники составили такое восхитительное описаніе климата и произведеній Канарскихъ острововъ, что одинъ изъ потомковъ поселившагося во Франціи норманскаго разбойника напалъ на мысль основать тамъ такое же государство, какое основалъ себѣ въ Англіи Вильгельмъ Завоеватель. По смерти Генриха III норманскій рыцарь, мореплаватель Жанъ де Бетанкуръ предложилъ предпринять на собственный счетъ завоеваніе Канарскихъ острововъ, если ему дозволятъ управлять ими на правахъ кастильскаго вассала. По ходатайству французскаго адмирала Робера де Бракмона, мать малолѣтняго короля Іоанна II согласилась на предложеніе Бетанкура, отправившагося въ 1417 году къ Канарскимъ островамъ. Тамъ онъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ храбрыхъ жителяхъ и не смотря на принятіе

имъ королевскаго титула прошло много времени, прежде чѣмъ всѣ жители были истреблены. Въ это время въ Португаліи вниманіе націи было обращено правительственнымъ домомъ не случайно, какъ въ Кастиліи, но съ намѣреніемъ, на распространеніе торговли и мореплаванія въ неизвѣстныхъ странахъ и на основаніе колоній и поселеній для ссыльныхъ по отдаленнымъ прибрежьямъ. Начало заморскихъ завоеваній у португальцевъ было положено храбрымъ коннетаблемъ Нуньо Альваресомъ Перейрой, которому Іоаннъ I Незаконорожденный (т. VIII, стр. 436) былъ обязанъ тѣмъ, что отстоялъ престолъ противъ дочери своего сводняго брата и предшественника, жены Іоанна I Кастильскаго. Чтобы не оставлять безъ дѣла отряды, организованные имъ въ междоусобной войнѣ, Перейра предпринялъ завоеванія по ту сторону моря; въ 1415 г. онъ, король и его сыновья Эдуардъ, Петръ и Генрихъ высадились на берегахъ Африки, взяли приступомъ значительный въ то время городъ Сеуту, укрѣпили его и заселили христіанами. Съ этихъ поръ инфантъ Генрихъ герцогъ Визео и гроссмейстеръ ордена Христа, уже прежде много занимавшійся мореплаваніемъ, посвятилъ себя исключительно теоретическимъ занятіямъ по этому предмету вмѣстѣ съ практическимъ ихъ примѣненіемъ и необходимому для этого изученію математическихъ, физическихъ и астрономическихъ наукъ. Этотъ принцъ, знаменитый въ португальской исторіи подъ именемъ Генриха Мореплавателя, избралъ своимъ мѣстопребываніемъ отстоящій на одну милю отъ мыса св. Винцента альгарвійскій прибрежный городокъ Терка Набаль или, какъ его впослѣдствіи назвали португальцы, Вилья до Инфанте. Здѣсь, въ виду далекаго, еще не изслѣдованнаго океана онъ собиралъ во кругъ себя изо всѣхъ странъ людей, знакомыхъ съ мореплаваніемъ и математическими, механическими и мореходными науками и отсюда снаряжалъ смѣлыя экспедиціи для открытій. Ему стоило большихъ трудовъ убѣждать моряковъ и капитановъ пускаться въ незнакомое имъ море съ ихъ неприспособленными къ плаванію по океану кораблями, изъ которыхъ самые большіе были въ сто тоннъ; они боялись, чтобы перпендикулярно падающіе лучи

солнца не сожгли ихъ кораблей, чтобы предполагаемая магнитная гора не вытянула изъ нихъ гвоздей или, что было благоразумнѣе, боялись, такъ какъ въ то время не было картъ, не найти обратнаго пути. Поэтому всѣ посылаемые Генрихомъ мореплаватели плавали долгимъ и въ высшей степени опаснымъ путемъ по берегу, не осмѣливаясь пускаться далѣе мыса Боядора. Наконецъ Іоаннъ Гонсалесъ Сарко и Тристанъ Васъ рѣшились обойти этотъ мысъ. Разбитые бурей, они случайно открыли островъ Порто Санто и тотчасъ же возвратились. Инфантъ вторично отправилъ ихъ подъ руководствомъ знающаго человѣка, Бартоломея Перестрель, и въ это вторичное путешествіе была открыта Мадера. По всей вѣроятности, предпріятіе француза, занявшаго Канарскіе острова на правахъ кастильскаго вассала, способствовало путешествію португальцевъ, не хотѣвшихъ отставать отъ другихъ народовъ; предпріятіе французовъ началось въ 1417 г., а открытіе Мадеры произошло въ 1420 году.

5. Исторія Испаніи отъ Іоанна II Кастильскаго до втораго неаполитанскаго похода Альфонса V Арагонскаго.

Со смертью арагонскаго короля Мартина Старшаго въ 1410 г., (т. IX, стр. 308) пресѣклась прямая линія барселонскаго мужескаго колѣна династіи, владѣвшей Арагоніей, Каталоніей, Валенсіей, а съ 1409 г. Сициліей и Сардиніей. Такимъ образомъ возникъ вопросъ, кому изъ потомковъ арагонской принцессы принадлежитъ ближайшее право па упразднившійся престолъ. Наиболѣе основаній имѣли въ пользу себя притязанія трехъ лицъ: инфанта Кастиліи Фердинанда, сына сестры Мартина Старшаго, Людовика III Анжуйскаго и неаполитанскаго, мать котораго была младшею сестрой короля Іоанна I, и графа Іакова Урхельскаго, женатаго на одной изъ дочерей Петра IV и внука одного изъ братьевъ этого короля, слѣдовательно принадлежавшаго къ мужескому колѣну дома. Іаковъ Урхельскій былъ уже нѣкоторымъ образомъ признанъ въ Арагоніи законнымъ

наслѣдникомъ короны: онъ былъ два раза (послѣдній разъ по случаю болѣзни Мартина) генеральнымъ намѣстникомъ государства, а эта должность по установившемуся обычаю предоставлялась только принцамъ крови или объявленнымъ наслѣдникамъ престола. Сословія Арагоніи, Каталоніи и Валенсіи долго провѣряли притязанія различныхъ претендентовъ, а въ это время эти три государства были раздираемы партіями и распрями. Наконецъ (январь 1412 г.), сословія трехъ государствъ согласились предоставить рѣшеніе вопроса девяти человѣкамъ, т. е. тремъ отъ каждаго государства. Эти лица принадлежали къ духовному сословію и пользовались славою знатоковъ отечественнаго, римскаго и каноническаго правъ. Они съѣхались въ Каспе на Эбро, куда претенденты на престолъ прислали своихъ уполномоченныхъ. Послѣ мѣсячнаго разбирательства дѣла и потомъ шестидневныхъ переговоровъ ученые рѣшили 28 іюня 1412 г., шестью голосами противъ трехъ, въ пользу инфанта Фердинанда Кастильскаго. Къ нему были тотчасъ же отправлены депутаты отъ трехъ государствъ; но каталонцы, по обычаю своего отечества, привѣтствовали его королемъ только тогда, когда онъ вступилъ на каталонскую землю.

Въ Арагоніи, точно также какъ въ Кастиліи, Фердинандъ отличался справедливостью, кротостью, обходительностью и мудрымъ правленіемъ. Графу Іакову Урхельскому онъ выказывалъ сначала все вниманіе, слѣдовавшее ему какъ члену королевской фамиліи и одному изъ важнѣйшихъ лицъ въ государствѣ, но когда Іаковъ нарушилъ заключенный съ нимъ договоръ и призвалъ искателей приключеній, служившихъ у англичанъ въ Гіенни, Фердинандъ силою принудилъ его къ повиновенію. Іаковъ вторгся съ своими бандами въ Кастилію, опустошая и разоряя все по пути, но, не найдя поддержки въ каталонцахъ, не имѣя средствъ платить своимъ наемникамъ и оставленный англичанами, онъ принужденъ былъ подчиниться королю Фердинанду, выступившему противъ него съ кастильскими войсками. Фердинандъ объявилъ, что хотя онъ и заслужилъ смерть, но, какъ членъ королевской фамиліи,

будетъ помилованъ, за нарушеніе же общественнаго спокойствія долженъ навсегда лишиться свободы (ноябрь 1413 г.). Іаковъ былъ отвезенъ въ Кастилію, а потомъ въ Арагонію (при Альфонсѣ V), и тамъ заключенъ въ темницу. Фердинандъ управлялъ одновременно тремя арагонскими государствами и Кастиліей, первыми какъ король, и послѣднею на правахъ опекуна регента. Учрежденія арагонскихъ государствъ были такъ свободны, что королевское званіе было пустою формою; въ Кастиліи, напротивъ, братъ Фердинанда Генрихъ III снова освободилъ горожанъ и крестьянъ отъ деспотизма духовенства и высшаго дворянства. Подъ конецъ жизни Фердинанда положеніе его сдѣлалось такъ натянуто, что, казалось, ему придется съ оружіемъ въ рукахъ бороться съ рыцарствомъ и привилегированными сословіями; но онъ умеръ во время (1416 г.).

Сынъ и преемникъ Фердинанда Альфонсъ V Мудрый, пріобрѣвшій впослѣдствіи, какъ неаполитанскій король, преобладающее значеніе во всей Италіи, тотчасъ по вступленіи на престолъ осуществилъ бы то, что было задумано его отцомъ въ концѣ царствованія, еслибы не нашелъ удобнаго повода избѣгнуть сначала столкновенія съ феодальными сословіями, а потомъ на все время своего царствованія предоставить женѣ своей Маріи, дочери Генриха III Кастильскаго, борьбу съ гордымъ высшимъ сословіемъ, съ духовными, рыцарями и горожанами Каталоніи, Арагоніи и Валенсіи, не хотѣвшими уступать своихъ привилегій. Маріи было легче справиться съ сословіями, чѣмъ ея мужу, потому что въ странѣ каталонской пѣсни и gaya ciencia или веселой науки (т. VI, стр. 343) почтеніе къ женщинѣ могло сдѣлать болѣе чѣмъ оружіе и королевская власть. Лишь только Альфонсъ вступилъ на престолъ и устроилъ свой дворъ въ Валенсіи (començo a ordenar los officios de su casa por la orden que lo hizieron los reyes sus predecessores), бароны, рыцари, города и различныя мѣстечки Каталоніи выказали свое неудовольствіе на раздачу должностей и рѣшили отправить къ молодому королю многочисленную депутацію съ протестомъ. Уже одно это не понравилось Альфонсу (fue esta platica muy enojosa

al rey en su nueva succession); но онъ разсердился еще болѣе, когда къ депутаціи каталонскихъ бароновъ и города Барселоны присоединились послы Сарагоссы и Валенсіи, потребовавшіе, чтобы онъ удалилъ изъ своей службы всѣхъ кастильцевъ и далъ своему двору и государству требуемое ими устройство. Король не принялъ пословъ и велѣлъ имъ отвѣтить, что онъ устроилъ свой дворъ по образцу своихъ предшественниковъ, нѣсколькихъ же кастильцевъ, находившихся при немъ, сохранилъ потому, что они не имѣли другаго убѣжища и никакихъ средствъ къ жизни, а между тѣмъ съ давнихъ поръ были его любимцами и слугами; что же касается требованія пословъ, чтобы онъ устроилъ свой дворъ согласно ихъ совѣту, на это онъ отвѣчалъ имъ, что всегда будетъ руководствоваться здравыми соображеніями, а не совѣтомъ тѣхъ, которые соединились теперь, чтобы заставить его подчиниться ихъ волѣ и дать мѣста ихъ родственникамъ и людямъ партій (de lo qual se podrian seguir diversas dissensiones y parcialidades y grandes rancores). Когда нѣкоторые изъ депутатовъ дворянства, подъ тѣмъ предлогомъ, что права и нравы ихъ страны позволяютъ имъ говорить все открыто (con color que por constitucion y costumbre del principado lo podian hazer), стали дерзко возражать королевскому совѣтнику, Альфонсъ приказалъ тому лицу (el Veguer), противъ котораго они возставали, арестовать ихъ. Не удаливъ никого изъ придворныхъ по одному требованію недовольныхъ, онъ тотчасъ уволилъ тѣхъ изъ высшихъ лицъ, удаленіе которыхъ было вполнѣ законно; такимъ образомъ его дѣйствія, вызвавъ неудовольствія, не возбудили однако волненія. Такъ, напримѣръ, по приказанію и за подписью (firma) хустисіи Арагоніи былъ удаленъ отъ должности генеральнаго судьи королевства кастилецъ Альваро де Гаравита, а по представленію многихъ членовъ посольства отъ Барселоны и нѣкоторыхъ рыцарей изъ Валенсіи былъ смѣщенъ президентъ уголовнаго суда города Валенсіи Луисъ Видаль.

Въ 1419 г. событія въ Италіи представили молодому королю

удобный случай, пользуясь вооруженіемъ и флота и войска, занять недовольныхъ рыцарей, города и владѣтелей или, по крайней мѣрѣ, держать около себя важнѣйшихъ изъ нихъ заложниками. Въ Неаполѣ братъ арагонскаго короля донъ Хуанъ былъ предложенъ въ мужья королевѣ Іоаннѣ II; хотя Пандольфелло Алопо и съумѣлъ разстроить дѣло (т. IX, стр. 276), но Хуанъ всетаки отправился въ Сицилію. Долгое пребываніе его на этомъ островѣ показалось подозрительнымъ и онъ былъ отозванъ въ Арагонію. Вскорѣ вспыхнуло волненіе въ Сициліи и въ то же время отпалъ островъ Сардинія, а Корсика была завоевана генуезцами, оспаривавшими у каталонцевъ и венеціанцевъ морское владычество на Востокѣ и участіе въ тамошней торговлѣ. Вслѣдствіе этихъ событій Альфонсъ снарядилъ экспедицію, ближайшей цѣлью которой было подчиненіе Корсики и Сардиніи (май 1419 г.). Въ этомъ походѣ ему дѣятельно помогали три арагонскія государства изъ жажды военной славы, вражды къ Генуѣ и зависти къ ея торговлѣ. Мы уже говорили (т. IX, стр. 285), что, запутанный въ неаполитанскія дѣла, онъ оставался въ Италіи до тѣхъ поръ, пока угрожавшая война съ Кастиліей не потребовала его присутствія въ Испаніи. Въ 1423 г. Альфонсъ воротился въ Арагонію, оставивъ братьевъ дона Педро и дона Фридриха защищать въ Неаполѣ его права.

Кастильскимъ королемъ былъ въ то время малолѣтній сынъ Генриха III Іоаннъ II, продолжительное правленіе (1406—1454 г.) котораго было впослѣдствіи занято междоусобной войною. Опекою управляли сначала его дядя Фердинандъ и мать Каталина, а потомъ она одна; въ это время въ Кастиліи не происходило значительныхъ волненій кромѣ такихъ, которыя были неизбѣжно связаны съ устройствомъ и учрежденіями средневѣковыхъ государствъ. Королева-мать пьянствовала, что впрочемъ, кажется, не имѣло особенно вредныхъ послѣдствій для государственныхъ дѣлъ и было гибельно для нея одной, потому что она умерла отъ удара въ 1417 г. По смерти Каталины главнаго участія въ управленіи съ помощью интригъ и раздора партій добивались два брата короля арагонскаго

Альфонса V, не имѣвшіе ни качествъ, ни талантовъ, необходимыхъ для этого: донъ Хуанъ и донъ Генрихъ, наслѣдовавшіе въ Кастиліи громадныя владѣнія своего отца и отчасти его вліяніе; первый изъ нихъ сдѣлался впослѣдствіи королемъ Наварры черезъ женитьбу съ наслѣдницею ея, Бланкою. Донъ Генрихъ убѣдилъ тринадцатилѣтняго Іоанна объявить себя совершеннолѣтнимъ и провозгласить королемъ. Не дурной по природѣ, Іоаннъ II не обладалъ однако правительственными способностями своего отца и въ теченіе тридцати лѣтъ оставался игрушкою своихъ приближенныхъ. Самыми замѣчательными изъ людей, управлявшихъ его именемъ или стоявшихъ во главѣ тѣхъ партій, которыя силою или хитростью овладѣли его личностью и подписью, были оба названные арагонскіе принца, Хуанъ Фернандесъ Пачеко и Альваро де Луна. Впрочемъ послѣдняго, не смотря на его родство съ папою Бенедиктомъ XIII, кардиналомъ Альборносомъ и другими знаменитыми людьми того времени, пересчитываемыми испанскимъ историкомъ Суритою, въ Кастиліи не считали за человѣка знатнаго происхожденія. По словамъ Суриты на него смотрѣли какъ на выскочку, какъ на перваго и послѣдняго изъ своего рода, пріобрѣвшаго извѣстность только потому, что отецъ его занималъ въ послѣднее царствованіе важныя должности. Намъ кажется и такъ думаетъ Шпиттлеръ, что единственнымъ великимъ человѣкомъ при дворѣ интригантовъ принцевъ и аристократовъ былъ Альваро. Читая у историка Маріаны, хорошо знавшаго какъ въ то время обыкновенно воспитывали знатныхъ, королевскихъ и княжескихъ дѣтей и какъ ихъ должно бы воспитывать, описаніе системы воспитанія молодаго короля, удивляешься еще, что Іоаннъ хоть иногда прибѣгалъ къ совѣтамъ такихъ людей какъ Альваро де Луна, безкорыстія и нравственныхъ принциповъ котораго мы впрочемъ тоже не станемъ выхвалять. Маріана говоритъ: мать короля держала своего сына сначала какъ въ клѣткѣ; онъ былъ высокій мальчикъ, непріятной наружности, мягкій, тихій, охотно занимавшійся играми; онъ страстно любилъ охоту, умѣлъ дѣйствовать копьемъ и сочинять стихи,

былъ свѣдущъ въ наукахъ и охотно присутствовалъ при бесѣдахъ ученыхъ; но выйдя изъ темноты или, такъ сказать, изъ утробы матери въ свѣтъ, онъ оказался не способнымъ ни думать, ни дѣйствовать (perpetuo hallucinatus est, magnitudine negotii obruebatur animus, aulicorum semper obnoxius imperio).

Въ 1420 г. арагонскій принцъ донъ Генрихъ похитилъ короля изъ дворца, гдѣ его охранялъ Альваро де Луна, соединившійся тогда съ Генрихомъ и помогавшій его замысламъ; въ награду за услугу онъ былъ оставленъ у короля и получилъ графство. Похищеніе короля поссорило Генриха съ его братомъ донъ Хуаномъ. Вслѣдъ за этимъ поступкомъ Генрихъ женился на сестрѣ Іоанна II Каталинѣ, долго сопротивлявшейся и насильно исторгнутой изъ монастыря, куда она бѣжала послѣ похищенія брата, и получилъ въ приданое герцогство Вильену. Вскорѣ однако при содѣйствіи Альваро де Луна король освободился бѣгствомъ изъ рукъ Генриха. Около Альваро собралось значительное войско тѣхъ изъ владѣтелей, которые держали сторону короля; къ нимъ присоединился братъ дона Генриха Хуанъ, и король объявилъ, что герцогство незаконно присвоено инфантомъ Генрихомъ. Видя невозможность бороться съ наемниками враговъ, Генрихъ вступилъ въ 1422 г. въ переговоры. Онъ долго не рѣшался отправиться въ Мадридъ, гдѣ собрались депутаты дворянства и городовъ для обсужденія его притязаній на Вильену; когда же наконецъ въ іюлѣ 1422 г. онъ пріѣхалъ туда, его схватили по повелѣнію короля и посадили въ башню дворца (Алькасаръ), гдѣ онъ и содержался долго въ заключеніи. Между тѣмъ у его брата Хуана, женатаго на дочери и наслѣдницѣ наваррскаго короля, родился сынъ и его тесть тотчасъ же велѣлъ провозгласить ребенка княземъ віанскимъ т. е. наслѣднымъ принцемъ Наварры. Плѣнъ Генриха заставилъ короля Альфонса V вернуться изъ Италіи. Его жена, управлявшая за него Арагоніей, хлопотала объ освобожденіи Генриха, но когда ея усилія остались напрасными, потребовала, чтобы мужъ вернулся въ Арагонію. Альфонсъ выѣхалъ изъ Неаполя въ октябрѣ 1423 г., въ

то время когда герцогъ миланскій, флорентинцы и папа соединились съ его противникомъ Людовикомъ III Анжуйскимъ. На возвратномъ пути онъ отмстилъ провансальцамъ за помощь, оказанную ими его врагу Людовику Анжуйскому, взятіемъ ихъ столицы. Съ флотомъ изъ 18 галеръ и 12 парусныхъ судовъ онъ осадилъ и взялъ могущественный, богатый и населенный городъ Марсель. При сравненіи этой осады Марселя съ происходившею тридцать лѣтъ спустя осадою Константинополя оказывается, что въ морскихъ и военныхъ наукахъ османы стояли ниже каталонцевъ. Орудія послѣднихъ не такія колоссальныя, какъ турецкія, были гораздо удобнѣе и дѣйствовали лучше, и если каталонцы не удивляли тѣмъ, что не перевозили своихъ кораблей сухимъ путемъ во внутреннія гавани, за то они умѣли разрывать тяжелыя цѣпи, находившіяся у входа въ гавани. Эти цѣпи были вывѣшены потомъ какъ трофеи въ соборѣ Валенсіи.

Споръ съ Кастиліей задержалъ короля Альфонса гораздо долѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Къ главному вопросу, освобожденію Генриха, присоединилось еще требованіе кастильскаго правительства о выдачѣ всѣхъ кастильскихъ эмигрантовъ, находившихъ убѣжище и защиту въ Валенсіи, Каталоніи и Арагоніи и оттуда производившихъ набѣги на Кастилію. Переговоры по этимъ двумъ вопросамъ тянулись въ продолженіе всего 1424 года, но не привели ни къ какому соглашенію; по этому въ слѣдующемъ году обѣ стороны стали готовиться къ войнѣ. Время этого спора съ минуты заключенія Генриха, было временемъ могущества Альваро де Луны. Въ его рукахъ находились власть и король; онъ былъ, что рѣдко встрѣчается, фаворитомъ и оракуломъ короля и въ то же время любимцемъ народа (en la estimacion de sus virtudes y partes se conformava bien con el juyzio del principe la opinion de las gentes), на него сыпались милости и земли. Король назначилъ его коннетаблемъ Кастиліи, а въ 1425 года Альваро вмѣстѣ съ нимъ крестилъ т. е. былъ вторымъ крестнымъ отцомъ Карла, сына наваррскаго короля; въ томъ же году онъ вмѣстѣ съ двумя

другими высшими сановниками Кастиліи былъ воспріемникомъ сына кастильскаго короля, впослѣдствіи короля Генриха IV. Въ 1425 г. Альфонсъ издалъ въ Сарагоссѣ прокламацію, объявляя въ ней, что намѣренъ двинуться съ войскомъ въ Кастилію, чтобы положить конецъ тиранніи Альваро де Луны, державшаго въ своей зависимости короля и разъединеніемъ партій производящаго неурядицу въ странѣ. Но тогда Іоаннъ Наваррскій принялъ на себя роль посредника, а вслѣдъ за тѣмъ съѣхались на совѣщаніе представители высшихъ сословій Наварры, Арагоніи и Кастиліи для переговоровъ объ условіяхъ примиренія ихъ королей. Короли должны были согласиться на предложенныя ими условія и заключили договоръ, окончившій споръ. На основаніи условій этого мира донъ Генрихъ былъ освобожденъ и получилъ всѣ свои помѣстья и лены, но долженъ былъ дать новую клятву въ вѣрности кастильскому королю. Всѣмъ его приверженцамъ тоже были возвращены конфискованныя у нихъ помѣстья, а король Альфонсъ обязался, что его братъ Генрихъ не будетъ мстить лицамъ, участвовавшимъ въ его арестованіи и содержаніи въ тюрьмѣ.

Этотъ договоръ естественно долженъ былъ породить новые споры, надолго задержавшіе короля Альфонса въ Испаніи. Одного изъ его братьевъ, Іоанна Наваррскаго, кастильскій король постоянно подозрѣвалъ во враждебныхъ замыслахъ; другой, Генрихъ, былъ въ открытой и тайной враждѣ съ коннетаблемъ Альваро де Луна; неудовольствіе принцевъ и аристократовъ Кастиліи на могущество временщика продолжалось и отъ Іоанна II постоянно требовали измѣненія распоряженій Альваро, направленныхъ къ тому, чтобы съ одной стороны оградить короля отъ насилія, а съ другой — имѣть возможность поддерживать свое значеніе щедростью и блескомъ. Іоаннъ Кастильскій долженъ былъ уменьшить число своихъ тѣлохранителей до 400 человѣкъ и, вынужденный требованіями сословій, обязался не раздавать въ теченіе двадцати пяти лѣтъ никакихъ новыхъ милостей, не замѣщать упразднившихся должностей и не назначать пенсій, если онѣ не были наслѣдственными. Сословія, не-

довольныя тѣмъ, что въ совѣтѣ короля состоятъ пятьдесятъ шесть лицъ, хотѣли также уменьшить число королевскихъ совѣтниковъ. Противники Альваро опирались на арагонскую партію и король Альфонсъ, пока онъ оставался въ Испаніи, былъ центромъ всѣхъ интригъ; по этому арагонскій лѣтописецъ Сурита приписываетъ Альваро самыя дурныя намѣренія, обвиняетъ его въ преступныхъ замыслахъ и планахъ и даже утверждаетъ, что онъ соблазнилъ королеву и хотѣлъ убить короля, что намъ кажется и несправедливымъ и неправдоподобнымъ. Волненія въ Кастиліи продолжались три года; Іоанну Наваррскому и его брату Генриху помогали Альфонсъ и многочисленные враги Альваро, всякій порядокъ исчезъ и могъ поддерживаться только мѣрами, вызывавшими страшную месть. Оба арагонскіе принца и Альваро не смѣли являться ко двору безъ конвоя, и для переговоровъ другъ съ другомъ сходились не въ закрытыхъ зданіяхъ, а — какъ предводители двухъ враждебныхъ войскъ — только въ открытомъ полѣ. Наконецъ одному францисканцу, слывшему за святаго, удалось довести Альваро и его противниковъ до того, что они согласились передать все дѣло на разсмотрѣніе четырехъ избранныхъ ими посредниковъ (1427 г.). Альваро избралъ кастильскаго адмирала и Фернандо Алонсо де Робіа, а наваррскій король и его партія — гроссмейстера ордена Калатравы и Педро Манрике; эти четыре посредника предложили пріору бенедиктинскаго монастыря, въ которомъ они собирались, быть суперъ-арбитромъ. Третейскій судъ постановилъ, что Альваро долженъ удалиться на 15 миль отъ двора и не показываться въ теченіе 18 мѣсяцевъ, а приверженцы его должны совершенно оставить дворецъ. Рѣшеніе это было приведено въ исполненіе, но король поддерживалъ постоянныя сношенія съ Альваро и былъ глубоко оскорбленъ насиліемъ инфанта и его креатуръ, пользовавшихся его слабостью. Приверженцы этой партіи также распоряжались государствомъ, какъ хотѣли, и вся страна сдѣлалась жертвою междоусобицъ. Вслѣдствіе этого еще въ 1428 г. сами инфанты, чтобы хоть нѣсколько возстановить порядокъ и законы, убѣдили короля возвратить

конветабля. Лишь только Альваро снова явился ко двору, инфанты стали заискивать его расположенія и между ними самими возникла такая распря, что король принужденъ былъ удалить ихъ вмѣстѣ съ ихъ тѣлохранителями. Въ это время вернулся изъ Неаполя третій братъ короля Альфонса донъ Педро и своимъ появленіемъ еще болѣе запуталъ дѣла.

Чтобы защитить трехъ своихъ братьевъ и приверженцовъ ихъ отъ слабаго короля Іоанна или, какъ говорили онъ и инфанты, отъ Альваро де Луна, Альфонсъ рѣшился наконецъ начать новую войну съ Кастиліей. При этомъ арагонскій король доказалъ, что онъ также хорошо знаетъ и умѣетъ управлять арагонцами, какъ Альваро де Луна кастильцами. Когда Альфонсъ готовился начать походъ для поддержанія честолюбивыхъ цѣлей своихъ братьевъ, желавшихъ управлять слабымъ кастильскимъ королемъ, Альваро склонилъ на свою сторону арагонскую партію, къ которой принадлежали важнѣйшіе арагонскіе гранды, въ томъ числѣ архіепископъ сарагосскій, одинъ францисканецъ и сынъ прежняго короля Сициліи Мартина Младшаго. Съ этой кастильской партіей, дѣйствовавшей противъ короля, Альфонсъ поступилъ совершенно по военному и тотчасъ усмирилъ ее. Такъ напримѣръ, онъ потребовалъ къ себѣ архіепископа сарагосскаго, который съ тѣхъ поръ пропалъ безъ вѣсти; о его смерти узнали только впослѣдствіи, когда велѣно было избрать ему преемника. Въ 1429 г. Альфонсъ соединилъ свое войско съ войскомъ своего брата, наваррскаго короля, и уже на встрѣчу имъ выступилъ Альваро де Луна съ своими кастильцами, когда папскій легатъ кардиналъ де Фуа и арагонская королева Марія, сестра кастильскаго короля, сдѣлали новую попытку примирить предводителей непріятельскихъ войскъ. Но удовлетворить дона Генриха и двухъ другихъ инфантовъ было трудно; къ тому же арагонскій и наваррскій короли не переставали возбуждать всѣхъ недовольныхъ кастильцевъ, и потому Іоаннъ Кастильскій, по совѣту Альваро, еще въ 1429 года вторгнулся съ страшнымъ войскомъ въ Арагонію. Мы конечно далеко не безусловно

вѣримъ числовымъ показаніямъ нѣкоторыхъ писателей, но приведемъ ихъ, чтобы показать, какъ описывали въ то время могущество Кастиліи. Говорятъ, что войско, съ которымъ Іоаннъ Кастильскій и его коннетабль вторгнулись въ Арагонію, состояло изъ 12 тыс. всадниковъ и 60 тыс. человѣкъ пѣхоты. Кастильцы жестоко опустошили Арагонію, но видя, что ни Альфонсъ, ни наваррскій король не выступаютъ противъ нихъ, вернулись въ августѣ къ границамъ своего государства. Слѣдующей весной (1430 г.) Альфонсъ сталъ готовиться къ новому походу въ Кастилію. Альваро де Луна старался разстроить его планы своими связями въ Арагоніи, но по исчезновеніи архіепископа сарагосскаго арагонскіе его приверженцы не могли ничего сдѣлать противъ короля и сильнѣйшій изъ нихъ долженъ былъ бѣжать въ Кастилію. Съ другой стороны и Альфонсъ Арагонскій не достигъ своей цѣли; сословія хотя и согласились дать ему денегъ для похода, но подобно кастильскимъ сословіямъ не хотѣли жертвовать многимъ для личныхъ и фамильныхъ интересовъ короля. По этому Альфонсъ рѣшился лучше возстановить свое вліяніе въ Италіи, чѣмъ начинать изъ за инфанта Генриха новую войну съ своимъ зятемъ. Вмѣстѣ съ наваррскимъ королемъ онъ предложилъ кастильцамъ заключить миръ, соглашаясь не поддерживать болѣе своихъ братьевъ дона Генриха и дона Педро, если въ свою очередь кастильскій король не будетъ настаивать на возвращеніи своихъ друзей, бѣжавшихъ къ нему изъ Арагоніи, но оставитъ ихъ въ Кастиліи. Въ іюлѣ 1430 г. было заключено пятилѣтнее перемиріе и обѣ стороны согласились предоставить рѣшеніе спорныхъ вопросовъ четырнадцати третейскимъ судьямъ. Изъ послѣдняго обстоятельства и отказа каталонскихъ сословій въ войскѣ и деньгахъ для похода въ Кастилію очевидно, что это перемиріе было только слѣдствіемъ отвращенія сословій отъ фамильной войны. Гораздо блистательнѣе той роли, которую Альфонсъ игралъ въ Испаніи послѣ возвращенія изъ Италіи, была дѣятельность его въ Италіи по заключеніи перемирія съ Кастиліей: ею онъ пріобрѣлъ себѣ безсмертную славу и прозваніе Мудраго.

6. Италія съ возвращенія Альфонса V въ Арагонію до его смерти.

По отъѣздѣ арагонскаго короля и обоихъ его братьевъ, дона Педро и дона Фридриха, власть въ Неаполѣ перешла не къ королевѣ Іоаннѣ и не къ ея пріемышу Людовику III Анжуйскому, но къ великому сенешалу Караччіоли, его родственникамъ и креатурамъ (т. IX, стр. 289). Людовикъ Анжуйскій, не имѣвшій никакого значенія, былъ удаленъ; ему была отдана вся Калабрія, но съ обязательствомъ не являться ко двору. Великій сенешалъ тиранствовалъ въ государствѣ и надъ королевою; онъ и его родственники присвоивали себѣ одно владѣніе и княжество за другимъ, и королевѣ, когда она не соглашалась на новые подарки, жестоко доставалось отъ Караччіоли. Великій сенешалъ былъ сдѣланъ герцогомъ венозскимъ, графомъ авеллинскимъ и владѣтелемъ Капуи, и только потому не назывался графомъ капуанскимъ, что этотъ титулъ принадлежалъ наслѣдному неаполитанскому принцу. По смерти папы Мартина V Караччіоли потребовалъ также герцогство Амальфи и княжество салернское, принадлежавшее его родственникамъ и отнятое у нихъ Іоанною. Пока страсти были сильны, королева легко сносила деспотизмъ Караччіоли и его грубое обращеніе, но съ лѣтами чувственная связь, соединявшая ее съ временщикомъ, ослабѣла и она стала искать себѣ утѣшенія у своей племянницы герцогинѣ де Суэсса, жившей при ея дворѣ. Съ 1428 г. Караччіоли началъ обращаться съ королевой какъ съ подчиненной и привлекъ на свою сторону предводителя ея войска Джакопо Кальдору и могущественнаго князя тарентскаго, выдавъ одну изъ своихъ дочерей за сына перваго, Антоніо Кальдору, а другую за брата втораго, Габріеля Урсино. Расчеты его не оправдались: ни Кальдора, ни князь тарентскій не были людьми, которые для достиженія своихъ цѣлей остановились бы передъ родственными связями или чувствомъ благодарности. Уже въ самый годъ

женитьбы Габріеля Урсино на дочери Караччіоли (1430 г.) его братъ явился во главѣ недовольныхъ неаполитанцевъ, вступившихъ въ сношенія съ Альфонсомъ V Арагонскимъ, и въ сентябрѣ отправилъ пословъ въ Валенсію, чтобы отъ своего имени и имени многихъ другихъ неаполитанскихъ аристократовъ просить Альфонса явиться съ войскомъ въ Неаполь. Также точно и Джакопо Кальдора, не смотря на всѣ оказываемыя ему милости, былъ готовъ снова перейти на сторону арагонской партіи. Составитель неаполитанской лѣтописи, написанной по итальянски, высказываетъ по этому поводу чрезвычайно рѣзко свое негодованіе противъ главнокомандующаго королевскими войсками, торговавшаго подобнымъ образомъ своею вѣрностью. Великій сенешалъ старался привязать къ себѣ стараго разбойника новыми узами и женилъ единственнаго своего сына на дочери Джакопо Кальдоры. На свадьбѣ своей дочери, праздновавшейся по царски, Кальдора не присутствовалъ, боясь, какъ даетъ понять упомянутый лѣтописецъ, какой нибудь ловушки (ma il volpone di Jacopo non ci volse venire).

Альфонсъ еще въ 1426 г. завязалъ переговоры съ герцогомъ миланскимъ, но когда Филиппъ Марія потерялъ Геную и не могъ оказать ему помощи на морѣ, арагонскій король заключилъ союзъ съ партіей недовольныхъ неаполитанцевъ. Подъ предлогомъ похода противъ Туниса, онъ поплылъ съ флотомъ изъ 22 галеръ и множества большихъ кораблей въ Мессину, куда прибылъ 6 іюня 1432 г., а оттуда направился къ берегамъ Африки. Во время его пребыванія въ Африкѣ, Караччіоли восемь дней сряду праздновалъ въ королевскомъ дворцѣ, гдѣ имѣлъ свои комнаты, свадьбу своего сына. Въ послѣдній день этихъ пировъ (17 августа 1432 г.) великій сенешалъ былъ убитъ приверженцами герцогини суэсской. Поводомъ къ убійству послужилъ споръ Караччіоли съ королевою изъ за княжествъ Амальфи и Салерно. Упорный отказъ Іоанны подарить ему эти княжества привелъ его въ бѣшенство; онъ оскорбилъ королеву, напомнивъ ей о прежней ихъ связи (такъ думаетъ неаполитанскій лѣтописецъ, говоря: usó alcune parole dishoneste contro la

regina). Герцогиня суэсская, слышавшая эту сцену изъ сосѣдней комнаты, убѣдила королеву, которую она застала въ страшномъ волненіи и слезахъ, арестовать своего прежняго любимца. Этого только и ждали Оттолино де Караччіоло Россо и другіе приверженцы герцогини; они проникли ночью въ спальню великаго сенешала и умертвили его; королевѣ же было сказано, что онъ былъ убитъ, сопротивляясь аресту съ оружіемъ въ рукахъ. Извѣстіе это въ первую минуту очень опечалило Іоанну; но вслѣдъ затѣмъ она оправдала поступокъ убійцъ и велѣла конфисковать имѣнія Караччіоли, потому что онъ, какъ было объявлено въ изданномъ по этому поводу декретѣ, былъ бунтовщикъ. Сынъ Караччіоли, его родственники и креатуры тоже были арестованы, а его дворцы и имѣнія отданы, по турецкому обычаю, на разграбленіе черни. Смерть Караччіоли открыла Альфонсу путь къ возвращенію въ Неаполь; о возвращеніи же Людовика Анжуйскаго ко двору не могло быть и рѣчи, потому что этому противилась и герцогиня суэсская, желавшая такъ же самовластно управлять королевою, какъ прежде сенешалъ. Пріобрѣвъ нѣкоторый успѣхъ въ борьбѣ съ невѣрными и отнявъ у тунисцевъ островъ Джербе, Альфонсъ вернулся въ октябрѣ въ Мессину и оттуда началъ переговоры съ герцогиней. Герцогиня старалась убѣдить Іоанну отмѣнить усыновленіе Людовика Анжуйскаго, имѣвшаго еще довольно много приверженцовъ въ государствѣ, и снова усыновить арагонскаго короля. Между тѣмъ Людовикъ Анжуйскій занялъ всю Калабрію и въ союзѣ съ Джакопо Кальдорою велъ борьбу съ могущественною фамиліею Орсини, преимущественно съ однимъ изъ членовъ ея, владѣтелемъ Тарента. При неаполитанскомъ дворѣ за него особенно энергично хлопоталъ Урбанъ Чимино, пользовавшійся у слабой королевы такимъ же вліяніемъ, какъ герцогиня суэсская. Въ декабрѣ 1432 г. Альфонсъ занялъ островъ Искію и, оставаясь на немъ до февраля, велъ оттуда переговоры съ Неаполемъ; но своей цѣли онъ все таки не достигъ. Надѣясь съ помощью приверженцевъ герцога добиться того, чего не могла или не хотѣла сдѣлать герцогиня, Альфонсъ вступилъ

въ сношенія съ герцогомъ суэсскимъ и этимъ только повредилъ себѣ, потому что герцоги нажила въ разладѣ съ мужемъ. Убѣдившись наконецъ въ невозможности склонить Іоанну пожертвовать Людовикомъ, онъ заключилъ десятилѣтній миръ и вернулся въ Сицилію.

Вскорѣ обстоятельства измѣнились въ пользу арагонскаго короля. Управляемая придворными лакеями, Іоанна и по удаленіи Альфонса не обращалась съ Людовикомъ Анжуйскимъ какъ съ наслѣдникомъ. Онъ не смѣлъ оставлять Калабріи и когда въ 1434 г. Іоанна хотѣла торжественно отпраздновать въ Неаполѣ его свадьбу съ Маргаритою, дочерью герцога Савойскаго, Джіованни Чичинелло, занявшій мѣсто Караччіоли, не позволилъ этого изъ государственныхъ видовъ (disse, che era cosa da turbare lo stato suo). Отправляясь въ Калабрію, Маргарита не смѣла даже вернуться въ Неаполь изъ Сорренто, гдѣ заболѣла морской болѣзнью; на свадьбу ей были посланы самые бѣдные подарки. Вскорѣ послѣ своего брака Людовикъ внезапно умеръ отъ горячки (ноябрь, 1434 г.) и Маргарита вышла впослѣдствіи за мужъ за герцога баварскаго Людовика, пфальц-графа рейнскаго. Людовикъ Баварскій былъ, кажется, очень простъ; не смотря на постоянныя оскорбленія Урбана Чимино и другихъ лицъ, управлявшихъ именемъ королевы, онъ не задолго до смерти согласился сдѣлаться ихъ орудіемъ и вмѣстѣ съ Джакопо Кальдорою отнялъ у князя тарентскаго Джіованни Антоніо Орсини, человѣка всѣми любимаго и даже имъ самимъ уважаемаго, у его родственниковъ, друзей и вассаловъ, принадлежавшіе имъ города и замки. Вскорѣ по смерти Людовика умерла и королева 64 лѣтъ (февраль, 1435 г.). Не задолго до смерти Іоанны, приверженцы анжуйскаго дома или вѣрнѣе люди, присвоившіе себѣ и раздававшіе своимъ родственникамъ и приверженцамъ въ послѣдніе годы ея царствованія помѣстья, должности, мѣста и почести, убѣдили ее распорядиться управляемымъ ею государствомъ, какъ своимъ личнымъ имуществомъ. Людовикъ III Анжуйскій оставилъ двухъ братьевъ: герцога лотарингскаго Рената или Рене и Карла Прованскаго; отъ сына послѣдняго, Карла, умершаго въ 1481 г.,

французскій король Людовикъ XI наслѣдовалъ права на Неаполь, что имѣло важныя послѣдствія для исторіи первыхъ годовъ XVI столѣтія. Перваго изъ этихъ потомковъ младшей анжуйской линіи, Рената Лотарингскаго, Іоанна назначила въ своемъ завѣщаніи наслѣдникомъ неаполитанской короны. Не имѣя войска, Ренатъ не могъ отстоять своего права на престолъ, хотя и назывался неаполитанскимъ королемъ. Для возстановленія въ государствѣ порядка, разстроеннаго постоянной борьбою партій въ послѣдніе годы царствованія физически и умственно слабой королевы, герцогъ суэсскій и князь тарентскій тотчасъ по смерти Іоанны обратились къ Альфонсу V. Арагонскій король, никогда не признававшій распоряженій Іоанны, отнимавшихъ у него обѣщанное ему право престолонаслѣдія, сдѣлалъ попытку завладѣть неаполитанскимъ королевствомъ и осадилъ Гаэту. Городъ призвалъ на помощь миланскаго герцога Филиппа Марію Висконти, распоряжавшагося морскими силами генуэзцевъ. Пятаго августа 1435 г. произошло у острова Понцы между генуэзскимъ и каталонскимъ флотами самое кровопролитное изъ сраженій XV столѣтія на Средиземномъ морѣ. Во флотѣ Альфонса находилось до 11 тыс. человѣкъ и въ томъ числѣ множество знатныхъ владѣтелей и рыцарей, а генуэзскіе корабли везли войско миланскаго герцога. При тогдашнемъ состояніи артиллеріи и морскаго искусства морскія сраженія происходили не такъ, какъ теперь, и дѣло рѣшалось преимущественно абордажемъ. Сраженіе, продолжавшееся отъ восхода до заката солнца, кончилось совершеннымъ пораженіемъ каталонцевъ и блистательнымъ тріумфомъ Филиппа Маріи Висконти. Только одному каталонскому кораблю, на которомъ находился инфантъ донъ Педро удалось спастись. Генуэзцы сожгли всѣ взятыя ими корабли. Множество каталонцевъ и арагонцевъ было захвачено въ плѣнъ. Въ числѣ плѣнныхъ находились: король Альфонсъ, его братъ Іоаннъ, гроссмейстеръ ордена Св. Іакова и его братья, князь тарентскій Джіованни Антоніо Орсини, герцогъ суэсскій Джакопо Марцано, графъ кампобасскій Анджело Комбатеза и графъ

Морконе Гонорато Каетано. Филиппъ Марія возстановилъ противъ себя генуезцевъ тѣмъ, что не позволилъ имъ воспользоваться плодами побѣды и велѣлъ отвезти всѣхъ плѣнныхъ не въ Геную, а въ Миланъ. По тогдашнему положенію миланскаго герцога, для него было чрезвычайно важно не допустить на неаполитанскій престолъ французскаго принца. По этому онъ обращался съ арагонскимъ королемъ не какъ съ побѣжденнымъ плѣнникомъ, но съ тріумфомъ принялъ его въ Миланѣ. Желая сохранить себѣ надежнаго союзника въ благородномъ и великодушномъ человѣкѣ, способномъ къ благодарности, Филиппъ Марія безъ всякаго выкупа возвратилъ свободу Альфонсу и другимъ плѣннымъ. Чтобы понять этотъ поступокъ Филиппа Маріи, мы снова перейдемъ къ исторіи верхней и средней Италіи, возвратившись къ тѣмъ событіямъ, на которыхъ остановились.

Подчинивъ себѣ оружіемъ Карманьолы Геную и всю Ломбардію, Филиппъ Марія Висконти началъ въ 1432 г. войну съ Флоренціей и вслѣдъ затѣмъ съ Венеціей (т. IX, стр. 306), т. е. съ единственными государствами, которыя по своему богатству могли противопоставить его наемникамъ и ихъ искуснымъ предводителямъ такое же опытное и продажное войско. По нарушеніи Филиппомъ Маріей мира, флорентинцы выслали противъ него Пандольфа Малатесту съ его кондоттьерами; 6 сентября 1423 герцогскія войска разбили его и заняли городъ Форли, на спасеніе котораго онъ былъ посланъ. Такая же участь постигла въ февралѣ 1424 году Имолу. Затѣмъ владѣтель Фаэнцы Антоніо ди Манфреди присягнулъ на вѣрность герцогу миланскому, а папа вступилъ съ нимъ въ дружескія сношенія и удалилъ изъ Болоньи кардинала Кондольмієри, врага Филиппа Маріи. Тогда флорентинцы обратились за помощью къ Браччіо ди Монтоне, но когда послы ихъ явились къ знаменитому кондоттьеру съ 80 тыс. дукатовъ, онъ уже лежалъ смертельно раненый (т. IX, стр. 290). Папскія и неаполитанскія войска, побѣдившія его, ограбили флорентинскихъ уполномоченныхъ и отняли у нихъ деньги. Восемь человѣкъ, управляв-

шихъ военными дѣлами Флоренціи, обратились къ владѣтелю Римини Карлу Малатестѣ, банда котораго состояла изъ 6 тыс. человѣкъ подъ предводительствомъ Пандольфа Малатесты, Орсо Орсини, Людовика дельи Обицци и Николо де Толентино. Постоянно несчастливый въ сраженіяхъ, онъ и на этотъ разъ потерпѣлъ пораженіе, былъ взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Миланъ; въ припадкѣ великодушія или изъ политическаго расчета Филиппъ Марія обошелся съ нимъ очень милостиво. Впрочемъ вслѣдствіе его пораженія флорентинцы ничего не потеряли кромѣ денегъ; имъ пришлось только пригласить новыхъ наемниковъ. Они взяли въ свою службу лучшаго ученика Браччіо Пиччинино, и сына Браччіо, Оддо Браччіо, съ остаткомъ ихъ войскъ. Это войско было разбито 1 февраля 1425 г. въ Валь ди Ламоне, Оддо Браччіо погибъ въ сраженіи, а Пиччинино попался въ плѣнъ. Отданный подъ стражу владѣтелю Фаэнцы Антоніо ди Манфреди, предводительствовавшему частью наемниковъ миланскаго герцога, Пиччинино былъ выкупленъ въ мартѣ того же года. Находясь въ плѣну, онъ съумѣлъ убѣдить Антоніо ди Манфреди, что ему гораздо выгоднѣе служить флорентинцамъ, чѣмъ герцогу, и владѣтель Фаэнцы перешелъ на сторону Флоренціи. Но самъ Пиччинино поссорился съ совѣтомъ, управлявшимъ военными дѣлами Флоренціи, и вступилъ въ службу миланскаго тирана. Въ войскѣ Филиппа Маріи служилъ и Францискъ Сфорца, не пользовавшійся еще тогда особымъ значеніемъ между предводителями наемниковъ. Война скоро приняла самый неблагопріятный для флорентинцевъ оборотъ: 9 и 17 октября ихъ войско потерпѣло пораженіе въ пятый и шестой разъ съ начала войны. Тогда они обратились къ венеціанцамъ и отправили къ нимъ Палла дельи Строцци и Іоанна ди Медичи, принадлежавшихъ къ важнѣйшимъ флорентинскимъ фамиліямъ, связаннымъ торговыми и денежными дѣлами съ аристократами Венеціи. Іоаннъ ди Медичи былъ тогда первымъ лицомъ во Флоренціи; его несмѣтныя богатства, безграничное великодушіе, покровительство искусствамъ и торговлѣ и защита, оказываемая имъ

демократіи противъ враждебныхъ ей аристократическихъ фамилій Строцци, Ридольфи и другихъ, доставили ему преобладающее вліяніе въ городѣ. Аристократія охотно изгнала бы его, какъ изгнала впослѣдствіи на нѣсколько лѣтъ его сына Косьму; но съ Іоанномъ она не смѣла такъ поступить: онъ былъ слишкомъ могущественъ и благороденъ.

Венеціанская республика, боязливо слѣдившая за дѣйствіями Филиппа Маріи съ начала войны между Флоренціей и Миланомъ, остерегалась однако, согласно своей всегдашней политикѣ, напасть на герцога, пока его войскомъ предводительствовалъ Карманьола, казавшійся непобѣдимымъ. Въ концѣ 1424 г. Карманьола разошелся съ герцогомъ и венеціанцы тотчасъ же постарались извлечь выгоды изъ ихъ ссоры. Историкъ Билья, современникъ описываемыхъ имъ событій, приводитъ различныя причины, объясняющія ссору герцога Филиппа Маріи съ полководцемъ, которому онъ былъ обязанъ сохраненіемъ, основаніемъ и распространеніемъ своего владычества, котораго осыпалъ почестями и помѣстьями и даже усыновилъ, давъ ему право носить имя Висконти. Мы думаемъ однако, что причины эти можно найти съ одной стороны въ недовѣріи и трусости герцога и его страхѣ передъ человѣкомъ, казавшимся ему слишкомъ могущественнымъ, съ другой же въ наглости, грубости и надменности Карманьолы. Во время пребыванія Карманьолы въ Генуѣ, нѣсколько льстецовъ и придворныхъ, имена которыхъ приводитъ Билья, старались поселить въ трусливомъ и завистливомъ герцогѣ недовѣріе къ генуэзскому намѣстнику и успѣли добиться того, что Филиппъ Марія вздумалъ отнять у Карманьолы суммы, употребляемыя имъ, по современному выраженію, на пополненіе кадръ своего наемнаго войска. Карманьола понялъ къ чему это ведетъ и поспѣшилъ съ небольшимъ конвоемъ въ Аббіате Грассо, гдѣ находился тогда герцогъ. Филиппъ Марія не велѣлъ пускать его въ городъ и когда онъ прислалъ сказать, что хочетъ сообщить важную вещь, приказалъ отвѣтить ему, что онъ можетъ обратиться къ кому нибудь изъ придворныхъ. Этотъ отвѣтъ привелъ Карманьолу въ страшное

негодованіе; увидѣвъ герцога въ воротахъ, онъ началъ громко упрекать и бранить его; не смотря на это, его не смѣли схватить, когда онъ поскакалъ обратно съ своимъ небольшимъ отрядомъ, торопясь достигнуть владѣній герцога савойскаго. Адрато, преслѣдовавшій его съ нѣсколькими всадниками, не посмѣлъ схватиться съ знаменитымъ рубакою и помѣшать ему продолжать путь. Филиппъ Марія велѣлъ конфисковать все имущество Карманьолы и всѣ его доходы на сумму 40 тыс. дукатовъ. Карманьола отправился сначала къ герцогу савойскому, котораго предупредилъ о нанамѣреніяхъ герцога миланскаго и вооружилъ противъ него, а потомъ черезъ Швейцарію пробрался въ Венецію. Боясь швейцарцевъ, разбитыхъ имъ при Беллинцонѣ, онъ проѣхалъ Швейцарію переодѣтымъ и 25 февраля 1425 г. прибылъ съ тридцатью двумя спутниками и огромными богатствами въ Тревизо, а оттуда отправился въ Венецію, гдѣ былъ встрѣченъ съ необыкновеннымъ почетомъ. По словамъ Бильи, узнавшаго это отъ одного изъ своихъ друзей, шпіоны герцога миланскаго слѣдили за каждымъ шагомъ Карманьолы и подслушивали всякое его слово. По приказанію Филиппа Маріи даже была сдѣлана попытка отравить его.

Съ выходомъ Карманьолы изъ службы Филиппа Маріи политическія дѣла верхней Италіи приняли совершенно новый видъ. Съ этой минуты Венеція и Флоренція становятся первенствующими державами; изъ всѣхъ итальянскихъ государствъ только эти двѣ республики, аристократическая и демократическая, были въ состояніи дѣлать огромныя издержки для содержанія наемниковъ и ихъ предводителей, отъ которыхъ зависѣла участь Италіи. Впрочемъ и могущество герцога миланскаго основывалось не на воинственномъ духѣ подданныхъ или личныхъ его воинскихъ способностяхъ, а на богатствѣ и промышленномъ развитіи страны и тѣсно связанномъ съ ними цвѣтущемъ состояніи финансовъ. Флорентинцы уже давно убѣждали венеціанцевъ заключить съ ними союзъ противъ Филиппа Маріи, очевидно стремившагося сдѣлаться императоромъ Италіи, но венеціанская республика, слѣдуя своей жестокой, эгоистической и коварной политикѣ,

прославляемой Маккіавелли, до тѣхъ поръ не соглашалась принять ихъ сторону, пока они не погрозили присоединиться къ герцогу. Флорентинскимъ посламъ Паллѣ дельи Строцци и Іоанну ди Медичи удалось въ ноябрѣ 1425 г. склонить венеціанцевъ на обѣщаніе, что они потребуютъ отъ герцога прекращенія военныхъ дѣйствій. Хитрый тираннъ тотчасъ изъявилъ готовность на перемиріе, не принесшее впрочемъ большихъ выгодъ флорентинцамъ. Между тѣмъ въ Венецію прибылъ Карманьола. Знакомый съ внутренними дѣлами миланскаго правительства и съ честолюбивыми планами герцога, онъ подтвердилъ венеціанцамъ то, что имъ говорили флорентинцы о его замыслахъ. Тогда венеціанцы измѣнили свой тонъ и стали грозить герцогу заключеніемъ наступательнаго союза съ Флоренціей, если онъ не выведетъ войскъ изъ Генуи и Романьи. Флоренція и Миланъ смотрѣли на Венецію и обращались съ ней какъ съ государствомъ, приговоромъ котораго могла быть рѣшена судьба Италіи. Послы обоихъ государствъ явились ораторами въ венеціанскій сенатъ, гдѣ и самъ Карманьола сказалъ длинную рѣчь противъ герцога. Историки того времени подробно передаютъ содержаніе длинныхъ, выработанныхъ рѣчей, сказанныхъ различными послами въ венеціанскомъ сенатѣ, походившемъ во всѣхъ отношеніяхъ на древнеримскій. И не удивительно: классическое образованіе того времени требовало длинныхъ и напыщенныхъ рѣчей, а всѣ тогдашніе историки были риторы, знавшіе наизусть Цицерона, Ливія и другихъ римскихъ классиковъ. Мы не станемъ долго останавливаться на нихъ, но укажемъ только на факты. Флорентинцы жаловались, что война съ Миланомъ уже стоила имъ 2 милліона дукатовъ и что они, если Венеція не заключитъ съ ними союза, признаютъ герцога, согласно его желанію, императоромъ. Въ началѣ слѣдующаго года (1426) между Венеціей и Флоренціей былъ заключенъ договоръ о союзѣ, на основаніи котораго они общими силами выставили войско изъ 8 т. пѣхоты и 16 т. конницы. Къ этому союзу присоединились впослѣдствіи города Сіена и Феррара, маркграфы мантуанскій и монферратскій и герцогъ савойскій Амадей. Карманьола, которому

венеціанцы назначили сначала 6 т. дукатовъ въ годъ, по заключеніи этого союза былъ назначенъ главнокомандующимъ венеціанскаго войска съ содержаніемъ по тысячи дукатовъ въ мѣсяцъ. Въ январѣ Венеція объявила войну герцогу миланскому, а два мѣсяца спустя Карманьола по соглашенію съ брешіанцами пріобрѣлъ венеціанцамъ этотъ городъ, которымъ они давно стремились овладѣть; во власти миланскихъ наемниковъ, предводительствуемыхъ Францискомъ Сфорцою и Николаемъ Пиччинино, остались однако старая и новая крѣпость, предмѣстья и укрѣпленныя мѣста города. Занятіе части брешіанской области венеціанцами заставило герцога миланскаго вызвать свои войска изъ Романьи. Онъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы склонить на свою сторону папу, приказавъ передать города Форли, Имолу и Форлимпополи его легату, вынужденному вскорѣ снова уступить ихъ прежнимъ владѣльцамъ. Вызванные изъ Романьи наемники Филиппа Маріи были благополучно доведены Аньоло делла Пергола до Брешіи, куда и флорентинцы отправили своего полководца Николая Толентино съ войскомъ; до ноября между наемниками герцога, венеціанцами и флорентинцами шла война за замки и предмѣстья Брешіи. Венеціанцы не жалѣли денегъ и наняли въ свою службу владѣтелей Фаэнцы и Кремы съ ихъ всадниками и банду изъ 900 тяжеловооруженныхъ наемниковъ кондоттьера Лоренцо Котиньолы, занимающаго въ исторіи войнъ XV столѣтія славное мѣсто на ряду съ Альберико ди Барбіано, Браччіо ди Монтоне, Карманьолой, Пиччинино и обоими Сфорцами. Защита миланцами замковъ и укрѣпленій Брешіи, продолжавшаяся до 20 ноября, разсказана съ такимъ же пристрастіемъ и такими же подробностями, съ какими современникъ упорной защиты города Аквилы передаетъ намъ это событіе (т. IX, стр. 290). Подробное и нерѣдко утомительное описаніе Бильи всѣхъ военныхъ приготовленій и сраженій, происходившихъ въ Брешіи и окрестностяхъ, такъ же полезно для ознакомленія съ военнымъ устройствомъ того времени, какъ повѣствованіе панегириста аквильцевъ. Захватывая одинъ пунктъ за

другимъ, венеціанцы и союзники ихъ въ концѣ ноября завладѣли всей брешіанской областью. Тогда герцогъ рѣшился купить миръ цѣною уступокъ и предложилъ папѣ принять на себя роль посредника. 30 декабря 1426 г. мирный договоръ былъ подписанъ. Надѣясь, что флорентинцы и венеціанцы тотчасъ отпустятъ наемниковъ, обходившихся имъ очень дорого, Филиппъ Марія согласился на условія, хотя вовсе не былъ намѣренъ ихъ исполнить. Это обнаружилось однако слишкомъ рано. Въ началѣ слѣдующаго года, когда наступилъ срокъ для исполненія условій, онъ сталъ медлить удаленіемъ своихъ войскъ изъ занятыхъ ими мѣстностей и потому венеціанцы и флорентинцы снова призвали въ свою службу предводителей кондоттьеровъ.

Во время войны, возобновившейся въ 1427 г., между непріятельскими войсками происходили частыя, но не кровопролитныя стычки; полководцы обѣихъ сторонъ щадили жизнь своихъ людей и отступали, чуть только дѣло принимало неблагопріятный для нихъ оборотъ. Извѣстія объ этой войнѣ, находящіяся въ многочисленныхъ хроникахъ того времени, особенно интересны въ томъ отношеніи, что изъ нихъ можно почерпнуть свѣдѣнія о тогдашнемъ богатствѣ, могуществѣ, блескѣ, промышленности и наукѣ верхней и средней Италіи. Флорентинцы и генуезцы вооружили другъ противъ друга значительные флоты, венеціанцы и герцогъ миланскій кромѣ своихъ флотовъ имѣли большое число рѣчныхъ судовъ, на которыхъ сражались по рѣкѣ По, и обѣ стороны выставили многочисленныя сухопутныя войска. По словамъ Бильи численность обоихъ войскъ простиралась до 70 т. человѣкъ, въ томъ числѣ 20 т. тяжеловооруженныхъ всадниковъ; наемниками герцога миланскаго предводительствовали Францискъ Сфорца, Аньоло делла Пергола и Пиччинино, войсками союзниковъ Карманьола. На сторонѣ союзниковъ было то преимущество, что предводители ихъ бандъ, Михаилъ и Лоренцо Котиньолы, владѣтели Варано и Фаэнцы и даже маркграфъ мантуанскій, сознавая превосходство талантовъ и опытности Карманьолы, повиновались ему, тогда какъ Аньоло делла Пергола,

Гвидо Торелло, Николай Пичипиино и Францискъ Сфорца, считая себя равными, не слушались другъ друга. Герцогъ, ничего не понимавшій въ военномъ дѣлѣ, думалъ помочь этому недостатку, назначивъ главнокомандующимъ Карла Малатесту, сына владѣтеля Пезаро и племянника князя Римини; но именно это и было причиною пораженія его войска. Постоянно несчастливый въ сраженіяхъ, Карлъ Малатеста велъ дѣло небрежно или, какъ намъ кажется, былъ не въ ладахъ съ герцогомъ и вступилъ въ тайные переговоры съ своимъ родственникомъ маркграфомъ мантуанскимъ, освободившимъ его впослѣдствіи, когда онъ былъ взятъ въ плѣнъ. Настигнутый въ расплохъ Карманьолой, онъ потерпѣлъ 11 октября при Макало страшное пораженіе, оставивъ въ плѣну у непріятеля 5 т. всадниковъ и такое же число пѣшихъ. Испугавный этимъ пораженіемъ, Филиппъ Марія обратился сначала къ папѣ, потомъ къ императору Сигизмунду, умоляя ихъ принять на себя посредничество; вскорѣ однако онъ былъ въ состояніи пополнить свое войско и хоть на время задержать непріятеля. При этомъ случаѣ снова блистательнымъ образомъ выказывается могущество Милана и цвѣтущее состояніе его торговли и промышленности. По обычаю тогдашняго времени плѣннымъ миланскимъ солдатамъ, за которыхъ не давали большаго выкупа, но которыхъ нужно было кормить въ плѣну, возвратили свободу, отнявъ у нихъ только оружіе и лошадей. Всѣ они возвратились къ прежнему владѣтелю, что дало ему возможность вновь сформировать свое войско. По свидѣтельству Бильи герцогъ миланскій въ нѣсколько дней выставилъ 4 т. всадниковъ и 2 т. человѣкъ пѣхоты въ латахъ и полномъ вооруженіи, а это доказываетъ какъ велико было тогда число оружейныхъ заводовъ въ Миланѣ. Между тѣмъ Карманьола, воспользовавшись своей побѣдою, покорялъ одинъ городъ за другимъ. Въ слѣдующемъ году онъ сталъ угрожать Кремонѣ и паденіе Бергамо казалось неизбѣжнымъ; но папа и многіе изъ союзниковъ, преимущественно маркграфъ феррарскій Николай, боясь преобладающаго могущества Венеціи, рѣшились поддержать миланское герцогство, какъ оплотъ противъ страшной республики.

Вслѣдствіе того въ апрѣлѣ 1428 г. былъ заключенъ новый миръ, выгодный только для венеціанцевъ и предводителя ихъ. Венеціанцы получили Брешію со всѣмъ ея округомъ, Бергамо и многіе города въ кремонскихъ владѣніяхъ и такимъ образомъ довели свои границы до рѣки Адды; Карманьолѣ были возвращены всѣ отнятыя у него земли и кромѣ того дарованы другія выгоды, перечисляемыя въ венеціанской хроникѣ Стеллы. Флорентинцы не извлекли изъ этого мира никакой пользы, кромѣ того, что герцогъ миланскій не смѣлъ предпринимать противъ нихъ враждебныхъ дѣйствій и долженъ былъ вывести войска изъ городовъ, занятыхъ имъ въ Романьи. Маккіавелли говоритъ, что они согласились на миръ только потому, что понимали, какъ глупо было съ ихъ стороны истратить 3 милліона 500 тыс. дукатовъ для увеличенія могущества Венеціи.

Черезъ годъ по заключеніи этого мира умеръ Іоаннъ де Медичи, глава тогдашняго демократическаго правительства Флоренціи. Маккіавелли очерчиваетъ дѣятельность этого человѣка и значеніе, которымъ онъ пользовался во Флоренціи, влагая въ его уста совѣты, данные имъ на смертномъ одрѣ своему сыну Косьмѣ и исполненные чисто демократическихъ идей, благородства и глубокой любви къ человѣчеству. Историкъ прибавляетъ, что Іоаннъ де Медичи былъ идоломъ своихъ согражданъ не столько по своимъ громаднымъ богатствамъ, сколько по своимъ добродѣтелямъ и добрымъ дѣламъ (Lascio nel universale della città di se un grandissimo desiderio, secondo che meritavano le sue ottime qualità). Старшій его сынъ К о с ь м а пошелъ по стопамъ отца, выказавъ себя такимъ же превосходнымъ частнымъ человѣкомъ и гражданиномъ, но еще лучшимъ государственнымъ человѣкомъ. Маккіавелли говоритъ: Косьма былъ человѣкъ въ высшей степени умный и любезный въ обращеніи (di grave e grata presenzia), чрезвычайно щедрый и снисходительный, никогда не предпринималъ ничего враждебнаго ни противъ трехъ сословій, боровшихся за власть, ни противъ государства (nè mai tentò alcuna cosa contro alle parti, nè contro allo stato), но постоянно заботился о томъ,

чтобы дѣлать всякому добро и своею щедростью привязать къ себѣ всѣ классы гражданъ. Уже его отца аристократы ненавидѣли, какъ предводителя демократовъ и за то, что онъ разстроилъ планы, составленные ими во время войны съ Миланомъ. Для покрытія огромныхъ военныхъ издержекъ предводители народной партіи установили налогъ на имущества (catasta), возбудившій страшное неудовольствіе, которымъ хотѣли воспользоваться противники демократовъ для измѣненія формы правленія. Безъ содѣйствія Іоанна подобная перемѣна не могла однако произойти; но всѣ попытки аристократовъ склонить его на свою сторону были напрасны, онъ остался непоколебимъ. Ненавидя Косьму еще болѣе, чѣмъ его отца, аристократы воспользовались впослѣдствіи несчастной войной, которую начали и вели демократы, чтобы низвергнуть и изгнать его изъ Флоренціи.

Тотчасъ по смерти Іоанна ди Медичи, между флорентинцами и герцогомъ миланскимъ, не смотря на только что заключенный миръ, снова возникли враждебныя столкновенія. Поводомъ къ нимъ послужила война флорентинцевъ съ Паоло Гвиниджи и его сыномъ Владиславомъ, основавшимъ въ Луккѣ военную деспотію съ помощью банды въ 2 тысячи наемниковъ. По совѣту величайшаго изъ зодчихъ новѣйшаго времени, Брунеллески, бывшаго и отличнымъ механикомъ, флорентинцы прибѣгли въ этой войнѣ къ средству, оказавшемуся гибельнымъ для нихъ самихъ. Съ помощью плотинъ они хотѣли направить теченіе рѣки Серкіо на стѣну, окружавшую Лукку, и такимъ образомъ разрушить ее; но жители Лукки приняли свои мѣры, потокъ устремился въ другую сторону и, заливъ равнину, принудилъ флорентинцевъ поспѣшно удалиться. Тогда Лукка обратилась къ герцогу миланскому, отправившему къ ней на помощь сначала Франциска Сфорцу, а потомъ Пиччинино съ ихъ наемниками. Флорентинцы жаловались Венеціи на нарушеніе мира Филиппомъ Маріей, и венеціанскому сенату, въ который приглашены были флорентинскіе и миланскіе государственные люди обсудить положеніе верхней и средней Италіи, было

предоставлено произнести приговоръ. Карманьола также говорилъ въ сенатѣ, раскрылъ планы герцога и предупреждалъ Венецію относительно грозившей ей опасности потерять города, пріобрѣтенные по послѣднему миру. Въ 1431 г. венеціанцы объявили войну Филиппу Маріи и отправили противъ него Карманьолу. Герцогъ миланскій выслалъ войско наемниковъ подъ предводительствомъ Николая Пиччинино, Гвидо Торелло и Франциска Сфорцы, тѣснѣе привязавъ къ себѣ послѣдняго обѣщаніемъ выдать за него свою побочную дочь Бланку, когда она выростетъ. Въ самомъ началѣ этой войны (апрѣль 1431 г.). Карманьола потерпѣлъ неудачу при нападеніи на Сончино; въ слѣдующіе мѣсяцы венеціанцы были разбиты на По и предводитель венеціанскаго войска въ теченіе всей остальной части года не рѣшался нападать на непріятеля. За это онъ былъ обвиненъ въ измѣнѣ и испыталъ на себѣ ту жестокость и коварство, которыми совѣтъ десяти, господствовавшій въ Венеціи, доставилъ блескъ и могущество своему государству; эту обычную политику аристократической республики Маккіавелли и почти всѣ итальянскіе писатели считаютъ высшей государственной мудростью. Съ начала 1432 г. между итальянскими государствами начались переговоры о возстановленіи общаго мира; болонская хроника говоритъ о немъ съ глубокимъ вздохомъ (la pace trà la lega e il detto duca. A Dio piaccia, che pel bene d'Italia possa essa seguire). Для этой цѣли въ Феррару съѣхались послы папы, императора Сигизмунда, маркграфа мантуанскаго, а со стороны флорентинцевъ представитель ихъ аристократовъ Палла дельи Строцци и представитель купцовъ (какъ выражается болонская хроника) Косьма ди Медичи. Этимъ воспользовалось венеціанское правительство для уничтоженія Карманьолы. Столь же хитрый, какъ совѣтъ десяти (т. VIII. стр. 310), Карманьола зорко слѣдилъ за его дѣйствіями и не обольщался сыпавшимися на него подарками и почестями, что дѣлала обыкновенно венеціанская республика, желая погубить человѣка, казавшагося ей слишкомъ могущественнымъ. Но правители Венеціи все таки перехитрили его. Призванный въ городъ какъ будто для того,

чтобы дать совѣтъ относительно переговоровъ о мирѣ, онъ отправился въ Венецію въ сопровожденіи блистательной свиты и, по приказанію сената, его повсюду на дорогѣ встрѣчали съ необыкновеннымъ почетомъ. Историкъ Марино Сануто не можетъ достаточно надивиться, что не смотря на то, что проведиторы, отправленные изъ Венеціи для устройства торжественныхъ встрѣчъ Карманьолѣ и принятія начальства надъ войскомъ, знали намѣреніе совѣта десяти, тайна была сохранена (E sapevano la deliberazione fatta nel consiglio dei dieci contro di lui, tamen fu osservata in questa cosa grande taciturnità). По прибытіи въ Венецію Карманьола былъ встрѣченъ нѣсколькими аристократами, отправленными ему на встрѣчу президентами совѣта десяти (capi dei dieci) Маркомъ Барбариго и Лазаремъ Монрениго, и тотчасъ по выходѣ изъ гондолы отвезенъ въ дворецъ Марка. Здѣсь Карманьола былъ задержанъ нѣсколько часовъ прокураторомъ совѣта десяти Леопардомъ Монрениго и нѣсколькими аристократами подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ долженъ былъ обѣдать у дожа, а его конвой, оставленный внизу, отосланъ прочь. Подъ вечеръ аристократы объявили ему, что пора идти къ дожу, но вмѣсто того повели его въ темницу. Карманьола тотчасъ понялъ, что ему угрожало, и при входѣ въ темницу сказалъ со вздохомъ: „Я вижу, что меня ждетъ смерть." Въ темницѣ его держали 20 дней и подвергали самымъ жестокимъ пыткамъ, чтобы добиться показаній, которыя дали бы право казнить его. Пятаго мая Карманьола былъ публично казненъ какъ преступникъ, съ заткнутымъ ртомъ, что лишило его возможности обратиться къ народу. Марино Сануто разсказываетъ, что онъ былъ казненъ съ заткнутымъ ртомъ между двухъ колоннъ на площади Марка и что голова его свалилась только послѣ третьяго удара. На мѣсто Карманьолы главнокомандующимъ венеціанскаго войска былъ назначенъ владѣтель Мантуи Іоаннъ Францискъ Гонзага, которому императоръ Сигизмундъ только что передъ тѣмъ продалъ маркграфскій титулъ. Этотъ новый венеціанскій главнокомандующій, также недолго пользовавшійся довѣріемъ

республики, предводительствовалъ довольно сильнымъ войскомъ, (cavalli vivi 11600, pedoni 8000, cernide или стрѣлковъ 1000).

Годъ спустя подобная же участь грозила Косьмѣ Медичи во Флоренціи отъ его враговъ; но флорентинцы поступили справедливѣе съ своимъ великимъ соотечественникомъ, чѣмъ венеціанцы съ Карманьолой. Косьма, игравшій вмѣстѣ съ другимъ флорентинскимъ посломъ, Палла дельи Строцци, важную роль на феррарскомъ конгрессѣ, способствовалъ тому, что 26 апрѣля 1433 г. былъ заключенъ миръ съ Миланомъ; условія и послѣдствія этого мира подали поводъ его врагамъ произвести во Флоренціи революцію, уничтожившую вліяніе Медичи. По условію феррарскаго мира всѣ отношенія и владѣнія государствъ верхней и средней Италіи должны были остаться такими, какими они были до войны, воюющія стороны оставить все, чѣмъ онѣ завладѣли, а герцогъ миланскій отказаться отъ всѣхъ союзовъ, заключенныхъ имъ въ Тосканѣ и въ Романьѣ. Переставъ вмѣшиваться непосредственно въ споры мелкихъ государствъ этихъ странъ, Филиппъ Марія продолжалъ интриговать черезъ третьи руки. Тотчасъ по заключеніи мира онъ уволилъ изъ своей службы Франциска Сфорцу и Николая Фортебраччіо, чтобы дать имъ возможность дѣйствовать отъ своего имени въ борьбѣ этихъ государствъ, но тайно продолжалъ сноситься съ ними. Фортебраччіо взялъ Перуджію и другіе города, а Сфорца занялъ анконскую мархію, воспользовавшись ея неудовольствіемъ на папу Евгенія IV. Папа старался помочь себѣ тѣмъ, что привлекъ на свою сторону одного изъ этихъ враговъ: онъ подкупилъ Сфорцу, уступивъ ему анконскую мархію. Но Сфорца не хотѣлъ или не могъ защищать папу отъ его многочисленныхъ враговъ и Евгеній долженъ былъ бѣжать изъ Рима во Флоренцію, куда прибылъ въ ту минуту, когда враги Косьмы Медичи, во главѣ которыхъ стояли Альбицци, составили противъ него заговоръ. Альбицци измѣнили демократическое устройство Флоренціи, по которому черезъ каждые два мѣсяца долженъ былъ избираться новый гонфалоніеръ или президентъ государственнаго и военнаго

управленіи, и доставили нѣкоторое значеніе аристократической партіи. Но когда Медичи снова получилъ преобладающее вліяніе, Ринальдо Альбицци составилъ противъ него заговоръ (1433 года), устроивъ, что званіе гонфалоніера было передано бѣдному человѣку, Бернардо Гваданьи, бывшему его орудіемъ. По многимъ причинамъ, въ особенности же потому, что онъ не уплатилъ государственныхъ податей, Гваданьи собственно не могъ быть избранъ, потому что государственный должникъ не имѣлъ права занимать никакой общественной должности, не говоря уже о мѣстѣ гонфалоніера; но коллегія, президентомъ который былъ гонфалоніеръ, состояла тогда изъ приверженцевъ фамиліи Альбицци, и Ринальдо Альбицци заплатилъ за Бернардо Гваданьи его долгъ (pagò le sue gravezze, acciochè il debito publico non gli togliesse quel grado). Только что избранный гонфалоніеромъ на сентябрь и октябрь 1433 года, Бернардо Гваданьи тотчасъ же потребовалъ Косьму къ суду. Сознавая свою невинность, Медичи пренебрегъ предостереженіями и совѣтами друзей и не захотѣлъ воспользоваться ихъ вооруженной помощью. Явясь на судъ, онъ былъ заключенъ въ тюрьму подъ тѣмъ предлогомъ, что будто въ войнѣ съ Луккою сообщилъ Франциску Сфорцѣ планы флорентинцевъ. Чтобы погубить благороднѣйшаго и любимаго гражданина Флоренціи, аристократы прибѣгли къ средству, которое и теперь вездѣ въ ходу, — владычествующій народъ былъ употребленъ ими какъ машина. Народъ т. е. всѣ граждане, заранѣе подкупленные (какъ это обыкновенно дѣлается при общей подачѣ голосовъ), были собраны на площади и избрали балію или, какъ теперь говорятъ, верховное законодательное собраніе. Это собраніе, состоявшее изъ 200 членовъ, должно было произвести нѣкоторыя реформы въ государственномъ устройствѣ, въ дѣйствительности же рѣшить участь Косьмы. Боясь отравы, Косьма, какъ и Карманьола въ Венеціи, въ теченіе четырехъ дней не ѣлъ ничего кромѣ хлѣба; но его успокоилъ тюремщикъ Федерико Малавольти. Очерчивая характеръ этого тюремщика, Маккіавелли произноситъ самую лучшую похвалу благородному итальянцу XV сто-

лѣтія и выставляетъ Федерико Малавольти совсѣмъ съ иной стороны, чѣмъ все то, что мы знаемъ о венеціанскомъ сенатѣ и въ особенности о страшномъ совѣтѣ десяти. Вотъ что говоритъ Малавольти Косьмѣ у Маккіавелли: „Ты боишься отравы, Косьма, и потому хочешь умереть отъ голода. Предполагая меня способнымъ на такую низость (sceleratezza), ты дѣлаешь мнѣ мало чести. Я не думаю, чтобы тебя осудили на смерть, потому что у тебя слишкомъ много друзей въ правительствѣ и въ народѣ; но еслибы тебѣ было и суждено лишиться жизни, будь увѣренъ, что они не изберутъ меня своимъ орудіемъ, а употребятъ другія средства. Я никогда не замараю своихъ рукъ въ человѣческой крови, тѣмъ менѣе въ крови человѣка, который меня не оскорбилъ. Не бойся же, ѣшь и пей, и береги свою жизнь, дорогую для друзей и отечества! Чтобы еще болѣе успокоить тебя, я стану ѣсть передъ тобой все то, что подаю тебѣ.“ Малавольти привелъ къ столу еще третье лицо, которому Косьма и поручилъ выпуть изъ банка 1100 дукатовъ; изъ нихъ 100 онъ оставилъ себѣ, а тысячу отправилъ гонфалоніеру. Деньги такъ подѣйствовали на гонфалоніера, что онъ тотчасъ повернулъ дѣло (donde Bernardo ne diventò più umano) и предложилъ осудить на изгнаніе человѣка, котораго передъ тѣмъ обвинялъ въ государственной измѣнѣ. Косьма былъ отправленъ на 10 лѣтъ въ Падую, его братъ Лоренцо на два года въ Венецію, а остальные родственники и друзья въ другіе города (октябрь, 1433 г.). Въ изгнаніи Косьма былъ окруженъ величайшимъ почетомъ по приказанію венеціанскаго сената и еще въ 1434 г. вернулся со всѣми своими во Флоренцію вслѣдствіе революціи, произведенной въ его пользу. Въ августѣ 1434 г. были избраны одинъ изъ друзей Косьмы, Николоди Кокко Донати гонфалоніеромъ, а восемь приверженцовъ дома Медичи членами правительства. Альбицци хотѣли сначала заставить этихъ людей отказаться отъ своихъ должностей, но должны были оставить свое намѣреніе, потому что Строцци не хотѣлъ вооруженною силою нападать на законы и учрежденія отечества (Rinaldo degli Albizzi avendo veduto la fredezza di Messer

Palla e la leggerezza di Ridolfo Peruzzi etc.). Для возвращенія Косьмы и его друзей былъ употребленъ тотъ же способъ, какъ передъ тѣмъ для его изгнанія, съ тою только разницею, что папа Евгеній IV, находившійся въ то время во Флоренціи, своимъ посредничествомъ помѣшалъ аристократической или рыцарской партіи напасть на демократовъ съ оружіемъ, которымъ первые лучше владѣли, чѣмъ послѣдніе. Правительство (gli signori) созвало на площадь народъ, избравшій новое верховное законодательное собраніе (balia) изъ двухъ сотъ членовъ, уничтожившихъ всѣ распоряженія своихъ предшественниковъ и призвавшихъ Медичи во Флоренцію. Въѣздъ Косьмы во Флоренцію былъ искреннимъ, неподдѣльнымъ тріумфомъ; граждане безъ всякихъ искусственныхъ поощреній привѣтствовали его громкими восклицаніями какъ благодѣтеля народа и отца отечества. Съ этихъ поръ Косьма получилъ преобладающее вліяніе и въ правительственной средѣ стало господствовать благодѣтельное и миролюбивое вліяніе Медичи и ихъ друзей.

Тотчасъ по возвращеніи Медичи Францискъ Сфорца соединился съ Флоренціей противъ герцога Миланскаго. Этотъ союзъ былъ тѣсно связанъ съ возвращеніемъ Косьмы; флорентинцы хотѣли воспользоваться человѣкомъ, не задолго передъ тѣмъ осужденнымъ за тайныя сношенія съ Сфорцою, чтобы завлечь въ свои интересы этого предводителя наемниковъ герцога миланскаго. Сфорца находилъ тогда выгоднымъ для себя вступить въ союзъ съ Флоренціей, потому что Филиппъ Марія покровительствовалъ болѣе Пиччинино и хотѣлъ возвратить папѣ завоеванную Сфорцою анконскую мархію. Потому лишь только Медичи возвратились во Флоренцію, Сфорца вступилъ въ службу республики. Венеціанцы тоже приняли участіе въ войнѣ, когда дружественная имъ фамилія Медичи снова пріобрѣла значеніе во Флоренціи. Къ союзу съ флорентинцами приступилъ и папа, опасавшійся, что Пиччинино отниметъ у него города Болонью, Фаэнцу, Имолу и Форли. Впрочемъ уже въ августѣ слѣдующаго года (1435 г.) при посредничествѣ маркграфа

феррарскаго былъ заключенъ миръ. Поэтому миру папа снова получилъ города Имолу и Болонью, но относительно послѣдняго долженъ былъ согласиться, чтобы въ него вернулся Антоніо Бентивольо, никогда не дѣйствовавшій противъ папы, а напротивъ скорѣе помогавшій его планамъ, и фамилія котораго пользовалась прежде большимъ значеніемъ въ Болоньи. Антоніо явился въ Болонью въ октябрѣ, а въ концѣ декабря былъ арестованъ папскимъ легатомъ и вскорѣ казненъ.

Въ томъ же году (1435 г.), какъ мы уже говорили (т. IX, стр. 334), арагонскій король потерпѣлъ пораженіе на морѣ и къ великому неудовольствію генуэзцевъ, зависѣвшихъ въ то время отъ Милана, былъ отвезенъ въ Миланъ. Онъ былъ встрѣченъ въ Миланѣ радушно и съ почестями и наконецъ освобожденъ безъ выкупа. Вслѣдствіе этой политики герцога, 12 декабря генуэзцы возстали противъ его намѣстника Обичино ди Альчіато, при крикахъ: „да здравствуетъ свобода!“ выгнали миланскій гарнизонъ и возстановили республиканское правленіе. За королемъ Альфонсомъ прибылъ его братъ донъ Педро съ флотомъ, находившимся у береговъ Сициліи. По дорогѣ донъ Педро завладѣлъ гаванью и крѣпостью Гаэты и такимъ образомъ Альфонсъ по возвращеніи изъ верхней Италіи могъ стать твердой ногой въ неаполитанскихъ владѣніяхъ. Соперникомъ его на неаполитанскую корону былъ братъ Людовика III, герцогъ лотарингскій Ренатъ, находившійся тогда въ Дижонѣ въ плѣну. Будучи зятемъ герцога лотарингскаго Карла, Ренатъ наслѣдовалъ его герцогство и былъ признанъ лотарингскими сословіями; но претендентомъ па наслѣдство явился братъ умершаго герцога Антонъ, графъ де Водремонъ, и вслѣдствіе того вспыхнула война, въ которой герцогъ бургундскій Филиппъ принялъ сторону Антона де Водремонъ, а французскій король Карлъ VII сторону Рената. На помощь графу де Водремонъ былъ посланъ бургундскій маршалъ съ войскомъ, усиленнымъ воинственными и грубыми бандами, существовавшими по описанію хроники Монстреле грабежомъ и добычею; по словамъ той же хроники предводительствомъ и най-

момъ этихъ бандъ занимались во Франціи преимущественно побочные сыновья аристократовъ. Монстреле называетъ напримѣръ имена слѣдующихъ предводителей: бастарда де Бримена, бастарда де Нѣвилля, бастарда д'Юміера, бастарда де Фоссёза и къ нимъ присоединяетъ еще предводителя разбойниковъ Robinet Hache-Chien. Эти люди, но еще болѣе удачное примѣненіе артиллеріи бургундскимъ маршаломъ, доставили графу де Водремонъ побѣду и герцогство лотарингское. Ренатъ былъ взятъ въ плѣнъ, изъ котораго освободился только въ 1437 г., слѣдовательно черезъ два года по смерти королевы Іоанны. Свою свободу онъ купилъ невыгоднымъ договоромъ, заключеннымъ при посредничествѣ французскаго короля. Выкупная сумма простиралась до 200 тыс. дукатовъ. Чтобы перебраться въ Италію, онъ долженъ былъ сверхъ того дать 100 тыс. дукатовъ въ приданое дочери герцога савойскаго, обрученной съ Людовикомъ III. Для исполненія этихъ условій Ренатъ заложилъ свои имѣнія и владѣнія и установилъ на основаніи леннаго права особый сборъ съ своихъ вассаловъ. Только въ маѣ 1438 г. явился онъ въ Неаполь съ 12 галерами и нѣсколькими другими кораблями.

Въ Неаполь вскорѣ послѣ смерти королевы Іоанны пріѣхала жена Рената, Изабелла, чтобы во время плѣна мужа дѣйствовать въ его пользу. Энергія и чистота нравовъ этой женщины пріобрѣли ей громкую славу въ Италіи, но безъ денегъ и войска она все-таки не могла ничего сдѣлать. Джакопо Кальдора, сражавшійся въ Абруццахъ повидимому за Рената, и всѣ остальные предводители наемниковъ думали только о своихъ личныхъ выгодахъ. Конечно, съ другой стороны и князь тарентскій Орсини, поддерживавшій съ своими наемниками Альфонса, былъ не безкорыстнѣе Джакопо Кальдоры, Пиччинино или Франциска Сфорцы. Исторія войны за обладаніе Неаполемъ и соединенныхъ съ нимъ предпріятій для противодѣйствія завоевательнымъ планамъ герцога миланскаго сбивчива и не занимательна; предводители наемниковъ продавали себя то той, то другой партіи, и чтобы знать для кого они одерживали

побѣды, необходимо прежде справляться кому они служили въ извѣстный годъ. Союзы, заключаемые государствами между собою, измѣнялись такъ же часто, какъ часто мѣняли предводители войскъ тѣхъ, кому они служили; герцогъ миланскій даже поддерживалъ одновременно короля Альфонса и королеву Изабеллу, бывшихъ въ войнѣ между собою. Папа покровительствовалъ анжуйскому дому противъ Альфонса, принявшаго вслѣдствіе того сторону базельскаго собора.

Въ это время господства солдатъ, походившихъ на разбойниковъ, отрадно и утѣшительно видѣть во главѣ итальянскихъ дѣлъ три благороднѣйшія личности: жену Рената Изабеллу, арагонскаго короля Альфонса и флорентинца Косьму Медичи. Съ геройствомъ, достойнымъ удивленія, Изабелла сохранила до прибытія мужа все, что могло быть удержано изъ владѣній анжуйскаго дома, и своими дѣйствіями пріобрѣла себѣ общую симпатію. Альфонсъ былъ прозванъ Мудрымъ за свой образъ дѣйствій, великодушіе и мудрыя изреченія. Изъ его изреченій и христіанско-философскихъ дѣйствій Эней Сильвій составилъ книгу, точно такъ же, какъ напримѣръ пруссаки собрали въ нѣсколькихъ книгахъ анекдоты о своемъ королѣ Фридрихѣ II. Наконецъ Косьма Медичи обогатилъ гражданъ Флоренціи своей гражданской дѣятельностью, своимъ кредитомъ и несмѣтными богатствами, далъ имъ возможность заниматься съ выгодою ремеслами, искусствомъ и торговлею и умѣлъ мягкостью и кротостью сохранять въ демократическихъ массахъ такое же спокойствіе, какое совѣтъ десяти въ Венеціи поддерживалъ подлой полиціей, беззаконнымъ судопроизводствомъ и преслѣдованіемъ всѣхъ, кто казался имъ слишкомъ могущественнымъ. Впослѣдствіи мы еще вернемся къ знаменитому венеціанскому учрежденію государственной инквизиціи и скажемъ объ инструкціяхъ, которыя давались тремъ государственнымъ инквизиторамъ (т. VIII, стр. 316) и, сколько намъ извѣстно, въ первый разъ появились на свѣтъ въ исторіи Венеціи Дарю. Герцогъ миланскій Филиппъ Марія управлялъ по системѣ тиранновъ древней Греціи; въ отдѣль-

ныхъ случаяхъ онъ выказывалъ щедрость и великодушіе, покровительствовалъ искусствамъ и наукамъ, но въ то же время велъ свои войны съ помощью наемниковъ. Миланцы гордились имъ, потому что его слава была вмѣстѣ ихъ славою, а государство и вся Ломбардія достигли при немъ такого благосостоянія, какимъ не пользовались даже во времена римлянъ. Въ такомъ же цвѣтущемъ состояніи, не смотря на безконечныя войны, находились Тоскана и завоеванныя Венеціей мѣстности отъ Бергамо до Равенны.

Борьба за Неаполь между Альфонсомъ и женою его противника Рената Изабеллою была ведена съ большимъ благородствомъ. Это доказали они оба, когда вскорѣ по прибытіи въ Италію братъ Альфонса донъ Педро былъ убитъ. Прощаніе Альфонса съ тѣломъ брата до слезъ растрогало всѣхъ присутствовавшихъ (Dio ti perdoni, frate caro, io aspettava da te altro piacere, che vederti a questo modo morto. Dio sia laudato!). Вмѣсто того чтобы радоваться смерти противника, Изабелла тоже оплакала принца, когда одинъ калабріецъ принесъ ей беретъ дона Педро (di seta di gruna fatto ad aco), чтобы получить за то вознагражденіе. Она предложила Альфонсу похоронить его брата въ королевскомъ склепѣ и прислать все, что нужно для погребенія (la pompa delle essequie). Альфонсъ и Ренатъ вели войну между собой съ помощью наемниковъ. Главной опорой послѣдняго былъ Джакопо Кальдора, а по смерти его въ 1439 г. его сынъ Антоніо. Въ 1440 г. Аверса подпала власти арагонскаго короля, постепенно завладѣвшаго бо́льшей частью неаполитанскихъ владѣній; причиной его успѣховъ было то, что Ренатъ посадилъ въ темницу Антоніо Кальдору, намѣревавшагося отпасть отъ него, а въ это время Альфонсъ, по тайному указанію миланскаго герцога, занялъ помѣстья и города Франциска Сфорцы, именно Беневентъ, Манфредонію и Битонто, гдѣ нашелъ много сокровищъ. 1442 годъ рѣшилъ вопросъ о владѣніи неаполитанскимъ королевствомъ, когда Ренатъ, потерявъ столицу, понялъ, что онъ только орудіе предводителей наемниковъ, завладѣвавшихъ городами и

мѣстечками и грабившихъ страну подъ предлогомъ помощи престолу. Альфонсъ поручилъ своему побочному сыну Фердинанду, наслѣдовавшему по его смерти неаполитанское королевство, вновь осадить Неаполь и въ началѣ 1442 г. довелъ городъ до того, что у жителей почти не оставалось припасовъ, а стоявшимъ на стражѣ выдавалось ежедневно только по шести лотовъ хлѣба. Тогда нѣкоторые изъ каменьщиковъ указали арагонцамъ на подземный водопроводъ, чрезъ который еще Велисарій проникъ однажды въ городъ (т. IV. стр. 528). По разсказамъ часто приводимыхъ нами неаполитанскихъ лѣтописей Ренатъ съ большой энергіей и искусствомъ работалъ днемъ и ночью надъ защитою города, велѣлъ запереть рѣшетками упомянутый нами каналъ и стеречь его выходъ; но арагонцы все-таки пробрались черезъ него въ городъ. Названная нами хроника разсказываетъ очень подробно и занимательно, почти романически, какъ они, не смотря на всѣ усилія и труды Рената, проникли въ Неаполь 2 іюня 1442 г. По взятіи города арагонцами, во власти Рената оставались еще нѣкоторые замки, но для уплаты жалованье наемникамъ онъ надѣлалъ столько долговъ, что долженъ былъ вслѣдствіе постоянныхъ требованій жалованья распустить свое войско и удалился на генуезскомъ кораблѣ во Францію. По дорогѣ онъ встрѣтился во Флоренціи съ папою Евгеніемъ IV, обѣщавшимъ ему помощь; какъ ничтожна она была, можно лучше всего заключить изъ наивныхъ и ироническихъ замѣчаній неаполитанскихъ лѣтописей. „Во Флоренціи, говоритъ хроника, папа встрѣтилъ Рената какъ встрѣчаютъ обыкновенно королей. Но не во время (fuor del tempo) издалъ онъ буллу, которою отдавалъ ему какъ неаполитанскому королю и Сицилію. Папа сдѣлалъ бы гораздо лучше, еслибы далъ ему побольше денегъ; потому что черезъ нѣсколько дней по полученіи буллы Ренатъ уѣхалъ во Францію.“ Къ чести Рената хроника прибавляетъ, — и мы совершенно согласны съ ней,—что онъ потерялъ неаполитанское королевство скорѣе по недостатку въ деньгахъ, чѣмъ по неспособности (avendo perduto il regno più per mancamentò di danari, che per poco virtù).

Завоевавъ Неаполь, Альфонсъ еще въ томъ же мѣсяцѣ одержалъ побѣду надъ бандою Антоніо Кальдоры и тѣмъ упрочилъ свое владычество надъ Неаполемъ. Освободившись изъ плѣна Рената, этотъ предводитель кондоттьеровъ, походившій на своего отца коварствомъ, храбростью и военными талантами, перешелъ къ Альфонсу, потомъ оставилъ его и вернулся къ Ренату; но и тогда, какъ прежде, онъ не сражался за того, чьимъ именемъ пользовался, а заботился только о расширеніи своихъ владѣній. Точно также дѣйствовалъ и Іоаннъ Сфорца, соединившійся съ Антоніо Кальдорою для завоеванія того, что было отнято у его брата Франциска. Они были на голову разбиты Альфонсомъ, а Антоніо Кальдора взятъ въ плѣнъ. При этомъ случаѣ Ренатъ выказалъ все свое благородство. Получивъ извѣстіе о побѣдѣ противника, онъ передалъ Альфонсу всѣ занятые имъ города и уступилъ ему государство, объявивъ, что готовъ лучше отстраниться передъ достойнымъ соперникомъ, чѣмъ давать поводъ хищнымъ предводителямъ наемниковъ злоупотреблять его именемъ (che non voleva, che il conte Francesco nè altro capitani Italiani di ventura facessero mercanzia di lui).

Герцогъ миланскій и знаменитая своимъ мудрымъ правительствомъ венеціанская республика не были такъ добросовѣстны и боязливы какъ Ренатъ. Филиппъ Марія уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велъ войну съ венеціанцами, папою и флорентинцами, поручивъ начальство надъ войскомъ Пиччинино, а не Франциску Сфорцѣ, съ которымъ разошелся вслѣдствіе своего недовѣрчиваго и нерѣшительнаго характера; этотъ послѣдній предводитель наемниковъ перешелъ на сторону папы за уступку ему анконской мархіи. Въ теченіе 1439 г. Францискъ Сфорца велъ войну въ Ломбардіи съ герцогомъ миланскимъ, отправившимъ въ это время Пиччинино въ Тоскану, чтобы помочь фамиліи Альбицци и другимъ врагамъ Медичи снова захватить власть во Флоренціи. Въ слѣдующемъ году папа назначилъ своего лейбъ-медика Людовика патріархомъ аквилейскимъ и главнокомандующимъ, а Флоренція наняла отъ 19 до 20 т. тяже-

ловооруженныхъ всадниковъ, соединившихся подъ предводительствомъ Джіованни Паоло Орсини съ папскимъ войскомъ. Флорентинцы запретили своему полководцу нападать на Пиччинино, уже и безъ того готовившагося выступить изъ Тосканы въ Ломбардію по вызову Филиппа Маріи, стѣсненнаго Сфорцою; но Пиччинино не хотѣлъ выступать, не нанеся пораженія врагамъ, и при Ангіари внезапно напалъ на папско-флорентинское войско (конецъ іюня 1440 г.). Его противники успѣли однако приготовиться къ битвѣ и дѣло кончилось пораженіемъ миланскихъ наемниковъ. Убитыхъ было правда не много, но войско Пиччинино разбѣжалось. Извѣстія, сохранившіяся объ ангіарскомъ сраженіи, доказываютъ, какъ не кровопролитны были эти турниры кондоттьеровъ и какъ легко было съ небольшими деньгами вновь сформировать разбитое войско. Говорятъ, что однихъ офицеровъ было взято въ плѣнъ до 400 человѣкъ, въ томъ числѣ 22 предводителя изъ 26-ти, и 3000 лошадей сдѣлались добычею непріятеля; но въ слѣдующій же день предводители флорентинскихъ наемниковъ отпустили 1500 плѣнныхъ, заплатившихъ за себя значительный выкупъ. Побѣдители даже не преслѣдовали непріятельское войско, состоявшее тогда только изъ 1500 человѣкъ, расчитывая, что и съ ними могутъ поступить также великодушно въ случаѣ ихъ пораженія. Еще въ томъ же году Пиччинино набралъ новое войско и сталъ соперничать съ Францискомъ Сфорцою въ смѣлости предпріятій и въ стратегической ловкости. Послѣдній достигъ своей цѣли и отразилъ нападеніе миланцевъ на перешедшіе къ Венеціи города: въ маѣ и іюнѣ 1440 г. онъ выгналъ миланцевъ изъ областей Бергамо и Брешіи и отнялъ у союзника Милана, маркграфа мантуанскаго, крѣпость Пескіеру, что округлило итальянскія владѣнія венеціанцевъ и упрочило сношенія между Брешіей и Вероною. Послѣ этого, черезъ маркграфа феррарскаго Николая д'Есте, находившагося въ дружескихъ отношеніяхъ съ маркграфомъ мантуанскимъ, Филиппъ Марія старался склонить на миръ Сфорцу и венеціанцевъ. Николай ѣздилъ въ Венецію, потомъ въ лагерь Сфорцы и у послѣдняго возобновилъ

переговоры о его женидьбѣ на побочной дочери герцога, Бланкѣ; но всѣ его старанія остались безплодными. Еще до этихъ попытокъ возстановить миръ венеціанцы увеличили свои владѣнія благодаря тому коварству и вопіющимъ нарушеніямъ права гостепріимства, которыя восхвалялись у итальянцевъ какъ высшая государственная мудрость, какъ мудрость римскихъ сенаторовъ. У Остазіо ди Поленты, фамилія котораго владычествовала въ Равеннѣ еще во времена Данте, было много враговъ; чтобы выманить его изъ города и въ его отсутствіе произвести возстаніе, они вошли въ переговоры съ венеціанцами и венеціанскій сенатъ пригласилъ Остазіо и его сына на пиръ. Не смотря на всѣ увѣщанія маркграфа Николая, Остазіо послѣдовалъ приглашенію и тотчасъ по прибытіи въ Венецію былъ схваченъ вмѣстѣ съ сыномъ; измѣнники, подкупленные сенатомъ Венеціи, передали Равенну венеціанцамъ. Оба Полента не были казнены, какъ поступала венеціанская республика со всѣми владѣтелями завоеванныхъ ею городовъ, но отправлены плѣнниками на островъ Кандію, гдѣ и пресѣкся ихъ старинный родъ, прославленный Данте. Въ годъ завладѣнія Равенной и Пескіерой венеціанцы заключили новый миръ съ герцогомъ миланскимъ. Поводомъ къ этому послужило то обстоятельство, что наглость предводителей кондоттьеровъ, служившихъ у венеціанцевъ, въ особенности Пиччинино, заставила Филиппа Марію искать помощи у Франциска Сфорцы. Предводители стараго, больнаго и бездѣтнаго герцога, желая еще при жизни его раздѣлить между собой миланскія владѣнія, требовали каждый для себя извѣстнаго города и области, по этому Филиппъ Марія — какъ нѣкогда Юпитеръ, испугавшій страшнымъ Бріареемъ боговъ, составившихъ противъ него заговоръ, — рѣшился въ лицѣ Франциска Сфорцы посадить рядомъ съ собой на престолъ новаго Бріарея, который былъ бы грозою другихъ. Онъ вступилъ въ переговоры съ Францискомъ Сфорцою и предложилъ ему руку своей дочери Бланки: обѣщаніе, которое уже не разъ давалъ, но постоянно бралъ назадъ. Францискъ Сфорца согласился, и чтобы примиреніе его съ врагомъ не показалось совершенною

измѣною относительно Венеціи, позаботился о томъ, чтобы при заключеніи перемирія въ августѣ 1441 г. венеціанцамъ и союзникамъ ихъ были предложены выгодныя условія, если они также согласятся на миръ. 20 ноября миръ былъ заключенъ въ мантуанскомъ городѣ Капріанѣ. За мѣсяцъ передъ тѣмъ (25 октября) Сфорца женился на Бланкѣ и получилъ въ приданое города Понте Молле и Кремону. Условія капріанскаго мирнаго договора были крайне выгодны для Сфорцы и Венеціи; напротивъ, маркграфъ мантуанскій долженъ былъ уступить Венеціи города Порто, Леньяго, Ногаролу, Валеджіо, Азолато и Пескіеру. Когда Францискъ Сфорца вступилъ въ переговоры съ герцогомъ миланскимъ, венеціанцы наняли себѣ его близкаго родственника, Михаила Аттендоло ди Котиньолу; съ этихъ поръ онъ предводительствовалъ ихъ войскомъ и пріобрѣлъ себѣ громкую славу на ряду съ Пиччинино и Браччіо ди Монтоне.

Заключенный миръ былъ тотчасъ же нарушенъ вслѣдствіе союза папы съ королемъ Альфонсомъ, завладѣвшимъ наконецъ въ 1442 и 1443 г. Неаполемъ. Альфонсъ опасался, чтобы Францискъ Сфорца не предъявилъ притязанія на владѣнія, принадлежавшія ему и его отцу въ неаполитанскомъ королевствѣ, а папа хотѣлъ отнять у него анконскую мархію. По словамъ венеціанской хроники кажется, что даже нерѣшительный герцогъ миланскій разошелся въ 1442 г. съ своимъ зятемъ и соединился съ Альфонсомъ и папою противъ Венеціи и Флоренціи; по крайней мѣрѣ несомнѣнно, что борьба Пиччинино съ Сфорцою въ Церковной области дала въ 1442 г. возможность Альфонсу возвратить коронѣ города и владѣнія, отнятые у ней въ теченіе десяти послѣднихъ лѣтъ. Историки, современники этихъ событій, и даже кардиналъ Ренатъ въ его исторіи церкви чрезвычайно хвалятъ политику Альфонса и папы Евгенія IV; можетъ она и дѣйствительно согласовалась съ духомъ времени, но честной ее ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать. Это очевидно изъ одного перечня событій. Альфонсъ одновременно велъ переговоры съ Сфорцою и его противникомъ Пиччинино и наконецъ

соединился съ послѣднимъ, предложившимъ ему болѣе выгодныя условія. Папа слѣдовалъ той же системѣ. Чтобы возвратить себѣ анконскую мархію, онъ заключилъ миръ съ Альфонсомъ противъ Франциска Сфорцы, которому былъ обязанъ выгодными условіями послѣдняго мира, и точно также дѣйствовалъ относительно анжуйскаго дома. Гарантировавъ ему владѣніе Неаполемъ и наконецъ смѣшнымъ образомъ отдавъ Ренату даже Сицилію, Евгеній IV заключилъ 14 іюня 1443 г. союзъ съ Альфонсомъ, когда арагонскій король призналъ папу базельскаго собора Феликса и завоевалъ неаполитанское королевство; къ этому союзу приступилъ и герцогъ миланскій черезъ Пиччинино, не смотря на то, что онъ былъ направленъ противъ его зятя. Альфонсъ перестал поддерживать антипапу, призналъ Евгенія единственнымъ верховнымъ главою церкви и обѣщалъ очистить города, занятые неаполитанцами въ римскихъ владѣніяхъ, выслать на помощь папѣ противъ Сфорцы 4000 рыцарей и 1000 человѣкъ пѣхоты и присоединить шесть вооруженныхъ кораблей къ папскому флоту, отправлявшемуся на войну съ турками. Съ своей стороны Евгеній призналъ короля Альфонса законнымъ владѣтелемъ Неаполя и Сициліи, сохранивъ за собой права сюзерена и обязательства, принятыя старшимъ анжуйскимъ домомъ, и сверхъ того тайно обѣщалъ признать наслѣдникомъ престола побочнаго сына Альфонса, Фердинанда, сдѣланнаго герцогомъ калабрскимъ. Впослѣдствіи къ королевскому войску присоединился Пиччинино съ своими наемниками. По сохранившимся свѣдѣніямъ о численности войска обѣихъ сторонъ можно судить, какъ велико было число людей, занимавшихся тогда въ Италіи военнымъ ремесломъ. Пиччинино и Альфонсъ выступили во главѣ 30 т. войска противъ Франциска Сфорцы, предводительствовавшаго 8 т. человѣкъ; такимъ образомъ въ войнѣ за мархію участвовало до 40 т. солдатъ. Большая часть мархіи была завоевана противниками Франциска Сфорцы и папа возвратилъ себѣ свои владѣнія. Когда въ концѣ года (1443 г.) Францискъ Сфорца оказался въ очень критическомъ положеніи, герцогъ миланскій

рѣшился поддержать своего зятя; въ этомъ случаѣ, кромѣ обычной его политики стараться поддерживать равновѣсіе между предводителями наемниковъ, Филиппъ Марія руководился и другою причиною. Его дочь—въ то время, какъ ея мужъ былъ отрѣзанъ въ Фано, — родила сына, названнаго дѣдомъ Галеаццо Маріею, что доказывало его намѣреніе оставить новорожденному свое наслѣдство. Другою причиною, вызвавшею перемѣну настроенія герцога, было отпаденіе Болоньи отъ герцога по винѣ Пиччинино и заключеніе ею союза съ Флоренціей и Венеціей. Пиччинино согласился на возстановленіе самостоятельнаго внутренняго управленія города и позволилъ возвратиться изгнаннымъ членамъ фамиліи Бентиволіо (т. IX, стр. 351). Сынъ Пиччинино, Франческо, командовавшій болонскимъ гарнизономъ, находя, что Ганнибалъ Бентиволіо и другіе потомки древнихъ владѣтелей Болоньи пользуются бо̀льшей властью, чѣмъ онъ, велѣлъ однажды арестовать Ганнибала Бентиволіо, Джіованни ди Фантуцци, Ромео ди Пеполи, Гаспара ди Малавицци и его сына Ахиллеса, и трехъ изъ нихъ отправилъ въ замокъ Пеллегрину, находившійся въ піаченцскихъ владѣніяхъ. Правительство (gli anziani) Болоньи вступилось за своихъ согражданъ и отправило депутацію къ герцогу миланскому и къ его полководцу Николаю Пиччинино; оба наобѣщали съ три короба, но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а объ исполненіи обѣщанія не было и помину. Наконецъ Франческо Пиччинино явно выказалъ намѣреніе уничтожить свободу Болоньи: онъ наложилъ на городъ контрибуцію и потребовалъ у правительства ключи отъ различныхъ воротъ. Тогда нѣсколько энергичныхъ молодыхъ людей,—какъ это подробно разсказано въ болонской хроникѣ, находящейся въ собраніи Муратори,—освободили Ганнибала Бентиволіо изъ башни, въ которой онъ содержался, возвратились съ нимъ въ Болонью и овладѣвъ при извѣстномъ крикѣ свободы „popolo! popolo!“ дворцомъ, арестовали Франческо Пиччинино и его солдатъ (іюнь, 1443 г.). Другой миланскій предводитель Людовикъ ди Верме спасся съ своимъ отрядомъ и готовился напасть на городъ; аттако-

ванный болонцами подъ предводительствомъ Ганнибала Бентиволіо, онъ былъ разбитъ при Понте Полледрано и потерялъ въ сраженіи 2 т. человѣкъ и весь обозъ. Вслѣдъ за тѣмъ Франческо Пиччинино былъ обмѣненъ на обоихъ Мальвецци, захваченныхъ вмѣстѣ съ Бентиволіо. Вновь провозглашенная республикой, Болонья, во главѣ правительства которой сталъ Ганнибалъ Бентиволіо, заключила союзъ съ Флоренціей и Венеціей; субсидіи, присланныя обѣими республиками, дали возможность уничтожить обоихъ Пиччинино. Они были разбиты Сфорцою и Франческо Пиччинино снова попался въ плѣнъ. Николай Пиччинино не долго пережилъ свое несчастье; призванный Филиппомъ Маріею въ Миланъ, онъ умеръ тамъ въ октябрѣ 1444 г.

Перемѣна политики герцога миланскаго заставила папу усумниться въ возможности побѣдить Франциска Сфорцу въ союзѣ съ неаполитанскимъ королемъ, тѣмъ болѣе что Альфонсъ тогда заболѣлъ. По этому онъ обратился къ посредничеству венеціанцевъ и флорентинцевъ и заключилъ въ 1444 г. миръ, по которому уступалъ Сфорцѣ всю мархію, кромѣ Озимо, Реканати, Фабріано и Анконы, вмѣстѣ съ титуломъ маркграфа. Этотъ миръ продолжался однако не долго; Францискъ Сфорца и его тесть зорко слѣдили другъ за другомъ, и наконецъ Филиппъ Марія заключилъ союзъ со всѣми тайными и явными врагами своего зятя (1445 г.). Тѣснимый со всѣхъ сторонъ папою, королемъ Альфонсомъ и владѣтелями городовъ, занимавшимися продажею наемниковъ какъ ремесломъ, Сфорца снова потерялъ всю мархію, и въ началѣ 1446 г. былъ отлученъ папою отъ церкви. Но когда его тесть велѣлъ Пиччинино и Людовику да Верме снова присоединить къ своимъ владѣніямъ Кремону, отданную Сфорцѣ въ приданое за женою, и такимъ образомъ открыто нарушилъ миръ, заключенный съ Флоренціей и Венеціей, флорентинцы, т. е. Косьма Медичи и владычествовавшая тогда во Флоренціи партія, рѣшились дѣйствовать противъ него. Они и венеціанцы наняли у итальянскихъ владѣтелей, отдававшихъ людей въ наймы, большое войско и отправили его подъ

начальствомъ предводителя венеціанскихъ наемниковъ Михаила Аттендоло Котиньолы на помощь осажденной Кремоны. Уже въ іюнѣ 1446 г. Карлъ Гонзага, одинъ изъ предводителей герцогскаго войска, былъ разбитъ при Кастельджіованни, а два мѣсяца спустя Котиньола принудилъ Франческо Пиччинино снять осаду Кремоны. Наконецъ 29 сентября Пиччинино потерпѣлъ рѣшительное пораженіе при Казальмаджіоре; при этомъ, какъ обыкновенно бывало въ то время въ Италіи, войско его было только ограблено и разсѣяно и отняты лошади, но солдатъ погибло немного. При дѣлежѣ 4 т. лошадей, отнятыхъ у плѣнныхъ, Михаилъ Котиньола получилъ 400 паръ; остальныя были отданы другимъ предводителямъ, соотвѣтственно числу ихъ наемниковъ. По словамъ венеціанской хроники шесть предводителей были владѣтелями отдѣльныхъ городовъ и графствъ, въ ихъ числѣ находились два могущественные маркграфа. Послѣ казальмаджіорской побѣды венеціанцы хотѣли занять всѣ миланскія владѣнія, какъ заняли прежде Бергамо, Брешію, Верону, Виченцу и Падую, но сдѣлали большую ошибку, отправивъ Котиньолу противъ Лекко, гдѣ онъ сорокъ дней оставался въ бездѣйствіи. Герцогъ миланскій искалъ вездѣ помощи: онъ обращался къ папѣ и къ Альфонсу, только въ декабрѣ приславшимъ ему 4 т. лошадей, даже къ Карлу VII Французскому, обѣщая, что за помощь съ его стороны герцогъ орлеанскій, изъявлявшій притязанія на наслѣдство Висконти, получитъ городъ Асти; но прежде всего Филиппъ Марія призвалъ своего зятя Франциска Сфорцу. Онъ послалъ ему денегъ для вербованія большаго числа наемниковъ и возобновилъ свое обѣщаніе оставить ему въ наслѣдство миланское герцогство. Переговоры Франциска Сфорцы съ герцогомъ миланскимъ заставили флорентинцевъ и венеціанцевъ очень недовѣрчиво смотрѣть на него; по этому онъ искалъ союза съ папою и Альфонсомъ. При этомъ ему благопріятствовало то обстоятельство, что въ февралѣ 1447 г. умеръ Евгеній IV и его мѣсто занялъ епископъ болонскій подъ именемъ Николая V, человѣкъ безъ аристократическихъ племянниковъ и креатуръ. Старанія новаго папы водворить

миръ были разрушены герцогомъ миланскимъ. Снова подозрѣвая своего зятя, онъ прекратилъ высылку денегъ и не впустилъ навербованное Сфорцою войско въ Миланъ, но велѣлъ ему двинуться въ брешіанскія и венеціанскія владѣнія, а это дало поводъ венеціанцамъ напасть на Кремону, Пентремоли и Крему, составлявшія приданое Бланки, въ то время какъ Сфорца былъ задержанъ въ мархіи. Четвертаго марта 1447 г. Котиньола появился у Кремоны, но встрѣтивъ сильное сопротивленіе, отступилъ и расположился лагеремъ близь Милана; тогда герцогъ снова призвалъ на помощь Франциска Сфорцу. Успѣхи венеціанцевъ возбудили зависть въ флорентинцахъ и партія Медичи рѣшилась поддержать Сфорцу. Филиппъ Марія послалъ своему зятю денегъ для новыхъ вооруженій и просилъ короля Альфонса и папу также помочь ему деньгами. Но они отказали въ его просьбѣ и Сфорца долженъ былъ продать папѣ свое послѣднее владѣніе въ мархіи — городъ Іезіо. Затѣмъ онъ двинулся изъ Пезаро въ Миланъ, куда его войско вступило уже по смерти Филиппа Маріи, послѣдовавшей 13 августа 1447 г.

По смерти Филиппа Маріи на герцогство миланское, бывшее леномъ германской имперіи, явились три претендента, хотя никто не имѣлъ на него законныхъ правъ. Однимъ изъ нихъ былъ Францискъ Сфорца какъ мужъ Бланки; но притязанія его на наслѣдство мужескаго лена были бы неосновательны даже и въ томъ случаѣ, еслибы Бланка была законной дочерью герцога. Другимъ претендентомъ явился герцогъ орлеанскій Карлъ, отецъ французскаго короля Людовика XII, тотчасъ же занявшій 3 тысячами всадниковъ городъ Асти и основывавшій свои претензіи на томъ, что его отецъ былъ женатъ на дочери Іоанна Галеаццо Висконти (т. VIII, стр. 498). Наконецъ третьимъ былъ неаполитанскій король Альфонсъ, составившій себѣ партію въ правительствѣ Филиппа Маріи. Приверженцы третьяго претендента опирались на завѣщаніе, будто бы составленное герцогомъ въ пользу короля Альфонса; но Филиппъ Марія ни въ какомъ случаѣ не имѣлъ права распоряжаться

герцогствомъ, какъ своимъ помѣстьемъ. Нѣкоторые изъ предводителей наемниковъ школы Браччіо, боясь преобладанія сфорцесковъ, сдѣлали попытку доставить Альфонсу владычество надъ Миланомъ, прежде чѣмъ распространилось извѣстіе о смерти герцога, и для этого воспользовались случайнымъ присутствіемъ Раймонда Бойле, явившагося на помощь герцогу изъ Апуліи съ неаполитанскими наемниками. Раймондъ завладѣлъ дворцомъ и цитаделью, вывѣсилъ на первомъ арагонскій флагъ, но подкупленный четырьмя миланскими патриціями, провозгласившими республику, согласился выступить изъ Милана. Въ Миланѣ и во всѣхъ большихъ городахъ Италіи фамиліи патриціевъ не потеряли своего значенія даже при военномъ владычествѣ тирановъ; по смерти Филиппа Маріи четверо изъ нихъ рѣшились возстановить демократическую республику. Они подкупили главнокомандующаго короля Альфонса, сдавшаго имъ всѣ укрѣпленные пункты въ городѣ и его окрестностяхъ, велѣли тотчасъ же срыть ихъ и отправили посольство къ венеціанцамъ для заключенія съ ними союза. Изъ миланскихъ городовъ къ новой республикѣ присоединились Новара, Алессандрія и Комо; Павія учредила собственное правительство, Тортона также отдѣлилась отъ Милана, а Парма вошла въ переговоры съ Францискомъ Сфорцою, прося у него покровительства. Неурядицею въ миланскомъ герцогствѣ воспользовались венеціанцы, чтобы расширить предѣлы своихъ владѣній: они взяли Лоди и, согласно своей политики никогда не исполнять обѣщаннаго, предложили городу Піаченцѣ выгодныя условія, если онъ станетъ подъ ихъ покровительство. Но мудрое правительство Венеціи сдѣлало тогда большую ошибку; думая, что миланскіе патриціи, учредившіе демократическую республику, не удержатся, оно отвергло ихъ предложенія о союзѣ, хотя и не смѣло тотчасъ же напасть на Миланъ. Получивъ отказъ Венеціи, миланцы обратились къ Франциску Сфорцѣ, находившемуся въ Кремонѣ, не для того, чтобы признать его наслѣдникомъ и преемникомъ его зятя, но съ предложеніемъ принять начальство надъ ихъ войскомъ. Сфорца былъ хитрѣе венеціанцевъ, которые

вступленіемъ въ союзъ могли точно такъ же достигнуть господства надъ Миланомъ, какъ сдѣлался его властителемъ Сфорца, принявъ званіе главнокомандующаго. Согласившись на предложеніе миланцевъ, Сфорца съумѣлъ привлечь на свою сторону старинныхъ враговъ и завистниковъ своей фамиліи, Франческо Піччинино и его брата Джакопо вмѣстѣ съ ихъ наемниками и затѣмъ прежде всего устремилъ свое вниманіе на Павію. Комендантъ крѣпости, родомъ изъ Болоньи, продалъ себя и городъ Сфорцѣ; но павійцы, чтобы не зависить отъ Милана, подчинились владѣтелю Кремоны, который долженъ былъ принять титулъ графа павійскаго. Миланцы были въ высшей степени недовольны злоупотребленіями своего предводителя, но получивъ вторичный отказъ отъ Венеціи, должны были принять извиненія Сфорцы, чтобы не сдѣлаться жертвою венеціанцевъ, войско которыхъ подъ предводительствомъ Котиньолы все еще занимало герцогство миланское. Нападеніемъ на это войско Францискъ Сфорца привелъ бы дѣло къ скорой развязкѣ, но онъ и не думалъ объ этомъ, а напротивъ того устремился съ миланскими наемниками на Піаченцу, изъ которой предполагалъ основать для себя особое владѣніе или графство. При осадѣ Піаченцы снова обнаруживается, что въ то время вся Италія, какъ во времена римскихъ императоровъ, зависѣла отъ искателей приключеній и предводителей разбойниковъ, и даже войска Венеціи, Флоренціи, короля Альфонса и папы состояли только изъ наемниковъ. При осадѣ Піаченцы въ войскѣ Франциска Сфорцы участвовали оба брата Пиччинино, владѣтель Фаэнцы, Гвидаццо, Гонзага Мантуанскій, Александръ Сфорца, графъ Людовикъ да Верме, графъ Долче ди Ангвиллара и многіе другіе предводители, вступившіе къ нему въ службу. Какого рода были эти солдаты и какихъ принциповъ держались ихъ предводители, не исключая самого Сфорцы, обнаружилось вполнѣ, когда дикія ватаги, осаждавшія Піаченцу съ октября, 15 и 16 ноября взяли приступомъ городъ. Съ дозволенія Сфорцы они сорокъ дней производили такія неистовства въ завоеванномъ городѣ, что даже панегиристъ Сфорцы, Симонетта, соглашается въ

этомъ, дѣлая оговорку, что Сфорца все таки послалъ вспомоществованіе монахинямъ и велѣлъ повѣсить нѣсколькихъ разбойниковъ. Церкви, монастыри и частные дома были разграблены, женщины и дѣвушки изнасилованы, всѣ граждане, которые были въ состояніи заплатить выкупъ, подверглись жестокому обращенію. Городъ уже никогда болѣе не достигалъ своего прежняго блеска. Впрочемъ, словъ Рипальты, составителя хроники Піаченцы, о томъ, что 1100 его соотечественниковъ и въ томъ числѣ самъ онъ были проданы въ рабство, не нужно понимать буквально, какъ это сдѣлалъ Сисмонди; слова эти означаютъ только, что 1100 человѣкъ должны были тяжелымъ трудомъ добывать себѣ деньги, требуемыя за ихъ освобожденіе.

Одна изъ партій въ Миланѣ хотѣла провозгласить Франциска Сфорцу герцогомъ, другая, болѣе могущественная, напротивъ, зорко слѣдила за каждымъ его шагомъ и въ началѣ слѣдующаго года даже отняла у него неограниченное начальство надъ войскомъ, предоставленное ему правительствомъ. Съ этихъ поръ онъ сталъ дѣйствовать медленнѣе и не извлекъ тѣхъ выгодъ, какихъ могъ бы достигнуть изъ побѣдъ, одержанныхъ въ 1447 году, а зимой отправился въ Кремону и только въ маѣ 1448 г. снова выступилъ въ походъ. Еще въ концѣ 1447 г. миланцы стали опасаться своего полководца гораздо болѣе, чѣмъ враговъ, и предложили венеціанцамъ заключить миръ на выгодныхъ для нихъ условіяхъ; переговоры были совсѣмъ окончены, когда заключенію трактата помѣшала интрига. Во время отсутствія Сфорцы изъ Кремоны венеціанцы напали на этотъ городъ, геройскимъ образомъ защищаемый его женою Бланкою. За это нападеніе Францискъ отмстилъ впослѣдствіи венеціанцамъ при Казальмаджіоре: онъ напалъ на ихъ флотъ, стоявшій на По, и уничтожилъ его въ виду венеціанскаго войска, предводительствуемаго Котиньолой. По уничтоженіи венеціанскаго флота Сфорца осадилъ въ августѣ Караваджіо. Для спасенія этого города венеціанцы рѣшились прибѣгнуть къ крайнему средству; не смотря на то, что Котиньола и всѣ опытные полководцы не хо-

тѣли вступать въ открытое сраженіе съ своимъ смѣшаннымъ войскомъ, сенаторы и патриціи, присутствовавшіе въ войскѣ какъ уполномоченные отъ правительства, велѣли дать 15-го сентября 1448 года рѣшительное сраженіе при Караваджіо. Это сраженіе замѣчательнѣе всѣхъ, происходившихъ въ Италіи въ теченіе XV столѣтія. Со своими закаленными наемниками Сфорца одержалъ блистательную побѣду надъ венеціанскимъ войскомъ, численность котораго простиралась до 24 т. человѣкъ. Все венеціанское войско было разсѣяно, хотя мы и не вѣримъ свидѣтельству брешіанской хроники, будто изъ 12 тыс. венеціанскихъ всадниковъ спаслось только 1500 человѣкъ. Убитыхъ въ этотъ сраженіи также было немного, потому что побѣдители, по обычаю тогдашнихъ наемниковъ, довольствовались взятіемъ въ плѣнъ людей, у которыхъ потомъ отнимали лошадей и оружіе, а ихъ самихъ заставляли выкупаться. Послѣ пораженія при Караваджіо, втораго великаго полководца венеціанцевъ, счастливо предводительствовавшаго ихъ войскомъ, постигла та же участь, какъ и перваго, съ тою только разницею, что его не казнили. По приказанію венеціанскаго сената Котиньола былъ отданъ подъ судъ и изгнанъ въ свои владѣнія, гдѣ продолжалъ получать незначительный пенсіонъ. Вмѣсто него венеціанцы поручили Пасквалю Малипіери снова сформировать и вооружить наемниковъ, у которыхъ непріятели отняли лошадей и оружіе. Францискъ Сфорца также поссорился послѣ сраженія съ уполномоченными миланскаго правительства, находившимися въ его войскѣ. Перейдя Ольо и впущенный во всѣ замки страны, онъ хотѣлъ двинуться на городъ Брешію, обѣщанный ему миланцами; но уполномоченные правительства потребовали, какъ уже сдѣлали однажды въ самомъ началѣ похода, чтобы онъ взялъ прежде Лоди. Не довѣряя Сфорцѣ, они впослѣдствіи отправили противъ Лоди одного изъ Пиччинино. Сфорца тотчасъ же началъ переговоры о мирѣ съ венеціанцами. И знаменитый кондоттьеръ и аристократическая республика дѣйствовали по одинаковымъ принципамъ т. е. вѣрнѣе не имѣли никакихъ; они мѣняли своихъ союзниковъ, смотря по

тому, чего требовали ихъ интересы, и обѣщали многое, заранѣе увѣренные, что не исполнятъ своихъ обѣщаній. Сфорца двинулъ на Лоди всѣхъ наемниковъ изъ школы Браччіо и сыновей Пиччинино, на которыхъ браччески смотрѣли какъ на наслѣдниковъ талантовъ стараго Браччіо, и чрезъ своего секретаря Симонетту, дядю историка того же имени, панегириста дѣяній Франциска Сфорцы, вступилъ въ переписку съ новымъ предводителемъ венеціанцевъ. Обѣ стороны скоро договорились объ условіяхъ мира, заключеннаго черезъ 33 дня послѣ сраженія при Караваджіо (18 октября 1448 г.); жертвою его была миланская республика. Сфорца обѣщалъ освободить всѣхъ плѣнныхъ, очистить всѣ завоеванные имъ города въ областяхъ Бергамо и Брешіи, отказаться отъ всѣхъ притязаній, которыя предъявляли Висконти на территорію Кремы и Гіару д'Адда, и предоставить эти мѣстности венеціанцамъ. За это Венеція обязалась помочь ему завладѣть всей страной, находившейся подъ властью Филиппа Маріи, выставить 4 т. всадниковъ и 2 т. человѣкъ пѣхоты и платить ежемѣсячно 13 тыс. дукатовъ до тѣхъ поръ, пока онъ не сдѣлается властителемъ Милана.

Заключивъ миръ съ венеціанцами, Сфорца обратился съ рѣчью къ солдатамъ, представилъ имъ, какъ это обыкновенно дѣлается, поступки миланцевъ въ самомъ отвратительномъ свѣтѣ и прельстилъ ихъ надеждою богатой добычи. Наемники встрѣтили его слова съ восторгомъ. Вскорѣ однако пришло извѣстіе, что въ тотъ день, какъ онъ заключилъ миръ съ венеціанцами, Лоди сдался миланцамъ, а Карлъ Гонзага съ 1200 всадниковъ и 500 человѣкъ пѣхоты оставилъ ночью свой лагерь, чтобы сохранить вѣрность миланцамъ. Большинство остальныхъ предводителей наемниковъ, находившихся въ миланской службѣ, и множество городовъ, подчинившихся республиканскому правительству Милана, отпали отъ послѣдняго и признали Франциска Сфорцу наслѣдникомъ его тестя. Тогда Сфорца потребовалъ съ угрозами отъ республики, которой служилъ до сихъ поръ по найму, чтобы она признала его своимъ законнымъ владѣтелемъ. Монархическо-аристократическая партія въ Миланѣ или такъ

называемые гибеллины были не прочь впустить его въ городъ и вожди ихъ тайно переписывались съ нимъ; но гвельфы и Карлъ Гонзага, пользовавшійся массами для своихъ цѣлей, рѣшительно противились этому. Послѣдняя партія преслѣдовала гибеллиновъ какъ измѣнниковъ, поджигала народъ и въ 1449 году образовала изъ него войско, чтобы противопоставить вооруженную силу наемникамъ, стекавшимся со всѣхъ сторонъ къ Сфорцѣ. Войско изъ гражданъ сдѣлалось рѣдкостью въ Италіи и не имѣло никакого военнаго значенія, хотя миланцы и хвалятся, что ополченіе ихъ простиралось до 60 тыс. человѣкъ и что 20 тысячъ изъ нихъ были вооружены винтовками. Еще въ концѣ 1448 года Сфорца показался вблизи Милана, а венеціанцы отправили къ нему обѣщанныя по договору вспомогательныя войска и по собственному побужденію двинулись на Крему и Гіару д'Адда. Въ мартѣ 1449 года онъ уже стоялъ противъ миланскаго ополченія, но рѣшительнаго сраженія не произошло, потому что обѣ стороны избѣгали его; такимъ образомъ въ теченіе бо́льшей половины года война ограничивалась осадою различныхъ городовъ. Завладѣвъ Лоди, венеціанцы показали новый примѣръ своей коварной политики. Боясь, чтобы Сфорца не подчинилъ себѣ всей Ломбардіи, они согласились на предложенія мира, сдѣланныя имъ тремя миланскими аристократами, и 27 сентября 1449 года въ Брешіи былъ заключенъ договоръ между венеціанской и миланской республиками. Въ этотъ договоръ венеціанцы ввели между прочимъ условія, повидимому выгодныя Сфорцѣ, но въ дѣйствительности дѣлавшія невозможнымъ соединеніе цѣлаго миланскаго герцогства подъ властью одного воинственнаго князя. Они предложили, чтобы Францискъ Сфорца наслѣдовалъ отъ Висконти Новару, Тортону, Алессандрію, Павію, Парму и Кремону, а чтобы Миланъ, Комо, Беллинцона и одинъ изъ береговъ Адды остались подъ республиканскимъ управленіемъ. Сфорца, отвергнувъ эти условія, потребовалъ себѣ города Милана, и вслѣдствіе того въ концѣ ноября 1449 г. между нимъ и Венеціей возгорѣлась война; въ декабрѣ онъ разбилъ въ горахъ при Бріанцѣ

обоихъ Малатеста, предводительствовавшихъ войскомъ венеціанцевъ. Король Альфонсъ также замѣшался въ войну съ Венеціей. Еще въ годъ смерти герцога Филиппа Маріи онъ вторгнулся въ Тоскану подъ тѣмъ предлогомъ, что союзница Флоренціи, венеціанская республика напала на его союзника, герцога миланскаго, но вторженіе его не имѣло никакихъ результатовъ; между тѣмъ въ томъ же году папа Николай V былъ добровольно признанъ сюзереномъ города Болоньи, епископомъ которой онъ былъ прежде. Относительно Альфонса и флорентинцевъ венеціанцы тоже слѣдовали странной политикѣ. Въ 1448 г. Альфонсъ велъ войну съ флорентинцами вслѣдствіе ихъ союза съ Венеціей и выгналъ изъ своего государства всѣхъ венеціанцевъ, а вслѣдъ затѣмъ соединился съ Венеціей, чтобы недопустить Сфорцу сдѣлаться владѣтелемъ Милана. Миланской республики тоже пришлось испытать коварную политику венеціанцевъ. Аристократы Венеціи старались съ одной стороны препятствовать переговорамъ миланцевъ съ Сфорцою, а вмѣстѣ съ тѣмъ только слабо поддерживали первыхъ, чтобы принудить ихъ отдаться венеціанцамъ изъ страха передъ военнымъ владычествомъ Сфорцы. Вслѣдствіе того городъ Миланъ оставался осажденнымъ въ теченіе всей зимы 1449 г. Еще въ началѣ зимы Сфорца могъ бы пойти на приступъ города, но, не желая употреблять открытаго насилія, хотѣлъ голодомъ вынудить его къ добровольной сдачѣ. Въ январѣ и февралѣ 1450 г. въ городѣ оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и тысячи умирали съ голоду; не смотря на это, правительство и большинство гражданъ Милана съ республиканской гордостью отвергли всѣ предложенія Сфорцы. Убѣдившись наконецъ въ невозможности отстоять свою независимость и сохранить республиканскую форму правленія, миланцы все таки не думали покориться деспотическому кондоттьеру и, чтобы избавиться отъ него, хотѣли подчиниться венеціанской республикѣ или королю Альфонсу, или наконецъ папѣ. Такъ сильно было отвращеніе ихъ къ Сфорцѣ. Чтобы заставить правительство скорѣй рѣшить дѣло, нѣсколько сотъ гражданъ бросились 25 февраля въ ратушу, разогнали

членовъ правительства и разорвали венеціанскихъ пословъ, уговаривавшихъ ихъ успокоиться. Впрочемъ они не предпринимали затѣмъ ничего особеннаго, но смѣнили правительство и на слѣдующій день созвали народное собраніе въ церкви Санта Марія делла Скала. Въ этомъ собраніи сначала никто не осмѣлился сдѣлать предложенія о начатіи переговоровъ съ Сфорцою: говорили о Венеціи, папѣ, Альфонсѣ, савойскомъ герцогѣ, только не о Сфорцѣ. Подъ конецъ однако вышелъ Гаспаръ ди Вимеркато и сказалъ голодной толпѣ, что только Сфорца можетъ въ сію же минуту пособить ихъ нуждѣ. Убѣжденный этими словами, народъ по предложенію Вимеркато отправилъ посольство въ непріятельскій лагерь съ предложеніемъ Сфорцѣ явиться въ городъ безъ всякихъ условій, обезпечивающихъ гражданскую свободу. Затѣмъ Сфорца былъ введенъ въ Миланъ при радостныхъ крикахъ миланцевъ; впослѣдствіи онъ вторично въѣхалъ съ торжествомъ въ городъ вмѣстѣ съ своей женою. Примѣру Милана послѣдовали Монца, Комо и Беллинцона, признавшіе его своимъ владѣтелемъ. Сфорца принялъ титулъ герцога миланскаго, не спросивъ на то согласія императора Фридриха III, который поэтому и не заѣхалъ въ Миланъ, проѣзжая въ 1452 г. на коронацію въ Римъ. Стараніями своего новаго герцога миланцы достигли тотчасъ же двухъ важныхъ вещей: отстраненія недостатка въ съѣстныхъ припасахъ и мира съ флорентинцами, прежними врагами республиканскаго правительства Милана. Сфорца велѣлъ тотчасъ же навезти припасовъ изъ всѣхъ ломбардскихъ городовъ, а Флоренція первая изъ всѣхъ государствъ привѣтствовала новаго герцога, котораго не признавали ни императоръ Фридрихъ, ни французскій король; послѣдній смотрѣлъ на него какъ на узурпатора, захватившаго наслѣдство Висконти, принадлежавшее герцогу орлеанскому. Флорентинцы отправили послами въ Миланъ самыхъ богатыхъ и знатнѣйшихъ своихъ гражданъ: сына Косьмы Медичи— Петра, Нери Каппони, Людовика Питти и Діотисальви Негри. Послы были торжественно приняты и по порученію своей республики заключили тѣсную дружбу съ новымъ герцогомъ, тогда какъ

прежде въ союзѣ съ Венеціей воевали противъ миланской республики. Съ этой минуты въ Италіи водворилось на нѣкоторое время спокойствіе. Здѣсь мы прервемъ исторію Италіи, которая не смотря на постоянную войну достигла тогда изумительной степени благосостоянія и довела искусства, науки, торговлю и ремесла до высокаго развитія, но вслѣдъ затѣмъ была остановлена въ своемъ національномъ движеніи потокомъ французскихъ и испанскихъ событій. Обрисуемъ только въ нѣсколькихъ словахъ то положеніе, съ котораго мы начнемъ послѣдующее изложеніе итальянской исторіи.

Перемиріе, наступившее въ 1450 г. въ верхней и средней Италіи, не было предварительно условлено и не основывалось на мирѣ; оно установилось само собою, потому что Сфорца боялся богатства Венеціи, а венеціанцы его оружія. Въ слѣдующемъ году война снова возгорѣлась и сначала казалось, что она будетъ страшнѣе, чѣмъ прежняя: Венеція заключила союзъ съ королемъ Альфонсомъ, Людовикомъ Савойскимъ, маркграфомъ монферратскимъ и городомъ Сіенною, а новый герцогъ миланскій соединился съ генуезцами, флорентинцами и маркграфомъ мантуанскимъ. Венеціанцы до того были озлоблены на Флоренцію, что выгнали изъ своего города всѣхъ флорентинцевъ, не имѣвшихъ особыхъ привилегій. Они старались также произвести революцію въ Болоньи возвращеніемъ фамиліи Канедоло и многочисленныхъ ея приверженцевъ, бывшихъ въ изгнаніи, но эта попытка не удалась. Исторія незначительной войны, веденной съ 1451 по 1453 г. въ Ломбардіи и Тосканѣ упомянутыми государствами или вѣрнѣе ихъ союзниками, не стоитъ того, чтобы о ней говорить. Папа Николай V употреблялъ всѣ усилія, чтобы возстановить въ Италіи общій миръ; вслѣдствіе опасности, угрожавшей венеціанцамъ и сѣверной Италіи по завоеваніи Константинополя турками, старанія его имѣли подъ конецъ гораздо больше успѣха, чѣмъ казалось въ началѣ. Еще въ 1453 г. Николай обнародовалъ посланіе ко всѣмъ христіанскимъ королямъ и князьямъ, убѣждая ихъ заключить между собой миръ и пойти войною на турокъ, но въ особенности старался дѣйствовать на герцога миланскаго, на

венеціанцевъ, флорентинцевъ и генуезцевъ и уговаривалъ ихъ отправить пословъ въ Римъ, чтобы дать возможность главѣ христіанскаго мира возстановить общій миръ между итальянскими князьями. Однако миръ не былъ заключенъ и въ теченіе всего 1453 г. война свирѣпствовала на сѣверозападѣ Ломбардіи, куда Франциккъ Сфорца призвалъ французовъ и герцога Лотарингскаго Рената, чтобы успѣшнѣе бороться на востокѣ съ венеціанцами, а на западѣ съ Людовикомъ Савойскимъ, Вильгельмомъ Монферратскимъ и владѣтелями Корреджіо. Въ слѣдующемъ году (1454 г.) венеціанцы чрезъ посредничество августинскаго монаха убѣдили Симонетту ди Камерино, пользовавшагося большимъ вліяніемъ не только у нихъ, но и у герцога миланскаго, уговорить враждебныя стороны заключить между собой миръ, подъ тѣмъ предлогомъ что Италіи угрожала война съ турками. Девятаго апрѣля 1454 г. миръ былъ подписанъ въ Лоди; къ нему приступили всѣ союзники герцога и венеціанцевъ. По условію его Сфорца удержалъ Гіару д'Адда, возвративъ за то венеціанцамъ все, чѣмъ завладѣлъ въ округахъ Брешіи и Бергамо; Карлъ Гонзага получилъ обратно всѣ свои крѣпости. Согласно своей обычной политикѣ венеціанцы по тайной статьѣ договора отказались отъ своихъ союзниковъ— Людовика Савойскаго, Вильгельма Монферратскаго, его брата Іоанна и владѣтелей Корреджіо, которые въ томъ же году были вынуждены принять условія, предписанныя имъ герцогомъ миланскимъ. Король Альфонсъ не соглашался приступить къ миру, заключенному его союзниками, уже по той одной причинѣ, что Францискъ Сфорца для достиженія личныхъ выгодъ призвалъ въ Италію двухъ потомковъ анжуйскаго дома, изъявлявшихъ притязанія на Неаполь. Мы уже говорили, что въ 1453 г. старикъ Ренатъ явился въ Ломбардію съ отрядомъ французскихъ искателей приключеній; но они такъ безчинствовали и дѣлали такія мерзости, что имя французовъ стало ненавистнымъ, а добрый старикъ Ренатъ не хотѣлъ долѣе оставаться между ними и вернулся во Францію. Вмѣсто него весной 1454 г. явился въ Италію его сынъ Іоаннъ, принявшій титулъ герцога калабрскаго, т. е. наслѣдника Неаполя;

флорентинцы приняли его въ свой городъ и оказали ему поддержку. Вскорѣ однако претендентъ на Неаполь долженъ былъ вернуться за Альпы, потому что 30 августа того же года на основаніи лодійскаго мира Венеція, Флоренція и Миланъ заключили между собой союзъ, въ который вошли города Болонья и Борзо д'Есте и къ которому союзники уговаривали приступить короля Альфонса. Альфонсъ долго не соглашался подписать мирный договоръ, но осаждаемый просьбами своего сюзерена папы Николая V, согласился наконецъ 22 января 1455 года приступить къ лодійскому миру. Вскорѣ онъ присоединился и къ союзу, заключенному между герцогомъ миланскимъ, венеціанцами и флорентинцами. Папа Николай также хотѣлъ приступить къ этому союзу, надѣясь такимъ образомъ удержать турокъ отъ Италіи, но умеръ 24 марта. Въ 1455 г. общій миръ не былъ еще водворенъ въ Италіи. Спокойствіе было нарушаемо не только Джакопо Пиччинино, его бандами, распущенными венеціанцами и вообще праздношатавшимися наемниками, но и самъ Альфонсъ, приступая къ миру, формально объявилъ, что остается въ войнѣ съ Генуей, Сигизмундомъ Малатестою и Асторре ди Манфреди. Альфонсъ дѣлалъ постоянные набѣги на сіенскую республику. Даже по возстановленіи въ 1456 г. спокойствія въ остальной Италіи, король Альфонсъ продолжалъ морскую войну съ Генуей. Умирая въ 1458 г., онъ оставилъ неаполитанское королевство своему побочному сыну Фердинанду, а Сицилію и Арагонію своему брату Іоанну. Этотъ раздѣлъ вызвалъ перевороты, сдѣлавшія Италію полемъ битвы между французами и испанцами.

ОБРАЗОВАНІЕ И ЛИТЕРАТУРА

ПОСЛѢДНЕЙ ПОЛОВИНЫ XIV И ПЕРВОЙ XV СТОЛѢТІЯ.

А. Греки по отношенію къ процвѣтанію наукъ и искусствъ въ Италіи.

1. Личности.

Въ нашемъ очеркѣ литературы и образованности слѣдовало бы собственно держаться той же системы, какъ и въ политической исторіи первой половины XIV столѣтія, т. е. сначала сказать о византійцахъ и туркахъ, потомъ о нѣмцахъ и подъ конецъ объ итальянцахъ; но, предназначая этотъ трудъ не для спеціалистовъ, мы обойдемъ турецкую литературу и только поверхностно коснемся литературы византійской или греческой. Греческая литература, принадлежавшая совершенно иному времени и отчасти совершенно другому народу—древнимъ, чистымъ грекамъ, а не смѣси народовъ, называемыхъ византійцами, умерла вмѣстѣ съ греками и воскресла на западѣ въ новомъ, измѣненномъ видѣ. По этому мы ограничимся перечнемъ тѣхъ изъ византійцевъ, которые до и по завоеваніи Константинополя перенесли на западъ Европы науку и вообще цивилизацію древнихъ грековъ, ихъ теоретическую и практическую мудрость,

ихъ поэзію, философію и грамматику. Но и объ этихъ людяхъ, учившихъ на латинскомъ языкѣ, общеупотребительномъ въ Европѣ до XVIII столѣтія, мы скажемъ лишь на столько, на сколько они своимъ появленіемъ содѣйствовали полному измѣненію школьнаго преподаванія и формъ жизни сначала въ Италіи, потомъ во всей остальной Европѣ.

О грекахъ, явившихся въ Италію въ XIV и XV столѣтіяхъ и принесшихъ съ собой тотъ родъ преподаванія, который лежитъ теперь въ основаніи образованія всей Европы, написано нѣсколько подробныхъ сочиненій; самое полное, появившееся въ 1742 г. въ Лондонѣ, принадлежитъ Годи. Кромѣ того Геренъ и другіе нѣмецкіе ученые изложили въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ свои изслѣдованія о томъ, какъ изъ образованія среднихъ вѣковъ сложилось подъ вліяніемъ греческой литературы образованіе новаго времени. По этому мы ограничимся только нѣсколькими словами. Упомянуть и указать въ общихъ чертахъ на людей, явившихся въ XV столѣтіи изъ Греціи въ Италію, и на нѣкоторыя произведенія того времени слѣдуетъ во первыхъ по долгу благодарности, во вторыхъ по тому, что образованнымъ людямъ необходимо знать изъ какихъ источниковъ и чрезъ какихъ людей явились къ намъ знанія, составляющія теперь общее достояніе и не требующія, чтобы ихъ изучали въ ученыхъ школахъ. Для этой цѣли, изъ огромнаго числа людей и твореній достаточно ознакомиться съ тѣми, которыя по нашему мнѣнію особенно замѣчательны. Мы не скажемъ ничего новаго, но разумѣется будемъ слѣдовать только собственнымъ воззрѣніямъ и личнымъ взглядамъ.

Когда Данте и Петрарка возбудили въ своихъ соотечественникахъ энтузіазмъ къ древнему греческому языку, наукѣ и литературѣ и совершенно оригинальнымъ образомъ связали средневѣковую поэзію, философію и искусство христіанства съ древнимъ міромъ, когда они слили германскую кельтическую, сѣверную, восточную и греческую литературы, — въ это время недостатокъ въ хорошихъ преподавателяхъ чрезвычайно затруднялъ изученіе гре-

ческой литературы. Варлаамъ, Леонтій Пилатъ и Димитрій Өессалоникскій, познакомившіе великихъ итальянскихъ писателей,—о которыхъ мы скажемъ впослѣдствіи,—съ неизвѣстными до тѣхъ поръ на Западѣ сокровищами греческой литературы, пріобрѣли себѣ тѣмъ безсмертную славу; но люди, подобные монаху Варлааму, по недостатку образованія или по поверхностному знакомству съ латинскимъ языкомъ, не могли имѣть преобладающаго вліянія. Эмануилъ Хрисолорасъ, явившійся въ Италію между 1393 и 1396 г., первый своимъ словомъ и примѣромъ возбудилъ въ итальянцахъ любовь къ греческой литературѣ. Онъ соединялъ въ себѣ греческую ученость, удивлявшую итальянцевъ, съ утонченностью образованной жизни и манерами хорошаго общества, тогда какъ Варлаамъ и другіе ученые греки того времени изображаются Данте и Петраркою педантическими монахами. Въ первый разъ Хрисолорасъ явился въ Италію по всей вѣроятности посломъ греческаго императора съ порученіемъ просить помощи венеціанцевъ противъ турокъ. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ Димитрій Кидоній; они вернулись въ Константинополь въ сопровожденіи Роберта Рози и Джакопо д'Анджіоло, первыхъ флорентинцевъ, начавшихъ восхвалять во Флоренціи древній міръ грековъ. По возвращеніи въ отечество эти флорентинцы съ такимъ воодушевленіемъ говорили своимъ соотечественникамъ, — въ то время представителямъ искусствъ и практической мудрости въ Италіи,—о состояніи преподаванія въ Греціи и въ особенности о способностяхъ и умѣньи учить Хрисолораса, что флорентинское правительство оффиціально просило греческаго ученаго пріѣхать учить во Флоренцію, поручивъ Джакопо д'Анджіоло убѣдить его принять приглашеніе. Хрисолорасъ согласился и въ 1397 г. заключилъ контрактъ, обязавшись за извѣстную годовую плату читать лекціи во Флоренціи. Объ учрежденіи греческой каѳедры во Флоренціи особенно энергически хлопоталъ одинъ знатный флорентинецъ, Николо Николи; впослѣдствіи мы еще не разъ будемъ говорить о его дѣятельности въ пользу классической литературы новаго времени. Онъ и Хрисолорасъ, начавшій

свои лекціи въ 1397 г., сначала были большими друзьями, но черезъ три года поссорились, и тогда греческій ученый уѣхалъ въ Миланъ. Мы не знаемъ, что побудило Хрисолораса оставить Флоренцію: размолвка ли съ Николо Николи, пользовавшимся преобладающимъ вліяніемъ во Флоренціи, или прибытіе греческаго императора въ Миланъ на пути въ Парижъ (т. IX, стр. 42); вообще же греки, которымъ мы обязаны нашимъ знаніемъ древняго міра, и всѣ великіе ученые, вышедшіе изъ ихъ школы и сдѣлавшіеся апостолами новой школьной науки, были народъ страшно безпокойный, сварливый и раздражительный. Въ Миланѣ, какъ впослѣдствіи въ Павіи, Хрисолорасъ читалъ лекціи о греческомъ образованіи; впрочемъ его ученая дѣятельность въ этихъ городахъ продолжалась не долго, потому что византійскій дворъ поручилъ ему заняться дипломатическими переговорами съ Венеціей. Это заставило его въ 1404 г. отправиться въ Венецію, гдѣ онъ одновременно работалъ въ пользу греческаго императора и читалъ публичныя лекціи греческаго языка и литературы. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ ему было дано порученіе въ Римъ, гдѣ онъ долгое время продолжалъ свою дѣятельность на двухъ поприщахъ. Хрисолорасъ и умеръ въ Римѣ. Нѣсколько фактовъ покажутъ намъ, какъ велико было его значеніе въ Италіи для вновь оживавшаго образованія. Почти всѣ великіе итальянцы, прославившіеся еще до разрушенія Константинополя введеніемъ языка и нравовъ древней римской аристократіи, были учениками Хрисолораса; вмѣсто книгъ позднѣйшаго римскаго и христіанскаго періода они обратились къ изученію республиканскихъ языческихъ сочиненій первыхъ, свободныхъ столѣтій и стали передавать на классическомъ латинскомъ языкѣ содержаніе древнегреческихъ твореній. Въ то время въ Италіи всякій образованный человѣкъ, всякій государственный дѣятель, министръ или канцлеръ долженъ былъ знать грековъ и умѣть писать классическимъ римскимъ языкомъ. Около Эмануила Хрисолораса и его учениковъ группировались всѣ, искавшіе образованія, которое въ обществѣ этихъ людей могло быть достигнуто легче, чѣмъ изъ школьнаго препода-

ванія. Еще въ Константинополѣ Гварино, сходясь съ Хрисолорасомъ, проникнулся любовью къ противоположной образованію всѣхъ среднихъ вѣковъ цивилизаціи и литературѣ древнихъ грековъ, теперь уже давно усвоенной новымъ временемъ. Подъ вліяніемъ бесѣдъ Хрисолораса образовались въ Италіи Леонардо Бруни, Поджіо, Петръ Павелъ Верджеріо и Джіаноццо Манетти. Палла дельи Строцци, — глава противниковъ Медичи (т. IX, стр. 336), пріобрѣвшихъ славу покровительствомъ вновь пробудившейся древнегреческой и древне-римской цивилизаціи,—также былъ обязанъ началомъ своего развитія Хрисолорасу, а впослѣдствіи учился у другаго грека, проповѣдывавшаго итальянцамъ свободу и цивилизацію, утраченныя его родиной. Изгнанный изъ Флоренціи, онъ поселился во владѣніяхъ Павіи, гдѣ слѣдуя совѣтамъ Хрисолораса основательно изучилъ науки древнихъ, преимущественно ихъ философію, и куда пригласилъ грека Іоанна Аргиропула; о послѣднемъ Годи, Фабриціусъ и Брукеръ ошибочно говорятъ, что онъ явился въ Италію только по завоеваніи Константинополя. Вмѣстѣ съ Аргиропуломъ Строцци перевелъ на латинскій языкъ много греческихъ сочиненій, въ особенности сочиненій философскаго содержанія. Знаніе греческаго языка, недоступнаго тогда безъ лексикона, оставалось еще долгое время принадлежностью очень немногихъ людей, которые могли пользоваться бесѣдами и лекціями знаменитыхъ преподавателей; оно было, такъ сказать, аристократическимъ преимуществомъ мелкихъ династій, патриціанскихъ фамилій и всѣхъ, желавшихъ подслужиться имъ или возвыситься. Другимъ ученикомъ Хрисолораса или вѣрнѣе вторымъ знаменитымъ итальянцемъ, до конца жизни съ горячимъ рвеніемъ занимавшимся новымъ образованіемъ, былъ генералъ камальдульскаго ордена, Амвросій Траверсари или, какъ его обыкновенно называютъ, Амвросій Камальдульскій (Camaldulensis).

Изъ другихъ ученыхъ, содѣйствовавшихъ измѣненію преподаванія въ Италіи и установленію формъ итальянскаго языка и литературы новаго времени, особенно замѣчательны Іоаннъ Аргиропулъ и Ѳеодоръ Газа. Аргиропулъ вторично вернулся въ свое

несчастное отечество, потомъ опять отправился въ Италію и изъ Флоренціи, гдѣ онъ училъ 15 лѣтъ, постоянно вдохновлялъ итальянцевъ, преимущественно флорентинцевъ, платонической философіей, сдѣлавшейся съ тѣхъ поръ, вмѣстѣ съ господствовавшей аристотелевско-схоластической философіей, предметомъ даже школьнаго преподаванія. Ѳеодоръ Газа родился въ Ѳессалоникѣ, которая въ началѣ XV столѣтія была однимъ изъ центровъ древне-греческаго образованія и гдѣ находилось много знаменитыхъ школъ и ученыхъ, которымъ мы обязаны замѣчательнѣйшими сочиненіями о классическихъ произведеніяхъ и писателяхъ древней Греціи. По взятіи Ѳессалоники турками (т. IX, стр. 73) Ѳеодоръ Газа отправился въ Италію, куда прибылъ почти одновременно съ Іоанномъ Аргиропуломъ. Здѣсь онъ дѣйствовалъ и училъ какъ провозвѣстникъ новаго образованія, противоположнаго тяжкому ученію схоластиковъ. Скоро убѣдившись, что безъ основательнаго знакомства съ классическимъ языкомъ древнихъ римлянъ невозможно возбудить на Западѣ уваженія къ греческому міру, Газа отправился въ Мантую слушать лекціи Викторина ди Фельтре, искавшаго не столько авторской славы, сколько заслугъ преподавателя. Три года слушалъ Ѳеодоръ Газа его лекціи и такъ усвоилъ себѣ латинскій языкъ, что его считали однимъ изъ лучшихъ латинистовъ въ то время, когда знаніе латинскаго языка цѣнилось выше всего. Изъ Мантуи онъ переѣхалъ сначала въ Феррару, а потомъ въ Римъ. Знакомя итальянцевъ съ греческимъ міромъ посредствомъ лекцій и переводовъ, Газа, чтобы пополнить недостатокъ греческой грамматики на латинскомъ языкѣ, написалъ книгу о своемъ родномъ языкѣ, названную Institutiones и вошедшую въ употребленіе всюду, гдѣ не было греческаго преподавателя. Въ концѣ столѣтія (1495 г.) эта книга была напечатана знаменитымъ и ученымъ типографщикомъ того времени Альдомъ, пріобрѣвшимъ безсмертную славу въ исторіи возродившагося изученія древнихъ.

О весьма замѣчательномъ современникѣ Ѳеодора Газы, Георгіѣ Гемистѣ Плеѳонѣ, учившемъ въ Италіи и отличавшемся,

какъ почти всѣ ученые греки того времени, горячими литературными спорами, мы упоминаемъ только мимоходомъ, не считая его провозвѣстникомъ новой цивилизаціи. Напротивъ никакъ нельзя умолчать о кардиналѣ Виссаріонѣ. Онъ родился въ Трапезунтѣ въ 1395 г., учился въ Константинополѣ и отличался огромными свѣдѣніями и восторженнымъ поклоненіемъ древнему міру. Изъ Константинополя онъ отправился въ Пелопоннесъ, гдѣ тогда жилъ Гемистій Плеѳонъ и подъ его руководствомъ сдѣлался фанатическимъ поклонникомъ Платона и платонической философіи, въ которой оба они отличались. Виссаріонъ принадлежалъ къ духовенству, впослѣдствіи былъ сдѣланъ архіепископомъ никейскимъ и присоединился къ партіи греческаго императора, когда послѣдній хотѣлъ спасти Константинополь соединеніемъ греческой и латинской церквей. На флорентинскомъ соборѣ онъ всѣми силами хлопоталъ въ пользу уніи; а такъ какъ его соотечественники страшно негодовали на всѣхъ защищавшихъ ее, то онъ остался въ Италіи, гдѣ въ 1439 г. былъ назначенъ кардиналомъ римской церкви. При Николаѣ V Виссаріонъ, какъ государственный человѣкъ, писатель и папскій легатъ, неутомимо работалъ въ первомъ и самомъ блестящемъ университетѣ (болонскомъ) надъ созданіемъ новой литературы и цивилизаціи. Къ особеннымъ заслугамъ его принадлежитъ то, что онъ поднялъ совершенно упавшій болонскій университетъ и освѣтилъ его мракъ новымъ свѣтомъ, ожививъ платонической поэзіей діалектическую схоластику среднихъ вѣковъ. Виссаріонъ написалъ много сочиненій, которыхъ мы не станемъ приводить, не желая вдаваться въ школьную ученость. Другой изъ числа грековъ, оставившихъ свое отечество или изгнанныхъ турками, Георгій Трапезунтскій родился въ Кандіи, но велъ родъ свой изъ города Трапезунта. Въ 1420 г. онъ пріѣхалъ въ Италію для пріобрѣтенія денегъ и славы объясненіемъ древнихъ грековъ, потому что аристократы и богачи стремились туда, куда являлся учить грекъ. Онъ отправился сначала въ Падую, выучился тамъ у Гварино латинскому языку, а потомъ въ Виченцѣ подъ руководствомъ скромнаго и неутомимаго учителя

Викторина ди Фельтре, сдѣлался какъ Ѳеодоръ Газа, однимъ изъ лучшихъ латинистовъ. Принужденный въ 1428 г. оставить Виченцу, онъ уѣхалъ въ Венецію, гдѣ открылъ свои лекціи; по крайней мѣрѣ въ 1433 г. онъ находился въ этомъ городѣ. Его дѣятельность въ пользу древне-греческой цивилизаціи, бѣжавшей изъ греческой имперіи къ латинянамъ, была такъ велика и пріобрѣла такую извѣстность, что впослѣдствіи его друзья старались убѣдить его переселиться во Флоренцію — центръ вновь пробуждавшейся духовной жизни; но это не удалось имъ. Папа Николай V, о великихъ заслугахъ котораго на поприщѣ вновь возродившихся свободныхъ наукъ и искусствъ мы скажемъ впослѣдствіи, пригласилъ его переѣхать въ Римъ. Въ этомъ городѣ Георгій Трапезунтскій перевелъ произведенія греческой литературы и такимъ образомъ сдѣлалъ ее доступною тѣмъ, кто не имѣлъ словаря. Этотъ трудъ Георгія такъ понравился папѣ Николаю, что онъ поручилъ ему сдѣлать еще нѣсколько переводовъ, щедро наградилъ его за нихъ и назначилъ своимъ секретаремъ. Но Георгій былъ страшно безпокойный человѣкъ и неугомонный ученый спорщикъ; между нимъ, Гварино и Поджіо, также гуманистомъ и папскимъ секретаремъ, а впослѣдствіи кардиналомъ и флорентинскимъ государственнымъ секретаремъ, завязался такой разъяренный споръ, что дѣло дошло подъ конецъ до драки. Ученые латинисты, окружавшіе папу и знавшіе не только латинскій, но даже и греческій языкъ лучше Георгія, указали папѣ на ошибки въ переводѣ грека и на его наглость браться за переводъ того, чего онъ не понималъ; вслѣдствіе того Николай, придравшись къ переводу Птолемея, сдѣланному Георгіемъ, велѣлъ ему оставить Римъ. Пошатавшись въ Неаполѣ, Венеціи и на родинѣ, Георгій по прошествіи нѣкотораго времени снова вернулся въ Римъ. Его жизнеописаніе не входитъ въ нашъ трудъ; мы упомянули о немъ только для того, чтобы указать на его дѣятельность, какъ послѣдняго грека, учившаго на Западѣ до завоеванія Константинополя.

Послѣ паденія столицы греческой имперіи множество ученыхъ грековъ устремилось въ Италію; въ этой странѣ, бывшей тогда самою

богатою въ Европѣ,—какъ теперь Англія,—они старались воспользоваться вновь пробудившимся энтузіазмомъ къ древне-греческой цивилизаціи, какъ средствомъ къ существованію. Изъ этихъ грековъ прежде всего слѣдуетъ сказать объ Андроникѣ Калликѣ, явившемся въ 1464 г. въ Болонью; но ожиданія его не оправдались и потому онъ отправился въ Римъ, гдѣ обратился къ кардиналу Виссаріону. Каллиника, какъ Ѳеодора Газу, считали вообще человѣкомъ, наиболѣе способнымъ правильно истолковывать и ознакомить латинянъ съ греками; но его давила бѣдность. Проживъ нѣсколько времени во Флоренціи, гдѣ онъ былъ учителемъ Анджело Поліціана, онъ отправился оттуда во Францію, а потомъ, кажется, вернулся въ Грецію; по крайней мѣрѣ есть свѣдѣнія, что въ 1476 г. Франческо делла Торре купилъ шесть ящиковъ рукописей, принадлежавшихъ Андронику и составлявшихъ порядочную библіотеку въ то время, когда сочиненія греческихъ писателей не были еще напечатаны. Кромѣ Андроника учителями и провозвѣстниками греческаго образованія въ Римѣ были Софіанъ, Георгій и Димитрій Критскій. Во Флоренціи большимъ вліяніемъ пользовался Димитрій Халькондиласъ, занимавшій тамъ съ 1471 г. мѣсто Іоанна Аргиропула. Этотъ ученый явился въ Италію еще до завоеванія Константинополя, съ 1450 г. жилъ въ Перуджіи, а потомъ былъ призванъ профессоромъ въ Падую. Падую онъ скоро оставилъ, недовольный тѣмъ, что тамошніе профессоры подвергались ежегодно новымъ избраніямъ, и отправился во Флоренцію. Но и во Флоренціи Халькондиласъ недолго оставался, завидуя популярности Поліціана, получившаго греческое образованіе у Ѳеодора Газы и лучше знавшаго латинскій языкъ. Изъ Флоренціи онъ поѣхалъ въ Миланъ, гдѣ при Филиппѣ Маріи Висконти и Франциске Сфорцѣ процвѣтало новое образованіе. Здѣсь, какъ прежде во Флоренціи, его лекціи слушали нѣмцы Іоаннъ Рейхлинъ и Эразмъ Роттердамскій, которымъ Германія по преимуществу обязана улучшеніемъ школъ, школьнаго преподаванія и манеры ученыхъ писать, и которые были провозвѣстниками Меланхтона и Лютера.

По этому для нѣмцевъ Димитрій Халькондиласъ важнѣе, чѣмъ кто либо изъ его соотечественниковъ. Онъ умеръ въ 1511 году. Замѣчательныхъ и напечатанныхъ его сочиненій мы не знаемъ. Дѣятельность обоихъ Ласкарисовъ, Іоанна и Константина, также учившихъ въ Италіи, не входитъ въ нашъ трудъ. Теперь въ краткихъ словахъ мы скажемъ о томъ, какъ дѣйствовали всѣ эти люди.

2. Методъ и плоды греческаго образованія.

Главная заслуга ученыхъ, эмигрировавшихъ изъ Греціи въ Италію и дѣйствовавшихъ въ этой странѣ словомъ и сочиненіями, была безспорно двухъ родовъ. Они содѣйствовали замѣненію школьной философіи практической философіей, и греческой простотою умѣрили плоскость и декламацію римлянъ, являющіяся въ латинскихъ произведеніяхъ Петрарки и его современниковъ, и напыщенность, которой не лишены письма Данте и другія риторическія сочиненія, писанныя на латинскомъ языкѣ. По этому Іоаннъ Аригиропулъ училъ не только риторикѣ, но и практической философіи. Эта философія была настоящая философія Аристотеля, а не та, какой ее представляли схоластики. Чтобы ввести въ жизнь новыхъ народовъ истиннаго Аристотеля вмѣсто Аристотеля арабовъ и варварскихъ латинистовъ, называемыхъ схоластиками (т. VI, стр. 344 и т. VII, стр. 321 и сл.), Аргиропулъ перевелъ нѣсколько сочиненій Стагирита и на этомъ переводѣ основалъ свои объясненія греческой философіи; изъ аристотелевской школы она впослѣдствіи превратилась въ платоническую, когда Лоренцо ди Медичи, Полиціанъ и другія личности, замѣчательныя латинскимъ и итальянскимъ краснорѣчіемъ, поэзіею и поклоненіемъ грекамъ и литературѣ ихъ, возбужденныя Гемистомъ Плеѳономъ и кардиналомъ Виссаріономъ, перешли отъ Аристотеля и его строгой діалектики къ Платону и его философскимъ фантазіямъ.

Между греками, переселившимися въ Италію, скоро возникла

ожесточенная полемика о Платонѣ и Аристотелѣ, имѣющая огромное значеніе для литературы и жизни новаго времени. При возбужденномъ интересѣ къ философіи и соединенному съ нею новому образованію, на Аристотеля было устремлено все вниманіе въ Италіи, какъ впослѣдствіи въ Германіи на споръ, начатый обскурантами и инквизиторами съ Рейхлиномъ, объ изученіи еврейскаго языка и раввинской литературы. Этотъ споръ греческихъ ученыхъ въ Италіи былъ веденъ преимущественно Ѳеодоромъ Газою и Георгіемъ Трапезунтскимъ съ одной стороны, и Гемистомъ Плеѳономъ и Виссаріономъ съ другой. Приверженцы аристотелевской школы въ Италіи приняли сторону первыхъ, пылкое юношество флорентинскаго дворянства присоединилось къ ихъ противникамъ. Споръ начался полемикою между Ѳеодоромъ Газою и кардиналомъ Виссаріономъ и нѣкоторое время велся приличнымъ тономъ, но потомъ дошелъ до грубыхъ и площадныхъ ругательствъ. Въ 1456 г. Георгій Трапезунтскій написалъ сочиненіе, напечатанное въ 1523 году въ Венеціи — „Сравненіе философовъ Аристотеля и Платона," въ которомъ онъ обвиняетъ Платона во всевозможныхъ преступленіяхъ и приписываетъ его ученію всевозможныя общественныя бѣдствія. Противъ этой книги кардиналъ Виссаріонъ написалъ не менѣе яростное сочиненіе „противъ клеветника на Платона", о которомъ мы при этомъ замѣтимъ, что оно было одною изъ первыхъ книгъ, напечатанныхъ въ Италіи (1469 г.). Греческіе ученые продолжали споръ между собою. Продолженіе его не входитъ въ задачу нашего труда, но мы не можемъ умолчать о вліяніи, которое имѣла эта борьба на направленіе итальянской и слѣдовательно нѣмецкой литературы и образованности.

Въ этомъ спорѣ выказывается въ высшей степени отрадная сторона учености и все благодѣтельное вліяніе философіи на жизнь и ея отношенія, какъ ни были велики гнусность, тщеславіе, славолюбіе и заносчивость эмигрантовъ грековъ, проповѣдниковъ новой науки. Воспламененные этими людьми, представители умственнаго развитія республиканской Италіи соединились въ мечта-

тельный союзъ, подобный тому, какой нѣкогда былъ заключенъ пиѳагорейцами Греціи (т. II, стр. 232). Средоточіемъ этого союза сдѣлалась Флоренція. Члены его, мечтавшіе о платонической республикѣ, управляемой лучшими и въ то же время самыми богатыми и знатными людьми, почти всѣ составляли исключеніе изъ всеобщей испорченности нравовъ и дерзко-геніальномъ презрѣніи всѣхъ принциповъ, чѣмъ отличались въ то время аристократія, многочисленныя династіи и высшее духовенство Италіи. Въ жизни они выказывали, что тогда было большею рѣдкостью — то же стремленіе къ истинѣ, свободѣ и праву, какое поэтически и мечтательно высказывали въ своихъ сочиненіяхъ. Еще съ конца XIV столѣтія во Флоренціи устроилось общество для философскихъ бесѣдъ, члены котораго, принадлежавшіе къ высшимъ сословіямъ, собиралось въ назначенные дни въ домѣ августинскихъ монаховъ. Косьма Медичи, обращенный Гемистомъ Плеѳономъ въ послѣдователя Платона, превратилъ это общество въ платоническое и оно было названо, какъ нѣкогда въ Аѳинахъ школа Платона (т. II. стр. 248), — Академіей. Это общество было распространено дядею Косьмы, Лоренцо. Цѣль его заключалась въ томъ, чтобы платоническая философія замѣнила въ школахъ аристотелевскую. Объ исторіи этой академіи сохранились подробныя сочиненія, но она входитъ въ нашъ трудъ лишь на столько, на сколько находится въ связи съ вліяніемъ переселившихся въ Италію грековъ и на сколько Косьма и Лоренцо содѣйствовали переходу платонической философіи въ латинскую форму и образованность. Въ послѣднемъ отношеніи между членами академіи особенно выдается Марсилій Фичино, смотрѣвшій на Платона нѣкоторымъ образомъ какъ на проявленіе божества и потому посвятившій всю жизнь изученію, объясненію и распространенію платонизма; на рожденіе этого человѣка, сына медика Косьмы, даже самъ Косьма смотрѣлъ какъ на особую милость божескаго провидѣнія. Марсилій родился въ 1433 г. и назначался отцомъ въ медики. Отправленный для изученія медицины въ Болонью, онъ занялся исключи-

тельно Цицерономъ и Платономъ. Не имѣя возможности, по незнанію греческаго языка, ознакомиться со всѣми сочиненіями Платона, Фицинъ, чтобы перевести и быть въ состояніи объяснять всего Платона, поставилъ себѣ изученіе греческаго языка главной задачей жизни. Въ одну изъ поѣздокъ во Флоренцію Марсилій былъ представленъ своимъ отцомъ Косьмѣ; Медичи тотчасъ увидѣлъ, какъ поэтически говоритъ біографъ Фицина, философскія способности молодаго человѣка и, обратившись къ его отцу, сказалъ: „Твой сынъ предназначенъ лечить души, а не тѣла." Двадцати трехъ лѣтъ Марсилій Фицинъ написалъ четыре книги объ ученіи Платона (Institutionum Platonicarum), но друзья убѣдили его не издавать въ свѣтъ этого сочиненія, потому что тогда еще онъ не зналъ по гречески. Впослѣдствіи, при помощи Косьмы, онъ въ совершенствѣ изучилъ греческій языкъ, а щедрость Медичи дала ему возможность ознакомиться съ рукописями и комментаріями, теперь частью потерянными; основываясь на переводѣ этихъ рукописей, сдѣланномъ Фициномъ, можно очистить текстъ Платона отъ ошибокъ переводчиковъ и объяснить многія изъ непонятныхъ мѣстъ.

B. Нѣмецкая литература XV столѣтія.

1. Первоначальный нѣмецкій элементъ ея, не соотвѣтствующій возрожденію древнеклассической литературы.

Достигнувъ въ XIII и XIV столѣтіяхъ высшей степени процвѣтанія, рыцарство и его образованность на[illegible] XV столѣтіи; вмѣсто него возвысилось мѣщанство, и его бла[illegible]состояніе ввело съ собой совершенно оригинальную, болѣе матеріальную, чѣмъ идеальную образованность. Пѣснь миннезенгеровъ или пѣснь вдохновенія перешла въ пѣснь мейстерзенгеровъ, т. е. сдѣлалась ремесломъ, игрою, искусствомъ. Этотъ вновь возникшій родъ поэзіи такъ подробно разработанъ учеными, изучившими стихотворенія и прозаическія сочи-

нѣнія XV столѣтія, частью сохранившіяся въ рукописяхъ, что мы, даже еслибъ это и позволяла намъ цѣль нашего труда, не стали бы подробно касаться предмета, о которомъ не сказали бы ничего новаго. Для нашей всемірной исторіи достаточно бѣглыхъ замѣтокъ о пѣсняхъ мейстерзенгеровъ, романахъ или сагахъ и нравственной литературѣ XV столѣтія. Затѣмъ въ слѣдующихъ параграфахъ мы перейдемъ къ перенесенному въ концѣ XV столѣтія изъ Италіи въ Германію греческому и латинскому образованію, имѣвшему громадное значеніе для исторіи XVI столѣтія и вызвавшему реформацію.

Въ VII т. (стр. 347) мы говорили какимъ образомъ рыцарская поэзія, перенесшая изъ бургундскихъ и швабскихъ земель вдохновеніе юга Европы на сѣверъ, еще при Вальтерѣ фонъ деръ Фогельвейде обратилась нѣкоторымъ образомъ въ ремесло. Въ XV столѣтіи городское сословіе Германіи, стоявшее въ тѣсной связи съ многочисленными свободными городами Италіи, стало сознавать свою силу, свободу и богатство; рыцарство, напротивъ, обѣднѣло и мало по малу одичало, а пѣснь вдохновенія и любви, не находя болѣе поощреній на пирахъ и въ замкахъ, устремилась въ города и превратилась въ искусство. Мѣщане того времени отличались прилежаніемъ, добродушіемъ, благосостояніемъ, бережливостью, нравственностью, благочестіемъ, веселымъ духомъ и тѣмъ незлобнымъ остроуміемъ, объ утратѣ котораго часто сожалѣютъ даже въ Англіи (old merry England уже нѣтъ болѣе); но при этомъ идеальное должно было уступить реальному и у поэтовъ, вышедшихъ изъ этихъ кружковъ, хотя и является по временамъ веселость и беззаботность, но уже нѣтъ истиннаго остроумія. По этому поэтическія произведенія того времени незначительны и бѣдны. Напротивъ, духовное краснорѣчіе и все, что тѣсно связано съ тихой жизнью и нравственнымъ созерцаніемъ превосходно и оригинально. Нѣкоторые ученые XIX столѣтія, думая пробудить благочестивый духъ мѣщанъ XV столѣтія въ своихъ современникахъ, далеко уступающихъ городскому сословію той эпохи въ энергіи и искреннемъ добродушіи,

перепечатали многія произведенія послѣдняго рода, какъ напримѣръ сочиненія Таулера и другихъ христіанскихъ мыслителей XV столѣтія. Но они упустили изъ виду, что содержаніе и форма этихъ сочиненій, тѣсно связанныя со всѣми условіями и отношеніями жизни XV столѣтія, могутъ заставить углубиться въ нихъ ученаго или избранную натуру, но останутся всегда безъ вліянія на толпу, не находящую въ нихъ отвѣтовъ на волнующіе ее вопросы. Эти сочиненія имѣли огромное значеніе для реформаціи XVI столѣтія, но объ этомъ мы скажемъ въ послѣдующихъ томахъ. Къ пѣвцамъ искусственной пѣсни или цеховымъ поэтамъ причисляется уже авторъ борьбы Марса съ Венерою, Золотой Кузницы и недоконченной поэмы о Троянской войнѣ (т. VII, стр. 343) Конрадъ Вюрцбургскій, потому что онъ, какъ многіе изъ его современниковъ стихотворцевъ, происходилъ изъ низшаго сословія и былъ ремесленникъ. Впрочемъ ему, какъ и Вальтеру фонъ деръ Фогельвейде, нельзя отказать въ качествахъ, свойственныхъ поэтамъ XIII и XIV столѣтій.

Мы ограничимся краткими указаніями на механизмъ пѣсни мейстерзенгеровъ, на тѣ правила и пріемы, по которымъ она составлялась, и на тотъ способъ, какимъ должно было представляться такъ называемое образцовое произведеніе, чтобы попасть въ цехъ поэтовъ, а потомъ назовемъ имена нѣкоторыхъ мейстерзенгеровъ. Эти замѣтки — гораздо подробнѣе изложенныя во многихъ другихъ книгахъ и въ изданіи курфирстскаго германскаго общества въ Маннгеймѣ, — мы заимствуемъ изъ появившейся въ 1697 г. книги „О прелестномъ искусствѣ мейстерзенгеровъ, его началѣ, развитіи, пользѣ и правилахъ." Авторъ ея былъ гражданинъ Нюрнберга, остававшагося въ теченіи многихъ лѣтъ средоточіемъ и университетомъ искусства мейстерзенгеровъ. Нашихъ бѣглыхъ замѣтокъ будетъ достаточно, чтобы понять, что геніальный человѣкъ никогда не захотѣлъ бы подвернуться экзамену на званіе цеховаго поэта и что, при существованіи подобныхъ правилъ, поэзія не только не могла развиваться, но скорѣй должно было произойти противное.

Правила, по которымъ составлялись пѣсни мейстерзенгеровъ, втиснули лирику въ извѣстныя формы. Эти правила строго опредѣляли размѣръ риѳмъ и слоговъ каждаго отдѣльнаго бара (пѣснь) цѣлой пѣсни мейстерзенгера. Баръ составлялся изъ нѣсколькихъ частей и куплетовъ, а такъ называемый Abgesang изъ трехъ предложеній. Баръ состоялъ еще изъ того, что въ художественной терминологіи называется строфами, Abgesang и Stollen. Каждая изъ этихъ частей должна была имѣть особую мелодію. Stollen состоялъ изъ нѣсколькихъ стиховъ, Abgesang имѣлъ всегда другую мелодію, и все заканчивалось Stollen, сходною съ предшествующей. Наша мужеская риѳма называлась у мейстерзенгеровъ тупою, женская — звонкою. Стихи, не риѳмующіе съ другими, назывались сиротами (Waise). Паузами назывались односложные слова, стоящія отдѣльно въ концѣ, началѣ или серединѣ. Риѳмы не должны были составляться болѣе чѣмъ изъ тринадцати слоговъ по той странной причинѣ, что бо̀льшее число слоговъ было неудобно для дыханія при пѣніи. Кромѣ того существовала еще бездна мельчайшихъ правилъ относительно языка, слога и пѣнія (послѣднее также вмѣнялось въ обязанность поэту) и различные пріемы пѣвцовъ по ремеслу, державшіеся, какъ вообще техническіе пріемы ремесленниковъ, втайнѣ. Неисполненіе правилъ мейстерзенгеровъ при состязаніи въ пѣніи лишало поэта награды и даже наказывалось потерею званія мейстерзенгера. Состязаніе въ пѣніи устроивалось на извѣстныхъ празднествахъ и при этомъ, такъ же какъ при пѣніи и представленіи стиховъ на званіе мейстерзенгера, такъ называемые отмѣтчики (Merker) наблюдали за ошибками и наказывали за нихъ. Высшей наградою была цѣпь съ изображеніемъ короля Давида, творца псалмовъ. Для покрытія расходовъ на празднества и веселые пиры были устроены общественныя кассы. Мейстерзенгеры, какъ всѣ союзы того времени, составляли корпорацію или замкнутое общество. Но — что неслыханно въ средніе вѣка — въ этотъ цехъ поэтовъ могли вступать всѣ безъ различія сословій, такъ же какъ въ общество масоновъ, образовавшееся изъ союза строителей и рѣзчиковъ. Членами обще-

ства мейстерзенгеровъ, вмѣстѣ съ разнаго рода ремесленниками, были князья, доктора богословія и дворяне знатнѣйшихъ фамилій. Главнымъ центромъ мейстерзенгеровъ былъ Нюрнбергъ. Здѣсь ихъ засѣданія происходили въ церкви, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ они собирались въ частныхъ домахъ или гостинницахъ.

Въ Нюрнбергѣ и Аугсбургѣ, служившихъ по своимъ сношеніямъ съ главными торговыми пунктами Италіи связью между сѣверомъ, югомъ и востокомъ Европы и производившихъ въ большихъ размѣрахъ денежныя, банкирскія и торговыя операціи, ремесленники занимались также и драматическими представленіями, составлявшими вообще исключительную принадлежность школъ и духовныхъ орденовъ. Этому искусству предавались преимущественно штукатуры, щеточники и кровельщики, во время постовъ. Каждый имѣлъ опредѣленную роль, которую постоянно занималъ. Увеселяя своихъ согражданъ драматическими представленіями въ извѣстное время года, въ остальные мѣсяцы эти актеры занимались своими ремеслами. Въ піесахъ этихъ ремесленниковъ, какъ въ древней греческой драмѣ, на сценѣ нерѣдко выставлялись живыя личности подъ другими именами и дѣлались политическіе намеки; впрочемъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи сочинители и актеры были всегда очень осторожны, боясь господствующей части гражданъ. Тонъ представляемыхъ драмъ былъ такъ же грубъ, какъ ихъ авторы и исполнители; въ нихъ, какъ въ театральныхъ представленіяхъ духовныхъ и ихъ учениковъ, обнаруживается совершенное отсутствіе изящества и вкуса. Нѣкоторыя изъ драматическихъ сочиненій ремесленниковъ сохранились, но въ наше время чрезвычайно трудно опредѣлить ихъ достоинство, потому что во время ихъ представленія, какъ при игрѣ полишинеля и въ театрахъ маріонетокъ, главное вниманіе обращалось на остроты актера; роли актеровъ большею частью не писались и не выучивались наизусть, а импровизировались. Изъ драматическихъ писателей выше всѣхъ считаютъ Ганса Розенплюта и Ганса Фольца; самый же знаменитый изъ мейстерзенгеровъ, Гансъ Саксъ, умершій въ 1495 г., принадлежитъ XVI

столѣтію. Гансъ Розенплютъ извѣстенъ такъ же своими пѣснями и сатирами. Его называли Щелкуномъ (Schnepperer) или Болтуномъ, вѣроятно за его талантъ къ импровизаціи, и онъ гордился этимъ прозвищемъ. Онъ былъ рисовальщикъ гербовъ и кромѣ того пріобрѣлъ извѣстность между современниками своею исторической поэмою, исполненной благородства, остроумія, честности и истиннаго патріотизма. Для нашего времени она конечно не имѣетъ никакого значенія, точно такъ же какъ ея сатирическій характеръ не кажется намъ ни геніальнымъ, ни остроумнымъ. Эта поэма воспѣваетъ побѣду, одержанную въ 1450 г. при Гемпахѣ нюрнбергцами съ помощью нѣсколькихъ тысячъ швейцарцевъ надъ князьями и баронами, соединившимися противъ свободныхъ гражданъ городовъ. Въ ней Нюрнбергъ представляется наполненнымъ баранами хлѣвомъ, около котораго, какъ волки, постоянно вертятся князья и владѣтели; отъ времени до времени они пытаются ворваться въ хлѣвъ, но его оберегаютъ славныя собаки, какъ это доказываетъ гемпахская битва.

Многочисленныхъ романовъ XV столѣтія мы не читали и потому, умалчивая о нихъ, рекомендуемъ читателю, желающими ознакомиться съ ними, новѣйшія критическія сочиненія. Но мы не можемъ пропустить двухъ историческихъ произведеній XV столѣтія, имѣющихъ особое значеніе не только какъ первыя оригинальныя нѣмецкія исторіи и записки, но и какъ памятники двухъ нарѣчій нѣмецкаго языка, на которыхъ тогда писали. Мы говоримъ объ эльзасской хроникѣ Твингера фонъ Кёнигсгофена и о жизни императора Сигизмунда, написанной Эбергардомъ фонъ Виндекомъ (т. VIII, стр. 204). Хроника Якова Твингера фонъ Кёнигсгофена принадлежитъ собственно еще XIV столѣтію, потому что авторъ ея умеръ въ 1386 г. Цѣлью его было составить для народа вмѣсто сухаго хронологическаго перечня событій занимательный разсказъ и противопоставить латинскимъ трудамъ монаховъ толковую нѣмецкую книгу. Это высказано авторомъ въ часто повторяемомъ имъ латинскомъ эпиграфѣ (omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci)

и въ словахъ, которыми онъ объясняетъ планъ своего сочиненія. Въ своей хроникѣ Кёнигсгофенъ не всегда строго держится хронологіи, но выхватывая какое нибудь замѣчательное событіе или происшествіе, разсказываетъ его, иногда пространно, иногда довольно кратко. Особенно подробно излагаетъ онъ внутреннюю исторію Страсбурга и его разсказъ даетъ наглядное понятіе объ отношеніяхъ сословій верхней Германіи. Страсбургъ, какъ Нюрнбергъ, былъ однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ верхней Германіи; у Кёнигсгофена его исторія вращается на борьбѣ, происходившей за участіе въ управленіи между дворянскими фамиліями и богатыми купцами или, какъ ихъ называетъ авторъ хроники, бюргерами и между послѣдними и ремесленниками. Въ хроникѣ Кёнигсгофена находятся также довольно подробныя свѣдѣнія о войнѣ швейцарцевъ съ герцогомъ бургундскимъ и о войнѣ князей и владѣтелей съ свободными городами. Въ 1698 г. Іоаннъ Шиллеръ въ первой разъ издалъ всю хронику, а до тѣхъ поръ въ печати появлялись только отдѣльныя ея мѣста. Изъ примѣчаній, сдѣланныхъ издателемъ, можно отлично судить на сколько Германія XVII столѣтія стоитъ ниже Германіи XV столѣтія. Второе названное нами сочиненіе—исторія императора Сигизмунда Эбергарда фонъ Виндека — написано тяжелымъ и грубымъ нѣмецкимъ языкомъ; сравнивая ее съ сочиненіями о нѣмецкихъ правахъ и исторіи, писанными превосходнымъ классическимъ латинскимъ языкомъ, становится очевиднымъ, какъ было дурно, что до самаго XVIII столѣтія національная исторія нѣмцевъ облекалась въ блестящую иностранную одежду и такимъ образомъ совершенно несоотвѣтствовала своему характеру. Этотъ историческій памятникъ можно было бы пожалуй поставить на ряду съ записками Виллыгардуэна о его константинопольскомъ походѣ (т. VII, стр. 319); но о сравненіи ихъ нельзя и думать, такъ далеко, не смотря на всѣ свои достоинства, отстаетъ исторія Виндека отъ сочиненія Виллыгардуэна по формѣ, тону, языку и манерѣ писать. По нашему мнѣнію біографію императора Сигизмунда, написанную рыцаремъ Эбергардомъ, можно назвать записками самаго

рыцаря. Виндекъ говоритъ въ предисловіи, что авторъ книги не онъ, а его слуга Генрихъ изъ Нюрнберга, но это слѣдуетъ понимать такъ, что Эбергардъ диктовалъ ему свою исторію. Книга, раздѣленная на двѣсти двадцать три главы, чрезвычайно суха, жизнь проявляется только мѣстами, тамъ, гдѣ рыцарь описываетъ, что онъ самъ дѣлалъ и видѣлъ. Въ ней заключаются драгоцѣнныя свѣдѣнія о домашнемъ бытѣ и финансовомъ состояніи того времени, объ обычаяхъ германскаго права, остаткахъ императорскаго значенія и въ особенности о правѣ суда надъ князьями, принадлежавшемъ еще императору. Передъ каждой главой находится картина съ подписью, обозначающею содержаніе главы. Для характеристики нравовъ того времени особенно интересна XXV глава, въ которой разсказывается о драгоцѣнностяхъ Сигизмунда, заложенныхъ и потомъ выкупленныхъ въ Брюгге (т. IX, стр. 161); исполнителемъ этого порученія былъ самъ Эбергардъ, охотно взявшійся за него, какъ человѣкъ не слишкомъ серіозный и далеко не строгій въ дѣлахъ совѣсти. Наивный характеръ книги составляетъ скорѣе принадлежность времени, чѣмъ автора, но разсказъ и сужденія Виндека о гуситскихъ событіяхъ выставляютъ его, какъ историка, съ очень невыгодной стороны. Рядомъ съ сочиненіями Твингера фонъ Кёнигсгофена и Эбергарда фонъ Виндека должно назвать брауншвейгскую хронику Конрада Бото, украшенную картинами (picturatum). Написанная нижненѣмецкимъ языкомъ (plattdeutsch), она не столько важна какъ историческій памятникъ, сколько по своей оригинальности, какъ наивное произведеніе, написанное нарѣчіемъ, впослѣдствіи мало разработаннымъ.

Лучшей стороной нѣмецкой литературы XV столѣтія была нравственно-религіозная; но о ней мы не можемъ говорить подробно, потому что должны еще сказать о перенесеніи изученія классической древности изъ Италіи въ Германію и о томъ вліяніи, какое оно имѣло въ этомъ столѣтіи на нѣмецкое образованіе. Въ XV столѣтіи въ Германіи явились талантливые люди, старавшіеся ознакомить свободныхъ гражданъ городовъ съ роднымъ языкомъ и

возбуждавшіе въ нихъ рѣчами съ каѳедръ или назидательными разсказами и мистическими разсужденіями въ книгахъ любовь къ домовитости и нравственности. Самымъ замѣчательнымъ изъ этихъ дѣятелей былъ доминиканскій монахъ Таулеръ; онъ жилъ въ Страсбургѣ, но проповѣдывалъ также въ Кёльнѣ и другихъ городахъ и потому, какъ мы предполагаемъ, также хорошо зналъ нижненѣмецкое нарѣчіе, какъ и верхненѣмецкое. Лучшимъ свидѣтельствомъ о значеніи Таулера, умѣвшаго воспользоваться нѣмецкимъ добродушіемъ для распространенія религіознаго и нравственнаго образованія, служатъ слова великаго представителя нѣмецкой оригинальности, доктора Мартина Лютера. Онъ называетъ Таулера богопросвѣтленнымъ богословомъ и говоритъ, что „не находилъ ни на нѣмецкомъ, ни на латинскомъ языкѣ болѣе душеспасительной учености, которая такъ сходилась бы съ евангеліемъ.“ На сколько Таулеръ былъ нѣмецъ по природѣ и какъ трудно было бы иностранцу понять духовныя потребности того класса народа, который получилъ только нѣмецкое образованіе и не зналъ ни французской риторики, ни свѣтской жизни, — можно лучше всего судить по тому, что, когда за 50 лѣтъ назадъ германизмъ вошелъ въ моду, всѣ взоры снова обратились на Таулера, хотя его мистика и языкъ, какъ правительственная система Фридриха Барбароссы, нисколько несоотвѣтствовали понятіямъ XIX столѣтія. Сравненіе панегирика Таулера съ тѣмъ, что говоритъ о томъ же богопросвѣтленномъ человѣкѣ товарищъ и преемникъ Кальвина, Беза, ясно доказываетъ, какъ трудно иностранцу понять нѣмецкое добродушіе, мистику и благородную, хотя часто неумѣстную и ложвую мечтательность. Мы не станемъ приводить слова Безы, который по многимъ причинамъ не могъ правильно судить о нѣмецкомъ вроповѣдникѣ; достаточно сказать, что Беза, умѣвшій цѣнить французскую декламацію, риторику и ясныя, понятныя поученія, но не добродушіе и глубину, говоритъ о Таулерѣ съ полнымъ презрѣніемъ. Кто хочетъ оцѣнить краснорѣчіе и философію проповѣдей Таулера иначе, чѣмъ судитъ о нихъ Беза или какъ вѣроятно ото-

звались бы о нихъ Массильонъ и Боссюэ, долженъ обладать извѣстнымъ внутреннимъ чувствомъ и сверхъ того вчитаться въ Таулера; только при такихъ условіяхъ можно понять до какой степени Таулеръ соединялъ глубину и сердечность чувства съ силою и достоинствомъ языка. Какъ популярны были эти проповѣди въ теченіе двухъ столѣтій легко доказать однимъ перечисленіемъ многихъ изданій его сочиненій въ XVI и XVII столѣтіяхъ и указаніемъ на новыя изданія ихъ въ XIX столѣтіи. По изобрѣтеніи книгопечатанія сочиненія Таулера были распространены въ безчисленныхъ изданіяхъ между всѣми классами населенія верхней и нижней Германіи, а по переводу Лаврентія Сурія сдѣлались извѣстными во всей Европѣ; послѣ того какъ въ XVII столѣтіи набожные ученые Арндъ и Шпенеръ еще болѣе измѣнили уже прежде искаженныя языкъ и форму этихъ сочиненій, они появились въ XIX столѣтіи въ новомъ, строго-критическомъ изданіи. Впрочемъ изъ однихъ изданій на нижне- и верхненѣмецкомъ нарѣчіяхъ и на голландскомъ языкѣ видно, какимъ образомъ Таулеръ своею совершенно оригинальною манерою обратилъ нѣмецкій духъ той простой эпохи отъ средневѣковыхъ вѣрованій къ религіи сердца; латинскій же переводъ или исправленное нѣмецкое изданіе знакомятъ насъ только съ благочестивымъ картезіанскимъ монахомъ Лаврентіемъ Суріемъ. Этотъ человѣкъ, извѣстный какъ издатель и собиратель біографій святыхъ, измѣнилъ многія изъ характеристическихъ мѣстъ Таулера, считая всякій родъ мечтательности и исключительно внутреннюю религіозность началомъ ереси. Церковное усердіе картезіанца сильнѣе всего чувствуется въ важнѣйшемъ сочиненіи Таулера, которое сначала одно и было извѣстно въ латинской переработкѣ Сурія, именно въ томъ, гдѣ Таулеръ высказываетъ догматы своихъ вѣрованій; по оригиналу же всякій мыслящій человѣкъ пойметъ, какъ свойственъ нѣмецкому духу такъ называемый піетизмъ или мистицизмъ, такъ часто, даже и въ наше время, играющій роль въ нѣмецкой исторіи. Въ своей исповѣди, появившейся въ 1521 и 1522 г. въ базельскихъ изданіяхъ

Таулеръ говоритъ, что, образовавшись обычнымъ путемъ въ духовныхъ школахъ, онъ считалъ себя сильнымъ богословомъ и проповѣдникомъ, но что одинъ простой міряпинъ указалъ ему на недостатокъ внутренней теплоты въ его проповѣдяхъ; это заставило его углубиться въ самого себя, онъ заперся на два года въ свою келью и въ ней думалъ о томъ, какъ душа можетъ возвыситься надъ міровыми явленіями, пока наконецъ не нашелъ, что подавленіемъ страстей и превратныхъ стремленій, развитіемъ добродѣтелей, освобожденіемъ отъ земнаго, самоотверженіемъ, принесеніемъ въ жертву своихъ желаній и т. д. душа въ состояніи возвратиться къ своему первобытному состоянію и потомъ найти въ себѣ слѣды дуновенія, которое вдохнулъ Богъ въ глыбу земли, Адама. При этомъ онъ однако убѣдительно предостерегаетъ отъ аскетизма. Изъ сочиненій Таулера небольшая книга о подражаніи земной жизни Христа кромѣ своего содержанія замѣчательна еще тѣмъ, что написана языкомъ, въ которомъ менѣе измѣненій и вставокъ, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ его сочиненіяхъ. Долгое время ему приписывали также знаменитое нѣмецкое богословіе, восхваляемое Лютеромъ, Арндомъ и Шпенеромъ, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что это сочиненіе не принадлежитъ Таулеру, хотя многое въ ней дѣйствительно заимствовано изъ его произведеній.

Объ остальныхъ писателяхъ, проповѣдывавшихъ въ своихъ сочиненіяхъ ученіе о тихой жизни самосозерцанія и писавшихъ частью на голландскомъ языкѣ, частью на верхне- и нижне нѣмецкомъ нарѣчіяхъ, мы умолчимъ, потому что ихъ произведенія не имѣютъ никакого отношенія къ общественной жизни. Мы назовемъ только ихъ имена, чтобы изъ перечня людей, труды которыхъ до нашего времени нѣсколько разъ были издаваемы и всѣми цѣнимы, показать, какъ въ нижней Германіи проповѣдывалось подъ покровомъ церкви возникшее въ Богеміи ученіе таборитовъ и якобелловъ, и какъ было подготовлено предпріятіе Лютера. Самымъ мрачнымъ изъ этихъ писателей былъ Р ю и с б р е к ъ, умершій въ 1381 г. и слѣдовательно принадлежавшій еще XIV столѣтію. Рюис-

брёкъ былъ пріоромъ лежащаго недалеко отъ Брюсселя монастыря Грёндаль, гдѣ по его смерти были найдены бумаги, которымъ впослѣдствіи воспользовались другіе. Когда на него находили порывы вдохновенія, онъ удалялся въ уединенныя мѣста лѣса, писалъ тамъ отрывочныя фразы, походившія на изреченія сивиллы, и потомъ приводилъ ихъ въ порядокъ. Онъ писалъ ихъ на голландскомъ языкѣ и потому его можно назвать Яковомъ Бёме голландцевъ. Чтобы сдѣлать понятнымъ его сочиненія, темныя какъ слова оракула, Гергардъ Гроте, Вильгельмъ Іорданъ и Лаврентій Сурій переработали ихъ, и они наиболѣе извѣстны въ этомъ видѣ. Въ началѣ XVIII и въ началѣ XVII столѣтій, когда неподвижной догматикѣ и сухой полемикѣ противоставили такъ называемый піетизмъ, болѣе всего читались и печатались три небольшія сочиненія Рюисбрёка: „Зеркало вѣчнаго блаженства“, „Семь степеней любви“ и „Духовный бракъ.“ Чего вообще хотѣлъ Рюисбрёкъ и какъ онъ при своей набожности не наткнулся на піетизмъ, лучше всего можно видѣть по изданному въ 1704 г. Готтфридомъ Арнольдомъ переводу или передѣлкѣ его сочиненій.

Въ сочиненіяхъ Рюисбрёка недоставало той мягкости и теплоты, которыми привлекла къ себѣ набожныхъ людей всѣхъ націй книга Ѳомы Кемпійскаго, и потому ихъ читали только очень немногіе. Тѣмъ же характеромъ отличаются всѣ религіозные философы того времени. По этому мы приведемъ имена не многихъ изъ нихъ. Г е н р и х ъ С у з о, который писалъ по нѣмецки, но извѣстенъ намъ только въ латинскомъ переводѣ, издалъ небольшую книгу: „Часы Мудрости,“ переведенную на всѣ языки и написанную, кажется, авторомъ сначала на нѣмецкомъ, а потомъ на латинскомъ языкѣ. Другія его сочиненія, такъ же какъ сочиненія остальныхъ теософовъ, были переведены на латинскій языкъ Лаврентіемъ Суріемъ. Сузо умеръ въ 1385 г. Его сестра Елисавета Стаглинъ написала его біографію, также переведенную на латинскій языкъ Суріемъ. Знаменитѣе Таулера, Рюисбрёка и Сузо былъ Ѳ о м а Г а м м е р к е н ъ или, по господствовавшему тогда обычаю литинизировать имена, М а л-

леолусъ, обыкновенно называемый по мѣсту своего рожденія Ѳомою Кемпійскимъ и жившій съ 1380 по 1471 г. Онъ былъ пріоромъ въ Цволлѣ и ему приписали книгу о „Презрѣніи къ Свѣту,“ (de contemtu mundi) или, какъ ее обыкновенно называютъ по заглавію первой книги, о „Подражаніи Христу“ (de imitatione Christi), переведенную на всѣ языки, даже на арабскій и появлявшуюся почти въ столькихъ же изданіяхъ какъ библія. О томъ, дѣйствительно ли онъ былъ авторомъ этой книги и не принадлежала ли она какому нибудь другому изъ многочисленныхъ проповѣдниковъ созерцательной жизни въ Нидерландахъ и сѣверной Германіи было много споровъ; идеи, воззрѣнія и образъ мыслей всѣхъ этихъ людей были до того сходны, что въ ихъ манерѣ писать и выраженіяхъ нѣтъ никакого различія. По той же причинѣ въ сочиненіяхъ Ѳомы Кемпійскаго находится сочиненіе Гергарда фонъ Цютфена „Объ Исцѣленіи души,“ (de reformatione animae). Къ этой же школѣ принадлежали: Гергардъ Гроте изъ Девентера, его ученикъ Флоренцъ, священникъ въ Девентерѣ, и ученики послѣдняго и друзья Ѳомы Кемпійскаго — Іоаннъ Гронде, Іоаннъ Брикеринкъ, Любберсъ Бернеръ, Генрихъ Бруне, Аммель Бюренсъ, Яковъ фонъ Віана, Ледвинъ, Іоаннъ Кетель и Арнольдъ Шоонгове. Къ сходной съ ними школѣ принадлежали также Генрихъ и Гуго фонъ Бальма, о которыхъ мы впрочемъ очень мало знаемъ.

По манерѣ писать, краснорѣчію и даже языку совершенный контрастъ со всѣми названными писателями представляетъ сочиненіе духовнаго оратора и народнаго писателя, Гайлера фонъ Кейзерсберга, жившаго въ XV столѣтіи. Мы упоминаемъ здѣсь о немъ потому, что онъ составляетъ лучшій переходъ къ тому классу писателей, которые, ознакомившись съ твореніями древнихъ и итальянцевъ, подготовили путь реформаторамъ церкви, школы и новымъ воззрѣніямъ на государство и людей. Этотъ человѣкъ, подобно Лютеру, прибѣгалъ иногда къ поэзіи и, чтобы сдѣлать свое ученіе доступнѣе народу, бралъ тексты для проповѣдей не изъ библіи, а изъ забавной народной книги. По этому, прежде чѣмъ говорить о немъ,

мы должны упомянуть о трехъ большихъ сатирическихъ поэмахъ— Рейнеке Лиса, Реннеръ и Корабль дураковъ, — такъ же усердно читавшихся горожанами XV столѣтія, какъ библія въ XVI вѣкѣ. Первая, принадлежащая XII и XIII столѣтіямъ, по отношенію къ своему сюжету, встрѣчающемуся и въ сочиненіяхъ другихъ народовъ, послужила поводомъ къ безчисленнымъ критическимъ изслѣдованіямъ. Или нѣмецкая переработка Рейнеке Лисы, напечатанная въ первый разъ въ XV столѣтіи на нижненѣмецкомъ нарѣчіи въ одномъ экземплярѣ, заимствована съ французскаго, или же французская и нѣмецкая переработка происходятъ изъ одного и того же источника и взяты съ голландскаго. Первыя печатныя изданія появились на голландскомъ и нижне-нѣмецкомъ языкахъ, но очень можетъ быть, что книга была напечатана въ первый разъ въ Англіи. Такимъ образомъ чрезвычайно трудно опредѣлить были ли первыя французскія, голландскія и нижненѣмецкія изданія оригиналами или переводами. Первымъ нѣмецкимъ передѣлывателемъ старинной саги о Лисѣ называютъ то голандца Генриха фонъ Алькмера, то автора Рейнеке Лисы, изданнаго Бауманомъ въ 1522 г. и теперь затеряннаго. Вторая изъ трехъ названныхъ народныхъ книгъ, Реннеръ, была издана въ концѣ XIII столѣтія Гуго фонъ Тримбергомъ. О немъ мы знаемъ только, что онъ еще прежде Реннера писалъ книги на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ. Онъ говоритъ это самъ своими тяжеловѣсными стихами:

Vor hatte ich sieben Büchlein
In Teutsche gemacht und in Latein
Fünftehalb, das ist war.

Авторъ Реннера говоритъ еще, что онъ сорокъ лѣтъ былъ школьнымъ учителемъ; намъ кажется, что эти слова выражаютъ только его отношенія къ мейстерзенгерамъ, потому что и Гансъ Саксъ, бывшій сапожникомъ, называетъ себя школьнымъ учителемъ. Въ XV столѣтіи Реннеръ читался еще въ рукописи и только въ половинѣ XVI столѣтія былъ напечатанъ во Франкфуртѣ на Майнѣ

Киріакомъ Яковомъ цумъ Бокъ, доставшимъ рукопись отъ Филиппа Справедливаго Пфальцскаго. Этотъ первый издатель Реннера говоритъ, что цѣлью поэта было показать, какимъ образомъ духовные даютъ дурной примѣръ и этимъ совращаютъ другихъ съ истиннаго пути и что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хотѣлъ дать урокъ и другимъ сословіямъ. По своему характеру поэма совершенно схожа съ пѣснями мейстерзенгеровъ; радостная и веселая, она нерѣдко заключаетъ въ себѣ и дерзкія выходки. Тонъ ея часто очень грубъ, когда дѣло касается рыцарства, дворянства и привилегированныхъ классовъ, занимавшихъ всѣ мѣста и должности. Для примѣра приведемъ нѣсколько стиховъ изъ начала поэмы:

Selig ist, dem des Geschlechts nit wird,
Das sein Kind so bald geberth.
Dieser Gauch zeugt ein Gänchelein,
Von dem kommt Meister Scheuchelein,
Hacketeufel und Reuchelein.

Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ дерзкихъ, но остроумныхъ стиховъ.

Реннеръ безъ сомнѣнія одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній мейстерзенгеровъ, хотя мы и не беремся сказать, былъ ли онъ, какъ Рейнеке Лиса и Корабль дураковъ, народною книгою, повсемѣстно распространенною. Послѣдняя книга, Корабль дураковъ, напечатана 60-ю годами ранѣе Реннера; латинскій переводъ ея появился еще въ 1488 г. и слѣдовательно базельское изданіе 1494 г. не было, какъ обыкновенно говорятъ, первымъ изданіемъ. Съ 1494 г. до самаго конца XVI столѣтія почти не проходило года, чтобы не появлялось одного или нѣсколько изданій Корабля дураковъ. Руководящая идея книги—сравненіе современной автору эпохи съ кораблемъ, наполненнымъ дураками, изъ числа которыхъ онъ не исключаетъ и себя. Не будучи ни геніемъ, ни особенно занимательнымъ поэтомъ, онъ далъ народу доступную для него книгу и вмѣстѣ представилъ картину послѣднихъ годовъ XV столѣтія,

хотя и плоско, но за то вѣрно изображающую всѣ сословія, ихъ занятія и глупости. По этому въ то время, когда еще не существовало нѣмецкой библіи Лютера, сдѣлавшейся народной книгою, Гайлеръ фонъ Кейзерсбергъ, говоря въ 1498 г. проповѣди въ Страсбургѣ, бралъ тексты для нихъ изъ Корабля дураковъ.

Іоаннъ Гайлеръ фонъ Кейзерсбергъ, тридцать одинъ годъ (по 1510 г.) проповѣдывалъ въ Страсбургѣ и въ теченіе своей дѣятельности пустилъ въ ходъ одно изъ нарѣчій нѣмецкаго языка, впослѣдствіи забытое до тѣхъ поръ, пока въ наши дни Гебель снова не обратилъ на него нашего вниманія. Тоже самое сдѣлалъ для франконскаго нарѣчія бамбергскій каноникъ Альбрехтъ фонъ Кибъ. По стопамъ этихъ людей слѣдовалъ Лютеръ, доставившій полную побѣду верхне-саксонскому нарѣчію. Кромѣ упомянутой особенности, у Гейлера фонъ Кейзерсберга есть еще то общее съ Лютеромъ, что въ своихъ проповѣдяхъ онъ всегда искрененъ, прямодушенъ, энергиченъ, понятенъ, доступенъ и не впадаетъ въ глубину оракульской премудрости. Правда, и онъ, подобно названнымъ нами созерцательнымъ ораторамъ и аскетамъ, прибѣгаетъ къ аллегоріи и мистикѣ, но все таки не на столько, чтобы перестать быть народнымъ и всѣмъ доступнымъ ораторомъ. Нѣмецкія проповѣди Гайлера переведены на латинскій языкъ записавшимъ ихъ ученикомъ его Отеромъ, а извѣстный теперь текстъ ихъ переведенъ съ его перевода. Всѣхъ проповѣдей 110; онѣ расположены по порядку отдѣловъ Корабля дураковъ, хотя на это прямо и не указано. Передъ каждой проповѣдью стоитъ на латинскомъ языкѣ: „Число дураковъ несмѣтно (Stultorum est infinitus numerus).“ Съ характеромъ проповѣдей Гайлера можно лучше всего познакомиться изъ XXVII проповѣди, озаглавленной „Ученый дуракъ,“ гдѣ говорится объ ученыхъ вообще. По мнѣнію переводчика латинскаго текста Отера, въ ней идетъ рѣчь о бредѣ ученыхъ или о чопорныхъ дуракахъ, о дуракахъ въ чепцахъ и о дуракахъ въ баретахъ; признакомъ ихъ глупости служитъ то, что большинство господъ докторовъ парадируютъ въ своихъ высокихъ бархатныхъ баретахъ, хотя не смыслятъ

ни слова по латыни. Переводчикъ дѣлитъ проповѣдь на семь частей. Въ первой говорится о тѣхъ, кто собираетъ много драгоцѣнныхъ книгъ, ища въ нихъ, какъ въ другихъ домашнихъ принадлежностяхъ, славы; во второй — о тѣхъ, кто думаетъ сдѣлаться умнѣе, покупкою множества книгъ; въ третьей — о тѣхъ, кто хватаетъ всего по немногу и ничего не знаетъ; въ четвертой — о тѣхъ, кто находитъ наслажденіе въ томъ, чтобы смотрѣть на картины, книги и золотыя и серебряныя буквы; въ пятой — о тѣхъ, кого радуютъ великолѣпные бархатные и шелковые переплеты; въ шестой — о тѣхъ, кто пишетъ или печатаетъ книги, не имѣя ума; наконецъ, въ седьмой — о тѣхъ, кто смотритъ съ пренебреженіемъ на книги и на заключающуюся въ нихъ мудрость.

2. Первые шаги нѣмцевъ по пути къ новой національной литературѣ и образованности, проложенному итальянцами.

а) Новыя учебныя заведенія.

Говоря объ ученомъ образованіи, мы останавливаемся на немъ лишь на столько, на сколько оно вело къ народному образованію, и потому въ этомъ отдѣлѣ ограничимся поверхностнымъ указаніемъ на то, какимъ образомъ въ теченіе XV столѣтія въ Германіи вмѣсто прежнихъ исключительно богословско-философскихъ учебныхъ заведеній были основаны университеты по итальянскому образцу. Еще въ предшествовавшемъ столѣтіи были учреждены императоромъ Карломъ IV пражскій университетъ, а герцогами австрійскими Генрихомъ IV, Альбрехтомъ III и Леопольдомъ III — вѣнскій, долгое время находившіеся въ очень плохомъ состояніи. Изъ потомковъ названныхъ герцоговъ императоръ Фридрихъ III, занимался менѣе имперіей, чѣмъ ботаникой, химіей и астрономіей, которыя онъ изучалъ въ Линцѣ. Университеты гейдельбергскій, кёльнскій и эрфуртскій возникли въ то же столѣтіе, какъ пражскій и вѣнскій. Въ Вюрцбургѣ, еще въ 1410 г. предпола-

галось основать университетъ, но этому помѣшалъ споръ между духовенствомъ и гражданами и только въ 1589 г. было все готово къ открытію такого заведенія. Въ 1409 г., какъ мы уже говорили (т. IX, стр. 133), былъ осуществленъ давно задуманный планъ основать университетъ въ Лейпцигѣ, когда, по изгнаніи нѣмцевъ изъ Праги, для этой цѣли соединились Фридрихъ Воинственный и Вильгельмъ II Мейссенскій. Десять лѣтъ спустя, въ 1419 г., по соглашенію герцоговъ мекленбургскихъ Іоанна и Альбрехта съ городомъ Ростокомъ, былъ учрежденъ ростокскій университетъ. Въ 1456 г. былъ основанъ университетъ въ сосѣднемъ городѣ Грейфсвальде, не смотря на то, что жители Ростока употребляли всѣ усилія, чтобы отклонить отъ этого герцога померанскаго Вратислава. За два года передъ тѣмъ былъ основанъ курфирстомъ Іаковомъ трирскій университетъ, а еще въ 1426 г. герцогъ брабантскій учредилъ лувенскій университетъ. Университеты въ Базелѣ и Фрейбургѣ въ Брейзгау по всей вѣроятности были открыты въ одинъ и тотъ же годъ (1460 г.) Въ 1477 г. Эбергардъ Вюртембергскій основалъ университетъ въ Тюбингенѣ, а вслѣдъ затѣмъ курфирстъ Дитгеръ открылъ университетъ въ Майнцѣ. Такимъ образомъ въ теченіе 130 лѣтъ возникло пятнадцать высшихъ учебныхъ заведеній и хотя въ то время они собственно еще не были настоящими школами для народа, но самое учрежденіе ихъ доказывало, что въ Германію уже проникла потребность новой цивилизаціи, пробудившейся въ Италіи.

б) Провозвѣстники итальянской цивилизаціи въ Германіи.

Изъ людей, перенесшихъ въ XV столѣтіи классическое образованіе изъ Италіи въ Германію, мы назовемъ прежде другихъ родившагося въ началѣ XV столѣтія (1401 г.) Николая изъ Кузы или Кузана, о которомъ не разъ упоминали, говоря о Базельскомъ соборѣ (т. IX, стр. 234 и 238). Настоящее его имя было Николай Кребсъ, а Кузаномъ (Cusanus) онъ былъ прозванъ по имени одной деревни

въ трирскихъ владѣніяхъ, гдѣ онъ родился отъ бѣдныхъ родителей. Въ то время какъ въ Германіи аристотелевская философія была извѣстна только по арабско-латинскимъ переводамъ, Кузанъ познакомился съ настоящимъ Аристотелемъ въ Италіи, гдѣ изучилъ сочиненія Петрарки и тогдашнее состояніе церкви. Ко всему этому онъ отличался знаніемъ римскаго права и, какъ критическій изслѣдователь, первый изъ нѣмцевъ доказалъ съ научной стороны, что все, выдаваемое съ безстыдною наглостью легковѣрнымъ среднимъ вѣкамъ за исторію, право и преданіе — чистая ложь. Кузанъ также первый придалъ изученію математики и географіи совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ оно имѣло въ монастыряхъ. За свою историческую и богословско-критическую ученость онъ пользовался на базельскомъ соборѣ бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ знаменитые парижскіе богословы, которые однако такъ успѣшно вели борьбу противъ папскихъ злоупотребленій, что посредствомъ прагматической санкціи пріобрѣли свѣтской власти своего отечества и галликанской церкви такія права, какихъ никогда не достигали германскій императоръ и нѣмецкая церковь (т. IX, стр. 236). На базельскомъ соборѣ Кузанъ напалъ всею силою своей критики не только на баснословное преданіе о томъ, будто Константинъ Великій подарилъ римскому епископу державныя права надъ страною, людьми и богъ знаетъ какими владѣніями, но первый обличилъ сочинителя лжеисидоровыхъ декреталій, т. е. доказалъ, что приписываемое Исидору Севильскому собраніе папскихъ распоряженій (т. V, стр. 436), преднамѣренный подлогъ. Въ практической жизни Кузанъ оказался плохъ; подобно такому же просвѣщенному ученому, Энею Сильвію, также бывшему оракуломъ іерарховъ, собравшихся для произведенія реформы въ церкви, онъ измѣнилъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ, когда папа назначилъ его сначала епископомъ бриксенскимъ, а потомъ (1448 г.) кардиналомъ. Изъ его сочиненій, изданныхъ въ 1565 г. въ трехъ большихъ фоліантахъ, самыя замѣчательныя въ историческомъ отношеніи: семь писемъ о современной исторіи, соборахъ и спорахъ съ чехами и ихъ ересью. Изъ

остальныхъ его сочиненій, бо́льшей частью богословскаго или юридическаго содержанія, мы назовемъ только тѣ, которыя указываютъ на его отношеніе къ своему времени и доказываютъ, что Николай принадлежалъ къ провозвѣстникамъ цивилизаціи XVI столѣтія. Первое изъ этихъ сочиненій заключаетъ въ себѣ точное изслѣдованіе ученія Мухаммеда (Cribratio Alcorani); оно было однимъ изъ самыхъ понятныхъ сочиненій противъ ученія корана, напечатанныхъ въ то время, когда османскіе турки все ближе подвигались къ Европѣ и дѣлали себѣ прозелитовъ мечемъ. Второе называется Conjectura de novissimis temporibus (Соображенія о новѣйшемъ времени); имъ, какъ оракуломъ, воспользовались совершенно различно для своихъ цѣлей піетисты XVIII столѣтія, іезуиты и скептикъ Байль. Въ этой книжечкѣ Кузанъ, смущенный состояніемъ церкви, потрясенной внутри и угрожаемой извнѣ постоянно усиливавшейся ересью гуситовъ, проповѣдуетъ совершенное паденіе церкви и ея обновленіе святыми людьми. Его математическія и географическія сочиненія, въ которыхъ никакія богословскія и церковныя соображенія не ставятъ преградъ его мыслящей головѣ, написаны совершенно въ духѣ новой науки, основанной на фундаментальномъ изученіи древнихъ и полезной для практической жизни и ея потребностей. Относительно его математическихъ трудовъ можно во первыхъ указать на то значеніе, которое придавалъ великій математикъ Валлизій его сочиненію о квадратурѣ круга. Затѣмъ въ небольшой книгѣ (Reparatio calendarii) Кузанъ изложилъ свои изслѣдованія о необходимыхъ измѣненіяхъ календаря, приведенныхъ въ исполненіе много лѣтъ спустя папою Григоріемъ XIII, (т. IV, стр. 90). Наконецъ, его труды надъ таблицами Альфонса, (т. VIII, стр. 208) открыли путь усовершенствованіямъ Кеплера и Тихо де Брахче, а двадцать фоліантовъ его трудовъ, содержащихъ въ себѣ исправленныя имъ таблицы, принесли существенную пользу астрономіи. Къ географическимъ работамъ Кузана принадлежатъ: значительно исправленный имъ географическій очеркъ позднѣйшей древности, напечатанный въ первый разъ Боссіемъ въ XVII

столѣтія (itinerarium Antonini), и описаніе Германіи и всѣхъ остальныхъ странъ до Константинополя, названное имъ таблицею (tabula) или росписью земель и включенное Шардіусомъ, подъ именемъ сочиненія Себастіана Мюнстера, въ его собраніе нѣмецкихъ историковъ.

Изученіе математическихъ и астрономическихъ наукъ, которымъ Николай Кузанъ занимался какъ побочнымъ занятіемъ, было спеціальностью Георгія Пурбаха или Пеурбаха. Онъ родился въ 1423 г., а умеръ въ 1461 г. Пурбахъ не такъ замѣчателенъ своими сочиненіями, какъ учительскою дѣятельностью въ Вѣнѣ. Пользуясь покровительствомъ Фридриха III, онъ съумѣлъ пробудить въ Германіи своею энергіею и талантами любовь къ положительнымъ или реальнымъ наукамъ, плодами которой были труды такихъ людей какъ Кеплеръ и Коперникъ. Не умри Пурбахъ такъ рано, онъ сдѣлался бы первымъ изъ провозвѣстниковъ совершенно новой науки и ученія, потому что кардиналъ Виссаріонъ, оцѣнившій во время своего пребыванія въ Германіи удивительныя способности молодаго человѣка, хотѣлъ взять его съ собой въ Италію, чтобы дать ему возможность основательно изучить греческій языкъ и литературу. Вмѣсто Пурбаха, съ Виссаріономъ отправился въ Италію одинъ изъ его учениковъ, Іоаннъ Мюллеръ или, какъ его обыкновенно называютъ по его родинѣ Кенигсбергу, Регіомонтанъ (Кенигсбергъ-Regius mons); впослѣдствіи онъ былъ однимъ изъ первыхъ, распространившихъ въ Германіи изученіе древнихъ языковъ, ихъ литературы и реальныхъ и практическихъ наукъ, и освободившихъ Птолемея и другихъ древнихъ астрономовъ отъ средневѣковаго сора и вздора арабовъ. Регіомонтанъ походилъ на греческихъ и итальянскихъ апостоловъ новой цивилизаціи еще и тѣмъ, что, разъѣзжая изъ города въ городъ, старался возбуждать во всѣхъ любовь къ наукѣ. Когда по винѣ Фридриха III палъ вѣнскій университетъ, Регіомонтанъ отправился въ Венгрію, гдѣ новая наука нашла покровительство у Маттіаса Корвина. Впослѣдствіи мы видимъ его въ Нюрнбергѣ, центрѣ механическаго искусства, практической науки и

мейстерзенгерства, а потомъ онъ снова вернулся въ Римъ, гдѣ умеръ въ 1476 г. Гассенди и всѣ позднѣйшіе астрономы и математики согласны въ томъ, что Регіомонтану принадлежитъ первое мѣсто въ области опытной и теоретической астрономіи. По ихъ словамъ онъ не только дѣлалъ точныя наблюденія и исправилъ употреблявшіяся тогда астрономическія таблицы, но самъ дѣлалъ и училъ дѣлать нюрнбергскихъ художниковъ вѣрные инструменты. Регіомонтанъ вычислилъ таблицы синуса, окончилъ и издалъ начатое Пурбахомъ вычисленіе планетныхъ орбитъ, научно опровергъ астрономическія мечты арабовъ и объяснилъ сочиненія Эвклида и Архимеда.

Совсѣмъ инаго рода была дѣятельность людей, проповѣдывавшихъ добродушному нѣмецкому народу религію сердца и удовлетвореніе скромною жизнью, удаленною отъ всякаго внѣшняго блеска, и учившихъ искать въ тихихъ умственныхъ занятіяхъ мира, котораго не даютъ безпокойныя стремленія и страстная политическая жизнь. Изъ этихъ людей мы назовемъ Іоанна Весселя, родившагося въ 1419 г. въ Грѣнингенѣ и умершаго въ 1489 г. въ томъ же городѣ, Вимпфелія и Гегія. Мы удовлетворимся только краткими, собранными нами замѣтками объ этихъ личностяхъ собственно по тому, что Ульманъ очень подробно и популярно разработалъ біографію Весселя и людей, принадлежавшихъ къ его кругу. По нашему мнѣнію главная заслуга Весселя состоитъ въ томъ, что онъ возбуждалъ въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи рвеніе нѣмцевъ къ религіозно-нравственному и классическому образованію. Онъ училъ въ Парижѣ, Кельнѣ, Гейдельбергѣ, Римѣ, Базелѣ и подъ конецъ въ своемъ отечествѣ. Его друзья были вмѣстѣ и друзьями Іоанна фонъ Дальберга, подобно флорентинскимъ патриціямъ покровительствовавшаго новымъ наукамъ и въ особенности старавшагося поднять гейдельбергскій университетъ. Іоаннъ фонъ Дальбергъ, родившійся въ 1445 г., получилъ образованіе въ Эрфуртѣ и сдѣлалъ очень многое для Германіи сначала въ должности канцлера курфирста пфальцскаго, потомъ (съ 1482 г.) какъ епископъ вормскій. Онъ вызвалъ въ Гейдельбергъ Іоанна Весселя

и другихъ талантливыхъ людей и основалъ въ Вормсѣ, по образцу свободныхъ итальянскихъ академій, такъ называемое рейнское общество: безконечные споры вормсцевъ съ ихъ епископами заставляли Дальберга жить съ своими каноникамн бо̀льшую часть времени въ пфальцскомъ городѣ Ладенбургѣ (особенно съ 1499 г.) и потому онъ могъ тамъ и въ Гейдельбергѣ соединять около себя друзей. Рейнское общество было собраніемъ ученыхъ по части нѣмецкой и классической литературы и достаточно привести имена нѣсколькихъ членовъ его, чтобы убѣдиться, что Дальбергъ съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ меценатомъ Германіи, которой, къ несчастью, недоставало Августа. Къ этому обществу принадлежали между прочими членами совѣтникъ и любимецъ курфирста пфальцскаго, Дитрихъ фонъ Плейнингенъ, аббатъ Тритгеймъ, Іоаннъ Рейхлинъ, Вилибальдъ Пиркгаймеръ, Этельвольфъ фонъ Штейнъ и Мартинъ Поллихъ.

Изъ ученыхъ, присоединившихся къ Іоанну фонъ Дальбергу, слѣдуетъ упомянуть о Рудольфѣ Агриколѣ, пользовавшемся большимъ вліяніемъ въ своей родинѣ, городѣ Грѐнингенѣ, и походившемъ на итальянскихъ патриціевъ тѣмъ, что онъ занимался классическими науками ради ихъ самихъ, а не изъ какихъ нибудь постороннихъ цѣлей. Агрикола въ теченіе всей своей жизни старался принимать дѣятельное участіе въ новомъ образованіи и распространять его между своими современниками. Онъ получилъ образованіе въ Лувенѣ, потомъ поѣхалъ во Францію и оттуда отправился въ Италію, гдѣ слушалъ лекціи Гермолая Барбара, Ѳеодора Газу и другихъ и сблизился съ Іоанномъ фонъ Дальбергомъ и Дитрихомъ фонъ Плейнингеномъ, также находившимися въ то время въ Италіи. Въ Феррарѣ, гдѣ онъ нѣсколько времени училъ и учился, Агрикола собралъ драгоцѣнныя рукописи, которыми впослѣдствіи пользовались ученые всѣхъ націй въ гейдельбергской библіотекѣ. Спеціальными предметами его изученія были методы педагогіи. Въ XVI столѣтіи Агриколу считали человѣкомъ, оказавшимъ вмѣстѣ съ Эразмомъ Роттердамскимъ и Филиппомъ Меланхто-

номъ наиболѣе заслугъ въ дѣлѣ преобразованія школъ и изученія гуманитарныхъ наукъ, распространенныхъ протестантами послѣ Лютера. Агрикола отказался отъ званія синдика города Грёнингена, когда его другъ Дальбергъ, сдѣлавшись епископомъ вормскимъ, пригласилъ его въ Гейдельбергъ; онъ умеръ въ 1488 г. Его собраніе рукописей составляетъ драгоцѣнное основаніе гейдельбергской библіотеки, пользовавшейся всемірно-историческимъ значеніемъ до завоеванія Гейдельберга Тилли.

Изъ людей, которымъ покровительствовалъ Іоаннъ фонъ Дальбергъ, рядомъ съ Агриколой особаго вниманія заслуживаютъ Конрадъ Клетесъ и Іоаннъ Рейхлинъ. Первый знаменитъ своей подвижностью и разнообразіемъ возбужденныхъ имъ въ различныхъ странахъ Германіи новыхъ умственныхъ стремленій; второй — своей реформаторской дѣятельностью на поприщѣ преподаванія. Заслуги Рейхлина для своего времени и потомства были прочнѣе заслугъ Клетеса; но они принадлежатъ болѣе XVI, чѣмъ XV-го столѣтію, и потому мы подробно скажемъ о нихъ, когда коснемся литературы слѣдующаго періода. Конрадъ Клетесъ, нѣмецкая фамилія котораго была Пиккель или Мейссель, родился въ 1459 г. въ окрестностяхъ Швейнфурта. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Кёльнѣ, а потомъ въ Гейдельбергѣ своей легкостью сочинять стихи расположилъ къ себѣ Іоанна фонъ Дальберга, Рудольфа Агриколу и другихъ лицъ, которыя дали ему возможность отправиться въ Италію, откуда исходили тогда образованіе, наука и искусство. Въ Италіи Клетесъ пробылъ два года въ кругу Марсилія Фицина, Іоанна Кальпургія, Гварино, Бероальда, Сабеллика, Помпонія, Лета и другихъ основателей возродившагося изученія древнихъ и пріобрѣлъ тамъ знанія, которыя онъ впослѣдствіи распространялъ въ Германіи, будучи членомъ рейнскаго общества. Въ Италіи онъ оставался съ 1487 г. по 1489 г.; потомъ до 1490 г. училъ въ Краковѣ, гдѣ въ то же время изучалъ астрономію подъ руководствомъ Альберта Брутлева, а впослѣдствіи трудился болѣе или менѣе продолжительное время

во всѣхъ 15 тогдашнихъ германскихъ университетахъ. Достаточно указать на одно это, чтобы понять, что дѣятельность этого безпокойнаго человѣка можетъ быть сравнена съ дѣятельностью грековъ въ Италіи. Его первое сочиненіе, появившееся въ 1486 г., учитъ только сочинять стихи, поэтому мы и не станемъ распространяться о немъ. Затѣмъ онъ издалъ нѣкоторыя сочиненія Сенеки и училъ въ Лейпцигѣ, какъ впослѣдствіи во всѣхъ германскихъ университетахъ, по системѣ, противоположной схоластической, до тѣхъ поръ господствовавшей въ школахъ. Въ 1491 г. онъ написалъ поэму о нѣмецкой землѣ и ея нравахъ (Situs et mores Germaniae), которая, какъ описаніе путешествія, чрезвычайно важна для изслѣдователя положенія Германіи въ XV столѣтіи. Въ 1492 году онъ читалъ въ Ингольштатѣ лекціи о Гораціи, въ 1493 г. отправился сначала въ Вѣну, потомъ въ Майнцъ, а въ 1494 г. снова вернулся въ Ингольштатъ, откуда чума заставила его бѣжать въ 1496 г. въ Гейдельбергъ, гдѣ онъ чрезвычайно дѣятельно трудился для рейнскаго общества. Съ 1501 г. до самой смерти (1508 г.) онъ былъ библіотекаремъ въ Вѣнѣ. Сочиненія Клетеса, какъ ни велико было ихъ вліяніе на нѣмцевъ XV столѣтія, не имѣютъ значенія для нашего времени. Изъ двухъ изданій его поэмы, совершенно различныхъ по содержанію, одно, появившееся въ 1613 г. въ Страсбургѣ, содержитъ только благопристойныя оды и эпиграммы, другое, напечатанное въ 1502 г. въ Нюрнбергѣ, заключаетъ въ себѣ четыре книги грязныхъ элегій или, другими словами, голую картину нравовъ, представленную въ формѣ поэтическаго описанія путешествія и схожую съ тѣмъ, что мы находимъ у Петра Аретина и Ульриха Гуттена. Въ ней самыми непристойными и циническими выраженіями очерчены безстыдные нравы и распутство итальянцевъ, которымъ предавались какъ Клетесъ, такъ и Гуттенъ.

C. Образованность и литература Италіи со смерти Данте до половины XV столѣтія.

1. Переходъ отъ XIV къ XV столѣтію.

Рядомъ съ Данте, творцами новой итальянской поэзіи, возстановителями изученія древнихъ классиковъ и людьми, учившими примѣнять науку къ образованію и литературѣ, съ полной справедливостью называютъ обыкновенно Боккаччіо и Петрарку. Въ нашей исторіи, говоря объ образованіи вообще, мы не остановимся на ихъ итальянскихъ поэтическихъ произведеніяхъ и не станемъ дѣлать оцѣнку ни идеальной и выспренной лирики Петрарки, ни матеріальнаго разсказа Боккаччіо, обворожавшаго итальянское ухо гармоніей своей прозы. Мы укажемъ на другаго рода дѣятельность ихъ, въ которой ихъ вліяніе было сильнѣе вліянія Данте.

Флорентинецъ, какъ Данте, Петрарка родился не во Флоренціи, но въ Авиньонѣ, гдѣ находился папскій дворъ. Совершенно ошибочно говорятъ, что Петрарка выучился греческому языку у монаха Варлаама, учителя Данте; онъ учился и изучилъ греческій языкъ въ Авиньонѣ. Отсюда онъ былъ отправленъ въ Болонью для изученія римскаго права, но въ 1326 году вернулся въ Авиньонъ, не изучивъ его. Говорятъ, что въ слѣдующемъ году онъ увидѣлъ Лауру, предметъ его лирической поэмы. (Sonnetti, canzoni, rime, triomfi). Мы не станемъ спорить о томъ, существовала ли Лаура въ дѣйствительности и любилъ ли ее Петрарка. Заоблачная, часто мистическая и созерцательная лирика поэта лишена всякаго матеріализма, предметъ ея слишкомъ идеаленъ, а любовь Петрарки представляется черезъ чуръ платоническою функціей и потому намъ кажется, что въ мысли поэта никогда не было тѣлеснаго существа и что поэма Петрарки не нуждается въ тѣхъ историческихъ и даже топографическихъ изслѣдованіяхъ, которымъ ее подвергали. Петраркою восхищалась вся современная

ему Европа; этимъ онъ былъ обязанъ не лирическимъ своимъ стихотвореніямъ, составляющимъ теперь главную его заслугу, но въ то время извѣстнымъ только въ Италіи и южной Франціи, а единственно своимъ книгамъ, писаннымъ по латини. Петрарка писалъ на латинскомъ языкѣ и поэмы, которыя ставились тогда на ряду съ Виргиліемъ, его образцомъ, и прозаическія книги различныхъ родовъ. Про Петрарку, латинскій языкъ котораго еще слишкомъ высоконаренъ, поэтиченъ, часто даже неправиленъ, одинъ изъ членовъ рейнскаго общества Дальберга, аббатъ Тритгеймъ говоритъ: онъ снова воскресилъ (ab inferis revocavit ad superos) образовательную науку древнихъ (humaniores literas), давно исчезнувшую и умершую (post longa silentia mortuas). Кажется, Петрарка самъ чувствовалъ, что онъ не рожденъ эпическимъ поэтомъ; но не смотря на то, за повѣствовательную поэму Africa и за идилліи (Bucolica) его въ одно и то же время звали въ Парижъ и въ Римъ, чтобы короновать поэтомъ. Онъ предночелъ короноваться въ Римѣ, предворительно подвергнувшись въ Неаполѣ публичному испытанію среди торжественной обстановки. Выказавъ здѣсь, въ присутствіи короля Роберта и его двора, свои поэтическія дарованія и знанія и осыпанный почестями, онъ отправился въ Римъ, гдѣ съ тріумфомъ былъ коронованъ въ Капитоліи (1341 г.). Оба торжества, въ Неаполѣ и въ Римѣ, были великими національными праздниками въ честь возродившейся жизни древнихъ въ государствѣ и литературѣ, и на обоихъ Петрарка былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Съ этихъ поръ всѣ ученые ищутъ знакомства и расположенія Петрарки; города, князья, кардиналы, даже папа и императоръ совѣтуются съ нимъ о своихъ дѣлахъ. Ему была обязана древняя литература тѣмъ, что она находила покровительство въ итальянскихъ городахъ; съ нимъ совѣтовался императоръ Карлъ IV при учрежденіи пражскаго университета, и не Петрарка виной того, что Карлъ не возстановилъ древняго блеска римской имперіи и единства итальянской національности. Петрарка находился при Карлѣ во время его втораго римскаго похода (1368 года), а въ

1370 г. еще разъ пріѣхалъ въ Италію и умеръ тамъ въ 1374 г.

Изъ 29 книгъ, написанныхъ имъ по словамъ Фабрицiуса, мы приведемъ только немногія, доказывающія, что со времени Петрарки въ руки ученыхъ давались совершенно другія книги, чѣмъ въ началѣ XIV столѣтія. Прежде всего назовемъ его „Утѣшеніе въ счастіи и несчастьи“ (Remedium utriusque fortunae), книгу, пользовавшуюся такою популярностью и имѣвшую столько изданій, что въ этомъ отношеніи (какъ всѣми читавшуюся книгу) ее можно сравнить только съ сочиненіемъ Боэтія, „о философскомъ утѣшеніи“ (т. IV, стр. 568). Эта книга, состоящая изъ 245 діалоговъ, раздѣлена на два главныхъ отдѣла: въ первомъ разговариваютъ между собой, какъ аллегорическія личности, радость и надежда, во второмъ печаль и страхъ. Другое сочиненіе Петрарки, названное имъ своимъ тайнымъ дневникомъ (De contemptu mundi colloquiorum liber, quem secretum suum inscripsit), совершенно сходно съ его выспренной лирикой, созерцательностью и неоплатонизмомъ его поэмы. Въ этомъ сочиненіе онъ бесѣдуетъ съ Августиномъ о мірѣ и мірскихъ дѣлахъ въ духѣ того времени, для котораго писали онъ и Данте. Для нашего времени чрезвычайно интересно сравнить эту книгу съ тѣмъ, что говоритъ о ней Гингене въ исторіи литературы Италіи; это сопоставленіе дастъ намъ возможность составить ясное понятіе о сравнительномъ достоинствѣ французской образованности XVIII столѣтія и итальянской XIV столѣтія. Изъ многихъ, большей частью декламаторскихъ писемъ Петрарки, для исторіи XIV столѣтія и его культуры особенно замѣчательны 128, названныя Senilia, въ которыхъ Петрарка является совѣтникомъ, руководителемъ и пророкомъ своего времени. Они напечатаны вмѣстѣ съ книгою, содержащею въ себѣ 58 писемъ къ Андрею Дандоло и посланіями, страннымъ образомъ обращенными къ людямъ древности, восхищавшимъ Петрарку: Цицерону, Ливію, Варрону и Сенекѣ. Этими сочиненіями Петрарка дѣйствовалъ на одну сторону національнаго характера своихъ соотечественниковъ, пробуждая въ нихъ любовь къ новому образованію

и классической литературѣ, но вмѣстѣ пріучалъ ихъ къ пышности рѣчи и благозвучію часто совершенно пустыхъ періодовъ и фразъ; они развивали въ итальянцахъ стремленіе къ мечтательности и созерцательности. Другія сочиненія Петрарки привлекали къ себѣ итальянскій народъ, любящій занимательные разсказы, побасенками и вычурными исторіями. Тотъ родъ исторіи, который Данте предпочиталъ серіозной исторіи, былъ самымъ лучшимъ возбудительнымъ средствомъ для его націи. Чтобы пробудить интересъ къ исторіи, приспособленной къ жизни, онъ написалъ своимъ привлекательнымъ слогомъ собраніе историческихъ разсказовъ (Rerum memorabilium libri IV). Изъ одного оглавленія этого сборника легко понять, какъ онъ хотѣлъ, по примѣру Валерія Максима (т. IV, стр. 343), соединить исторію съ моралью и, примѣняя на практикѣ, сдѣлать ее полезной и пріятной. Первая книга содержитъ въ себѣ разсказы о досугахъ и занятіяхъ ученыхъ; вторая — о добродѣтеляхъ, умѣ, памяти, разсудкѣ, остроуміи, насмѣшкѣ, шуткѣ и краснорѣчіи; третья — о дѣятельности, хитрости и выдержкѣ въ словѣ и въ дѣлѣ; наконецъ четвертая — о предположеніяхъ, т. е. снахъ, предчувствіяхъ и предсказаніяхъ. Другое сочиненіе, четырнадцать жизнеописаній римскихъ государственныхъ людей и полководцевъ, отъ Ромула до Курія Дентата и Фабриція, вышло изъ того пламеннаго римскаго патріотизма, который соединилъ Петрарку съ Коло Ріенци (т. VIII, стр. 179 и слѣд.). Все, что говорится въ этой книгѣ, находится и у Ливія въ его туманномъ, миѳическомъ разсказѣ, вдохновлявшемъ еще древнихъ римлянъ и возбуждавшемъ ихъ къ великимъ подвигамъ. Лорбардъ де Сирихо не понялъ цѣли Петрарки, прибавивъ къ его сочиненію еще двадцать одну біографію, въ которыхъ героическая исторія была выведена изъ миѳическаго періода въ историческій до Траяна.

Въ совершенно иномъ родѣ, не размашисто, какъ Петрарка, но перомъ Данте, коротко, сжато, серіозно и строго, написалъ флорентинецъ Дино Компаньи на итальянскомъ языкѣ исторію своей родины съ 1280 г. по 1312 г. Подобно великимъ древнимъ писа-

телямъ, къ которымъ мы его причисляемъ, онъ разсказываетъ то, что самъ видѣлъ и въ чемъ принималъ дѣятельное участіе, будучи гонфалоніеромъ города. Дино Компаньи, какъ Маккіавели, не строитъ періодовъ и, какъ другой его соотечественникъ—Виллани, не гоняется за занимательными анекдотами; онъ справедливъ, серіозенъ и глубокъ, какъ Ѳукидидъ, а его исторія строга, какъ приговоръ свѣта. Обсахаренные и заснувшіе итальянцы долго съ горестью ставили ему въ упрекъ все это и долго оставляли его въ совершенномъ забвеніи, пока Муратори не помогъ воздать ему должной чести, перепечатавъ его сочиненіе въ девятой части своего собранія итальянскихъ историческихъ источниковъ. Хотя изученіе Данте и научило насъ понимать, на сколько лощенный языкъ новыхъ итальянцевъ (cinquecentisti) ниже природной энергіи и оригинальнаго блеска такихъ личностей, какъ Данте и Дино Компаньи, но мы все таки не рѣшились бы судить о стилѣ и языкѣ Дино Компаньи, думая, что для этого необходимо итальянское ухо, еслибы не знали единодушнаго отзыва всѣхъ итальянцевъ со вкусомъ. Конечно не всѣ въ состояніи оцѣнить по достоинству блескъ наивныхъ выраженій, силу рѣчи, изящество неукрашеннаго, простаго и вполнѣ соотвѣтствующаго содержанію слога. Упреки, дѣлаемые Дино Компаньи въ излишней ѣдкости порицанія, въ высшей степени несправедливы; вѣдь и изъ того, въ чемъ Данте упрекаетъ своихъ флорентинскихъ соотечественниковъ, справедливо только очень немногое. По нашему мнѣнію, напротивъ, Дино Компаньи, какъ и Данте, выказываетъ себя въ этомъ порицаніи человѣкомъ твердымъ, строгимъ, стоящимъ выше своего времени и истиннымъ республиканцемъ, который въ уклоненіи отъ закона, религіи и нравовъ видитъ паденіе свободы.

Флорентинскій историкъ Джіованни Виллани, обыкновенно называемый первымъ классическимъ историкомъ на итальянскомъ языкѣ, — потому что Дино Компаньи такъ долго находился въ пренебреженіи, — относится къ Петраркѣ, какъ Дино Компаньи къ Данте. Дино Компаньи и Данте являются представителями

энергическаго, религіознаго, образованнаго и полнаго жизни времени, они олицетворяютъ собою духъ истинной и отдѣльной народности, они ничего не ищутъ, ихъ рѣчь и мысли стремятся изъ глубины души; Виллани и Петрарка напротивъ хотятъ и ищутъ классицизма и возрожденія духа древнихъ римлянъ. Виллани прямо высказываетъ это. Онъ говоритъ, что, въ бытность его въ Римѣ въ 1300 году, видъ колосальныхъ остатковъ древности навелъ его на мысль, что древній блескъ Италіи находится въ тѣсной связи съ исторіей подвиговъ древне-римскаго народа и что этотъ блескъ исчезъ съ тѣхъ поръ, какъ хроники монаховъ и сухіе перечни событій заняли мѣсто національныхъ эпическихъ поэмъ и краснорѣчиво разсказанныхъ исторій; тогда онъ вспомнилъ о Виргиліи, Саллюстіи, Луканѣ, Титѣ Ливіи, Валеріи Максимѣ, Павлѣ Орозіи и задумалъ написать въ ихъ духѣ исторію своей родины, чтобы воодушевить итальянцевъ къ подвигамъ, достойнымъ ихъ предковъ. По своему положенію Виллани имѣлъ возможность къ фактамъ, взятымъ имъ изъ книгъ, присоединять событіи, которыхъ былъ свидѣтелемъ; такимъ образомъ онъ былъ для нихъ источникомъ и историкомъ. Въ своемъ отечествѣ онъ участвовалъ во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ и руководилъ иностранными сношеніями и потому могъ вполнѣ достигнуть своей цѣли, т. е. представить постепенное возрастаніе небольшаго государства, быстро возвысившагося, подобно Риму. Виллани хотѣлъ написать національное произведеніе на народномъ языкѣ и въ совершенствѣ выполнилъ свою задачу; Маккіавелли въ своей исторіи Флоренціи заранѣе предполагаетъ въ читателѣ знакомство съ Виллани и потому только дополняетъ то, чего онъ не коснулся. Предназначая свою исторію для народа, Виллани, какъ Ливій, начинаетъ ее изящно разсказанными сагами, легендами и сказочками и, подобно римскому историку, знакомитъ флорентинцевъ съ каждой деревней, мѣстечкомъ и окрестностями своего роднаго города, приводя анекдоты, событія, сраженія, слухи и преданія. Въ наше время его конечно упрекнули бы въ томъ, что онъ приводитъ подлинныя слова сво-

его предшественника Рикардоно Маласпини, не называя его; но то же самое встрѣчается, какъ извѣстно, во всѣхъ средневѣковыхъ хроникахъ. Для исторіи своего времени (до 1337 года) Виллани служитъ главнымъ источникомъ, такимъ же образомъ, какъ Ливій для своего, т. е. онъ замѣчателенъ манерою, изложеніемъ, живостью и оригинальностью слога. Простота, энергія и живость были присущи времени Виллани, но искусство разнообразить простое принадлежитъ только ему. Лучшіе и серіознѣйшіе писатели изъ новѣйшихъ итальянцевъ сознаются, что по отношенію къ формѣ изложенія, они изучаютъ его какъ образецъ и источникъ настоящаго стиля древнихъ. Какъ у всякаго истиннаго историка, который изъ за того, чтобы называться знаменитымъ писателемъ, не захочетъ утратить человѣческаго достоинства въ благородномъ значеніи этого слова, у Виллани не слѣдуетъ забывать къ какой партіи онъ принадлежалъ. По этому, когда онъ говоритъ о борьбѣ партій, нужно помнить, что онъ былъ крайній гвельфъ и демократъ.

Мы пишемъ не исторію литературы и потому не станемъ говорить ни о братьяхъ Виллани—Матвѣѣ, продолжившемъ исторію до 1363 г.!, и Филиппѣ, который довелъ ее до 1364 г., ни объ Андреѣ Дандоло, написавшимъ латинскую хронику Венеціи, какъ она ни важна для историка, ни о Муссато и другихъ историкахъ. Напротивъ, никакъ нельзя оставить безъ вниманія флорентинца Боккаччіо уже по той одной причинѣ, что его совершенно справедливо считаютъ, вмѣстѣ съ Данте и Петраркою, однимъ изъ основателей древнеклассическаго образованія, составляющаго и до нашихъ дней предметъ изученія всей Европы. Цѣль нашей исторіи не позволяетъ намъ разбирать и оцѣнивать достоинствъ итальянскихъ сочиненій Боккаччіо, которыя до сихъ поръ читаются и сдѣлали его имя безсмертнымъ; они принадлежатъ спеціально литературѣ. Мы упомянемъ только о тѣхъ его произведеніяхъ, которыя въ концѣ XV и въ XVI столѣтіи открыли образованной Европѣ путь къ знакомству съ древней цивилизаціей и приготовили новое поле образованію и литературѣ. Изъ итальянскихъ произведеній Боккаччіо первое

мѣсто принадлежитъ Decamerone—собранію разныхъ исторій въ прозѣ (въ томъ числѣ и неслыханно-скандалезныхъ), вмѣстѣ съ Fiametta и Labirinto d'amore или Corbaccio, а за тѣмъ лучшее сочиненіе — Filicopo или Comedie delle Ninfe Fiorentine. Двѣнадцать книгъ Тебаиды, написанные октавами (ottave rime), размѣромъ, изобрѣтеніе котораго часто приписываютъ Боккаччіо, Amorosa visione in 5 triomfi, Filostrato и Ninfalo Fiesolano онъ, говорятъ, самъ бросилъ въ огонь, прочтя поэму Петрарки. Мы сомнѣваемся въ этомъ, потому что названныя сочиненія находятся не только въ рукописномъ собраніи его сочиненій, но и во многихъ напечатанныхъ изданіяхъ. Съ разсматриваемой нами стороны Боккаччіо замѣчателенъ какъ первый ученый Запада, читавшій греческаго Гомера въ подлинникѣ; Петрарка, имѣвшій у себя поэмы Гомера, не могъ читать ихъ по незнанію языка. Грекъ Леонтій Пилатъ, пріѣхавшій въ 1360 г. во Флоренцію и остававшійся въ ней три года, училъ Боккаччіо своему родному языку и облегчилъ ему пониманіе Гомера словеснымъ переводомъ его. Боккаччіо перевелъ всю Иліаду, бо̀льшую часть Одиссеи и 16 діалого̀въ Платона. Если онъ, можетъ быть, и не такъ хорошо писалъ по латини, какъ Петрарка, но за то различнымъ образомъ старался познакомить своихъ соотечественниковъ съ внутреннимъ бытомъ древняго міра и съ тою частью его литературы, которая могла быть примѣнима къ жизни. Мы не придаемъ большаго значенія компиляціямъ, пріобрѣвшимъ ему славу въ публикѣ, но онѣ имѣли важность въ первыя времена возрожденія науки древнихъ, потому что соотвѣтствовали вкусу времени и были занимательны. Двѣ книги, миѳологія древнихъ и сочиненіе о названіи лѣсовъ, горъ, рѣкъ, источниковъ, озеръ и т. д. собственно не принадлежатъ Боккаччіо, но были только исправлены имъ. Первая (Genealogiae deorum, libri X) написана Павломъ Перузиномъ; Боккаччіо же съ помощью монаха Варлаама дополнилъ ее тѣми свѣдѣніями, которыя могъ собрать въ греческихъ и латинскихъ сочиненіяхъ. Въ этой книгѣ Боккаччіо, какъ это дѣлаютъ и въ наше время, расположилъ всѣ миѳическія стихотворенія и пре-

данія древнихъ по системамъ, типамъ; любитель подобныхъ толкованій и системъ найдетъ у него то же, что у Наталиса Комеса, Канне или у Крейцера. Второе сочиненіе (о названіи лѣсовъ, горъ, рѣкъ и т. д.) принадлежитъ Вибію Секвестру, жившему въ V или VI столѣтіи; участіе Боккаччіо въ этомъ сборникѣ состояло частью въ увеличеніи и приведеніи въ порядокъ матеріаловъ, частью въ исправленіи языка. Третье сочиненіе Баккаччіо, написанное для распространенія знаній о древнемъ мірѣ,—книга о знаменитыхъ женщинахъ (de claris mulieribus). Это сочиненіе доказываетъ, что Боккаччіо умѣлъ также занимательно разсказывать на латинскомъ языкѣ, какъ и на итальянскомъ, и отлично воспользовался всевозможными истинными и вымышленными исторіями. Чтобы понять какъ онъ обращается съ разсказами и какую цѣль имѣетъ въ виду, достаточно прочесть у него извѣстную исторію женщины-папы Іоанны. Эта книга, тотчасъ по появленіи, пріобрѣла такую же извѣстность во всей Европѣ, какъ Декамеронъ въ Италіи и вскорѣ была переведена на испанскій, французскій, итальянскій и нѣмецкій языки. Тоже можно сказать и о десяти книгахъ его о судьбѣ знаменитыхъ мужчинъ и женщинъ (de casibus virorum et feminarum illustrium); эта книга также была переведена на всѣ языки, а въ бодлеянской оксфордской библіотекѣ находится даже старый переводъ ея англійскими стихами.

2. Періодъ Медичи или цвѣтущее состояніе искусствъ и литературы въ XV столѣтіи.

а) Отношеніе итальянскихъ правительствъ къ литературному образованію и его успѣхамъ.

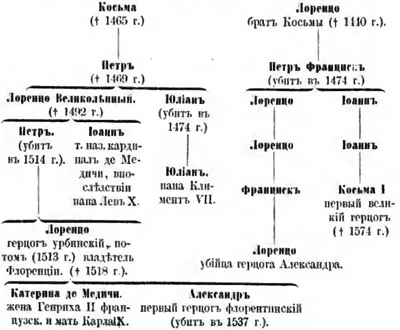
Въ быстромъ прогрессѣ итальянской образованности и науки въ XV столѣтіи звѣрскіе тиранны, возобновившіе въ различныхъ городахъ и государствахъ Италіи память о жестокихъ притѣснителяхъ свободы древней Греціи, приняли такое же дѣятельное участіе какъ и законныя и лучшія правительства. Чтобы нагляднѣе

представить это, начнемъ съ Милана и Флоренціи. Въ Миланѣ первые Висконти, звѣрствовавшіе въ этомъ городѣ и его владѣніяхъ, глядѣли на новую умственную жизнь Италіи съ меньшимъ сочувствіемъ, чѣмъ другіе владѣтели ихъ времени; но это не помѣшало раннему развитію науки древнихъ въ Миланѣ. Энтузіазмъ къ свободѣ, происшедшій отъ изученія древнихъ, былъ гибеленъ предпослѣднему владѣтелю изъ дома Висконти, Іоанну Маріи. Въ 1412 г. онъ былъ убитъ юношами первыхъ фамилій не столько за свою жестокость, сколько по тому, что учитель этой молодежи съумѣлъ рѣчами, которыя говорилъ всякій разъ, объясняя древнихъ, воспламенить въ ней желаніе возстановить республику (т. IX, стр. 299). Недостатокъ опредѣленнаго плана и тогдашнее господство кондоттьеровъ, дравшихся за деньги, а не за идеи и системы, были причиною гибели увлекшихся юношей, и вслѣдъ за тѣмъ слабый, недостойный Филиппъ Марія властвовалъ такъ же произвольно, какъ его братъ. Но исторія воспитанія этого человѣка и его занятій доказываетъ, что національное и гуманистическое образованіе не могло не коснуться итальянскаго правителя. Одинъ изъ знаменитыхъ гуманистовъ и латинистовъ XV столѣтія, Кандидъ Децемберъ, описалъ жизнь, образованіе и занятія Филиппа Маріи; изъ его очерка можно видѣть, какъ старались въ то время примѣнить науку древнихъ къ жизни и практикѣ. Молодаго Висконти заставляли сначала читать Петрарку и отмѣчать тѣ мѣста, которыя ему особенно нравились. Потомъ Марціанъ изъ Тортоны объяснялъ ему Данте. Вмѣстѣ съ этимъ ему читали Ливія и, объясняя римскаго историка, знакомили будущаго правителя съ принципами государственной мудрости. Наконецъ ему читали жизнь знаменитыхъ людей на французскомъ языкѣ, впрочемъ вѣроятно только изъ рыцарскихъ романовъ или извѣстныхъ баснословныхъ исторій трубадуровъ. При переходѣ владычества отъ фамиліи Висконти къ Сфорцамъ выказалось, какъ тѣсно и нераздѣльно связана литературная жизнь съ политической и гражданской. Францискъ Сфорца, первый этой династіи, былъ слишкомъ занятъ государственными и военными дѣлами и потому

обращалъ мало вниманія на возрождавшуюся науку древнихъ, но при немъ и его сынѣ всѣми дѣлами миланскаго кабинета руководилъ хитрый Франческо Симонетта, обыкновенно называемый Чіекко (слѣпой) и считаемый однимъ изъ сильнѣйшихъ покровителей новой цивилизаціи. Подобно тогдашнимъ итальянскимъ князьямъ, Чіекко принималъ къ себѣ греческихъ эмигрантовъ, старался опредѣлять ихъ на государственныя должности и покровительствовалъ итальянцамъ, занимавшимся наукою; одинъ изъ дѣятельныхъ реформаторовъ средневѣковой науки, Филельфъ, неотлучно находился при всемогущемъ министрѣ. Потомки Франциска Сфорцы не отличались ни нравственными, ни военными качествами, ни правительственными способностями, но всѣ безъ исключенія выказывали громадный энтузіазмъ къ новой литературѣ. Даже женщины изъ фамиліи Сфорцы хорошо знали римскую и греческую литературы; такъ напримѣръ учителемъ дочери Франциска Сфорцы, Ипполиты, былъ знаменитый Ласкарисъ, греческая грамматика котораго долгое время служила руководствомъ для юношества. Младшій сынъ Франциска Сфорцы, Людовикъ иль Моро, узурпаторъ, тираннъ, тюремщикъ и убійца своего племянника, былъ однимъ изъ главныхъ покровителей греческой науки новаго времени. Онъ не только призвалъ къ себѣ Димитрія Хальконднласа, Георгія Мерулу и Александра Минуціана для объясненія древнихъ классиковъ, но, по разсказамъ Филиппа Беральда, не проводилъ ни одного дня безъ того, чтобы не прочесть нѣсколькихъ страницъ какого нибудь древняго писателя. Мы должны однако замѣтить, что ученые того времени были такъ же тщеславны и корыстолюбивы, какъ и въ наше время, и еслибы вѣрить всѣмъ сочиненіямъ знаменитѣйшихъ историковъ, то отвратительнѣйшаго изъ тиранновъ пришлось бы считать самымъ благороднымъ защитникомъ всего великаго и хорошаго.

Во Флоренціи наука и искусство обязаны своимъ высшимъ процвѣтаніемъ дому Медичи. Еще въ XV столѣтіи эта фамилія владѣла несмѣтными богатствами и пользовалась огромнымъ значеніемъ; вычисленія Сисмонди, доказывающаго что въ наше время

множество богатыхъ фамилій имѣютъ несравненно болѣе доходовъ, ничего не доказываютъ, потому что кромѣ цифръ есть еще множество условій, которыя необходимо принять въ соображеніе. Впрочемъ громадныя издержки Медичи въ пользу наукъ относятся къ XVI столѣтію, когда этотъ домъ сдѣлался великогерцогскимъ и изъ него вышли двое папъ, Левъ X и Климентъ VII. По дѣятельности Медичи можно всего лучше составить себѣ понятіе о томъ, что было сдѣлано въ Италіи для искусства и науки. Желая доказать, что ихъ эпоха была для новаго времени тѣмъ же, чѣмъ время Перикла для всей древности, англичанинъ Роско подробно описалъ жизнь Лоренцо Великолѣпнаго и папы Льва X. Здѣсь мы говоримъ только о первыхъ потомкахъ старшей линіи этой фамиліи, къ которой не принадлежали послѣдующіе великіе герцоги, происходившіе отъ одного изъ братьевъ уже не разъ упомянутаго нами Косьмы Медичи (т. IX, стр. 343 и слѣд.). Для болѣе нагляднаго обзора мы приведемъ родословную дома Медичи, начиная съ Косьмы:

Дѣятельность Косьмы на пользу искусствъ ознаменовалась преимущественно покровительствомъ величайшимъ зодчимъ новаго времени, Брунеллески и Микелески, давшимъ имъ возможность воздвигнуть во Флоренціи памятники искусства, удивляющіе всю Европу. Брунеллески построилъ въ то время великолѣпный куполъ церкви Санта Марія дель Фіоре. Косьма пожертвовалъ также большія суммы, на которыя Лоренцо Гиберти съ 1402 по 1423 г. окончилъ знаменитыя бронзовыя двери церкви Санъ-Джіованни; про нихъ Микель Анджело сказалъ, что они достойны быть дверьми рая. При Косьмѣ блистали ваятель Донателло и живописцы Мазаччіо, Джіотто и Липпи. О заслугахъ Косьмы въ пользу новаго образованія мы уже говорили (т. IX, стр. 387); на этомъ поприщѣ Медичи помогалъ Николо Николи. Косьма поддерживалъ его своимъ вліяніемъ и богатствомъ. Онъ помогалъ деньгами ученымъ, призваннымъ Николи или по его совѣту, и въ то время, по рекомендаціи Николи, были приглашены во Флоренцію читать публичныя лекціи Эмануилъ Хрисолорасъ, Гварино, Іоаннъ Ауриспа и Францискъ Филельфъ. Даже во время своего изгнанія Косьма дѣлалъ многое для науки изъ Венеціи, гдѣ онъ жилъ. Онъ давалъ большія суммы на покупку и увеличеніе числа рукописей и подарилъ монахамъ ордена св. Георгія значительную библіотеку. Возвратившись во Флоренцію, Косьма сначала основалъ двѣ значительныя и очень дорогія для того времени библіотеки близь города, въ Санъ Франческо дель Боско и въ Санъ Бартоломео близь Фіезоле; потомъ употребилъ 630 т. дукатовъ на постройку монастыря монаховъ-проповѣдниковъ ордена св. Марка и учредилъ въ немъ большую публичную библіотеку; наконецъ, онъ заплатилъ по смерти Николо Николи его долги, и такимъ образомъ исполнилъ послѣднюю волю покойника, желавшаго, чтобы его библіотека, стоившая ему большихъ денегъ, сдѣлалась общественнымъ достояніемъ. Основаніе этой библіотеки составляли 400 особенно дорогихъ рукописей римскихъ и греческихъ писателей; о стоимости ихъ можно судить по тому, что впослѣдствіи, желая увеличить библіотеку, Косьма платилъ по 250 и 400 дукатовъ за отдѣль-

ныя рукописи, которыя покупалъ въ Сіенѣ, Луккѣ и Греціи. О заслугахъ въ пользу образованія племянника Косьмы, Лоренцо Великолѣпнаго, можно найти подробныя свѣдѣнія у его біографа Роско; мы замѣтимъ только, что онъ отправилъ Ласкариса съ порученіемъ къ султану Баезиду II именно для того, чтобы онъ объѣхалъ Грецію и купилъ книгъ. Впослѣдствіи Ласкарисъ былъ вторично посланъ имъ въ Грецію и привезъ тогда 80 до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ въ Италіи рукописей.

Мы не упоминаемъ о фамиліи Эсте въ Феррарѣ, потому что въ XV столѣтіи князья этого дома покровительствовали образованію гораздо менѣе, чѣмъ въ XIV и потомъ въ XVI вѣкѣ; но на двухъ Эсте того времени, Леонелло и Борзо, можно по крайней мѣрѣ указать какъ на ревностныхъ библіомановъ. Мы не остановимся и на Неаполѣ, хотя Альфонсъ Мудрый послѣдніе годы своего царствованія посвятилъ почти исключительно наукѣ, а его побочный сынъ Фердинандъ и наслѣдникъ послѣдняго, не отличавшіеся большой нравственностью, покровительствовали наукѣ и образованію. Замѣтимъ также, что въ этомъ отношеніи въ Неаполѣ были руководителями Лауренцій Валла и Кампанъ.

О заслугахъ папъ въ пользу успѣховъ новаго образованія и преобразованія всей системы преподаванія мы никакъ не можемъ умолчать уже по одному тому, что въ половинѣ слѣдующаго столѣтія папы, раскаявшись въ томъ, что прежде исходило изъ Рима, старались уничтожить то, что было сдѣлано ихъ предшественниками. Перенесеніе папской библіотеки въ 1417 г. изъ Авиньона въ Римъ Мартиномъ V мы не считаемъ заслугою, потому что упомянутый нами (т. IX, стр. 380) генералъ камальдульскаго ордена и кардиналъ Амвросій Траверсари еще въ 1432 г. утверждалъ, что для новыхъ наукъ ничего нельзя найти ни въ одной изъ двухъ папскихъ библіотекъ. Классическая библіотека въ Ватиканѣ была основана папою Николаемъ V. Онъ пріобрѣлъ 5000 рукописей совершенно другаго рода книгъ, чѣмъ тѣ, которыя собирались его предшественниками, и впослѣдствіи увеличилъ библіотеку, отправивъ раз-

личныхъ лицъ въ Германію, Францію, Англію и Грецію для исканія затерявшихся книгъ. Сикстъ IV, избранный въ 1471 г. папою, тоже значительно увеличилъ ватиканскую библіотеку, отвелъ для нея отличное помѣщеніе и открылъ ее публикѣ. Папы соперничали съ итальянскими князьями, владѣтелями и тиранами того времени не только въ составленіи библіотекъ, но и въ покровительствѣ ученымъ, внесшимъ въ Италію свѣтъ классической древности. Одинъ изъ нихъ даже назначилъ кардиналомъ грека Виссаріона, преимущественно за его реформаторскую дѣятельность. Николай V, будучи частнымъ человѣкомъ и впослѣдстіи папою, велъ постоянную корреспонденцію со всѣми знаменитыми реформаторами своего времени. Вотъ имена людей, которымъ онъ между прочимъ покровительствовалъ: Поджіо, Георгій Трапезунтскій, Блондъ Флавій, Леонардо Бруни, Антоніо Лески, Бартоломео де Монте Пульчіано, Іоаннъ Тортелли, Джіаноццо Манетти, Николо Перотти, Францискъ Филельфъ, Лауренцій Валла, Кандидъ Децембеъ, Ѳеодоръ Газа и Іоаннъ Ауриспа. Николай заботился также о переводахъ съ греческаго языка на латинскій, т. е. давалъ денежныя вознагражденія переводчикамъ греческихъ сочиненій, такъ какъ отъ книгопродавцевъ нельзя было ждать гонорарія; только такимъ образомъ можно было ознакомить массу публики съ духомъ древнихъ и содержаніемъ ихъ сочиненій и основать новую цивилизацію. Заботами папы Николая Западъ ознакомился съ Киропедіей Ксенофонта, съ Полибіемъ, Ѳукидидомъ, Геродотомъ, Аппіаномъ, Птолемеемъ, Платономъ, Теофрастомъ, Иліадой, географіей Страбона и настоящимъ, не изуродованнымъ арабами и монахами, оригиналомъ Аристотеля. Поощреніе, оказываемое Николаемъ переводчикамъ отцевъ церкви, составляетъ заслугу другаго рода, не относящуюся до нашего повѣствованія о прогрессѣ новой образованности. Изъ слѣдующихъ замѣтокъ можно видѣть, какъ щедръ былъ папа относительно переводчиковъ. Поджіо, по собственному выраженію, нѣсколько примирился съ судьбою, получивъ награжденіе за переводъ Діодора; Лауренцій Валла получилъ 500 золотыхъ

скуди за переводъ Ѳукидида, Гварино—1500 золотыхъ скуди за Страбона, Перотти—1000 дукатовъ за Полибія; Филельфъ, грязный ученый, сдѣлавшій однако болѣе другихъ для классическихъ наукъ, имѣлъ безсовѣстность выпросить у Николая 10 тыс. золотыхъ за переводъ латинскими стихами Иліады и Одиссеи, которыхъ не выпустилъ, когда умеръ Николай. Корыстолюбивый Филельфъ думалъ поживиться у преемника Николая, Пія II (ученаго Энея Сильвія Пиколломини); но Пій предпочелъ тратить деньги христіанскаго міра на борьбу съ турками, чѣмъ на подарки тщеславнымъ и жаднымъ ученымъ, и потому Филельфъ отзывается о немъ очень дурно. Сикстъ IV (1471 — 1484 г.), во всѣхъ другихъ отношеніяхъ незаслуживающій похвалы, дѣятельно помогалъ успѣхамъ образованія: онъ щедро награждалъ ученыхъ и открылъ публикѣ ватиканскую библіотеку.

Въ Мантуѣ фамилія Гонзага, покровительствуя одушевленному безкорыстною любовью къ наукѣ Викторину ди Фельтре, дала ему возможность основать въ городѣ такое же ученое общество (академію), какое Іоаннъ фонъ Дальбергъ основалъ въ Пфальцѣ. По словамъ Филельфа, стучавшагося во всѣ двери, гдѣ можно было получить что нибудь, эта владѣтельная фамилія помогала и иностраннымъ ученымъ.—Въ Венеціи еще Петрарка подарилъ республикѣ для присоединенія къ публичной библіотекѣ всѣ свои книги, изъ которыхъ однако только небольшая часть осталась у венеціанцевъ. За помощь, оказываемую республикой греческимъ эмигрантамъ, кардиналъ Виссаріонъ подарилъ ей свою дорогую библіотеку, за которую заплатилъ 30 тыс. золотыхъ скуди. Впрочемъ библіотека Марка была учреждена только въ слѣдующемъ столѣтіи. Отдѣльные члены правительственныхъ фамилій Венеціи также старались деньгами и личною дѣятельностью возбудить движеніе въ пользу возродившейся древней цивилизаціи. Франццискъ Барбаръ, бывшій посланникомъ при многихъ дворахъ, намѣстникомъ и государственнымъ человѣкомъ, находился въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ знаменитѣйшими изъ людей, заботившихся о возрож-

денія вкуса древнихъ; даже его дѣловые труды написаны классическимъ языкомъ древнихъ. Онъ перевелъ многое самъ, давалъ деньги и употреблялъ свое вліяніе для собранія и поддержанія остатковъ древности. Въ особенную заслугу ему слѣдуетъ поставить то, что онъ обуздывалъ задорныхъ, раздражительныхъ, ругавшихся между собой ученыхъ и увѣщевалъ ихъ не ссориться. Патриціи Карло и Джакопо Зено были извѣстны даже во Франціи и Англіи чистотою и изяществомъ своего латинскаго языка. — О другихъ владѣтеляхъ и городахъ мы не станемъ говорить, потому что пишемъ не для спеціалистовъ. Въ свѣдѣніяхъ и источникахъ по этому предмету нѣтъ недостатка. Замѣтимъ только, что маркграфъ монферратскій и герцоги савойскіе, также увлеченные общимъ движеніемъ Италіи къ новой наукѣ и образованности, сдѣлали для нихъ многое.

Изъ людей, принесшихъ въ началѣ XV столѣтія греческія рукописи на Западъ или очистившихъ латинскія отъ плѣсени и пыли, Филельфъ, Ауриспа и Поджіо пріобрѣли безсмертную славу: первые двое путешествіями въ Константинополь, а послѣдній отысканіемъ потерянныхъ латинскихъ рукописей. Поджіо отыскалъ напримѣръ въ Германіи и Италіи пятнадцать полныхъ сочиненій или отрывковъ латинскихъ писателей, предпринявъ путешествіе спеціально съ этой цѣлью; сочиненія эти погибли бы, если бы не были переписаны тогда въ Италіи во множествѣ экземпляровъ. Итальянцы старались также о размноженіи классическихъ сочиненій посредствомъ печати, а нѣмцы, распространявшіе и занимавшіеся въ Италіи изобрѣтеннымъ ихъ націею книгопечатаніемъ, перепечатывали по преимуществу древнихъ писателей. Нѣмцы Швейнгеймъ и Паннарцъ, поселившіеся въ Римѣ, еще въ 1475 г. могли похвалиться тѣмъ, что выпустили 12,475 оттисковъ различныхъ сочиненій. У Гапа также была типографія въ Римѣ. Въ Миланѣ и Венеціи, какъ почти во всѣхъ городахъ Италіи, были также заведены типографіи нѣмцами или итальянцами. Замѣчательнѣе всѣхъ типографщиковъ того времени старшій Альдъ Мануцій. Ни

одинъ изъ нихъ не пріобрѣлъ себѣ такой славы, а своимъ изданіямъ такой цѣнности какъ этотъ человѣкъ, прилагавшій чисто научный трудъ къ сочиненіямъ издаваемыхъ имъ писателей, не жалѣвшій издержекъ на печатаніе, шрифты, пергаменъ и бумагу и съ педантическимъ стараніемъ наблюдавшій за вѣрностью текста. На этихъ изданіяхъ онъ потерялъ все свое состояніе, не смотря на то, что княжеская фамилія Пико или Пикъ, владѣвшая тогда Мирандолой, много помогала ему деньгами.

б) Итальянцы, сдѣлавшіе доступнымъ для новѣйшаго времени сущность древней образованности и придавшіе ей новую форму, годную не только для библіотекъ, но и для дѣйствительной жизни.

Случайно упоминая въ нашей исторіи о филологахъ, мы удовольствуемся самыми краткими замѣчаніями, потому что не намѣрены говорить о вещахъ, составляющихъ достояніе школъ, но хотимъ только указать, какимъ образомъ въ XV и XVI столѣтіяхъ изъ изученія древнихъ возникли совершенно новая школьная наука, новая христіанская поэзія, философія и богословіе, не имѣвшія отталкивающихъ сторонъ среднихъ вѣковъ. Чтобы представить это нагляднѣе, необходимо объяснить, какимъ образомъ Флоренція стала не только для Италіи, но и для всей Европы тѣмъ, чѣмъ Аѳины были для древняго міра. Это заставляетъ насъ указать на людей, соединенныхъ Косьмою Медичи и его внукомъ Лоренцо Великолѣпнымъ въ такъ называемую платоническую академію или, иными словами, на людей, заключившихъ между собой, во имя единства стремленій и дѣятельности, священный союзъ, напоминавшій союзъ пиѳагорейцевъ древней Великой Греціи (т. I, стр. 248 и т. II, стр. 232). Членами этого союза, кромѣ Косьмы и Лоренцо, были Пико ди Мирандола, Христофоръ Ландино, извѣстный своими философскими

комментаріями на поэму Данте и на Виргилія, Джіованни Кавальканти, Филиппъ Валори, Бандини и др. Мы уже говорили (т. IX, стр. 385), что въ то время старались вытѣснить строгаго Аристотеля и замѣнить его мягкимъ Платономъ, и что Марсилій Фицинъ былъ избранъ для того, чтобы переводомъ Платона на латинскій языкъ и объясненіями сдѣлать его доступнымъ этому благородному кружку, не всѣ члены котораго одинаково знали по гречески. Фицинъ читалъ отрывки изъ своего перевода въ кругу друзей философовъ. По словамъ одного преданія или вѣрнѣе басни, Платонъ родился и умеръ въ одинъ и тотъ же день—13-го ноября; благородные мистики придавали большое значеніе этой случайности и, по предложенію и на счетъ Косьмы, съ особеннымъ торжествомъ праздновали ежегодно день, посвященный ихъ учителю. Были и другіе платоническіе праздники, праздновавшіеся особеннымъ образомъ этимъ цвѣтомъ Италіи, соединившимся въ братскій союзъ. Празднество 13-го ноября Фицинъ описалъ въ своемъ прологѣ къ „Пиру“ Платона; о другомъ праздникѣ, праздновавшемся на дачѣ Кареджи, онъ упоминаетъ въ письмѣ къ Браччіоли, гдѣ говоритъ также о празднествѣ, установленномъ Бандини по примѣру праздника, учрежденнаго Медичи во Флоренціи. Въ одномъ изъ этихъ празднествъ принимали участіе нетолько обычные члены платоническаго кружка, но были приглашены на него изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей всѣ тѣ, которые сочувствовали стремленіямъ общества. Присутствующимъ раздавались по жребію сочиненія Платона, которыя они должны были объяснять и разбирать съ философской и риторической стороны. Союзъ не пострадалъ и отъ смерти Лоренцо; Бернардо Руччелаи, глава другаго богатаго и уважаемаго рода во Флоренціи, открылъ свой домъ для собраній общества и его чудные сады стали тѣмъ, чѣмъ были нѣкогда тѣнистыя аллеи академическаго сада Платона.

Изъ членовъ флорентинскаго платоническаго общества мы коснемся ближе нѣкоторыхъ, болѣе извѣстныхъ, не изъявляя впрочемъ притязаній на полноту біографическихъ свѣдѣній и не входя

въ содержаніе ихъ сочиненій болѣе, чѣмъ сколько нужно для того, чтобы очертить характеръ мечтательныхъ, но нравственныхъ реформаторовъ, составлявшихъ контрастъ съ легкомысленными и задорными учеными. Душею платонической академіи былъ Фицинъ. Онъ посвятилъ 5 лѣтъ на переводъ Платона, читалъ лекціи о Платонѣ и его философіи и стоялъ такъ близко къ Лоренцо, управлявшему флорентинской республикой, что могъ бы достигнуть почестей и пріобрѣсти богатство, еслибы не руководствовался въ жизни исключительно принципами философіи Платона. Почти всѣ его сочиненія касаются Платона и связи между его философіей и христіанствомъ; эта философія, наполнявшая всю дѣятельность его и его друзей, составляетъ предметъ его частныхъ писемъ, собранныхъ въ 12 книгахъ. Она столько же соотвѣтствовала аристократическому времени Фицина, какъ нѣкогда пиѳагорейская—тому государственному строю, который пиѳагорейскій союзъ стремился ввести или поддержать въ Великой Греціи. Не удивительно, что въ настоящее время люди демократическаго направленія съ такимъ же ожесточеніемъ возстаютъ на вновь пробуждающійся неоплатонизмъ, мистику, созерцательность, философскую и христіанскую мечтательность, съ какимъ демократы Великой Греціи старались нѣкогда истреблять пиѳагорейцевъ и пиѳагорово ученіе. Фицинъ конечно часто черезъ чуръ увлекается своей фантазіею и теряется въ астрологическихъ и мистическихъ мечтаніяхъ, но мы смотримъ на него какъ на философскаго поэта, внесшаго въ формалистику и обрядность церкви своего времени и въ черствую діалектику школъ полетъ высшей поэзіи и огонь чистой любви къ вѣчному.

Другое свѣтило флорентинской академіи, Пико ди Мирандола, родился въ 1463 году и умеръ 32-хъ лѣтъ. Въ лѣта своей юности Пико является не такимъ чистымъ, благороднымъ и искреннимъ въ своихъ мечтаніяхъ, какъ Фицинъ; но можно извинить нѣсколько шарлатанства человѣку, пріобрѣвшему въ молодыхъ годахъ громадную ученость. Семейство его съ давнихъ временъ владѣло княжествами Мирандола, Конкордія и Юлія Боярда; третій

сынъ въ семьѣ, онъ презиралъ всякое свѣтское величіе, желая блистать познаніями въ періодъ процвѣтанія науки. Баптиста Гварино, учившій въ то время въ Феррарѣ, отправился въ Мирандолу исключительно для того, чтобы давать ему уроки, и молодой человѣкъ еще до 20 лѣтняго возраста изучилъ не только греческій и латинскій языки, что было обязательно въ то время для всякаго образованнаго итальянца, но и еврейскій, халдейскій и арабскій; одно время онъ даже изучалъ съ большимъ усердіемъ Каббалу. Послѣ того Пико путешествовалъ по всѣмъ университетамъ Италіи и Франціи, а на 23-мъ году отправился въ Римъ. Здѣсь онъ своею хвастливостью и шарлатанствомъ выказалъ себя съ самой отталкивающей стороны. Онъ велѣлъ выставить публично 900 спорныхъ вопросовъ (propositiones), извлеченныхъ имъ изъ труднѣйшихъ, весьма мало извѣстныхъ латинскихъ, греческихъ, еврейскихъ, халдейскихъ и арабскихъ писателей, вызывая желающихъ вступить съ нимъ въ состязаніе. Если бы мы могли, не удаляясь отъ нашей задачи, привести здѣсь имена всѣхъ этихъ писателей, съ перваго взгляда было бы видно, что философы новѣйшей германской школы, хвалящіеся всевѣденіемъ и исключительною способностью судить обо всемъ, могли бы еще многому поучиться у Пико. Между тѣмъ въ Римѣ Пико не встрѣтилъ того довѣрія, съ какимъ встрѣчали ему подобныхъ въ Берлинѣ и Мюнхенѣ. По его просьбѣ многіе изъ важныхъ лицъ подписали выставленныя имъ предложенія и подтвердили, что онѣ не противны догматамъ вѣры; не смотря на то они были осуждены какъ еретическія, и Пико, для избѣжанія дальнѣйшихъ преслѣдованій, долженъ былъ спасаться бѣгствомъ. Онъ отправился во Флоренцію, гдѣ его приняли съ распростертыми объятіями; здѣсь близкія сношенія съ чистѣйшими и благороднѣйшими мечтателями новаго времени, Фициномъ, Лоренцо Медичи и Анджело Поліціаномъ, стремившимися осуществить въ жизни и дѣйствіяхъ проповѣдуемыя ими идеи о божественной мудрости, обратили высокомѣрнаго, чваннаго и хвастливаго ученаго въ благороднаго мечтателя. Онъ сдѣлалъ много чести флорентинскому

платоническому обществу и личнымъ примѣромъ доказалъ все достоинство началъ философскаго спокойствія и жизни, удаленной отъ волненій свѣта и посвященной вполнѣ наукѣ, наблюденію надъ самимъ собою и созерцанію живущаго въ насъ божества. Мы вошли бы въ болѣе подробный разборъ сочиненій Пико, изданныхъ въ первый разъ въ 1498 году въ Венеціи и потомъ часто выходившихъ въ свѣтъ, до послѣдняго базельскаго изданія 1621 г., если бы наше время не было такъ сильно возстановлено противъ неоплатонизма Пико и его друзей за ту комедію, которую многіе разыгрываютъ, прикрываясь этими стремленіями, такъ же какъ за притворство, претензіи, и напыщенность новыхъ смиренниковъ. По этому мы ограничимся тѣмъ, что, указавъ на нѣкоторыя сочиненія Пико, постараемся дать понятіе о духѣ общества, къ которому онъ принадлежалъ. Одно изъ главныхъ его сочиненій — книга о мірозданіи (Heptaplus). Въ основаніи его очевидно лежитъ сказаніе Моисея, но Пико связалъ съ нимъ прекрасное сновидѣніе, достойное истиннаго мудреца и доказывающее обширность его познаній; любитель найдетъ въ этомъ сочиненіи, такъ же какъ и въ мечтахъ великаго звѣздонаблюдателя Кеплера, своего рода поэму. Другое сочиненіе Пико, въ которомъ онъ обращается къ своему другу Лоренцо, направлено противъ людей, объявившихъ его еретикомъ (Adversus eos, qui aliquot ejus propositiones theologicas carpebant); оно въ особенности важно по отношенію къ реформаціи слѣдующаго столѣтія и какъ доказательство того различія, которое существуетъ въ мнѣніяхъ о неподвижныхъ догматахъ вѣры между романтиками и болтунами нашего времени и благородными мистиками и мечтателями XV вѣка. Изъ защиты отца церкви Оригена, находящейся въ этомъ сочиненіи, видно что Пико очень хорошо понялъ духъ его относительно вѣры въ букву закона. Если бы мы не боялись ввести слишкомъ много богословія въ исторію, то могли бы изъ того, что Пико говорилъ о церкви и религіи, привести цѣлый рядъ замѣчаній о многихъ изъ важнѣйшихъ положеній христіанства,—замѣчаній, съ которыми не могъ бы не согласиться и самый просвѣщенный протестантъ нашего

времени. Въ третьемъ сочиненіи—книгѣ о Бытіи и Единствѣ (de Ente et Uno)—Пико старается согласить боготворимаго имъ Платона съ Моисеемъ и Аристотелемъ. Распространяться объ этомъ сочиненіи мы не станемъ, потому что это заставило бы насъ вдаться въ слишкомъ большія подробности. Переписка Пико съ греками, его друзьями, представляетъ что-то совершенно особенное; она освѣжаетъ сердце читателя, который, читая сочиненія ученыхъ, бываетъ обыкновенно, не смотря на все уваженіе къ ихъ учености, глубоко оскорбленъ ихъ тщеславіемъ, хвастливостью и высокомѣріемъ. Тому, кто въ ученомъ ищетъ человѣка и лишь рѣдко находитъ его, письма Пико доставляютъ истинное наслажденіе. По тому они и были вновь изданы въ Іенѣ въ 1682-мъ году. Тонъ и языкъ пишущихъ вполнѣ выражаютъ искреннюю и неподдѣльную мечтательность людей, ощущающихъ все счастіе внутренней жизни и чистаго стремленія къ божественной истинѣ, которыя они проповѣдывали. Къ числу людей, писавшихъ эти письма, принадлежали Фицинъ, Гварино, Ландино и Анджело Полиціанъ.

Теперь намъ слѣдовало бы еще привести имена многочисленныхъ ученыхъ, пріобрѣвшихъ безсмертныя заслуги изученіемъ языка и грамматики древнихъ, критикою ихъ сочиненій и изслѣдованіемъ всего того, что находится въ связи съ жизнью и искусствомъ древнихъ. Но мы предоставляемъ это филологамъ и, оставивъ въ сторонѣ самого Филельфа, назовемъ только нѣсколькихъ людей, пожертвовавшихъ даже тою славою, которую могли бы пріобрѣсти своими сочиненіями въ потомствѣ, въ пользу того чтобы, подобно христіанскимъ миссіонерамъ, посвятить себя вполнѣ преподаванію и распространенію новой цивилизаціи. Изъ этихъ людей прежде другихъ, по справедливости, слѣдуетъ назвать Гварино. Онъ родился въ 1370 году и, по сохранившимся о немъ свѣдѣніямъ, между 20 и 23 годомъ ѣздилъ въ Константинополь для того, чтобы изучить греческій языкъ и впослѣдствіи быть въ состояніи преподавать его. Онъ дожилъ до 90 лѣтняго возраста. Апостоло Зено и Маффеи отрицали достовѣрность этого путешествія Гварино; Генгене напротивъ

оспаривалъ въ наше время доводы обоихъ. Для нашей цѣли это не имѣетъ значенія, потому что никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что Гварино являлся въ главныхъ городахъ Италіи проповѣдникомъ новаго ученія. Онъ училъ напр. въ Венеціи, Падуѣ, Веронѣ, Тріентѣ, Флоренціи, Болоньѣ и Феррарѣ, и своимъ рвеніемъ, познаніями и характеромъ пріобрѣлъ себѣ всеобщее уваженіе; его вездѣ считали образцомъ чистоты нравовъ и благородной натуры. Впрочемъ ни одно изъ его 13-ти сочиненій не имѣетъ особаго интереса для читателя всемірной исторіи. Вмѣстѣ съ нимъ дѣйствовалъ почти такъ же долго и ревностно сициліецъ Ауриспа, путешествіе котораго въ Константинополь не можетъ быть подвержено сомнѣнію, какъ и путешествіе Гварино. Онъ жилъ съ 1369 по 1460 г., ѣздилъ въ Константинополь для покупки рукописей и изученія греческой древности и училъ попеременно въ Феррарѣ, Болоньѣ и Венеціи. Онъ хотѣлъ получить мѣсто и во Флоренціи, но не достигъ этого, потому что былъ извѣстенъ только искусствомъ въ преподаваніи и усердіемъ, а не сочиненіями. Выше обоихъ названныхъ учителей и посредниковъ между греческой и латинской литературами стоялъ несомнѣнно благородный и достойный Викторинъ ди Фельтре, жизнь котораго, подробно описанную Франциском Прендилаква, издалъ въ новѣйшее время Натале дель Касте съ примѣчаніями Морелли. Этотъ апостолъ новаго ученія былъ почти единственнымъ человѣкомъ, которому придирчивые ученые его времени не могли сдѣлать ни одного упрека и на котораго не посмѣли бросить ни малѣйшаго пятна; его скромность и смиреніе, при безсмертныхъ заслугахъ, составляли предметъ всеобщаго удивленія. Столь же чуждый страсти къ странствованіямъ, свойственной его собратіямъ по гуманистическимъ наукамъ, какъ ихъ корыстолюбія и жажды къ славѣ, Викторинъ постоянно жилъ въ Мантуѣ и занимался только преподаваніемъ и чтеніемъ лекцій. Къ нему въ Мантую пріѣзжали многіе изъ тѣхъ, которые не искали одной геніальности и талантливой риторики, но хотѣли ознакомиться съ духомъ древнихъ и истинною мудростью. То, что ему

давали благодарность учениковъ или великодушіе влатителей, онъ отдавалъ бѣднымъ. Равнодушный къ славѣ, Викторинъ не написалъ ни одной книги; онъ говоритъ, что благодарность учениковъ и милость божія, дали ему тотъ внутренній миръ, который истинная наука, соединенная съ чистою совѣстью, несомнѣнно даетъ каждому, кто искренно стремится къ ней. Онъ говорилъ, что ищетъ совсѣмъ другаго безсмертія, чѣмъ то, которое обѣщаетъ шаткое сужденіе толпы. Если бы здѣсь было мѣсто сравнивать дѣятельность и стремленія другихъ великихъ ученыхъ — Филельфа, Леонарда Аретина (Леонардо Бруни), Лауренція Валла, Поджіо и др., тогда ясно представилась бы вся пустота и безплодность похвалы ученыхъ.

в) Возрожденіе древняго краснорѣчія и исторіографіи на классическомъ или цицероновскомъ латинскомъ языкѣ.

Возрожденіе древней литературы римлянъ могло одно возстановить въ Италіи весь римскій міръ; остатки памятниковъ, улицъ, каналовъ и зданій римлянъ сохраняли еще свой величественный характеръ, а латинскій языкъ, если и не былъ языкомъ народа, то все же оставался книжнымъ и церковнымъ языкомъ, всѣмъ понятнымъ. Поэтому, когда въ XV столѣтіи, нѣмецкое и французское владычество исчезло на всемъ пространствѣ полуострова отъ крайнихъ предѣловъ Калабріи до Савоіи и Истріи, когда Италія стала принадлежать итальянцамъ, когда, какъ во времена латиновъ, существовали различныя учрежденія, республики и тиранніи, и повсюду боролись демократія и аристократія, свобода и рабство, смѣлое отрицаніе всего божественнаго и мрачное суевѣріе,—естественно, что тогда пробудилось стремленіе возстановить въ новой формѣ весь древній міръ. Прежде всего это могло быть достигнуто въ области политическаго и духовнаго краснорѣчія и исторіографіи; для этого слѣдовало государственныя рѣчи и государственныя бумаги, все еще писавшіяся по латини, писать хорошимъ классическимъ язы-

комъ, а не варварскимъ средневѣковымъ, и перестать писать исторію вульгарною латынью. Но, касаясь здѣсь исключительно фактовъ или говоря только о томъ, что было сдѣлано въ этомъ направленіи, мы и не будемъ пытаться доказывать, что невозможно было возвратить формы, когда содержаніе ея исчезло еще за нѣсколько столѣтій. Краснорѣчію изящныхъ латинистовъ недоставало сюжета, потому что наемники, деньги и хитрость, а не доводы разсудка рѣшали политическіе вопросы. Передавать книжнымъ языкомъ историческія событія было безплоднымъ трудомъ, потому что языкъ жизни достигъ высшаго развитія и великіе историки слѣдующаго столѣтія предпочитали итти по слѣдамъ Дино Компаньи и Виллани, чѣмъ подражать хорошимъ латинистамъ. Маккіавелли, какъ государственный человѣкъ, совершенно справедливо говоритъ, что о возстановленіи древняго римскаго міра нечего и думать, пока въ Италіи будутъ владычествовать наемники и каждый гражданинъ не станетъ, какъ въ древнія времена, воиномъ и участникомъ въ военныхъ тягостяхъ.

Мы уже говорили выше, почему, касаясь итальянскаго краснорѣчія XV столѣтія, не хотимъ останавливаться на государственныхъ ораторахъ и стилистахъ, сочинявшихъ вычурныя государственныя бумаги. О духовномъ краснорѣчіи того времени достаточно сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Проповѣди, говорившіяся съ каѳедры, имѣли двойной характеръ: однѣ были заимствованы отъ XIV-го столѣтія, другія явились результатомъ господствовавшаго въ XV столѣтіи подражанія древнимъ римлянамъ. Проповѣди перваго рода еще недавно говорились въ Италіи монахами, преимущественно капуцинами и францисканцами во время поста. Чтобы привлекать народъ, они выкидывали самые отвратительные фарсы и примѣшивали къ проповѣдямъ разныя исторійки и пошлѣйшія выходки. Въ Германіи этимъ людямъ, жестоко порицаемымъ Данте (онъ называетъ ихъ манеру predica ciance), старался подражать Абраамъ а Санта Клара, все таки не такой отвратительный, какъ итальянцы. Впрочемъ намъ нечего говорить объ этихъ проповѣдникахъ. О лю-

дяхъ, блиставшихъ въ духовномъ краснорѣчіи втораго рода, мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣтокъ, хотя бы по тому, что одинъ изъ нихъ, Савонарола, составляетъ чрезвычайно замѣчательное историческое явленіе. Проповѣдники перваго рода были по крайней мѣрѣ національны и естественны, потому что итальянцы находили ихъ отвратительныя выходки забавными и остроумными. Проповѣдники втораго рода не выдерживаютъ никакого сравненія съ нѣмецкими проповѣдниками XV столѣтія: ихъ мистика искусственна, слогъ и языкъ напыщены, а излагаемая ими ученость наводитъ тоску. Двумя знаменитѣйшими проповѣдниками того времени были два друга Гварино, Караччіоли и Бернардино ди Сіена. Первый принадлежитъ къ разряду духовныхъ, проповѣдывавшихъ въ духѣ Абраама а Санта Клара; второй, умершій въ 1450 г. и впослѣдствіи признанный святымъ (т. IX, стр. 208), — къ ученымъ декламаторамъ. Бернардино думалъ достигнуть блестящей латини тѣмъ, что всѣ употребляемыя церковью или заимствованныя изъ библіи христіанскія выраженія замѣнялъ настоящими римскими, но языческими. Это дало поводъ злому Филельфу осмѣять самымъ ѣдкимъ образомъ на своихъ лекціяхъ набожныя стремленія къ похваламъ ученаго міра. Въ этомъ отношеніи Филельфъ былъ безусловно правъ, что съ нимъ рѣдко случалось; но за это народъ чуть не побилъ его каменьями. Мы считаемъ лишнимъ приводить образцы рѣчей Бернардина.

Замѣчательнѣйшимъ и вліятельнѣйшимъ изъ всѣхъ проповѣдниковъ того времени былъ доминиканскій монахъ Іеронимъ Савонарола, знаменитый какъ пророкъ, ораторъ, мученикъ и революціонеръ. Въ политической исторіи послѣдняго десятилѣтія XV вѣка мы вернемся къ той великой политической роли, которую онъ игралъ во Флоренціи по смерти Лоренцо; здѣсь рѣчь можетъ итти только о манерѣ и направленіи его духовныхъ рѣчей и о необыкновенномъ ихъ вліяніи на народъ. Пико ди Мирандола, Марсилій Фицинъ и Нери, лучшіе люди и мыслители своего времени, любили и уважали Савонаролу, который своими пламенными

проповѣдями сдѣлалъ болѣе, чѣмъ какіе либо великопостные проповѣдники и іезуитскіе миссіонеры: въ теченіе десяти лѣтъ его дѣятельности флорентинцы совершенно измѣнились, пороки ихъ уменьшились и жизнь стала проще. Такихъ результатовъ рѣдко достигалъ какой либо другой проповѣдникъ. Не смотря на свое могущество во Флоренціи, Савонарола соблюдалъ въ точности всѣ монастырскія предписанія. Онъ изучилъ библію и проповѣдывалъ библейское ученіе дѣятельной вѣры и благочестія, выказываемаго въ дѣлахъ. Впечатлѣніе, производимое его ученіемъ было такъ громадно, что флорентинскій народъ въ теченіе многихъ лѣтъ смотрѣлъ на него какъ на оракула, на пророка въ настоящемъ смыслѣ этого слова или человѣка, могущаго предсказывать съ достовѣрностью разныя вещи, а слѣдовательно и политическія событія. Обладая живой фантазіей и такъ же прилежно изучивъ Откровеніе Іоанна, какъ Евангеліе, Савонарола самъ думалъ, что уполномоченъ божествомъ руководить Флоренціей и Италіей; и дѣйствительно, — живя въ монастырѣ, онъ былъ богословскимъ совѣтникомъ и правителемъ флорентинскаго народа, чтившаго его какъ святаго. Это самообольщеніе сбило его съ пути. Съ 1482 г. по 1495 г. Савонарола блисталъ своими проповѣдями и вліяніемъ, но уже въ 1497 г. значеніе его пало, а въ 1498 году, онъ былъ повѣшенъ и сожженъ, преимущественно за то, что дѣйствовалъ противъ Медичи и недостойнѣйшаго изъ папъ, Александра VI изъ дома Борджія, и держалъ сторону французовъ, когда они явились въ Италію и на нѣкоторое время заняли Неаполь. Протестанты смотрѣли на Савонаролу какъ на предвѣстника Лютера и Кальвина и, кажется, что даже Лютеръ ошибался въ характерѣ этого человѣка. Въ сущности Савонарола былъ только апокалипсическимъ и политическимъ мечтателемъ, который хотя и проповѣдывалъ противъ папства и устройства римской церкви, но, какъ народный ораторъ, никогда не возставалъ противъ непонятныхъ догматовъ и обрядовъ богослуженія. Сверхъ того онъ былъ религіознымъ и нравственнымъ охлократомъ или соціалистомъ и уже по одному этому не могъ быть предвѣстникомъ Лютера, про-

повѣдывавшаго неповиновеніе всякой установленной власти. Папа Александръ VI въ своихъ письмахъ къ Савонаролѣ только и говоритъ о пророчествахъ, помѣшавшихъ осуществленію его плановъ и даже не упоминаетъ о другихъ опасныхъ заблужденіяхъ Савонаролы. Александръ пишетъ, что сначала онъ былъ убѣжденъ, что Савонарола человѣкъ чрезвычайно набожный, добросовѣстный, что онъ проповѣдуетъ съ добрымъ намѣреніемъ и для того, чтобы быть хорошимъ работникомъ въ божьемъ виноградникѣ (te non praedicasse malo animo, sed potius simplicitate quadam et zelo proficiendi in vinea domini). Савонаролу, какъ и бо̀льшую часть непризванныхъ политическихъ пророковъ и проповѣдниковъ нашего времени, только тогда стали преслѣдовать, когда онъ сдѣлался помѣхой для правительствъ. Энтузіазмомъ и пламенною рѣчью онъ такъ привязалъ къ себѣ монаховъ своего монастыря, что всѣ они изъявили готовность выдержать пытки, чтобы доказать истину семи положеній, поставленныхъ въ вину Савонаролѣ. Эти положенія слѣдующія: церковь нуждается въ преобразованіи; она будетъ жестоко наказана и очистится; Флоренція также сдѣлается благочестивымъ и благоустроеннымъ государствомъ, послѣ того какъ будетъ порядкомъ наказана; тогда всѣ человѣческія сердца исполнятся надеждою и невѣрующіе обратятся ко Христу; все это произойдетъ въ самое близкое время; проклятіе, которому онъ преданъ въ Римѣ, не имѣетъ силы, и тотъ не грѣшитъ, кто не обращаетъ на него вниманія.

Савонарола написалъ много поучительныхъ книгъ, но мы не можемъ въ нашей исторіи ни дѣлать оцѣнки ихъ, ни разбирать ихъ содержанія. Чтобы обозначить обѣ стороны краснорѣчія этого Ламене XV столѣтія, выпишемъ два мѣста, изъ которыхъ одно взято не изъ его сочиненій, а другое заключаетъ подлинныя его слова. Первое принадлежитъ Филиппу де Коминь, судящему вообще очень благосклонно о Савонаролѣ и защищающему даже его политическія пророчества, которыя впослѣдствіи самъ Савонарола объявилъ плодомъ своихъ политическихъ связей и дружескихъ со-

общеній дѣйствовавшихъ лицъ. Вотъ, по описанію Филиппа, рѣчь, сказанная отъ имени флорентинской демократіи Савонаролой при вступленіи французскаго короля Карла VIII во Флоренцію въ 1494 года: „Иди, иди съ довѣріемъ, иди съ радостью и ликованіемъ, потому что тотъ, кто тебя посылаетъ,—тотъ самый, который на древѣ креста торжествовалъ наше искупленіе. Но выслушай всетаки мое предостереженіе, о истинно христіанскій король! и пусть оно запечатлѣется въ глубинѣ твоего сердца. Божій слуга, получившій откровеніе отъ Бога (здѣсь Савонарола очевидно хвастается, выдавая себя за пророка, хотя впослѣдствіи утверждалъ, что никогда не дѣлалъ этого), предостерегаетъ тебя, что ты посланъ его божескимъ величествомъ для того, чтобы по примѣру Христа выказывать вездѣ милосердіе, преимущественно же во Флоренціи, гдѣ хотя много грѣшниковъ, но за то и много вѣрныхъ его слугъ, какъ между духовенствомъ, такъ и между свѣтскими лицами. Ради нихъ ты долженъ пощадить городъ, для того чтобы они могли молиться за тебя и помогать тебѣ въ военныхъ предпріятіяхъ. Недостойный слуга божій, говорящій въ эту минуту съ тобой, предостерегаетъ тебя именемъ Бога и умоляетъ тебя защищать всѣми твоими силами невинныхъ вдовъ, сиротъ, бѣдныхъ и болѣе всего невѣстъ Христа въ монастыряхъ, для того чтобы ты не дѣлался причиною увеличенія числа грѣшниковъ; а этимъ уменьшилось бы громадное могущество, данное тебѣ Богомъ. Наконецъ, въ третьихъ, слуга божій убѣждаетъ тебя простить нанесенныя тебѣ оскорбленія. Если ты считаешь себя оскорбленнымъ флорентинскимъ народомъ или какимъ нибудь другимъ, прости ему: они во всякомъ случаѣ согрѣшили по незнанію, потому что не знали, что ты посланъ Богомъ. Вспомни объ искупителѣ, который, пригвозженный ко кресту, простилъ своимъ убійцамъ! Сдѣлай все это, о король! тогда Богъ расширитъ твое земное царство, даруетъ тебѣ вездѣ побѣду и наконецъ приметъ тебя въ свое вѣчное, небесное царство." Это привѣтствіе очевидно нѣсколько тривіально и совершенно въ духѣ посредственныхъ проповѣдей того времени, и мы имѣемъ основаніе

думать, что король Карлъ такъ и смотрѣлъ на него; впрочемъ не нужно упускать изъ виду, что вдохновенный тонъ и пророческій огонь оратора придавали сказаннымъ словамъ совсѣмъ иной вѣсъ, чѣмъ они имѣютъ на бумагѣ. Изъ приведеннаго мѣста можно ознакомиться съ христіанско-политическимъ краспорѣчіемъ Савонаролы; теперь возьмемъ другое мѣсто изъ изданнаго имъ собранія проповѣдей (Prediche, 1496 г.), какъ образецъ той манеры говорить проповѣди, въ которой онъ подражаетъ древнимъ ораторамъ. Одну изъ своихъ проповѣдей онъ заканчиваетъ слѣдующими словами: „Я не могу болѣе, у меня нѣтъ силъ, потому не дремли долѣе, Господь, тамъ—на томъ крестѣ! Выслушай, о Господь, эту молитву, взгляни въ лицо твоего помазанника! О преблаженная дѣва! о святые! о благословенные рая! Ангелы, архангелы и всѣ силы небесные, молите за насъ Господа, чтобы онъ не медлилъ услышать насъ! Развѣ ты не видишь, Господи (при этомъ нужно представить себѣ указаніе на большое распятіе), какъ злые люди радуются, смѣясь надъ нами? Развѣ ты не видишь, какъ они мѣшаютъ твоему слугѣ дѣлать добро? Всѣ насмѣхаются надъ нами, мы стали посмѣшищемъ для свѣта. Мы молились, сколько слезъ мы пролили! Сколько мы вздыхали! Гдѣ твой промыселъ? Гдѣ твоя доброта и твоя вѣрность? Да, воистину, не медли долѣе, о Господи, чтобы невѣрующій и жалкій народъ не сказалъ: Гдѣ же вашъ Богъ? гдѣ Богъ тѣхъ, которые такъ часто налагали на себя покаянія, такъ часто постились? Ты видишь, что злые съ каждымъ днемъ становятся хуже, что они кажутся неисправимыми! Простри твою руку, твое могущество! Я не могу болѣе. Я не умѣю сказать ничего другаго; мнѣ остается только плакать, — я готовъ бы былъ разлиться въ слезахъ на этой каѳедрѣ. Я не прошу, о Господи, чтобы ты услышалъ меня ради моихъ заслугъ; нѣтъ, я прошу тебя объ этомъ во имя твоей доброты, во имя любви твоего сына. Сжалься же надъ твоимъ стадомъ, ты видишь его здѣсь совсѣмъ уничтоженнымъ, видишь преслѣдуемымъ каждаго отдѣльнаго человѣка! Или ты его не любишь, Боже мой? Развѣ не для него ты пришелъ

въ міръ? Развѣ не для него ты былъ пригвожденъ ко кресту и умерщвленъ? Можетъ я недостоинъ, чтобы ты исполнилъ мою просьбу? Можетъ я не гожусь для твоего дѣла? Возьми мою душу, возьми меня изъ этой жизни; но какое же преступленіе сдѣлало твое стадо? Оно ни въ чемъ не виновато, Господи, я грѣшникъ; но не смотри на мои грѣхи; взгляни на твою кротость, на твою вѣчную доброту и окажи намъ твое милосердіе, — да, твое милосердіе, о Господи!"

Нѣкоторыхъ отдѣловъ народной литературы, преимущественно романтической и сатирической поэзіи на итальянскомъ языкѣ, мы коснемся тогда, когда будемъ говорить о слѣдующемъ столѣтіи. Но здѣсь къ нашему очерку замѣчательнаго литературнаго движенія, возникшаго въ XV столѣтіи въ Италіи, мы присоединимъ еще краткій перечень ученыхъ, писавшихъ исторію на древне-классическомъ языкѣ своей страны. Въ заключеніе мы постараемся наглядно представить, какимъ образомъ вновь пробудившаяся жизнь Италіи, независимость всѣхъ государствъ отъ чужеземнаго владычества, свобода и соединенные съ нею перевороты, междоусобія и внѣшнія войны направили всю дѣятельность возстановителей науки и образованности древнихъ на изображеніе жизни и государствъ своего времени, и какъ духовные и свѣтскіе писатели старались съ помощью исторіи дѣйствовать на высшіе классы, читавшіе охотнѣе по латини, чѣмъ по итальянски. Мы тѣмъ охотнѣе останавливаемся на этомъ, что почти всѣ историческіе писатели, которыхъ мы назовемъ, пріобрѣли безсмертную славу на поприщѣ изученія древнихъ; впрочемъ мы не станемъ подробно описывать и оцѣнивать ихъ филологическихъ заслугъ и трудовъ.

По порядку времени прежде всего слѣдуетъ назвать Петра Павла Верджеріо, котораго не нужно смѣшивать съ знаменитымъ итальянскимъ ученымъ XVI столѣтія, часто причисляемымъ къ реформаторамъ и носящимъ то же имя. Онъ умеръ въ 1404 г., слѣдовательно принадлежитъ еще XIV столѣтію. Его главныя заслуги относятся къ спеціально ученому поприщу; мы же упоминаемъ

о немъ только какъ объ авторѣ исторіи падуанской владѣтельной фамиліи Каррара, написанной чистымъ и плавнымъ языкомъ. Мураторн, издавшій въ 1730 г. это замѣчательное сочиненіе Верджеріо, думалъ, что онъ первый знакомитъ съ ней публику; но она была напечатана еще раньше (въ Thesaurus antiquitatum Italiae vol. VI). Кромѣ этой исторіи намъ извѣстно еще нѣсколько напечатанныхъ и рукописныхъ сочиненій Верджеріо. Замѣчательнѣе его въ историческомъ отношеніи не разъ упомянутый нами, благородный, сочувствовавшій всему хорошему и истинному, кардиналъ Амвросій Траверсари или Амвросій Камальдульскій. Онъ родился въ 1386 г. и умеръ внезапно въ 1439 г., не имѣя въ послѣдніе 31 годъ жизни никакого особаго занятія, но живя только для науки. По всей вѣроятности его рвеніе о преобразованіи монастырей стоило ему жизни; по крайней мѣрѣ публика думала, что онъ былъ отравленъ монахами, и это мнѣніе раздѣлялъ папа Николай V, если судить по одному восклицанію, которое ему приписываютъ (Ambrosi fili, quis te mihi eripuit? quis ecclesiae lumen adeo intempestive exstinxit?). Объ Амвросіи, пріобрѣвшемъ безсмертную славу на поприщѣ изученія древнихъ и преимущественно отысканіемъ сочиненій, затерянныхъ въ средніе вѣка, мы упоминаемъ здѣсь въ особенности по поводу двухъ сочиненій. Одно — заключаетъ неоцѣненное для исторіи литературы описаніе путешествія, предпринятаго Амвросіемъ для отысканія литературныхъ сокровищъ (Hodoporicum); другое — содержитъ въ себѣ собраніе его писемъ, въ высшей степени важныхъ для внутренней исторіи возродившихся наукъ. Описаніе путешествія напечатано въ первый разъ въ 1678 г. и немногіе изъ ученыхъ, говорящихъ о немъ, видѣли его; письма появились въ первый разъ въ 1759 г.

Однимъ изъ современниковъ Амвросія былъ Леонардо Бруни или, какъ его обыкновенно называютъ по его родинѣ Ареццо, Леонардъ Аретинъ, ученикъ Эмануила Хрисолораса и пламенный почитатель Петрарки. Онъ былъ секретаремъ Иннокентія VII и Іоанна XXIII, съ которымъ ѣздилъ въ Констанцъ, а потомъ канц-

леромъ флорентинской республики, и въ этомъ званіи умеръ въ 1444 г. семидесяти четырехъ лѣтъ. Аретинъ написалъ изящною латинью исторію того, что происходило на его глазахъ въ Италіи (съ 1378 по 1440 г.); впрочемъ настоящіе латинисты находятъ въ его языкѣ недостатки. Знаменитѣйшее его сочиненіе — его флорентинская исторія. Хотя мы и не считаемъ ее самой замѣчательной, но она важна и необходима для изслѣдователя, потому что Аретинъ былъ канцлеромъ флорентинской республики. Эта флорентинская исторія, начинающаяся съ 1402 г. и первоначально написанная по латини, долго оставалась ненапечатанной и до 1610 г., когда она въ первый разъ появилась въ Страсбургѣ, итальянскій переводъ ея, сдѣланный Аччайоли, считался оригиналомъ. Но чтобы ни говорили латинисты, это сочиненіе Аретина глубоко продумано и написано чистымъ и яснымъ языкомъ. Другой трудъ Аретина — его переводъ готской войны Прокопа — доказываетъ, къ сожалѣнію, что нравственныя понятія великихъ людей, пріобрѣвшихъ безсмертныя имена въ Италіи и право на благодарность нашу и слѣдующихъ поколѣній, далеко не соотвѣтствовали ихъ познаніямъ и славѣ. Этотъ переводъ былъ выданъ Аретиномъ, т. е. секретаремъ папы и канцлеромъ флорентинской республики, за собственное сочиненіе; такимъ образомъ когда, много лѣтъ спустя, сталъ извѣстенъ на Западѣ греческій оригиналъ этого сочиненія, Аретинъ сдѣлался въ глазахъ всего образованнаго міра наглымъ обманщикомъ. Тѣмъ не менѣе заслуги этого человѣка неоспоримы. Относительно остальныхъ его сочиненій мы не можемъ умолчать о томъ, что онъ заслужилъ почетное мѣсто въ итальянской литературѣ, написавъ на родномъ языкѣ біографіи Данте и Петрарки. Похвалѣ Энея Сильвія, сказавшаго, что со временъ Лактанція никто такъ не приближался къ слогу Цицерона, какъ Аретинъ, не придастъ большаго значенія тотъ, кто читалъ Лактанція и знаетъ его манеру подражать Цицерону; но мы завѣряемъ, что въ языкѣ Аретина болѣе смысла, чувства и силы, чѣмъ въ языкѣ Лактанція.

О заслугахъ другаго ученика Эмануила Хрисолораса, Брач-

чіолини Поджіо, родившагося въ 1380 г., мы уже упоминали (т. IX, стр. 429), говоря о его стараніяхъ объ отысканіи затерянныхъ сочиненій древнихъ. Здѣсь мы упоминаемъ о немъ только какъ объ авторѣ историческаго сочиненія. Это его флорентинская исторія, начинающаяся съ древнѣйшихъ временъ; онъ самъ говоритъ, что придаетъ особое значеніе изложеннымъ въ ней событіямъ его времени (Historiae Florentinae a primis initiis urbis, sed speciatim ab anno 1350 usque ad annum 1455). Книга была бы лучше и годнѣе, еслибы Поджіо не заботился черезъ чуръ много о хорошей латини и красотѣ слога. Вслѣдствіе того, вниманіе читателя невольно переходитъ отъ фактовъ, представленныхъ вдобавокъ очень пристрастно, къ искусственной рѣчи самого писателя. Не смотря на то, что латинизмъ составляетъ одно изъ главныхъ достоинствъ Поджіо, сочиненіе это сдѣлалось сначала извѣстнымъ въ итальянскомъ переводѣ, а не въ латинскомъ оригиналѣ. Итальянскій переводъ многіе, даже ученый Фабриціусъ, приписывали самому Поджіо; но теперь доказано, что онъ сдѣланъ его сыномъ Джакопо. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ онъ былъ часто издаваемъ; оригиналъ же появился только въ XVIII столѣтіи (въ 1715 г. во Флоренціи). Нельзя умолчать о томъ, что Поджіо, какъ и Леопардъ Аретинъ, далъ поводъ врагамъ развитія утверждать, что жажда славы и даже выдающіеся таланты и познанія ученыхъ настоящая чума для общественнаго порядка; то же говорили въ слѣдующемъ столѣтіи въ Германіи, указывая въ примѣръ на Ульриха фонъ Гуттена. У Поджіо было столько ученыхъ споровъ, что о нихъ можно бы написать цѣлыя книги. Онъ былъ во враждѣ почти со всѣми людьми, участвовавшими въ дѣлѣ возрожденія образованности и слога древнихъ. Противъ Филельфа, Николо Николи, Лауренція Валлы и Николо Перотти, не остававшагося впрочемъ у него въ долгу, онъ написалъ четыре рѣчи (Invectivas), въ которыхъ исчерпано все, въ чемъ можетъ обвинить или что въ состояніи выдумать одинъ ученый на другаго, чтобы лишить противника чести и отнять у него всякую заслугу. Такъ же зло поступилъ Поджіо еще по крайней

мѣрѣ противъ двадцати ученыхъ. Нечего удивляться послѣ всего этого, что въ очень замѣчательной въ литературномъ отношеніи книгѣ (Facetiae de infelicitate principum, de miseria conditionis humanae), написанной имъ 70 лѣтъ отъ роду, онъ жалуется на несчастье и нищету ученыхъ, вмѣсто того, чтобы говорить, что въ трудныя времена жизни и когда потухаютъ страсти наука доставляетъ лучшій покой.

Въ то время въ Италіи, какъ приблизительно за 50 лѣтъ до нашей эпохи въ Германіи, былъ возбужденъ особый интересъ къ древнѣйшимъ историческимъ эпохамъ, оставляющимъ свободный произволъ вымыслу и фантазіи, и особымъ уваженіемъ пользовались ученые, составлявшіе исторію изъ отрывковъ, басенъ и миѳовъ. Этимъ съ наглостью воспользовался одинъ ученый, занимавшій въ Римѣ важную должность. Обманщика или обманутаго,—этого мы не беремся рѣшать,—звали Джіованни Нанни или, по тогдашнему обыкновенію латинизировать имена, Анній Витербскій. Къ удивленію всего свѣта онъ издалъ цѣлый рядъ отрывковъ изъ Бероза, Фабія Пиктора, Мирсилія Лесбія, Семпронія, Архилоха, Катона, Мегастена и др. въ видѣ источниковъ для первобытной исторіи (Antiquitatum variarum volumina XVII cum commentariis Fr. Ioannis Annii Viterbiensis, Romae 1498). Эти неизвѣстные даже въ древности историческіе документы возбудили такое вниманіе и обманули столькихъ легковѣрныхъ, что ученѣйшіе люди того времени, Маркъ Антоній Сабелликъ, Петръ Криниτъ и Рафаэль Волатерскій рѣшились критически изслѣдовать ихъ. Сдѣлавъ самый основательный разборъ, они такъ очевидно и подробно доказали обманъ, что непонятно, какъ въ наше время многіе уважаемые ученые, и въ томъ числѣ датскій епископъ Мюнтеръ, снова поставили вопросъ: не заключаетъ ли въ себѣ книга Нанни подлинныхъ отрывковъ этихъ писателей. Самъ Нанни никогда не высказывался по этому поводу. Многіе изъ составителей историческихъ книгъ, не зная о критикѣ ученыхъ, заимствовали различныя мѣста изъ сочиненія Нанни.

Рядомъ съ этимъ человѣкомъ, пріобрѣвшимъ посредствомъ

авторскаго обмана литературную славу, мы поставимъ другаго ученаго, пріобрѣвшаго себѣ папское достоинство обманами въ политикѣ. Эней Сильвій Пикколомини или, какъ онъ впослѣдствіи назывался будучи папою, Пій II, безспорно одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ историковъ XV столѣтія, старавшихся подражать слогу, манерѣ и языку древнихъ римлянъ. Онъ родился въ 1405 г. въ сіенскихъ владѣніяхъ, учился сначала въ Сіенѣ, а потомъ въ Миланѣ у Филельфа. Филельфъ старался въ особенности научить его хорошо писать и въ то же время образовать изъ него ученаго и дѣловаго человѣка, потому что въ то время для дипломатическихъ и вообще государственныхъ дѣлъ употребляли классически образованныхъ ученыхъ. Впослѣдствіи Эней Сильвій дѣятельно трудился въ пользу цѣлей базельскаго собора, пока не поступилъ на службу безусловно преданнаго папѣ кардинала Альбергати. Альбергати посылалъ его съ порученіями къ различнымъ дворамъ и въ эти поѣздки Эней Сильвій пріобрѣлъ тѣ свѣдѣнія о европейскихъ государствахъ и положеніи ихъ, которыя придаютъ огромное достоинство его историческимъ сочиненіямъ. О его дальнѣйшей судьбѣ, занятіяхъ и хитромъ образѣ дѣйствій въ пользу папы и во вредъ нѣмецкой церкви мы уже говорили въ этомъ томѣ. Поэтому мы перейдемъ прямо къ перечисленію историческихъ сочиненій Энея Сильвія, бывшаго во всѣхъ отношеніяхъ ловкимъ придворнымъ, но замѣтимъ только, что онъ писалъ также книги для препровожденія времени и для женщинъ, понимавшихъ еще тогда латынь. Къ этимъ книгамъ мы причисляемъ нѣжную исторію Пирама и Тисбе, написанную частью гексаметромъ, частью элегическими стихами, и гораздо болѣе извѣстный, упомянутый уже нами (т. IX, стр. 208) романъ о любовныхъ похожденіяхъ стараго императора Сигизмунда и его канцлера Каспара Шлика (Historia amorum Euryali et Lucretiae), помѣщенный Ганомъ въ его сборникѣ, изданномъ въ 1724 г., только по неизвѣстной причинѣ не въ изящномъ оригиналѣ, а въ отвратительномъ нѣмецкомъ переводѣ. Эней Сильвій хотѣлъ сначала написать на латинскомъ языкѣ общую европейскую исторію,

задача, къ которой онъ былъ гораздо способнѣе француза де Ту, написавшаго такую исторію въ XVI столѣтіи и также отличавшагося хорошимъ латинскимъ языкомъ, потому что объѣздилъ всѣ европейскія страны, даже Шоттландію и Венгрію, въ нѣкоторыхъ былъ по нѣсколько разъ и все видѣлъ собственными глазами. Этотъ обширный планъ былъ имъ оставленъ и онъ написалъ исторію Италіи до времени, котораго былъ очевидцемъ. Эта исторія никогда не являлась подъ его именемъ и не была включена въ собраніе его сочиненій. Сто двадцать лѣтъ спустя по смерти Энея Сильвія она была издана съ именемъ его секретаря Іоанна Гобелина (Gobelini commentarii rerum memorabilium, quae Pii II temporibus contigerunt, Romae 1584) и подъ редакціей Франциска Бандини; въ 1614 г. она появилась во Франкфуртѣ съ продолженіемъ Джакопо Пикколомини и съ его письмами. Эта книга написана классически, съ достоинствомъ, безпристрастно и истинно прагматически, при чемъ Эней Сильвій не утрируетъ прагматизмомъ, какъ это встрѣчается у французовъ. То же самое можно сказать и о его исторіи гуситскихъ волненій (Historia Bohemica). Эней Сильвій былъ однимъ изъ главныхъ противниковъ гуситовъ и, не смотря на то, помѣстилъ въ своемъ сочиненіи вышеприведенное нами (т. IX, стр. 147) письмо Поджіо о мученичествѣ Гуса и Іеронима; это одно служитъ достаточнымъ доказательсвомъ, на сколько онъ стоялъ выше своего времени. Нельзя однако не пожалѣть, что Эней Сильвій впослѣдствіи, будучи государственнымъ человѣкомъ, епископомъ и наконецъ папою Піемъ II, не только отказался отъ того, что писалъ частнымъ человѣкомъ, но даже осудилъ свои сочиненія и запретилъ ихъ читать. Это относится преимущественно къ его письмамъ, имѣющимъ какъ дѣловыя письма человѣка, считаемаго императоромъ и папою за оракула, огромное значеніе для внутренней исторіи того времени. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ его писемъ, по весьма понятнымъ причинамъ, часто недостаетъ важнѣйшихъ изъ нихъ; впрочемъ бо́льшая часть ихъ напечатана. Намъ не зачѣмъ указывать здѣсь, гдѣ находятся нѣкоторыя отдѣльныя

его письма, преимущественно тѣ, которыя касаются конкордата съ Германіей; часть ихъ напримѣръ никогда еще не была напечатана и лежитъ въ рукописи въ Лоренципской библіотекѣ во Флоренціи.

Сочиненіе Энея Сильвія о базельскомъ соборѣ (Libri tres de concilio Basileensi) составляло его несчастіе въ теченіе всей жизни, какъ въ наши дни для большинства республиканцевъ, перешедшихъ къ абсолютизму, ихъ прежнія сочиненія, или какъ для какого нибудь Одильонъ Барро—его рѣчи до 1849 года, изъ которыхъ выдержки ему ежедневно приходилось читать потомъ въ газетѣ la Presse. Эней Сильвій отказался впослѣдствіи отъ всего, что въ его сочиненіяхъ могло радовать противниковъ римскаго престола или сердить духовенство, объявилъ эти мѣста богопротивными и сознался и раскаялся въ своихъ заблужденіяхъ. Но его раскаяніе не обратило протестантовъ, они нѣсколько разъ перепечатывали это сочиненіе и въ своихъ спорахъ съ папою опирались на ученаго Энея Сильвія, мастерски защищавшаго базельскій соборъ. Другое сочиненіе его „Описаніе дѣяній императора Фридриха III" (Historia rerum gestarum Friderici III), изданное въ 1685 г. Бёклеромъ и Кульписомъ, не имѣетъ большаго достоинства; причина этого заключается частью въ совершенно незначительныхъ дѣяніяхъ и ничтожномъ характерѣ Фридриха, частью въ томъ обстоятельствѣ, что авторъ, сдѣлавшись кардиналомъ, счелъ благоразумнымъ вычеркнуть многое, написанное имъ, когда онъ былъ секретаремъ императора. Чтобы видѣть разницу, нужно просмотрѣть то изданіе книги, которое помѣщено Колларомъ во 2 томѣ его Analecta omnis aevi ex manuscriptis bibliothecae Vindobonensis подъ заглавіемъ Historia Austriae). Такимъ же бѣльмомъ на глазу было впослѣдствіи для автора его сочиненіе: „Разговоръ пятерыхъ о дѣлахъ имперіи и церкви" (Pentalogus de rebus ecclesiae et imperii). Эней Сильвій выводитъ на сцену въ этомъ сочиненіи императора Фридриха, графа ди Бассано (Каспара Шлыка), себя и еще двѣ вымышленныя личности и, между прочимъ, даетъ императору и его канцлеру превосходный совѣтъ, какъ поступать противъ

итальянской политики папы, всего лучше извѣстной ему, какъ итальянцу. Онъ говоритъ: „Слѣдуетъ всегда грозить соборомъ и вообще не распускать собраннаго собора, пока онъ не назначитъ слѣдующаго, который долженъ собраться черезъ пять или десять лѣтъ. Изъ боязни такихъ соборовъ, особенно если ихъ будутъ созывать въ Германіи, папы станутъ вести себя осторожнѣе." Сочиненіе Энея Сильвія о положеніи Европы во время Фридриха III (De statu Europae sub Friderico III), находящееся вмѣстѣ съ рѣчами автора, сказанными имъ, когда онъ служилъ у Фридриха, въ собраніи писателей по нѣмецкой исторіи Струве, имѣетъ значеніе преимущественно для исторіи нѣмецкихъ нравовъ XV столѣтія. Въ немъ читатель найдетъ занимательный обзоръ положенія, нравовъ и состоянія различныхъ европейскихъ государствъ, бо̀льшую часть которыхъ Эней Сильвій видѣлъ самъ. Особенно относительно Германіи у него находятся извѣстія о нѣкоторыхъ въ высшей степени странныхъ, теперь безслѣдно исчезнувшихъ учрежденіяхъ отдѣльныхъ городовъ и земель Германіи. Мы рекомендуемъ напр. главу о Тюрингіи. Эней Сильвій составилъ еще описаніе Европы и Малой Азіи подъ заглавіемъ „Космографія." То, что онъ написалъ объ Альфонсѣ Мудромъ, (т. IX, стр. 353 и 455) по крайней мѣрѣ занимательно и умно.

Послѣ Энея Сильвія прежде другихъ мы назовемъ Петра Кандида Децембера. Сначала онъ нашелъ поддержку и покровительство у фамиліи Висконти въ Миланѣ, а по смерти Филиппа Маріи Висконти (1447 г.) дѣлалъ все, что могъ для поддержанія вновь провозглашенной въ Миланѣ республики (т. IX, стр. 364 и слѣд.). Когда городъ призналъ наконецъ своимъ властелиномъ Франциска Сфорцу, Децемберъ отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія передать ключи новому повелителю и удалился изъ Милана. Папа Николай V принялъ его радушно и далъ ему мѣсто апостолическаго секретаря (secretarius apostolicus). Кандидъ Децемберъ впослѣдствіи снова вернулся въ Миланъ, гдѣ и умеръ въ 1447 г. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ ученымъ, писавшимъ исторію своего времени на римскомъ

языкѣ, думая, что съ возстановленіемъ древняго языка они возвратятъ Италіи свободу и римскія понятія. Децемберъ написалъ жизнь Филиппа Маріи Висконти, давно напечатанную, и жизнь Франциска Сфорцы, изданную въ первый разъ только Мураторп въ XVIII столѣтіи. По нашему мнѣнію Децемберъ выбралъ себѣ неудачный образецъ изъ позднѣйшаго римскаго времени въ Светоніи, слава котораго безъ сомнѣнія была больше его заслугъ (т. IV, стр. 343); по образцу своему онъ во многихъ мѣстахъ подражалъ удачно. Подобно Светонію, Кандидъ Децемберъ часто описываетъ жизнь исторически замѣчательныхъ личностей съ той стороны, которая имѣетъ мало отношеній къ ихъ общественной дѣятельности. По этому онъ, какъ Светоній, разсказываетъ массу анекдотовъ, справедливыхъ или вымышленныхъ, но которымъ вѣрили и которые распространялись, потому что они нравились людской злости и зависти. Какъ бы то ни было, но и онъ, своею анекдотической манерой, какъ Светоній у римлянъ, герцогъ де Сенъ Симонъ у французовъ и дочь Фридриха Вильгельма I у нѣмцевъ, выставилъ одну сторону жизни своего времени, которую мы безъ него не знали бы. — Современникъ Кандида Децембера, Мерула, былъ тоже хорошимъ латинистомъ и филологомъ изъ школы Филельфа. Филельфъ и Децемберъ были долгое время большими пріятелями, но потомъ вступили между собой въ горячую полемику и стали осыпать другъ друга площадными ругательствами. Однимъ изъ главныхъ пунктовъ ихъ спора былъ вопросъ: должны ли османы называться по латини turci или turcae. Уже одно это доказываетъ, что Мерула былъ очень ученымъ филологомъ и грамматикомъ. Главныя его заслуги касаются филологіи, главные труды состояли въ объясненіи и переводѣ древнихъ писателей, а высшей цѣлью его стремленій было писать хорошимъ латинскимъ языкомъ. Послѣ этого неудивительно, что онъ написалъ древнѣйшую исторію фамиліи Висконти (Libri decem antiquitatis viccomitum Mediolanensium до 1323 года), и что эту книгу нельзя читать безъ помощи источниковъ. Заботясь о слогѣ, Мерула не только пренебрегалъ сущностью, но былъ такъ безсовѣстенъ, что произ-

вольно прибавлялъ то, чего нѣтъ въ документахъ о происхожденіи рода Висконти. Но все таки Мерулу пріятнѣе читать, чѣмъ его соотечественника Кори, писавшаго по итальянски о томъ же предметѣ; его языкъ вялъ и бѣденъ, но тѣмъ не менѣе его сочиненіе важно для историка. Сочиненіе Мерулы было переработано впослѣдствіи Тристаномъ Кальки; мы не станемъ разбирать, этого труда, потому что пишемъ не исторію литературы. Удачнѣе древнѣйшей исторіи фамиліи Висконти было другое сочиненіе Мерулы, требовавшее не изслѣдованій, а только слога. Это его латинская исторія храброй защиты Скодры венеціанцами противъ турокъ въ 1474 г. (Bellum Scodrense)—сочиненіе, исполненное краснорѣчія, имѣвшее необыкновенное вліяніе во времена Мерулы и возбуждавшее Италію къ упорной борьбѣ съ нехристіанскими варварами за христіанскую цивилизацію въ такой степени, въ какой этого никогда не могъ бы сдѣлать вѣрный историческій разсказъ. Его исторія борьбы за Скодру дѣйствовала такъ же сильно на современниковъ, какъ историческія преданія и пѣсни, служившія источникомъ для Ливія, на древнихъ римскихъ героевъ и бюллетени Бонапарте на его гвардію.

Повѣствовательной поэзіи итальянцевъ на національномъ языкѣ мы коснемся только тогда, когда будемъ говорить о XVI вѣкѣ. Здѣсь же, въ заключеніе, мы упомянемъ объ Антоніи Панормитѣ, который прославился какъ поэтъ, ораторъ и знатокъ каноническаго права. Онъ родился на островѣ Сициліи, въ городѣ Панормѣ или Палермо, училъ въ различныхъ мѣстахъ сѣверной Италіи, напр. въ Пармѣ, Піаченцѣ, Болоньѣ и Падуѣ, и наконецъ отправился въ Миланъ къ Висконти. Здѣсь онъ познакомился съ королемъ Альфонсомъ V, когда послѣдній попалъ въ плѣнъ къ Висконти (т. IX, стр. 334). Антоній Панормита вступилъ въ службу Альфонса, сдѣлался его довѣреннымъ лицомъ и, какъ превосходный ораторъ, знатокъ права и человѣкъ, мастерски владѣвшій перомъ, съ успѣхомъ выполнялъ порученія короля къ генуезцамъ, венеціанцамъ, императору Фридриху III и къ другимъ князьямъ и правительствамъ. Одаренный талантами и остроуміемъ, онъ прини-

малъ участіе во всѣхъ важныхъ событіяхъ своего времени непосредственно или косвенно чрезъ свои связи. На базельскомъ соборѣ онъ пользовался большимъ вліяніемъ, какъ защитникъ церкви противъ папы. Его письма чрезвычайно важны для внутренней исторіи XV столѣтія; только ими трудно пользоваться, потому что оба изданія, одно, появившееся въ началѣ XVI столѣтія безъ означенія года и мѣста печатанія, другое, напечатанное 1553 г. въ Венеціи, очень рѣдки. Но за то чрезвычайно распространенъ и замѣчателенъ хорошимъ изложеніемъ его сборникъ анекдотовъ о королѣ Альфонсѣ V (De dictis et factis Alphonsi). Въ этой книгѣ Антоній Панормита сгруппировалъ остроумныя изреченія, благородные поступки и прекрасныя черты характера своего друга короля. Эней Сильвій дополнилъ ея новыми анекдотами объ Альфонсѣ и подобными же разсказами о другихъ благородныхъ людяхъ. Впослѣдствіи это добавленіе (Aenae Sylvii commentarius in Antonium Panormitanum de rebus gestis Alphonsi Sapientis) было напечатано вмѣстѣ съ книгою Антонія Панормиты и съ 1538 г., когда оба сочиненія появились вмѣстѣ, они часто были издаваемы какъ занимательная для чтенія книга.

КОНЕЦЪ IX ТОМА.